Максимиліанъ Волошинъ

Максимилиан
ВОЛОШИН

Собрание сочинений

Под общей редакцией
В.П. Купченко и А.В. Лаврова
при участии Р.П. Хрулевой

Москва
Эллис Лак 2000
2008

Максимилиан

ВОЛОШИН

Собрание сочинений

Том седьмой

Книга вторая

Дневники 1891–1932

Автобиографии

Анкеты

Воспоминания

Москва
Эллис Лак 2000
2008

ББК 84(2Рос=Рус)-4
УДК 821.161.1-95
В68

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы «Культура России»

Российская академия наук
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

Составление, подготовка текста, комментарии

В.П. Купченко и *Р.П. Хрулевой*

при участии *К.М. Азадовского*,
А.В. Лаврова, *Р.Д. Тименчика*

Художник
В.Н. Сергутин

Редакционно-издательский совет:

А.М. Смирнова
(председатель, директор издательства)

В.П. Купченко

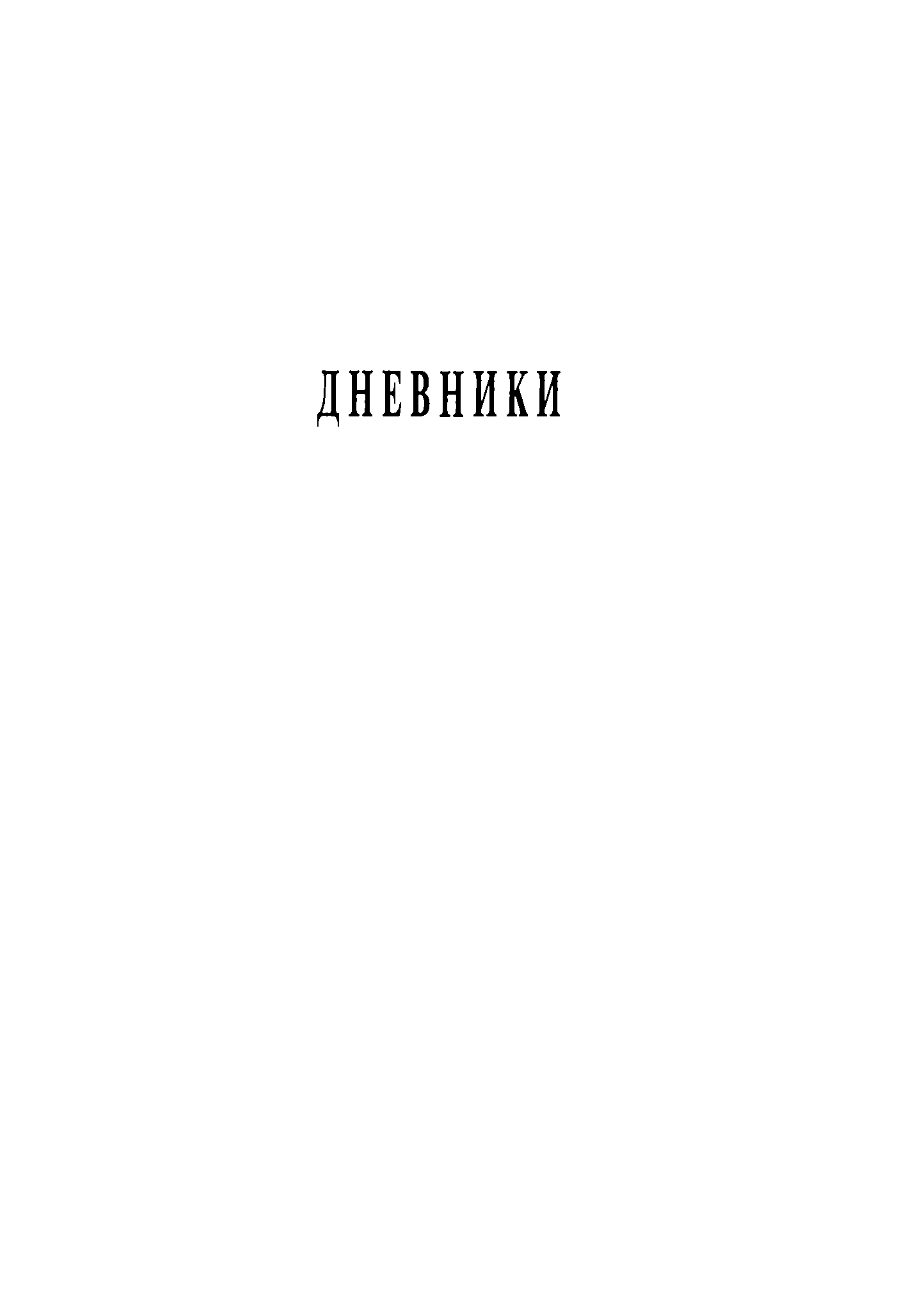
А.В. Лавров
Т.А. Горькова
В.Н. Сергутин

С.В. Федотов

Р.П. Хрулева

ISBN 978-5-902152-47-7 (т. 7, кн. 2)
ISBN 978-5-902152-05-4

© Эллис Лак 2000, 2008

ДНЕВНИКИ

ДНЕВНИК 1891 г.

24 февраля.

Сегодня воскресенье. Встал поздно. Мама и П<авел> П<авлович> утром катались верхом. После обеда пришла С<офия> П<авловна>. Они в пятницу были на свадьбе – и очень замечательной по своим приключениям. За четверть часа до того времени, как надо было ехать в церковь, у невесты нет платья. Посылают к портнихе, та отвечает, что платье уж отослано. Наконец платье приносят, невеста одета, только вдруг у нее нет чистого носового платка и перчаток, так что С<офия> П<авловна> дала ей свой платок, а перчатки она тоже достала у кого-то. Все готово, но вдруг вспоминают, что ведь должен приехать от жениха шафер с букетом и каретой для невесты, а его нет. Проходит еще несколько времени, является шафер, и все сходят садиться... только... у подъезда стоит одна карета для невесты. Гости уж собираются остаться дома, как подъезжают другие кареты и с помощью Божьей все отправляются. Обряд венчания проходит благополучно. Все возвращаются. Уже темно, только когда приехали, оказывается, что еще никто не зажигал свечей, и гостям приходится пробыть еще несколько минут в передней в совершенной темноте. И еще самое главное: жених с невестой тотчас после свадьбы намеревались отправиться в Петербург и вспоминают вдруг за ужином, что у них даже нет еще видов. Но им обещали их прислать через несколько дней.

У Софии Пав<ловны> в этот день болела очень голова, и был ячмень на глазу. У брата невесты было воспаление легких. Он во время свадьбы был еще болен. У С<офии> П<авловны> был с ним очень интересный разговор. Она

сидит в какой-то комнате, вдруг он входит. Соф<ия> П<авловна> говорит: «Здравствуйте!» – «А?» – «Что?». Тот поворачивается и уходит.

С<офия> П<авловна> была у нас около ½ часа. П<авел> П<авлович> поехал потом куда-то обедать. Мама пошла к Ляминым, а я остался один дома и делал лодку, в 9 ч<асов> лег спать.

25 февраля.

Был в гимназии. Люба просит достать билеты на бал в Земледельческую школу.

Уже скрылося солнце за горы,
Оделася мглою земля,
И на самом краю небосклона
Горит золотая заря.
И с болот поднимается белый
Туман, покрывая поля,
И [как будто] какой-то прохладой сырою
Всего окружило меня.
Лес в тумане стоит одинокий,
Не видно кругом ни души,
Лишь вдали [над] за рекою широкой
Разводят [костер] огонь рыбаки.
И все тихо, не слышно ни звука –
Как будто все вымерло вдруг,
И волною усталой [не] чуть плещет
Река о прибрежный песок.
Уж на небе погасла зарница
И взошла молодая луна,
И в реке серебром отливает
Об брег ударяясь волна.
И все яркие звезды на небе,
И лес, и огонь, и луну –
Всё река на себе отражает
И катит во мраке волну.

24 февраля 1891 года

7 марта.

Видел Варвару Николаевну в библиотеке. Туда заходил с Софией Павловной.

[Когда Эней бежал из Трои
И к Италии пристал
Он в Лациум близ устьев Тибра
В ту ночь, когда безумный грек]

М. Волошин

[Г-де Морво пришел справедливо для того, чтобы наполнить это пустое пространство. Монгольфы Карлы и Блоншары сделали первообращенных и аэростатика <?> видела рожденными каждый день новых партизанов].

Уже искали управления шарами и теории, скажем, лучше утопии этих изобретателей, не находили сочувствия ни пред какой-либо публикой, ни пред строгими мерами правительства и поэтому не получали ответа на свои просьбы. Один факт, который прошел тогда незаметно, заставил Г. де Морво предложить комитету общественной пользы пользоваться шарами, чтобы наблюдать действия неприятелей, которые нападали на наши границы и почитали себя уже хозяевами <с>траны без армии и короля.

Это было следующее:

Цезарь ....
....
И царский.......

[Прошла республики пора
И в Риме вновь один правитель]
[Как в теле лишь одна душа
Так в государстве управитель]

Ich habe gelesen, ich habe gelesen
Der Ochs ist in Hüftal genesen*

Была ужасная пора,
Когда христиан все презирали:
Пытали, мучили и гнали,
Чтоб отказались от Христа.

* Букв.: Я читал, я читал / Вол в Хюфтале поправился (*нем.*).

Одоакр

Крутою, каменной тропою,
Гористой и лесной [тропою] страною,
Под вечер, [уж как] когда встал туман,
Давно в ущелье над рекою
Повиснули громады скал
У путника над головою.
В одеждах бедных, небогатых
Наполовину и в заплатах
Какие-то шли люди там.
Но были ростом все высоки,
[Красивы, русы, чернооки, синеоки
Как было видно по брадам.]
Что впору хоть богатырям,
Красивы, сильны, чернооки.
Они к селению спешили,
Чтоб ночь им путь не преградила.
Но между тем настала мгла,
И путь они вдруг потеряли.
Ни зги не видно, ночь темна,
Во мгле же пропасти, провалы
Да лес кругом: еще темнее;
Хотя б луна – все ж б посветлее.
Вот вдруг огонь мелькнул вдали
[Там ночлег туда скорей идти]
Спешат меж пропастей по скалам
Скорей бегут, и вот пришли:
Их взорам хижина предстала.
Они скорей в нее, а там старик,
Над книгою склонившийся, сидит.
Взошли, но хижина мала.
Один из них был так высок,
Что выше был и потолка.
И упирался в потолок
[Покинув родную Германию
Оставив детей и жену
Он отправлялся в Италию

За славой [хотел<?>] [спешил на войну]
[И ст<а>рик всех ясным оком],
Оставил соху он и борону
Пошел он к великому городу.
Оставил родную Германию,
Оставил детей и жену,
Пошел за богатством в Италию,
За славой пошел на войну.
Он знал, что весь Рим раздирался
Раздорами, злобой, войной.
Он слыхал, что вон тот возвышался,
Богатым явля<л>ся домой.
Подумал немного и борону
В старом сарае сложил:
«Пускай их клюют теперь вороны».
Сам же меч и кольчугу надел
И скоро себе он товарищей
В селениях кругом понабрал,
По Альпам они все отправили<сь>
Теперь он в Пассау попал.
Старик взор на него поднял
И вдруг пророчески сказал:
«Иди в Италию ты с Богом.
Теперь одет ты плохо, беден,
Но погоди еще немного
Ты многим, многим станешь грозен.
Всем Римом, всем ты править будешь,
Но вот придет сильнейший – ты падешь
И власть и славу ты заб<у>дешь,
Безвестным [за столом] от меча умрешь».
[«Но не честно в чистом поле
От неприятеля падешь
Но коварно в стольной зале
В грудь победитель вонсит нож»]

18 марта 1891 го<да>

[Полдень, жарко как-то парит
Над прудом склонилися ивы
Как солнце среди неба лучами все жарит
Какие в воде переливы]
Чуть шепчет береза зеленым листом
Склонившись над зеленью пруда
Кубынчик цветет отражаясь на нем
Прекрасная право погода
По небу ни облачка вдаль не бежит
И чист и ясен свод лазурный
И весело с берега в воду глядит
Орешника куст изумрудный
Вдали колосится желтеяся [хлеб] рожь
[Кузнечик трещит вперегонку
Колосья согнуты от плода
Меж спелых колосьев цветет василек
И волны пойдут как пахнет ветерок
Как слаб<ы>й цветок среди поля хорош
Кой где уже видно всю рожь покосили
В снопы уж связали, в ко<п>ны положили
Под цеп уже скоро колосья пойдут]
Чуть шепчет [береза зеленым] плакучая ива листом
Склонившись над зеленью пруда
Кубынчик цвете<т> отражаясь на нем
Парит над водою прохлада
По небу ни облачка вдоль не бежит
Колосяся желтеется рожь
[Василек] [Меж спелых колосьев местами глядит]
Василек меж колосьев [*нрзб* цветет] скромно глядит
Как он среди поля хорош

Как тут стрекозы реют
Над омутом зеркальным
Кубынчики белеют
Под ивою печальной

Какая тут прохлада
Какая тишина
Высокой травою
Одеты берега

Зеленая береза
Склонилася к воде
И темный бор [печальный] угрюмый
Там виден вдалеке

[Длинная осока
Вокруг брегов растет
[Порою]Вдруг весело кузнечик
В траве треща прыгнет]

И только лишь порою
Потянет ветерок
И зыблемый волною
В воде плывет листок

Лежать в траве прекрасно
Над дремлющей рекой
И что-то тихо шепчут
Листы над головой

20 марта

Зажглись мириады полночных светил
И мир весь в тумане [и мраке] усталый почил
Стоит гробовая кругом тишина
И слышно порою как плещет волна
Развалины замка стоят на скале
Бойницы чернеют [там] там при луне
И крепкие башни как прежде стоят
И в страшную бездну с утеса глядят
Но грозного звука не слышно рогов
Не слышно военного клика бойцов
Прошли времена, как грозу наводил
И грозным величьем всех замок страшил

Тут больше не будет роскошных пиров
И служит жилищем он только для сов
Уж он не увидит военных забав
Погибнет [забытый] разрушен в пустынных горах
Но все же стоя на могучих скалах
Наводит грозою прошедшею страх
Печален, разрушен стоит [на скале] в высоте
И грозные башни видны при луне
[Валы под скалою как-будто рыдают
Прошедшее счастье его вспоминают]
И будто рыдают там волны внизу
Прошедшую вспомнив всю замка судьбу

2 апреля

[Сбиралась буря. Свинцовые тучи
Угрюмо над морем висели
И море утихло. Гранитные кручи
С угрозою в бездну глядели]

4 апреля

Когда стихи я сочиняю
Не знаю, чем [стихи] мне их начать?
Когда начну, тогда не знаю
Чем эти мне стихи кончать

10 апреля

Таю, таю я, как свечка,
[Когда я разлучен]
Когда я разлучен с тобой
[Пред иконою святой]
Краснею я всегда как печка
Когда [увижуся с тобой] бываешь ты со мной

К прекрасному душа стремится
Все хочется мне что-то написать,
Но нету сил, перо валится
И остается мне желать...

10 апреля

Вы простите конечно меня
Что мой труд посвятить Вам посмел
И поверьте мне в том, что ведь я
Оскорбить Вас совсем не хотел

10 ап<реля>

Между двух Психей
Сидит дуралей,
Между двух дур
Сидит Амур

10 апр<еля>

Вам некто дал на днях мои стихотворенья
Как Вам понравились они
Могу ли вновь мое творенье
Вам посвятивши, поднести
Ямб

Когда я раз тебя увидел
Тебя я тотчас полюбил
И все я в мире ненавидел
И для тебя одной лишь жил.

10 апр<еля>

Я таю, таю
Все желаю
Чего не знаю

10 апр<еля>

[Тройка скачет, [пыль] снег [клубится] сребрится
И ямщик поет
Вот как должен веселиться
Русский наш народ]

[Сюда испуган возмущеньем
Бежал спасаться Иоанн
Отсюда послан провиденьем
Москве грозился Кудеяр]

На зеркальной поверхности вод
[Солнце блестит бирюзой]
Отражаясь об берег высокий

Ветер песню несет
Кто-то тихо поет
Ночью лунною
Там под горою
Тихо светит луна
Тихо спят берега
И прохлады полна
Эта ночь над рекою
Ах, к тебе

12 <апреля>
на лодке во время
поездки на Вороб<ь>евы горы

Виднелись сёла вдалеке
Река играла перламутром
Рыба плескалася в воде
Всех поздравляя с светлым утром

12 апреля <нрзб>

Коль увидеть хочешь
Черные ты очи
Так взгляни на небо
Ты во мраке ночи

[Коль увидеть хочешь
Ты ее ланиты
Летом в палисадник
Розовый войди ты]
Коль услышать хочешь
Бури рокотанье
Загляни мне в сердце
Полное страданья
И услышишь громы
Перекаты бури
И увидишь небо
Небо без лазури
[И ты скажешь <*нрзб*>
Я его любила
Но уж будет поздно
Буду я в могиле]
Только улыбнись ты
Сердце все забудет
Небо прояснится
И весна наступит
И весна наступит
И все будет лето
Вот что значит радость
[Для] [Пошлому] Юному поэту

10 мая

Небеса от туч чернеют
Волны пенятся внизу
Чайки низко, низко реют
Предвещая мне грозу
И я жду желанной бури
Сердцу будто веселей
Все туман и нет лазури
Птицы носятся [живей] скорей
И она уж в отдаленье
Гром с угрозою гремит
И за вихрем новый вихрь
С силой новою летит

Заказ 3692

[Но пройдет гроза и утро
Будет светло и свежо
Так и сердцу после бури
Всегда будет хорошо
Будет как-то все легко]
Он ревет внизу в ущелье
Будто стонет там во мгле
А в лесу трещат деревья
Облака же все в огне
Море волны возвышает
С воем их несет к земле
И об скалы ударяясь
Разбиваются оне
Страшна ночь и страшна буря
Ветер бешено ревет.

2 мая

И как будто негодуя
Море все преграды рвет
Но пройдет гроза и утро
Будет светло и свежо
[Так и сердцу после бури
Будет как-то хорошо]
[Небо ярко освещает
Буря кажется как будто
Понемногу утихает]

Теперь веселися родная страна!
Врагов твоих сломлена сила
[В три дня и три ночи]
Пиратов и мавров дружина моя
[Всех мавров в куски разрубила]
Теперь уж [совсем] навек победила [изрубила]
С триумфом теперь возвращаюсь домой
Кто может сравняться во славе со мной
Так Карл Испанский друзьям говорил
С триумфом в Гранаду въезжая

[И звон с колоколен веселый гремит]
Со всех колоколен звон медный гремел
Страна веселится от края до края
[С коня он слезает и в церковь идет]
[С коня он слезает и в дворец свой]
[Пред ним расступаются все]
И в церковь идет он поспешной стопой
И падает ниц пред иконой святой
[И молит он Бога чтоб эта страна
Правленьем его процветала
Чтоб мудрость и сила была бы дана
Чтоб Карлова мавры страшились меча
И бедных чтоб меньше бы было
И Карл из церкви на площадь идет
И видит <*нрзб*> толпится народ
И слышит, что кто-то уныло поет
И Карл придворных своих вопросил
Кто там поет так уныло
Не хочется мне, чтобы кто-то грустил
Когда [мне] всем так весело было]

5 мая

5 мая.

Я был на французской выставке с мамой, встретили Ляминых. Картины: Дон Жуан и Харон, Звуки, Утопленники.

Окончив молитву он радост<н>ый встал
Но вдруг чье-то пенье вдали у<с>лыхал
Казалось те звуки не к небу летели
Но падали наземь слезами
Так стонет лишь сер<д>це в печали
И Карл задумчив на площадь идет
С смущеньем пред ним расступился народ
И Карл под аркой в тени увидал
Слепцов двое нищих сидели
Что будет? Со страхом народ ожидал
А звуки рыдая летели:
(Следует Испанская песня)

[В зелень рядится
С [дальнего юга] юга на север
Летят вереницей
Птица за птицей
[На север грачи]
К нам журавли]

[Белеет неба полоса
И с позлащенными краями
Несутся к югу облака
Скрываясь за лесами
Покрыто поле пеленою
Тумана белого кругом
Трава покрыта вся росою
Идут мальчишки с табуном]

6 мая

Если б знали вы
Как страдаю я
Полюбили бы
Вы сейчас меня

6 мая

Смеешься ты, а я страдаю
И глаз с тебя я не свожу
Чего хочу, того не знаю
И как помешанный хожу

6 мая

Хотелось бы мне
Иметь крылья орла
И с тобой улететь
Поскорее туда, —
Туда куда нету дороги
Ту увидеть страну
Что чудес вся полна
Где на озере ночью
Сверкает волна

Где все счастьем и радостью [полно] дышит
Где [сверкают красой] стоят в красоте
Выси горны<х> цепей
А внизу подо мной
Гладь безбрежных степей
Изумрудом зеленым [сверкает] блистает
И где пышные розы
В долинах цветут
[Кругом аромат разливая]
И где птицы так звонко
Прекрасно поют
Заливаясь в безмолвии ночи.
Где так светит луна
Мне б хотелось туда
С тобою мой друг
Улететь навсегда
И счастием там наслаждаться.

8 мая

[НА СМЕРТЬ НАДСОНА]

Он жил, но жизнь ему была не в радость
С младых уж лет ее узнал он тягость
[Не кончив песни умер он
И кажется звучит еще
Ее аккорд последний
Теряясь в отдалении]
С младых уж лет он с музой породнился
Ее [ею он] любил и ею веселился
И рано смерть безжалостной косою
Его сразила под собою
И песни не допел он всей
Лежит в могиле он своей
[И еще] И кажется еще аккорд ее последний
Еще звучит теряясь в отдалении.

10 мая

[Грустно! Листья осыпаются
По ветру летят
И стоит осиротелый
Весь мой бедный сад
Солнце ярко блещет
Но холодный день]

ИСПАНСКАЯ ПЕСНЯ

Хуана! Хуана, что каждое утро
На гору ты плача выходишь
Стоишь на утесе и вдаль на дорогу
С слезами отчаянья смотришь
А ночью запершись ты дома тоскуешь
И бедный очаг не горит
Хуана! Хуана! зачем ты так плачешь
Зачем ты во мраке сидишь
[Я на солнце смотрю как заходит и всходит
По солнцу Хуа<на>
Хуана! Хуана! По солнцу не <*нрзб*>
Кто ушел от тебя по пустынной дороге
И кого ты все так ожидаешь
Ах! как же не плакать
Мне как не страдать
Ах! но что же мне делать и как не страдать
Когда мне так грус<т>но и жалко
Царь сына велел моего заковать]
Кого, о Хуана! по этой дороге
Из дальнего края ты ждешь
Зачем же на гору ты каждое утро
Рыдая и плача, идешь?
Ах! как же не плакать. Невольные слезы
Рекой так льются из глаз
О бедный мой Хозе! О бедный мой Хозе
Увижу ль тебя еще раз
Ах! Жестокий король его в латы одел
Тяжелый дал меч ему в руки
И бедный очаг мой с тех пор опустел
Ах! где он? Далеко! Далеко!
Хуана! Хуана! как? ты не слыхала?

Король наш неверных разбил
И кровью [неверных] горячей арабов и мавров
Пустыни пески напоил
Ах! но, что мне за дело до разных побед
Быть может мой Хозе уж умер
И на этих песках он [бессильно] уж мертвый лежит
И ворон клюет ему очи
Ах! разве победы вернут его к жизни
Рассеют ли горе мое?
О бедный мой Хозе! О бедный мой Хозе
Увижу ль тебя я еще?
О Хозе мой Хозе! зачем тебя нет тут
Зачем ты ушел от меня
Умру я в слезах об тебе вспоминая
Всем сер<д>цем, [и духом] душою любя
Зачем же о Хозе меня в миг разлуки
Твоим ты мечом не убил

[*11 ма*<я>]

Тогда б не терпела я все эти муки
Какие терплю я теперь
Да будет же проклят король наш жестокий
За то что он сына [отнял] убил
И крови за то, что пролил он потоки
И радости бедных лишил
[Хуана! Хуана! тот час не далек уж
Когда ты умрешь вся в слезах [вся]
Умрет и король. Ты с ним вместе предстанешь
Обоих рассудит вас Бог
И Он тебе скажет. Скажи мне Хуана
Что ты можешь сказать про него
И ты ему скажешь все то, что сейчас ты]

[По распятии Спасителя
Проповедуя любовь
Шли апостолы учители
Проливая свою кровь
И жестокие мучители]

[Про жестокость сказала его
И [Он] Бог тебя спросит: «Чего же ты хочешь
И как мне его наказать
Ты скажешь что сильному милости просишь
Готова прощение дать
Он в силе Хуана слабее ведь нас
Он в счастии очень несча<с>тен
[Могучему словом прощение дашь]
Его именем станут друг друга пугать
Но тебе ж и теперь не будет он страшен]

[По распятии Спасителя
Проповедуя любовь
Шли апостолы учители
Проливая свою кровь]

11 мая

СОКРАТ

Хоть истинной не знал Сократ дороги
Но уж Христа он почитал
Не Зевса, но иного Бога
Он Совесть божеством считал
Всегда в его нравоучении
Видна и вера и любовь
Но пал он жертвой подозренья
[За истину проливши кровь]
Слепой ненависти врагов.

16 мая

УТРО

Белеет неба полоса
И с позлащенными краями
Несутся к югу облака
Скрываясь за лесами
Покрыто поле пеленою
Тумана белого кругом
И возвращаясь из ночного
Идут мальчишки с табуном.

[Бессилен мой язык
Перо мое ничтожно
И передать ее красу
Совсем мне невозможно]

[О взгляни же дорогая
Ты хоть раз лишь на меня
Страстью пламенно сгораю
И люблю тебя]

[Поэзия тебе любезна
Приятна, сладостна, полезна
Как летом сладкий лимонад
Державин]

<Вторая половина мая>

Когда сижу я над обрывом
[В] И в даль туманную гляжу
И вижу подо мной внизу
На север речка убегает
И меж зеленых берегов
Волной на солнышке играет
Когда весь мир от жару дремлет
Трещат кузнечики в траве
Тогда с небес нисходит к мне
Святое вдохновение
<Конец мая>

Позвольте мне одно сказанье
Вам не докучив рассказать
[И вы] Надеюся мое желанье
Не станете опровергать
Я вами только вдохновляюсь
Пишу я только лишь для вас
Как будто духом обновляюсь
Когда увижу вас хоть раз.
Зачем люблю? Зачем страдаю
Ведь вы не любите меня
О Боже! Боже! Умираю
Но умираю я любя

[В цветущей зеленью стране
Гласит старинное преданье]
На свете где-то есть страна
[Старинное преданье так гласит]
Преданье старины гласит
Полдневным солнцем спалена
В ней также озеро лежит
И странно ни одна волна
По озеру [тому] не пробежит
Как будто все заснуло в ней
Леса, вода, песок, гранит,
И меж заснувших тополей
Старинный замок там стоит.
И на запорах у дверей
Замок огромнейший висит
[Но кем же заперт замок тот
Зачем все спит и зверь и птица
Зачем природа вся заснула
Зачем вся жизнь тут заснула
Но кто ж]
[В ней нет ни птиц и ни зверей
Все вымерло застыло]
Дорога к замку заросла
[Зеленою травою]
Густым терновником, травой
Людская уж давно нога
Ее не мяла под собой.
[И никогда <*нрзб*> ветерка
Не колыхался порой]
Уж много лет тому [назад] прошло
Как эта мертвая страна
Была обильна [хороша] и сильна
И все вокруг нее цвело
И все там было хорошо.
[Богатствами была полна]
[Огнем] Трудом и жизнию полна.
Ей правил рыцарь молодой
Он был со всеми справедлив
Красивый, сильный удалой <?>
Всегда был весел и счастлив

[Был кажется] совсем счастлив
[Довольно вспыльчивый порой
Был славою он горделив]
Как будто девушка порой
Совсем сконфужен и стыдлив
Он девушку одну любил
Хотел жениться он на ней
Но рок ему не так судил.
Один волшебник чудодей
[В пруду невесту утопил]
Его за счастье не любил –
[Ему жестоко отомстил
И в том пруду меж тополей
Невесту ночью утопил]
А на страну он сон наслал
Но в этом не совсем успел.
И рыцарь всяку ночь вставал
И ночью в замке пир гремел
И замок ночью оживал
А кто-то на пруду там пел.
[С утеса в озеро глядел
И ночью на поверхность вод]
Из замка рыцарь выходил
И все свою невесту звал
Но час урочный проходил
И вновь весь замок засыпал.
[Преданье то народ хранил
Его в стихах я рассказал]

20 мая

[Мне чудилось: пропали стены
И был я сам перенесен.
Не знаю я, то был ли сон
Иль нет я не могу сказать наверно
Я видел море. Три страны
Чуть-чуть виднелись вдалеке
А сам летел я в высоте
Но все предметы были мне видны
Египет видел. Пирамиды

Уж сотни лет недвижимо стоят
И с них таинственно глядят
Узорные и<е>роглифы
В другую сторону взглянул
И Грецию увидел]

В АЛЬБОМ Л.Л.

[Низойди, о вдохновенье
Ты сегодня на меня.
Слушай, Люба, мое пенье
Я пою лишь для тебя
Хорошо ли посвященье
Похвалишь ли ты меня?]

21 мая

[Маруся! Маня! Марья! Маша!
Пожалуйста дай мне ответ.
Нет, поздно спета песня наша
Теперь решит все пистолет
И ты скажешь после
Я его любила
Но уж будет поздно
Буду я в могиле]

[Что я люблю, в том нет сомненья
Но вы не любите меня
Что делать мне! Мне нет спасенья
И просто застрелюся я.]

[Туманит зренье
Мне любовь
И [это] ваше пенье
Волнует кровь]

[Отчайных несколько [куплетов] стихотворений
Тебе я Виля написал
И эти все произведенья
Я при свидании отдам]

Стихи просятся наружу
Вылетают окрыленны
Легкой рифмой. Я природу
Воспеваю восхищенный

1 июня
вечер Троекур<ово>

Хуана! Хуана! тот час недалек уж
Когда ты в слезах вся умрешь
Умрет и король ты с ним вместе предстанешь
Пред Божий высокий престол
Смерть равняет Хуана! богатых и бедных
В могиле один им удел
На небе у Бога различий не знают

Оглавление I-го тома

x 1) Стихи просятся наружу...
x 2) Наступление ночи -- --
x 3) Как тут стрекозы реют +
x 4) Развалины замка - -
x 5) Когда стихи я сочиняю...
x 6) К прекрасному душа стр<емится>...
x 7) Вы простите конечно меня...
x 8) Вам некто дал...
9) Когда я раз тебя увидел...
x 10) Песня
x 11) Позвольте мне...
x 12) Спящее царство - - -
x 13) В альбом Л.Л.
14) Коль увидеть хочешь +
15) Буря - -
16) Неокон<ченная> баллада -
17) Если б знала ты...
18) Смеешься ты, а я страдаю...
19) Желание
20) На смерть Надсона

21) Испанская песня - - -
22) Сократ -
23) Когда сижу -
24) Весна - -

<Начало июня?>

Мне снилось три страны
Вкруг моря облегают
И моря вечного валы
Брега их омывают
Египет старый меж песков
Верхушки грозных пирамид

Звезда бледнеет за звездой
Уходит месяц с небосклона
[Трава] Покрыты [вся] белою росой
И лес и поле и дорога
И первый луч уж на реке
В волнах блистает и играет
Вот потянул и ветерок
Тростник колеблется трепещет
В пруду качается челнок
Волна о берег плещет
И первый луч уже на речке
В волнах купаяся, играет
И как то холодно все мне
Проснулось все, все оживает

КИЕВ

Тут Русь родная родилась
Татар тут сила разразилась
Отсюда кротости ученье разлилось
По всей Руси распостранилось

Носилася чайка над морем
И в бездну морс<к>ую ныряла
Зачем я не птица так думал я с горем

[У берега сидя бывало]
И сердце так воли желало
Ах! если б мне крылья, тогда б улетел
Я в небо высоко, высоко
Но видно таков уже смертных удел
[Час смерти уже недалеко]
Закон всемогущего рока

[Город грязный и вонючий
И город плутов и купцов
Где найдешь ты столько пыли
Столько грязных кабаков
Столько грязных куч навозных
Сколько вони на дворах
Сколько полицейских грозных
Спящих с трубкою в зубах
Сколько нищих тут нахальных
Сколько разных дураков
Сколько лавеласов ....льных
Таких мало г<о>родов
Увеселительных мест]

[Куда ни глянь
Деревья тощи
Какая дрянь
Все эти рощи]
[Куда ни взглянь деревья тощи
Повсюду виден сор
Какая дрянь все эти рощи
И вообще какой все вздор]

Не знаю я что значит скука
Да можно лето<м> ли скучать

ВЕСЕН<НИЙ> ВЕЧЕР В СТЕПИ

[Все [будто] как-то притихло <*нрзб*>]
Травою покрыто [свежею] зеленой
Безбрежное море степей

Ковыль будто волны колышет
Становится запад алей

По небу заря разливается
Последний луч солнца блестит
И к северу с юга далекого
Журавлей вереница летит

<12 июня>

[Вот скала! Тут был Дианы
Вечно юной храм
А теперь одни чинары
Видны по скалам
А внизу сердито плещет
Об берег волна]
Вот скала! тут был Дианы
Вечно юной храм,
[а теперь одни чинар<ы>]
А теперь одни чинары
Видны по скалам
И внизу сердито воет
Плещется волна
И тогда уже быть может
Выла так она
И тогда на этом камне
Ифигения сидела
С грустью странной и слезами
В край родной глядела

И нищий умолк! Все в безмолвьи стоят
Со страхом грозы ожидают
[Гитар лишь унылые звуки летят]
Спокойны одни лишь слепые сидят
И царского гнева не знают
Нищий другой вдруг с гитарою встал
Казалось орел в поднебесьи стонал:
Хуана! Хуана! Тот час не далек уж

Когда ты в слезах вся умрешь
Умрет и король. Ты с ним вместе
Предстанешь пред Божий великий престол

Конечно это не Кавказ;
Не Крым; не Альп вершины
Но этот вид мой любит глаз
Синеющую даль, зеленую равнину
И эту речку под ногами
Между зеленых берегов
Не правда ль? Посудите сами
Ну разве вид сей не хорош

Не правда ль райский уголок
Кругом леса, [поля] леса
Шумящий под горой поток
И солнца переливы?

Оно хотя патриархально
Но однако либерально

12 июля

[Мир заснул. Взошла луна
И на синем небосклоне]

[Окончив курс своей науки
Надел я клетчатые брюки
Пиджак и шапку набекрень
Пошел гулять себе от скуки
И встретил девицу в разлуке
И с ней гулял весь день]

МОД<ЕСТУ> САКУЛИНУ

Я вновь то место посетил
И те увидел небеса
И те дремучие леса
В которых я с тобой бродил

Заказ 3692

Я вновь увидел этот пруд
И парк и лодку и луга
Какая чудная страна!
Как было весело нам тут
Мне было только жалко там
Что нет тебя со мной
А то полазил бы с тобой
По дебрям разным и лесам
Да жалко [что ты не приехал] жалко
[О Риме и] О Тебе
В деревне спрашивали все

20 июля

[Зарделся] восток
Зарей золотою
Зашумел лесок
[Склоняясь над] Вдали за рекой
Поползли облачка

РУСАЛКИ

Когда широкой тенью
Покроет ночь весь лес
Тогда под темной сенью
Там счета нет чудес
Смотрите над рекою
Свет тихий льет луна
Сверкает полосою
От месяца вода
[Но что же там затишье
Какие голоса
Я полон нетерпеньем
Мне хочется туда
Нет лучше удержися
И не спеши туда
Русалок берегися
Они убьют тебя
Смотри вон они сами

Несутся над рекой
Купаются, ныряют
Играют меж собой
Тела их из тумана
[Сердца их] Объятья холодны
Смотри как сквозь их тело
Сквозят лучи луны
Да много ночью темной
Свершается чудес
И лучше в час полночный
Не отправляйся в лес
Все водят хороводы
И царь их Водяной
[Вприсядку под]]
И [блеклой <?>] белой пеленою
С болот [серебристый] встает туман
Клубится над [тихой] рекою
Летает [по сонным] полям
При месяца сиянье
Мне кажется видны
Как будто очертанья...
Иль то мечты одни?
Нет! нет! нет! смотрите
Над гладью сонных вод
Несется вереницей
Русалок хоровод
Они все так прекрасны
Они к себе зовут
Но ласки их опасны
Они людей убьют
Тела их из тумана
Объятья холодны
Смотрите сквозь их тело
Сквозят лучи луны
Смотрите как играют
Они там над рекой
Купаются, ныряют
Смеются меж собой

Но вот они вдруг скрылись
Одна луна блестит
Мечты иль нет то были
Ничто не говорит
И снова мир [туманный]
Спокойно [сном объят] тихо спит
И только в роще темной
Одна сова кричит

20 июля

УКРАЙНА

Тополей аллеи
Тихий свет луны
Что может быть милее
Этой стороны
Иль песня бандуриста
Среди ее сте<пей?>

УТРО

Потянул ветерок
По осоке шурша
Заалелся восток
Разгорелась заря
Понеслись облака
Из-за леса гурьбой
Заблестел на кресте
Солнца луч золотой
Зазвонили в [церкви] вдали
Люди в церковь идут
Все проснулось кругом
Птицы песни поют
В голубой вышине заливаются

4 авг<уста>

МОД<ЕСТУ> САКУЛИНУ

Не чужд поэзии и ты
О друг мой дорогой
Позволь же мне мои мечты
Делить всегда с тобой
Ты любишь так же как и я
Леса, зеленые поля
Или езду [верхом] в карьер на воле
На скакуне в широком поле
Немного встав на стременах
В руках рогатку приподняв

6 авг<уста>

Ты пела, я слушал и тихо листы
Шелестели у нас над главами
И шла меж деревьев задумчиво ты
Шуршала трава под ногами
Мне было так сладко, приятно и мы
Но это ведь было меж нами
Прошло то мгновенье. Тот сладостный миг
Над нами пронесся мечтою
Сижу я один, головою поник
Зачем ты теперь не со мною

11 <августа>

ОСЕНЬ

Промчалось веселое лето
Настали осенние дни
Как грустно и тяжко поэту
Когда наступают они
Как грустно лесною тропою
Идти между голых дерев
Шуршат лишь листы под ногою
Упали они пожелтев
Кисти рябин покраснели

Меж желтых листочков висят
Одни только сосны и ели
В зеленом уборе стоят
Как грустно сидеть над рекою
Она холодна и тиха
И ветер несет над водою
Пожелтевшие листья кружа
Как грустно идут вереницей
Печальные, серые дни
И медленно птица за птицей
К югу летят журавли

20 авг<уста>

Смерть пришла, и песня спета
Мира сломано сложенье
К небесам душа поэта
Оставляя мир летит
Песни чудные пропали
Будто семя без плода
Прогремели прозвучали
Будто вешняя вода
И печальный прах поэта
Тихо спит в глуши лесной
Позабытый целым светом
Не оплаканный слезой
Воспевая в песнях Бога
Он на свете всех любил
Но ненавистью и злобой
Свет ему за то платил
Разорвав оковы тела
Зла не выдер<ж>ав душа
Прямо к Богу полетела
В голубые небеса
[И чего она на свете
Не видала никогда
За [земную] страданья жизнь на небе
Награждение нашла]
И чего она искала

На земле и не нашла
То на небе увидала
И в сиянии пропала
Лучезарном Божества

1 сент<ября>

[Вперед ребята за свободу!]

На свете где-то есть страна
Преданье старины гласит
Пол<д>невным солнцем спалена
В ней все – песок, кремень, гранит
Заключено меж черных скал
В ней также озеро лежит
[По той воде хрустальн<ой?>]
И странно, что не пробежит
В нем по воде минутный вал
И отражаяся в воде
Над самым озером стоит
Огромный замок – он весь <в тени?>
И только видно кое-где
Как плющ сухой с него висит
[И тихо, все вокруг: все спит]
В бойницы черные глядят
С угрозой пушки и врага
К себе они все ждут всегда
Но жизни нет. И даже ветерок
Засохший плющевый листок
Со кровли замка не снесет
Дорога к замку заросла
Густым тер<новником> травою
И тут казалось человек
Давно уж не был; целый век
[Дорога заросла травою]
Ее не мял своей ногою.
[Но и она]
Из рода в род идет о нем
Одно ужасное преданье

[И старец внукам в назиданье
Сидя и греясь пред огнем]
И старец сидя пред огнем
Его рассказывает внукам в назиданье
[Его то я тебе читатель <?>
Хочу сегодня рассказать
Давно, давно, давно то было время
Когда в стране той не цвело]
Давно то время миновалось
Когда в стране той все цвело
Ходило пело наслаждалось
Всем: словом, было хорошо
Ей правил старый граф
Об имени его, [на<м> ниче<го>]
Нам ничего не говорит старин<ное> преданье
Один лишь сын был только у него
Он все употребил свое старанье
Чтоб сын был храбр и умен
И оправдал его желань<е> он,
Когда отец убит был на войне
В бою неравном. Тот вполне
Свое исполнил назначенье
Возвел на царство и в движенье
Привел забыты<е> дела
Казалось воля Провиденья
Его стезей сей повела
[Он облегчил страдания народа
Он новые построил города]
И мудростью его правленья
Страна богатая цвела
Но где-то есть определенье рока
Оно висело и над ним
Один старик [пришедший с дальнего востока]
пришедший издалека
Слуга Великого Пророка
К нему враждою был томим
В далеких дебрях Индостана
Он черной магии учился
И наконец сюда он возвратился

Могучим [страшным] сильным колдуном
И слухи страшные о нем
В стране носились
И просто графу отомстить
Ему казалось мало
Ну если бы убить
То сделать может всякий человек
Не для того же я учился целый век
Нет я хочу чтоб сильно ты страдал
И никогда не умирал

12 сен<тября>

[Нету сил. Перо валится
Я писать уж не могу
[И лампада чуть теплится
Пред иконою в углу]
Все в глазах моих мутится
И меня клонит ко сну
[Мысли путаются]]

Недвижно на голом утесе сижу я
И в даль голубую гляжу
И вижу как волны одна за другой [негодуя]
[Шумят и] Об черные скалы дробятся [там волны] внизу
Жемчужные брызги взлетают высоко
При солнечном блеске горят
[А там в поднебесье высоко, высоко
И видно над море<м>]

12 сен<тября>

И звуки прибоя далеко, далеко
Туда в поднебесье летят

[Прохладные воды одна за другою
Холодные волны несут
Как будто бы горы <*нрзб*>
И злобы и гнева и ужаса полны

На черные скалы ползут
Но это не новость для темных утесов
Выдерживать натиск волны
И им ли бояться могучим <*нрзб*> [утесам]
Того что уж видели сонмы <?> веков
[Валы за валами дробятся об скалы]
Вон белые чайки над морем летают

<Сентябрь>

Прими сей дар смиренный
От друга твоего
[Тебе всегда мой милый
Напомнит он его]
В знак памяти священной
Я шлю тебе его

И нищий умолк. Все в безмолвьи стоят
Со страхом грозы ожидают
Одни лишь слепые спокойно сидят
О всем происшедшем не знают.
У Карла же тени сошлись на челе
И думают все: Ох, бывать уж грозе

Осень. Гроздья винограда
Уж поспели и висят
И к себе сквозь зелень сада

Сбор веселый винограда
Все увенчаны цветами
Девы, юноши толпами
Собрались под сенью сада
Говор, песни, смех, веселье
Гроздий полные корзины
Свежей юности похмелье
[Струнный говор] Тихий рокот мандолины
Птиц веселых щебетанье

Что ты [голову склонила] глазки опустила
Черноглазая овечка

Что ты смотришь так уныло
Что не вымолвишь словечка

Любви не знаю
    Увы!
И не страдаю
    Как ты!

Мечтатель безумный
С младенческих лет
Природу любить научился
В мечтаньях и думах
Я бедный поэт

Слёзы душат меня
Не дают мне вздохнуть
И тревожно моя
Подымается грудь
Тихо в хате в ночи
Чуть сверчок лишь трещит
Ну проклятый молчи
Без тебя все болит
Сяду ль я [под] у окна
Сердце щемит [болит] мое
[Вспоминаю его]
Будто обруч тоска
[Только хуже вредит]
Грустно мне без него
[Тихо дышет дитя
Тихо светит луна
Я всю ночь у окна
Бог знает куда уносился
Как-то буду одна
Без него-то я жить]
Грусть меня все томит
Я дышать не могу
Чуть лампада горит
Пред иконой в углу

Что ты глазки опустила
Черноглазая овечка
Что ты смотришь так уныло
Что не вымолвишь словечка
Или может полюбила
Ты кого-нибудь другого
Что ты вдруг вся покраснела
Я не сделаю дурного
Хоть одно скажи словечко
Перестань меня томить
И тебя мое сердечко
Буду я всегда любить

Вот тебе твоя Овечка:
Отшлифована вполне
Как прочтешь ее.
Словечко напиши скорее мне

Я [страд<аю>] рыдаю молюсь
Говорить не могу
И не знаю дождусь
Когда-либо его
Как-то буду одна
Без него-то я жить
Чаша горя полна
Успевай только пить

Тебя пою поэт великий
Не бысть такою же ответ <?>
Твои стихи, твой пламень дикий
А Симолон <?> не человек

<ДНЕВНИК 1891-1892>

Расписание уроков IV пар<аллельного класса>

Понедельн<ик>	**Вторник**	**Среда**
Греческий	Латинск<ий>	Греческий
Латинс<кий>	Немецкий	Латинск<ий>
Зак<он> Бож<ий>	Гимнаст<ика>	Русский яз<ык>
Немецк<ий>	Русский яз<ык>	Математ<ика>
Матем<атика>	География	Гимнаст<ика>
5 уроков конч<аются> в 1 ½ часа	Французс<кий>	Зак<он> Бож<ий>
	6 уроков кон<чаются> в 2 ½ часа	6 уроков кон<чаются> в 2 ½ часа
Четверг	**Пятница**	**Суббота**
Латинс<кий>	История	Математ<ика>
Немецкий	Латинс<кий>	Француз<ский>
Греческий	Русский яз<ык>	Греческий
Гимнаст<ика>	Греческий	История
Француз<ский>		Гимнаст<ика>
Матем<атика>		Географ<ия>
6 уроков кон<чаются> в 2 ½ часа	4 урока кон<чаются> в 12 ½ часа	6 уроков кон<чаются> в 2 ½ часа

Алфав<итный> список товарищей IV класса.

Год обуч<ения>	Фамилии	Какой учен<ик>
1. 1	Богородский	26
2. 2	Брычев	8
3. 1	Вейншток Илья	27
4. 2	Высоцкий Сергей	16
5. 1	Герике Евгений	
6. 2	Гирш Николай	
7. 1	Давыдов Николай	
8. 1	Декапольский Конст<антин>	
9. 1	Кириенко-Волош<ин>	23
10. 1	Козьменко Алексей	22
11. 1	Корбе Василий	6
12. 2	Короленко Вячеслав	2
13. 1	Лузин.	10
14. 2	Макаров Владим<ир>	
15. 2	Мацнев Федор	
16. 1	Михайлов Алекс.	
17. 1	Недошивин Владимир	15
18. 2	Павильонов Сергей	5
19. 1	Панков Сергей	1
20. 1	Петров Михаил	12
21. 1	Полетаев Сергей	
22. 1	Попов Сергей	3
23. 1	Риго Адриан	33
24. 1	Романов Всеволод	28
25. 1	Румянцев Алексан<др>	
26. 1	Румянцев Владим<ир>	13
27. 1	Сабанин Николай	9
28. 2	Саблин Борис	
29. 1	Смирнов Виктор	
30. 2	Соколов Владимир	
31. 1	Струпов Констан<тин>	15
32. 1	Фетисов Алекс.	30
33. 1	Эффенбах Мих<аил>	29
34. 2	Юрьевский Иван	
35. 1	Захлыстов Мих<аил>	

Список учебных книг.

1. Катехизис Филарета
2. Ц<ерковно> Слав<янская> грамматика Буслаева
3. Рус<ская> хрестоматия Галахова
4. Лат<инская> грамматика Зейферта
5. Commen Caesaris Адольфа
6. Примеч<ания> к Цезарю Адольфа
7. Л<атинско->Русский словарь Шульца
8. Книга упражнений III и IV Симоновича
9. Греч<еская> грамматика Кэш <?>
10. Книга упражн<ений> (хрестом<атия>) Черного
11. Словарь к хрестоматии Черного
12. Алгебра Полякова
13. Алгебра <Н.> Давыдова
14. Геометрия <Н.> Давыдова
15. Задачник Бычкова
16. Древняя ист<ория для> стар<шего> возраст<а> Иловайского
17. Историч<еский> атлас Роде
18. География России Баранова и Горел<ова>
19. Атлас Линберга
20. Атлас Ильина
21. Нем<ецкая> книга упражн<ений> Штейнгауера
22. Немец<кая> грамматика Кейзера.

Записная книга на 1891–1892 учебный год.

1 Нед. 1–3 Августа 1891.

1 Чт. Приехал на 33 версту с Сашей. Дорога гадкая и грязная до невозможности. Ехали страшно тихо. В Одинцове видал Инспектора. Здоровался.

2 Нед. 4–10 Августа 1891.

4 Вс. Мои именины. Лелино рождение. Были Петр Пет<рович>, Мама, бабушка, дядя Сережа. Ждал Модеста. Он не приехал. Петр Пет<рович> совсем болен. Бабушка осталась ночевать.

5 Пн. Встал в 4 ч. утра и пошел за грибами для бабушки. Грибов масса. Провожал бабушку на платформу.

7 Ср. Приезжала мама. Ходил в лес за грибами.

8 Чт. Я ходил с Сашей в Уборы через Четвертинское, назад шли через Дарьино. Видели Павликовс<к>ого. Купался в Москве-реке.

3 Нед. 11–17 Августа 1891.

11 Вс. Был дождь, сидел дома.

12 Пн. Ходил отыскивать дорогу в Чегасово, плутал часа 4 в Назарьевском лесу. Попал по ошибке в Хлюбино, оттуда в Чегасово, из Чегасова нашел дорогу на Назарьево.

13 Вт. Я, Леля, Люба и Сашутка пошли гулять. Я их повел на Чегасово, затем уговорил идти в Сальково, а оттуда в Поречье (в 2 вер<стах> от Звенигорода), а домой мы отправились через Иславское и там наняли телегу, приехали в 11 часов ночи. Леля боялась. Хорошо, что Соня не ходила.

14 Ср. Сидел весь день дома

15 Чт. **Успение Пресвятой Богородицы.**

Приехал от Ляминых домой поздно вечером. Воз<в>ращался ночью один со станции. Утром играл в последний раз в крокет с Соней. Просили меня приходить к ним в Москве.

16 Пт. Приехал к бабушке. На молебне не был.

17 Сб. Был в первый раз в гимназии. Занятий не было. Ходил за «Нивой» и за II-ым томом Лермонтова.

4 Нед. 18–24 Августа 1891.

18 Вс. Был с бабушкой в Нескучном <саду>. Ехали по конке. Читал Лермонтова. Было очень скучно.

19 Пн. Был в гимназии. Зволинскому завтра назначена 3<-я> греческая переэкзаменовка. Без меня была мама. Послезавтра иду домой.

20 Вт. Зволинского выгнали. Уроков не задали. Покупал сегодня книги. Получил этот календарь. Была Леля. Я ее провожал, зашел к ней минут на 20.

21 Ср. Сегодня от бабушки переехал домой. Надо будет купить еще Комментарий Цезаря (Адольфа) и словарь Шульца. Зволинскому назначена пятая переэкзаменовка. Взял моего Корнелия Непота.

22 Чт. У меня был в первый раз репетитор. Недошивин просил нарисовать сетку. Покупал Цезаря. Получил календарь у Вольфа. «Таинс<твенный> Остров».

23 Пт. Был Голицын.

24 Сб. Отдал словарь и атлас в переплет.

5 Нед. 25–31 Августа 1891.

25 Вс. Отдал Гоголя в переплет. Был у Модеста на новой квартире. У него в среду экзамен. Вечером был на выставке.

29 Чт. **Усекн<овение> гл<авы> св. Иоанна Предт<ечи>**. Утром был Модест. Был у Ляминых. Модест выдержал экзамен на 5.

8 Нед. 15–21 Сентября 1891.

17 Вт. Сегодня умер Гончаров. Был у бабушки.

21 Сб. Написал оду на Сабанина, которая разошлась сейчас по классу. Сабанин злится, а я очень рад. Не все же ему к другим приставать: попробуй-ка на себе.

9 Нед. 22–28 Сентября 1891

23 Пн. Я дал читать Давыдову мои стихотворения. Он просил.

24 Вт. Давыдов поэт! Никак не ожидал! Чудеса. Стихи пишет очень хорошие. Вот никак не предполагал! А он еще все прежде надо мной смеялся!

26 Чт. **Св. Иоанна Богослова.** Ждал Зволинского, не пришел.

10 Нед. 29 Сентября – 5 Октября 1891.

30 Пн. Зволинский явился в гимназию.

2 Ср. Лежу в постели болен. Скучно. Читать нельзя.

3–5 Болен был.

11 Нед. 6–12 Октября 1891.

6 Вс. Готовил уроки к понедельнику, вдруг является Зволинский. Я его никак не ожидал. Пришел довольно некстати. Слава Богу скоро ушел. Я в нем совсем разочаровался. Лучше бы нам было переписываться, как прежде было. А теперь плохо.

7 Пн. Пошел в гимназию в первый раз после болезни.

Заказ 3692

12 Нед. 13–19 Октября 1891.

16 Ср. Ходил утром в гимназию, разболелась голова 40' жару, ноги не носят, слег в постель.

13 Нед. 20–26 Октября 1891.

21 Пн. Выздоровел и был в гимназии.

23 Ср. В Зволинском вполне разочаровался – он совершенный болван и глуп.

26 Сб. Нас распустили всего до вторника. Все в разочаровании, потому что надеялись гулять 4 дня подряд. В понедельник надо приходить к обедне.

14 Нед. 27 Октября – 2 Ноября 1891.

27 Вс. Был у Ляминых.

28 Пн. Нас распустили до четверга. Ура! Сегодня был в гимназии на молебне. Был у Модеста. Он болен и в школе. Надо сходить.

29 Вт. Мама не пускает меня в школу к Модесту. Был у Редер.

30 Ср. Умер Давиньон, учитель французского языка.

31 Чт. Застрелился сын Давиньона. Говорят, что из любви к отцу. Странно, непонятно и жалко!

1 Пт. Сегодня Давыдов мне дал свою поэму *«Исповедь контрабандиста»*. Написана ничего, только есть некоторые несообразности. Я ему начинаю завидовать. Он просил меня сказать мнение. Вообще он слишком много подражает. Это нехорошо.

15 Нед. 3–9 Ноября 1891.

3 Вс. Был с утра у Ляминых, ходил от них в Румянцевский музей. Вечером говорил глупости. Был Костя.

4 Пн. Как не хочется идти в гимназию! Холодно, темно! А надо уже пора. Когда-то Рождество наступит!

6 Ср. Куська и немец больны. Может, и завтра не придут, а было бы хорошо. Только жалко, что у меня будут уроки завтра один на первом, другой на последнем. Нехорошо, а 4 пустых.

7 Чт. Сегодня немец был. Мы просили Коробкина, чтобы был у нас на 3 уроке. Зашел в 11 ½ часов. Спрашивали по алгебре получил 3. Дал Саблину стихотворения мои и прозу.

8 Пт. Саблин читал мои стихотворения и нашел хорошими. Я очень рад, потому что считаю его самым умным из всего класса. Ему нравятся «Русалки» и «Карл Испанский», а Давыдову «Смерть пришла и песня спета». Что сам я считаю средним.

9 Сб. У нас были Лямины и бабушка.

16 Нед. 10–16 Ноября 1891.

10 Вс. Сегодня утром был на кладбище. Вместе с Лямиными. На возвратном пути нас застала в поле метель, еле доехали.

20 Нед. 8–14 Декабря 1891.

8 Вс. Думаю на праздниках читать Диккенса. Я его очень мало читал. Толь<ко> «Николай Никльби» и некоторые святочные рассказы.

21 Нед. 15–21 Декабря 1891.

18 Ср. Мама принесла из библиотеки «Оливер Твист». Все время читал.

20 Пт. «Оливер Тв<ист>» кончил. И читал Святочные рассказы.

21 Сб. Начал читать «Домби и сын».

22 Нед. 22–28 Декабря 1891.

22 Вс. Был у Модеста. Решили, что будем играть водевиль «Вытурил», но выпустим несколько лиц. И еще сцену из «Бориса Годунова». Спектакль будет в январе. А еще буду читать «Грешницу» А. Толстого.

23 Пн. Начал «Крошку Доррит» Диккенса.

25 Ср. **Рожд<ество> Иисуса Христа.** Был у бабушки и у Ляминых.

26 Чт. Кончил читать «Домби и сын» Диккен<са>. Что это за прелесть. В особенности хорошо описан характер маленького Павла и Флоренсы. Начал читать «Записки Пиквикского клуба». Сколько в них юмору. Сравнить Гоголя и Диккенса – очень много сходства. Тип Самуеля Уиллера неподражаем – даже у Гоголя такого нет. Я так увлекс<я>, что прочел почти всю первую часть. Просто оторваться нельзя. Весь день читал.

1892

23 Нед. 29 Декабря – 4 Января 1892.

2 Чт. Начал писать поэму «Четыре времени года». Хочу вывести тип барышн<и> в 4-х различных эпохах ее жизни. Начало хорош<ее>.

3 Пт. Был спектакль у Модеста. Боже! что это только было. Говорят, что лучше всех играла Маша Савинич, а потом я. Лучше всего вышла сцена у фонтана из «Бориса Годунова», но костюм у меня был ужа<с>ный: смазные сапоги, громадная черная папаха, свитка, полуаршинные усы и козацкая шашка. Фонтан и сад изображал однак<о> один горшок с цветами посреди сцены, но вообще актерам было очень весело, не знаю, как зрителям, думаю, не особенно.

4 Сб. Был у Чернцова и Зволинского. Потом вечером поехал в театр. Давали «Женитьбу» Гоголя и «Всякому свое», комедию не знаю кого. Играли очень хорошо.

25 Нед. 12–18 Января 1892.

18 Сб. Сделал заданную алгебраическую задачу.

26 Нед. 19–25 Января 1892.

19 Вс. Чернцов мне вчера дал «Преступление и наказание». Все время читал. Впечатление даже словами и выразить нельз<я>. Как-то всего потрясает, подавляет. Как будто сам переживаешь все это. Я теперь все время хожу как шальной.

20 Пн. Был в гимназии. Латынь совсем в голову не лезет, а все Достоевский. Я еще до сих пор очухаться не могу. Кажется, если еще почитаю, так с ума сойду.

21 Вт. Кончил «Прест<упление> и Наказание», просил у Чернцова «Униженные и Оскорбленные» принес<ти> завтра. Последняя сцена ужасна. Я совсем не понимаю личности Порфирия. Свидригайлов тоже очень странен. Уроков к завтрему совсем не готовил, оторваться от чтения не мог.

22 Ср. Отдал Чернцову книгу. «Униж<енные> и Оск<орбленные>», он принести позабыл.

23 Чт. Принес Чер<нцов> «Ун<иженные> и Ос<корбленные>», буду читать сейчас.

27 Нед. 26 Января – 1 Февраля 1892.

26 Вс. Прочел «Униж<енные> и Ос<корбленные>», впечатление тяжелое, но все-таки не то, как после «Преступ<ления> и Нак<азания>». Тип Нелли передан просто нельзя слов подобрать... Рассказ ее ужасен. Надо немного прекратить чтение, а то совсем даже уроки позабыл.

29 Нед. 9–15 Февраля 1892.

9 Вс. Только что кончили делать операцию, легче, чем ожидал. Кокаин почти совсем утишает боль. Только страшно неприятное ощущение, ко<гда> вырывают, это как будто голову наизнанку выворачивают. Теперь действие кокаина уже прошло. Боль стала сильнее. Мне теперь нельзя ничего есть, а пить можно только холодное. Еще будет операция в среду.

10 Понед. Еще больно говорить и глотать. Пью только кофе и другие жидкос<ти>. Есть можно будет только завтра.

12 Ср. Ждал со страхом и трепетом доктора; но он не приехал.

13 Чт. Сегодня кончил «Братьев Карамазовых». Как хорош Коля Красоткин. Я прочитал о нем несколько раз. Его сцены на базаре неподражаемы. Мама ездила к доктору. Он будет завтра.

14 Пт. **Сырной недели.** Делали опять операцию. Вот этот раз было действительно больно. Теперь такая боль, что даже голову поверну и то уж отдается.

30 Нед. 16–22 Февраля 1892.

17 Пн. Болел. Первый раз в гимназии.

20 Чт. Читал «Идиота», кажется, это лучше всего.

31 Нед. 23–29 Февраля 1892.

26 Ср. Читал Помяловского «Молотов», «Мещанское счастье» и «Вукол».

29 Сб. Переписывал мои стихотворения.

32 Нед. 1–7 Марта 1892.

4 Ср. Читал Щедрина «Историю одного города». Очень интересно. «Помпадуры и Помпадурши», мне кажется, хуже. Мнения знатных иностранцев в «Помпадурах» очень хороши.

34 Нед. 15–21 Марта 1892.

17 Вт. Написал одно стихотворение, только, кажется, ерунда. Надо показать кому-нибудь, а то сам не ра<з>берешь.

35 Нед. 22–28 Марта 1892.

22 Вс. Был у Модеста. Говорили об нашем «Лете в деревне». Вспоминали Матвейкино, Петра Петровича, Ржаную лепешку и Тетушку. Много смеялись. Сейчас написал еще целый лист из романа.

25 Ср. **Благовещение Пресв<ятой> Богородицы.** Был у Редер, а потом у Ляминых. На Софье Леонардовне платье вроде фрака с открытой крахмаленой грудью и черным галстуком.

28 Сб. Сегодня. Распустили после третьего урока. Был на вербе. Ничего особенного, кроме непролазной грязи, не видал.

36 Нед. 29 Марта – 4 Апреля 1982.

30 Пн. У Модеста был экзамен русского языка.

1 Ср. Исповедовался вместе с Модестом в Семинарской церкви. Там же говее<т> Алексеев и его двоюр<одные> братья, с которыми я познакомился. Все только позабываю их фамилию, надо спросить у Модеста.

2 Чт. Причащался с приключениями. В церкви просфор не хватило. Предпринимал фуражировку в соседнюю церковь на Долгоруковску<ю> улицу. С Божьей помощью достали сколько надо на всех.

4 Сб. **Страстной недели.** Утром заходил к Модесту звать его вместе к заутрене, но не застал дома. Оставил записку и пошел домой. П<р>иходил Саша. Пошел с ним вместе к Ляминым. И оттуда с ними к заутрене в Комиссар<овскую>

церковь. Туда пускаю<т> только по билетам. Ехал на извозчике с тетушкой. Боже мой, этого никакими словами передать нельзя.

37 Нед. 5–11 Апреля 1892.

5 Вс. **Христово Воскресение.** Был у бабушки. Потом у Ляминых.

6 Пн. Был у Модеста и у Редер. У Редер при мне был Добржиаловский и какой-то драгун, фамилии не помню. Соня предлагает всем приезжающим с визитом христосовать<ся>. Христосовалась и со мной в том числе. Она в желтом платье с зелеными рукавами. Вечером был с Модестом у Ляминых, ушел <в> 12 часов и то потому, что все спать начали ложить<ся>.

8 Ср. Был у Модеста.

9 Чт. Мама наняла дачу на Воробьевых горах. Переедем в конце апреля.

10 Пт. Был у Ляминых и Модеста. Он советует непременно продолжать «Четыре времени года». Сегодня ночью буду писать.

11 Сб. Кончил «Лето» на славу и начал «Осень». «Осень»... Кажется плоха. Показывал «Лето» Софье Павловне. Она нашла, что ничего. И не хуже «Весны». Был у Модеста. Показывал. Он готовился к экзамену. Брал свидетельство.

38 Нед. 12–18 Апреля 1892.

12 Вс. Был у Ляминых с утра. К ним приезжали сегодня Редер, Девальден и Беттихер. Вечером приехала мама. Играли в карты.

13 Пн. Сегодня у нас был Голицын. Он говорил с П<авлом> П<авловичем> о Достоевском. Он считает, что Бурже имеет более значения, чем Дост<оевский>, и говорит, что у Дост<оевского> слишком мало поэзии. Я с ним не согласен. Я хоть Бу<р>же не читал, но слышал о нем, и мне кажется, что нельзя написать ничего совершеннее в этом роде, чем Достоевский. Как-то подавляет всего тебя, когда читаешь его. Замечательно хороши его детские типы, в особенности Коля из «Б<ратьев> Карам<азовых>» и Нелли из «Униже<нных> и Оскорб<ленных>».

То было в давни времена,
Когда Эллада вся была
Страной искусства и любви –,
Что знаешь, может быть, и ты.
И в той стране под сенью древ,
Оставив игры прочих дев,
Одна красавица жила.
О ней хочу поведать я.
Она с рождения была
Тиха, задумчива всегда,
Как серна робкая легка,
Стройна, пуглива и дика.
Уйдет порой от дома прочь
И пропадает день и ночь.
Сидит над морем на скале,
На море смотрит. Вдалеке
Волна катится за волной –
Ей мил шумящий их прибой.

[О боги! О люди! Душою болящей
Взываю о помощи к вам]

Толстой! на что ж это похоже?
Он еретик-с, ну вот и все.
С своим Евангельем суется тоже
Ну вот-с и больше ничего.
Извольте-ка-с урок ответить,
Да вашу книжечку пожалуйте сюда.
Мне надо вам кой-что отметить.
Наш будущий урок когда?
Да послезавтра. Завтра воскресенье.
Вам надо было бы поболее задать.
Ведь все равно, с практической-то точки зренья,
Вы целый-с день-то будете гулять.

Прими стихи от юного поэта:
Поверь, когда он их писал,
Его душа любовию была согрета.

АДРЕСЫ

Глазер. Новинский бульвар, д. Котлярова.

Гирш. Пречистенский бульвар, свой дом.

Зволинский. Хамовники, Пуговичный пер., д. Соколова.

Кириенко-Волошин. Божедомка I. Волхонский переулок, д. Смоленской.

Корбе. Дурновский пер., д. Андрусовой.

Лямины Шереметьевск. переул., д. Шереметьева.

Лепинг Мастерские Смоленск. дороги

Недошивин. Воздвиженка, д. Казенной палаты

Павликовский. Зубовский бульвар. Долгий п., д. Шоле

Пшенецкий. Б<ожедомка?>, угол Б. Никитской и Б. Кисловского переулка, д. Чернева. Против парикмахерской «О. Фигаро» кв. № 5

Павильонов Сивцев Вражек, дом Байдакова.

Риго Леонтьевский пер., д. Раузер

Сакулин Сретенка. Даев пер., д. [Кольчугина] Челнокова.

Саблин Б.Власьевский пер. дом Офросимовой

Фетисов. Пречистен. бульвар, д. Фетисова

Фридрихсон. Зубовский бульвар, дом Шевлыгиной

Фельдзер. Сред. Кисловка дом Чернева, квартира № 1

Чернцов [Кудрино. Церков. дом] Плющиха. Воздвиженский переулок д. Тарусина

<1892>

Список учебных пособий и руководств на весь учебный год

Саллюстий. Югурт<инская> война
Ксенофонт. Анабазис
Овидий. Метаморфозы
Гомер. Одиссея
Пушкин. Капит<анская> доч<ка>
Берте́. Нем<ецкая> хрестом<атия>
Книга лат<инских> упр<ажнений> Павлик<овского>
Греч<еская> грам<матика> Исаенкова
Греч<еский> словарь Вейсмана

2 Нед. 2–8 Августа 1892.

3 Пн. Приехал к Лямин<ым> на 33-ю вер<сту>

4. Вт. Было много народа: Граве, Бетт и др.
Мама приехала вечером.

5. Ср. Приехал с мамой, Сашей дом<ой> на Вор<обьевы> горы. Саша был у нас.

<ДНЕВНИК 1892>

Распределение уроков.

Понедельник. Русский яз<ык>. Гречес<кий> яз<ык>. Латинск<ий>. Матем<атика> Алг<ебра>. Гимнас<тика>. Немецк<ий>.

Вторник. История. Зак<он> Бож<ий>. Греческ<ий> яз<ык>. Гимнас<тика>. Француз<ский>. Матем<атика> Геом<етрия>.

Среда. Франц<узский>. Латинс<кий>. Греческ<ий>. Русский. Гимнас<тика>. История.

Четверг. Греческ<ий>. Латинс<кий>. Зак<он> Бож<ий>. Гимнас<тика>. История.

Пятница. Греческий. История. Русский. Латинс<кий>. Немецк<ий>.

Суббота. Матем<атика> Геом<етрия>. Греческ<ий>. Немец<кий>. Латинс<кий>.

11 октября. Воскр<есенье> *1892 г.*

Утром, как только проснулся, сел и начал читать Шекспира. Прочел «Король Джон», «Ричард II» и две части «Генриха IV». Затем читал «Слепой музыкант» Короленко. Все утро дожидался репетитора, уж думал, что совсем не придет. Однако он пришел, уже в первом часу. Позанимавшись, окончив уроки и пообедав, отправился к Макарову. Застал все семейство за обедом. Мне очень нравится мать Макарова — она, должно быть, очень добрая и хорошая. Играл с ним в шахматы. На этот раз он меня обыграл. Это было поражение Аннибала при Заме. Мы все с ним, когда играем, вспоминаем Пунические войны. Затем мы стали разговаривать. Сперва, кажется, о Цезаре и Помпее, потом о литературе и, наконец, ударились в философию и софизм, и начали толковать

об идеальном сплетнике. Спор, конечно, кончился ничем. Я ушел от него в 11 часов. Я с большим нетерпением ожидаю среды: у нас будет первое сочинение. Это очень хорошо, что Тверской читает при поправке каждую работу вслух. Это очень должно быть интересно, только, конечно, не для того, кому принадлежит эта работа. Страшно, а интересно. Если бы была тема «Лунная ночь», вот бы я расписал бы.

12 октября 1892 г. Понед<ельник>.

Встал, напился кофе. Пошел в гимназию. Зашел по дороге за Макаровым. В последнее время я с ним как-то особенно подружился. Он мне очень нравится. Как кажется, он тоже не прочь от близкого знакомства. Я теперь захожу за ним по дороге в гимназию каждый день. Рассуждаем с ним о самых философских предметах, как, например, вчера. Сегодня в гимназии он все время занимался различными софизмами и уверил весь класс, что 2 = 3. У нас сегодня не было Павликовского. Кажется, его сын теперь уж совсем при смерти, поэтому-то, говорят, он и не был сегодня. За пустым уроком у нас с Черновым опять возобновился прошлогодний спор о том, кто выше: Пушкин или Лермонтов. Я стою за Пушкина – он за Лермонтова. Мы друг друга ни в чем не убедили и решили, что лучше этот спор совсем оставить. Вчера у Макарова мы с ним также об этом говорили – он вполне со мною согласен. Кстати, что мне у Макарова нравится, то это вся семейная обстановка. Когда приходишь к нему, то чувствуешь себя совсем, как будто дома. У них, должно быть, жизнь идет очень мирно. Вот у Чернцова этого, должно быть, нет. Сегодня также еще один случай. Я уж давно слыхал от Жукова, что у них в классе некто Егоров пишет стихи. Только Жуков говорил, что он это тщательно скрывает и никому своих стихотворений не дает. И что про это в классе узнали совсем случайно, когда отняли у него его тетрадку. Сегодня за гимнастикой я решился с ним познакомиться. Подошел и спросил его, правда ли он пишет стихи, и попросил его дать их. Он тотчас же, к удивлению моему, согласился и обещал дать и завт<р>а. Ну вот, увидим, каковы.

Теперь мои стихотворенья, кажется, начинают приобретать некоторую популярность, и у меня многие теперь просят дать почитать. Теперь одну тетрадь дал Первухину, другую Замышляеву. Также, чтоб не забыть, надо дать Егорову, он просил. Сейчас, однако, должно быть, репетитор придет. Пора кончать, надо ему уроки учить.

Вот учитель уж ушел – хочется еще пописать. Я сюда собираюсь записывать все, т.е. мои мысли, заметки, стихотворения, – вести дневник. Словом, описывать день со всеми его подробностями. Не знаю, долго ли буду писать эти заметки. Я уж несколько раз прежде принимался писать дневник, но постоянно бросал. Теперь я хочу писать это аккуратно изо дня в день до самого конца года. Меня теперь опять начинает занимать вопрос, что такое поэзия. Помню, в прошлом году я много думал над этим и пришел к заключению, что поэзия есть гармония души со всем окружающим. Но теперь это объясненье мне кажется темным и непонятным. Надо будет опять подумать. В прошлом году я думал, не заключается ли поэзия в красоте, а если нет, то почему, и пришел к раньше сказанному выводу. Теперь я думаю иначе. Я думаю, что в каждом создании, везде, во всей природе, даже в самых низших проявлениях ее, заключается поэзия, но только ее надо там найти. В этом-то и заключается, по-моему, задача поэта. И тот, который находит эту поэзию в самых низких проявлениях природы, тот только может назвать себя истинным поэтом. Я сегодня говорил насчет идеала с Черн-цовым. Идеал красоты – это сама природа. А люди в своих искусствах только стараются достигнуть этого идеала, но не могут. Когда я кончу гимназию, я непременно напишу роман вроде «Детства, отрочества и юности» Л. Толстого, где опишу гимназию, всю ее обстановку, учителей, учеников, и для контраста надо будет описать их домашний быт. Тут мне представляется очень много материалов, собственно из моей жизни. И, кроме этого, у нас в русской литературе писал только Помяловский, а, кроме того, он описывал бурсу, которая с теперешними учебными заведениями, и в особенности <с> гимназиями, ничего почти общего не имеет. Тут главное интересно проследить постепенное развитие како-

го-нибудь ученика, его отношение к учителям, к товарищам. О, на этот предмет можно написать много, очень много! Да и почва-то тут почти что совсем не затронутая. Теперь я уж решил окончательно, что, если кончу гимназию, непременно поступлю на историко-филологический факультет, а потом буду писателем или журналистом, словом посвящу себя литературной деятельности. Не знаю, может быть, лет через 10, прочтя как-нибудь то, что я пишу теперь, я сочту все это ерундою, но, тем не менее, мое теперешнее самое заветное желание – это быть писателем. Надо будет поместить в журнале 3 мои последние стихотворенья.

ПИСАТЕЛЮ

Выйди, писатель, на поприще жизни,
Сей просвещенье любви и добра,
Верь, ты послужишь на пользу отчизне,
Честно посеяв свои семена!
Верь, что принявшие слово ученья
Свято в сердцах его будут хранить,
Верь, что и внуки твои с восхищеньем
Будут тогда о тебе говорить!
Сей просвещенье рукою ты сильной,
Семя ученья бросай в борозды.
Верь, что приидет час жатвы обильной,
Он же – награда тебе за труды.

Это стихотворень<е> написано под влиянием Некрасова. У него есть одно стихотворенье «Сеятелю», мне оно очень понравилось.

ИЗ БАРБЬЕ

Как только закатится ваша звезда,
В последний сверкнувшая раз,
Идите вы прочь поскорее тогда –
Толпа позабудет о вас!
Статуй не воздвигнет вам славных народ,
Хоть прежде он вас прославлял,
Потому что ему только памятен тот,
Кто бесщадно его истреблял.

И затем еще одно – третье стихотворенье, которое я написал, возвращаясь от Модеста, под влиянием разговора о будущем журнале.

Вперед! Сотрудники-друзья!
Изданьем нового журнала
Мы, право, сделаем немало,
В том головой ручаюсь я.
Вперед! Вперед! Долой сомненье!
Долой отставших ряд идей!
Мы будем сеять просвещенье,
Возбудим силу и стремленье
В среде замолкну<в>шей своей!
Возбудим нашим словом к жизни
Во тьме погрязнувших глупцов.
Вперед! На мой придите зов,
Послужим правдой мы отчизне
И не заслужим укоризны
Теней угаснувших певцов!

Я хочу лучшие мои стихотворенья переписать в отдельную книжку. Макаров предлагал сказать о моих сочинениях Эйнкорну. Я согласился.

13 октября 1892 г. Втор<ник>.

Встал. Пошел в гимназию. В гимназии за гимнастикой много говорил с Байером и Черновым о том, кто чем по окончании гимназии хочет быть. Егоров стихотворений не принес. Как-то завтра я сочинение напишу? Это интересно. Сегодня шел из гимназии, все время об этом думал. На возвратном пути опять говорил с Макаровым насчет моих стихотворений, и к кому мне с ними лучше обратиться. Макаров советует обратиться к Тверскому, да как-то неловко. Вот, может быть, после сочинения, смотря по обстоятельствам... Последнее время мне все в гимназии советуют отправить стихотворения мои в какой-нибудь журнал. Макаров, Петров, Саблин. Думаю, что разве попробовать. А если б приняли, было бы хорошо. Теперь у нас сидит бабушка. У ней был на днях Забелин. Мне бы очень хотелось увидать его. Он все

лето был на эпидемии. У нас в доме был недавно один холерный случай. Сегодня у нас был жених Маргариты Павловны. Я его видел в первый раз. Он мне понравился. С первого взгляда он как-то не представляет из себя ничего особенного, но потом, когда его немного послушаешь и проведешь с ним несколько времени, то он производит очень приятное впечатление. Да! Чтоб не забыть! Давыдов непременно просил принести его тетрадку со стихами. Вот уж целую неделю все забываю. Совсем на такие вещи памяти нет, а вот на стихи и даже на прозу – страшная. Я вот недавно совершенно случайно узнал, что знаю почти наизусть отрывки из Гоголя, Щедрина, Тургенева и Достоевского. Кому-то начал рассказывать – и все почти слово в слово. А ведь совсем не думал учить наизусть, а только так, читал и запомнил. Вот, например, этим летом Шнейдеру «Историю одного города» почти слово в слово рассказывал. Даже в разговоре слогом Щедрина одно время говорил. Вот былины учить очень легко. Мне кажется, что я могу импровизировать таким же размером и слогом что угодно; это очень легко. Хочу что-нибудь написать в этом духе.

14 октября 1892 года. Среда.

Было сегодня у нас русское сочинение на тему «Наступление осени». Собственно сочинение, кажется, написал ничего себе, но грамматических ошибок должно быть очень много. Возвратили латинское экстемпорале. Мне, к моему удивлению, три, а Чернцову бедному единица. Он теперь просто в отчаяньи. Опять сегодня позабыл принести Давыдову его тетрадку! Надо будет завтра непременно принести, а то просто свинство выходит. Теперь я сижу и жду учителя. Сейчас он придет, должно быть. Одну – первую тетрадь моих стихотворений я дал читать Павильонову. Также Дмитриев просил дать ему, вот это также не забыть. Завтра у нас библиотека. Надо встать пораньше, чтобы скорей поспеть в гимназию. Надо будет попробовать пойти брать книги, может быть, Виталий даст, а каталог у Макарова возьму. Вот Соколов говорит, что «Русские записки» не стоит составлять,

что он в прошлом году начал было составлять, но под конец Тверской так много рассказывал за уроком, что совершенно не было возможности написать хоть что-нибудь. Если это действительно так, то это очень неприятно, потому что я хотел составлять постоянно подробные записки. Теперь они находятся у Макарова.

15 окт<ября> *1892 г. Четв*<ерг>.

Сегодня была Маргарита Павловна с своим женихом. Их свадьба завтра в пятницу, в час дня, а в 7 часов они уж уезжают к себе на Ветлугу. Интересно, будут ли у нас в субботу крушение царского поезда праздновать. Право, не знаю, о чем мне еще писать сегодня. Да главное и некогда – надо будет еще переписать греческое экстемпорал<е>, да еще грамматику повторить. Словом, дела еще много. А на сегодня довольно.

16 октября 1892 г. Пят<ница>.

Завтра ученья не будет. Но надо будет явиться к обедне. Черндов хотел завтра придти часов в 5-ть. Сегодня была свадьба Маргариты Павловны в час дня, в городском манеже. Потом был обед, а в семь часов она уже уехала на Ветлугу. Пав<ел> Павл<ович> был на свадьбе. У бабушки как-то на днях был Забелин и оставил свой адрес. Надо будет завтра зайти к нему по дороге из гимназии. И к чему только, не понимаю, завтра к обедне идти.

– 1886 год –

Осенью, в конце августа ездил с мамой в Крым, и по дороге мы заезжали в Киев, кажется дней на пять. (Жили также в Рыбном у Гишвент). Потом поехали в Крым. Жили там в Ялте вместе с С.Я. Ярош. Когда она умерла, жили у Печориной. Назад ехали из Ялты на Симферополь.

– 1887 год –

Я поступил в первый класс к Поливанову. Экзамен держал в мае. Жили мы на казенной квартире.

Заказ 3692

– 1888 год –

В феврале вышел от Поливанова и готовился в казенную гимназию во второй класс у Милославского. В августе держал экзамен и поступил.

– 1889 год –

Перешел из II класса в III. Летом жил с Лямиными в Матвейкове. В III классе учился очень плохо. Жили мы на Малой Грузинской, а потом у Страстного <монастыря>. В ноябре приезжали Вяземские из-за границы. Занимался весь год с Алексей Леонидычем. Умерла тетя Лиза.

– 1890 г. –

Остался в III классе на второй год. Летом жил в Троекурове. Затем жили в Волконском переулке с Пав<лом> Пав<ловичем>.

– 1891 г. –

Перешел в IV класс. Жил частью в Троекурове, частью в Матвейкове. (Пет<р> П<етрович>, Мод<ест>, ноч<ное> прик<лючение>). Жили зимою опять в Волконск<ом>.

1892 г.

Перешел в V класс. Жил частью на Воробьевых <горах>, частью на 33-ей. Научился ездить на велосипеде.

17 октября 1892 г. Суббота.

Сегодня праздник: «Крушение императорского поезда». По сему случаю велено было явиться в гимназию к обедне. Простояли там часа два, а затем нас отпустили. Я обещал зайти к Макарову, но так как хотел сперва зайти к Забелину, то пошел на Сивцев Вражек, а Макаров пошел с Сабаниным по бульвару. Забелина я не застал и, оставив у него свой адрес, пошел к Макарову. К моему удивлению узнал, что Макаров еще не возвращался. Я пошел к нему навстречу, но потом догадался, что он, наверно, зашел к Сабанину сыграть в шахматы, об чем он как-то просил и меня и его. Я у Сабанина был как-то давно и потому адрес его знаю. Он живет

на Арбате в гостинице «Столица». Прихожу и спрашиваю у швейцара, в каком номере живет Сабанин. «В пятом». Иду. Вызываю Сабанина. Выходит. «Что, Макаров у тебя?» – «Да, в шахматы играет. Пойдем ко мне!» – «Хорошо». Макаров очень удивился, как это так я его нашел. Сабанин сел с ним доканчивать партию. Макаров проиграл. Затем я сел играть с Сабаниным и выиграл. Сабан<ин> и Макар<ов> сыграли потом еще одну партию, и мы с Макар<овым> стали собираться. Макаров просил Сабанина приходить к нему играть в шахматы завтра, и меня тоже. Я посидел еще немного у Макарова, просил его заход<ить> сег<одня> вечером и пошел домой. Дома застал у себя Модеста. Часов в 6 пришел Макаров, а Черннов все-таки обманул. Модест ушел рано, часов в 8. Ему надо было к Алексееву. Вечером у нас были С<офия> П<авловна> и m<ademoise>lle Немчинова. Макаров ушел около 10 часов и я его провожал по Бол. Бронной. Завтра утром я возьму у Чуркина в манеже 1-й урок верховой езды.

1892 год. 18 октября. Воскресенье.

Утром...*

* На этом запись обрывается.

ДНЕВНИК М. ВОЛОШИНА. 1893 год

21 февраля 1893 года. Воскресенье.

Вот опять я принимаюсь за дневник. Сколько раз я принимался за него и бросал. Но теперь я пишу единственно от скуки. Делать решительно нечего. Книг нет, сижу дома, а стихи также не пишутся. А ведь у меня собственно только три дела и есть: читать, писать, да говорить с кем-нибудь, а чтобы говорить, надо идти куда-нибудь, в гости, что ли. А вот мама все удивляется, почему это я все хочу по гостям бегать, когда другие дома сидят. А я решительно не могу сидеть дома один без книг. Вчера я получил от Жаренова его стихотворения. Право, я не ожидал таких. У него замечательно легкий слог. Я сам чувствую теперь, что мои стихотворенья никуда не годятся сравнительно с его. Кроме того, его направление именно такое, какое я сам хотел бы принять. Это направление можно назвать гражданским направлением, девизом его могут служить пушкинские слова:

«И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Как-то странно было ожидать таких стихотворений от Жаренова. Столь, кажется, незамечательная физиономия и вдруг... Я положительно в восхищении теперь от его стихов. Так же как-то не вяжется с его физиономией то, что говорит о нем В. Румянцев, что он, например, страшно самолюбив. Я этого за ним совсем еще не замечал. Да! Вот кто же у нас в классе есть из замечательных личностей? Во-первых, Черницов, он бесспорно самый замечательный человек у нас в классе. Он идеалист. Он даже самый крайний идеалист. Ему следовало родиться в 60 годах или во времена Шиллера. Это была бы как раз его эпоха. А теперь уж мало осталось иде-

алистов. Вон Тургенев своего Якова Пасынкова называет последним идеалистом. Но нет! и теперь есть еще идеалисты, хоть и мало их. Да и не могут они исчезнуть совершенно. Ибо если они исчезнут, то исчезнет любовь и правда. Исчезнут идеалы, исчезнет красота, а без красоты и искусства люди обратятся в животных. Но так как этого быть не может, то, пока существует мир, будут на земле и идеалисты. Странно: в гимназии никто почти не обращает внимания на Чернцова, и никто, кажется, не понимает его. Я в Чернцове не мог пока найти ни одного недостатка. Его характер и воззрения вполне определяются словом «идеалист». Затем самый замечательный человек – это Румянцев. Он, должно быть, никак теперь не подозревает этого, а это правда. У него в высшей степени оригинальный склад ума. Во многих отношениях я его еще совсем не понимаю. Впрочем, у него еще нет совершенно определенного характера. Но все-таки мне кажется, что он очень скоро увлекается. Он любит и понимает, кажется, красоту. Что касается его талантов музыкальных, то я хоть сам и не могу судить, есть они или нет, но почему-то твердо верю в них. А затем больше, кажется, и нет у нас необыкновенных личностей. Макарова, к сожалению, нельзя назвать замечательным. Он довольно обыкновенный человек, зато вот его братец Сергей Антонович, кажется, также принадлежит к идеалистам и человек очень замечательный.

Понедельник 22 февраля.

Из стихотворений Жаренова более всего мне нравится «Памяти 60-<х> годов». Это замечательно хорошо. Оно мне сегодня просто совсем из ума нейдет. Я его весь день твердил. Читал его Макарову, Модесту, Чернцову. Но странно: они как будто не совсем понимают его и относятся равнодушно. Вот этого-то я уж никак понять не могу. Я видел сегодня Модеста. Встретил его в конце Арбата и провожал до Никитской. Он пошел к Труниным. Сегодня мало, чего писать. Да и спать уж пора. Завтра утром еще попишу, если успею. Хочу встать пораньше, в 6 часов вместо семи.

Вторник 23 февраля.

Утром сегодня проспал, так что писать ничего не успел. Возвращаясь, пошел Арбатом, вместе с Павильоновым. Встретил Модеста против школы. Модест заходил к нам взять у П<авла> П<авловича> свою книгу. Была также бабушка. Черноцов теперь насчет жареновских стихотворений повысил свое мнение, так что даже взял их с собой. Читал их Бальмашову, он также просит. У меня теперь все дела по литературной части в гимназии. Одни стихи пишу, другие получаю, третьи сам прошу. Словом, все перемены заняты. Видел свою «Свободу», помещенную в нашем журнале. Одна там строчка изменена к лучшему. Но зато выпущены три заключительных, без которых стихотворение как будто обрывается. Спрашивал Спасского по этому поводу. Тот говорит, что ему кажется, что так лучше. А почему лучше — неизвестно. Давно мне уже приходила мысль о различии трех искусств, которые можно назвать главными, т.е. живопись, поэзия (понимая под этим словом литературу) и музыка. Слово искусство я понимаю, как стремление создать красоту. Но эта красота может быть двух видов: физическая и нравственная. ЖИВОПИСЬ может создать красоту только физическую, состояние же духа она передаст только в данный момент. ПОЭЗИЯ. Может выразить красоту нравственную и физическую. Она может дать объяснение, откуда произошло данное состояние духа. МУЗЫКА же представляет красоту только нравственную. Она выражает только состояние духа, но не дает ему никакого объяснения. Так что из этого видно, что хотя музыка по развитию выше стоит, чем 2 другие искусства, но все-таки значение поэзии больше, т<а>к к<ак> она понятнее для большинства, которое в музыке, может быть, ничего не смыслит. Я вот теперь хочу записывать все трагические истории, которые услышу. Это мне кажется, при случае может пригодиться. Вот, например, сегодня бабушка рассказывала маме про И<змайло>вых. Эта история немного напоминает «Анну Каренину». Сам С.М. очень любил свою жену. Она вот недавно уехала в Петербург с меньшой дочерью. Несколько недель он не получал от нее никаких известий. Наконец, он получает от доктора письмо,

в котором тот пишет, что она сильно больна от расстройства нервов. Он сию же минуту едет к ней в Петербург. Она встречает его очень холодно и затем объявляет ему наедине, что она его не любит, но любит одного инженера Д<евальд>ен и, т<ак> к<ак> она с ним жить не может, то просит развода. С.М. был совершенно в отчаянии. Ее родители, у которых она жила в Петербурге, узнали об этом только от С.М. Они также были этим страшно поражены и просили его простить ее, говоря, что они наверно его убедят, что это она, может, только от расстройства нерв. Но он отвечал им, что они ее ни за что не переубедят. В тот же день он уехал в Москву. С-н, влюбленный в С<офию> Н<иколаевну>, говорят, просто плакал, узнав об этом. Он хотел сопровождать С.М. в Москву, боясь, чтобы он что-нибудь с собой не сделал. Приехавши в Москву, С.М. написал ей письмо, в котором писал, что, если с ней случится к<акое>-н<ибудь> несчастие, то пусть она знает, что всегда найдет у него убежище и защиту. Теперь она собирается ехать за границу в С. Ремо. Причем она едет на счет С-на. Это обстоятельство совсем непонятное, тем более, что он сопровождает ее. Д<евальд>ен едет вместе с ними. Д<евальд>ен человек очень замечательный и таинственный. Он был женат два раза. Первая жена его отравилась. Вторая застрелилась в прошлом году. Незадолго до ее смерти он ухаживал сильно за С<офией> Н<иколаевной>, что, может, и было причиной этой катастрофы. После ее самоубийства Д<евальд>ен и С.Н. нигде не встречались, но они виделись тайно. Замечательно то, что С.Н. и покойная жена Д<евальд>ена были раньше очень дружны между собой. При разговоре с мужем С.Н. просила его также, чтобы он оставил ей ее младшую дочь. Это только первая часть драмы, – развязка впереди. А какая развязка – придумать нельзя. Вернее, что Д<евальд>ен кинет ее, и она или останется с С-ным, или вернется к мужу. Теперь она, должно быть, уже за границей. Надо будет это рассказать завтра Черноцову, тем более он теперь под влиянием «Анны Карениной», а тут, право, очень большое сходство. Вот, воспользоваться этой темой для романа или, по крайней мере, для рассказа! Однако 11 <часов>, пора спать. До завтра!

Среда. 24 февраля.

Теперь утро. Через четверть часа пойду в гимназию. Сегодня нужно получить у Чернцова стихотворения Жаренова. У него самое лучшее стихотворение, как мне кажется, это «Памяти 60-х годов». Румянцев говорит, что его отцу это стихотворение больше всего понравилось. Потом очень хорошо: «Далек, далек тот век освобожденья»... Остальные же хоть и хороши, даже очень хороши, но все-таки в сравнении с этими двумя совсем бледны. Интересно, что Чернцов скажет о них сегодня. Теперь пора идти в гимназию. Значит, до вечера.

Вечером.

Только что ездил верхом. Был Саша. Рассказывал сегодня Чернцову вчерашнюю историю. Он также находит большое сходство с «Анной Карениной». Завтра надо будет Румянцеву рассказать его характер. Это все опять Макаров предлагает. Какой же у него, собственно, характер? Как бы завтра не осрамиться. У него характер, кажется, еще не совсем ровный, неустановившийся. Много детского есть в его характере. Он вспыльчив, капризен, но отнюдь не зол. Его мысли иногда очень оригинальны. Он большой домосед. У него «*наше*» Волынское, «*наша*» Воздвиженка, и лучше их уже нигде не найдешь. Человек он очень увлекающийся, но непостоянный. Его нельзя назвать скрытным, он даже очень откровенен. Словом, в общем, очень симпатичный мальчик. Теперь по временам Макаров очень надоедает. Тьфу ты! А вдруг это Румянцеву попадется. Уж непременно Макарову перескажет. А это очень мне неприятно будет.

Я, кажется, насчет семейства Чернцова сильно ошибался. Я как-то, кажется, на Масленицу пришел к нему утром и ждал его весь день часов до 5-ти. Вот в это время я успел совершенно изменить свое мнение. Родная мать Чернцова, как я сегодня это узнал, была простая крестьянка. Он ее никогда не видал, потому что она умерла во время родов. Интересно, почему его отец женился на ней. Она была совсем, как он говорит, необразованная, и уже будучи замужем, начала

учиться. Решительно Черняцов очень похож на Якова Пасынкова.

Саша взял себе абонемент у Чуркина за 8 рублей, причем тот не преминул обдуть его на рубль. Саша хотел притащить как-нибудь Шнейдера ездить вместе. Он, должно быть, теперь будет ездить каждый день. Что за комедии теперь происходят каждый день у Чуркина. У него есть одна лошадь Гладиатор, 23-х лет от роду. Лошадь очень смирная, хоть и не ленивая. Вот как-то мы приходим в манеж. Учат ездить какую-то барышню на этом Гладиаторе. Учит Дама. Тут же сидят какие-то знакомые или родственницы барышни. Барышня едет рядом с дамой. Гладиатор тут является какою-то неукротимою степною лошадью.

Родственницы в ужасе кричат: «Ах! Боже мой! спасите! помогите! Она разобьется! Дайте ей лошадь смирнее!» Чуркин мечется. Бросается к барышне, выхватывает у ней хлыст: «Нет-с! Я не могу, я не ручаюсь за эту лошадь. Отдайте хлыст!» Дама мчится наперерез лошади, хватает ее за повод, как будто спасает ее. Мы, конечно, хохочем. Мама обращается к Чуркину, что нельзя ли ей тогда взять Гладиатора. «Ах! Оставьте-с! Вы мне весь рисунок испортите». Комедия!

Как-то вечером мы уходим с мамой из манежа, Петр нам говорит: «Вот ведь, каждая лошадь сегодня по 3 раза ходила. А ни рубля не заработали». Это все абонементы.

Четверг 25 февраля.

Сегодня возвращался из гимназии вместе с Жареновым. Я хотел встретить Модеста и потому пошел к Смоленскому рынку вместе с Жареновым. Потом, в свою очередь, я пошел его провожать. Я сегодня с ним очень много говорил. Он, кажется, очень от<к>ровенен и вовсе уж не настолько самолюбив, как говорит Румянцев. Он мне сам говорил сегодня о своем самолюбии, и, судя по этому, можно заключить, что это самолюбие уже вовсе не в такой страшной степени, если он сам в нем сознается. Когда мы с ним шли по Поварской, то встретили Бальмашова, тут мы с ним расстались. Я провожал Бальмашова до дому. Он меня просил как-нибудь зай-

ти к нему. Едва ли только придется. А с ним познакомиться мне бы очень хотелось. Он человек очень интересный. Был Саша у нас сегодня. Ездили верхом.

Пятница 26 февраля. Праздник.

Встал поздно. Читал. Был в городском манеже. Возвращаясь, у Патриарших прудов встретил Пегануцци. Сидел, говорил с ним. Ездил верхом. Саши не было, хоть он и хотел прийти. Пегануцци мне очень нравится. С первого взгляда получаешь о нем неприятное впечатление, но потом разубеждаешься. Лев Толстой пишет про Пьера Безухова, что он старался открывать только хорошие стороны в людях. Мне кажется, этому очень легко следовать и приятно.

Суббота 27 февраля.

Черноцов меня все просит прийти к себе. Право, не знаю, что делать. Так сказать не хочу. А идти нельзя. Недавно я прочел один роман Теккерея «Записки Барри Линдона». Я ожидал лучшего. Положим, я взял не лучший его роман, но первый попавшийся. Кажется, самым лучшим его романом считается «Ярмарка тщеславия». Надо будет его достать. В «Записках Барри Линдона» выведен один джентльмен конца прошлого столетия. Сперва он в молодости ведет себя совершенным рыцарем. Влюбляется в одну девушку. Вызывает на дуэль своего соперника, убивает его и поэтому принужден бежать из родного города в Дублин. Там он попадает в дурное общество, начинает кутить, играть в карты и, наконец, до того запутывается в долгах, что поступает рядовым в полк и едет в Германию на войну. Во время похода с ним так ужасно обращаются, что он решает бежать. Сначала это ему удается, но на дороге он попадается в руки пруссаков, которые забирают его рекрутом. Там он находится сначала в еще худшем положении, чем раньше. Тут он предается разным порокам, разврату и совсем теряет прежние свои убеждения. Он втирается в доверие к одному офицеру, который приходится племянником берлинскому министру полиции. Он начинает исполнять должность сыщика. Он встречается

тут со своим дядюшкой, которому запрещен въезд в Англию, шулером и мошенником первой руки. Его специальное занятие – карты. Он ему дает способ убежать из Пруссии и берет его с собой. Они отправляются вместе по всем столицам, важным городам Европы. Они везде пользуются известностью. Часто выигрывают громадные суммы. Принимаются при многих дворах. В одном небольшом германском княжестве происходит у них романтическая история. Они ведут очень хитрую интригу. Но, в конце концов, все их планы рушатся, и они высылаются из государства. Во время их путешествий молодой Барри имеет массу дуэлей, из которых выходит всегда победителем. Наконец он возвращается в Англию и там, после многих интриг, женится на одной богатой вдове Линдон. Тут он достигает апогея своего величия. Он гремит по всей Англии. В Европе он стяжал славу первого игрока и дуэлиста. В своем семействе он становится тираном жены и домашних. Несмотря на громадное состояние жены, он запутывается страшно в долгах. Жена убегает от него от дурного обхождения. И он кончает свою жизнь в долговой тюрьме. Этот роман представляет только исторический интерес, как довольно полная картина жизни и нравов высшей аристократии дореволюционного времени. Самый тип Барри – это тип авантюриста, каких было очень много в то время в Европе, и представителем которых служит известный граф Калиостро. Вообще рассказ ведется очень живо и занимательно. Интересно прочесть другие романы этого же писателя, а то по одному только нельзя составить об нем полного впечатления. Отличительные черты Барри – это гордость, условное понятие о чести, расточительность и жестокость.

Я ожидал от Теккерея большего. Его имя обыкновенно упоминается рядом с именем Диккенса. Но этот его роман мне нравится меньше романов Диккенса. Из иностранных писателей-прозаиков я больше всего люблю Диккенса. Я его читал в позапрошлом году. Только два романа производят на меня удручающее впечатление. Это «Крошка Доррит» и «Холодный дом». Я их начал читать, но кончить не мог. В них как-то слишком мало действия. Положим, это было

2 года тому назад. Теперь, может быть, они мне понравились <бы>, я не знаю. Больше всего из Диккенса я люблю «Домби и сын», «Записки Пиквикского клуба», «Оливер Твист», «Давид Копперфильд» и «История двух городов». Хотелось бы мне прочесть рассказы Уилки Коллинз. Только, кажется, в библиотеке гимназической их нет. Также вот из немецких писателей мне хотелось бы прочесть Хауфа. Его «Сказки» и «Мемуары Сатаны». В «Мемуарах Сатаны» есть одно интересное место. Сатана попадает в Рим и присутствует при церемониале, когда Папа предает проклятию всех еретиков. Дьявол очень удивляется и говорит: «Вот ведь их каждый год предают анафеме. А хоть бы кто-нибудь попался мне в лапы. Никого из них». Ну, сейчас, однако, надо идти в манеж ездить верхом. Так что теперь некогда больше писать. Если успею, то буду вечером после.

Воскресенье 28 февраля.

Только что кончил «Дневник лишнего человека». Я хочу теперь обо всякой книге, которую прочту, составлять нечто вроде отзыва. Лишний человек – это тип, кажется, довольно часто встречающийся. Он неглуп, но страшно конфузлив, обладает честолюбием и, может, был бы более замечателен, если бы не был везде и во всех случаях жизни лишним. Здесь приводится любовь его к одной девушке, которая влюблена в князя Н. Князь ее бросает, и она в отчаянье выходит замуж за одного чиновника. Поступок князя с ней очень нехорош. Ему можно в других рассказах Тургенева поставить Колосова и Веретьева. Но Колосов поступил со своей возлюбленной гораздо благороднее. Князь поступает с Лизой точно так же, как Веретьев. И причина, почему Лиза не кончает так же трагически, как возлюбленная Веретье<ва>, лежит только в разнице их характеров.

Князь – это молодой светский человек с напускным великодушием, но собственно, должно быть, подлец. Лиза совсем еще неопытная девушка. Веретьев совсем другое. Он молодой человек, которого его знакомые и родственники считают гениальным. Он, впрочем, и сам в этом уверен. От

него ожидают необыкновенных дел. Он так же, как и князь, покидает свою возлюбленную. Но та непохожа на Лизу, она решительная женщина. Она не с таким смирением покоряется своей судьбе, как Лиза, она борется с ней, но, обессилев в непосильной борьбе, кончает жизнь самоубийством. Веретьев кончает жизнь в Петербурге, вращаясь в обществе пьяниц из отставных чиновников. Из Веретьевых никогда ничего не выходит, хотя они часто обладают большими способностями и умом.

В некоторых рассказах Тургенева бывают одни только очень красивые и эффектные карти<ны>, а больше ничего. Вот например в рассказе «Три встречи». Это только красивые картины без содержания. Во многих рассказах Тургенев прибегает к искусственным драматическим эффектам. Так, во многих рассказах его встречаются дуэли. Вот уж у Достоевского этого никогда не будет. Ему не надо прибегать к таким эффектам и приберегать их к концу рассказа. Тургенев – писатель-художник. Он рисует красивые картины и выводит типы. Достоевский напротив. У него мало картин, мало типов. Но драматизм слышится везде. И уж у Достоевского ясно видишь, почему какое-нибудь лицо поступает так-то, а не иначе, а у Тургенева этого иногда нельзя понять.

Недавно я хотел познакомиться с французскими романами и для этого прочел два. Мне кажется, что по этим двум можно вполне составить себе понятие о других. Главным действующим лицом бывает обыкновенно какой-нибудь гениальный сыщик или гениальный мерзавец, или еще молодой человек с рыцарскими правилами. Запутанная интрига. Какой-нибудь страшный роман в основе. Тайна, которая впоследствии раскрывается – вот все отличительные признаки этих романов. Их можно читать только от скуки, для того, чтобы по прочтении постараться как можно скорее позабыть. В то время, когда читаешь, положим, интересуешься, но как только <о>ставишь книгу, тотчас же и позабудешь, о чем читал.

Понедельник 1 марта.

Господи! Как скучно сегодня! Право, не знаю, почему это. Хочется писать, – не могу. Читать – ничего к моему настроению не подходит. Вот у меня все время теперь мысль. Если написать стихотворение, ничего не выйдет. В музыке это, мне кажется, может быть прекрасной темой. Представить человека в полном, страшном. безвыходном отчаяньи. Он ищет себе хоть в чем-нибудь, хоть в природе, сочувствия, а кругом лунная, тихая, беззвучная, немая летняя ночь. Она давит красотой, она поражает, но она холодна и безмолвна, она ничего не говорит сердцу. Вот эта-то противуположность, это величавое спокойствие ночи и бурное отчая<нье>. Вот это может послужить великолепной темой. Мне теперь хочется писать, писать. Писать что-нибудь фантастичное, красивое, дикое, необыкновенное, что-нибудь вроде арабских сказок. Арабские сказки мне представляются в виде старинной двери, покрытой мелкой красивой, замечательно отчетливой резьбой. Почему это, например, арабские сказки поражают своей фантастической вычурностью, своею мелкою резьбой, негой, от них дышит знойным солнцем юга. А северные скандинавские сказки, как «Песнь о Нибелунгах», – своею дикой красотой, грациозностью, в которой отразилась дикая и непреклонная воля норманнов. Мне бы теперь хотелось читать вот именно эти-то сказки, а другое все противно.

Через 2 часа.

Сейчас только что окончил одно стихотворение. Я решил, теперь уж, кажется, окончательно, продолжать свою поэму. Как ее название будет, еще не знаю. Тема у меня есть. Пролог уже написан. Только что написал стихотворение, с которым должен поэт обращаться к народу. Оно будет входить в состав поэмы. Вот оно:

Терпи, несчастный мой народ,
Не вечно тягостное бремя!
Придет пора, настанет время,
И рабство жалкое падет.

Сам Бог страдал. Он нам смиренье,
Любовь и веру завещал,
Своим страданием прощенье
Грехов он людям даровал.
Терпи! Страдай! Чем тяжче бремя,
Чем больше горя и забот,
То тем скорей настанет время,
Когда спасение придет.
Терпи, народ! Любовь, смиренье
Христос несчастным завещал
И вам в пример среди мучений
Своих мучителей прощал!

Вот это, кажется, ничего. Самое трудное написать то, которое он должен петь пред королем. Я его сегодня было начал, да плохо. Размер совсем неподходящий. Вот это стихотворение надо будет прочесть Чернцову. Как ему понравится. Собственно, об сюжете самой поэмы я ему еще ничего не говорил. Да как-то и странно говорить. Если будешь так говорить, то получится бессмыслица. В простом изустном рассказе нельзя передать всего. Вот главное написать его песню к королю. Если это напишу, то всю поэму напишу и окончу. Он должен сперва описывать нищету народа, несчастия, затем он начинает упрекать его. Король велит его схватить и отвести в темницу. Поскорей бы только написать. Я стихотворений не люблю писать, я люблю их только тогда, когда они написаны. Однако вот – написал стихотворение, прошла и скука и все народонаселение меланхолическое. Сегодня решительно объявил Чернцову, что не могу к нему прийти. Бальмашов сегодня отсутствует, такое свинство. Опять своих стихотворений не могу от него получить. Румянцев мне сегодня говорил про Жаренова, что он ему говорил по поводу нашего тогдашнего разговора, что он находит, что я гораздо больше и осмысленнее читал, чем он. Это мне конечно очень приятно и льстит моему самолюбию. Право, Жаренов уж не настолько самолюбив!

Пятница 5 марта.

Вот уж три дня, как ничего не писал. Все время читал. У меня теперь еще один роман Теккерея – «Базар житейской суеты» и сочинения Добролюбова. Во вторник я все время писал. Писал свою поэму. Написал очень много. На другой день прочел Черноцову и после разорвал. Сам убедился, что невозможная ерунда. Вчера я читал «В небесах» Фламмариона. Дал мне Черноцов. Этот роман мне оставил сильное впечатление. Он оригинален в высшей степени. Отчего он только так глупо назван: «Астрономический роман»! От этого заглавия как-то даже мороз по коже продирает. Это скорей философский роман. Впрочем, философия, как говорит Фламмарион, вытекает из астрономии. Самая интересная мысль этого романа та, что Фламмарион называет тело «временной оболочкой души». Тьфу ты! Как это глупо все выходит, когда пишешь. Все время сижу, пишу и бешусь. И не глупо ли? Сел писать под впечатлением. Хотел все высказать, а выходит ерунда. Только что начал писать сказку, сейчас буду продолжать, а то пишу, пишу дневник – и в результате одна глупость, гадость, мерзость и ерунда. Тьфу!

Суббота 6 марта.

Вчера я обозлился и бросил дневник. Да впрочем, что, – так словами этого рассказать нельзя или очень трудно. Теккерея я еще не прочел, а буду писать о нем, когда прочту первую часть. Добролюбова также еще не кончил. Прочел только его статью о «Накануне» Тургенева, в которой он его очень хвалит. Прочел разбор «Униженных и оскорбленных». Он их страшно ругает. Говорит, что самая завязка совсем неестественная. Неестественны очень многие лица. Положим, все, что он пишет, совершенно справедливо. Интересно мне было бы посмотреть, что бы такое он написал о «Братьях Карамазовых» и об «Идиоте». А также об «Отцы и дети» Тургенева.

У нас только что был Модест и ушел. Была Софья Павловна. Она, оказывается, как-то умудрилась купить в Охотном ряду каменные яйца вместо свежих. И узнала об этом

только дома, когда она захотела сделать себе гоголь-моголь и никак не могла разбить яйца; так что она их даже об пол бросала, и они все-таки целы остались. Вчера у П<авла> П<авловича> с Чуркиным произошла история, так что мы, должно быть, у него больше ездить не будем. Анатолий болен скарлатиной, так что Модест теперь живет у Труниных. В понедельник он меня обещал встретить на Никитском бульваре. Ну! На сегодня довольно, буду писать еще завтра. Скучно! День какой сегодня слякотный, снег идет.

Воскресенье 7 марта.

Только что кончил читать первую часть «Базара житейской суеты». Этот роман и сравнить невозможно с «Записками Барри Линдона». В этом романе странна<я> манера. Автор прерывает рассказ для собственных рассуждений и вставляет для пояснений совершенно отдельные анекдоты. Содержание романа следующее. В высшем учебном заведении мисс Пинкертон одновременно кончают две девушки – Амелия Седни и Ребекка Шарп. Амелия девушка еще совсем неопытная, невинная, незнакомая с жизнью, дочь богатых родителей. Характера очень кроткого, спокойного, но довольно твердого. Ребекка – полная противуположность. Она уже порядочно знакома с жизнию. Лицемерна, интриганка. И легко завлекает неопытных в свои сети. Она сирота, состояния у ней нет никакого, и поэтому она старается поскорей выйти замуж. Впервые она пробует свои силы на брате Амелии. Страшно богатом. Этот брат, его зовут Джоз, совершенный болван. Он глуп, труслив, хвастлив, тщеславен, обжора и, словом, у него еще много таких миленьких качеств. Он чуть-чуть не попадает в сети м-с Шарп, и избавляется только благодаря своей глупости. Амелия уже с детства помолвлена с одним молодым человеком, м<исте>ром Осборном. Этот мистер Осборн обладает прекрасной наружностью и порядочным умом. Но он до крайности легкомыслен, тщеславен и самолюбив, так что иногда является совершенно дурным человеком. У него есть его старый приятель м<исте>р Доббин, под страшно неуклюжей наружностью

Заказ 3692

которого скрывается очень доброе сердце. Он постоянно заботится об Осборне, предостерегает его от игры, которой он слишком предался. Ребекка поступает гувернанткой в один аристократический дом Кроли. Где она всех положительно очаровывает, и в том числе одну старую деву-тетушку, которая обладает громадным состоянием и вокруг которой все увиваются. Мисс Кроли без нее жить не может и берет ее к себе.

Сам Кроли, глава семейства, по смерти своей жены делает ей внезапно предложение. Но она ему отказывает и бежит с его сыном Родоном. Между тем, отец Амелии обанкротился. И старик Осборн запрещает жениться своему сыну на Амелии. Но сын женится против его воли. Отец проклинает его. В это время полк, в котором служит Осборн, получает приказание выступить в поход в Нидерланды. Осборн едет вместе с женой, их сопровождает ее брат. Родон Кроли с Ребеккой также едут туда.

Вторник 9 марта.

Черноцов обещал принести завтра «Дон Карлоса» Шиллера. А Макаров – «Notre Dame». Будет, значит, что читать. Добролюбова я уже почти прочел. У меня явилась теперь идея написать историю 60-х годов и вообще всей той эпохи. Эта эпоха – самая светлая и самая оживленная изо всей истории России. Тут в это время выдвигается в общественной жизни масса даровитых личностей. На литературном поприще действуют в это время: Достоевский, Тургенев, Некрасов, Островский, Писемский, Помяловский, И. и К. Аксаковы, Добролюбов, Писарев, Майков, Гончаров, Алексей и Лев Толстой, Серг<ей> Соловьев, Катков. Словом, тут являются все корифеи русской литературы.

Среда 17 марта.

Сегодня великий день. Сегодня реши<лось>, что мы едем в Крым, в Феодосию и будем там жить. Едем навсегда! Как страшно звучит это *навсегда*. Теперь прощай все, что было раньше – вся прошлая жизнь. Теперь начнется все но-

вое. Новое место, новые люди, все новое. Прощай, Москва! Теперь на юг! на юг! На этот светлый, вечно юный, вечно цветущий, прекрасный, чудесный юг! Но что же будет там? Какая жизнь? Что? Неизвестно. Теперь надо расстаться с товарищами. Расстаться с Черновым. Увижусь ли я с ними еще когда-нибудь или нет? Мне кажется, что вот именно теперь, только теперь, начинается настоящая жизнь. Прежняя была какая-то ровная, размеренная, правильная. А теперь кто знает, что там будет? Лямины также уедут из Москвы, если только дядя не получит место управляющего. Ура! на юг!

Я сегодня в волнении, ничего не могу ни делать, ни думать. Мы уезжаем только в мае. Боже! Еще целых полтора длинных, скучных гимназических месяца. А там потом юг, Крым, солнце, море, природа. Господи! как хорошо! Я не был никогда так счастлив, как сегодня. Одно море! Можно только из-за этого одного сбеситься от радости. Да! Опять видеть море, опять взглянуть на него. Да что взглянуть! Тут будешь смотреть, смотреть до пресыщения, до одурения. Господи, как хорошо! Мама только просила никому не говорить до поры до времени. П<авел> П<авлович> там около Феодосии купил вместе с мамой маленькое имение. Всего в версте от моря, недалеко от гор... Боже, как хорошо!

Четверг 18 марта.

Я еще до сих пор не могу еще прийти в себя. Неужели же я буду жить в Крыму? А вдруг подлец Куська не согласится повысить мне балл из поведения? И тогда оставаться в Москве, в I<-й> гимназии, еще напасть! Брр! Нехорошо! Теперь я все-таки немного успокоился, а то утром я просто ни о чем другом и думать не мог. Вчера я еще не написал ничего еще собственно о земле. Эту землю, 20 десятин, Пав<ел> П<авлович> покупает пополам с мамой у профессора Юнга, у того самого, у которого он был в прошлом году, когда ездил в Крым. Эта земля находится в 10 или 15 верстах от города, а всего в версте или в версте с половиной от моря. На морском берегу есть очень живописные скалы, которые приезжают

многие смотреть из Феодосии. Всё это место называется Кок-Тэбэль. Горы от нашей земли всего в верстах четырех или пяти, не больше. Горы покрыты лесом. На нашей земле будет находиться виноградник.

Я везде сегодня справляюсь, по всем картам, по всем календарям, и стараюсь найти хоть какие-нибудь сведения о Феодосии. Но все напрасно! Только узнал, что проезд от Феодосии до Ялты в 3-м классе стоит 60 к., и больше ничего! какая досада! пропала моя карта Крыма, как раз в то самое время, в которое она могла быть мне всего полезнее. Просто невозможно! Ах, поскорей бы кончалось все это: учение, московская грязь, холод, слякоть, серое небо, тучи! И потом в Крым, в Феодосию! Ура!

Воскресенье 4 апреля.

Сегодня уехал Павел Павлович. В последнее время я собрал все-таки порядочно сведений о Коктебеле. Там самые лучшие камушки, какие только есть на всем южном побережье Крыма. В Ялте они продаются по рублю за фунт и так и называются коктебельскими. Коктебель это болгарская деревня, она находится в долине, прекрасно защищенной от северных и восточных ветров, почему эта долина очень хороша для культуры растений. Эта долина находится в глубине большого залива, который с одной стороны граничит <с> горой Карадагом, а с другой – <с> мысом Киик-Атлама, что по-татарски значит – прыжок дикой козы. Что касается купанья, то лучшего и желать нельзя. В Феодосии купанье считается лучшим на всем южном берегу, а тут оно еще лучше, чем в Феодосии. Положим, что тут нет еще никаких приспособлений, но это составляет даже достоинство места, а никак не недостаток, потому что все эти сооружения только портят место.

Понедельник 12 апреля.

Я вот уже целый месяц, кажется, почти ничего не писал. Пасху я провел скучно. Был раза два у Ляминых, да у бабушки. Бывал у меня Модест. А больше никого не видал.

На Фоминой в гимназии был только в понедельник. А потом заболел – и сегодня был в первый раз. Маша от нас ушла, а вместо нее живет ее знакомая Аннушка. Вчера у нас был Андреевич, а потом бабушка. Мама все время суетится и укладывается. Мебель наша продается, только никто не покупает. Во время болезни я прочел «Отверженные» В. Гюго. Я, право, не ожидал, чтобы во французской литературе было что-нибудь подобное. Теперь хожу совсем очумелый от «Отверженных» и ошалелый от Крыма. Это то же, что смешать два разных вина, сейчас опьянеешь, так и я от этого опомниться не могу. Нет, теперь до тех пор не успокоюсь, пока всего Виктора Гюго не прочту. Право, не понимаю, почему это при имени Гюго упоминают «Собор Богоматери» и др<угие> романы, которые и в подметки «Отверженным» не годятся. «Les Misérables»* – это чудо, это недостижимо. Я решил теперь, что пока в Крым не приеду, стихов писать не буду. Dixi**.

Вторник 13 апреля.
Утром

Сегодня мне надо бал<л>овую подписывать. Право, не знаю. Я ее уж целый месяц не подписывал. Мама будет страшно сердиться. Вчера вон еще она за немецкий вечером кричала. А теперь уж и не знаю. Ну, как вдруг не поеду в Крым? Ну что тогда со мной будет? Это невозможно. Где ж мама меня здесь оставит? В пансион на лето не примут. У бабушки и у Ляминых также не оставит. Я думаю, что это невозможно, и этим теперь только утешаюсь. Сегодня 13 число. Тринадцать! Мне оно часто попадается и всегда в решительных случаях. Что-то сегодня будет? Поскорей бы этот апрель кончился. Тогда уж все решится. Теперь пора идти в гимназию. Господи, помилуй!

5 часов.

Ну, Слава Богу! Балловая подписана и все сделано. Мама не очень сердилась. Но что будет со мной, этого не

* «Отверженные» (*фр.*).
** Я сказал (*лат.*). В значении: больше говорить не о чем.

знаю. Неужто останусь в Москве? Во всяком случае, я буду все лето заниматься и повторять старое. Пора взяться за ум. Теперь я совершенно не могу принудить себя заниматься. Ну что, если я буду теперь учить то, что учат все. Я старого ровно ничего не знаю. И если даже к одному уроку выучу все, что надо, то это я все равно к следующему позабуду, так как старого ничего не знаю. Это будет все совершенно бесплодно. А при такой бесплодности у меня совсем руки опускаются. Но что будет? Вот в чем вопрос! Поеду в Крым или нет? Ах, если б только б поехать!.. то я не знаю, что бы было. Если только поеду, то клянусь, все лето буду заниматься самым прилежным образом. Ах! Если бы только поехать! Я, кажется, если только не поеду, то право, с ума сойду. Ждать, ждать, радоваться, быть уверенным, и вдруг!.. Нет, впрочем, я и теперь уверен. Ну, где я тут в Москве летом останусь? У бабушки? У ней и так места нет. У Ляминых? Мама меня ни за что уж у них не оставит. В пансион, как хочет мама? Но в пансион на лето не примут. Летом там никто в гимназии не живет. Так что ни у знакомых, ни в гимназии мне нельзя будет остаться. А больше и негде. Ведь не будет же меня мама специально отдавать в какой-нибудь летний пансион. Ведь это ей расчету никакого не будет. Так что это невозможно, чтобы я тут в Москве остался. Мама говорит: «Мне нет расчета тащить тебя со мной». Но ей ведь еще меньше расчета оставить меня. Нет! Нет! Я верю, твердо верю, что я буду в Крыму. Бог не оставит меня. Только бы поскорей этот противный, пасмурный, дождливый, холодный апрель проходил, а там юг, солнце! Боже! Это южное, чудное солнце! Нет! Тут нет такого солнца на севере. Такое солнце может быть только там, на юге, в Крыму. Мне даже сегодня ночью снилось солнце южное. Помнится такая голая скала, около нее высокая трава, и солнце печет; горячие лучи совершенно отвесно падают на камень. И кругом все так хорошо, светло. Боже мой! А тут теперь на улицах грязь, гадость, холод, небо пасмурно, если есть солнце, то не греет. Бррр!

Сегодня я возвращался из гимназии с Бальмашовым. Право, мне он очень нравится. Вот с ним можно поговорить много и интересно. Да и вообще он «очень славный», как вы-

ражается С<офья> П<авловна>. Он все просит к себе зайти. Надо будет постараться. Помню, я как-то в прошлом году встретил на улице его с Закалинским во время экзаменов и зашел к нему, но только на минутку и совсем у него не оставался. Он мне обещал писать в Крым. Господи! Сколько писем мне там придется писать. Чернцову, Макарову, Румянцеву, Бальмашову, Модесту, потом изредка еще мне надо будет писать Ляминым.

Среда 14 апреля.

Вчера вечером мы получили письмо от П<авла> П<авловича>. Он уже приехал в Феодосию. Приехал он туда вечером, отправился в гостиницу, выспался — и на другое утро пешком побежал в Коктебель. Дорога, как он пишет, идет по таким спускам, подъемам, ущельям, тропинкам и дебрям, что «даже Макс останется доволен». Пришедши к Юнгу, он отправился с ним осматривать землю и решил купить ту, которая ближе к морю, т.е. всего 6 десятин. Потом нанял себе в Коктебеле у болгарина саклю в одну комнату, но, говорит, такой величины, что она будет одна в половину нашей квартиры. Переночевав у Юнга, он на третий день вернулся в Феодосию. В гостинице так встревожились, что пропал пассажир, что даже хотели посылать за полицией. В этот же день он говорил насчет дома с разными подрядчиками и плотниками. Следующее письмо он обещал написать в скором времени. Да! Еще пишет, что на гору Карадаг час ходьбы. Что там открываются прекрасные виды, и поют соловьи. Эх! Поскорей бы ехать! Право, не понимаю, чего мы здесь теперь сидим в Москве. Не все равно ли маме? Ведь что бы то ни было, я останусь на второй год. И даже я думаю, что, пожалуй, так будет лучше: пробыть год пансионером в Москве, а потом прямо переходить в Феодосию. По крайней мере, тут не придется ни у кого просить. Я вот, кажется, недели три не видал Модеста, куда это он запропал? А мне бы очень хотелось его теперь увидать и поговорить. Вот также не знаю, как быть с Володей Матёкиным. Позавчера я ему было написал записку, да так и не послал, думаю лучше

перед самым отъездом. Да вообще мне не нравятся все эти прощанья, чем скорей ехать, тем лучше. Вон соловьи поют. А там, должно быть, хорошо теперь. А тут сегодня опять пасмурно, небо в тучах, грязь, слякоть, холод. Теперь я даже уж и не понимаю: ну как можно жить в московском климате. Ах! Поскорей бы!

Вторник 20 апреля.

На этой неделе я еще не ходил в гимназию, а все время сижу дома, болен. Мама была сегодня у Павликовского. Тот согласился повысить мне поведение на четыре. Так что очень вероятно, что я перейду в Феодосию. Что я буду, если только возможно, в Феодосийской гимназии — это решено. Я буду жить у бабушки, если только она приедет туда, а по воскресеньям ездить в Коктебель. От П<авла> П<авловича> писем еще не было, хотя от получения последнего письма прошла вот уже неделя. Мы все-таки раньше первых чисел мая не уедем. Я поеду по даровому билету под видом служащего. Бровкин обещал маме достать для меня билет II класса. В воскресенье был у Ляминых. Любы и Лели не было дома. Играл с Сашей в шахматы. Потом дяде вздумалось почему-то стричь меня. Стригли, стригли... Вечером был Васильев, говорили об учителях, а в особенности об Куське. Впрочем, мне теперь нельзя быть недовольным Куськой. Все же он мне повысил поведение. Я ему очень благодарен. Он сказал маме: «У вашего сына очень большие способности, только он страшно ленив». А также, что я мешаю классу, но серьезных проступков у меня нет. Я этого от Куськи не ожидал и, как видно, расстанусь с ним без всякой злобы на него. Ну, да и Бог с ним! Все же легко на сердце, что больше не увижу его, что скоро *насовсем* с ним расстанусь. До мая я еще буду ходить в гимназию, ну да это ничего. Еще какая-нибудь неделька, а там и все уж кончено. В Крым! Только бы поскорее!

Среда 21 апреля.

Сегодня получили письмо от П<авла> П<авловича>. Он купил уже двух лошадей. К постройке дома, т.е. еще <к>

разравниванию места, приступили во вторник. Дом будет стоять на таком месте, что оттуда будет видна вся долина и бухта. Обещается в скором времени найти для нас помещенье. Пишет, что он все время в хлопотах и разъездах, и страшно устал.

Пятница 23 апреля.

Нам с мамой, должно быть, придется выехать из Москвы не раньше пятого мая. Ей еще надо получить денег от Таисы Максимовны, да потом пока еще придет отпуск да билеты? Словом, долго еще. Хотелось бы мне увидеть Модеста. Я его, должно быть, уж с полмесяца не видал. Господи! И к чему это теперь так долго время идет. Поскорей бы ехать. Надоела Москв<а>.

Понедельник 26 апреля.

Вчера целый день бегал. Сперва пошел к Макарову. Нашел его на бульваре. Немного посидели – идет Румянцев. Ходили с ним по Тверскому бульвару. Потом, когда он ушел, пошел к Макарову. Играл с ним в шахматы. Оттуда отправился к Чернцову. Не застал дома. Прошел опять к Макарову, но на этот раз его дома не застал. Отправился к Труниным, справился о Модесте, оттуда пошел к Ляминым, и уж потом домой. Измаялся страшно, а пользы никакой. Сегодня придет Леля, а может, бабушка.

Я последнее время нахожусь в каком-то совсем новом настроении. Это все после того, как я прочел «Les Misérables». Это великая вещь. Шиллер, Диккенс, Гюго и Достоевский – вот четыре писателя четырех наций, перед которыми можно только преклоняться. Они описывают, говорят об одном и том же, – только с разных концов. «Пишите так, чтобы люди плакали!» Вот величайший завет, данный писателям. А, читая Гюго, действительно плачешь, сердце наполняется негодованием. Боже мой, если бы мне хоть когда-нибудь, хоть что-нибудь подобное написать. О, я был бы счастлив тогда!

Понедельник 3 мая.

В субботу 1 мая я был у Чернцова и ходил с ним за город на Москву-реку. В гимназии была прогулка. Да! Позабыл, в пятницу еще вечером мы переехали на новую квартиру к Досекиной, в том же доме. А в субботу и она сюда переехала. В воскресенье утром был в клубе велосипедистов. Потом у Модеста.

Суббота 15 мая.

Я не писал почти уж две недели, все было некогда, а, между тем, у меня есть, что писать, даже очень много. Я, кажется, уже писал раньше, что мы теперь живем у Досекиных. М<ария> Пет<ровна> Досекина – воспитанница Андреевича. Мама ее видала раз в Киеве, когда ей было девять лет, но она говорит, что отлично помнит Маму. Теперь мама с ней познакомилась по случаю кв<артиры>, которую она непременно хотела достать в на<шем> доме. Т<ак> к<ак> срок нашей кв<артиры> уже истек, то мы и нанимаем пока у нее две комнаты с 1 мая. Муж ее Н.В. Дос<екин> – художник, скульптор и пишет критические статьи в «Русском обозрении». Бюсты его очень хороши – в особенности Соловьева Владими<ра> и художн<ика> Шишкина. Едва ли можно найти более хорошее семейство. Мы вот живем полмесяца – и как будто целый век знакомы. Они знакомы со многими теперешними русскими знаменитостями и профессорами – Влад. Соловьевым, с Шишкиным, с покойным Шеншиным они были в очень близких отношениях, со Льв<ом> Толстым, с профес<сором> Зверевым, со многими членами Психологического общества, с Говорухой-Отрок<ом>. Все академисты, проезжая через Москву, считают своим долгом остановиться у них. У них вот жил брат Н<иколая> Вас<ильевича> – Серг<ей> В<асильевич>, также академик, теперь он уж уехал в Харьков. Еще, кроме того, перебывало человек 5 художников.

Мар<ия> Петр<овна> – она страшно живая, быстрая. У ней все делается мгновенно. Вот при переходе, часа в два, все у нее было устроено. Кухарка не может закрыть сундук.

«Барыня! Сундук не запирается!» – «Не запирается! Сядь! Села?» – «Села» – «Заперся?» – «Заперся!». – Ну, и-ди!

Ну, остальное буду писать завтра, а то лень!

31 мая. Понедельник.

Я давно не писал; не писал большей частью потому, что не было чернил. Да и теперь вот пишу карандашом. Мы уезжаем в четверг. Вчера в последний раз виделся с Модестом. Он был у меня, и я провожал его на хутор. Мы с ним прощались у верстового столба на шоссе. На одной стороне было написано «Дорога в Петр<овско->Разумов<ское>», на другой «В Петровск<ий> парк». Совсем как обыкновенно в романах. Мы долго сидели с ним около этого столба и никак не могли расст<аться>. Мы как-то совсем и не думали раньше о расставании. И только в последнюю минуту поняли, что мы, может случиться, не увидимся лет десять или больше. О, я никогда не забуду этого вечера! С это<го> момента для нас обоих начинается новая жизнь! Сколько лет мы с ним жили вместе! Я не знал, что мне будет так тяжело расставаться! Уже совсем стемнело, когда мы встали и прошли немного по тропинке около опушки леса. Там под одной старой березой мы поцеловались и расстали<сь>. Пройдя несколько шагов, я остановился и оглянулся. Он шел большими шагами, не оглядываясь. Скоро он скрылся вдали в туманной мгле.

В Крыму.

Теперь уж начало июля, а между тем, я хоть и живу в Крыму больше, чем месяц, еще ничего не записывал в дневник. Начну с самого отъезда. Это было, кажется, третьего июня. С самого утра шел дождик, погода была*

1 сентября 1893.

Я только что опять читал биографию Надсона. Она каждый раз производит на меня странное и грустное впечатление. Отрывки из его дневника заставляют меня задумываться. Вот, я тоже писал дневник – и снова его начинаю.

* Фраза не дописана.

Но что у меня раньше в дневнике – ложь, ложь и ложь! Я писал ведь его собственно не для себя, но чтобы его прочитали другие, и поэтому все лгал. Теперь я пишу для того, чтобы научиться хоть самому себе правду говорить. Я даже уж до такой степени дошел, что мне трудно. Я сам не могу отличить правды от лжи. Как гадко, что теперь я не могу ни минуты оставать<ся> один с собой и ни об чем не могу думать. Я так привык это лето быть постоянно с самим собою, что это тяжело мне. Является у меня вопрос теперь, что могу ли я быть писателем? Что из того, что я пишу стихи; есть ли у меня хоть маленький талант к этому. У меня стихи выходят лучше, чем у всех товарищей московских, но что же из этого. Вот уж больше полугода прошло, а я еще не написал ни одного стихотворения. Я чувствую, что у меня стихи не выходят свободно, а по какому-то шаблону. И что ж из того, что мои стихи кажутся лучше. Это только потому, что я больше читал. Да и не велика еще честь писать лучше их. Страшно! Если я не буду писателем, то чем же я буду?

29 сентября.

«Давид Копперф<ильд>» – 1 р. 50 к.
«Домби и сын» – 1 р. 50 к.
Купил II том Диккенса.
Был пожар. Гулял на бульв<аре>.

И хочется дальше, туда на простор,
Где плещется синее море,
И где силуэты истерзанных гор
Видны в бесконечном просторе.
И хочется дальше и дальше! Туда,
Где силой могучею полны,
В безбрежном просторе, шумя и ревя,
Сшибаются дикие волны.

В человеке есть два начала – доброе и злое. Обыкновенно главным началом по всем религиям считается доброе начало. Мне кажется, что надо считать наоборот. Человек в диком состоянии подходит к животному. Чем менее развит он, тем наклонности его животнее, т. е. в нем преоблад<ает>

злое начало. Напротив, от развития он получает перевес нравственного мира, т.е. доброго начала над злом. Так что человек происходит от злого начала и, следовательно, нельзя ставить людям в упрек дурные их стороны, но напротив, ставить им в похвалу их достоинства, добытые их собственным трудом.

30 сент<ября>.

Был у Гончарова в первый раз. Были Вельнер, Миронович и один офицер Тимошенко. Читал «Клермонт<ский> собор». Был в ударе. Говорят, что прочел действительно хорошо.

1 октяб<ря>.

Утром был на бульваре с Яшеровой. Обещала дать свои стихи. У Гончаровых в субботу она будет. Вечером у Алкалаевых.

2 окт<ября>.

Утром <был> в гимназии, вечером у Гончаровых. Были те же самые, что раньше, Яшерова и неск<олько> гимназ<исток> и Ханакодоп<уло>. Ханакодоп<уло> читает восхитительно. Он читал много. Я тоже читал. «Клерм<онтский> соб<ор>» прочесть мне не так удалось. Зато я нашел наконец стихотв<орение> «Слушай». Завтра будет в гимн<азии> литерат<урная> беседа о Рудине.

3 окт<ября>.

Утром был <в> церкви. Просил у директора быть на беседе. Позволил. Был у Алкалаевых. На беседу опоздал, потому что затащила к себе поэтесса. Пришел, как все уже уходили. Дал Голобуцкому свои стихи. Что-то будет? Чтение устраивается очень глупо. Точно урок. Говорил много потом на улице с Ханакодопуло и Нефедовым. Мы думаем устроить небольшой кружок, где устраивать свои чтения. Кружок небольшой. Нефедов, Ханакодопуло, Бердичевский, я и еще 2–3 человека. Может, Харитонов и Алексеев. Последнего и

не стоило бы. Говорят, что человек он начитанный. Но он очень антипатичен. Собираться у Нефедова. Конечно, чтобы в гимназии никто бы не знал об этом. Мы будем систематически изучать русскую литературу послегоголевского периода. Голобуцкий говорил, что нужно изучать в таком порядке: Тургенев, Гончаров, Л. Толстой, Писемский, Достоевский.

Господи! Как это было бы хорошо! Я думаю и надеюсь, что это осуществится!

ПАМЯТИ 60-х ГОДОВ

Вы, кто с верой неизменною
На святой вступили путь,
Вы, кто речью незабвенною
Влили силы в нашу грудь,
Вы, грозою беспощадною
Восстававшие на зло,
Что в минуты безотрадные
Омрачает нам чело,
Вы, кто речию свободною
Нам наполнили сердца,
Вы, кто с силой благородною
Были тверды до конца,
Вы, кто в Русь рукою честною
Семя правды занесли
И тяжелой ношей крестною
Свой венец приобрели –
Всех вас, всех, бойцы примерные,
Вспоминаем мы подчас,
До конца отчизне верные,
Послужили вы для нас.
Не гнушаясь злой тревогою,
Ваше знамя мы возьмем,
Вашей трудною дорогою
Вслед за вами мы пойдем.
Вас забыла чернь беспечная,
Позабыл о вас народ,
Но от нас вам память вечная
Чрез столетия пройдет!

Д. Жаренов.

5 <декабря>*

Сегодня получил полный триумф. Меня вызывали больше всех. Когда я проходил после по зале, мне опять аплодировали. После вечера танцы. Танцев<ал> кадриль с Яшеров<ой>. Травля Володи.

5 декабря 1893.

Этот день я обязан отметить в своем дневнике, хотя почти и перестал уже его писать. Это день моего триумфа. Я участвовал в гимназическом вечере. Я был болен пред этим две недели и в гимназию не ходил. Я, было, совсем решил не участвовать в концерте и ехать домой, но когда увидел афишу, то мне так захотелось участвовать, что я тотчас же отправился к директору, и он мне позволил чита<ть> «Чужое горе». Перед моим выходом я не волновался совсем, вышел тоже совсем спокойно. Аплодировали мне чрезвычайно. Вызывали меня четыре раза. Но на бис мне запретили читать. Кричали, чтобы я читал свои стихи. Мне, хотя меня еще продолжали вызывать, Голобуцкий запретил больше выходить и послал Ханакодопуло. Ему стали кричать: «Волошина!» Когда он кончил, опять начали меня вызывать. Когда я вышел из-за кулис в залу, меня встретили аплодисментами. Пуховской, как мне кажется, аплодировали меньше, хотя ее и встретили рукоплесканиями, но зато мне потом аплодировали больше, даже после следующих номеров вызывали меня. Мне очень жалко Ханакодопуло. Это все последствия той истории с Алексеевым. Неприятно главное то, что меня сделали как бы орудьем после него. Я очень боюсь, что он теперь сердится на меня. После были танцы. Я танцевал кадриль с поэтессой. Говорят, что на нас было обращено всеобщее внимание, главное, на меня. Но ведь нельзя же иметь во всем такой успех — и в чтении, и в танцах. Вечер закончился травлей Алкалаева и его дракой на сцене. Его все-таки не могли познакомить с О<льгой> В<асильевной>.

* *В автографе описка*: 5 окт<ября>.

6 декабря.

Весь день в облавах поэт<ессы> на Володю. Письмо от бабушки и Макар<ова>. Ответил тотчас же.

7 декаб<ря>.

Тоска! Тоска! Хочется страшно домой! Жалко, что не пое<хал> вместо концерта.

В НАШ ВЕК

В наш век обмана и разврата,
В наш век практических афер,
Когда все то, что было свято,
Толпой осмеяно теперь;
Когда ужасный яд сомненья
Нас окружил и затопил,
И благородные стремленья
Народной силы задушил,
Когда так низок и ничтожен
Толпы и века идеал,
Поступок всякий подло ложен,
Всех эгоизм обуял, –
Нам в век такой не нужно песен,
Довольства, счастья и любви,
Наш круг теперь уж слишком тесен,
Мы чересчур уж стеснены.
Не нужно их. Нам нужно слово,
Чтобы звучало, как металл,
И чтобы звук его сурово
По сердцу с болью ударял.
Нам речь нужна – и речь живая,
Чтоб наши силы разбудить,
Чтоб мы познали, понимая,
Что так нельзя, так подло жить.

9 декабря 1893 г. Четверг.

Теперь я в ссоре с поэтессой. Произошло это потому, что я во вторник не вышел на бульвар. Раскланивались очень холодно и принужденно. Тоска последнее время страшно. Жду

не дождусь, пока наконец домой не поеду в Коктебель. Я целых полтора месяца дома не был. Л<юбовь> Ил<ьинична> больна, лежит в постели, у ней инфлюэнца. Опять сегодня говорили о том, что хорошо бы было, если бы я приехал к ним летом в деревню. Я сегодня мечтал об том, как хорошо бы было отправиться лето<м> пешком в Ялту. Пробыть там с недельку и оттуда на пароходе отправиться на Севастополь, Одессу и Николаев. Хорошо бы было, если бы это все можно было бы осуществить. Мне теперь все хочется быть одному. Как душно в городе. Надоело все и противно, поскорей бы домой. В особенности, кажется, эти всевозможные разговоры на бульваре и в гимназии надоели.

Почему в душе моей
Столько горя, столько муки,
И в бессильи пали руки,
Слезы льются из очей.
Отчего в душе моей
Столько горя накипело,
Все противно, надоело,
И все хочется скорей
Мне на волю, где в просторе
Горы видны в высоте,
В величавой красоте
Днем и ночью плещет море;
Где под солнечным лучом
Все трепещет и сияет,
И как будто прожигает
Солнце тело все огнем.
Тут так душно, как в неволе,
Мутно море, дождь и грязь,
Небо хмурится, сердясь,
Сердце просится на волю,
В душном городе томясь.

Это стихотворение я написал вчера у Алкалаевых. Написал совершенно для меня же неожиданно и непроизвольно, не обдумывая раньше, а как бы оно само так и вылилось. Вчера я купил две книги: IV том Диккенса и Ломброзо. Теперь у меня Дик<кенса> 5 томов, т. е. всё, что пока вышло

Заказ 3692

из нового издания. Надо будет завтра отдать их переплести. Ну а теперь сяду читать сейчас «Наш общий друг». Думаю на Рождество написать в дневник всю мою жизнь в Феодосии с начала.

10 декабря 1893 г. Пятница.

Вечером был у Пешковского. Он живет теперь у Зайцева. Пил там чай. Познакомился с женой Зайцева. Это уже довольно пожилая полька. Страшно чувствительная и сантиментальна<я>. Кажется, не очень далека. После пошел на мол с Пешковским. Ночь была лунная, светло как днем и очень тепло. Мы с ним все говорили о том, каким образом совершить мне летом путешествие в Ялту. Также о том, как было бы мне хорошо поселиться вместе с ним у Зайцевых. Действительно, у Чернобаевых надоело мне страшно. Это все общество Мурашевых, Менасов и комп<ании>. Это пьянство. Мне просто противно всегда бывает домой возвращаться. Не знаю, согласится ли мама на этот переезд. Если завтра за мной пришлют, то я поговорю об этом. Пешковский говорит, что Зайцев с радостью согласится на это, потому что он искал уже пансионера, но Биркенгоф не согласился.

11 декабря 1893 г. Суббота.

Сегодня в гимназии я сделал один очень нехороший поступок. Все насчет поэтессы. Если бы она этог<о> не узнала только. Главное, – это было так глупо. За мной прислали Ивана из дому. Перед самым отъездом я имел с Раис<ой> Льв<овной> знаменательный для меня разговор. Она мне сказала: «Это хорошо, что вы поссорились с поэтессой. Ей, вы знаете, был очень строгий выговор от начальницы за ее поведение, и очень может случиться, что ее заставят выйти из гимназии. Теперь она все ходит и говорит, что или в монастырь поступит, или руки на себя наложит. Это может действительно случиться, потому что она такая распущенная и нервная». Я собственно знал это раньше, но я думал все, что это пустые сплетни. А это, <о>казывается, правда. Я совершенно не знаю, что делать. Ссора наша все продол-

жается. Мы не говорим. В последний раз она мне не ответила на мой поклон. Что было между нами? Собственно, ничего ровно. Те слова, которые и были сказаны между нами, были говорены постоянно в шутливом тоне. Я ей как-то прямо объяснял ей наши отношения. Даже и в стихах писал тоже. Что теперь будет, не знаю. Подожду до понедельника — и надо будет с ней объясниться лично.

Когда я приехал домой, было 9 часов. Пили чай. Сидел у нас болгарин Иван Тритчев. Мама последнее время нездорова. Сперва у ней болели уши, а после, да и теперь еще, сильный геморрой. Вечером я объяснял ей о моем положении у Чернобаевых. Объяснение было бурно. Мама сердилась и наотрез отказала мне перевести меня от Чернобаевых. Что будет завтра?

12 декабря. Воскресенье.

Встал в 10 часов. Об вчерашнем разговоре речи не начинал. После обеда были у Юнге. Вечером мама сказала, что она напишет Чернобаевой, и если она возвратит данные вперед деньги, то я могу перейти на другую квартиру. Слава Богу! Желания мои исполняются!

13 декабря 1893 г. Понедельник

Встал <в> 4 часа. Выехал в 5 ½. Было темно почти всю дорогу. Был страшный ветер и холод, так что я от Султановки до Насыпкоя почти все пространство шел пешком, чтобы согреться. В гимназию опоздал и не ходил. Потом пошел к Алкалаевым. При первом же моем появлении мне тотчас сообщили, что поэтессе о том объявлении известно. Я собственно только тогда понял все значение, какое можно придать ему, и как она и должна понять его. Я ей написал письмо, в котором вполне откровенно говорил об этом объявлении. Ходил нарочно с этим письмом к Пешковскому, чтоб он ей его передал. Я совершенно не понимаю, зачем я это сделал. Сначала мне это показалось просто смешной шуткой. Я только теперь понял весь ее оскорбительный смысл. Мне эта история все не дает покоя. Чем все это кончится, не знаю. Если б я только этого совсем не делал!

14 декабря. Вторник.

Боже мой! Мало еще той истории с поэтессой, теперь еще подымается другая – через то письмо, что написала мама Раисе Льв<овне>. Так как мама написала в письме, что я потому не хочу тут больше жить, что тут бывает пьянство. Раиса Льв<овна> об это<м> говорила сегодня Молоц<кому> и Сок<олову>, что я передавал, что тут происходит постоянное пьянство. Начинается новая история. Чем только это все кончится. По крайней мере, хорошо то, что скоро праздники, и я уеду от всего этого. Я вовсе не хотел выдавать товарищей и затевать историю. Я думал, что после такого письма, т. е. в тех выражениях, в каких мама писала, Чернобаевы не поднимут на это истории. Чем только все это кончится? Самое простое – как можно скорее уехать домой.

В тот же день вечером.

Тотчас после того, как я это написал, я отправился погулять. Мне хотелось освежиться, и я пошел на мол. По дороге встретил Пешковск<ого>. Он шел с моим письмом, чтобы встретить О<льгу> В<асильевну> на бульваре и отдать ей его. Я ему отсоветовал идти на бульвар, а посоветовал лучше прямо пойти попозже к Воллк-Ланевским, где он ее наверно<е> застанет. Я его звал с собой на мол, но он не согласился и очень был поражен, что я иду туда в такую погоду. Действительно, было холодно и дул сильный ветер. Положим, мне в моем настроении эта погода была очень приятна.

Едва я только дошел до конца мола, вижу сзади меня бежит, догоняет Пешковский. Оказывается, по его словам, что у меня, когда я с ним прощался, был такой вид, что у него явилась мысль, что я иду топиться, и он бросился спасать меня. Этот казус так рассмешил меня, что я все время хохотал и даже никак уняться не мог, чем он, кажется, тоже был очень поражен. Я его проводил до Воллк-Ланевских и ждал его, пока он передавал письмо. Как он мне рассказывал, что она сперва спросила, что читал ли он это письмо и что есть ли в нем что-нибудь для нее оскорбительное, затем

начала читать, сперва смеясь, но потом совсем серьезно. Нич и Воллк-Ланевская в то время, как она читала, страшно хохотали. После того, как она кончила, она сказала Пешковскому: «Передайте ему, что если он не хочет совершенно унизиться в моих глазах, то пусть он непременно будет в четверг у Воллк-Ланевских». Идти или нет? Вот еще новый вопрос. Право, не знаю, что со мной эти дни делается. Мне просто совестно взглянуть каждому в глаза. А уж ей и подавно. Ну, как я приду к Воллк-Ланевским, как я поздороваюсь с ней. Господи! Чем это только все кончится?

15 декабря 1893 г. Среда.

Боже мой, все нет нигде покоя! К Воллк-Ланевским я решил пойти непременно, во что бы то ни стало, чтобы, по крайней мере, эта неизвестность хоть чем-нибудь бы кончилась. После обеда я ходил за книгами к Над<елю?>. И встретился с ней. Она меня, кажется, не видела. Поймал меня Миронович. Он тоже сейчас же обратил внимание на мой вид и просил зайти к нему вечером. Ходил в гимназию отдать книгу, по дороге заходил к Пер. Он меня сегодня просил дать ему, если у меня есть, коктебельских камушков. Я ему обещал занести. Он меня попросил немного посидеть. Познакомил со своей женой, с дочерьми я был знаком уже раньше. Он мне показывал рамки, обклеенные камушками, пересыпанные каким-то блестящим песком, вроде стальных опилок. Это выходит очень эффектно. Он мне, хоть я и отказывался, дал этого песку. Он меня просил купить в Коктебеле ему еще камушков, на рубль так приблизительно, сколько будет. Вечером был у Мироновича. Там было довольно много гостей. Танцевали, играли, я декламировал. Ужинать не остался, потому что спешил домой, боясь, что запрут опять двери у дома.

17 декабря 1893. Пятница.

Ну! Слава Богу! Я теперь так рад, что и сказать нельзя. Начну со вчерашнего дня. Пред тем, как идти к Воллк-Ланевским, меня просто лихорадка трясла. Я предварительно

обдумал весь план действий. Я думал, что прямо, как только войду, обратиться к Ольге В<асильевне> и сказать: «О. В.! Я поступил гадко и подло и раскаиваюсь в этом. Скажите, чем я могу загладить эту гадость?» Но это мне не удалось. Когда я подошел к двери, то минут 5 стоял и никак не решался позвонить. Наконец собрался с духом, перекрестился и позвонил. Мне отворила Вал<ерия> Альф<онсовна>. Как только я переступил через порог, у меня совершенно отняла<сь> способность говорить. Взошел я в залу. Там сидели Евг<ения> Альф<онсовна>, Нич, Налб<андов>, Бондарь, Пешк<овский> и О<льга> В<асильевна>. Я поздоровался со всеми и с О. В., она протянула мне руку, не глядя на меня. Я сел в угол. Тогда подошла ко мне Евг<ения> Альф<онсовна> и начала говорить: «Ну, что вы такой убитый, поверьте, О. В. это так только сердитой притворяется, она уже решила помириться с вами. Поверьте, что мы все знаем, что вы сделали этот поступок необдуманно и нисколько не обвиняем вас. Это может со всяким случиться. Вот смотрите, она пошла теперь в столовую, и вы идите туда, там вы объяснитесь наедине».

Видя, что я встал с места, но идти не решаюсь, она говорит: «Ну, идите, идите! Вы ведь воды хотите напиться. Она там в столовой стоит». Я дошел до двери, но опять повернул назад, не решаясь взойти. «Ну, да идите же, графин там стоит». Я собрался с духом и переступил через порог, но мгновенно мужество все меня оставило, и я, не будучи в состоянии начать говорить, остановился на другой стороне комнаты спиной к О. В. Я хотел говорить, но не мог совершенно раскрыть рта – и даже слезы на глазах навернулись. Тогда О. В. сама подошла ко мне и начала говорить. У ней тоже были слезы на глазах: «Ну, Макс, вы поступили нехорошо, необдуманно, но я знаю и вижу, что вы искренно раскаиваетесь, и потому будем снова по-прежнему друзьями, я обещаю вам, что никогда больше не вспомню вам об этом». Я хотел опять начать говорить, но все-таки не мог. В это время взошла Евг<ения> Альф<онсовна>: «Ну, поздравляю вас! Теперь вы можете идти и не будьте таким грустным».

Весь вечер прошел замечательно весело. Через несколько времени почти все уже собрались, и начались танцы. Ол<ьга> В<асильевна> потащила меня танцевать польку. «Да я ведь не умею, я никогда не танцевал!» – «Ну, да решитесь, попробуйте!» Я решился, и оказалось, что я польку могу танцевать. «Ну, теперь попробуйте вальс!» – «Ну, это я, право, уже совсем не могу. Ведь польку я все-таки учился танцевать, а вальс никогда». – «Ну, ерунда, пойдемте, и этому научитесь. Ведь вы польку тоже не хотели танцевать». Я решился, и оказалось, что смог и вальс протанцевать. Так что под конец разошелся и танцевал все время и со всеми дамами. Я и до сих пор не могу поверить, чтобы я мог танцевать польку и вальс. Теперь, значит, можно сказать, что я танцую.

Во время второй кадрили я не танцевал, и Пешковский тоже. Мы с ним сидели в другой комнате и говорили. Между прочим, он мне сказал: «А знаете! Я вот сегодня разговаривал с Нич, и мы нашли, что вы замечательно напоминаете Пьера Безухова из "Войны и мира" Л. Толстого. И по фигуре вашей и по характеру, только одна разница – тот поэтом не был, а то сходство поразительное». Эти слова меня очень обрадовали. Я всегда находил, когда читал «Войну и мир», замечательно много сходства между собой и Пьером. Теперь другие тоже подтверждают это. Во всяком случае, это сравнение лестное. Я тоже нахожу, что у меня те же самые дурные стороны, как и у Пьера.

С вечера разошлись поздно в 2 часа. Прихожу домой – заперто. Стучу, стучу, наконец отворяет мне сам Гр<игорий> Ев<меньевич>. «Ого! Рано довольно! Где это вы были?» Я сказал. Он не ответил ничего. Я лег спать. Проснулся поздно, так что чая не пил и побежал скорее в гимназию. Ну, там сегодня особенного не случилось ничего. Я вообще о гимназии писать не люблю. И так надоедает. После обеда (у Алкалаевых) я ходил по Итальянской с О<льгой> В<асильевной>. Не знаю, что только с ней сегодня творилось. Она еще вчера говорила, что она отравится, и что у ней уже есть медный

купорос для этого. Она сказала, что съест его при мне. Действительно, пошли мы с ней на Айвазовский бульвар, она вынула какой-то кусочек чего-то из кармана. Видом он действительно похож на купорос. Она взяла его в рот и что-то долго сосала и как будто все старалась проглотить его, но не могла и, наконец, выплюнула его. Ей сделалось после этого гадко (не знаю, правда ли), и мы должны были пойти домой, где она выполоскала рот и напилась воды. А после снова пошли на Итальянскую. Много смеялись, вспоминая наше вчерашнее примирение.

20 декабря 1893 г. Понедельник.

Сегодня нас распустили. Выдали четвертные. Ученик я 7-мой: каким был, таким и остался. По-русски у меня 4. За мной приедут, должно быть, в четверг. Что теперь мне делать, не знаю совершенно. Почти все разъехались. Скука! Скука! Сяду сейчас читать, а то писать что-то не хочется.

1 января. Суббота. 1894 год

Встретил я новый год с мамой вдвоем, совершенно случайно, потому что мы не собирались его встречать. Я приехал в Коктебель на 3-тий день праздника. Это случилось потому, что мама приехала за мной за 2 дня до праздников, и мы застряли, благодаря снежным заносам, морозу и метели. Жили все это время у Алкалаевых. Я нигде не показывался и не бывал. Праздники прошли совершенно незаметно. Я только читаю, сижу теперь дома по целым дням. Ветер такой страшный, что выходить нет никакой возможности.

9 января 1894 г.

Послал письмо в «Живопис<ное> обозрен<ие>». Накануне ряжен у Папокристо. Веч<ер> сегодня у Воллк-Ланевск<их>.

15 января 1894 года. Суббота.

Сегодня день рождения Леры Воллк-Ланевской. Я ушел из гимназии с первого урока. Надоело сидеть. Прихожу к инспектору, говорю: «Отпустите домой». Положил руки на лоб, спрашивает: «Твоя как фамилия – Кириенко-Волóшин или Вóлошин?» Говорю: «Волóшин». – «Ну, коли Волóшин, то иди!»

В час отправился к Воллк-Ланевским поздравить. Стихотворение для этого случая приготовил. Находился в страшном недоумении, каким образом отдать его. Алексеев советовал взойти, остановиться на пороге, торжественно продекламировать его и затем поднести. Я тоже придумал способ: когда буду здороваться, сунуть его в руку, как обыкновенно дают гонорар докторам, или же сделать таким образом: поздравить, а потом сказать: «А вот мои пожелания, я тут на отдельном листочке записал». Но мне это никаким образом не удалось. Во-первых потому, что дверь мне открыла сама Вал<ерия> Альф<онсовна>, а потом я сам сконфузился, сам не знаю чему. Сидел, сидел, все думаю, как же я стихи поднесу. Отвечаю на вопросы невпопад. Наконец решился – говорю: «Вот, В. А., написал я вам стихотворение. Только совсем не знаю, как поднести, советовали мне и так-то, и так-то, но мне, как вы видите, не удалось никаким способом из этих поднести». Сидел вообще недолго, скоро распрощался.

Пошел на бульвар. Встретился со студентом Харлампидием, провожал его до дому, разговаривал с ним. Он мне очень нравится. Очень славный.

Благодаря Яшеровой, которая меня потащила с собой, я явился первый на вечер к Воллк-Ланевским, по крайней мере, за полчаса до прихода остальных. Собирались вообще очень медленно и вяло. Сперва, как обыкновенно, барышни держались как-то отдаленно от кавалеров. Народу набралось очень много. Из барышень новые были: Налбандовы, Рогальская, Фаня Короленко и Кушнерева. Начались танцы. Танцевали очень много, я в особенности. Приходили мас-

ки, но их приняли очень холодно, так что они потолкались с четверть часа и удалились. Первую кадриль я танцевал с Ольгой Массаковской, вторую с Рогальской. Она мне очень нравится. По росту ей можно дать самое большее лет двенадцать, хоть ей уже семнадцать лет. Она очень симпатична и на еврейку не похожа совсем. Ее можно даже хорошенькой назвать. Поэтесса мне страшно за этот вечер надосла. Дал себе слово с этого времени стараться как можно реже с ней встречаться.

За ужином я прочитал стихотворение поздравительное. Сидел я в уголке вместе с Мурзаевым. Так как меня все угощали вином, у меня закружилась голова после ужина. Потом снова были танцы. Интересный разговор с Налбандовой — она мне говорит, что она постоянно ведет список ученикам и ученицам, влюбленным друг в друга. Я был удивлен. И она мне говорит: «Ну, скажите, а разве вы сами не записываете этого?» Какое странное убеждение!?!?!

Разошлись в четыре часа утра.

16 января 1894 года. Воскресенье.

Встал в два часа. Голова болит, не знаю отчего. Пошел к Алкалаевым, но долго там не высидел, воротился домой. Вечерком отправился к офицеру Абаджи-Кирикимчаеву. Он меня давно уже приглашал заходить к нему посидеть вечерком. Сидели мы долго. Говорили. Все время имел удовольствие слушать, как за стеной ругалась с кем-то Яшерова. Он мне рассказывал свои воспоминания о Болгарии. Своей родине, где он родился и вырос. Он был в Болгарии во время войны 1877 года. Он очень живо и интересно рассказывал, как защищался их город, и с каким энтузиазмом встречали они русские войска, когда те вступили в их город. И какое впечатление произвел на него молебен по вступлении русских войск, который начинался словами: «Слава в вышних Богу, а на земле мир и в человецех благоволение». Я непременно попрошу его рассказать это как можно подробнее. Это такой великолепный сюжет для повести! Я непременно постараюсь ее написать.

31 января 1894 г.

[Черт знает, что происходит последнее время. С]*

Человек это яйцо, в котором во время его существования все более и боле<е> зарождается и развивается новая жизнь – душа. Смерть есть то же рождение, только это рождение духа, а не тела. Душа настолько же себя не сознает в первые моменты после смерти, как и человек не сознает себя во время рождения. И в том и в другом случае **энергия** должна освоиться со своим положением.

<Список выданных для чтения книг>

1) «Дав<ид> Копперф<ильд>» I т. – Пешковский.

2) «Домби и сын», II т<ом>. – Рогальские.

3) «Холодн<ый> дом». III <т.> – Кап<итанаки?>

4) «Наш общ<ий> друг», IV <т.> – Гончарова.

5) «Крошка Дорр<ит>» – Гессел. (?)

6) «Записки Пикв<икского> кл<уба>», VI <т.> – Калитин.

7) «Никол<ай> Никльби», VII <т.> – Дома.

Помялов<ский> – Спитков<ский>.
Гейне «Книга пес<ен>» – Пешков<ские>
«Лютеция» Гейне – Воллк-Ланев<ские>.
Байр<он> «Дон Ж<уан>» – Гермут (?).
Достоевский XI т. – Воллк-Ланев<ская>
Короленко В. – Сниткова.
Скабичев<ский> – Туркиянц.
Тургенев – Лаппо-Данилев<ский>.
«Брат<ья> Карамаз<овы>» – ?
Помялов<ский> – Крыжевский.
Помяловский <?> – Соломос.
Шерр, I <том>. – Гауфлер.
Теккерей, IV <том> – Айвазовской.
Доде, III <том>. – <у> мамы.
Короленко – Ги<н>дилевич.
«Холод<ный> дом» Дик<кенса> – Капитанаки?

* На этом запись обрывается.

«Наш общ<ий> друг» – Гончаров.
Гейне «Лютеция» – Вол<л>к-Ланев<ские>.
Достоев<ский>, XI т<ом>. – « – « – «
Бертолотти –
Шиллер, III <том>. –.
} Махов
Доде – Минко
Доде, VII – Капитанаки
2 тома Достоевского –
«История земли» – « – «
«Физ<иология> смеха» Спенсера – « – «
«Урания» Флам<м>арио<на> – « – «
} Сниткова

‹1897›

27 апреля 1897 года.

Где-то я встретил такую мысль: молитва имеет тот смысл, что это отчет в прожитом дне, самопроверка. Я начинаю этот дневник с тем, чтобы он заступил мне место молитвы. Я чувствую, что последнее время, особенно этот последний год, я чрезвычайно мало подвинулся в своем развитии и самосознании. Пусть этот дневник послужит искусственным фактором к развитию самосознания. Это одна причина. Другая же та, что мне интересно сохранить себе себя и свою жизнь. Поэтому я и начал дневник теперь, перед самыми экзаменами. Аттестат – это первая из поворотных точек моей жизни, если не считать переезда из Москвы в Феодосию, который, как я уже давно вижу, произвел громадные перевороты во мне. Тем интереснее будет сохранить об этом память.

Я еще не испытываю экзаменационной горячки. Будучи на Пасхе в Коктебеле, я испытывал гораздо больше волнения, чем теперь.

Когда я сегодня проснулся, первым звуком, долетевшим до моего уха, был сдержанный плач в соседней комнате. Саша уже проснулся и тоже, по-видимому, прислушивался. «Что это? Кажется, кто-то плачет в комнате рядом?». Жорж, уже вставший и одетый, вышел из комнаты и через несколько минут вернулся: «Знаете, – этот офицер только что бил своего денщика – это он плакал. Он мне только что рассказал об этом». Мы были все сильно возмущены. «Собственно, нам бы следовало донести полковому командиру. Но неловко гимназистам, да и нельзя», – сказал Саша. «По-моему, следует ему сделать намек на это за обедом. А потом я расскажу обо всем Андрею Васильевичу», – заметил Жорж.

Меня этот факт ужасно возмутил. Вообще, я замечал за собой, что если мне приходится слышать о каком-нибудь унижении человеческой личности, то в груди у меня что-то так и подымается. Но это не есть альтруизм, потому что для того, чтобы сознать всю гадость подобного поступка, мне необходимо поставить себя на место страдающего субъекта – и тогда я только и возмущаюсь искренно. То же чувство бывает у меня, когда мне говорят, что кто-либо или что-либо заставит меня то-то сделать. Любовь ли это к свободе и к ближнему, или просто эгоизм?

На Андрея Васильевича сообщение об этом факте не произвело впечатления, и он сказал Жоржу, что это и раньше известно было. Я, по обыкновению зарвавшись, сказал потом Саше, что поражаюсь, как в таком случае Кадыгроб держали его на квартире. Этот спор прекратило то обстоятельство, что пора было идти в гимназию на молебен. В гимназии ко мне подошел Мурашев и таинственно сообщил, что он вчера, роясь между бумагами Морозова, нашел наши темы по греческому и в заключение попросил написать ему на завтра сочинение. Когда я стоял в церкви, пришла неожиданно туда мама. Мы были потом с ней у Петровых, а затем она сидела у меня. По ее мнению, истории с офицером не следует оставлять и, если мы не хотим начинать де́ла, то можем просто пригрозить, что донесем на него. Затем разговор перешел на «Оправдание добра» В. Соловьева, а отсюда Саша перешел к вопросу, имеет ли право он воспользоваться добытой темой для получения медали. Мама сказала, что, по ее мнению, это компромисс вполне простительный, так как он не приносит никому вреда.

После отъезда мамы у нас был длинный разговор о компромиссе, который теперь уже я не в состоянии передать, хотя он оставил по себе очень приятное впечатление: общая судьба подобных разговоров. Между прочим, Саша мне сообщил, что он для истолкования характера Алек<сандры> Мих<айловны> начал на Пасхе изучать психиатрию. Алек<сандра> Мих<айловна> опасается, что Саша сойдет с ума, и считает его ненормальным, причем тщательно скры-

васт, конечно, это от него, а он, в свою очередь, находит в ней целую систему психических болезней. Это мне напомнило, как мне Лера рассказывала, что она была влюблена в Сашу, когда он только что приехал, что он поражал ее особенно своими самостоятельными взглядами в музыке и спартанской краткостью своих ответов; Саша же говорил мне через несколько дней, что два года тому назад он был с ней в таких отношениях, что готов был влюбиться, и ему казалось, что и она готова была. Это, значит, было через два года после того, как она сходила с ума по нем.

«Они уже умерли оба и сами не знали о том».

Вечером был у Александры Мих<айловны> и писал обещанные сочинения.

28 апреля.

«Макс, я наконец решил насчет греческой темы», — сказал мне сегодня Саша. — Я не имею права ею воспользоваться. Я вчера после нашего разговора все время об этом думал, так что даже не мог заниматься с Колей. Когда пришел Жорж, я стал с ним об этом говорить — он мне сейчас же начал говорить, что мне, конечно, следует воспользоваться темой, и вот тут-то у меня в голове так в<д>руг и просветлило, и я решил, что не имею права пользоваться таким средством для получения медали. Медаль ведь только доставит мне удовольствие, и то, что я получу медаль, не принесет пользы никому. Следовательно, я не имею права вступать в этом случае в компромисс. Вот тебе — другое дело. Тебе нужно воспользоваться темой, чтобы получить не медаль, а аттестат; а получивши аттестат, ты можешь потом принести пользу обществу».

— Да, хорошо: но принесу ли я эту пользу? Вдруг я по окончании неожиданно умираю: тогда ведь компромисс, в который я вошел, является преступлением. Помнишь тот вчерашний пример о чиновнике, пользующемся кассой с тем, чтобы возвратить взятое? Ведь компромисс может быть только тогда абсолютно справедливым, когда человек обладает даром безошибочного предвидения. Выходит так.

— Мне кажется, что тут большую роль должен играть голос совести, а рассуждая так, как ты рассуждаешь, снова совершенно запутаешься.

Этот разговор происходил утром. Все утро до обеда я сидел дома и занимался геометрией, хотя работалось очень лениво. Я чувствую, что, пожалуй бы, и вовсе не работал, если бы не стыдился присутствия Саши и Жоржа. После обеда мы с Жоржем пошли к Воллк-Ланевским. Саша обедал у Петровых. Предварительно мы зашли к Мышкину, а я заходил к Юрию Андреев<ичу> за Белинским. У Воллк-Ланевских сыграли партию в крокет. Затем был на уроке. В 7 часов у нас на квартире было назначено собрание всего класса, для того, чтобы сообща составить план того, как нам сидеть на экзаменах. Прихожу домой — у нас толкотня страшная. Комната полным полна. В воздухе облака дыму и страшный гам. Говорят все сразу, никто никого не слушает: словом, то, что обыкновенно у нас бывает. У нас был такой крик, что прохожие даже останавливались перед домом. Кое-как составили план и разместили всех. Тогда Алкалаев заявляет, что он не желает сидеть на том месте, где ему указали, и хочет сидеть ближе к Саше. Почти целый час прошел в разговорах об этом. Весь класс показал самым явным образом нелюбовь к Алкалаеву. Действительно, сегодня он снова явился в ореоле своего эгоизма. У нас есть много чрезвычайно слабых учеников, гораздо слабее его, а он, тем не менее, во что бы то ни стало желал захватить лучшее место. Уже все разошлись — он все еще оставался у нас. Тут оказалось, что он подозревает, что Жорж и я, около которых он сидит, из вражды к нему, не окажем ему помощи на экзамене. Хотя мы ему и объясняли, что он для нас на экзамене не Алкалаев, а просто товарищ, которому следует помочь, но он, очевидно, не поверил этому. «Если меня посодят там, то я стану шумить и меня пересодят на другое место». — Ну, в таком случае, никто из товарищей тебе ни слова не подскажет и ничем не поможет, так как таким образом ты подводишь другого товарища, которого сажают на твое место, или даже нескольких, если это хороший ученик. Ведь из-за тебя несколько человек могут лишиться аттестата. Саша, ты будешь

ему помогать в таком случае? – «Нет. Тогда я не имею права». Он долго сидел и ворчал. Наконец, я его выгнал тем, что поцеловал его. Он страшно обиделся и моментально исчез.

Офицер Лебедев завтра уезжает из Феодосии, так что истории, очевидно, начинать не стоит. Начну ли я завтра заниматься? Вот вопрос. У меня совершенно нет охоты. Есть некоторые квартиры, в которых как-то ужасно неудобно заниматься. Т.е. это не квартиры, а обстановки. Настоящая обстановка – одна из тех. Ужасно неприятно, что приходится теперь жить втроем. Наша хозяйка поступила очень неделикатно. Только что, между прочим, выходя в коридор, столкнулся с Лебедевым. «Вы уезжаете сегодня ночью?» – «Да», – и он мне так мило пожелал спокойной ночи, что язык не повернулся что-нибудь сказать о вчерашнем мордобитии, и <я> с большим чувством пожал ему руку и совершенно искренно и чрезвычайно дружелюбно пожелал ему счастливого пути. Черт знает, что такое! У меня никогда нет силы воли пр<от>ивустоять тону голоса. Тон оказывает на меня самое сильное влияние. Стоит только человеку, на которого я за минуту перед тем метал громы негодования, заговорить со мной дружеским тоном, – и вся злоба моя моментально исчезает и сменяется самой нежной симпатией. Не то же ли с Чураевым? Ведь сознаю, что он подлец, а стоит ему заговорить, и я ему симпатизирую.

29 апреля.

Какая ночь! Я только что стоял на балконе. Свежий морской ветерок, густая лунная тень от дома на тротуаре, белесоватые полутона деревьев, перспектива улицы, сливающаяся вдали в одно неясное пятно, легкий силуэт судна у берега и тихие звуки засыпающего города... Какое-то странное полугрустное, полумечтательное и очень хорошее настроение. Все чувства и мысли приобретают особенную мягкость и гармоничность, тоже переходят в полутона. Стремление к чему-то хорошему, мечты о прошлом и о будущем, легкий трепет шевельнувшегося ветра и беспричинные слезы, почему-то подступающие к глазам... Все это было

Заказ 3692

внезапно нарушено Жоржем: «Отчего ты не занимаешься? Ты сегодня ведь почти ничего не делал. Что ты думаешь?» Я страшно разозлился и ответил очень резко: «Я не понимаю, кому какое дело до того, что я делаю что-нибудь или не делаю». – «Я должен тебя предупредить, если ты такой ребенок, что сам этого не понимаешь».

1 мая.

Возвращаешься вечером домой, и нападает тоска. Приходишь как в казарму. А что может быть хуже казармы? Казарма – это уничтожение личности, олицетворение деспотизма и социальных фантазий всех времен о равенстве. Жить втроем, как мы теперь, это уже казарма. Я находил себя стесненным на той квартире, когда мы жили в комнате, отдельной от Жоржа, а теперь я чувствую себя буквально скованным. Я теперь не могу никогда ни одного слова свободно перемолвить с Сашей. Впрочем, сегодня утром мы довольно долго говорили, сидя на балконе, когда Жоржа не было. Говорили об Ал<ександре> Мих<айловне> и об ее новом пристрастии к карточным играм. «Ты знаешь, – говорил Саша, – мы вчера весь вечер провели в том, что играли в блошки. Я, между прочим, узнал теперь, что это слово настолько прилично, что его можно употреблять в обществе. Я теперь буквально теряю уважение к Ал<ександре> Мих<айловне>: ты подумай, ведь она нас с тобой уважает. И я буквально ее внезапную страсть к кабале объясняю тем, что она теперь видится так редко с нами. При нас она совсем не прибегала к играм. Это очень зависит от того, в каком обществе она находится. А общество... Этот Густав, да и все Дуранте, все они ведь, даже Елен<а> Вик<ентьевна>, – барышни в кавычках. Только вот Крым образованный человек. По-моему, тот человек, который так быстро ассимилируется, не обладает сильным характером».

Мы довольно много говорили на эту тему. Когда разговор уже кончился и я уходил с балкона, Саша неожиданно остановил меня и сказал трагическим шепотом: «Да, я еще хотел тебе сказать: мне Жорж противен». – «Я тебе глубо-

ко сочувствую». – «Я сегодня попрошу хозяйку, чтобы она отдала нам еще комнату, хоть пока жильцов других еще нет. Собственно, это просто неделикатно с ее стороны поместить нас в одну комнату, даже не предупредивши. А между тем, когда она искала квартиру,* я ей несколько раз говорил о том, что мы бы хотели непременно иметь, как и раньше, отдельную комнату».

Завтракал я у Соломос. Пришел якобы для того, чтобы заниматься, и абсолютно ничего не сделал. Там же я и обедал. После обеда приходит туда и Саша.

...И входит он, любить готовый
С душой, открытой для добра,
И мыслит он, что жизни новой
Пришла желанная пора.

Этот стих все вертится у меня в голове вот уж третий день. Это мне открылось из Лермонтова третьего дня, когда я сидел вечером у Ал<ександры> Мих<айловны>. Мне кажется, что это очень подходит к настоящей эпохе моей жизни.

7 мая.

Сегодня был экзамен латинс<кий> пис<ьменный>. Позавчера был русский. Тема: влияние поэта на общество. Сначала я стал писать с увлечением, но после нескольких тщетных и отнявших очень много времени попыток написать и подбросить другим сочинение, на меня нашло окончательное затемнение, так что я не мог вытянуть из себя буквально ни одной мысли. Я разбирал поэта как голос общественной совести, а в главной части привел различные стадии общественного значения поэта: поэт-пророк, поэт-жрец, и – национально эпический певец; и – певец трубадур и, наконец, п<оэт>-писатель. Сегодня спрашивал Юрия Андреевича о сочинении: он сказал «очень хорошо».

На днях совершилось «событие»: мы с Сашей переселились от Жоржа. Наша теперешняя комната полутемная и душная, окном <в> коридор, но зато мы одни, и для нас снова наступили «петровские» времена. Жорж был чрезвычай-

* Вероятно, следует читать «квартирантов».

но рассержен и раздражен нашим выселением, но теперь, по-видимому, примирился и к нам не показывается.

2 мая были в Феодосии мама и Пав<ел> Пав<лович> и уехали вечером в Ялту, чтобы оттуда вернуться пешком в Коктебель.

У меня не хватает во время экзаменов сосредоточенности, чтобы вести дневник. Поэтому на сегодня довольно.

9 мая.

Утром занимался алгеброй. После обеда пошел к Соломос и оттуда вечером с Лидой к Лельевр. Был там в первый раз. Застал Юрия Андреевича. Он просил меня переписать несколько своих стихотворений, чтобы послать их с моим сочинением в округ. На мой вопрос, как наши сочинения сравнительно с прошлогодними, он сказал: «В прошлом году не было выдающихся сочинений, – были все больше на четверку, но были и чрезвычайно слабые, в этом же году очень слабых совсем нет, а пятерок будет больше. Впрочем, окончательно судить я еще не могу, потому что не успел прочесть всех».

Он скоро ушел, а после его ухода М<ария> Як<овлев>на и П<етр> Я<ковлевич> показывали мне две его вещи – одна комическая поэма в стихах – «Красивые статуэтки», а другая замечательно остроумная пародия.

Вчера вечером был с Алек<сандрой> Мих<айловной> на волнорезе. Разговор о Натанзоне.

11 мая.

Сегодня были в Феодосии мама и Пав<ел> Пав<лович>. Они уже вернулись из Ялты. Мамин рассказ о путешествии так раззадорил меня, что меня сейчас же потянуло в горы в путешествие. Да и не меня только раззадорил он, но и Сашу и Андрея Васильев<ича> и Евген<ию> Петровну. Так что мы решили сейчас же после экзаменов идти в Ялту. Мы – это, собственно, я и Саша. Хорошо, если бы мы пошли одни, впрочем, против Анд<рея> Васильев<ича> я ничего не имею, но Ев<гения> Петр<овна> будет представлять из

себя излишнюю тяжесть и тормоз. Так мы птицы вольные – идем куда хотим, не стесняясь ни временем, ни дорогой, а тут я предчувствую на первом плане будут стоять сквозняки и сырость. Она с таким увлечением говорила сегодня об этом будущем путешествии, что я невольно сочувствовал ее сопутствию, но только в то время. Положим, я сильно сомневаюсь, чтобы она пошла – это окажется тем же путешествием в Иерусалим с Верой.

Пав<ел> Пав<лович>, я заметил, очень симпатизирует Саше. На мой вопрос, как ему понравилась m-me Пешковская, он ответил: «Самое симпатичное в ней то, что она произвела на свет Пешковского».

Вечером приходил Исар заняться с Сашей. После отправились пить пиво: последнее время это все больше входит в моду – первые признаки эмансипации.

Завтра геометрия. Я опасаюсь ее больше всех уже бывших экзаменов. Неужели же мне придется прибегать к посторонней помощи?

Вчера был у меня разговор с Алкалаевым – снова те же просьбы бывать. За последнее время он изменился и, кажется, к лучшему. Я, может быть, пойду к ним. Вечером вчера сидел у Алекс<андры> Мих<айловны>. Разговор шел все загадками. Например: «Я по отношению к вам солнце, которое согревает растение, а вы по отношению ко мне паук, пожирающий муху». Или: «Сколько я из-за вас вынесла. Впрочем, вы не виноваты. И самое комичное в этой истории, что все происходило молча: я ничего не знала и вы тоже, и третье лицо (это не Алек<сандра> Мих<айловна>), и грозовые тучи постепенно и безмолвно собрались над моей головой, и так же безмолвно разошлись. Бывают же такие молчаливые бури. Впрочем, я ничего вам теперь не скажу, может, после когда-нибудь».

Когда я рассказал Саше это, он просто из себя вышел: «Ну вот, вот! Она всегда так. Я бы на твоем месте сию же минуту бы ушел. Это значит, что она все-таки не считает нас достойными доверия».

17 мая.

Инцидент со Спитковским по поводу направления Мантелевой работы получил совершенно неожиданное значение: ему решено поставить в аттестат 4 за поведение. Я это узнал вчера. Вообще вчерашний день был для меня рядом неприятностей. Первой из них была психологическая и непонятная обида Алек<сандры> Михайл<овны>. Затем у Воллк-Ланевских я узнал о Спитковском и, наконец, вечером весь дом переполошился по поводу истерики Евген<ии> Петр<овны>.

Сегодня я был разбужен Волод<ей> Алкалаевым: он пришел меня звать к себе, чтобы переговорить с Люб<овью> Ильин<ичной> по поводу дела Спитков<ского>. Это был удобный повод для возобновления знакомства, и я пошел. Разговор о способе действия. Лев Вик<ентьевич>. После обеда я отправился агитировать к m-me Лампси. Она приняла мою просьбу сочувственно и выразила готовность помочь. Айвазовский теперь в Шах-Мамае, где завтра будет и губернатор, так что она предложила написать Айваз<овскому> о деле Спитковского сегодня же для того, чтобы тот уже в свою очередь сообщил об этом губернатору. Я с Жоржем составил для нее краткое изложение сути дела, которое она пошлет с письмом к Айвазовскому.

Вечером ездил с Володей на дачу к Альбрехт<у> с тою же целью. «Flectere si nequeo superos, Acheronta movebo». Если боги (Айвазовский и пр.) не захотят принять участия, то нужно возбудить общественное мнение, и тогда оно сможет повлиять.

Завтра сажусь за Закон Божий и погружаюсь в изучение его – брр.... р... р...

18 мая.

Неожиданный и невероятный оборот дела. За мной присылают от Лампси: «Иван Констант<инович> просит вас, если вы можете, с кем-нибудь из ваших товарищей, по вашему выбору, завтра приехать в Шах-Мамай, чтобы лично поговорить о деле Спитковского. А также он хочет уз-

нать, как относятся гимназисты к удалению Галабутского. Согласны ли вы?» Я сказал, что окончательный ответ дам в 9 часов вечера. Предложил ехать, конечно, Саше, на что он почти тотчас же согласился. Другие события дня: приезд Минко и письмо к Алекс<андре> Мих<айловне>. Последнее имело успех – она расхохоталась, чего я и добивался. Мир заключен заочно, так как я не успел быть у нее. Завтра придется учить Закон Божий по дороге, так как сегодня ничего не сделал. Да и сейчас нужно заниматься.

19 мая.

Только что вернулся из дипломатического путешествия в Шах-Мамай. Встали мы с Сашей сегодня в 6 часов, и я сейчас же отправился искать лошадей. Собиралась гроза, и, пока я искал и бегал по городу, разразился такой ливень, что нечего было и думать о поездке. Решили уже отложить на завтра, но Спитковский, придя часов в девять, уговорил нас ехать. Мы поехали в 9 ½ часов, решив пренебречь советом Алек<сандры> Иван<овны> не опоздать к завтраку, ввиду дурной погоды. Сперва в начале пути мы составляли план действия: как отвечать и что говорить. Мы предполагали, что он хочет нас видеть, чтобы расспросить об историях, происходящих в гимназии, затем перешли к Алек<сандре> Мих<айловне>. Старая и вечно новая тема.

К Шах-Мамаю мы подъехали в час. Айвазовский нас встретил на террасе и довольно милостиво, несмотря на то, что мы опоздали к завтраку, предложил нам закусить. За столом у нас происходил следующий разговор:

Айв<азовский>. Я вас пригласил, господа, потому, что хотел поговорить с вами относительно последней истории в вашей гимназии, т.е. об удалении этого учителя... как его?... Гала... Галабутского... Да... Так я слышал, что у вас какие-то волнения там...

Я. Волнений между учащимися нет: вы неправильно поняли. Алек<сандра> Ив<ановна> употребила в письме слово волнения в том смысле, что гимназисты очень огорчены отставкой лучшего и любимейшего учителя.

Айв<азовский>. Да... Так вот, я хотел предупредить через вас других учеников, чтобы они не устраивали никаких демонстраций против директора, потому что это может только повредить Галабутскому. Я же лично в этом деле не могу ничего сделать, так как я недавно беспокоил министра по поводу постройки нового здания гимназии, и я не могу больше его беспокоить. Галабуцкий поступил, конечно, благородно, но ведь другие же подписали эту бумагу, – так следовало и ему. Зачем непременно выделяться? Да, и он еще там что-то писал попечителю и обвинял директора, что он не ту форму бумаге придал. Ну, видите ли, это неудобно. Придется уже примириться с его удалением. Я вообще... я держусь взглядов... я, собственно, не... не... не...

Мы находились в большом затруднении. Он, очевидно, никак не мог подобрать слова и ждал, что мы ему подскажем, а мы совсем не знали, за кого он себя желает выдать – за либерала или консерватора. Наконец, он вспомнил: «Я не сторонник деспотизма и сознаю, что у нас в России совершается много неприятных вещей, но что ж – сознаешь это, а нужно все-таки примиряться. Ведь вот в Академии художеств был совершенно такой же случай с Куинджи».

Когда он кончил рассказ о Куинджи (очевидно, он либеральничал), Саша спросил его о деле Спитковского. «О, это дело я улажу, это я сделаю».

Затем он ушел, оставив нас завтракать. Было ясно, что он предполагал, что в гимназии чуть не бунт, и положение его было довольно комично, когда он узнал, что все спокойно. Когда мы позавтракали, он позвал нас к себе в студию.

24 мая.

Теперь 4 часа утра. Я сижу одетый в своей комнате. Жорж на террасе с Евг<енией> Петр<овной>. Ей дурно, она плачет. Началась семейная история. Что из этого выйдет? Все остальные спят.

Светает.

11 сентяб<ря> *1897.*

За это время был долгий перерыв. С сегодняшнего дня начинаю дневник снова. Получил сегодня утром письмо от Алекс<андры> Мих<айловны>. Милое и хорошее письмо. На такие письма приятно и хорошо отвечать. Недаром мне вчера вечером все Феодосия вспоминалась.

12 октяб<ря>.

Религия – это занавеска – иногда пестрая и красивая, иногда грязная и ободранная, которою люди стараются скрыть от себя страшное неизвестное. Большинство боится взглянуть прямо в эту неизвестную тьму, как дети, которые боятся заглянуть и войти в темную комнату.

<Дневник 1900>

27 мая.

Варшава. Выставка.

Макс Клингер – гравюры (Ева, Драмы).

Ваврженецкий. Скалы и зеленая трава с тропинкой – воздух, прозрачность и продол<говатые> формы.

Мартирология и подраж<ание> Штуку.

Вильжинский. Портрет девицы (глаза).

Бискс (рассвет).

Саксонский парк, напоминающий Версаль. Деревья и аллеи Ватто. Толпы народу и фонтан.

29 мая.

Переезд через границу. Немецкая пунктуальность и привыч<ки> (ленточка). Столпотворение языков: типы, крост <?>, коновал, морав – еврей (шпион?). Молодой поляк. Общительный немец. Пиво в задней комнате на вокзале в Люнебурге.

29 мая.

Вена. Собор св. Стефана.

Я чувствую, что во мне говорит что-то новое и необычное. Музыка застывает между стенами собора в виде разноцветных стекол. Музыка и стекла превращаются в одну гармонию. От нее веет старой могучей средневековой верой. Жаль, что весь этот прекрасный мир, сплетенный из веры, музыки и искусства, рушился. Он настолько красив, что я чувствую возможность верить в него, как Шатобриан, только за его красоту. Разноцветные стекла отделяют от существующего мира и заключают душу в этом нестаром, создан-

ном человеком, мире, в мире, окруженном прозрачными стенами, мире, в котором камни <?> превращаются в растения, в котором колонны дают ростки в стороны и их стебли скрещиваются и сливаются в необыкновенные кружевные узоры на потолке. Орган раздвигает стены храма и уносит душу не сквозь пространство, а сквозь время. Против меня узор<ная> каменная кафедра, прилепившаяся к колонне, как гнездо ласточки. Ее каменно<е> строение так же сложно и красиво, как жилки в дубовом листке. Музыка кончилась, и дух средневековья отлетел <?> от собора и снова осталось одно собрание безжизненных произведений искусства. Толпа расходится...

Венская галерея. 2 портрета Деннера (старческая кожа). Габриель Макс (Весенняя сказка). Тип женщины, повторяющийся у Рубенса, – белокур<ые> прямые волосы, нос горбинкой, светлые глаза, белокур<ый> румянец на лице. Карт<ина>: «Мир». Пред этим был на башне св. Стефана. Вена и сверху далеко не так красива, как Париж, но вид дивный.

Сижу в круглой зале музея, сильно болит голова и лихорадит.

Шёнбрунн – полный упадок сил и изнеможение.

13 июня.

Раннее утро. Дунай. Горная местность. Вся вода кипит серо-желтыми водоворота<ми>. «Der blau Donau» оказывается совсем желтым, а «тихий Дунай» очень бурным. Кругом горы, покрытые лесом, частью отлогие, частью скалистые. Осыпи и обрывы розовеют от утреннего света. По берегам уходят назад маленькие городки с остроконечными церквами, притиснутые горами к воде. Там, где берег плоский, он покрыт садами и купами деревьев. На скалах здесь и там встают замки, их каменные скелеты отчетли<во> черными силуэтами рисуются на небе.

Свежий ветер. Утро. Рано.
Дышит мощная река.
В дымке синего тумана
Даль прозрачна и легка.
В бесконечных изворотах
Путь Дунай прорезал свой.
И кипит в водоворотах
Мутно-желтою волной.
И душа из тесных рамок
Рвется дальше на простор...
Вон встает старинный замок
На скалистом кряже гор.
Уплывают вдаль селенья,
Церкви старые видны,
Будто смутные виденья
Непробудной старины.
Эти стены полный ласки
Обвивает виноград.
Как глаза [трагичной] античной маски
Окна черные глядят.
И рисуется сурово
Их зловещий силуэт,
Как забытого, былого
Грозный, каменный скелет.

15 ию<ня>.

Мюнхен. Сецессион.

Лейстиков. Сосновый лес, вечер и вода.

Янк. Яркое вечернее освещение и фигуры, выходящие из рамы в голубом фонаре сумерок.

Тон. Скульптурный портрет девочки из глины.

Сегантини. Плен-эр (точки). Козел и собирание сена с горами на задн<ем> плане.

Принц Луитпольд Баварский.

---

16 июня.

Новая Пинакотека.
Габ<риэль> Макс. С<т>игматы. Катерина Эмерих.
Сегантини. Плен-эр. Пашня в горах.

17 июня.

Обер-Аммергау. Мистерии.
Два выстрела. Музыка.

28 июня. Сондрио.

Вчера отделился в Бормио от своих спутников, т<ак> к<ак> ахиллесово сухожилие разболелось окончательно, и, сев на дилижанс, отправился на Комо. Бормио – это скверный итальянский городишко, но только без Италии, т. е. без того неба, тепла и растительности, которые делают в Италии все красивым. В нем высокие грязные дома, нелепо сложенные из дикого камня, узкие норы между ними, которые называются улицами и носят громкие названия: «via Galileo, via Garibaldi, piazza Cavour и т. д.». Он лежит почти на 1500 м над ур<овнем> моря. В типе жителей мало итальянского. Когда я спускался вниз по долине в классически-скверном итальянском дилижансе, напоминавшем мне Гейне и Андерсена, лица становились смуглее и красивее, растительность богаче и роскошнее, горы кудрявее и синее. Каштановые леса придают особенную мягкость и пушистость горам. Перед Тирано показались виноградники, которые, как редкое вязаное зеленое трико, покрывали плотно склоны, и из-под них сквозило черное тело земли. Когда я ехал от Тирано к Сондрио, вечерело. Голубые массы гор на ясном небе, покрытом чистыми переливами заката, казались удивительно легкими и воздушными. Полукрасок и полуочертаний не было. Все было поразительно отчетливо до самых тонких линий темневших верхушек тополей. Зато голубо<й> цвет на горах менял тысячи оттенков, и чем дальше, тем он становился глубже, мутнее и воздушнее. Между пушистой зеленью на горах мелькали белые зданья и церкви. Раз горы и раскрылись, и открылась огромная скалистая

вершина, покрытая снегом, зубчатые скалы которой розовели от заката. Потом совсем стемнело и от лугов пахло речной сыростью. В Сондрио по улицам ходили горожане, и в окно ворвалась масса пестрых итальянских звуков. Только тут я почувствовал, что я в Италии. Сегодня утром я гулял по городу. Там прелестная платановая аллея. По всему городу идут приготовления к празднествам: по улицам ходят солдаты с музыкой, молодые люди поют, гуляя длинными шеренгами; строятся какие-то деревянн<ые> постройки и украшаются зеленью. Оказывается, что здесь завтра будет праздник велосипедистов. В этот же день я приехал в Колико и там купался. 29-го я выехал в Милан. Утром по Комо. Беклиновские мотивы всюду. Ивы, свешивающиеся над озером, и помещения для лодок под террасами. В Милане снова собор вечером. Золотистый оттенок купола.

30 июня. Милан. Кампо-Санто.

Медная девочка в длинной рубашке в позе глубокой усталости и горя на траве около простого деревянного креста. Худенькие ручки. На кресте: «Margerita... paradiso...». Солнце... Темные кипарисы... пахнет цветами, а между камней, как маленькие черные молнии, бегают ящерицы... Тихо.

Хорошо иметь дар Пигмалиона и одним поцелуем обращать холодные статуи в живых людей. Я тог<д>а непременно поцеловал бы эту девочку.

Рассматривая памятники, не нужно смотреть на надписи и на портреты – все очарование пропадет при виде мещанских лиц и пошлых надписей.

Вершина собора... жарко... солнце раскалило камни... Внизу красные кровли Милана и узкие тенистые щелки, по которым движутся люди. Огромное влажно-зеленое кольцо Ломбардии, разомлевшей от солнца, подернутое по краям голубой мутью. Гор не видно за потоками лучей. На западе голубой мути больше: она как вода залила все, и только отдельные вершины деревьев и зданий выделяются из нее. На юге ясные очертания башен Чертозы. Снизу доносятся смутные отголоски органа... Жарко... (5 часов дня).

1 июля. Cenacolo Vinciano.

Все в ней стройно и соответственно, как в математической выкладке. Не столько сами треугольники имеют соотношение, но и различные части их. По обе стороны Христа идут волны чувства, так, что соответственно волны взаимно противуположны. Безусловно поверившему Иоанну, который относит<ся> к сказанному, как к случившемуся, соответствует спрашивающий и сомневающий<ся> Фома. Гневному и действующему Петру – пассивный от недоумения Иаков Младший. Смущенному, лицемерному Иуде – Филипп, желающий всю душу выворотить наизнанку, для того, чтобы показать, что она чиста.

Brera. Бонифачио, Нахождение Моисея (№ 209, зала III). Лицо девушки, подающей Моисея. Я очень ясно представляю себе ее характер и манеры. Она ослепительно хороша и кажется ужасно гордой благодаря своей застенчивости. Замечательно ясно представляется мне, как она обратится к маленькому шуту-карлику и вдруг ее неприступность отлетит и останется один ребенок. Это Аглая в «Идиоте».

2 июля.

Становится жарко и скучно одному. Заходил сегодня утром на выставку ломбардской живописи XIX ст<олетия> – очень бледно и неинтересно. Есть несколько картин Сегантини, но они как-то тусклы и невыразительны. Искал портретов Ады Негри и нашел три экз. Портреты известные. В Италии ее портреты очень трудно достать, так как она запрещает их продавать. Сведения об ней очень смутны. Живет она в местечке Биела около Турина. Но никто не знает даже ее теперешней фамилии, хотя, как мне говорили в магазинах, у ней должно быть здесь много знакомых. Мне дали адрес одного адвоката (Майно), который ее знает, и я заходил к нему, но он, оказалось, уехал в Рим.

Я опять пришел на кладбище к худенькой черной девочке около маленького креста с двумя елками. Она так же сидела на траве вся залитая солнцем и казалась такой ма-

ленькой и скромной между этими великолепными сверкающими мраморными памятниками и такой северной со своими двумя елочками под этим ослепительным южным солнцем. Ей было бы место в каком-нибудь русском лесу, а не на этом миланском кладбище.

Другой дивный памятник, второй раз уже притягивающий меня к себе, – это фигура мертвой девушки с распущенными волосами, лежащая на постели. Голова ее лежит высоко на подушках. Тело ее покрывает до половины тяжелое покрывало, падающее большими складками и обрисовывающее тело. Грудь ее и руки обнажены. По краям большие оплывшие свечи с развевающимся пламенем. Покрывало и подушки сделаны из позеленевшей меди, а лицо и руки из коричневой бронзы. (Памятник фамилии Казати раб<оты> Бутти).

A Campari Gaspare marito, padre, cittadino esemplare* = экземпляру мужа, отца и гражданина.

8 июля. Собор в Пизе.

Он стоит на краю города на пустынной площади, заросшей травой. Теперь в нем прохладно и играет орган. Посредине висит знаменитая люстра, при помощи качанья которой Галилей определил свои закон<ы> маятника. Я ясно представляю его себе, как он в жаркий солнечный день зашел сюда под прохладные своды. Верно, так же играл орган, он сперва наслаждался красотой в то время еще новой церкви. Потом он случайно взглянул на люстру, и снова началась беспокойная работа мысли, пробившей столько страшных брешей в прекрасном и законченном храме католически-средневекового миросозерцания, стройном, как эта музыка, которую я слушаю сейчас. Люстра эта наводит многие думы. Когда-нибудь и наше научно<е> миросозерцание застынет в таких же законченных архитектурно холодных формах. Человеческая мысль, принимая законченный характер, имеет свойство кристаллизоваться и умирать. Для того, чтобы зерно истины дало новые ростки, надо разбить этот прекрасный бриллиант мысли. И в настоящую минуту в этих прекрасных переливах музыки, которые властно под-

* Гаспаре Кампаре, образованному мужу, отцу, гражданину (*ит.*).

хватывают и уносят мою мысль, мне чудятся дивные оттенки и переливы разбитого бриллианта.

9 июля. Флоренция. Уффици.

Джиотино. Dispositione di Croce.
Леонардо. Terta di Medusa.
Анд<алузская> д<еревня> Сартус Madonna.
Бюст молодого М. Аврелия.
Гвидо Рени. Сузанна.

10 июля. Флоренция.

Видел сегодня Бронзового Кабана, описанного в сказке Андерсена. Он стоит около базарн<ой> площади, на которой больше всего продается соломенных шляп. Из его обтертой морды так же капала вода, а около валялись огрызки овощей. Это воспроизведение прекрасного мраморного антика, стоящего в Уффициях.

Прогулка по Viale dei Colli: Флоренция вся серовато-коричневая. Это любимый цвет флорентинцев. Все в ней, кроме современн<ых> фасадов церквей и колок<ольни> Джиотто, поражает своей суровой простотой. Зданье Синиории с ее башней Вазари необыкновенно типично для Флоренции. Были в Санта Кроче.

15 июля. Рим.

Жар свалил. Косые лучи и вечерние тени придали больше рельефности и жизни развалинам Форума. Арки над арками, стена за стено<й> спускаются развалины с Палатина. Растут, венчая своды арок, купы деревьев. Налево кусок стены Колизея. Сзади несколько грандиозных сводов, а между ними маленькая зеленая травка. Чувствуется грандиозность и высота.

Сегодня воскресенье. Всюду много народу, всюду раскопки. Не был ли он красивее, когда был просто Campo Vaccino в течение 14 веков. Только вчера на вилле Ланте я почувствовал впервые Рим. За окном была зеленая пропасть, а дальше Рим. Луна сияла без лучей. На горизонте мерещились горы. Тибр обозначался длинной вереницей огней.

Заказ 3692

Тихо и Форум молчит.
Тени проходят иные,
В воздухе ясно звучит
Ave Maria.
[Груды разбитых камней,
Стены, колонны, арки]
Арка... Разбитый карниз.
Своды колонны и стены...
Это обломки кулис
Сломанной сцены.
Кончена пьеса. Ушли
Хор и актеры. Покрыты
Траурным слоем земли
Славные плиты.
Здесь пьедесталы колонн,
Там возвышалася ростра,
Где говорил Цицерон
Плавно, красиво и остро,
[Ящериц быстрых семья
Между камнями ютится]
Между разбитых камней
Ящериц быстрых движенье...
Зной раскаленных лучей...
Струйки немолчное пенье...
Зданье на холм поднялось
Цепью изогнутых линий.
В кружеве легких мимоз
[Смелые очерки]
Стройные облики пиний:
Царственный холм Палатин...
Дом знаменитый Нерона...
Сколько [великих] блестящих картин,
Крови, страданий и стона!..
Смерклось... и форум молчит.
Тени проходят другие...
В воздухе ясном звучит:
«Ave Maria!»

Спит великан Колизей.
Смот<р>ится месяц в окошки.
Тихо меж черных камней
Крадутся черные кошки.
Это потомки пантер,
Скушавших столько народу
Всем христианам в пример,
[Римлянам древним в угоду]
Черни голодной в угоду.
Всюду меж черных камней*
Черные ходы. Бывало,
В мраке [осенних] зловещих ночей
Сколько здесь львов завывало**
Тихо. Подохли все львы,
Смотрится месяц в окошки.
Странно чернея средь тьмы,
Крадутся черные кошки.

19 июля. Тиволи. Вилла д'Эсте.

Старый парк. Мраморные почерневшие лестницы. Камни дрожат под ногами. Статуи, обвитые плющом и изъеденные временем. Остатки каменных лилий и остовы царственных орлов. Кипарисы и магнолии. Из-под ветвей необозримый вид <на> Кампанию и купол Петра на горизонте. Бесконечн<ые> лестницы, спускающиеся вниз под сводом ветвей. Галерея под сводом водопада. Мох на заброшенных алле<ях>. Богиня Кибела с сотнями оплодотворяющих сосцов. Полное запустение...

---

* *Было*: Всюду провалы и там
Темные ходы. Бывало
[В Риме по темным ночам].

** *Далее было*: *а* *Начато:* Ныне
б Все улетело... и львы
Все передохли. В окошки
Смотрится месяц. Средь тьмы
Крадутся черные кошки.
в Умерли страшные львы

Вилла Адриана.

Из XVII <в.> в Римский мир. Она вся тонет в кипарисах. Без конца тянутся развалины дворцов, академий и терм. Огромные, местами продырявленные круглые своды. Хорошо сохранились мозаичные полы. Есть обломки мозаики в красках поразительной красоты. Под развалинами подземные ходы. Если и тогда росли такие же могучие кипарисы, как красива была между ними стройная фигура Антиноя, задумчиво гулявшего между ними и об руку с Адрианом, отдыхавшем в этом великолепном дворце от забот правления.

МОГИЛА ШЕЛЛИ

Nothing of him that doth fade
But doth suffer a sea-change
Into something rich and strange
Persy Bysshc Shelley
Cor cordium

29 июля.

Вчера: Помпеи и Везувий. Виды на горы из Помпеи. Проводники. Бесконечные торги на Везувии. Мальчишки. Новая дорога. Кратер. Корреспондентск<ий> билет. Спуск по пеплу. Разбойник. Страшный бег от Rosce ire casa до Помпеи. Сале<р>но ночью сверху. Темные комнатки. Сегодня утро у сапожника. Вид на море и на берег.

2 августа. Вершина Акрокоринфа.

Прямо внизу под ногами деревушка, лежащая на месте древнего города, и несколько дорических колонн – единственных уцелевших от «многоколонного Коринфа». Дальше на берегу залива серые бугорки – современный Коринф – грязный городок. Истлийский перешеек виден ясно, а за ним синяя даль Этнского залива, на ней ясно выделились два маленьких серых островка, освещенных солнцем. Дальше смутные линии Саламиса и Этны. Налево над Коринфским заливом голубые силуэты Геликона. Парнас потонул в солнечных лучах. Сзади бесконечные долины и горы Арголиды и Аркадии, покрытые скудной растительностью.

Тишина. Около развалин Венецианских укреплений желтая сухая трава. Полная дикость и запустение.

17 августа. Коктебель.

Певицы против Косцюшко:

Стояла наша купальня и паслась общая скотина и никто не загонял.

Бичевник, на который приезжала вся публика, пили тут чай, играли дети, стояли качели и приезжие фаэтоны. И все крестьяне, и феодосийская публика привыкли смотреть как на общее благо. Феодосийцы очень будут жалеть, если у нас отнимут берег два приятеля – Косцюшко и Гетманов. Были у меня две аллеи из акаций и дикий жасмин. Аллеи уничтожило стадо Юнге, которое послала экономка, несмотря на загородку. А дикий жасмин вырвал Косцюшко с приятелем. Прошу г-на губернатора обязать всех нас на этом месте устроить парк из туй, оставляя только пустым место против дома, чтобы не заслонять вид моря. А перед домом можно поставить качели, крокет и другие игры: для детей. От морской калитки шла дорога, по которой приезжали ко мне гости, фаэтоны стояли, кормили лошадей, обедали, чай пили, и отдыхали извозчики. Паслась скотина болгарская и Юнге. Наши коровы были привязаны, когда были у нас гости, а то тоже паслись с другими вместе. Дорога была обсажена жасмином и посыпана камушками. Мой человек косил сено. И вообще кроме меня 14 лет никто этим местом не распоряжался и не заявлял претензии. В 94 г. Юнге сеял ячмень, но после суда г-на Земского <начальника> над ним ничего не предпринимал. Косцюшко был свидетелем при суде и подписался под решением Земского <начальника>. И оба его служителя, которые рыли теперь. В 95<-м> Косцюшко разрыл канавы к морю, чем причинил много вреда и моему дому и погребам, налив в них воды. По приговору г-на Земского начальника должен был восстановить все в прежнем порядке. И дал письменное обязательство, и его двое служащих, не предпринимать без моего ведома ничего на бичевнике. И опять никто не предъявлял претензий, кроме меня, на

бичевник. Оградите, пожалуйста, от самоуправства соседей иностранцев. Косцюшко особенно расхрабрился, сдружившись с богатым и могучим будто бы по связям товарищем. Купила дачу для моря, а меня как русскую иностранцы теснят и задерживают закончить все как следует.

Дорогою пользуюсь 14 лет. Ходила скотина болгарская против дачи Косцюшко — никто не загонял.

Как русская обращаюсь к русской власти.

Когда я еще не покупала, и не было оград, ходил весь народ везде. И болгары дали под баштан на одно лето, и вот он воспользовался этим, чтобы присвоить себе, будто бы за давностью; но, сколько берут в аренду даже землю, пользуясь ей даже за плату несколько лет, и то присвоить себе не могут. А этот самоуправец за одно лето пользования ею и то только против своего сада бесплатно завладел и даже продал, уверяя, что в России законов нету, а только играют главную роль деньги, кто богат, тот и делает, что хочет. Религии у него никакой нет, он возмущает весь народ, спаивая его водкой, сам, пьянствуя и вооружая против правительства.

Мы и так бьемся здесь с народом — они полиции не боятся, а он подстрекает их еще больше. Сам он указал мне, где ставить забор, а потом, когда я засадила все, он мне говорит — вы захватили мою землю, купите ее у меня, а это был солонец, а я сама удобрила, т. е. 250 с<оток ?> за 300 р. Я говорю, это дорого. Сам он покупал десятину за 7 руб., а он говорит: я вам уступлю дорогу от своей дачи, что и повторил в присутствии всех бывших свидетелей и г-на Бровко.

Я поверила его дворянскому честному слову по неопытности, никогда раньше не сталкиваясь с подобными людьми, как Косцюшко и его достойный товарищ.

Землемер не являлся, сколько я ни просила, отзываясь, что за такой кусочек не стоит приезжать.

Я теперь их обоих боюсь больше, чем Быстрицкого, и держу две мужских прислуги. Быстрицкой хоть боялся полиции. А эти оба никого не боятся. Придут на дачу и разорят и разграбят все, да и за жизнь свою и своей подруги боюсь.

<Сентябрь>

[Не имея возможности жить ни в одном городе без письменного вида]

Узнав неожиданно на практике, что жить без письменного вида в России воспрещается, имею честь покорнейше просить выслать мне таковой в г. Ташкент в контору изысканий Оренб<ургско>-Т<ашкентской> ж<елезной> д<ороги> на имя Его Прев<осходительства> Ор<еста> П<олиеновича> В<яземского>.

Асхабад. 2 железнодорожный Батальон. Поручику Петрову.

13 сентября 1900. Каспийское море. Пароход «Князь Барятинский»:

Вдали в ночной темноте тускнеют и сливаются огни Баку. Несколько огней на море вдали. Вода шумит под колесом. Слегка качает. Баку произвел тяжелое и неприятное впечатление. На вокзале жандарм бил при мне рабочих татар, и я почему-то из-за какой-то боязни запутаться в историю и войти в сношение с полицией, не решился вступиться. Потом еще около ворот толстый человек с бородой бил оборванного носильщика. Я к нему подошел: «Оставьте... как вы смеете их бить». «А вам-то какое дело... с этим народом нельзя иначе». Все это произвело какое<-то> смутное и странное впечатление. Когда я сказал это, ин<женер> Р. сказал: «Да вот увидите: в Туркестане вы сами [еще] будете сартов бить, они слов совсем не понимают. С ними иначе нельзя».

Баку – серый, бесконечно тоскливый город. Небо задернуто дымной сажей. Воздух напитан керосином и пылью. Мы ездили на нефтяной завод. Бесконечный лес деревянных закоптелых, пропитанных нефтью обелисков на фоне волокнистого серовато-синего дыму, своеобразно красив.

На каждом шагу следы варварского хищничества. Вся почва пропитана жирной черной нефтью. Кажется, будто человек бросил<ся> животом на землю, чтобы охватить как

можно больше, и драгоценная влага, которую он не может захватить, течет у него между пальцами и уходит в землю.

[Пустыня и солнце... Пески, солончак
Здесь веет поэзией дикой]

15 сент<ября>. *Пустыня. Развалины Геок-Тепе.*

Длинные глиняные стены, развеваемы<е> ветром. В музее примитивные кремневые ружья рядом с солдатскими берданками. И это «блестящая страница» русской истории. Эта «грозная крепость» производит впечатление страшной пощечины национальному самолюбию России. И это геройство брать такие беззащитные твердыни! Всюду печать бесполезной и бесцельной жестокости. Зачем нам эта пустыня и этот бедный живописный народ, который вырос на этой земле и один умел справляться и культивировать эту землю.

И вот я свободен – весь мир предо мной
И всюду мне вольная воля.
С ликующей песней и [вольной] бодрой душой
Я шел по долинам Тироля.
На зелени ярких альпийских лугов
Красивые церкви белели,
А выше на фоне сверкающих льдов
Синели зубчатые ели.
Я шел через мхи в полумраке лесном,
Где сыростью пахло и гнилью,
[Серебряной] Где тонкою нитью висел водопад,
Дробясь [разноцветною] серебристою пылью.
Я шел сквозь ущелье, где бился поток
О камень холодный и твердый,
Куда опускался огромный ледник
Запачканной мерзлою мордой.
Я шел по сияющим снежным полям
И празелень льдов вековая
Зияла из трещин, и мертвым кольцом
Лежала пустыня немая.

12 октября. Лагерь над Сыр-Дарьей.

Странно, лежа в юрте и глядя на излучины Сыр-Дарьи, убегающей к северу, так ярко представлять себе Париж. Передо мной История Европейского романа Боборыкина, и одни имена французских писателей вызывают во мне чувство страшной жадности, от которой я, лежа на кошме носом вниз, болтаю в воздухе ногами. Когда я встречаю у Б<оборыкина> «мои мысли», то мне становится страшно завидно и радостно и страшно, что я не успею.

«В Италию!» громко звенело в ушах
«В Италию!» птицы мне пели
«В Италию!» тихо шуршали кругом
Мохнатые старые ели.

потому что
На высотах познанья очень одиноко
И холодно.

Старая я стала... Много лет живу на свете. Всю жизнь насквозь вижу. Помню время

Италия с детства манила меня.

Свободная и необузданная мысль Ницше весело скачет по запутанным лабиринтам, настро<е>нным человеческим умом (или глупостью?), и, неожиданно разорвав серый полог предрассудков, освещает ярким ликующим светом пыльные обломки сломанных подгнивших перегородок.

[Италия... Рим... Существуют слова
Великого смысла и силы]

[В истории рас существуют слова]

В истории много магических слов
[Великая] Сокрытая сила в их смысле
Влияет в течение целых веков
На ход человеческой мысли.
Великая сила сокрыта была

Меня под Гох Иохом застигла гроза
Высоко под самыми льдами
Кругом были тучи

Это разбойничье гнездо, которое похитило у слабой, прекрасной и красноречивой Греции не только ее землю, но и самую мысль, и когда атлетическое тело Рима сгнило и распалось, мыс<ль> Эллады снова возникла из праха в ярком сиянии Ренессанса.

Пусть веет от этих страниц же
Тем «югом», который так страстно манил
Великого Фридриха Ницше!

[Развалины замка... запущенный сад.
Я все это видел когда-то
Должно быть в тех грезах, похожих на сны,
Которыми детство богато]
Фонтаны, аллеи... запущенный парк,
Развалины старого дома.
Я все это видел когда-то давно
[Все] Мне все это [мне близко] с детства знакомо.
[Из сказок о замках, принцессах]
Должно быть из сказок наивно прост<ых>
Украшенных мыслью немецкой,
Которые в жизни цветут только раз
На почве фантазии детской
И тают, как снежный узор на стекле,
При первом дыхании мысли...
В аллеях зеленый сырой полумрак
Пушистые ветви нависли
Горячий, трепещущий солнечный луч
Пробился сквозь ветви платана.
[И слышно, как тихо]
Блестя в темноте, и поет, и звенит
Холодная струйка фонтана.
Зацветшие мраморы лестниц, террас...
[Куст роз]
Разросшийся [куст] плющ на пороге...

В таинственных гротах, обросшие мхом
Забытые старые боги...*
Везде изваяния [огромных] лилий, орлов
Фамилии д'Эсте старинной.
В развалинах весь восемнадцатый век
[Красивый] Манерный, кокетливый, чинный,
[О бедные тени прекрасных принцесс
Маркизы, принцессы]
Век фижем и мушек, Ватто и Буше
Причудливый мир сновидений
Причудливый век превращений
[Я вижу] [по влажным дорожкам забытых]
В сыром полумраке зеленых аллей
Скользят грациозные тени.**
Чуть слышно атласные платья шуршат.
Со шпагой изящен и ловок
[Скользит] Идет кавалер и [мелькают] мутятся ряды
Напудренных белых головок.
[О бедные тени]
Доносится легкий кокетливый смех...
Из дальних извивов дорожки
По мраморным плитам широких террас
Скользят чьи-то белые ножки.
О, бедные [тени] [ножки] тени прекрасных принцесс
[Топтавших забытые плиты]
Чьи ножки ласкали те плиты
Давно уж великой народной волной
Вы сломаны, стерты и смыты
Но здесь в [запустенье старинных дворцов] в
полумраке широких аллей
[Среди запустенья немого]

* *Далее было:*
[Гербы дома д'Эсте: большие орлы
И остовы каменных лилий
Везде изваяния гербов, орлов
Фамилии д'Эсте]

** *Далее было:*
[О бедные тени прекрасных принцесс!
О призраки века былого!
О бледные тени былого]

Вы все оживаете снова,
Но кажетесь проще, милей и живей
Среди запустенья немого.
Другая эпоха... Другой колорит...
[Спокойный] Суровый как бронзы Гиберти
Ряды кипарисов и синих олив –
Печальные символы смерти.
[Развалины всюду]
Спокойно и тихо... [Остаток] Фундаменты стен
Все [сломано, срыто... Все] срыто, разрушено, голо
И только горячее солнце палит
Цветные мозаики пола...
Развалины терм, библиотек, дворцов
Театр, академия, стадий
[Остатки дворцов, академий, садов
Театр, библиотеки, бани].

<ДНЕВНИК 1901>

25 мая (7 июня), пт.

Снова дорога... и с силой магической
Все это вновь охватило меня:
Грохот, носильщики, свет электрический,
Крики, прощанье, свистки, сустня.
Снова вагоны едва освещен<ные>
Странные пятна теней
Лица склоненные
Спящих людей.
Мерный вечный,
Бесконечный,
Однотонный
Шум колес,
Ропот вечный
Шепот сонный
В мир бездонный
Мысль унес.

Жизнь...Работа
Ти-та...та-та...
Где-то, кто-то
Все стучит
Ти-та...та-та
Вечно что-то...
Про кого-то
Мыслью сонной
Говорит.
Так вот в ушах и долбит и звучит это
Ти-та-та...ти-та-та...та-та-та-та
С шумом колес мои мысли сливаются

Поезд летит, перегнать их старается.
Чудится степь бесконечн<ая>
Поезд по степи идет
В вихре рыданий и стонов
Слышится песенка вечная
Скользкие стены вагона
Дождик сечет.
[Так вот в ушах и долбит и звучит это
Ти-та-та... ти-та-та... ти-та-та... ти-та-та]
Чудится еду в Россию я
Тысяча верст впереди
Ночь неприютная, темная
Станция в поле... огни ее –
Глазки усталые, томные
Шепчут: иди!..
Страх это? Горе? Раздумье? Иль что ж это?
Новое близится, старое прожито...
Прожито-отжито. Вынуто-выпито.
Ти-та-та... ти-та-та... ти-та-та... ти-та-та
Песенкой этой все в жизни кончается
Ею же новое вновь начинает<ся>
Ти-та-та... ти-та-та... ти-та-та... ти-та-та...
Вечно в ушах и долбит и звучит это.
Странником вечным
В пути бесконечном
[Вечно куда-то стремлюсь]
Странствуя целые годы
Вечно стремлюсь я
Верую в счастье
И лишь в ненастье
В шуме ночной непогоды
Веет родимою Русью.
Мысли с рыданьями ветра сплетаются
С шумом колес однотонно сливаются
И безнадежно звучит и стучит это
Ти-та-та... ти-та-та... ти-та-та... ти-та-та

7 июня 1901 г.

Выехали в 8 ½ веч<ера> из Парижа. В вагоне.

Поздно утром в час по<л>дневный
Спал я в комнате своей
Вдруг раздался голос гневный
Стук ужасный, крик плачевный
Будто кто-то заметался
У моих дверей.
Ясно помню ожиданье
Солнца яркого сиянье
На бензинке бормотанье
Закипающей воды...
И пром<ол>вил голос грозно
«Стыдно, стыдно! Спать так поздно
Когда обе встали мы.
Наши кофты не дошиты
Рукава у них не вшиты
Не разрезаны холсты
Мы сердиты до экстаза
Киселев уж был два раза
И вставайте тоже Вы!»
Я проснулся, встрепенулся,
Потянулся, заворчал
Шевельнулось в сердце что-то
«Уходите Вы в болото» –
Чуть я было не сказал.
После было умыванье
Умывальника жу<р>чанье
После чаю разливанье
Бесконечное ворчанье
В магазинах разных шлянье
Всевозможные страданья
Предотъездной суетни.
То кистей исчезновенье
То нежданное явленье
Надоедливых гостей
Чья-то кофта в нафталине
Все тонуло как в трясине
В этом хаосе вещей.

«Я собраться не успею
Не поеду в Пиренеи
К Балеарским островам.
Удеру от Вас на полюс
И в Норвегии устроюсь
И останусь летом там».
Полтора часа осталось
Все скатилось, замешалось
Ошалели сразу все,
Киселев над ниткой тщится
В вихре бешеном кружится
Белка – белка в колесе.
Ранцев быстрое вязанье
Экипажа ожиданье
Страшно тихая езда
В кассе спор об Тарасконе
Наконец сидим в вагоне
На окошке Календа.

В вагоне
7 июн<я>
утром
под<ъ>езжа<я> к Fois

Выехали в 8 ½ вече<ра> из Парижа. В вагоне. Замок Гастона Фуа.

26 мая (8 июня), сб.

Начало Пиреней.

Виноградники обложены большими обломками серых камней.

Старушка с портретом.

Красные пятна маков среди зеленых лугов.

Без крючков, гвоздей и палок
Лезли мы на кряжи гор
Чтоб поднявшись выше галок
Любовать<ся> на простор
Полны детской, чистой веры
Что в горах найдем пещеры.
Но пока мы кверху лезли
Те коварно вдруг исчезли.

Лизавета Николавна
Искус выдержала славно
И в своих больших ботинках
Вверх всползла на четверинка<х>
Лизавета же Сергеевна
Относилась к горам гневно
Чуть не с самого начала
Застонала, заворчала
Вся в кровавых пятнах стала
Застонала, за<с>крипела
И на камень злобно села.
Я ж, свершивши восхожден<ье>,
Стилограф скорей достал
И все это записал.
Но по просьбе Киселева
Прибавляю еще слово:
Он ходил, сопел, молчал
И пейзажи гор писал.

Анио
в горах
11 ½ ч.

В небе ходят тучи алые
Тени меркнут и сгущаются
Вся компания усталая
К Викдессосу пробирается
Киселев идет шатается,
Белка форменно ругается
Макс бежит вперед – спасает<ся>.
Николавна все молчит
И в уме дневник строчит
Месяц дремлет за горами
Речка рвется меж камней
Между черными рядами
Молчаливых тополей.
Входим в город молчаливый
Все уж спят, в домах темно
Киселев ворчит брюз<г>ливо
«Говорил я уж давно
Что нельзя ходить так поздно

Заказ 3692

Ведь не пустят никогда».
Киселев идет шатается,
Еле-еле тащит ноги
В плащ закутан вроде тоги
Низ обстрижен, верх облизан
Весь скамейками унизан
Все ворчит и все вздыхает
Ночь в вагоне вспоминает
И соседку проклинает

Нас трактирщик вс<т>ретил грозно
«Комнат нету, господа».
Мы вошли. Мешки сложили
Ох! Нести их нелегко
Молока себе спросили
Тотчас скисло молоко.
А трактирщик в объясненье,
??
Что хотел пред кипяченъ<ем>
Поженить два молока,
А они сейчас же скисли.

<27 мая (9 июня) ?>

Брезжит. Утро. Мгла в ущелье
Месяц <в> поле грозовой,
Стал над бархатною елкой
Легкий отблеск золотой
Лег на дальние вершины
По камням бежит поток
Из синеющей долины
Подымается дымок.
Звезд алмазных т<р>епетанье
Тень от гор, вверху заря
Серебристое журчанье
Серебристого ручья...
Путь наш круто вправо в гору
Медлить нечего в пути,
Чтоб в республику Андорру

Нам до сумерок прийти.
Горный мир во всем величье
В дикой прелести своей

---

28 мая (10 июня), пн. Коринтацо

Позавчера ночевали в Марке на сеновале. Встали до свету. Перешли через Пиренеи. Лесник – альянс. Овцы. Пастух-солдат. Снега. Сон на перевале. Усталость. Спуск. Бычки. Контрабандисты. Ночевка в Серрате. Испанские нравы – свиньи. Лошади.

Андорра. Спуск в долину (Тангейзер). Гостиница.

29 мая (11 июня), вт.

Магазин, которого мы никогда не видали. Племянница президента. Пастор. Церк<овь>. Почта – сапожн<ик>.

Чем всё выше, тем всё диче
Тем все круче, тем трудней.
Кровавым потоком меж серых камней
Сползают английские розы
Сверкает и воет внизу водопад
Склоняются ветви березы.
Родная березка! Она здесь в горах
Казалась такой иностранкой
Изгнанницей бедной в далеких краях
Застенчивой русской крестьянкой.
Но скоро исчезли деревья кругом
Все темные камни, как лава
Застывших потоков. По склонам долин
Душистые горные травы.
В траве бесконечные точки цветов
Совсем как в картинах Бертена <?>
Мильоны ириса, фиалок и роз
Нарциссов, тюльпанов и тмина.
Все выше и выше! У<с>тупы долин

Уходят из нашего взгляда
По узким краям недоступных стремнин
Сползает овечее стадо.
Коровы и овцы глядят на людей
С большим любопытством своими
Большими глазами; я нынче в горах
Совсем очарован был ими.
Они все толпой окружили меня
И руки мои целовали.
Я даже подумал сперва, что они
Стихи мои верно читали.
Но смысл овации этой потом
Нелестным совсем оказал<ся>
Звук «м-э», повторяемый в речи моей,
Им чем-то родным показался.
Затем уже скоро начались снега,
Мы лезли в сугробах ногами
Весеннюю песню журчали ручьи
Рожденные вечными льдами
Чем ближе к вершинам, тем воздух ясней,
Цвет неба темней <и> блестящей
Тем ранец для плеч тяжелей и больней,
А отдыхи чаще и чаще.
Вершина! Короткий живительный сон
Сияющий «Monte d'Estata»
И снова откосы с обеих сторон
И спуск до деревни Серрата.
Прекрасная сказка нарядных долин!
Конечно, мы все восхищались
Блуждая в соседстве блестящих вершин
О, нет! Мы все время ругались.

10 июня 1901

Переход через Пиренеи.
Проход Рат

11 июня

Утром в сене сон был сладок
Рассвело. На сеновал
Заглянул табун лошадок

Луч, пробившись, засиял
И зажег пучок соломы,
Локон спутанных волос.
Ветерок с собой принес
Свежесть гор, — ночной истомы
Дрему сладкую унес.
Не без стона, не без боли
Мы спустились книзу все
Хлев людской на антресоли
А свиной в rez-de-chaussée.
Восемь франков — ведь не даром
Но зато обед какой:
В супе хлеб со скипидаром
И картофель разварной,
И салад из горных дудок
Как кисель определим.
О, сколь счастлив тот желудок,
Кто его переварил!
И конечно б совершенно
Переход прекрасен наш,
Если б с Максом не случил<ся>
Неожиданный пассаж.
«О, если б ресторация
Здесь выросла средь гор!»
А Макс: «О, профанация!
О, подлость! О, позор!»
«Здесь только восхищение
Уместно», — говорит.

Пришел Макс в упоение
Любуется на вид.

Едет рыцарь вдоль по свету
В мир загадочных пещер
Чтобы сказочных дракон<ов>
Поразить другим в пример.
Видит страшное ущелье
Перекресток двух дорог,

И от ярости и страха
Обезумевший поток.
Сердце полно вещей думы
Сердце рвется на простор.

---

11 июня.

В гостях у президента республики Иосифа Кальдос в Лас-Калодос (генеральный синдик).

Маленький городок в двух километрах от Андорры. Белый дом – ресторанчик. Бритое испанс<к>ое лицо. Заплаты на штан<ах>. Бархатная запачканная куртка. Когда мы пришли, он играл в карты (манилио). Другой (?) высокий человек, в воротничках и красных туфлях – даже с изяществом.

«Позвольте представиться: мы русские художники из Пари<жа>. Мы бы хотели осмотреть ваше государство и коечто нарисовать из типов и видов».

Сперва некоторое обоюдное смущение.

«Часто у вас бывают иностранцы?»

«Да иногда летом англичане заходят, а русских не видал».

«Могу я у Вас спросить некоторые сведения по истории вашего государства и по его современному положению?»

– «Да какая же у нас истор<ия?> Государство наше было <о>сновано Кар<лом> Вел<иким>, и с тех пор у нас еще ничего не переменило<сь>. Границы наши остались теми же самыми. Никто на нас не нападал и сами мы ни на кого не нападали. Какая же тут история?

Войска у нас нет.

Правда, в каждом округе существует т<ак> назыв<аемый> капитан, и у каждого из жителей должно быть ружье, но собираются они только в большие праздники, да изредка, когда надо по очереди нести полицейские обязанности. Все собственники, как и во времена Карла Великого, составляют верховный совет. Выборы президента происходят через 2 года».

«А народное образование?»

«У нас в каждом округе существует по две школы. Преподавание идет на каталонском наречии. Высших школ нет. За этим уже отправляют в Испанию.

Грамотн<ым быть> не обязательно, но все-таки большая часть умеет читать и писать по-испански».

«А отечествен<ная> история преподается в ваших школах?»

«Нет. И вот теперь мы об этом заботимся и думаем ввести ее в круг предметов».

А что собственно будут учить дети в школе, когда в государстве никаких войн, никаких разбоев не было? — мелькнуло у меня.

«А есть у вас политические па<р>тии?»

«О да! Конечно, как в каждом государстве. У нас есть прогрессисты, т.е. французская партия, которая настаивает на проведении дорог, на развитии торговли, а другая испанская — консервативная, не хочет этого — хочет, чтобы все оставалось по старине».

«Что ж, они, верно, боятся, что с развитием путей сообщения может пасть национальная свобода?»

«О нет — это, знаете, просто косность, атавизм. Просто атавизм». Он несколько раз с видимым удовольствием повторил это слово.

Долговяз<ый> тоже поддакнул: «Да. Это просто атавизм».

Но мне показалось, что, пожалуй, на этот раз консервативная партия может и была права. Только при условии полной изолированности Андорра могла сохранить свою самостоятельность.

«А духовенство имеет влияни<е>?»

«О, нет, это время прошло. Они живут себе спокойно и никому не мешают. Архиепископ Ургельский присылает своего представителя, Франция тоже — и они вместе с двумя выборными из верховного совета производят все судебные дела. *(Узнать о наказании и о тюрьме.)*

Я вам дам письмо к секретарю республики — он вам все покажет. Он совсем рядом с моей племянницей живет.

Газета у нас не издается и никогда не издавалась.

В верховном совете получа<ют> мно<го> испанских и француз<ских> журналов, но публичной библиотеки нет».

«А существуют у вас кака<я>-нибудь литература, поэты, художники?»

«О нет, у нас ничего этого нет».

Президент обещал зайти к нам, когда будет в городе, и на этом кончилась наша аудиенция.

Фрески в школе.

Гаротта.

6 округ<ов> и ключей в архив, зал заседаний, серые ложи, черные треугольн<ые> шляпы. [Суд] .... во Франции. Смерт<ная> казнь лет 40 назад за убийство жены.

---

8 (21) июня 1901. Valldemosa.

Семейство профессора. (?)

Вечер в испанской таверне. Необыкновенная простота нравов: «Хотите, может, видеть испанские танцы? Если Вы не устали и не думаете спать, то вот моя дочь немного потанцует». Дочь – лет 12. Тонкое, южное стрекозиное лицо. Огромные глаза с большими веками.

«Танец – это нечто очень серьезн<ое>», – говор<ит> проф<ессор>. Она медленно подскакива<ет> и двигает рука<ми>. Танцуют до трех раз. Затем другая пара. Уговори<ли> молодую женщину с ребенком на руках. Она отдает ребенк<а> жене профессора и бежит переодеваться. У ней не грациозная сутуловатость шеи и оливково<е> лицо. Руки она держит, немного прижав локти к бокам и приподняв кисти. Это делает их похожими на крылыш<ки>. Но сами природные недостатки становятся грациозными во врем<я> танца. Танцуют не только ноги, но все тело. Каждая жилка, каждый мускул. На лице выражении<е> глубокой серьезности. У ее кавалер<а> глаза подняты кверху и такое

лицо, точно он молится. Это особенно сильно в силу контраста с их дикими прыжками.

Беклинов пейзаж – около круглой*

9 (22) июня.

Прогулка в Мирамар. Виды. Часовня Раймонда Люли.

Mallorca – porba Mallorca. Дворец Эрцгерцога. Майолика – Майорка. Майор<ские> наречия.

Оригинальный способ ласки. Хозяин и хозяйка: грандиозная картина.

<После 15 (28) июня>

[Под небом Италии вы рождены
Мои серебристые песни]
И блеском, и светом они рождены
В них все отразилось широко
И нега и синь средиземной волн<ы>
И яркие краски востока.
Проникнуты солнечным зноем они:
Пусть веет от этих страниц же
Тем «югом», который так страстно мани<л>
Великого Фридриха Ницше.
Тем «югом» искусства, ума, красоты,
Свободным языческим югом
К которому с детства стремились мечты
С мистическим странным испугом.
И все, что ребенком манило меня,
Чем сердце бывало томимо,
Все то воплотилось позднее в одн<ом>
Сияющем имени Рима.
И вот я свободен. Весь мир предо мной
И всюду мне вольная воля.
С ликующей песней, с мешком за спино<й>
Я шел по дорогам Тироля.
На бархате ярко зеленых лугов

* Фраза не закончена.

Красивые церкви белели,
А выше на фоне сияющих льдо<в>
Синели зубчатые ели.
«В Италию» громко звенело в ушах
«В Италию» птицы мне пели.
«В Италию» тихо шуршали кругом
Мохнатые старые ели.
Я шел через мхи в полумраке лесов
Где сыростью пахло и гнилью,
Где тонкою нитью висел водопад
Дробясь серебристою пылью.
Кровавым потоком меж темных грома<д>
Сползают альпийские розы,
Сверкает и воет внизу водопад,
Склоняются ветви березы.
Родная березка! Она здесь в горах
Казалась такой иностранкой,
Изгнанницей бедной в далеких краях,
Застенчивой русской крестьянкой.
В траве бесконечные точки цветов
Как в светлых пейзажах Бекли́на
Мильоны фиалок, ирисов и роз,
Нарциссов, тюльпанов и тмина.
Все выше! Веселая зелень долин
Уходит <от> вашего взгляда.
По узким краям недоступных стремнин
Сползает далекое стадо.
Коровы и овцы глядят на людей
С большим любопытством своими
Большими глазами. Я как-то в горах
Совсем очарован был ими.
Они всей толпой окружили меня
Почтительно руки лизали
Я даже подумал сперва, что они
Стихи мои, верно, читали.
Друзья же мои убедили меня
Что я глубоко ошибался,
Что это звук «м-м-э» повторяемый мной
Им чем-то родным показался.

В истории много магических слов,
И тайная сила в их смысле
Влияет в течение целых веков
На ход человеческой мысли.
Италия! Рим! Где найдутся слова
С таким же громадным значеньем?
Да! Рим был разбойничьим страш<ным> гнездом
Но гнезда бывали страшнее
И корень величия Рима не в том,
А в том, что он грабил идеи.
И каждой идее, добытой мечом
Давал он и власть и значенье
Всемирности. Рим был огромным котлом,
В котором свершалось броженье.
И сколько мой детский неопытный ум
Ни мучили классики в школе
И сколько они ни терзали мой мозг
Ни били, ни жгли, ни кололи
Стараясь мою пробужденную мысль
Зарезать словами своими,
Но даже они не могли омрачить
Унизить великое имя.

И гитары говорят
В такт трескучим кастаньетам
Точно щелканье цикад
В жгучий полдень знойным летом.

С этой тонкой, с этой нежной
Стрекозиной красотой.

«Rida, rida, ranka...»

«Шибко скачет мальчик мой,
Бланкой конь зовется твой.
И наступит время скоро
Мальчик мой заслужит шпоры

И умчат они с собой
Детский твой покой.
Шибко скачет мальчик мой,
Бланкой конь зовется твой.
После станешь витязь статный
С молодой женой
И умчится безвозвратно
Юности покой.
Шибче, шибче, мальчик мой
Бланка конь надежный твой.
Будет время и корону
Сын наденет мой
И исчезнет безвозвратно
Мужеский покой.
Шибче, шибче, мальчик мой,
Бланка – конь надежный твой».
Так Бланка королева
Над сыном наклон<ясь>
И пела, и смеялась
И плакала, смеясь.
Шибче, шибче, мальчик мой,
Бланкой конь зовется твой.
Когда же вырос Га́кон
Ему дал царство Бог.
Но песни той никак он
Забыть потом не мог.
Шибче! Шибче! Мальчик мой,
Бланка – конь надежный твой.

Бессмертной дочерью Познань<я>
Ее считает человек,
Но люди новые названья
Давали ей из века в век.
Под белой тканью покрывала
[В Египте некогда стояла]
Она закрыта от людей
И «тайна» было имя ей
В Элладе в виде человека
Она изваяна была
И глыба камня ожила

В объятьях пламенного грек<а>.
И пал он ниц пред ней — святой
Обожествленной «красотой».
Израиль тоже в дни ины<е>
Ее прихода ожидал
На землю в образе Мессии
Железный Рим отождествлял
Все то, что делал он когда-то
В всемирно творческой мечте
Другие верят, что расплата
Она страдала на кресте
Со взглядом, полным детской ласки
Суровый рыцарь едет вдаль
Святой отыскивать Грааль.
Она же спит в немец<кой> сказке
Спит много лет и то<же> ждет
Когда возлюбленный придет.

И он широкими глазами
На мир испуганно глядел
А мир, повитый облаками,
В осенних сумерках синел.
«И было время час девятый»
Все было тихо. Как сквозь сон
Лишь бред Италии распятой
Во тьме зловещей слышал он.
Да чьи-то слышались рыданья
У одинокого креста
Где умирала красота
И мысль, и слово, и сознанье.
И тихо в этот страшный час
Сверкнул огонь и вдруг угас.

Он создан был из тьмы и свет<а>
Великим гневом потрясен
Как раскаленная комета
В стране туманов вспыхнул он.
И ослепив мгновенно взгляды
Окаменевших палачей
Зажег во тьме маяк Эллады

И миллионами огней
Сверкнув на темном небосводе
Родил десятки новых звезд.
И весь он был один протест,
Один великий клич к свободе.
Один святой призыв к борьбе
Назло законам <?> и судьбе.

И в чудных песнях, где звучали
И желчный хохот, полный слез,
<И> бодрый гимн, и стон печали
И прямо заданный вопрос.
Для юной мысли мир прекрасн<ый>
Раскрылся в блеске новых звезд
И в ней зажег еще неясный
Еще несознанный протест.
Но в это время юной страсти
Сомненья не было в себе:
Он верил в жизнь и верил в счасть<е>.

Солнце дымкой даль заткало
Чайки в воздухе летят
Всеми красками опала
В море иск<р>ы блестят
На песке сыром, играя,
Волны синие скользят
Белой пеной потрясая
И смеются, и звенят.
И десятками дороже<к>
Полусмытых от воды
Босоногих детских ножек
Отпечатались следы.
Обхожу я осторожно
Лапки маленьки<х> зверей

Мелкий дождь и туман застилают мой путь
Отлежал себе правую руку
«Ах, испанский ямщик, разгони как-нибудь
Ты мою неотвязную скуку.

Был разбойником ты – признавайся-ка, брат,
И не чужд был движенья карлизма?»
«Что Вы, барин, ведь я социал-демократ
И горячий поклонник марксизма».
Вон у Вас под сиденьем лежит «Капитал»
Мы ведь тоже пустились в науку
«Ну, довольно, довольно, ямщик, разогна<л>
Ты мою неотвязную ск<уку>».

Он создан был из тьмы и света
Великим гневом потрясен
Как раскаленная комета
В стране туманов вспыхнул он
Погрязший в будничных заботах
Он испу <>*

Если б я полицмейстером не был тепер<ь>
Я бы стал социал-демократо<м>

Так в вечной смене расстояний
Времен и наций, человек
Давал ей тысячи названий
И новых форм. А прошлый Век
Ее любовно звал наукой.

Из страны, где солнца свет
Льется с неба жгуч и ярок,
Я привез тебе в подарок
Пару звонких кастаньет.

---

* Слово не дописано.

‹1903›

27 мая 1903. Коктебель.

Дни апатии. Лень думать, лень читать. Лень даже думать о путешествии. Жуткая лень. Голова тяжелая с утра.

Грозовые тучи. Иссиня черный полог над морем и наконец гроза.

Приезжает из города Мишка. Мне книги и письма из Парижа. И снова раскаяние: зачем я только уехал. Так бы все бросить и снова назад. Но вид книг расшевеливает и я думаю, как хорошо из Японии прямо вернуться в Париж.

Мне жаль своего ателье, Национальной библиотеки, вечерних улиц. Мне даже людей не надо. Только город. Но это момент. Книги: La Rôtisserie de la Reine Pédauque и том «Журнала» Гонкуров.

Мне не хочется никому писать.

18 июня.

Кончил 3-ий том дневника Гонкуров. Конец общего дневника. Смерть Жюля.

Когда я дочитывал последние страницы агонии, мне вспомнился разговор прошлой зимой на Rue Belloy.

M-me Ауэр лежала в своей комнате на серой кушетке и говорила ясным, немного грустным голосом:

«Я Вам не говорила... В прошлом году я перед отъездом уже накануне была на могиле Гонкуров.

Их могила заброшена. Я взяла M-lle...* Она была страшно недовольна. Говорила, что это все глупости, что Гонкуров никто не знает и не читает. Но я все-таки купила цве-

* *Так в автографе.*

ты, и мы поехали. “Вот вы увидите, что ни один сторож не будет знать их могилы”. И как только мы приехали, она так и набросилась на сторожа. “Вы знаете, кто такие Гонкуры? Где они похоронены?” Тот, конечно, был stupéfie.* “Ну, вот видите, я говорила”. Но я все-таки настояла. Справились в книге и нашли.

Ни одного венка. Они так же одиноки, как и при жизни».

Меня все больше и больше тянет «домой» – в Париж. Эти дни я думаю о том, как бы отложить все восточные планы и уехать еще на зиму в Париж.

Опять временами то мучительное состояние неизвестности будущего, во время которого я так бегал по Парижу. Счастие – это знать, что хочешь.

Вопрос для меня концентрируется в одном: надо начать писать. Я много лет тщательно увиливаю от прозы, и это висит вечным мечом надо мной.

Я не могу разбить какого-то стекла. Будто рисование во мне убило любовь к эпитету.

Я не могу заставить себя записывать. Потому ли, что я «исхожу словами».

Надо научиться молчать с людьми и говорить с бумагой.

Я становлюсь очень равнодушен к людям. Поможет ли это? Но мне [неприятен и] скучен вид пера.

11 июля 1903.

Из разговора с M-me Юнге:

«Я была знакома с Гонкуром. Т. е. как знакома. Я была у него в 78 году, когда я была второй раз в Париже. Я осматривала его коллекции в его доме в Отейле. Он был замечательно любезен. Мы проговорили весь день. Обо всем. И об его книгах и об России. Он не знал русской литературы. Толстой тогда не был известен. Он тогда говорил, что [натурализм] реализм только тогда будет иметь силу, когда он даст роман из великосветской жизни, что до сих пор с ним соединялось

* изумлен (*фр.*).

представление исключительно из жизни низших классов. И вот тут я ему рассказала про Толстого, которого он не знал.

Потом, когда он в предисловии к одному роману обращался к своим читательницам с просьбой помочь ему, сообщив о своей первой любви, — он писал тогда «Chérie», я отправила ему большую тетрадь своих юношеских воспоминаний, которые я составила по тогдашним дневникам. Ответа я не получила. Вероятно, он пропал. Но когда вышла Chérie, я узнала свои слова и фразы. Потом в одном интервью, кажется «Фигаро», я прочла свою фамилию. Гонкур говорил, что он получил много писем после обращения к читательницам и одно из самых интересных из России.

Потом он писал, что он обработал его в маленький рассказ в «Les pages retrouvées» («La passionette)».

— А вы знали еще французских писателей.

«Нет... Я была страшно робка и застенчива. Когда мне было 16 лет, я была у отца Анфантэна...»

Постройка моего дома близится к концу. Меня теперь соблазняет мысль на всю зиму запереться в Коктебеле и работать: писать и учить японский язык. А весною в путь.

17 июля

История — это память человечества и моя память в человечестве. Мне она дорога со всеми ее баснями, легендами и анекдотами — даже заведомо ложными. Экономические причины и пр. — да, это имеет специальный интерес, мне любопытно искривления физиологических ошибок памяти, но мое «я» в этих ошибках. Нянюшкины сказки, рапсоды, Ренан — это мир памяти.

Лицо и кисть руки — в этом сосредоточена вся выразительность Европейской Живописи.

Греки не были так ограничены. Ватиканский торс, лишенный рук и головы, ничего не теряет.

Лишите этих деталей лучшие фигуры Европейского искусства.

Характер личности у японцев — в складках одежды.

Лицо это только белое пятно.

Европейские живописцы до такой степени еще слепы относительно фигуры, что современный Европейский костюм для них еще не имеет индивидуальности.

Светотень явилась от наблюдения человеческого лица в комнате.

Японцы, глаза которых в рисунке и в свете более развиты, чем у Европейцев, не заметили тени, потому что они работают на воздухе.

<1913>

Нестеров
7 января. 1912.

Видел его в первый раз. Странное лицо, не внушающее доверия. Нижняя половина не связана с верхней. Рот и подбородок какого<-то> грустного Мефистофеля. Рот большой, подбородок узкий, бородка на самом конце подбородка. При такой нижней части лица лоб, казалось бы, должен был сильно отклоняться назад. Между тем, на самом темени он вздувается большой шишкой, почти наростом. И лоб, и лицо способны покрываться морщинами толстыми и обильными: я не могу ухватить смысла его лица. Оно могло быть лицом монаха – плохого монаха, беспокойного и неверного. Оно скрывает в себе большую душевную сложность, вероятно искаженность, какие-то бугры и наросты. Лицо его странно противоречит всему вокруг, что окружает его. Лица его жены и детей похожи на его тонкие лики святых и мучеников. Все так же чисто, как в его искусстве. Это предстоит разгадать – что скрыто в это<й> шишке, которая на его лбу кажется чем-то отдельным, вроде кубика, надеваемого евреями во время молитвы.

---

3 августа 1913

Неожиданные письма. Дорога. Перемена жизни по настоянию солидного человека. Интересное знакомство с дамой в дороге. Большие деньги. Большое дело.

Известие о болезни молодого человека. Женитьба молодого человека (Ванда Ал<ександровна> Ро<гозинская>).

<1914. Дорнах>

31 июля. 1914. н. с.

Приехал 5 ½ ч<ас> вечера в Базель. На вокзале узнал, что идет последний поезд в Берлин. Все интернациональные сообщения прерываются. Я приехал буквально с последним поездом: всю дорогу вслед за мной прекращались сообщения, точно двери за спиной запирались. До Будапешта внутри был хаос коктебельского лета. Было больно и безвыходно: Кандауровы, Марина, Алехан, Майя... И надо всем последний разговор с мамой: «К Штейнеру едешь... думаешь лучше стать – не станешь. Ты весь ложь и трус. И не пиши мне, пожалуйста. Раньше я говорила тебе – для меня в жизни был только ты. Теперь ты больше для меня не существуешь. Понял?»

На желание попрощаться: «Зачем эти формальности?»

Это заслоняло все, что мелькало перед глазами: Одесса, Дунай, Галац, Предял, Карпаты, Брассо... На выезде из Брассо вагон был переполнен. Над равнинами Венгрии пылал тихий алый вечер, и первый серп с правой стороны. Потом весь день встречались воинские поезда, переполненные солдатами. Смысла я не понимал еще.

Будапешт. Пустынность и колоссальность в сумерках. Потом толпы народа, крики. Смутное сознание о том, что дело идет о России, о войне. Сознание уединенности и безопасности, полного бессилия. Наконец немецкие газеты. Бегство из Вены – русские деньги не имеют больше курса. Мюнхен. Телеграммы, выставки.

Прекращение движения по тирольским дорогам. Наконец через Боденское озеро и Цюрих – в Базель. *Bau* на мгновение, по дорнахской долине.

Все этапы последнего путешествия с Маргорей из Парижа. И Базельский вокзал, где мы прощались летом 1905 года.

И я уезжал в Париж по Дорнахской долине, не зная, что здесь еще будет. Мой весь скептицизм действительно погас. Я чувствовал себя одним из нечистых животных, запоздавших и приходящих в ковчег последним.

Дорнах – тишина: луга, деревья, холмы. Долго ищу Mattweg. Нахожу раньше Трапезникова. Первые слова о прекращении сообщений на Боденских ж<елезных> <дорогах>. Потом мы идем к Аморе. Там несколько русских говорят о том, что Сизова не пустили через германскую границу. Все полны этим. Мы с Аморей по темным лугам и тропам с детской колясочкой идем за моими вещами на вокзал и везем их вдвоем обратно. «Здесь есть один человек, который очень волновался твоим приездом. Это Энглерт, строитель *Bau*. Но он теперь успокоился, увидав тебя, кажется. Он не верил мне, когда я говорила, что мы давно уже не муж и не жена... Он удивительный человек.

Он долго был оккультистом, но не примыкал к обществу. Мне раз Доктор сказал: вы должны подумать и понять смысл... Я спросила его. Он позвал меня к себе и объяснил все. Сказал, что Д<окто>р запретил ему говорить кому-нибудь. Но потом прибавил: но одному, который придет и спросит, – скажите. С этого дня началась наша близость. Потом он говорил мне, что справился со своим гороскопом и нашел, что это самый важный день его жизни...».

Мы опять пришли к Аморе. Туда пришел Белый и А<ся> и Н. Тургенева. Разговор о войне, об отношениях между работающими над *Bau*. Уходят все призванные швейцарцы.

Сиз<ов:> Пусть нас возьмут чернорабочими, платят нам франк в день и кормят.

Ася Т<ургенева:> Такая-то сказала: а все-таки я рада, что наш немецкий воздушный флот сильнее всех. Они часто теряют деликатность: но их надо ставить на место. Это всегда производит хорошее впечатление...

Белый: Но нехорошо, что ты сама внутренно закипаешь. Я видел.

Амор<я:> Она сама со мной говорила о роли славянства. В ду<хо>вн<ом> мире германский дух жаждет обнять<ся>

со славянским, а в мире физическом это выражается войной.

Ася: Да, но она понимает роль славянства как колыбель VI расы, под гегемонией Австрии. Под властью же России ничего не выйдет.

Потом ночью мы идем с Белым.

«Ты поздно приехал. Какое удивительное Богатство, незаслуженное, тут мы получили. Доктор строит из циклов удивительное здание. Что остается недоговоренным в одном, находит ослепительные разрешения в другом. Он ведет нас поразительными мирами».

Он с бритым лицом, узкой, обнаженной головой.

1 августа.

Утром *Ваи*. Водит Энглерт. Он в синей куртке и с добрыми глазами за очками. Вечером его призывают на военную службу. Он уйдет.

Черепицы – грифель, которыми крыт *Ваи,* издали на солнце горят металлическими бликами; в тени же купол кажется сизо-эмалевым. Внутри он полон лесов. Но их торопливо убирают к вечеру, чтобы освободить главный купол. Всходим наверх по очень крутым мосткам. Тут выясняется сразу сила капителей и архитрав<а>. Они высечены в громадных толщах дерева, которые образуются, как фанера, из склеенных вершковых досок толщиной в несколько аршин. Линии art moderne, смущавшие на фотографиях, – это только грубые бетонные отливы, которые еще будут обрабатываться, и округлости (исключая самы<е> просвет<ы>) будут делиться на грани и плоскости.

В плане есть движение уха, раковины, это точно вбирающие губы моллюсков – снаружи, а внутри – четкий кристалл архитектуры. В модели: роспись купола: «Это то, что мы видим каждый день, но забываем». Это эфирная голова изнутри: что-то страшно знакомое, но совсем непонятное.

После Аморя идет работать, а я ухожу в горы к замку взглянуть на *Ваи* сверху.

К 12 <часам> 20 м. спускаюсь в кантину. Вижу прежде всего фигуру А. Белого. Он бежит ко мне. «Убили Жореса...

Меня это очень потрясло. У меня какая-то совсем иррациональная любовь к этому человеку».

Мы обедаем за одним столом с Белым. Разговоры о новостях и политике не прекращаются. «Надо запретить во время работы говорить о политике», – говорит Маргарита. «Как же вы запретите: ведь они идут все на войну и завтра, б<ыть> м<ожет,> будут уже в огне».

После обеда я еду в Базель за покупками. Там жарко, пыльно, тревожно. Банки заперты. Из Франции нет ни писем, ни газет. Поезда не ходят. Новостей нет. Вернувшись и идучи к кантине, встречаю Трапезникова с опрокинутым лицом, потом Маргариту.

Долго жду в кантине Киселевой для эвритмии. Она не пришла. Вечером у Маргариты.

Про Энглерта: «Он должен ослепнуть. Врачи его приговорили. Он внутренно примирился уже и принял это, никому не сказав. Раз Д<окто>р его вдруг останавливает: “Что у вас с глазами?” И сейчас же поставил диагноз врачей. “Но вы не ослепнете”. Дал ему медитации. Сейчас в нем истинный патриотизм, мужественный, спокойный».

2 августа. Воскресение.

Весь день страшная усталость и сон. Лекция. Вестей мало, все смутные и маловероятные. Газет нет. Аморя больна. Мы сидим у ней в комнате – Энглерт, я, Сизов. Приходят еще и другие. Среди русских разговоры о том, как защитить *Вау*: «Надо устроить отделение Крас<ного> Креста, лазарет. Это защитит от случайностей войны».

Энглерт: «Крас<ный> Крест в Швейцарии организован превосходно, и ему помощи не надо. *Вау* сейчас физически совсем беззащитно. Единственно, чем мы можем помочь, – не напоминать о нем. Если мы его предложим – для лазарета он не годится: в нем устроят склад сена, а на бетон и платформы поставят пушки».

Вечером эвритмия у Киселевой: «Доктор сказал, что произношение на А – это вырождение языка. Надо говорить ясно все О. Тогда это прекрасно передается в эвритмии».

Усталость и боль в ногах несколько уменьшаются от этих движений. Но я еле добираюсь до дому.

3 августа.

С утра я в Бау и жду работы – мне могут дать инструменты и назначить группу только после обеда.

Я пробую инструментами Петровского на месте Белого. Руки плохо слушают<ся>. Проработав с 1 ½ часа, я иду бродить. Встречаю Fr. Штинде и гр<афиню> Калькрейт. Энглерт сообщает весть об осаде Либавы и вторжении в Люксембург, и что Доктор в Базеле. Он уехал в Берлин в день моего приезда. Не знали, сможет ли он вернуться. Он показался во время обеда в кантине.

«Вы приехали, Herr Woloschin, но уехать вы уже не сможете».

– Я приехал для того, чтобы остаться.

Я иду к Аморе. Она все еще нездорова. Говорим о неверности всей жизни и страхе, который вызывает в ней любовь Энгле<рта>. После меня ставят на работу, и чувствую, что начинаю привыкать к ней и осваиваться.

После работы иду на эвритмию. Киселева начинает раздражать своими разговорами и спорами. Но вчерашней усталости больше нет.

4 августа. Вторник.

Дождь с утра. Душно. Сыро. Сильная боль ноги. Не хожу, а ковыляю. Пройти до Бау – это целое долгое странствие. Сейчас полное отсутствие политических новостей.

Призванные в войска почти все ушли. С утра мы погружены в работу, и ровный стук молотков по дереву мешает думать. Руки привыкают к долоту, но устают. Странное изнеможение в воздухе. Передают слова Д<окто>ра, что он все настаивал, что храм должен быть окончен к 1-му августу. Задержка произошла благодаря ошибке архитектора Шмита. Теперь он сказал: «Все-таки я не думал, что это наступит так скоро. Положение Европы очень скверно». Остающим<ся> он говорит: «Вы остаетесь? Ну что ж, все равно нельзя помочь». Неизвестно, сможет ли продолжаться постройка,

т<ак> к<ак> нельзя будет ни получать материалу, ни денег из банков.

Эвритмию делал через силу, еще с большим трудом добрался до Амори, а оттуда домой.

8 августа.

На другой день приехали Аннenk<ова> и Т.А. Поливктова. Перебрался к Аморе. Поселил<ся> вдвоем с Сизовым в ее комнате. 3 дня сидел дома, ставил припарки на ногу и писал эскизы. Вечером читал «J<ournal> de Genève», что приносил Трапезников. Сегодня утром вышел в *Bau,* но мне не дали работы – моя группа начинает работать во вторник. Вернулся опять писать акварели. Приходит Поццо: «Вы здесь рисуете, а у нас там события. Доктор сказал, чтобы все собрали необходимые вещи, перемену белья и, если начнутся военные действия, собирались в *Bau,* а оттуда – уйти в горы».

(Перед этим утром я встретил Энглерта. Он рассказал, что идет сегодня к границе, что к вечеру можно ждать сражения. Что вчерашние пушки были большим сражением и что большой франц<узский> отряд в 8000 вступил в пределы германского Эльзаса. Но что, по слухам, он, хотя его и обошли немцы, все же подвинулся к северу на Мюльхаузен. Если это так, то прорыва границы не будет. Но надо быть готовым.)

Я продолжал писать. После приходит Сизов.

– В *Bau* назначается стража на каждую ночь. Они будут там ночевать и по очереди обходить. Надо к 7 часам собрать<ся> в кантине. Взять с собою все, что надо на случай ночлега вне дома.

– Но я надеюсь, что успею закончить этот эскиз до начала военных действий.

К семи часам мы идем. С высоты *Bau* вся окрестность, залитая вечерним солнцем, кажется бесконечно мирной, и в бинокль я не могу различить по ту сторону границы никакого движения.

Аморя: «Энглерт, уходя, предлагал тебе и мне свою квартиру в Базеле, в том случае, если здесь будет опасно ос-

таваться. Он видел, как вчера ночью рефлектор из Германии дважды нащупывал *Bau* в темноте».

Все полно тревожных слухов. Одни передают, что завтра в час истекает срок ультиматума, будто бы поставленного Швейцарии Францией, и что Д<окто>р просил к этому времени быть всем в *Bau*, другие говорят, что ничего подобного нет.

Встречаю Péralté: «Я была весь день с Д<окто>ром. Он сделал ряд новых рисунков. И был очень удивлен, что антропософы собираются идти в горы». Сам Д<окто>р проходит в кантину. Здесь, среди природы, его фигура кажется маленькой и странно черной: черный сюртук, черная плоска<я> широкополая шляпа, темное лицо. Он долго молча ходит между беседующими группами и потом говорит: «Идите все по домам и ложитесь спокойно спать. А главное, не говорите ни о каких слухах, ни о том, что кто-то распускает ложные слухи».

12 августа.

Сторожил *Bau* ночью. Эту ночь не слышно было канонады. Только луч рефлектора из Иштейна бродил по горам. Все эти дни я был без работы. Сегодня наконец получил ее. Herr Ludwig взял меня работать под сводами малого купола. Я рад быть внутри храма, а не снаружи. Многое начинает проникать и становиться понятным.

Утро и весь день до вечера проходит так, что совсем не думаешь и не знаешь о том, что совершается кругом. Вечером приходят газеты и вести. Приезжает Энглерт с границы. Он закладывал мину, которая может взорвать 12 000 человек. Он весь трепещет ужасом того, что совершало<сь> в эти дни. Убито в окрестностях около 22 тысяч человек. Та канонада, что мы слышали позавчера, была отзвуком битв при Альткирхе и Мюльгаузене.

14 августа.

Начал работу над архитравом в малом куполе, начал заниматься немецким с Fr. Hanne, и так мало времени, что некогда ни писать, ни рисовать. Проходя после обеда по де-

ревянным задворкам, читал газету. Кто-то остановил и взял из рук газету. Это был Д<окто>р. Стал читать вслух телеграммы.

Я спросил: «Не знаю, могу ли я у вас попросить личные упражнения для меня».

— Я подумаю и скажу Вам.

Во время обеда ухожу в сторону и рисую деревья. Страшная потребность живописи. Вчера вечером была лекция Д<окто>ра о перевязках раненых. Он был глубоко измучен. Говорил с закрытыми глазами. Долго смотрел на свою ладонь, как будто что-то читал в ней. Все черты его лица углубились и заострились за эти годы. Отошла гармония огня. Все стало глубже и более скорбно. Но в самом голосе звучали какие-то мощные взмывающие токи. Он говорил, что мир должен быть в нас, иначе Бау будет разрушен. Потом говорил о крови и дал заклинание.

Энглерт — этруск. Он лем<ур>иец. В его чертах весь этрусский тип.

22 августа.

Все это время я нахожусь в каком-то тупом состоянии (точно воздуху мало), из которого пробуждаюсь только на отдельные минуты. Бескрылость всех внутренних движений, которая хватает<ся> за события внешнего мира, чтобы оживиться.

Все свободное время рисую. Я только о живописи и думаю. Хотелось бы получить работу живописную. M<ada>me Péralté передала мои акварели Д<окто>ру. Но получить работу по живописи трудно.

Работа над деревом меня не утомляет, но работается лениво и все время хочется вернуться домой к живописи.

Все, что было перед отъездом — мама, Майя, — лежит тяжелым камнем и всплывает иногда. Так было один вечер. Я пришел к Аморе. Хотелось поговорить об этом, но она стала говорить сама об Энглерте, и тяжесть сменилась острой радостью и счастьем за нее и за него. Она теперь всегда возвращается, когда я гляжу на него. Мне кажется, что это единственные моменты, когда я живу. Я молюсь о любви, и точно все ключи ее и засовы внутри. Ничто не загорается.

Было несколько длинных разговоров с Белым. У него бритое длинное, со страшно узким и высоким, совсем обнаженным лбом, лицо. Новое лицо. Иногда загорающееся и прекрасное, иногда демоническое.

«Доктор осыпал нас такими сокровищами. Он проливает на нас водопады...». В голосе те же высокие ноты — «взвизги Серафимов».

Беру уроки немецкого — читаю «Мистерии» с Fr. Hanne. Ее судьба — читать «Мистерии» с русскими поэтами — Эллис, Белый, я.

18 ноября.

Вчера, наконец, после трех месяцев ожидания имел разговор с Доктором. Сперва, когда мы встречались, он каждый раз мне говорил: «Ich habe nicht vergessen».* Т. е. мою просьбу дать мне личные упражнения. Но он уезжал, я был болен, и время шло. Я чувствовал себя совсем деморализованным, и все стало чуждо здесь.

«Но теперь Вы меня позабыли?» — спросил я на последней лекции.

— На днях...

Я надеялся, что будет М.Я. переводчицей. Но ее не было дома. Мы говорили вдвоем, и все-таки я сумел своим калеченным немецким языком все сказать и все понять.

Сперва я сказал о том, что чувствую, как во мне погасает непосредственное чувство любви — я холоден. Необходимость дисциплины воли.

Он подробно записал мне сам на бумажке медитацию для утра и для вечера: «Проделайте это год — все пройдет».

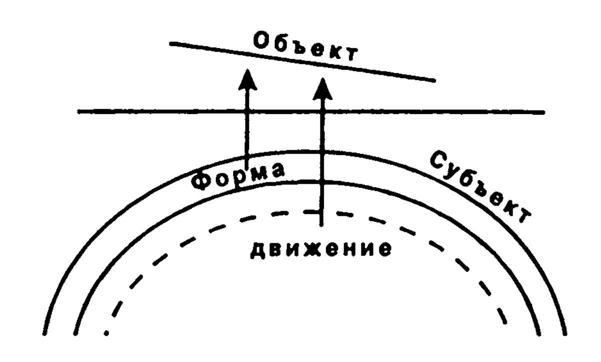
— Я чувствую свои мысли отравленными эротизмом.

— Не боритесь с этим аскетизмом — это только усиливает болезнь. Представьте, что Вы идете по улице. Представьте себе, что над Вами идет другой человек (он указал рукою над шеей — высоко — там, где я всегда чувствую свои мысли). Смотрите на себя его глазами вниз.

На вопрос о живописи:

* Я не забыл (*нем.*).

«Я просмотрел внимательно ваш альбом. В Ваших рисунках есть личность. Они не похожи на то, как теперь рисуют обыкновенно. Они сделаны не с натуры, а изнутри. Но это здесь. (Он взял бумажку и нарисовал.)

Вам надо стараться углубить внутреннюю область видения. Писать из эфирного плана. От форм перейти к движению.

Теперь трудно что-нибудь сделать в поэзии и литературе (сказал он на мои слова об отходе моем от литературы и о неотступности живописи). А в живописи можно сделать многое. Надо, чтобы форма рождалась из цвета. Посмотрите: синий – это жерт<ва>, это дар. Красный – насилие (Angriff)».

Затем он разрешил мне рисовать *Ваи* и обещал дать эскиз.

Все политическое: о Германии, о войне, что я хотел спросить, отошло так далеко, что не хотелось говорить об этом.

Т<ак> к<ак> это был мой первый в жизни разговор на немецком языке, я все время чувствовал <себя> к<ак> на велосипеде в первый раз, без вожатого.

<«МАТЕРИАЛЫ ВСКРЫТИЯ»>

20/VII 1926.

Имя? – Михаил.

(Кузен – сходил с ума). Сумасшествие – дяди Александр и Григорий.

Где? Когда? Кв<артира> на Долгоруковской (д<ом> Зайченко), возраст 4–5 лет.

Сумасшествие дядей. Дядя Саша: «Ты похож на рафаэлева *херувима*». Пятна на шкафчике (посмотреть). Его ужас. Пытался выкинуться из окна. «На нож! Режь меня!»

Сны; самый страшный: видел самого себя. Обыкновенный мальчик-двойник.

Другой сон: мужчина ведет мальчика и девочку, ставит на пригорке на колени. Заставляет поднять рубашки, стреляет им в живот. Сны о революции.

Отвратительные сны: вкус конского каштана, которым переполнен рот. Отвращение к гороховому киселю. Кухарка Дарья, которая его готовила. Кухня. Деревянный стол.

Детский разрыв с матерью. Меня мать обвиняет в чем-то. В чем, не помню. Я отрекаюсь, потому что знаю, что не брал, не делал. «Больше некому»... Обвинение во лжи. Гнев. Требование, чтобы сознался. (Сейчас вспоминаю – взял маленькую серебряную спичечницу). С этого момента чувствую кончеными все детские любовные отношения. На всю жизнь. Через 40 лет, когда мы оба забыли *причину*, этот исток недоразумений всплывает между нами в ссорах, и мать с той же страстью утверждает мою вину, и я с такой же страстью отрицаю, хотя мы оба одинаково уже не помним пункт обвинения. В доме на Долгоруковской помню ночи чувственной дрожи всего тела при мысли о наготе.

Ужас анатомических атласов и разговоров об операциях двух студентов-медиков. Несколько позже такой же ужас *смерти Геракла*. Позже (лет 7) – «Случай с г<осподином> Вальдемаром» Эдгара По.

Самые первые воспоминания жизни. 1 г<од> – Киев. Свет сквозь цветные стекла. 2 г<ода> – 3 г<ода>. Таганрог. Дача. Сад. Мощеная дорож<ка>, старая игрушка (поезд). Щенок-угольщик. С кормилицей на базар (нашел дорогу). Ящерицу поймал.

Заблудился. Плакал. Дети совали в рот конфеты. Ушел из сада нашей дачи, где гулял голенький.

Рассказы о кухарке, которая вечером бегала на гигантских шагах голая.

4 г<ода>. Севастополь. Развалины. Петропавловский собор. Лестница спуска. Дом рыбака. Собака Казбек. Рыбак-хозяин ест шоколад. Я прошу. Предлагает изо рта разжеванный. Отвращение (= сон о каштане. Гороховый кисель).

Купающиеся мальчики, которые отбегали от моря через дорогу. Острое ощущение наготы, обнажения. Стыдно и приятно.

Встреча бабушки на вокзале. Память очень подробная.

Затем 4–5 л<ет> – Москва.

Медвежий пер<еулок>. Болезни. Обои отделяются от стены в бреду. Стучит в голове (хозяин ходит). Щенка на глазах раздавили. В жару, больного перевозят в д<ом> Зайченко, в башлыке. Сводчатые ворота. Еще раньше воспоминание о кв<артире> на Малой Грузинской. С внутр<енней> лест<ницей>. Антресолями... Жили Куриленко. Мама совсем не могла вспомнить этой квартиры.

21/VII 1926.

Сон. С. Соловьев просит переставить часы: нет времени на молитву. Не хватает времени. По линии этой эмоции: почему не нашел времени отыскать Несси в первую

поездку за границу? Сон об Алекс<андре> Мих<айловне>: приехал в Феодосию, живу, и все нет времени к ней зайти. Сон о разрушенном городе и знаком<ых> разоренных домах (сбылось в 1922–23 г.). Самоупреки. Линия детской молитвы. «...И меня, младенца Макса, и Несси...». Насмешки: «...и м<еня>, ст<атского> сов<етника> Макса...». Молитва бабушки Евген<ии> Алекс<андровны>: «Господи, прокляни...».

Сексуальность: мальчишка беспризорный в Севастополе рассказывает (Л<юба> и Лина Вяземские, Инна Л. и я) – это они делают в развалинах. «Делают друг в друга». От этого умирают. Зовет посмотреть. Непонятно и странно. Очевидно, детское описание coitus.* Мальчишка на дворе д<ома> Зайченко (раньше?). Сажали в ванну и на него испражнялись.

Горохов<ый> кисель = испражнения.

Куриленко. Тетради с его именем. Рисовал в них, показывал взрослым. У всех фигур были фаллы. Старик Вяземский рассматривал в пенсне: «Излишний реализм»...

Несси и Леда. Отъезд Несси. Тоска и беспомощность. Садился мимо стульев. Охраняла Леда. Сбивала хвостом. Дарья и Леда. Завела ее на Сухаревку. Хвасталась дома: «Не вернется!» – «Вон, раньше тебя пришла. Под столом лежит».

22/VII 1926.

III сеанс.

Физическ<ое> состояние: расстройство желудка (улеглось), вспухла губа. Сон – *отрубленная голова прокурора*. Состояние духа – ровное. Сон очень крепкий и без сновидений.

Иррациональность: стихи «*В смехе под землей...*». Выявление будущего в мечте. Несогласие о смысле.

Попытки подняться по лестнице в кв<артире> на Бол<ьшой> Грузинской. Комната с отраженным тусклым светом. Значение света. Тусклого. Тоска в облачные дни. Подавленность духа в бессолнечные дни. Свет и коричневые обои – клозет в кв<артире> на Долгоруковс<кой>. Позыв к сексуальности.

* Соитие, половой акт (*лат.*).

Заказ 3692

Имя? – Лидия... Отчего Лидия? Никаких подходящих Лидий в современности. Абсолютно ничем не связано. (Лида Лампси, Лидия Зиновьев<а>, Лида Аренс...). В детстве нет этого имени.

Что с ним связано? – Лидия... Фигура Электры. Продолговатое лицо. Немного тяжелые веки. Пейзаж – камни, сухая трава, море, безоблачная лазурь. Херсонес? С личной жизнью *пока* связать не могу совершенно. Стихи «Она».

Имя «Лидия» был ответ на ощущение Ужаса из сна с Двойником.

23/VII.

IV сеанс.

Спокойное, ясное самочувствие. Очень глубокий сон без всяких сновидений. Давно так крепко не спал. После обеда в оставшуюся щелку сна запомнил: лестница (не с Б. Грузинской) и другая, очень ярким солнцем залитая, светлая комната, расписанная трельяжами, гирляндами. Вроде театрального павильона не очень хорошего стиля. Декорация очень яркая и солнечная, но дурного вкуса.

Что скрывается за этой комнатой? – Картина М. Швинда – девушка утром у окна. Комната у подножья Пилат-горы, комната Маргариты в Цюрихе. Постепенное вскрытие этой комнаты и Руанской ночи, Париж 1905 г. Анна Руд<ольфовна> – лорнет, рассказы, истерия. Руанский собор. Заклинание судьбы в Руане.

Воспоминание о Страсбурге. «Лучше Вам прямо отсюда вниз головой». Выдуманная жизнь в переписке.

Ан<на> Р<удольфовна> – ее истерия. Ясновиденье. Огонь. Удвоенн<ая> личность. Обнажение при прощании. Уважение, смущение за нее.

Анализ: Лидия = Маргарита. Но и в А<нне> Р<удольфовне> – черта травмы. Показание нижнего разума о «романтизме дурного вкуса». Весь сеанс анализ сна об яркой, трельяжной комнате...

История религиозных исканий: буддизм, католичество, магия, масоны, теософы, Штейнер.

25/VII.

V сеанс.

Сон: 87 fr (цифра внизу).

Вспомните: «Каббала» А. Франка.

Хасиды. Встреча с Азархом. Легенды хасидов (история об Архиерее.)

Какое отношение легенда имеет ко мне?

Воспоминание о Севастополе (кв<артира> на Широком Спуске). Уксусные деревья в саду. Поредевшая листва, просвеченная осенним солнцем. Дорожки обложены инкерманс<ким> камнем. Террасиро<ванная> почва. Айлантус – Еврейск<ий> Семисвечник.

Двор на Широком Спуске: дети – Инна Липина, 2 Шернваль, Ярош. Беспризорник из развалин.

Чечунчовый костюм матери.

Таганрогский эпизод: заблудился, голенький зашел в соседний сад. Плакал среди детей. Пряник. Но до этого ничего трагического. Тень листвы, солнце, цветы, тишина.

Самочувствие: артритическая боль в подъеме (левая) и после сеанса сильное расстройство желудка.

26/VII.

VI сеанс.

Гороховый кисель. Гной. Пауки. Паутина.

Операция: выдавливание гноя из нарыва – небольшой четкий круг диафраг<мы?>. Русская печь: белый кафель. Место, о которое точили ножи. Комплекс кухарки: гор<оховый> кисель, постное масло на волосах. Сад. Гусеницы. Раздавленные гусеницы. III-ья диафрагма: женск<ие> полов<ые> органы. Пальцы, раздвигающие срамные губы. Поднятые колени. Давление на затылок. Тусклый свет. Лоскутное одеяло. Нечистая простыня. Кованый сундучок. Мацерированная от пота кожа на пальцах и на слизистой оболочке. Рыжие потные волосы на ногах.

27/VII.

VII сеанс.

Самочувствие: болит нога в бедре, расстройство желудка после прошлого сеанса.

Сон: отлежанная кисть руки. После этого не<по>средственно во сне coitus с X.

Вспомнил: ряд геологических знаков. Акварель: земляной бугор, коричневый с белыми камнями и светлыми воронками <?> и скатами. Затем среди Херсонеса бухта, грот, где отдыхают стада. Пещера нимф. Гомер и Порфирий. Мои стихи: «Грот нимф» и «Пещера». Мысль и аналогии все время обходят вчерашние области и разными путями стараются оторваться. (Пауки – под мышки. Паучья самка пожирает самца). При приближении к главному – сердцебиенье, легкое задыхание, в глубине ритм рыданий, но не прорывающихся до поверхности.

Вскрытие сна: прикосновение к упругой тяжелой руке. Имя – Лидия. Два порядка чувственности: одна тяжелая паучиная, другая прекрасная.

28/VII.

VIII сеанс.

Боль в бедре чуть меньше. Засорение желудка.

Сон: были сны, но ничего не запомнилось, кроме каких<-то> зигзагов ализарино<во>го карандаша, смываемых дождем и быстро выцветающих.

«Вспомните»: вижу бледно-лиловую одежду, трепещущую на ветре. Бело-желтые камни и срывы. Грозовые тучи. Чья-то фигура в лиловом на этом фоне.

«Теперь вспомните чулан»...

Не вижу ничего. Антипатия к особому порядку женщин – к «даме», одетой нарядно, надушенной, флиртующей. Симпатия – к чему-то мальчишескому («девчонке»), к одетым кое-как.

Чувствую далекие истерические спазмы, приближение как бы тошноты. Но полная невозможность их выявить.

Внушение: отреагировать <на> все проснувшееся сегодня ночью. Невозможность полная вспомнить чулан. Фантазия отказывает.

29/VII.

IX сеанс.

Самочувствие хорошо. Бедро болит.

День был очень занят (5 отъездов, 6 приездов). Невозможность создать уединение ночью. Ночная истерика не вышла. Спал крепко. Вспомнил только хвостик сна. Глотнул морской воды. Но вкус иной: горькое, жгучее... Скорее растительный сок – молочай. (Аналогия с конским каштаном.) Обожжена часть рта (¾). Сейчас точно чувствую разделение во рту.

Вскрытие дало воспоминание о ночной поездке (склонившиеся у воды фигуры со спичками ночью). Недавний обжог чаем, каштан.

От «каштана» – к «чулану». Чулан отслоился от детства. В кв<артире> у Страстного (14 л<ет>). Фрося...

Все налицо вплоть до кровати на козлах. И до противного запаха в кушаньи, и длинного окна под потолком. Это же окно и в Париже на Rue Boissonade. И первая встреча с М. Это же отвратительное ощущение – «сон».

Чувство облегчения в том, что «чулан» стал на место.

30/VII.

X сеанс.

Задание: проверить боль в бедренном суставе.

Осьмимесячная болезнь и ей предшествующая зима. Террор, Каляев, сгустки событий по Достоевскому и рядом отношения с матерью, кухня, дрова.

Взрослый человек, пересиливаемый инфантильностью.

Раньше болезнь до войны, когда я мог спать только ниц, и было нестерпимо больно подняться.

31/VII.

XI сеанс.

Сонливое состояние. Сеанс начат со сна.

Воспоминание: Севастополь. Угольная яма со щенком в Таганроге.

Квартира в Мастерских Бр<естской> ж<елезной> д<ороги>.

Телесное наказание. Расстройство желудка у гувернанта (горохов<ый> кисель). Ужасы: смерть Геракла, «Случай с г<осподи>ном Вальдемаром» у Эдг<ара> По. Туркин. Его уроки. Гипноз гувернантки. Занятия спиритизмом.

Самое тяжелое в жизни: отношения с матерью. Тяжелее, чем террор и все прочее. Даты: детство – легкое до случая со спичечницей. Затем отчуждение до Феодосии, когда начинает<ся> моя самостоятельная жизнь. Студенческие годы – хорошая дружеская жизнь. Новый перелом – смерть бабушки. Начинается страшная требовательность, которая идет crescendo* до самой ее смерти.

2/VIII.

XII сеанс.

Глубокая взволнованность от вчерашнего появления милиционера и от предстоящей сегодня беседы с ним. Анализ по линии волнения. Разговоры и отношения с матерью. 1-ое ощущение столкновения о серебряной спичечнице. Позже неприятнейший, но не такой глубокий разговор о поле (Вася Шуберт). Иррациональное упрямство матери в некоторых разговорах, доводивших меня до мысли об ее безумии. Потом перенесение, вероятно, этого же чувства насилия над собой на госуд<арственную> власть. Сон о насилии над детьми.

3/VIII.

XIII сеанс.

Видел сон об М. Ш. Она говорит о том, чтобы после ее смерти положить с нею в гроб ее дневник и через столько-то

* Здесь: по нарастающей (*ит.*).

лет вынуть. «Но из вас никто этого не сделает... Единственная моя надежда на Макса». Вижу детские закрытые глаза и толстую тетрадь в тонких пальцах.

По этой линии: девочка в Троекурове, до ктеиса которой я дотронулся пальцем. «Плоть неопушенная». Диана (Дюбарри) Гудона. Айседора Дункан в «Вакханалии» из «Тангейзера». Волосатость Mons Veneris,* которая обратила внимание: Матери – купанье в ванне. Л. Л. в купальне. Чувственность связана только с «неопушенностью». Вообще «взрослость» в женщине меня всегда отталкивала, а «детское» привлекало.

4/VIII.

XIV сеанс.

Сновидение: возвращение на рассвете после какого-то кутежа по жел<езной> дор<оге> (или метро?) в большом городе – в Париже (послевоенном).

Смерть Трапезникова. Первая встреча в Женеве.

«Вернемтесь к узлу»: комната на Долгоруковской. Приезд отца из Таганрога. Рассказ о путешествии, потеря калош на какой-то станции скрещения ночью.

Напрасное стремление восстановить хронологию. Приезд отца помню на Долгоруковской, а он умер в 1881 году в Таганроге, и мы в то время были уже в Севастополе. Следовательно, на Долгоруковс<кой> мы жили значительно раньше. А до этого еще Медвежий пер<еулок> и Бол<ьшая> Грузинская. Очевидно, в приезды из Таганрога. Самые ранние факты на Долгоруковской: переезд закутанным и больным из Медвежьего, распродажа посуды, приезд отца. Отец появляется впервые в этих воспоминаниях.

Потом воспоминания об поездке в Борисполь и болезни. «Мама, что такое результат?» Откуда явилось это слово «результат»?

* Буквально – холм Венеры (*лат.*); здесь: лобок.

5/VIII.

XV сеанс.

Состояние утром: ясно-возбужденное, говорливое, никаких сновидений.

Потом порядок мыслей: поездки по железной дороге, Цыганский тоннель, место Кукуевка, закаты во весь горизонт (Каракатоай). Вагоны I-го класса, служебные. Затем сонная пустота, глубокое погружение в дремотное состояние, со смутными воспоминаниями и временами с полной потерей сознания.

Кухня, русс<кая> печь, плита, место для точки ножей, пол чисты<й> в кухне. Передняя на Долгоруковской. Зеркало ставится памятью на свое место (палисандровое и такой же стул).

Черная лестница. Мокрые ступеньки. Объявление об Дегаеве. Чан с мыльной синей водой в прачечной или сарае. В этом же сарае перед коронацией приготовление к иллюминации, плошки, запах скипидара и масляных красок...

Мокрые доски, неустойчивые, боязнь на них вступить. Позже из них образ купальни в Севастополе (Инженерной).

Потом большой провал, беспамятство. Сладостная эмоция дождя, текущей воды, журчание, в чистой сухой комнате. Кругом сладостный, оплодотворяющий летний дождь.

Дальше представление о тоннеле под мостиком. Мичманский бульвар с памятником Казаринова.

Морской вид на форт Константина (из купальни)... Мальчики...

Сердечное волнение (приятное) во сне. Эмоция потягивания, зевоты, пробуждения.

Наиболее характерный день для прорыва амнезии. Весь ход сегодняшних ассоциаций написать под диктовку, т<ак> к<ак> все забывалось сейчас же.

6/VIII.

XVI сеанс.

Инженерная купальня в Севастополе. Чистый белый пол с мокрыми, грубыми, мохнатыми половиками, следы мокрых ступней.

На лестнице две ступеньки, залитые водой, покрыты половиком, дальше голые и скользкие.

Рука служительницы ставит на лестницу блюдечко с растворенным килом. Разговор матери о киле – объяснение, которое я повторю и теперь.

Кабинки и сопоставление с городской купальней – тесной, замкнутой, со многими купающимися. Здесь же почти пусто. Но купающиеся есть.

Я иду с матерью в купальню. Мой матросский костюмчик. Корзинка с мохнатым полотенцем в руках. Вид из купальни на форт Константина и Северную. Светлые камни и желтая трава: весь пейзаж, который так люблю теперь и всегда рисую.

Херсонес. Из какой-то ямы вынимают ряд перебитых черепов. Как будто бы слова матери: «Хорошо бы достать цельный».

Воспоминание ближайшее о той пещере вблизи Херсонеса: свод и небольшое пространство; это та, в которой зоолог (Миша Розанов) поймал змею в 1922 г., что должна была заменить удава (Эрикса).

7/VIII.

XVII сеанс.

Купальня. Левое крыло с кабинками. Веревки для купающихся. За нею дальше в море – столб......

Купанье в той же купальне во время прибоя. Кто<-то> подталкивает, обняв за плечи. Я спрашиваю: «Идем дальше?..»

Купанье в Роне (Женева).

Воспоминание о купанье в ванне (у Porte <de> la Muette). Холодные ноги. Воспаление носоглотки.

Образ: двое детей. Охват<ыв>ает беспокойство: «чем заплатят?» (возможно, воспоминание вчерашне<го> неоплаченного арбуза).

Слова: Лепта... Лягушка...

Лепта = лепешка = лепка.

Лягушка = Кадыкой = пещера (нимф) = cteis*...

Херсонес... Смывается водой...

Появляет<ся> дрожание нижней челюсти и сжимание сердца. (Как будто страх.)

Ясный образ женщины (кормилицы?) с ребенком лет 2-х, похожим на меня. Курчавый, светлые волосы, смеющийся. Женщина смуглая, с платком на голове. С высоко подвязанной юбкой.

9/VIII 1926.

18-й сеанс.

Пропуск – воскресенье. Бессонная ночь на террасе. Будит все время колышащийся тростниковый мат, который представляется мужской фигурой в отверстии пещеры (я внутри). Следующий день – разбитость, нервность, истерический ком.

Образ фигуры, заслоняющей вход в пещеру, вызывает образ женщины с ребенком. Последняя взята явно с картины (Неаполь), но в ней есть что-то напоминающее эту мужскую фигуру.

Мужская же фигура напоминает того мужчину из детского сна, который ведет за руку мальчика и девочку, а потом стреляет в них.

Два воспоминания: восточный человек на пароходе в 16 лет и случай со стариком в сквере Trocadéro в <19>15-м году.

Свастика = plexus solaris**, «она фейерверочное колесо» (Вал<ентина> Вяземск<ая>).

---

* Женский половой орган (*греч.*).

** Солнечное сплетение (*лат.*).

10/VIII 1926.

19-й сеанс.

Пещера – это подвал развалившегося очень старого дома. Сверху целый холм. Выломана в камне брешь – верхний угол, так что получается спуск вниз и неопределенной формы – широкое и низкое отверстие наверху. Много паутины, очень запыленной по углам. Несколько жестянок. Фигура у входа как будто мужская, смотрящая вниз на меня.

Чувство какого-то горячего тела. Как будто берут правую руку и прикладывают к горячему месту. Судорожные движения левой рукой.

«Кармен» = «Une fille folle de son corps»*.

Провал и потом сон, сон и сон.

Сон как после больших слез. Что-то было тяжелое, все прошло. Кто-то несет на руках. Последняя ласка. Золотистое предвечерье. Пустынные холмы и заливы, залитые вечерним светом.

И снова ненасытный сон лежит <?> на плече.

Тут же какая-то мутная желтоватая вода, не то аквариум, не то перерез<?>, пронизанные вечерними лучами.

11/VIII 1926.

20-й сеанс.

Беспокойство ночью от шорохов. Представление о том, что кто-то подошел. Воспоминание о том, как я кричу и зову мать, которая в соседнем доме. Но при этом я как будто вижу не из себя, а со стороны: вижу мать, которая слышит мой крик.

Сижу на скамейке, и мне натирают правую руку вазелином, чтобы сделать слепок.

Потом двое мужчин в светлых костюмах в светлой комнате меня ловят в шутку.

Странная, все растущая сонливость, глубокий сон, наступающий ежеминутно.

Делаем перерыв занятий на 10 дней.

---

* «Девушка, помешанная на своем теле» (*фр.*).

<ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ. 1931>

22/I 1931.

Вечером читали вслух «Неточку Незв<анову>». Для меня это воспоминания детства. Позже я не перечитывал. Взволновала очень. Масса аналогий с Марусей. Никакого сходства, но много параллельного. Отношение с кн. Катей. «Это мне очень напоминает во многих чертах мою дружбу с Миррой Волконской. Эта породистость и неудержимость. Эти переходы и противоречи<я> мне напоминают Соню Толстую». Нам сейчас очень трудно оставаться с Марусей с глазу на глаз. Моя пассивность ее начинает раздражать, как когда-то раздражала Пра. Она совершенно не переносит, когда я сижу за акварелями. То же озлобление – «ты это делаешь только потому, что тебе легко <и> приятно». Мне также трудно ей объяснить, что для меня акварели важны как тоническое средство, это подобие творчества во мне поддерживает душевное равновесие. А оно теперь так необходимо и неуловимо.

<Июнь>

1930 год был бесплоден. 1929 г. закончился тяжкой болезнью. 9 / XII 29 г. у меня был удар, после которого я не мог работать. Удар небольшой, но сказался на руке. Я не мог писать, но силы постепенно возобновились в течение года даже и читать вслух стало легче. Но угасла сопротивляемость. Я впервые ощутил в Коктебеле тоску и скуку.

Теперь уже 31<-й> год. Почти 1 ½ года не было написано ни строчки. Но живопись восстановилась.

<ДНЕВНИК. 1931>

25/VI 1931.

Третьего дня уехали Архипповы. Они пробыли 18 дней (с 8/VI). Е<вгений> Я<ковлевич> болел... Это, к счастью, замедлило их отъезд – они хотели пробыть лишь 4 дня и уехать тотчас же. Он не обманул нисколько ново<ро>ссийских впечатлений. Они поражают деликатностью, робостью, вежливостью, интересом к стихам и поэтам. Было наслаждением показывать ему свои архивные и книжные сокровища и редкости. И рассказывать ему коктебельскую жизнь и проходящих перед нами людей, гостей, друзей. Это подводило итоги всему богатому материалу, готовому для записок, и создавало чувство необходимости все это зафиксировать в кратких словах, в анекдотах и в живых речах. В этом смысле мне неоцененно сотрудничество Маруси. Я часто ограничиваю<сь> тем, что называю ей готовые главы: расскажи о том-то, о том-то. Она редко хорошо рассказывает, верно потому, что очень живо и ярко представляет себе людей, сцены и разговоры. Вероятно потому, что совсем не умеет писать. Она говорит нелитературно, но непосредственно. Это создает ее рассказам живость и оригинальность. Оригинальность ее речи придает ее отношение к «клише». – «Я начала швыряться руками и ногами». «Я влезла сейчас же на стену и говорю ему...» Образ клише, принимаемый как факт.

26/VI 1931 г.

Ощущение полной потерянности в жизни не покидает меня <в> эту весну. Сегодня я переменил программу утра с тем, чтобы определенное время посвящать писанию словами, а не живописи. Живопись последние годы стала для меня единственным прибежищем. Тихой и прохладной

комнатой, в которую я удаляюсь, чтобы отдохнуть от жизни, от самого себя, от отдыха. Мне необходимо отдохнуть от уединения и от постоянной незанятости. П<отому> что и живопись стала для меня только отдыхом. Я ничего не придумываю нового, не ставлю себе никаких трудных задач. Я просто разрешаю логические те задачи, которые мне ставят случайности моей ежедневной работы.

Сегодня я проснулся с решением ежедневно проводить за письменным столом час с пером в руке и записывать все — текущие мысли, людей, воспоминания, это послужит началом моих мемуаров. Сегодня, вставши и спустившись в туалетную, я прямо пошел гулять, внушая себе по дороге: внимание, бодрость, прилежание и молясь: «благослови... просвети... исцели... огради». По отношению к Дому и ко многим из близких: к Лизе <Новской>, к Т<атьяне> Р<уфовне>, к В<арваре> Д<митриевне>, Е<катерине> А<лексеевне>, Б<огаевски>м. Это то же, что обычно. И по отношению к себе: «...творческим... худым... свободным...».

27/VI 1931 г.

Архиппов. Первое впечатление: сходство с С.Ф. Платоновым. Свежие щеки с седой бородкой, коротко подстриженной. Иронический и благожелательный взгляд из-за пенсне. Предупредительность и любезность. Согнутая спина и сжатые вместе кисти рук. В этом общее с Вяч<еславом> Иван<овым>. Есть еще сходство с В.В. Розановым. Б<ыть> м<ожет>, в крайней неуверенности всех слов. Это отсутствие «авторитетности» поражало в В. В. и противоречило его положению в литературе.

Его жена — Клавдия Лукьяновна. В Новороссийске мне она показалась похожей на его дочь. Но это сходство оказалось только поверхностным. Она такая же робкая, неуверенная, деликатная. Так же любит лирические стихи и разделяет страстно его литературные интересы и пристрастия... «Я в Новороссийске остался и застрял случайно. Я был преподавателем словесности во Владикавказе. Меня не выпускали из Учебн<ого> Округа. Как раз перед Революцией у меня было предложение в Москву — преподавательское мес-

то в Старообрядческом Училище. Но попечитель меня удержал и уговорил остаться еще на год в Новороссийске. Здесь меня застала Революция, и я здесь застрял. Несколько лет назад меня обвинили в том, что я служил при дворе, и уволили. Тогда то письмо, что вы мне прислали к Ан<атолию> Вас<ильевичу Луначарскому>, я переслал Усову. И он на нем написал резолюцию: "Прекратить безобразия относительно Е.Я. Архиппова". Он был тогда еще наркомпросом. Не знаю – подействовало ли его письмо. Но у нас "попечителем" был назначен Ф. Гладков, который у меня работал во Владикавказе в литературной группе. Он всю эту историю узнал, возмутился и способствовал моей реабилитации. Тогда оказалось недоразумение обычное, если вычищенный восстанавливается в правах – его переводят в иное место. А по резолюции выходило, что меня надо восстановить на том же месте. Это и сделали в конце концов. Но был вопрос относительно жалованья: я был отрешен от должности в течение всей зимы, и мне за этот срок надо было жалованье получить. Но я поспешил сам от денег отказаться, чтобы не оставлять по себе злого чувства».

Жену он зовет Клодя. У нее большая нежность к зверям. Они в дружбе с Ажиной, Зердале и Маметом.

«А мне дома нельзя держать кошечек».

«Нельзя потому, что, когда мы уходим, дома никого не остается», – поясняет Е. Я.

27/VI 1931 г.

Второй день я пишу до обеда, и мне как будто стало на душе лучше. Мне вчера работа<ло>сь акварелью значительно лучше. Я не чувствовал себя таким беспомощным и потерянным при мысли о стихах. Вчера письмо от Казика. Он пишет, что мечтает о моих стихах, что они ему необходимы.

28/VI 1931 г.

Вчера... привезли черешни на возу. – «Маруся, купи». – «Нам продавать запрещено». Сразу чувство острой обиды. Эта *обида* повторяется теперь часто. Когда натыкаешься в

жизни на такое запрещение. Когда запрещается продавать рыбу (это только для рабочих). Когда не дают керосина, хлеба... Вообще очень часто приходится в себе ощущать психологию угнетенных классов, чувство бунта и протеста, основанное на обиде, а не на сознании своей вины (Бердяев).

Это унизительно и оскорбительно для себя. И невольно преклоняешься перед тем великолепным *смирением*, которое теперь часто видишь у раскулаченных крестьян. Но этот «бунт» при теперешних условиях является «контрреволюцией». Как же примирить?

28/VI 1931 г.

Ася поссорилась с Вар<варой> Семен<овной>. Та ее выгнала из кухни. Но Асе это сослужило во благо: она пошла жаловаться Д<окто>рше. Там ее рассказ слышала фельдшерица и предложила ей пользоваться ежедневно ее горячим завтраком, идущим из столовой. Ее на днях обокрали. Она пошла жаловаться в милицию. Те арестовали 2-х девчонок. Привели к ней. Они сознались и отдали украденное. Кроме бумаг, которые они изорвали и бросили. На следующий день к нам пришел «надзиратель» просить для себя комнату. «А мне *угодно* здесь на берегу». Но ему отказали.

В тот же день у Маруси унесли с террасы туфли (спортсменки). Она тогда на другой день у тех же девчонок, пришедших с молоком, арестовала – бидон. «Принеси туфли – тогда верну бидон». Они ее проклинали на разные лады битый час. Я слушал сверху и удивлялся ее упорству. Я бы давно отказался от своих намерений и усомнился бы в своей правоте. Но они вдруг сознались. И на следующее утро принесли «спортсменки» – вымоченные, растянутые – они их пытались приспособить на свои ножища и получили обратно «бидон» с молоком.

Их ругательства и проклятия были неистощимы и грубы. «А вот наживаешься – молоко у честных людей отбираешь. Хоть бы тебя самое так раскулачили. Подавись ты этим бидоном. Сри в него». И т<ак> д<алее>.

29/VI 1931 г.

Вчера неприятный день: экскурсия, которую принимает Маруся. Во главе ее старый чиновник-педагог – очки, небритое 3 дня лицо с седой щетиной и со сжатыми губами. Сухое, неприветливое, придирчивое. Работая над акварелями, слушаю сверху, как он допрашивает М<арусю> о моем образовании. Когда М<аруся> отвечает, что я ни одного учебного заведения не кончил и из Университета был выгнан, живописи тоже ни у кого не учился, его лицо искажается неудовольствием и отрицанием в корне «подобных» явлений. После запи<сы>ванья своих впечатлений он выражает сожаление, что художник-самородок и самоучка бежит от жизни и современности и не запечатлел в искусстве никаких сцен Революции.

Когда все уходят, у нас остается пренеприятное чувство: зачем же они приходили? Несколько отвлекает длинный разговор с молодым парнем (современным, комсомольцем, интересующимся литературой), прямым, искренним, не лишенным шор, но и не вполне утратившим индивидуальность. Он любит Есенина. «Стихи люблю, а вот Кольцова не люблю». Любит Блока «12» – гениальная вещь. Зачем только Иисус Христос в конце. Знает Н. Морозова. Удивлялся, что я с ним знаком. А с Либединским вы знакомы? А с Горьким? Жил – здесь в Коктебеле?

«Со сколькими замечательными людьми Вам приходилось встречаться!»

Вечером вскрываем посылку от Казика.

Там оказывается большая банка варенья. И банка и варенье, очевидно, «для вывоза» – made in V.B.S.S.S.R.

Этот подарок рассеивает неприятное чувство всего дня. Все-таки кто-то нас любит, ценит и о нас заботится.

1/VII 1931 г.

Вчера вечером ужасное настроение острой безвыходности, без всяких внешних и катастрофических причин. Третьеводнишнего настроения от экскурсии уже не было. Оно разгулялось за день. Пред вечером заходил к Б. Разговор

Заказ 3692

о Балтийском побережии около Риги, по поводу тамошних этюдов А. П. Как там было хорошо, удобно и сытно жить летом! Потом естественно мысль перебегает на стесненность и узость наших дней. О положении ин<теллигенции>.

Упоминается имя С<емена> И<вановича>. А. П. подтверждает: «Он умер от сепсиса. Но почки у него были здоровые. Я помню прошлым летом он мне говорил сам. Что-нибудь съел в заключении. Ведь *передачу* не дают *именно ту самую,* что пересылают из дома. Что именно было, мы не знаем и не узнаем».

Но, анализируя свое настроение, нахожу, что причиной угнетенного состояния была не судьба С<емена> И<вановича>, которая всегда лежит определенной, но уже привычной тяжестью на душе. А мысли и беспокойства о своей судьбе – о денежных делах. Теперь, в эти дни с начала июня, опять начинаются решительные для Кокт<ебеля> и для Дома дни ожидания гостей из Союза. Кто приедет? Какие сложатся отношения?

Вечером в разговоре с Марусей выяснил, что если приедет дядя П<етя>, то он выедет из Х<арькова> сегодня и, следовательно, вопрос о его приезде выяснится завтра же.

В приезде «писателей» – я как-никак сомневаюсь. Что приедет Р<ита> Я<ковлевна> – несомненно. Но остальные?? Не знаю. Боюсь, что у них с питанием так ничего и не вышло.

2/VII 1931 г.

Сегодня с утра ожидание «писателей». Опять... С утра не гулял – дождь порывами. Пойду, когда разъяснит. Сделал только несколько шагов за мостом. До первых «четок». Молился о зл<атогоровс>кой группе: «Благослови... просвети... исцели...». Лизочка <Новская>, Т<атьяна> Р<уфовна>, В<арвара> Д<митриевна>, Е<катерина> А<лексеевна> Б<альмонт> и Б<огаевск>ие.

За кофе неприятный разговор: «Я решила тебя ограничить в хлебе и сахаре». Не протестую. Как пред неизбежностью. Но насколько это разумно? Я худею от неядения тогда,

когда, сжавши зубы, решаюсь себя посадить на голодовку. Но это только порывами. Худею сразу на несколько кило, а затем очень быстро все восстанавливается – и аппетит, и вес. Восстанавливается тогда и душевное равновесие. Исчезает напряженнось и тоска, с которой приходится теперь все время бороться. Я ищу причин этой тоски, свойственной вообще условиям рус<ской> жизни. И думаю их найти в отсутствии автоматизма в низших областях жизни и деятельности: на все и во всех случаях (самых обыденных) нужно находить свой (трагический) ответ. Ответ всем существом. Судьбою. Не словами. А ставя на карту все существо.

5/VII 1931 г.

Дни напрасного ожидания «писателей».

Окончательное изгнание Аси <Гинцбург>. Дня 3 назад (3/VII) она пришла с «благими намерениями» и с персидской лепешкой для киселя. «Мама пишет, что это очень вкусно и питательно для М<аксимилиана> А<лександровича>». В это время Маруся вспомнила, что ее комната понадобится для Зои Лодий. И сказала ей об этом. «...Ну, мне **Ваша** комната больше не нужна... И вообще она такая, что вас за нее никто не поблагодарит...» Словом, все слова, недавно сказанные бабушкой Касперович. Очевидно, они ей запомнились и показались очень обидными. И она более злого ничего в данный момент не могла придумать. «Ася, но Вас никто не принуждает жить в этой комнате... Вы же себе уже подыскивали другую комнату. Что же – переезжайте... Мне лучше, если Вас совсем не будет у нас...».

– «Т. е. Вы меня выставляете? Посмотрим, как это Вы сделаете? Что же, милиционера позовете?»

После она пошла жаловаться и сказала:

«А меня М<ария> С<тепановна> выгнала... без всяких поводов... Я ей ничего не говорила... Я принесла лепешку для М<аксимилиана> А<лександровича>. Она сказала: “Ступайте к черту. И убирайтесь из дома!”»

7/VII 1931 г.

Вчера за работой вспомнил уговоры М<аруси>: «Давай повесимся». И невольно почувствовал всю правоту этого стремления. Претит только обстановка – декорум самоубийства. Смерть, исчезновение – не страшны. Но как это будет принято оставшимися и друзьями – эта мысль очень неприятна. Неприятны и прецеденты (Маяковский, Есенин...). Лучше «расстреляться» по примеру Гумилева. Это так просто: написать несколько стихотворений о текущем. О России по существу. И довольно. Они быстро распространятся в рукописях. Все-таки это лучше, чем банальное «последнее» письмо с обращением к правительству или друзьям. И писать обо мне при этих условиях не будут. Разве через 25 лет? И дает возможность высказаться в первый и последний раз. А может... имея в запасе такой исход, я найду достаточно убедительные доводы, чтобы меня отпустили в Париж. Только чтобы из этого не сделать *шантаж.*

Пока ничего и никому об этом не говорить. Но стихи начать писать.

9/VII 1931

Вчера приехала Л<импо>по. Ждем сегодня Т. С. и О<стровер>ицу. Р<ита> Я<ковлевна>, говорят, едет уже: должна была выехать 1/VII. Вера <?>

«Тогда не дадим О<строверице> ее комнату. Пусть живет в подаренном флигеле...». Завтра приедет С. А., по словам Лид<ии> Вас<ильевны>.

Все это обилие людей вызывает сомнение.

Разговаривал с Л<импопо> – ничего поражающего о друзьях. У Гнесина – комп<озитора> пропал взрослый сын, живший в Питере. Ни в МУРе, ни в ГПУ его нет. В газетах письмо Сталина, о том, что пора изменить отношение к спецам. Нам вредители не опасны больше. Некоторые анекдотические черты. «Я сказала при Ф., что больше всего на свете боюсь мужиков и клопов. И вот меня назначили в ко<л>хозную бригаду. Удачное соединение обоих моих фоли. Об этом страшно много говорили. На улице меня спрашивали: “Чего вы боитесь?”»

— Но в конце концов Сталин сказал нечто подобное. Ф. сейчас же эти мои слова пересказал в Г. И. З., и мне его председатель — настоящий коммунист — сказал: «Зачем Вы это при этой сумасшедшей бабе говорили. Сказали бы мне — мы бы оба посмеялись».

— В деревне — красный уголок — стоит живая корова и навешаны иконы. А под потолком несколько портретов вождей. Зачем же иконы?

— А мы что же ваших чертей будем в такое место вешать?

Утром *ихнюю* молитву вместе поют (Интернационал).

10/VII 1931 г.

Ряд событий: книги и телеграмма от Казика: «Выезжаю к Вам 14». Приезд Тамары С<алтыковой>. Утром Островерица с чадами. Накануне Лимпопоша.

Большая радость о Т<амаре>. Она пришла, когда М<аруси> не было дома — она была в Д<оме> отд<ыха>, устраивала Островерицу там, т<ак> к<ак> и она, и Л<импо>по приехали из Союза <писателей> с путевками, а Женя в Центре не имела еще распоряжения о них.

Т<амара> получила вечером письмо: сестра Нины В. умерла от брюшного тифа. Арестован отец Мар<ины> Б<аранович>. Отпущен Рыбаков. Все кончилось благополучно у него. Он еще может приехать в Кокт<ебель>. Н. Я. едет наверное. Зоя Л<одий> тоже: она на Кавказе с Лидой.

Вечером ощущение полноты Дома, радость и удовлетворенность. Приезд К<азика> очень радует.

14/VII 1931 г.

Сегодня жду приезда Казика. Ночью, проснувшись в первом часу, слышал в соседней комнате обрывок оживленного и страстного разговора М<аруси> и Т<амары>. Утром, когда зашел мыться: — Ну, Мася, скажи, ты слышал ночью наш спор с Т<ама>рой? Правда, Зоя — дрянь. — Не знаю, Маруся. Я слыхал, что говорили, но *что* говорили, разобрать не мог.

– Но скажи на чьей ты стороне – Т<амары> или Л<одий>.

– Не знаю, Маруся, мне это не важно и решать преждевременно. Вот если Л<одий> приедет, тогда расспросим ее и будем решать.

– Но понимаешь – для Т<амары> очень важно заниматься с З<оей>, а Л<ида> стала при З<ое> главным адъютантом – носит ее манто. Всегда присутствует. Т<амара> начала протестовать против ее присутствия на занятиях. И сказала все это Л<одий>, и она ей отказала... Понимаешь, какая Л<одий>– свинья? Но я этому не верю. Т<амара> не заинтересована – у нее нет никакой материальной выгоды. Но она игрок – у нее азарт. И она занеслась. Я это вижу очень ясно.

24/VII 1931 г.

Последняя неделя очень оживленная: в доме появилось много людей сразу: приехал Казик, Тата Шлипс, Потоцкий, приехала Нелли С<околова> на один день с подругой Аней М. Приходила Люба Г. из Ст<арого> Кр<ыма>. Ждем каждый день Катю С<орокину> и А.О. Я<кубчик>. Письма от Т<атьяны> Р<уфовны> и Лизы <Новской>: «Напишите Тате». Вчера написал.

‹1932›

1932 год. Январь.

Зима нудная, больная. В декабре 1931 года была у нас Т.Р. З<латогорова>, была недолго. У нас были еще Катюша и Миша.

У нее заболели зубы. Ей пришлось ехать в Феодосию. Я поехал вместе с нею. Ее дантистка задержала. Необычайная трудность переезда в город и обратно. Маруся решила бежать в город – уговаривать ее вернуться в Коктебель. Она стерла себе ногу. Но вернулась на другой день. Т<атьяну> Р<уфовну> уговорить отсрочить отъезд не удалось, но Мар<усиным> приходом она была растрогана.

После ее оконч<ательного> отъезда я стал задыхать<ся> от холодн<ой> темп<ературы> и от всякого движения. Мы оба с Марусей около 24 дек<абря> поехали в город к врачам. Славолюбов мне сказал: «Это не астма. Астма у Вас бронхиальн<ая>. Это ослабление мускула сердца». Затем за наше лечение взялась Галя Виноградова. Она предложила заочную консультацию д<окто>ра Ляшенко (известный в Харькове врач) и прислала рецепты и средства. У Маруси в то же время обнаружилось острое малокровие (на грани злокачественного). Первая партия ляшенковских лекарств попалась в сильные (?) холода. И пришла в пол<о>павшихся флаконах и вся испорченная. Мы решили заказать здесь. Но вышла большая задержка, т<ак> к<ак> феод<осийская> аптека оказалась неспособна.

В январе к нам приезжал Юра Беклемишев. С ним произошло объяснение.

<Февраль>

Я не знаю, что со мной, я не чувст<вую> себя больным, но я чувствую вокруг себя разрушение и смерть. Я много думал эту зиму о т<ом>, что происх<одит> в Коктеб<еле>. Я много думал о Пра, о последн<их> годах ее жизни в Кокт<ебеле>, о ее тоске.

И как-то раньше в прежние годы я жил мечтой, что я могу что-то делать, писать мему<а>ры, а сейчас у ме<н>я нет ни чувства, ни любви к форме. И вот когда я пробую что-нибудь, у ме<н>я ничего не выходит. Я беру свои записи, вспоминаю и не выходит. Многое я забыл, а главное не чувствую формы, как это сделать. И вот о стих<ах>. Раньше мне было стихи писать и трудно и легко. Легко, п<отому> ч<то> я знал, как это выразить. И все эти душевные состояния были бы объяснимы, если бы я чувствовал себя больн<ым> физически. Это<го> нет. Но вот это состояние дает ощущение большой грусти и ощущение какого-то бессилия. Ощущение смерти вокруг себя и в себе, предчувствие, что это последний раз. Ко всему, что я прикасаюсь, рассыпается для меня. Коктебель был определен<ным> пейзажем, куда я уходил переваривать все унося из другой жизни. А теперь много есть чего переваривать, но в такой обстановке разрушения я не могу. Хотя раньше жизнь слишком текла и извивалась у ног, и некогда было остановиться. А теперь все идет с большим ущербом.

Хочется никуда не торопиться, быть у себя. Это у меня всегда в жизни такое чувство.

<ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ 1932, ВЫДЕЛЕННЫЕ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ>

19/III 1932.

Только что уехала тетя Саша (Домрачева), которая приехала к нам совершенно неожиданно с даровым билетом, полученным Надей из Москвы, поэтому она очень торопилась вернуться в Харьков, т<ак> к<ак> Наде надо было уже 21/III быть в Москве.

Ее приезд был очень радостен и очень поднял уровень душевной жизни.

– Ты напрасно, Макс, думаешь, что тебя не знают и забывают. Напротив, твои слова имеют большой отголосок и часто в совсем неожиданных людях... Вот у Нади в Москве есть сослуживица – не коммунистка, но у нее большие связи в советских кругах. У нее была неприятность по службе с месткомом. И она говорила Наде: «Вы знаете – я всегда стараюсь все делать для людей, что в моих силах, и вот результаты – все против меня. Единственное, что меня утешает (это мне говорили), что в Крыму живет один философ, который всегда говорит: делайте добро. Добро никогда не погибнет и рано или поздно, но когда-нибудь к Вам вернется. Постойте: мне называли его фамилию – он художник. Его зовут Волошин».

– Ну конечно, знаю, – сказала Надя, – и подробно ей рассказала о Коктебеле, о тебе и о Марусе.

– Так что, видишь, твои слова отнюдь не пропадают, а живут и распространяются тайными путями. Эта Надина знакомая тебя знает и когда-нибудь еще приедет в Коктебель.

Вместе с тетей Сашей прошла очень радостная и бодрая волна в нашей жизни.

24/III 1932.

Это дни глубокого упадка духа. Я задыхаюсь от каждого малого движения во время утренних прогулок, не могу уже наклоняться и поднимать камни. Мне это напоминает последние дни Пра, когда она не могла уже встать с постели умыться, не потеряв дыхания. И это ей не мешало быть бесконечно раздражительной на меня и на Марусю, так что мы так и не успели ей до смерти рассказать о радости нашего соединения. Она так и умерла, ничего не зная об этом.

25/III 1932.

Сегодня серый весенний день. На дворе 5° выше нуля. Это холодно.

Стараюсь вспоминать первые годы у Петровых. Подвигается плохо.

27/III 1932.

День весенний и холодный. Снег в воздухе и южный ветер. Вчера просматривал корреспонденцию Алек<сандры> Мих<айловны>, <поза>вчера – письм<а> Ф<р>идриха Гейне. Сегодня – письма Лили Дмитриевой. И то, и другое – захватывающе интересно. В письмах Лили есть кое-что обо мне – эпохи моей вражды с Гумилевым и дуэли.

Сегодня буду чита<ть> Франса и «Лики творчества». Эти воспоминания мне жгуче приятны.

Скоро ли начнется весна?

У меня сегодня очень болит левая нога в бедренном суставе.

27/III 1932.

Холодная серая весна. Вчера собирал свои воспоминания о перв<ом> годе в Феод<осийской> гимн<азии> и о жизни в доме Петровых и записывал. Вечером читал Марусе Анатоля Франса, статьи из «La Vie littéraire». О Вилье... Так ярко вспомнилась собственная статья, что принес с верха «Лики Творчества» и прочел «Апофеоз мечты». Читая парал-

лель с В<еликим> Инквизитором, я вспомнил подробности, которые узнал от Эм. Мишле. Это было в 1916 году – перед моим отъездом в Россию.

Я доживал тогда последние дни в Париже. Это было время острой дружбы с Цетлиными. Кто-то (кажется, Ozenfent) – мне предложил меня познакомить с Э. Мишле, которого книги, статьи и рассказы я знал. А заодно и с Жоржем Польти. Он мне предложил пойти вечером в одно кафе около Place d'Alma.* Там было много фр<анцузских> литераторов, среди которых Мишле выделялся возрастом и сединами. Польти был косой человек, худощавый и продолговатый. С Мишле я сейчас же разговорился о его замечательной статье о «святости Бодлера», в которой он поднимает вопрос чуть ли не о «канонизации» его.

Статья написана очень умно, парадоксально и с большим проникновением. Затем беседа перешла на «Великого инквизитора». «Братья Карамазовы» как роман еще не был переведен, но «Великий инквизитор» в переложении (не знаю чьем) появился в «Revue Blanche». Вилье его прочел и говорил об этой теме. Ему не нравилась трактовка Достоевского, и он на эту тему импровизировал целый рассказ. Который тут же кем-то был записан с его слов и напечатан. Не помню, в каком из малых журналов, кот<орых> в ту эпоху много возникало и гибло. В какой-то из старых записных книжек у меня должна сохраниться эта запись. Но где она – бог весть. Так что влияние «Вел<икого> инквизитора» на «Акселя» можно считать установленным. Но было бы интересно разыскать эти документы. Я это сделаю непременно, когда попаду в Париж.

В тот же вечер я познакомился с Жоржем Польти, которого знал давно как автора книги «36 драматических положений» (мысли, приписываемые Гёте, в разговорах с Эккерманом, – Карло Гоцци, но у Гоцци нигде не найденные). Польти доказал, что это так. Он их нашел все и доказал, что других и быть не может. В этом есть нечто фантастическое,

* Площадь Альма (*фр.*).

как во всей фигуре Карло Гоцци. Кроме того, я знал еще статью Польти в стары<х> №№ «Меркюр» – «gemographia»* – о гениальности евреев, – статью, которая когда-то в одну из коктебельских зим меня очень заинтересовала. В тот же вечер Польти мне подарил несколько оттисков своих статей: о робости Шекспира, о записи жестов и драматический опыт. Они и теперь у меня под руками и ждут своей очереди.

Вечером пришли текущие местные новости. Батюшку обложили 500-стами рублями – обычная весенняя борьба с «классовыми» врагами. Синопли обложили 100 р<ублями>. Сегодня и батюшка и Синопли ушли оба в Ст<арый> Крым.

28/III 1932.

Вчера ночью выпал снег. Сегодня солнце и холод. Пришли письма. Мне пишут Т. Р. и Лиза. От Т. Р. очень хорошее письмо. У меня сегодня очень болит и беспокоит меня левая нога в бедре. Вчера я принимал много мер против боли, но они не подействовали, и сегодня это уже беспокоит меня. Думая о моем общем ущербе (не могу писать стихов, картин, разучился читать вообще), я думал о том: а смогу ли я быть просто хорошим и чутким человеком? Я помню, что письмо я писал Т. Р., видя и слыша горечи Мар<уси> о Сем<ене> Иван<овиче>. «Макс, родной, какой Вы огромный человек, и перед Вашим величием я склоняю свою голову. И благодарю судьбу, давшую возможность *знать, почувствовать* и *полюбить* Вас». Это именно то, что мне бы очень хотелось, раз я лишен всего остального – поэзии, живописи, живого слова...

6/V 1932.

На почте – закрыто. Нет писем. С утра – тоска. Книги не удовлетворяют, рисование – тоже. Хочется событий, приезда друзей, перемены жизни.

* Описание крови (*греч.*).

7/V 1932.

Прекрасный день. Тепло и тихо. Солнце и первые «голые» костюмы. Но никто не приезжает по-прежнему, и нет ни от кого писем. Несколько деловых писем от новых людей: какой-то профессор, который меня видел летом 30 года, но со мною не познакомился, спрашивает меня об условиях жизни как старожила. Можно ли достать обед? комнату? и т. д. Прежняя тоска. Мне физически плохо. Чувствую все время страшную тяжесть, точно тяжесть крови. Маруся пробовала мне ставить пиявки, провозилась утром часа 1 ½.

13/V 1932.

Вчера с Мар<усей> длинный разговор о Павлиновых: «Ты встречал сам Леночку в Париже, когда она туда уехала с Ольгой Феод<оровной> (Коммиссаржевской)? Соня была в том же стиле, как и Леночка. Но еще красивее. В ней была такая же красота. Какая-то *ласковая*, и говорила она не торопясь и только самое нужное. Точно она знала, что ей недолго жить и некогда терять время на ненужные вещи. Так же и во всех предметах гимназических – она не хотела делать ничего, что ей потом (она точно всегда знала свою раннюю смерть) не понадобилось... Мы с Коммиссаржевскими познакомились вместе: пошли к Вере Феодоровне после одного спектакля. В<ера> Ф<едоровна> приняла нас очень хорошо. Тактично. Расспрашивала. Я у нее попросила на память мне карточку. Потом Сонина мама написала В<ере> Ф<едоровне> письмо, и Павлиновы познакомились домами. Соню застрелили. Это было так: она поехала к тетке в имение. Мать очень беспокоилась о них – о Соне, Лене и Наташе. И вызвала их к себе телеграммой. И они уже уезжали. Все в доме было готово к отъезду. В это время товарищ Сониного кузена чистил ружье в комнате наверху. Соня поднялась, чтобы проститься. «Соня, хотите, я Вас застрелю?» – крикнул он. «Что же, это, верно, очень интересно – умереть так неожиданно». Сказала она врастяжку – и остановилась у

двери, слегка подпершись щекой. Выстрел ей попал прямо в глаз. Когда этот мальчишка увидел, что она упала, он выбросился в окно. Она уже была мертва. И сзади тоже было чуточку крови.

И ты знаешь, когда они возвращались в вагоне, то Наташу тоже чуть не застрелили. Какой-то сумасшедший. Из соседнего отделения. Он перевесился в их отделение. И метил в нее почти вплотную – в голову. Но кто-то схватил его за руку, и он выстрелил мимо. Кто, что? зачем? – так и осталось для всех неизвестным. Только Наташа ничему не удивилась.

О Сониной смерти они никому ничего не говорили, и когда начались уроки в гимназии, и я встречала Лену и Наташу, я все спрашивала: «А где же Соня?» – «Сони нет. – Разве ты ничего не знаешь?» – сказала Лена... Тут у меня началась истерика. А... А.. А..! Я была в отчаянии. Соня была самая талантливая из своих сестер. Может, и не лицом... Но у нее была такая фигура и такой обаятельный голос»...

14/V 1932

По письму Тихона было ясно, что к нам представителем «Союза» выезжает некий т. Шульц, по-моему, 12/V, сегодня он извещает нас, что он не едет совсем. Письмо длинное, волнующее, недоговоренное и неясное. Эти дни снова нам ждать нечего. Еще письма от Тюлина, Рождественского, книги от Жаброва, иллюстр<ированные> немецкие <журналы> от Саркизова. Утро солнечное, теплое, но ветрено. Сейчас дождь – страховка урожая. Опять несколько дней неопределенного ожидания. Кого? Зачем?

1/VII 1932

Вчера Всеволод Р<ождественский> неожиданно уехал. С утра, проснувшись, я сел за акварели. И говорил ему снизу: «Вс<еволод> Алек<сандрович>, <Вы> мне до сих пор ни одного своего нового стихотворения не прочли». Он в это время стоял с еще не распечатанной телеграммой в руках. И я

услыхал обрывки разговора: «Телеграмма от моего вотчима. Только фамилия перепутана. Его зовут Мациевский, а здесь Матушевский. Но это всегда... Текст телеграммы: «Выезжай, несчастье». Тут (в Литфонде) я скажу, что меня срочно вызывают в экспедицию. Это очевидно какое-то семейное несчастье. Я об этом не хочу никому, кроме близких, говорить. Тут может быть возможность болезни и возможность катастрофы – физической или ареста. Но меня беспокоит еще одна возможность: судьба одной девицы, кот<орая> ко мне питает нежные чувства и постоянно говорит о самоубийстве. Может, это самоубийство? Я жду, что могут быть какие-то уточнения в ближайшие часы».

Тут пришла Мар<уся> и стала говорить о том, что необходимо попытаться выехать немедля, сегодня же. Они сходили на почту. И пришли с вестью, что на почте стоит ряд линеек, с которыми она уже договорилась.

25/VII 1932

Сегодня у М<аруси> – экскурсия: из Муз<ыкального> Учил<ища> имени Ф. Кона. Много спрашивают о моих музыкальных склонностях. На слова Мар<уси> о моем мычании с утра в дни работы говорят: «Это хорошо, что он своего творчества не разбазаривает». После приходит Н.Э. Радлов. Я говорю: «Вот никак не думал, что Парт<ийное> издат<ательство> удержит в том флигеле имена поэтов. А он, напр<имер>, даже имя Гумилева в его комнате хочет удержать».

– Нет, ведь они против Г<умилева> принципиально ничего против не имеют... Ведь, в сущности, за Гумилевым имеется только одна тяжкая вина: это что он был расстрелян, а в писаниях своих он ничего неприемлемого не высказывал.

– «Ведь то, что меньше всего приемлемо для них, это совершенно непонятно и наиболее обидно – это ирония».

– Совершенно верно. Но часто, когда сам видишь, что твое иронизирование проходит незамеченным, то сам же

конфузишься, точно заговорил по-французски с человеком, не знающим языков. Помню, я нанимал себе комнату в Детском. Комната была скверная, маленькая. Хозяйка запросила с меня 100 р<ублей>, но мне комната была нужна во что бы то ни стало – и я дал. Хозяйка же в оправдание сказала: «Видите, мне надо к дочери ехать в Орел». Я ей возразил: «Это большое счастье, что только в Орел – если бы Вам пришлось ехать в Сибирь, то комната бы стоила не меньше 1000 рублей». Она же совсем наивно: «У нас в Орле родственники, а в Сибири никого нет». Ну, мне тут и стало стыдно.

АВТОБИОГРАФИИ

Заказ 3692

<НАБРОСОК АВТОБИОГРАФИИ> <1>

Я рождаюсь в Киеве 16 мая 1877 года, так что церковь Sacré Cœur*, построенная на вершине Монмартра, приходится мне ровесницей. И хотя я не люблю ее духа, но когда с ее купола я гляжу на Париж, то меня охватывает такое чувство, точно я вижу пред собой всю мою жизнь. Я родился в день Св. Духа и поэтому в юности [особенно] любил стихи Гейне о рыцарях св. Духа и всегда помнил, что хула против Св. Духа не прощается.

Первые воспоминания детства – это развалины Севастополя – большие деревья, выросшие внутри разрушенных домов**. Отсюда позже любовь к Клоду Лоррену и Пиранези.

С 4 до 15 лет детство в Москве, непрерывная мечта об юге и книги. Первые книги – Пушкин, Лермонтов, Байрон, «Одиссея», греческие мифы. Около девяти лет первое знакомство с Гоголем и Достоевским и Эдгаром По. Наиболее потрясавший образ, которым меня пугали, смеясь, это смерть Геракла. 14 и 15 годы – период полного увлечения Достоевским.

1893 год – откровение великой революцией и неожиданное свершение всех грез – приезд в Крым [на постоянную жизнь] в Коктебель – пустынный и величественный залив, хранящий в своих очертания<х> строгую простоту выжженных холмов Эллады.

После [невыносимого] мертвого гнета московских гимназий*** – (Поливановской, потом Мос<ковской> I гим<назии>) Феодосийская гимназия и сама Феодосия, в то время еще сохранявшая свой вид старинного итальян-

---

* Святое сердце (*фр.*).

** *Далее зачеркнуто:* Позже это превратилось в

*** *Далее зачеркнуто:* Феодосия

ского городка* являются для меня новой жизнью. Здесь мои стихи**получают общее признание, а я сам – хорошую прививку литературной славы, которая***с тех пор оградила меня от заболевания этим опасным недугом.

Страсть к путешествиям находит свое первое удовлетворение в долгих одиноких прогулках по крымским горам.

В 1897 году я поступаю в Моск<овский> Университет. Там мое пребывание кратко и в высшей степени бесплодно. Это время увлечения идеальными революциями – Гарибальди, Герцен, Маццини становятся моими героями. Меня несколько раз арестовываю<т> за студенческие истории, высылают; в промежутках я делаю свои первые путешествия по Альпам, по Италии и по Греции. Меня арестовывают в Константинополе, арестовывают в Судаке, я сижу в Москве, и начальн<ик> Охран<ного> Отделения о моей жизни говорит моей матери: «Знаете, сударыня, вашего сына... женить надо».****

Меня высылают в Ташкент, где в качестве юриста, я оказываюсь зачисленным на государствен<ную> службу фельдшером и 4 месяца провожу в Среднеазиа<тской> пустыне с караваном верблюдов. Здесь новая грань жизни [веха в жизни духа]. Пустыня преображает весь строй духа и мысли и приобщает мое самосознание мудрости востока.

Из Средней Азии я еду [прямо] в Париж и становлюсь художником. И живопись, и француз<ские> поэты воспитывают мой стих. Из Парижа я делаю путешествия по Испании, по Балеар<ским> островам, по Корсике и Сардинии.

Только в 1902 году я узнаю о существ<овании> в России новых поэтов. Прежде всего в мои руки попадают стихи Вячесл<ава> Иванова, который в то время еще жил в Женеве, после я *****встречаюсь с Бальмонтом и одновременно с его поэз<ией>.

---

* *Далее зачеркнуто:* кажутся мне

** *Далее зачеркнуто:* первую при

*** *Далее зачеркнуто:* надеюсь, на всю жизнь

**** *Далее зачеркнуто:* Тогда

***** *Далее зачеркнуто:* знакомлюсь

В 1903 году – с Брюсовым, Балтрушайтис<ом> и Белым в Росси<и>.

С этого времени я пишу целый ряд писем из Парижа в «Весы» и в «Русь».

Из поэтов и мыслителей, имевших на меня наибольшее влияние, я могу назвать: Достоевского, Бодлэра, Бальмонта, Вяч. Ива<нова>, Эредиа, А. Франса, Ренье, Р. де Гурмон<а>, Клоделя, Блавацкую и Рудольфа Штейнера. Из книг Багават Гиту.

<АВТОБИОГРАФИЯ> <2>

Не знаю, что интересно в моей жизни для других. Поэтому перечислю лишь то, что было важно для меня самого.

Я родился в Киеве 16 мая 1877 года в день Святого Духа.

События жизни исчерпываются для меня странами, книгами и людьми.

Страны: первые впечатления – Таганрог и Севастополь; сознательное бытие: окраины Москвы, Ваганьково, машины и мастерские железной дороги; отрочество – леса под Звенигородом; пятнадцати лет – Коктебель – самое ценное и важное на всю жизнь; двадцати трех – Среднеазиатская пустыня – пробуждение самосознания; затем Греция и все побережья и острова Средиземного моря – в них обретенная родина духа; последняя ступень – Париж – сознание ритма и формы.

Книги спутники: Пушкин и Лермонтов с пяти лет; с семи Достоевский и Эдгар По; с тринадцати Гюго и Диккенс; с шестнадцати Шиллер, Гейне, Байрон; с двадцати четырех – французские поэты и Анатоль Франс; книги последних лет: Багават-Гита, Маллармэ, Поль Клодель, А. де Ренье, Вилье де Лиль Адан – Индия и Франция.

Люди: лишь за последние годы они стали занимать в жизни больше места, чем страны и книги. Имена их не назову.

Стихи я начал писать тринадцати лет, рисовать – двадцати четырех.

Из произведений современных поэтов раньше других я узнал «Кормчие звезды» Вячеслава Иванова (1902), после Бальмонта. У них и у Эредиа я учился владеть стихом.

Максимилиан Волошин.

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН <3>

Максимилиан Волошин... Если вы произнесете это имя перед любым «добрым буржуа», он воскликнет радостно:

– А-а, Макс Волошин... Тот, который живет в Коктебеле, ходит без штанов, носит греческий хитон и венок на голове...

Но другой – более осведомленный – перебьет его:

– Позвольте – это ведь он разрезал картину Репина... Или нет... он читал лекцию о ней и сам Репин плакал. И потом он еще дрался на дуэли...

– Да, да, он был посажен в сумасшедший дом и там умер. Я сам читал его некролог в какой-то Киевской газете. Говорят, талантливый человек был... Там еще кончалось, «к сожалению, покойник слишком любил парадоксы».

– Так это вовсе не тот Макс Волошин. Умер в сумасшедшем доме киевский журналист – псевдоним – Волошин. Их смешивали...

– А я слыхал еще про одного Макса Волошина оккультиста...

Одним словом, через несколько минут у Вас закружится голова, вам покажется, что Максов Волошиных очень много и что разобраться в них нет никакой возможности и вообще все это только одно наваждение.

И действительно в жизни, в личности, в творчестве поэта, художника, критика, путешественника, конферансье – Максимилиана Волошина есть нечто, что оправдывает эти разноречивые толки и слухи.

Обычно он появляется то в Москве, то в Петербурге на 2–3 месяца, декламирует свои стихи, читает несколько лекций, возбуждающих споры и негодования газетных крити-

ков своими неожиданными и парадоксальными эстетическими утверждениями, и снова исчезает на целые годы то в Париж, то в Коктебельское уединение, откуда возвращается то с новой книгой стихов, то с увесистой папкой акварелей, то со статьей или исследованием на какую-нибудь необычную тему. И во всем, что он ни делает, сказывается разнообразная и изысканная эрудиция, направленная на все редкое и странное, строгая сдержанность формы и всегда неожиданная, очень личная точка зрения, придающая характер парадоксальности всем его утверждениям.

Подробности его биографии так же прихотливы и разнообразны: в свое время он был сослан в Среднюю Азию, где был погонщиком караванов и сидел в Константинопольской тюрьме, как Армянский революционер, исходил пешком Испанию, Италию и Грецию, пил абсент с президентом Андоррской республики и по личному поручению Далай Ламы покупал для него автомобильные очки у «Au Bon Marché». Последняя неожиданность, которой он изумляет нас, это его книга стихов о Революции – «ДЕМОНЫ ГЛУХОНЕМЫЕ», проникнутая подлинным чувством родины, написанная тем русским языком, которого никак нельзя было ожидать от парижанина и галломана Максимилиана Волошина.

Немудрено, что его облик дробится и множится в глазах большой публики, которая создает о нем легенды и рассказывает небылицы.

Сейчас Максимилиан Волошин – единый и нераздельный – подлинный Коктебельский Максимилиан Волошин находится в Ялте и будет читать на выставке «Искусство Крыма» в пятницу лекцию на тему «СКРЫТЫЙ СМЫСЛ ВОЙНЫ».

В первой части ее он поделится своими впечатлениями Западной Европы во время войны, а вторая часть ее будет посвящена анализу некоторых сторон европейской культуры, породивших современную войну, главным образом «машинизму» европейской жизни. В ней Максимилиан Волошин расскажет свои теории о Демонах машин и о бунте

машин против человека. Вся лекция будет комментирована и иллюстрирована его собственными стихами.

В субботу же Максимилиан Волошин сделает в Литературно-художественном обществе доклад на тему «СУДЬБА ВЕРХАРНА», сопровождаемый чтением его новых переводов поэм Верхарна.

⟨АВТОБИОГРАФИЯ⟩ ⟨4⟩

Я – Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин – родился в городе Киеве 16 мая 1877 года в Духов День.

До четырех лет жил на юге России – Киев, Таганрог, Севастополь. С 4 до 16 – Москва. С 16-ти (1893 г.) – Коктебель, Феодосия.

Университет – в Москве. В 1900 г. – ссылка в Туркестан. После жизнь за границей – преимущественно в Париже. Стихи пишу с 12<-ти> лет.

Впервые стихи были напечатаны в «Новом Пути» в 1903 г., а первая книга <на>печатана в 1910 г. в изд. «Гриф». С критическими статьями выступал раньше – с 1900 г. («Русская Мысль»).

Мои стихи распределяются так:

«Стихотворения» – (1900–1910 гг.) – изд. «Гриф».

«Selva Oscura» (1910–1914) – как будто бы печатается в Моск<овском> Гос<ударственном> Издат<ельстве>.

«Anno Mundi Ardentis» (1915) – изд. «Зерна».

«Иверни» (избран<ные> стихи 1917) – изд. «Творчество».

«Демоны Глухонемые» (1917–1918) изд. «Камена».

«Неопалимая Купина» (1919–1923). Запр<ещена> цензурой.

«Путями Каина» (1922–? не окончена).

Писал очень много критических статей, переводил Верхарна, Анри де Ренье, Клоделя, Вильє де Лиль-Адана, П. де Сен-Виктора, В. Гюго, Малларме.

В продаже книг моих нет. Так же нет и надежды напечатать то, что пишу сейчас.

Максимилиан Волошин

Книги М. Волошина

Стихотворения 1900–1910 г. изд. «Гриф» Москва 1910 (распрод<ана>)

Стихотворе<ния> Кн. I 1900–1910 изд. «Омфалос» 1919

Стихотвор<ения> Кн. II 1910–1915 изд. «Омфалос» 1919

Anno Mundi Ardentis (1915) изд. «Зерна» 1916 (распрод<ана>)

Демоны Глухонемые (1915–1918) изд. «Камена» 1919

Иверни (избр. стихи) изд. «Творчество» Моск<ва> 1917

Лики Творчества. Кн. I. Изд. «Аполлона» 1913

Суриков: Монография

Переводы

Поль де Сен-Виктор Боги и Люди. Изд. Сабашник<овых>

Анри де Ренье Маркиз д'Амеркер, изд. «Альциона»

Вилье де Лиль-Адан. Аксель. Изд. «Ясень»

Верхарн Стихотворения, изд. «Омфалос»

Анри де Ренье Стихотвор<ения>, изд. «Омфалос»

Поль Клодель Отдых Седьмого Дня (Трагедия «Музы», ода)

Верхарн

1 Человечество	8 Монах	15 Толпа
2 Ужас	9 Дерево	16 Завоевание
3 На Север	10 Любовь	17 Окров<авленная> Бельгия
4 Осенний вечер	11 М. Анджело	18 Защитники Льежа
5 Ноябрь	12 Город	19 К Бельгии
6 Декабрь	13 Душа города	
7 Св. Георгий	14 Города	

<АВТОБИОГРАФИЯ> <5>

Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин родился в Киеве 16 мая 1877 в Духов День. Род Кириенко-Волошиных из Запорожья. В XVII веке есть упоминание о слепом бандуристе Матвее Волошине, с которого поляки ободрали кожу живьем, как с Марсия, за политические песни. Надеюсь, что он был моим предком.

Отец – Александр Максимович был судебным деятелем 60-х годов [и вылитым Стивой Облонским по показанию его друзей].

Со стороны матери – примесь немецкой крови.

Детство – на юге: Киев, Таганрог, Севастополь. С 4-х лет – Москва. Школьные годы тоже в Москве (Поливановская гимназия, потом 1-ая казенная). С 15 лет – Коктебель (1893 г.). Оканчи<ва>л Феодосийскую гимназию (1897). Университет – Москва (1897–1900). Выгнан за беспорядки (1899). Выслан в Ташкент (1900–1901).

С 1899 г. – Париж, который вплоть до 1916 года, несмотря на многократные отъезды и долгие пребывания в Коктебеле, оставался опорным пунктом жизни.

В промежутках путешествия по Испании, Италии, Греции, Германии, Англии, Норвегии – но преимущественно по югу.

Вся Революция – в России в Крыму.

Главные духовные моменты: в 1900 г. – среднеазиатская пустыня – как пробуждение самостоятельной мысли.

1902 г. – Рим и католицизм.

1903 – Встреча с Хамбу Ламой Тибета и буддизм.

1904 – Франк-масонство и магия.

1905 – Теософия, оккультизм и Рудольф Штейнер.

Литературные влияния: Пушкин, Лермонтов, Некрасов, которых я знал наизусть до того, как научился читать. С 5-ти лет самостоятельное чтение, обильное и разнородное.

В школьные годы – прискорбное знание наизусть всего Алексея Толстого и Майкова.

С начала 1900-х годов – влияние французов, у которых я учился художественной форме и четкости мысли. Главным образом у Эредиа, Малларме, Вилье де Лиль-Адана, Ренье, Клоделя, Верхарна.

Около 1903 встреча с Русскими Символистами: Вячеславом Ивановым, Бальмонтом, Брюсовым; и сверстниками – Белым и Блоком.

Первая статья, подписанная моим именем, – в «Русской Мысли» в мае 1900 г. Стихи – в «Северных Цветах» и «Новом Пути» в 1903 году. Случайные же выступления в печати – гораздо раньше: с 1894 года.

Стихи писал с раннего детства. Систематически с 12 лет. Первые стихи, сохраненные в сборниках, написаны 23<-х> лет. Первую книгу стихов издал 33<-х> лет (1910 г.). Живописью начал заниматься с 24 лет.

Чисто – эстетический период создания своего художественного языка и изобразительных средств – до 1914 г. С начала мировой войны необходимость закрепить то, что надо сказать, явно превозмогает эстетизм.

Книги стихов располагаются так:

Годы Странствий (1900–1910) } Лирика
Selva Oscura (1910–1914) }

Неопалимая Купина (1914–1924) (Война и революция)

Путями Каина (1922–?). О трагедии материальной культуры.

Св. Серафим (1920 г.) поэма

Случайность изданий и политических обстоятельств перепутали сильно этот нормальный хронологический порядок.

Критические статьи, рассеянные по многим периодическим изданиям, были частью собраны в книге «Лики Творчества», том I (Франция), но остались неизданными

тома о русской литературе, о театре, о живописи, о Париже, монография о Сурикове, переводы Вилье де Лиль-Адана, Клоделя, стихов Анри де Ренье.

Был постоянным сотрудником «Русской Мысли», «Весов», «Перевала», «Золотого Руна», «Аполлона» и большого числа газет в качестве парижского корреспондента.

Отношение критики ко мне было исключительно отрицательное. Время от времени я подвергался единодушным газетным травлям,* и для меня закрывались двери всех редакций. Были [даже] годы бойкота моих книг книжными магазинами. Все российские цензуры: царская,** либерально-интеллигентская и революционная разделяли по отношению ко мне мнение критики, что [вполне] понятно*** ввиду моей органической антипатии к политике, к партийности, к государству и общественности. Единственная форма общественной деятельности, к которой меня вынудила Революция, – это была борьба с террором во время гражданской войны (с белым или красным – разумеется, безразлично).

Все это создавало, в общем, очень благоприятные условия для уединенной творческой работы [и мне думается, что я использовал их с толком].

Максимилиан Волошин.
Апрель 1924

* *Далее зачеркнуто:* и исключительно из всех

** *Далее зачеркнуто:* либеральная общест

*** *Далее зачеркнуто:* потому, что я всегда питал глубочайшую

<АВТОБИОГРАФИЯ> <6>

Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин – род. 16 мая (ст. ст.) 1877 года в Киеве. Предки казаки из Запорожья. «Свою фамилию, – пишет поэт, – встретил дважды: в XVII веке слепой бандурист Матвей Волошин; с него поляки содрали кожу живьем, как с Марсия, за политические песни; да какой-то молодой человек в Кишиневе, по фамилии Кириенко-Волошин, водивший Пушкина в цыганский табор. (Воспоминания Францевой). Желал бы их обоих иметь предками. Со стороны матери есть немецкая кровь (врачи и инженеры, обрусевшие с XVIII века). Никакого признака латинской крови, между тем как я всегда чувствовал близость только к латинским культурам (Франция, Италия, Испания), языкам латинского корня и полную чуждость к Германии, ее языку и культуре. Истинной родиной духа для меня был Коктебель и Киммерия – земля, насыщенная эллинизмом и развалинами Генуэзских и Венецианских башен». Детство В. прошло на юге, в Феодосии, юношеские годы – в Москве. Учился в гимназии Поливанова, кончал гимназию в Феодосии. В 1897 г. поступил в Московский Университет, на юридич<еский> факультет. Исключен в 1900 г. за беспорядки и сослан в Ташкент. С 1901 по 1915 г. жил то в Париже, то в Коктебеле. Путешествовал пешком по Европе. Наравне с литературой занимался живописью. Картины свои выставлял в «Мире Искусства». Живопись считает «величайшим наслаждением». С 1917 по 1924 г. жил только в Коктебеле. Про эти годы поэт пишет: «интерес – социальная история человека, антипатия – армия и политика. То, что мне пришлось в зрелые годы пережить русскую революцию, считаю для себя великим счастьем»... Писать стихи начал с 11 лет. Первое литературное выступление – сти-

хотворение «На могиле В.К. Виноградова», напечатанное в сборнике его памяти в 1895 г. в Феодосии. Первое серьезное выступление – стихи в «Новом Пути» и в «Северных Цветах» («В вагоне») – в 1903 г.

Отдельные издания: 1) Стихотворения. (Годы странствий). Изд. «Гриф» М. 1910. 2) Anno Mundi Ardentis. Изд. «Зерна». М. 1916. 3) Иверни. (Избранные стихотворения). Изд. «Творчество». М. 1918. 4) Демоны глухонемые. (Стихи). Изд. «Камена». Харьков. 1919. 5) То же. 2-е изд. «Изд-во Писателей». Берл<ин>. 1924. 6) Верхарн. (Перевод). Изд. «Творчество». М. 1919. 7) То же. 2-е изд. «Омфалос». Одесса. 1919.

МАКСИМ<ИЛИАН> ВОЛОШИН <7>

Родился в Киеве 16 мая 1877 года в Духов День.

Род Кириенко-Волошиных из Запорожья. Есть упоминание в XVI с<толетии> о слепом бандуристе Матвее Волошине,* ободран<ном> живым (как Марсий) поляками за политические инвективы.

Со стороны матери – примесь немецкой крови.

Раннее детство – на юге: Таганрог, Севастополь. С 5 лет – Москва и Звенигород<ский> уезд. Гимназии – Поливановск<ая>, Мос<ковская> I-ая. В 1893 г. возврат на юг: Феодосия. Коктебель.

Университет – Москва. Выгнан за беспорядки. Выслан в 1900 г. в Средню<ю> Азию. С 1899 странствия пешком по Европе: Италия, Испания, Греция, Альпы, Пиренеи. С 1901 г. до 1916 – два постоянных места жизни: Париж и Коктебель с промежуточн<ыми> остановк<ами> в СПб. и Москве.

Стихи с раннего детства, живопись с 24 лет. Строгость к написанному. Первые стихи напечатаны очень поздно в 1903 г. в журн<але> «Новый Путь». Критические статьи и фельет<оны> – с 1899 г. в «Русской Мысли».

Духовный путь: [до 1905] юность – страстное поглощение видим<ого> мира: стран, городов, произведен<ий> искусства, книг.** Встречи с Буддизмом, масонством, оккультизмом, католичеством; в 1905 г. – с Рудол<ьфом> Штейнером и теософией, впоследст<вии> превр<атившейся> в антропософию. Первая Революция прошла мимо.

Европейская война.

---

* *Далее зачеркнуто:* с которого была

** *Далее зачеркнуто:* Потом

Заказ 3692

<БИОГРАФИЧЕСКАЯ КАНВА> <8>

Максимилиан Волошин – (Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин) – родился в 1877 году в Киеве в Духов День (16 мая ст. стиля). Кириенко-Волошины – семья украинская, казацкая из Запорожья. (По толкованию деда – «Кириенко» – имя от Κυρίος = господин, а «Волошин» – запорожское прозвище = выходец из Италии).

По женской линии есть немецкая кровь: прапрадед Зоммер лейб-медик, приехал в Россию при Анне Иоанновне.

Раннее детство связано с югом России (Киев – Таганрог – Севастополь). С 4 лет – Москва (1880 г.). Обстановка – улица из Суриковской «Боярыни Морозовой», т. е. Новая Слобода около Подвисков, где в эти самые годы Суриков через 2 дома и писал свою картину.

Позже – обстановка Мастерских Смоленской дороги около Ваганькова.

В 1887 г. Поливановская Гимназия, первый класс.

В 1888 – перешел во II кл<асс> Казенной (Мос<ковской> I-ой) гимназии.

В 1893 – переезд в Феодосию, Коктебель – V кл<асс> Феодосийск<ой> Гим<назии>.

В 1897 г. – окончание Гимназии и Москов<ский> Университет. С детства (с 5 лет) массу читал, очень многое знал. Обладал прекрасной памятью. Читал наизусть бесконечное количество стихов. Очень любил декламировать.

Учился очень плохо. Школа – ни средняя, ни высшая – не дала ничего, кроме отвращения, да выработала особую рассеянность во время работы, от которой я страдал всю жизнь. Университет дал не больше, чем гимназия.

В 1899 г. был исключен за студенческие беспорядки и выслан в Феодосию. В конце этого года – первая поездка за границу (Венеция, Швейцария, Париж, Берлин).

1900 г. Выдержал экзамены на III курс Юридич<еского> Факультета. II путешествие за границу (Вена, Мюнхен, Обер Ам<м>ергау, Рим, Неаполь, Афины, Константинополь). После новый арест за студенческие дела (был председ<ателем> Исполн<ительного> Ком<итета> Москов<ского> Университета) и высылка в Ташкент.

1901 г. Возвращение в Париж. Занятия в «École de Louvre», в «École des Hautes Etudes religieux», курсы Гастона Париса, Бергсона, Андрэ Мишеля. Занятия живописью.

Путешествие в Андорру, на Балеары, по Испании.

1902 г. Париж. Живопись. Поездка на Корсику и в Сардинию. Неаполь. Рим. Там знакомство с Ватиканскими кругами и католическим миром. Осенью в Париже встреча с Хамбу-Ламой Тибета и увлечение буддизмом. Знакомство и дружба с Бальмонтом.

1903 г. Возвращение в Россию на год. Знакомство с петербургскими и московс<кими> литер<атурными> кругами. Настоящие литерат<урные> дебюты. «В вагоне» – напечат<ано> в «Северных Цветах» и цикл Парижских стихов в «Новом Пути».

(Самое первое стихотв<орение> «Памяти Виноградова» напечатан<о> в 1895 г. в Феодосии, а в 1899 и 1900 писал библиографические заметки в «Русс<кой>Мысли» и в мае 1900 г. первая подписанная статья в «Русс<кой> Мысли» – «В защиту Гауптмана»).

Сборы в Японию: несостоявшееся путешеств<ие> благодаря войне. Возвращ<ение> в Париж.

1904 г. Париж. Парижские корреспонденции в газ<ете> «Русь». Работа в «Весах».

1905 г. – 9 янв<аря> был в СПб. проездом в Париж. Там знакомство с масонами, теософами, встречи с Олькоттом, с А. Безант, со Штейнером.

1906. Женитьба на Марг. Вас. Сабашниковой. Зимой возвращение в Россию, [жизнь] в СПб.

1907–1910. Петербургский период. Жизнь на «Башне» с Вячеславом Ивановым. Летом Коктебель, зимой СПб.

В 1910 г. основание «Аполлона». Создание Ч<ерубины> де Габриак. Дуэль с Гумилевым. Выход I-ой книги Стихов.

1910–1913. Московский период, заканчивающийся Репинским скандалом, травлей, закрытием для меня всех редакций и бойко<то>м моих книг книжными магазинами.

1913 и 14. Уединение в Коктебеле.

1914 – осень. Работа в Дорнахе над постройкой Гётеанума.

1915 – Париж. Биарриц. Испания. Книга «Anno Mundi Ardentis».

1916. Возврат в Россию. Коктебель.

1917. Февр<альская> Револ<юция> в Москве. После Коктебель.

1918. Коктебель и Феодосия. Книга «Демоны Глухонемые».

1919. Одесса. Поэма «Пр<отопоп> Аввакум». В мае из Одессы – на лодке в Крым. Летом дело Маркса и поездка в Екатеринодар.

1920. Поэма «Св. Серафим». Борьба с Красным террором.

1921. Весна <в> Симферополе. Летом 8 месяцев болезни, а после санатории. [Голод].

1922. Борьба с голодом. Книга «Путями Каина». Летом и осенью лечение в Саках и Севастополе. Смерть матери.

1923. 2-ая женитьба (М.С. Заболоцкая). Организация бесплатного Дома Отд<ыха> в Коктебеле.

1924. Поездка в Москву. Поэма «Россия». Коктебель становится крупным литерат<урным> центром.

Нельзя сказать, чтобы я пользовался бы признанием в русской литературе. Сейчас нахожусь под *цензурным

* *Далее зачеркнуто:* литератур

запрстом, и моих книг в продаже вообще не имеется. Но то же было и до войны, когда для меня почти хронически запирались двери редакций и книжн<ые> магазины бойкотировали мои книги. Критика всегда относилась ко мне отрицательно. Единствен<ные> положительные отзывы: библиограф<ическая> заметка В. Брюсова в «Русс<кой> Мысли» по выходе моей I книги стихов, да страничка в «Ист<ории> Новейш<ей> Рус<ской> Лит<ературы>» Львова-Рогачевского, за которую он был лишен права преподавания в В.У.З.'ах и которая вырезана в новом изд<ании> его книги за то, что он видел во мне поэта рус<ской> Революции (sapicnti sat!!).* Все это я рассматриваю как особую милость и внимание со стороны судьбы – т<ак> к<ак это мне всегда оставляло полную личную независимость. А необычайно широкое распространение моих стихов в рукописях давало мнс <*нрзб*> удовлетворение. Так я узнал, например, в СПб, что почти все мои стихи о Революции ходят в списках по Восточн<ой> Сибири, попадая туда только из Китая и Японии, а не из России. А в Японию из Америки. Т. е. сделав кругосветное путешествие без помощи книгопечатания.

Максимилиан Волошин.

* Умному достаточно (сказанного)! (*лат.*)

АВТОБИОГРАФИЯ
МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА <9>

Родился в Киеве в 1877 г. в Духов День (16 мая). По отцу род из Запорожья. По матери – немцы, врачи, обрусевшие с XVIII века.

Все раннее детство на юге России: Киев, Таганрог, Севастополь...

Севастополь – еще в развалинах после осады с Пиранезиевскими деревьями изнутри домов, с дорическими колоннами Тезейона – (Петропавловский собор).

Лет с четырех Москва. Москва из фона «Боярыни Морозовой» – Новая Слобода у Подвисков, – где «Боярыня Морозова» в те годы как раз и писалась (Суриков жил рядом в доме Збук). Первое впечатление истории – «1-ое марта», подслушанное из разговоров старших.

С раннего же детства опьянение стихами. Не умея читать, знал наизусть «Полтаву», «Коробейников», «Демона». Любил декламировать и для этого всегда взбирался на стол или на стул.

С пяти лет начинается уже самостоятельное плавание по книгам, но, увы, ограниченное очень небольшой семейной библиотекой. Но все же здесь и «Дон-Жуан» Байрона и Эдгар По и Достоевский.

Обстановка отрочества – окраины Москвы в сторону Ваганьковского кладбища и железнодорожные мастерские Брестской Дороги.

Конец отрочества и юность отравлены гимназией, которой я не обязан ни одним знанием, ни одной светлой минутой; и лишь глубоким убеждением в том, что воспитание есть самое возмутительное из всех насилий, совершаемых над человеческой душой.

Самые интересные и близкие области знания становились мне отвратительны, как только их касался школьный курс. Я был последовательно в гимназиях Поливановской, Московской I – казенной и окончил Феодосийскую. Учился я очень скверно, с репетиторами, сидел в классах по два года, и как я все-таки умудрился получить аттестат зрелости – непонятно, тем более, что я был, по-видимому, ребенком очень любознательным, одаренным памятью и талантами. Быть может, к этому меня подвигла материнская угроза отдать меня в Кадетский Корпус, если меня выгонят из гимназии. А военщину я ненавидел еще сильнее, чем гимназию, и эту ненависть пронес незапятнанной до сих дней сквозь все войны и патриотизмы, коих мне довелось быть современником и свидетелем.

С Университетом дело было проще и быстрее. Из гимназии я получил такую «характеристику», что по приезде в Москву был взят сейчас же под надзор полиции, а после экзаменов на III курс выгнан из Университета окончательно и отправлен административно в Ташкент, где в качестве юриста зачислен на государственную службу фельдшером.

Несомненно, что из всех моих воспитателей Моск<овское> Охранное Отделение оказало мне наибольшую услугу, толкнув меня на собственный путь.

Доживался последний год постылого XIX века: 1900 год был годом «Трех разговоров» Владимира Соловьева и его «Письма о конце Всемирной Истории»* годом Боксерского восстания в Китае, годом, когда явственно стали прорастать побеги новой культурной эпохи, когда в разных концах России несколько русских мальчиков, ставших потом поэтами и носителями ее духа, явственно и конкретно переживали сдвиг времен. То же, что Блок в Ша<х>матовских болотах, а Белый у стен Новодевичья Монастыря, я по-своему пережил в те же дни в степях и пустынях Туркестана, где водил караваны верблюдов. Здесь на стыке веков**

---

* *Далее зачеркнуто:* стихотворения «Панмонголизм» и его смерти

** *На этом текст обрывается.*

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН: АВТОБИОГРАФИЯ <10>

Мне идет сорок девятый год: следовательно, я доживаю седьмое семилетие, и жизнь правильно распадается на эти циклические сроки.

Первое Семилетие – Детство (1877–1884 г.)

Родился в Духов День – 16 мая 1877 г. в Киеве. Кириенко-Волошины – из запорожских казаков. По материнской линии – немцы, обрусевшие с середины XVIII века.

Ранние впечатления: Таганрог и Севастополь. Последний еще в развалинах после осады с Пиранезиевскими деревьями из глубины разрушенных домов.

С четырех лет – Москва: из фона «Боярыни Морозовой». Жили у Подвисков на Новой Слободе – там, где в соседнем доме как раз в те годы она и писалась Суриковым. [«Первое марта»]. Первое впечатление истории, подслушанное из разговоров старших, – убийство Ал<ександра> II.

Опьяненье стихами: еще не умея читать, знал наизусть «Полтаву», «Демона», «Коробейников». Для декламации всегда взбирался на стул: органическое чувство эстрады.

С пяти лет – самостоятельное плавание по книгам, ограниченное пределами материнской библиотеки. Кроме Пушкина, Лермонтова, Некрасова и Гоголя, постоянными спутниками становятся с этих же лет Байрон, Эдгар По и Достоевский.

Второе Семилетие – Отрочество (1884–1891)

Обстановка: Московские окраины (мастерские Брестской ж<елезной> д<ороги> и Ваганьково). Начало учения: кроме общепринятых грамматик – заучиванье латинских стихов и лекции по истории религий. В общем, очень ши-

рокая культурная подготовка до школы,* которой я обязан оригинальному учителю – тогда студенту – Н.В. Туркину.

Конец отрочества отравлен гимназией (Поливановская, потом Московская I).

Третье Семилетье – Юность (1891–1898 г.)

Мечта о том, чтобы стать поэтом. Первые стихи.

Возвращение на юг (Феодосия и Коктебель – в 1893 году). В провинции облегчение гимназического кошмара. Первая и очень полезная прививка поэтич<еской> славы. Подсознательное воздействие классического пейзажа и исторической насыщенности Киммерии. В 1897 г. – конец гимназии (Феодосийской) и Московский Университет [не более содержательный, чем гимназия].

Четвертое Семилетие – Годы Странствий (1898–1905)

Гимназии я не обязан ничем: ни единым сведением, ни единой мыслью. Университету тоже. Студенческие беспорядки, высылки, первые поездки в Италию, в Германию, в Париж, Грецию закончились ссылкой в Среднюю Азию в 1900 г. Книги, наст<игшие> меня в пустыне, – Ницше и Вл. Соловьев. Этот год, проведенный в пустыне с караваном верблюдов, дал больше, чем все 10-летие, [даром] погибшее в [средней и высшей] школе. Это перевал и духовное рождение, переоценка ценностей, перспективный взгляд на Европейскую культуру и сознание ее относительности. Здесь настигли Ницше и письмо о конце Вс<емирной> Истории В. Соловьева. Отсюда пути ведут на Запад, в Париж, на много лет – учиться:

чувству формы – у Франции, искусству – у готических соборов,** живописи – в Лувре и в [академиях Монпарнаса], истории искусств – у Ан<д>ре Мишеля, средневековой латыни – у Гастона Париса, строю мысли – у Бергсона, Индии – у Сильвена Леви, стиху у [французских символистов] Готье и Эредиа и символи<стов>.*** Продолжает<ся> ряд путешествий [и открытий] и откровении<й> в Италии, Испании, на Балеарах, в Сардинии, на Корсике, в Лувре, в Пра-

* *Далее зачеркнуто:* конец отрочества отравлен гимназией

** *Далее зачеркнуто:* у музеев и у Парижа

*** *Далее зачеркнуто:* чувству формы у Франции. Начинается

до, в Национальной библиотеке, по странам, по музеям, по библиотекам.

Кроме техники слова, для меня раскрывает<ся> техника карандаша и кисти.

К этому семилетию относятся первые литературные выступления («Русская Мысль», 1900 г.), первые стихи, первые встречи (1903 г.) и дружба с [старшими] русскими символистами – Вячеславом Ивановым, Бальмонтом и Брюсовым, Балтрушайтисом и со сверстниками Белым, Блоком.

Пятое Семилетье – Selva Oscura (1905–1912)

Судьба привела к 9 января 1905 г. из Парижа в СПб. И поставила свидетелем. Блуждания духа. Этапы: буддизм [Хамбу-Лама Агван Джоржиев (1902)], католичество, масонство, теософия, Олькотт, Анни Безант и Рудольф Штейнер. Период [сложных] [весьма] личных романтических и мистических переживаний. Женитьба (1906).

Литературная деятельность постепенно перетягивает [меня] из Парижа сперва в Петербург, потом в Москву.

Шестое Семилетье – * Anno Mundi Ardentis (1912–1919)

[Жизнь в России постепенно подготавливает полное расхождение с журнальным и литературным миром. Самостоятельность мыслей и взглядов определяется. В 1913 г. после публичной лекции о Репине, вызвавшей непристойную газетную травлю, для меня закрывается совершенно возможность работы в большинстве русских газет и журналов, а книжные магазины объявляют бойкот моим книгам. Я замыкаюсь в Коктебеле. Это дает мне возможность снова сосредоточиться на живописи.]

Европейская Война застает [меня] в Базеле у Штейнера за работой над постройкой «Гётеанума». 1915 г. – Париж, Биарриц, Испания. 1916 г. – возвращение в Россию.

Вернувшись, замечаю некоторый перелом в отношении ко мне: травле подвергался критик и лектор, а между тем незаметно подготовлялось (совершенно вне литературных оценок и рецензий) признание поэта.

Февральская Революция застает меня в Москве. А с апреля 1917 г. судьба снова на много лет уводит меня в Кокте-

* *Далее зачеркнуто:* Эпоха Войны

бель. После стихов о войне 1915 года до конца 1917 – большая поэтическая пауза. Только после Октября вновь возникают слова и стихи. Начинается очень плодотворная для поэтического творчества эпоха. С октября 1917 по май 1918 пишется книга «Демоны Глухонемые» и поэма «Протопоп Аввакум».

Седьмое Семилетие – «Неопалимая Купина» (1919–1926)

1919 год толкнул меня в первый [раз в жизни] к общественной деятельности в единственной форме для меня допустимой – к борьбе с террором независимо от его политических оттенков. Это ставит лицом к лицу с гражданской войной и дает мне драгоценный революционный и человеческий опыт. Моральные и мистические искания двух предыдущих семилетий находит себе естественное и практическое применение. «Каждый человек есть ангел в дьявольской личине» – надо только уметь приподнять эту личину. Делается это легко: молитвой за человека. С этим познанием, с этим опытом в руках я чувствую себя вполне приспособленным к условиям революционной жизни. Через террор и голод я выношу новое оправдание мира и новую веру в человека. По своей значимости годы 1919–22 являются такими же краеугольными, как 1900 г. – в Средней Азии. В книге «Неопалимая Купина» формулируется мое отношение к Революции, к России и к ее историческим путям.

<*Вариант*:> **Шестое Семилетье** – Anno Mundi Ardentis. Демоны Глухонемые. (1912–1919)

Пребывание в России подготавливает разрыв с журнальным миром.* Травля, вызванная моей лекцией о Репине (1913 г.), закрывает для меня все редакции, а книжные магазины объявляют бойкот моим книгам.

Вынужденное уединение в Коктебеле дает мне возможность снова сосредоточиться на живописи.

Война застигает меня в Базеле, где я принимаю участие в постройке «Гётеанума» Р. Штейнера.

В 1915 г. пишу книгу Anno M<undi> Ard<entis> (Париж – Биарриц).

* *Далее зачеркнуто:* Непристойная

По возвращении из Парижа в 1916 г. я застаю в России перелом в отношении ко мне, совершившийся вне литературных оценок и статей: [как бы молчаливое признание меня как поэта]. Но, т<ак> к<ак> обычно свобода мысли кончается там, где начинается свобода печати, то с момента февральской Революции, которая застает меня в Москве, ни одна моя статья не может найти себе места ни в одной редакции ни одного направления. Это оказывает благотворное влияние на [мою] поэзию, т<ак> к<ак> стихи остаются с этого момента единственным способом выражения, мне доступным.

Годы Революции и Усобицы я связан с Коктебелем, переживая здесь все смены правительств. В 17 и 18 году пишется книга «Демоны Глухонемые», [которая потом расширяется в «Неопалимую Купину»]. Ни война, ни Революция не поразили меня: я их давно ожидал и в формах еще более тяжелых.

<*Вариант*>: **Седьмое Семилетье**. Неопалимая Купина. Путями Каина. (1919–1926)

Девятнадцатый год толкнул меня к «общественной деятельности» – в единственной форме, допустимой для моего отрицательного отношения к политике и общественности, еще углубившейся за время Революции, – к борьбе с террором независимо от его окраски. Это ставит меня в эти годы (19–22) лицом к лицу со всеми многообразными явлениями и ликами Усобицы и дает драгоценный человеческий опыт.

[Моральные и мистические искания двух предыдущих семилетий находят себе жизненное выявление. «Человек – ангел в дьявольской личине». – Надо сорвать эту личину].

Только необычайно<му> счастью, всегда мне сопутствовавшему, я обязан тем, что не был расстрелян в эти годы. Не было ни одного правительства в Крыму, которое не грозило меня расстрелять, и в то же время я ни разу не был арестован...

Эти годы являются для меня в поэзии наиболее плодотворными в смысле и количества и качества написанного.

Но, т<ак>к<ак> всякую борьбу, войну и усобицу я рассматриваю как психологическое и духовное *единство* всех борющихся,

т<ак>к<ак> «политика» – и, следовательно, «партии» меня не интересуют ни в каком смысле,

т<ак>к<ак> темой моей является Россия и исторический момент, ею переживаемый,

то отсюда логически вытекают следующие куриозные последствия:

Отдельные мои стихотворения и при том одни и те же одинаково нравятся и* левым и правым. Поэтому в 18–20 гг. при взятии Одессы и белые и красные печатают в прокламациях одно и то же мое стихотворение («Мир»). Одно и то же мое стихотворение («Рус<ская> Революция») в частных беседах – два видных** вождя враждебных сторон (имена их умолчу) называют лучшей характеристикой русс<кой> Революции.

А в совокупности – мои стихи не могут быть изданы книгой ни при белых, ни при красных по [общим] цензурным условиям.

Таким образом, мое положение писателя, стоящего вне литературы, остается таким же, как было и в последние годы до войны.

Отдельные мои стихотворения печатаются всеми без моего согласия и ведома. Я же не могу напечатать ни одного.

Белые меня ругают большевиком, красные – монархистом. В списках же стихи мои распространены по всей России. И в восточну<ю> Сибирь попадают из Китая и Японии, а туда из Америки.

С 1922 г. я пишу новую книгу стихов «Путями Каина». – Опыт переоценки ценностей материальной культуры Европы.

В 1923 г. – поэма «Россия» (петербургский период).

В 1922 г. я начинаю книгу «Путями Каина» (Трагедия Материальной Культуры) – переоценка культуры современной Европы: итоги того замысла, из-за которого из Средн<ей> Азии в 1900 г. я попал в Париж.

---

* *Далее зачеркнуто:* красным и белым

** *Далее зачеркнуто:* идеолога

Иконография

Кошелев. Портр<ст> маслом в рост
Слевинский. Маслян<ый> портр<ет> 1902 г.
Евгений Зак. Сангина (1911 г.)
Эдуард Виттиг. Бюст (1908)
Е.С. Кругликова. Масл<яный> портр<ст> 1901 г.
Офорты. Силуэты, рисунки
А.Я. Головин. Портрет литографич<ский> (1909)
Темпера поясной (1910 г.)
Манэ Кац. П<ортрет> поясной (1918)
Диег<о> Ривера. Колоссальная голова (1915)
Мал<ый> порт<рет> в рост (1915)
Бобрицкий. Сангина. Голова (1918)
Шаронов. – " – " – " – " – (1924)
Хрустачев – " – " – " – " – "
Miss Hart. Голова. Уголь (1907)
Баруздина. Каран<даш>. Голова (1916)
Зайцев. 2 угл<ем> (1925)
А.П. Остроумов<а-Лебедева>. Аквар<сль>. Голов<а> (1924)
Масл<яный> поясн<ой> (1925)
Костенко. 2 грав<юры>. Линолсум (1924)
Верейский. 2 литогр<афии> (1924)
Рисунок каранд<аш> (1924)
Кустодиев. Поясн<ой> масл<яный> (1924)
Из карикатур: Б. Матвеев, Ре-Ми, Моор
Из фотографий: Дэнар, Маслов, Нап<п>ельбаум, Дилевский, Мезер, Курбатов, Асикритов.

Библиография

В настоящую минуту в продаже не существует ни одной моей книги. А те, которые были изданы, не вполне соответствуют моему плану, а были обусловлены разными случайностями.

Поэтому вот список того, что мною написано.

Двс книги Лирики:

1) Годы Странствий (1900–1910). Изданы изд<ательством> «Гриф» в 1910 г. Москва.

2) Selva Oscura (1910–1914) не издана.

О войне и Революции:

3) «Неопалимая Купина» (1914–1923) не издана, но из ее отделов вышли следующие книги:

1. Anno Mundi Ardentis 1915 г. Изд. «Зерна» Москва.

2. Демоны Глухонемые 1919 г. Изд. «Камена» Харьков
2 изд<ание> 1923 г. Изд<ательство> Писателей. Берлин.

Отделы «Усобица», «Личины», «Возношения» нигде не напечат<аны>.

4) «Путями Каина» – не издана.

Отдельные главы печатались в «Кр<асной> Нови» и «Недрах».

5) «Россия» – (поэма) 1924 г. Фрагментарно напечатана в «Недрах» 1925 г.

«Иверни». Избр<анные> стих<и> 1919 из<дательство> «Творчество»

Переводы Верхарна, Анри де Ренье (стихи), Вильє де Лиль-Адана «Аксель».

St. Victor (Сабашн<иковы>), Клодель (Отд<ых> 7-го Дня), Мюссе «Новеллы» не напечатаны нигде, кроме Верхарна в двух изданиях – 1919 г. – «Омфалос» Одесса, «Творчество» Москва.

Ренье. «Мар<киз> Амеркер». Из<дательство> Альциона 1913 г.

Кроме этих изданий, мне доводилось еще слышать и об иных перепечатках и сборниках моих стихов, но видеть не доводилось.

Критически<е> статьи «Лики Творчества»

I. Франция. Издан только I т<ом> (изд. Аполлон 1912 г.)

II. Живопись

III. Литерат<ура>

IV. Театр

V. Париж.

АВТОБИОГРАФИЯ <11>

(1925 г.)

Сейчас я доживаю последний год седьмого семилетия своей жизни.

Семилетие – это срок, в который происходит полное обновление физического и духовного организма.

7 семилетий.

1-ое <18>77–<18>84. 1–7 л<ет> *Детство.* Киев. Таганрог. Москва. <*нрзб*> книги.

2-ое <18>84–<18>91. 7–14 *Отрочество.* Ученье. Туркин. Сочинения. Мастерские. Ваганьково, Поливановс<кая> гимн<азия>, I гим<назия>.

3-тье <18>91–<18>98. 14–21 г. *Юность.*

Феодосия. Люди. Отвлечен<ные> мысли. Коктебель. Моск<ва>.

4-тое <18>98–<1>905. 21–28 *Годы странствий.*

Конец Университета. Ссылка. Цент<альная> Азия. Путь в Париж.

5-ое <1>905–1912. 28–35 *Selva oscura.* Блуждания. Звезда полынь.

Мистические пути: масонст<во>, теософия, Штейнер. Маргарита. Расхожденье. Изгнание из литерату<ры>.

6-ое 1912–1919. 35–42. *Пути России.* Коктебель. Война. Революция. Усобица. [Плоды оккульт<изма> в жизни. Борьба с террором.] Теории. Иверни. Верхарн.

7-ое <19>19–<19>26. 42–49. Житейские последствия мистич<еских> путей. Борьба с террором. Идеология Русс<кой> Истории. Переоценка Европ<ейской> культ<уры>. (Путями Каина).

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН. АВТОБИОГРАФИЯ <12>

Сейчас (1925) мне идет сорок девятый год – следовательно, доживается седьмое семилетие жизни, и я вижу сзади семь отжитых циклов:

I
(1877–1884)
ДЕТСТВО

Кириенко-Волошины – из запорожских казаков. По материнской линии – немцы, обрусевшие с XVIII века. Отец – юрист (мировой посредник I-го призыва). Душа общества. Друзьями прозван «Стивой Облонским». († 1881). Мать строгий характер, большая воля. Спутница всей жизни († 1923 г.).

Я родился в Киеве в Духов День – 16 мая 1877 г. Самые ранние впечатления: Таганрог и Севастополь. Последний еще в развалинах после осады с Пиранезиев<с>кими деревьями из глубины разрушенных домов и разбитые колонны Тезейона – Петропавловского собора.

С четырех лет – Москва, из фона Суриковской «Боярыни Морозовой». Жили на Новой Слободе у Подвисков, там, где она как раз в те годы и писалась Суриковым.

Первое впечатление Русской истории, подслушанное из разговоров старших, – «1-ое Марта».

Опьянение стихами. Любил декламировать еще не умея читать. Для этого становился на стул (чувство эстрады). Знал наизусть «Коробейников», «Полтаву», «Демона» и «Конька Горбунка».

Заказ 3692

С пяти лет чтение и самостоятельное плаванье по книгам, ограниченное сперва пределами материнской библиотеки. С этой же поры постоянными спутниками становятся Гоголь и Достоевский, Байрон (Дон Жуан) и Эдгар По.

II
1884–1891
ОТРОЧЕСТВО

Обстановка: Московские окраины: Мастерские Брестской дороги, Ваганьково и Ходынка. Позже – Звенигородский уезд – от Воробьевых гор и Кунцева до Голицына и Звенигорода.

Начало учения: кроме* общепринятых грамматик – заучиванье латинских стихов, лекции по истории религий и русские сочинения на литературные темы. Очень разнообразная дошкольная подготовка, которой я обязан оригинальному учителю, тогда студенту Н.В. Туркину. Мало свер<с>тников. Общество – ручные звери и взрослые.

Конец отрочества отравлен гимназией. I кл<асс> – Поливановская, потом до V кл. Московская I-ая.

III
1891–1898
ЮНОСТЬ

**Тоска в гимназии, и отвращение к гимназической учебе.

Мечта о юге и о Крыме. Молитвы о том, чтобы стать поэтом. То и другое кажется немыслимым. Но вскоре я начинаю писать стихи, и мы неожиданно переезжаем на юг – в Коктебель (1893 г.).

В провинциальной (Феодосийской) гимназии облегчение гимназического кошмара. Стихи мои имеют успех, и я получаю первую прививку «славы» – впоследствии оказавшуюся очень полезной. Пейзаж Коктебеля и историчес-

* *Далее зачеркнуто:* русских

** *Далее зачеркнуто:* Страшная

кая насыщенность Киммерии подсознательно воспитывают душу.

В 1897 г. оканчиваю гимназию и еду в Университет в Москву на юридический факультет.

Ни гимназии, ни Университету я не обязан ничем – ни единым знанием, ни единой мыслью. [Это была школа лентяйства, отучившая надолго сосредотачиваться в работе].

IV
1898–1905
ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

Пребывание мое в Университете было кратко, уже через год я был выгнан и выслан за студенческие беспорядки. Высылки, исключения, поездки за границу чередуются и заканчиваются ссылкой в Ташкент в 1900 г. Пред этим я уже успел побывать в Париже, в Берлине, в Италии и Греции, путешествуя частично пешком с грошами в кармане, ночуя в ночлежных домах. 1900 год – год стыка двух столетии – был для меня годом духовного рождения. Он был проведен в пустыне с караваном верблюдов. Здесь настигли меня Ницше и «3 разговора» Вл. Соловьева. И помогли моей переоценке ценностей и дали мне возможность взглянуть на всю Европейскую культуру ретроспективно с высот Азиатских плоскогорий.

Отсюда [мои] пути ведут меня на Запад, в Париж на много лет – учиться: чувству формы у Франции, чувству красок – у Парижа, средневековой латыни – у Гастона Париса, логике искусства – у готических соборов, строю мысли – у А. Франса и строю мысли у Берг<с>она, владенью стихом у Т. Готье, у Эредиа, у Ренье...

Продолжается ряд путешествий по странам и музеям: Рим, Испания, Балеары, Корсика, Сардиния, Андорра... Лувр, Прадо, Ватикан, Уффици, Британский музей... Но наибольшими открытиями и откровениями я обязан Парижской Национальной Библиотеке.

В этом мой истинный Университет.

Кроме техники слова в эти годы я овладеваю и техникой кисти и карандаша.

К четвертому семилетию относятся и первые мои выступления в литературе (1900 г. в Рус<ской> Мысли) и первые встречи и дружба с рус<скими> поэтами моего поколения (1903 г.) – со стариками: Бальмонтом, Вяч. Ивановым, Балтрушайтисом и Брюсовым и современниками – Белым и Блоком.

V
1905–1912
БЛУЖДАНИЯ

Этапы блуждания духа: Буддизм, Католичество, Масонство, магия, оккультизм, теософия, Рудольф Штейнер. Период личных переживаний романтического и мистического характера.

Живу этот период в Париже, но наезжаю часто в Россию. На 9 янв. 1905 г. судьба меня привела в Петербург и дала почувствовать все будущее русск<ой> Революции и вновь увела в Париж на много лет.

Пишу письма из Парижа в Петербургские газеты («Русь»), в «Весы» и в «Перевал» и в «Золотое Руно». После 1907 г. литературная деятельность меня постепенно перетягивает в СПб., а с 1910 г. – в Москву.

В 1910 г. выходит моя первая книга стихов.

Более долгое пребывание в России подготавливает постепенно мой разрыв с журнальным миром и «Аполлон» остается почти единственной редакцие<й>, где я могу печатать свои статьи.

VI
1912–1919
ВОЙНА

Всероссийская травля, вызванная моей лекцией о Репине, закрывает для меня все редакции, а книжные магазины объявляют бойкот моим книгам.

Годы перед войной я провожу в Коктебельском затворе, и это дает мне возможность вновь сосредоточиться на живописи и заставить себя сызнова переучиться согласно собственному пониманию метода. Сперва темпера, потом акварель становятся для меня единственным способом выражения.

Война застигла меня в Базеле, куда я приехал работать над постройкой Гетеанума. Эта работа бок о бок с представителями всех враждующих наций и в нескольких километрах от первых битв войны была трудной и прекрасной школой глубокого, человечного и беспристрастного отношения к войне, которое было запечатлено в моей книге о войне «Anno Mundi Ardentis», написанной в 1915 г. в Париже.

Возвращаюсь в 1916 году в Россию вызванный приближением своей военной очереди – с тем, чтобы отказаться от исполнения военной повинности. Но меня находят негодным.

Февральская Революция 1917 г. застает меня в Москве. Так как свобода мысли обычно кончается там, где начинается свобода печати, то с этого момента ни одна моя статья не может себе найти места ни в одной редакции, ни одного из существующих политических направлений и стих остается для меня единственным способом выражения мысли.

С апреля 1917 года я не покидаю Крыма, и все волны Революции и Гражданской войны проходят над моей головой.

В 1918 г. написана книга «Демоны Глухонемые».

VII ЗРЕЛОСТЬ

[Неопалимая Купина] (1919–1926) [Путями Каина]

Ни война, ни Революция не поразили меня и ни в чем не разочаровали: я их предчувствовал давно и в формах еще более тяжелых.

Девятнадцатый год толкнул меня к общественной деятельности в единственной форме, допустимой при моем отрицательном отношении к государству и к политике,

за эти годы углубившимся и утвердившимся: к борьбе с тер<ро>ром, независимо от его окраски.

Это ставит меня в эти годы (1919—1923) лицом к лицу со всеми страшными ликами Русской усобицы и дает мне драгоценнейший революционный опыт. Пройдя, как очевидец, через самые глубокие круги человеческой Преисподней, я выношу оттуда веру в человека (стих<отворение> «Потомкам») непоколебленной.

Эти же годы являются наиболее плодотворными в моей поэзии в смысле и качества, и количества написанного.

Но т<ак> к<ак> темой моей является Россия и исторический момент, ею переживаемый в связи со всем ее прошлым, т<ак> к<ак> политика и дух партийности мне глубоко ненавистны, и т<ак> к<ак> всякую борьбу, войну и усобицу я не могу рассматривать иначе как духовное единение и сотрудничество борющих<ся>, то отсюда вытекают следующие странности литературной судьбы моих последних стихов. Отдельные мои стихотворения одинаково нравятся и белым и красным. Я знаю, что одно мое стихотворение («Русская Революция») два идейных вождя противуположных сторон (имена их умолчу) называли оба в частных беседах лучшей характеристикой Русс<кой> Революции.

Я знаю, что в 1919 г. и белые и красные, вступая в город, в первых своих прокламациях и те и другие цитировали одно и то же мое стихотворение («Мир»).

Эти явления являются моей высшей литературной гордостью, т<ак>к<ак> свидетельствуют, что в годы высшего разлада мне удалось, говоря о текущем и современном, найти такие слова и такую перспективу, что они были доступными и тем и другим.

Отсюда же вытекает и то, что в совокупности собранные в книгу стихи мои не могут быть пропущены ни красной, ни белой цензурой. Поэтому вне моего ведома они распространяются по всей России в тысячах списков до такой степени, что в восточную Сибирь они проникают не из России, а из Америки через Китай и Японию.

Я же сам остаюсь в положении писателя, стоящего вне литературы, как это было со мной и до войны.

В 1922 году я начал писать книгу стихов «Путями Каина», переоценка материальных и социальных ценностей Европейс<кой> культуры. В 1923 окончена «Неопалимая Купина».

В 1924 г. поэма «Россия» (Петербургский период).

Кроме этого, последние годы я усиленно занимаюсь живописью. Акварели мои выставлялись на выставках Мира Искусства и на Жар-Цвете и приобретены Третьякова Галере<е>й и многими провинциальными музеями.

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН.
АВТОБИОГРАФИЯ <13>

Сейчас (1925 г.) мне идет сорок девятый год – я доживаю седьмое семилетие жизни, которая правильно раскладывается по этим циклам:

1-ое Семилетье: ДЕТСТВО. 1877–1884.

Кириенко-Волошины – казаки из Запорожья. По материнской линии – немцы, обрусевшие с XVIII века.

Родился в Киеве 16 мая 1877 года в Духов День. Ранние впечатления – Таганрог, Севастополь. Последний в развалинах после осады, с Пиранезиевыми деревьями из разбитых домов, с опрокинутыми тамбурами дорических колонн Петропавловского Собора.

С четырех лет – Москва из фона «Боярыни Морозовой». Жили на Новой Слободе у Подвисков, там, где она в те годы как раз писалась Суриковым в соседнем доме.

Первое впечатление русской истории, подслушанное из разговоров старших, – «1-ое марта».

Любил декламировать, еще не умея читать, «Коробейников», «Полтавский бой», «Ветку Палестины». Для этого всегда становился на стул: чувство эстрады.

С пяти лет самостоятельное чтение книг в пределах материнской библиотеки. Уже с этой поры постоянными спутниками становятся: Пушкин, Лермонтов и Некрасов, Гоголь и Достоевский и немногим позже Байрон («Дон Жуан») и Эдгар По. Опьяняюсь стихами.

2-ое Семилетие – ОТРОЧЕСТВО. 1884–1891.

Обстановка: окраины Москвы – мастерские Брестской жел<езной> дор<оги>, Ваганьково и Ходынка. Позже Звенигородский уезд – от Воробьевых гор и Кунцева до Голицына и Саввинского Монастыря.

Начало учения: кроме обычных грамматик заучивание латинских стихов, лекции по истории религии, сочинения на сложные не по возрасту – литературные темы.

Этой разнообразной культурной подготовкой я обязан своеобразному учителю – тогда студенту Н.В. Туркину. Общество: книги, взрослые, домашние звери. Сверстников мало. Конец отрочества отравлен Гимназией. I-ый класс – Поливановская, потом до V-ого – Казенная I-ая. Учусь из рук вон плохо, сижу по 2 года в классе.

3-ие Семилетие – ЮНОСТЬ. 1891–1898

Тоска и отвращение ко всему, что в гимназии и от гимназии. Мечтаю о юге и молюсь о том, чтобы стать поэтом. То и другое кажется немыслимым. Но вскоре начинаю писать скверные стихи, и судьба неожиданно меня приводит в Коктебель на всю жизнь (1893).

Феодосийская Гимназия, провинциальный городок, жизнь вне родительского дома сильно облегчают гимназический кошмар. Стихи мои нравятся, и я получаю первую прививку литературной «славы», оказавшуюся впоследствии полезной во всех отношениях: возникает не уважение к ней, а требовательность к себе. Историческая насыщенность Киммерии и строгий пейзаж Коктебеля воспитывают дух и мысль. В 1897 году кончаю гимназию и поступаю на юридический факультет в Москве. Ни гимназии, ни Университету я не обязан ни единым знанием, ни единой мыслью. Десять драгоценнейших лет, начисто вычеркнутых из жизни.

4-ое Семилетие: ГОДЫ СТРАНСТВИЙ. 1898–1905.

Уже через год я был исключен из Университета за студенческие беспорядки и выслан в Феодосию. Высылки и по-

ездки за границу чередуются и завершаются ссылкой в Ташкент в 1900 году. Перед этим я уже успел побывать в Париже и в Берлине, в Италии и в Греции, путешествуя на гроши, пешком, ночуя в ночлежных домах.

1900 год – стык двух столетий – был годом моего духовного рождения. Я провел его с караваном в пустыне. Здесь настигли меня Ницше и «Три разговора» Вл. Соловьева. Они дали мне возможность взглянуть на всю Европейскую культуру ретроспективно – с высоты Азийских плоскогорий и произвести переоценку культурных ценностей.

Отсюда пути ведут меня на Запад – в Париж, на много лет, – учиться: художественной форме у Франции, чувству красок – у Парижа, логике – у готических соборов, средневековой латыни – у Гастона Париса, строю мысли – у Бергсона, скептицизму – у Анатоля Франса, прозе – у Флобера, стиху – у Готье и Эредиа... В эти годы я только впитывающая губка, я – весь глаза, весь уши. Странствую по странам, музеям, библиотекам: Рим, Испания, Балеары, Корсика, Сардиния, Андорра...

Лувр, Прадо, Ватикан, Уффици... Национальная Библиотека. Кроме техники слова овладеваю техникой кисти и карандаша.

В 1900 г. первая моя критическая статья печатается в «Русской Мысли», в 1903 г. встречаюсь <с> русскими поэтами моего поколения: старшими – Бальмонтом, Вяч. Ивановым, Брюсовым, Балтрушайтисом и со сверстниками – Белым, Блоком.

5-ое Семилетие: БЛУЖДАНИЯ. 1905–1912.

Этапы блуждания духа: Буддизм, Католичество, магия, масонство, оккультизм, теософия, Р. Штейнер. Период больших личных переживаний романтического и мистического характера.

К 9-ому Января 1905 года судьба привела меня в Петербург и дала почувствовать все грядущие перспективы Русской Революции. Но я не остался в России, и первая Рево-

люция прошла мимо меня. За ее событиями я прозревал уже смуту наших дней («Ангел Мщения») и ждал ее.

Я пишу в эти годы статьи о живописи и о литературе из Парижа <в> русские журналы и газеты (в «Весы», в «Золотое Руно», в «Русь», в «Аполлон»). После 1907 года литературная деятельность меня постепенно перетягивает сперва в Петербург, а с 1910 г. в Москву.

В 1910 г. выходит моя первая книга стихов.

Более долгое пребывание в России подготовляет разрыв с журнальным миром, который был для меня выносим только пока я жил вдали в Париже.

6-ое Семилетье: ВОЙНА. 1912–1919.

В 1913 году моя публичная лекция о Репине вызывает против меня такую газетную травлю, что все редакции для меня закрываются, а книжные магазины объявляют бойкот моим книгам.

Годы перед войной я провожу в Коктебельском затворе, что дает мне возможность сосредоточиться на живописи и заставить себя снова переучиться с самых азов, согласно более зрелому пониманию искусства.

Война застает меня в Базеле, куда приезжаю работать при постройке Гётеанума. Эта работа, высокая и дружная, бок о бок с представителями всех враждующих наций, в нескольких километрах от поля первых битв Европейской войны, была прекрасной и трудной школой человеческого и внеполитического отношения к войне. В 1915 году пишу в Париже свою книгу стихов о войне «Anno Mundi Ardentis». В 1916 году возвращаюсь в Россию через Англию и Норвегию.

Февраль 17-го года застает меня в Москве и большого энтузиазма во мне не порождает, т<ак> к<ак> чувствую все время интеллигентскую ложь, прикрывающую подлинные реальности Революции.

Редакции периодических изданий, вновь приоткрывшиеся для меня во время войны, захлопываются снова перед моими статьями о Революции, которые я имею наивность

предлагать, забыв, что там, где начинается свобода печати, — свобода мысли кончается.

Вернувшись весною 1917 года в Крым, я уже больше не покидаю его: ни от кого не спасаюсь, никуда не эмигрирую, и все волны гражданской войны и смены правительств проходят над моей головой.

Стих остается для меня единственной возможностью выражения мыслей о совершающемся. Но в 17-м году я не смог написать ни одного стихотворения: дар речи мне возвращается только после Октября, и в 1918 году я заканчиваю книгу о Революции «Демоны Глухонемые» и поэму «Протопоп Аввакум».

7-ое Семилетие: РЕВОЛЮЦИЯ. 1919—1926.

Ни война, ни Революция не испугали меня и ни в чем не разочаровали: их я ожидал давно и в формах еще более жестоких. Напротив: я почувствовал себя очень приспособленным к условиям революционного бытия и действия. Принципы коммунистической экономики как нельзя лучше отвечали моему отвращению к заработной плате и к купле-продаже. Проживя 15 лет на Западе, я с начала Революции никуда не хочу уезжать из России. 19-тый год толкнул меня к общественной деятельности в единственной форме, возможной при моем отрицательном отношении ко всякой политике и ко всякой государственности, утвердившимся и крепко обосновавшимся за эти годы, — к борьбе с террором, — независимо от его окраски.

Это ставит меня в эти годы (1919—1923) лицом к лицу со всеми ликами и личинами Русской усобицы и дает мне обширный и драгоценнейший революционный опыт. Из самых глубоких кругов Преисподней, Террора и Голода — я вынес свою веру в Человека (стихотв<орение> «ПОТОМКАМ»). Эти же годы являются наиболее плодотворными в моей поэзии и как в смысле качества, так и в смысле количества написанного.

Но т<ак> к<ак> темой моей является Россия во всем ее историческом единстве, и т<ак> к<ак> дух партийнос-

ти мне ненавистен, и т<ак> к<ак> всякую борьбу я не могу рассматривать иначе, как момент духовного единства борющихся врагов и их сотрудничества в едином деле, – то отсюда вытекают следующие особенности литературной судьбы моих последних стихотворений: мои отдельные стихи о Революции одинаково нравились и красным, и белым. Я знаю, напр<имер>, что мое стихотворение «Русская Революция» назвалось лучшей характеристикой революции двумя идейными вождями противоположных лагерей (имена их умолчу). В 1919 году белые и красные, беря по очереди Одессу, свои прокламации к населению начинали одними и теми же словами моего стихотворения «Брестский мир».

Эти явления – моя литературная гордость, т<ак> к<ак> они свидетельствуют, что в моменты высшего разлада России мне удалось, говоря о самом спорном и современном, находить такие слова и такую перспективу, что ее принимали и те и другие.

Поэтому же, собранные в книгу, эти стихи не пропускались ни правой, ни левой цензурой.

Поэтому же они распространяются по России в тысячах списков – вне моей воли и моего ведения. Мне говорили, что в Восточную Сибирь они проникают не из России, а из Америки через Китай и Японию.

Сам же я остаюсь все в том же положении писателя, стоящего вне литературы, как это было и до войны.

В 1923 году я закончил книгу «Неопалимая Купина».

С 1922 года пишу книгу «Путями Каина» – переоценка материальной и социальной культуры.

В 1924 г. написана поэма «Россия» (Петербургский период). В эти же годы я много работал акварелью, принимая участие на выставках: «Мира Искусства», «Жар-Цвет». Акварели мои приобретались Третьяковской Галереей, Русским Музеем и многими провинциальными музеями.

Согласно моему принципу, что корень всех социальных зол лежит в институте заработной платы – все, что я произвожу, – я раздаю безвозмездно. Свой дом я превратил

в приют для писателей и художников, а в литературе и живописи это выходит само собой, потому что все равно никто не платит и все используют мои картины и стихи.

БИБЛИОГРАФИЯ.

В настоящую минуту в продаже нет ни одной моей книги. Вот в каком порядке мои стихи должны бы были быть изданы:

Две книги лирики:

1) ГОДЫ СТРАНСТВИЙ (1900–1910)
2) SELVA OSCURA – (1910– 1914)

Книга о войне и Революции:

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА (1914–1924)
ПУТЯМИ КАИНА (1922–?)

Из них были изданы «Годы Странствий». Изд<ательство> Гриф. 1910. «SELVA OSCURA» совсем не издана.

Из «Неопалимой Купины» изданы:

«Anno Mundi Ardentis» 1915. Изд<ательство> «Зерна». Москва.

«Демоны Глухонемые» 1919. Изд<ательство> «Камена». Харьков.

2-ое изд<ание> 1923. Берлин
(и<з>дательство Писателей)

Книга «Иверни» является сборником стихов из разных книг, изд<ательство> «Творчество» 1919, Москва.

Из французских писателей мною переводились: Анри де Ренье, Верхарн, Вилье де Лиль Адан («Аксель»), Поль Клодель («Отдых Седьмого дня», ода «Музы»), Поль де Сен-Виктор («Боги и люди»). Из них изданы:

Верхарн. Изд<ательство> Омфалос. 1919. Одесса
Изд<ательство> Творчество. 1919. Москва

Анри де Ренье. «Маркиз д'Амеркёр». Изд<ательство> Альциона. Москва.

2-ое изд<ание> «ACADEMIA»

Поль де Сен-Виктор «Боги и люди», изд<ательство> Сабашникова. 1913.

Из критичсских моих статей под названием «ЛИКИ ТВОРЧЕСТВА» вышсл только первый том о Франции (в изд<ании> «Аполлона» СПб. 1912 года), а остальные же, посвященные: Театру, Живописи, рус<ской> Литературс и Парижу четыре тома, остались неизданными.

Брошюра «О Репине» 1913. Изд<анис> Олс Лук-Ойс.

До меня доходили слухи сще о многих иных изданиях моих книг, но я их не видал.

ИКОНОГРАФИЯ

Кошелев. Портрет маслом во весь рост. 1900 г.

Е.С. Кругликова. Поясной портрет маслом 1901. Много карикатур, рисунков и силуэтов разных годов.

Слевинский. Портрет маслом с книгой 1902 г.

Якимченко. Голова, масло. 1902 г.

В. Харт. Голова углем. 1907 г.

А.Я. Головин. Портрет поясной. Темпера. 1909 г.
Голова. Литография. 1909.

Э. Виттиг. Бюст в виде герма. 1911 г. Париж. Отейль.

Е. Зак. Голова сангиной. 1911 г.

Диего Ривера. Мал<ый> портрет вся фигура. 1915 (кубизм)
Колоссальная голова. Масло. 1915 г.

Баруздина. Портрет маслом. 1916 г.
Рисунок головы. 1916 г.

Бобрицкий. Сангина. 1918 г.

Мане-Кац. Голова, масло. 1918 г.

Хрустачев. Сангина. 1920 г.

А.П. Остроумова-Лебедева. Голова акварелью. 1924 г.
Поясной портрет масло. 1925 г.

Кустодиев. Масло. 1924. Поясной портрет.

Костенко. Две гравюры на линолеуме 1924 и 1925.

Верейский. 2 литографии и 1 рисунок. 1924 г.

М. Зайцев. 2 рисунка углем головы. 1925 г.
Портрет маслом вся фигура. 1925 г.

Шаронов. Рис<унок>. Сангина. 1926 г.

Скульптура: Э. Виттиг, Леонора Блох, Глеб Дерюжинский, А.Т. Матвеев.

Карикатуры: Кругликовой, Б. Матвеева, Ре-Ми, Моора, Преславского, А. Габричевского.

Из фотографий: наиболее удачные: *из детских* – Мозера, Курбатова, Асикритова, *из взрослых* – Денара СПб., Наппельбаума (СПб.), Дилевского (Париж), Маслова (Одесса).

Максимилиан Волошин 19 15/XI 25.

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН. АВТОБИОГРАФИЯ <14>

Я родился [в Киеве] 16 мая 1877 года в Духов День «Когда земля – имен<ин>ница». Отсюда, вероятно, и моя склонность к духовно-ре<ли>гиозному восприятию мира и любовь к цветению плоти и вещества во всех его формах и ликах. Поэтому прошлое моего духа представлялось мне всегда в виде одного из тех фавнов или кентавров, которые приходили в пустыню к Св. Иерониму и воспринимали таинство Святого Крещения. Я язычник по плоти и верю в реальное существование всех языческих богов и демонов и в то же время не могу его мыслить вне Христа, [а историю Христианской церкви принимаю со всеми ее разветвлениями, уклонениями и ересями].

Родился я в Киеве и корнями рода связан с Украиной. Мое родовое имя Кириенко-Волошин, и идет оно из Запорожья. Я знаю из Костомарова, что в* XVI веке был на Украине слепой бандурист Матвей Волошин, с которого с живого была содрана кожа поляками за политические песни, а из воспоминаний Францевой, что фамилия того Кишиневского молодого человека, который водил Пушкина в цыганский табор, была Кириенко-Волошин. Я бы ничего не имел против того, чтобы они были моими предками.

На своей родине я никогда не жил. Раннее детство прошло в Таганроге и Севастополе. Севастополь помню в развалинах с большими деревьями, растущими из середины домов: одно из самых первых незабываемых живописных впечатлений.

С 4-х лет до 16-ти – Москва. Долгоруковская ул<ица>, Подвиски – обстановка Суриковской «Боярыни Морозо-

* *Далее зачеркнуто: XVII*

Заказ 3692

вой», которая как раз в то самое время писалась в соседнем доме.

Потом окраины Москвы – Ваганьковское кладбище; и леса Звенигородского уезда: те классические места русского Иль-де-Франса, где в сельце Захарьине прошло детство Пушкина, а в Семенкове – Лермонтова. И то и другое связаны с моими детскими воспоминаниями.

Позже Поливановская гимназия и казенная I-ая гимназия. Это самые темные и стесненные годы жизни, испол<н>енные тоски и бессильного протеста против неудобоваримых и ненужных знаний.

16-ти лет – окончательный переезд в Крым – в Коктебель. Коктебель не сразу вошел в мою душу: я посте<пе>нно осознал его, как истинную родину моего духа. И мне понадобилось много лет [заганичных] блужданий по берегам Средиземноморья, чтобы понять его красоту и единственность.

Я окончил Феодосийскую гимназию и сохранил на всю жизнь нежность и благодарность к этому городу, который в те годы мало напоминал русскую провинцию, а был скорее южно-итальянским захолустьем.

Два года студенческой жизни в Москве оставили впечатление пустоты и бесплодного искания. В 1899 г. я был выслан в Феодосию за организацию студенческих беспорядков. Потом уехал в первый раз за границу: в Италию, Швейцарию, Париж, Берлин. Я еще раз возвращался в Москву. Был допущен до экзаменов. Перешел на третий курс юридического факультета, опять уехал в Италию и Грецию; возвращаясь, был арестован, привезен в Москву и выслан в Среднюю Азию.

Полгода, проведенные в пустыне с караваном верблюдов, были решающим моментом моей духовной жизни. Здесь я почувствовал Азию, Восток, древность, относительность Европейской культуры.

Это был 1900 г. – год Китайского пробуждения. Сюда до меня дошли «Три Разговора» и «Письмо о конце всемирной истории» Вл. Соловьева, здесь я прочел впервые Ницше.

Но надо всем было ощущение пустыни — той широты и равновесия, которые обретает человеческая душа, возвращаясь на свою прародину.

Здесь же создалось решение на много лет уйти на запад, пройти сквозь латинскую дисциплину формы.

С 1901 года я поселился в Париже; начал работать в области живописи, слушал курс средневековой латыни у Гастона Париса, слушал Бергсона, работал у Андре Мишеля в École de Louvres, был записан в École des Rautes Etudes religieuses.

Но Азия не покинула меня в Париже. Мне довелось близко познакомиться <с> Хамбу-Ламой Тибета, приезжавшим в Париж инкогнито, и прикоснуться таким образом к буддизму в его первоисточниках. Это было моей первой ре<ли>гиозной ступенью. В 1902 г. я так же близко соприкоснулся с католическим миром во время моего пребывания в Риме и осознал его как спинной хребет всей Европейской культуры.

Затем мне довелось пройти сквозь близкое знакомство с магией, о<к>культизмом, с франкмасонством, с теософией и наконец в 1905 г. встретиться с Рудольфом Штейнером, человеком, которому я обязан больше, чем кому-либо, познанием самого себя.

Интерес к оккультному познанию был настолько велик, что совершенно отвлек меня от русских событий 1905 года и удержал меня вдали от России. Первую русскую Революцию я увидал в том преображении, которое выразилось в моем стихотворении «Ангел Мщенья», осуществивш<е>мся воочью только теперь.

Литературная моя деятельность, если не считать моих детских стихотворений, началась с 1900 г. библиографическими заметками и статьями в «Русской Мысли», а потом фельетонами в газете «Русский Туркестан». После перерыв в 2 года, когда меня не печатали как «декадента». Затем* первый цикл стихов, напечатанный в 1903 г. в журнале «Новый Путь», стихи в «Северных Цветах», основание «Весов», участие во всех художеств<енных> изданиях: «Грифе», «Перева-

* *Далее зачеркнуто:* с основания «Весов» я

ле», «Золотом Рунс», «Аполлоне» и т.д. в качествс художественного и литературного критика.

С 1904 г. я стал писать худож<ественные> и лит<ературные> фельетоны в газете «Русь». Жил большею частью в Париже, лишь изредка наезжая в Россию.

Газетная моя работа изредка прерывалась всеобщими газетными травлями, вызываемыми по большей части моими публичными лекциями, и тогда страницы всех газет на время для меня закрывались. Были годы, когда мне негде было писать, и мои книги не принимались на продажу книжными магазинами. Так было перед началом Европей<с>кой Войны. Это дало мне возможность прожить несколько лет безвыездно в Коктебеле, вновь вернуться к оставленной на некоторое время живописи и отойти от суеты литературно-журнальной сутолки.

В самые последние часы перед началом войны я успел проехать в Базель, где принимал участие в построении Дома Св. Иоанна.

Потом был в Париже, в Лондоне и вернулся в Россию лишь в 1916 году. В феврале <19>17 г. был в Москве, а после не покидал берегов Черного моря.

В моих странствиях я никогда не покидал пределов древнего Средиземноморского мира: я знаю Испанию, Италию, Грецию, Балеары, Корсику, Сардинию, Константинополь и связан с этими странами всеми творческими силами своей души. Форме и ритму я учился у Латинской расы. Французская литература была для меня дисциплиной и образцом.

К стихам своим я относился всегда со строгостью. Мой первый сборник вышел, когда мне было 33 года. До внимания публики мои стихи доходили медленно. Газетная шумиха, слишком часто подымавшаяся вокруг моих статей, мешала мне как поэту. Меня ценили, пожалуй, больше всего за пластическую и красочную изобразительность. Религиозный и оккультный элемент казался смутным и непонятным, хотя* и здесь я стремился к ясности, краткой выразительности.

* *Далее зачеркнуто:* я всегда

Мои стихи о России, написанные за время Революции, вероятно, будут восприняты, как мое перерождение как поэта: до Революции я пользовался репутацией поэта наименее национального, который пишет по-русски так, как будто по-французски.

Но это внешняя разница. Я подошел к русским современным и историческим темам с тем же самым методом творчества, что и к темам лирическим первого периода моего творчества. Идеи мои остались те же. Разница только в палитре, которая изменилась соответственно темам и, может быть, <в> большей осознанности формы.

Мой поэтический символ веры — см. стихотв<орение> «Подмастерье», которое я написал, как предисловие к «Иверням» — сборнику избранных моих стихотворений.

Мои политические credo — разбросаны по всем моим стихам о современности.

Мое отношение к государству: см. «Левиафан».

Мое отношение к миру: см. «Corona Astralis».

Максимилиан Волошин.

КИРИЕНКО-ВОЛОШИН, МАКСИМИЛИАН АЛЕКСАНДРОВИЧ (ПОЭТ И ХУДОЖНИК)

Жизнеописание <15>

Родился в Киеве в 1877 году. Родом из Запорожских казаков. Отец – юрист (мировой посредник I-го призыва). Умер в раннем детстве (моем). Мать служила на Жел<езной> дор<оге> (в больнице). Учился в нескольких Кл<ассических> гимназиях. Кончил Феодосийскую. В Университете Московском. В 1899 г. был учредителем и первым председателем Исп<олнительного> Комитета Моск<овского> Универс<итета>. Выслан в Феодосию. Оттуда уехал за границу. В 1900 г., возвращаясь из пешеходных странствий по Италии и Греции, арестован по делу о Всерос<сийском> студенч<еском> съезде. После сидения в Москве выслан в Ташкент. Оттуда в 1901 г. уехал в Париж, не кончив Университета. Слушал лекции в Сорбонне, Коллеж де Франс, Эколь дю Лувр, учился живописи, писал стихи, статьи об искусстве, читал лекции и работал в Национальной библиотеке. Ни к каким политическим партиям не принадлежал принципиально. 1905 год прошел мимо меня, т<ак> к<ак> я был все время в Париже. Из-за границы вернулся только в 1916 году, накануне февр<альской> Революции. С тех пор безвыходно поселился в Крыму, пережив здесь всю смену Южно-Русских правительств. В эту эпоху занимался единственно формой общественной деятельности, которую считал для себя обязательной: «мешал согражданам расстреливать друг друга».

В 1920 г., с прихода в Крым Советской власти, занимался «Охраной памятников искусства и библиотек» и читал лекции по истории Культуры в различных ВУЗ-ах Крыма. Состоял штатным преподавателем на Командных Курсах в Фе-

одосии, в Худож<ественном> Совете при Показ<ательном> Театре в Симферополе. Годы гражданской войны кончились для меня тяжелой болезнью (полиартрит, осложненный ревматизмом, астмой, почками и сердцем), продержавшей меня 8 месяцев в постели и потребовавшей года лечений на грязях и в Инстит<уте> Физ<ических> мето<дов> лечения (Саки и Севастополь). С тех пор постоянная жизнь вне больших городов и пребывание в Коктебеле зиму и лето стало для меня вынужденной необходимостью.

Оставаясь в качестве художника в стороне от политической и общественной деятельности, я, тем не менее, признаю для себя обязательными ряд морально-экономических норм. Так я изгнал из своей жизни всякую «куплю-продажу» даже в виде «заработной платы». Так я отказался от литературной и художественной собственности. Из картин моих, имеющихся в Русск<их> Музеях, ни одна не была продана. Мою дачу в Коктебеле, утвержденную за мною Крымским правительством, я превратил в бесплатную колонию для <поэтов, художников, ученых и их семей>.

Мною написаны следующие книги:

СТИХИ:

«Годы странствий» (1900–1910)
«Темный Лес» (1910–1914)
«В Год мирового Пожара» (1915)
«Демоны Глухонемые» (1917–1918)
«Неопалимая Купина» (1918–1922)
«Путями Каина» (трагедия материальной культуры, 1922–1929).

Ряд поэм из русской истории: «Протопоп Аввакум», «Сказание об иноке Епифании», «Россия» (Петербургский период), «Дмитрий Император», «Написание о Царях Московских».

ПРОЗА:

«Лики Творчества» (4 тома) – крит<ические> статьи
«Монография о В.И. Сурикове»
«О Репине».

ПЕРЕВОДЫ:

Переводил стихами <и> прозой следующих авторов:

Малларм, Эредиа, Анри де Ренье, Верхарна, Вилье де Лиль-Адан<а>, Поля Клоделя, Поля де Сен-Виктор<а>, Барбе д'Оревильи и др.

КАРТИНЫ:

Акварели мои находятся в Русском Музее (СПб.), в Третьяковской галерее, в Музеях: Казанском, Саратовском, Ростовском <на> Д<ону>, Екатеринодарском, Бакинском, Симферопольском, Севастопольском, Феодосийском и др<угих>.

Из повременных изданий я принимал участие в следующих: «Весы», «Золотое Руно», «Перевал», «Северные Цв<еты>», «Аполлон», <в> газетах «Русь» и «Утро России».

Во время Революции: в «Красной Нови» и «Недрах», где печатались отдельные главы из книги «Путями Каина».

<АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ НАБРОСОК> <16>

Мне было 24 года, когда я впервые взял в руку рисовальный уголь и попытался нарисовать голую модель, и это была моя первая попытка в живописи.

Я рос в обстановке, чуждой живописи. Литературные влияния были у меня в детстве сильны. Художественных — никаких. Живопись я любил, но т<ак> к<ак> я рос в Москве, то ничего кроме Третьяковской галереи не видал и склонен был считать Репина величайшим живописцем всех веков и народов.

В первый раз попавши за границу 21 г<ода> от роду, я ходил по картинным галереям совершенным дикарем и наивно удивлялся: «Какую ерунду писали эти старые мастера, то ли дело наша Третьяковка. Как странно, что Россия, в общем, страна малокультурная (об этом я тогда уже начинал догадываться), так далеко опередила Европу в области живописи». Это было естественное следствие живописи передвижников, на которых я воспитался. И возненавидел же я их спустя несколько лет за эти патриотические бельма!

Во время моего путешествия по Италии, когда я добросовестно старался проникнуться прелестью и Карло Дольче и Гвидо Рени и приходил в искренний восторг от случайных выставок современных итальянских художников, меня впервые уязвил и затронул Джотто. А он мне открыл дверь в Quattrocento и к Микелья<н>джело. Так у меня создалась постепенно мечта посвятить себя истории искусства, бросив постылое изучение права. Но в Москве это было в те годы еще трудно сделать. Но студенческие истории и беспорядки, в которых я принимал деятельное участие, к счастью скоро привели к тому, что я был вышвырнут с юридического факультета и выслан в Ташкент, где пробыл около года — почти все время с караваном верблюдов в степи. Эти

месяцы в пустыне были для меня временем духовного перелома и зрелости. Здесь сложилось решение посвятить себя худож<ественной> критике – и когда в 1901 году я получил заграничный паспорт, я отправился в Париж. Здесь я очень скоро понял, что для понимания текущих задач искусства мало слушать лекции в École de Louvre, необходимо самому испытать и пережить технику искусства.

Поэтому, когда однажды художница Е.С. Кругликова дала мне лист бумаги и уголь и предложила нарисовать позировавшую у нее модель, я не отказался, и первый рисунок оказался не так уже плох. За эти годы более сознательного отношения к живописи, я так много смотрел на природу и бессознательно рисовал ее, что это мне заменило приготовительное рисование, и то, на что тратятся годы, я прошел в несколько месяцев. Это была эпоха, когда еще изживался импрессионизм, Гогэн только что умер и еще не был признан, Сезанн был еще жив. Я работал в свободных Парижских «Академиях», а главным образом делал быстрые наброски на улице, в кафе, за лекциями – всюду.

Продолжая [еще искренно] считать своим искусством только поэзию и слова, я смотрел на живопись в те годы как на средство постижения, а не самоцель. Это было моим оправданием.

В 1904 г. в первом № «Весов» я дебютировал как художествен<ый> критик статьей «Скелет живописи», а через несколько месяцев стал «делать Парижские салоны» в газете «Русь», только что начавшейся.

Журнальная и газетная работа в те годы часто отвлекали меня на много месяцев от живописи.

В 1908 г., надолго застряв в Коктебеле, я почувствовал необходимость исправить прорухи моего художественного образования и заставил себя пройти последовательный и систематический курс пейзажа по методу, мною самим выработанному. Я выправил свой небрежно-импрессионистический рисунок, понял законы воздушной перспективы, прошел курс линейной, масло заменил темперой. Последнее оказалось хорошей дисциплин<ой>, т<ак> к<ак> я писал на темном ка<р>тоне, очень изменявшем тона при высыхании, и потому приходилось очень упрощать тона и заранее их держать в уме. В эти годы я много работал бок о бок с Богаевским.

О САМОМ СЕБЕ <17>

Автор акварелей, предлагаемых вниманию публики под общим заглавием «Киммерия», не является уроженцем Киммерии по рождению, а лишь по усыновлению. Он родом с Украины, но уже в раннем детстве был связан с Севастополем и Таганрогом. А в Феодосию его судьба привела лишь в 16 лет, и здесь он кончил гимназию и остался связан с Киммерией на всю жизнь. Как все Киммерийские художники, он является продуктом смешанных кровей (немецкой, русской, итало-греческой). По отцовской линии он имеет свои перво-корни в Запорожской сечи, по материнской – в Германии.

Родился я в 1877 году в Киеве, а в 1893 г<оду> моя мать переселилась в Коктебель, а позже и я здесь выстроил [дом] мастерскую.

В ранние годы я не прошел никакого специально-живописного воспитания и не был ни в какой рисовальной школе и *теперь* рассматриваю это как большое счастье – это не связало меня ни с какими традициями, но дало возможность оформить самого себя в более зрелые годы, сообразно с сознательными своими устремлениями и методами.

Впервые я подошел к живописи в Париже в 1901 г<оду>. Я только что вернулся туда из Ташкента, где был в ссылке около года. Я весь был переполнен зрительными впечатлениями и совершенно свободен в смысле выбора жизни и профессии, т<ак> к<ак> был только что начисто выгнан из Университета за студенческие беспорядки «без права поступления». Юридический факультет не влек обратно. А единственный серьезный интерес, который в те годы во мне намечался, – искусствоведение. В Москве в ту эпоху – в конце 90-х годов прошлого века – оно еще никак не определилось, а в Париже я сейчас же записался в Луврскую Школу Музееведения, но лекционная система меня мало

удовлетворяла, т<ак> к<ак> меня интересовало не старое искусство, а новое, текущее.

Цель моя была непосредственная: подготовиться к делу художественной критики.

Воспоминания Университета и гимназии были слишком свежи и безнадежны. В теоретических лекциях я не находил ничего, что бы мне помогало разбираться в современных течениях живописи.

Оставался один, более практический путь: стать самому художником, самому пережить, осознать разногласия и дерзания искусства.

Поэтому, когда однажды весной 1901 года я зашел в мастерскую Кругликовой, и Елизавета Сергеевна со свойственным ей приветливым натиском протянула мне лист бумаги, уголь и сказала: «А почему бы тебе не попробовать рисовать самому?», я смело взял уголь и попробовал рисовать человеческую фигуру с натуры. Мой первый рисунок был не так скверен, как можно было ожидать, но главными его недостатками были желание сделать его похожим на хорошие рисунки, которые мне нравились, и чересчур тщательная отделка деталей и штрихов. Словом, в нем уже были все недостатки школьных рисунков, без знания, что именно нужно делать. Словом, я уже умел рисовать, и мне оставалось только освободиться от обычных академических недостатков, которые еще не стали для меня привычкой руки. На другой же день меня свели в Академию Коларосси. Я приобрел лист «Энгра», папку, уголь, взял в ресторане мякоть непропеченного хлеба и стал художником. Но, кроме того, я стал заносить в маленькие альбомчики карандашом фигуры, лица и движения людей, проходящих по бульварам, сидящих в кафе и танцующих на публичных балах. Образцами для меня в то время были молниеносные наброски Форена, Стейнлена и других рисовальщиков Парижской улицы.

А когда три месяца спустя мы с Кругликовой, Давиденко и А.А. Киселевым отправились в пешеходное путешествие по Испании через Пиренеи и Андорру, я уже не расставался с карандашом и записной книжкой.

В те годы, которые совпали с моими большими пешеходными странствиями по Южной Европе – по Италии, Испании, Корсике, Балеарам, Сардинии, я не расставался с альбомом и карандашом и достиг известного мастерства в быстрых набросках с натуры. Я понял смысл рисунка.

Но обязательная журнальная работа (статьи о худож<ественной> жизни Парижа и отчеты о выставках) мне не давала сосредоточиться исключительно на живописи.

Лишь несколько лет спустя, перед самой войной, я мог вернуться к живописи усидчиво. В 1913 году у меня произошла ссора с русской литературой из-за моей публичной лекции о Репине. Я был предан всероссийскому остракизму, все редакции периодических изданий для меня закрылись, против моих книг был объявлен бойкот книжных магазинов.

Оказавшись в Коктебеле, я воспользовался вынужденным перерывом в работе, чтобы взяться за самоперевоспитание в живописи. Прежде всего я взялся за этюды пейзажа: приучил себя писать «виды» точно, быстро и широко.

И вообще, все неприятности и неудачи в области литературы сказывались в моей жизни успехами в области живописи.

Я начал писать не масляными красками, а «темперой» на больших листах картона. Это мне давало, с одной стороны, возможность увеличить размеры этюдов, с другой же, т<ак> к<ак> темпера имеет свойство сильно меняться высыхая, это меня учило работать вслепую (т. е. как бы писать на машинке с закрытым шрифтом). Это неудобство меня приучило к сознательности работы, и тот факт, что <в> темпере почти невозможно подобрать тон, раз взятый, – к умеренности в употреблении красок и к чистоте палитры.

Акварелью я начал работать с начала войны. Начало войны и ее первые годы застали меня в пограничной полосе – сперва в Крыму, потом в Базеле, позже в Биаррице, где работы с натуры были невозможны по условиям военного времени. Всякий рисовавший с натуры в те годы естественно бывал заподозрен в шпионстве и съемке планов.

Это меня освободило от прикованности к натуре и было благодеянием для моей живописи. Акварель непригодна к работам с натуры. Она требует стола, а не мольберта, затененного места, тех удобств, что для масляной техники не требуются.

Я стал писать по памяти, стараясь запомнить основные линии и композицию пейзажа. Что касается красок, это было нетрудно, т<ак> к<ак> и раньше я, наметив себе линейную схему, часто заканчивал дома этюды, начатые с натуры. В конце концов я понял, что в натуре надо брать только рисунок и помнить общий тон. А все остальное представляет логическое развитие первоначальных данных, которое идет соответственно понятым ранее законам света и воздушной перспективы. Гражданская война, а потом революция ограничили мои технические средства только акварелью. У меня был известный запас акварельной бумаги, и экономия красок позволила мне его длить долго. Плохая акварельная бумага тоже дала мне многие возможности. Русская бумага отличается малой проклеенностью. Я к ней приспособился, прокрывая сразу нужным тоном и работая от светлого к темному без поправок, без смываний и протираний.

Эту эволюцию можно ясно проследить по ретроспективному отделу моей выставки. Это борьба с материалом и постепенное преодоление его.

Если масляная живопись работает на контрастах, сопоставляя самые яркие и самые противоположные цвета, то акварель работает в одном тоне и в светотени. К акварели больше, чем ко всякой иной живописи, применимы слова Гёте, которыми он начинает свою «Теорию цветов», определяя ее как трагедию солнечного луча, который проникает через ряд замутненных сфер, дробясь и отражаясь в глубинах вещества. Это есть основная тема всякой живописи, а акварельной по преимуществу.

Ни один пейзаж из составляющих мою выставку не написан с натуры, а представляет собою музыкально-красочную композицию на темы Киммерийского пейзажа. Среди выставленных акварелей нет ни одного «вида», который

бы совпадал с действительностью, но все они имеют темой Киммерию. Я уже давно рисую с натуры только мысленно. А пишу акварелью регулярно, каждое утро по 2–3 акварели, так что они являются как бы моим художественным дневником, в котором повторяются и переплетаются все темы моих уединенных прогулок. В этом смысле акварели заменили и вытеснили совершенно то, что раньше было моей лирикой и моими пешеходными странствованиями по Средиземноморью.

Вообще в художественной самодисциплине [было] полезно всякое самоограничение, недостаток краски, плохое качество бумаги, какой-либо дефект материала, который заставляет живописца искать новых обходных путей и сохранить в живописи лишь то, без чего нельзя обойтись. В акварели не должно быть ни одного лишнего прикосновения кисти. Важна не только обработка белой поверхности краской, но и экономия самой краски, как и экономия времени. Недаром, когда японский живописец собирается написать классическую и музейную вещь, за его спиной ассистирует друг с часами в руках, который отсчитывает и отмечает точно количество времени, необходимое для данного творческого пробега. Это описано хорошо в «Дневнике» Гонкуров. Понимать это надо так: вся черновая техническая работа уже проделана раньше, художнику, уже подготовленному, надо исполнить отчетливо и легко свободный танец руки и кисти по полотну.

В этой свободе и ритмичности жеста и лежит смысл и пленительность японской живописи, ускользающие для нас, — кропотливых и академических европейцев.

Главной темой моих акварелей является изображение воздуха, света, воды, расположение их по резонированным и резонирующим планам.

В методе подхода к природе и изучении и передачи ее — я стою на точке зрения классических японцев (Хокусаи, Утамаро), по которым я в свое время подробно и тщательно работал в Париже в Национ<альной> Библиотеке, где в Галерее Эстампов имеется громадная коллекция японской печатной книги — Теодора Дерюи. Там мне на многое от-

крылись глаза, напр<имер> на изображение растений. Там, где европейские художники искали пышных декоративных масс листвы (как у Клода <Лоррена>), японец чертит линию ствола перпендикулярно к линии горизонта, а вокруг него концентрические спирали веток, в свою очередь окруженных листьями, связанными с ними под известным углом. Он не фиксирует этой геометрической схемы, но он изображает все дефекты ее, оставленные жизнью на живом организме дерева, на котором жизнь отмечает каждое отжитое мгновение.

Таким образом, каждое изображение является в искусстве как бы рядом зарубок, сделанных на коре дерева.* Чтобы иметь возможность отличать «дефекты» от нормального роста, художник должен знать законы роста. Это сближает задачи живописца с задачами естественника. Раз мы это поняли и приняли, мы не можем отрицать, что в истории европейской живописи в эпоху Ренессанса произошел горестный сдвиг и искажения линии нормального развития живописи. Точнее, этот сдвиг произошел не во времена Ренессанса, а в эпоху, непосредственно за ним последовавшую. При Ренессансе опытный метод исследования был прекрасно формулирован Леонардо. Но на горе живописцев этот метод не был тогда же воспринят наукой, а был принят 2 поколения спустя в формулировке не художника, а литератора Фр. Бэкона. Это обстоятельство обусловлено, конечно, самым складом европейского сознания.

Т<аким> об<разом> экспериментальный метод попал из рук людей, приспособленных и природой и профессией к эксперименту и опыту и наблюдению, в руки людей, конечно, способных к очень точному наблюдению, но никогда не развивавших и не утончавших своих естественных чу<в>ств восприятия, что привело прежде всего к горестному дискредитированию «очевидности», но [тогда] через это и к неис<п>равимому раздвоению путей искусства и науки.

Правда, в области научного познания это повело к созданию различных механических приспособлений для точного определения мер и веса.

* *Далее зачеркнуто:* Кроме того

В свое время Ренессанс еще до разделенности науки и искусства создал различные дисциплины для потребностей живописцев: художественную перспективу и художественную анатомию. Но в наши дни художник напрасно будет искать так необходимых ему художественной мерсологии, геологии, художеств<енной> ботаники, художеств<енной> зоологии, не говоря уже о художеств<енной> социологии. Правда, в некоторых критических статьях, напр<имер> у Рёскина, <есть> нечто, заменяющее ему эти не хватающие дисциплины в статьях о Тёрнере, но ничего по существу вопроса и детально разработанного еще не существует в литературе.

Точно так же, как художник не имеет сотрудничество ученого, точно так же и ученый не имеет сейчас часто необходимого орудия эксперимента анализа – отточенного тонко карандаша, – потому что научный рисунок – художественная дисциплина, которую еще не знает современная живописная школа.

Пейзажист должен изображать землю, по которой можно ходить, и писать небо, по которому можно летать, т. е. в пейзажах должна быть такая грань горизонта, через которую хочется перейти, и должен ощущаться тот воздух, который хочется вдохнуть полной грудью, а в небе те восходящие токи, по которым можно взлететь на планёре.

Вся первая половина моей жизни была посвящена большим пешеходным путешествиям, я обошел пешком все побережья Средиземного моря, и теперь акварели мне заменяют мои прежние прогулки.

Это страна, по которой я гуляю ежедневно, видимая естественно сквозь призму Киммерии, которую я знаю наизусть, и за изменением лица которой я слежу ежедневно.

С этой точки зрения и следует рассматривать ретроспективную выставку моих акварелей, которую можно характеризовать такими стихами:

Выйди на кровлю. Склонись на четыре
Стороны света, простерши ладонь.
Солнце... вода... облака... огонь...

Заказ 3692

Всё, что есть прекрасного в мире.
Факел косматый в шафранном тумане,
Влажной парчою расплесканный луч.
К небу из пены простертые длани.
Облачных грамот закатный сургуч...
Гаснут во времени...Тонут в пространстве
Мысли, событья, мечты... корабли...
Я ж уношу в свое странствие странствий
Лучшее из наваждений земли!

P. S. Я горжусь тем, что первыми ценителями моих акварелей явились геологи и планеристы, точно так же, как и тем фактом, что мой сонет «Полдень» был в свое время перепечатан в Крымском журнале виноградарства. Это указывает на их точность.

Максимилиан Волошин.

<БИОГРАФИЧЕСКАЯ КАНВА. 1931> <18>

1897 г. Окончание гимназии. Московск<ий> университет. Якс. Жебуневы. Студен<ческий> сбор<ник>. Земляч<ество>.

1898. В декабре знаком<ство> со Свободиным, Арн<ольдом>, Лавр<овым>.

1899. Беспорядки. Высылка. Полгода в Коктебеле. Странствия по Крыму с Яксом и Свобод<иным>. Осенью первая поездка за границу. Париж. Берлин.

1900. Берлин. Экзамены в Москве. Путешест<вие> по Италии с Кандауровым. Арест. Ссылка. Средняя Азия. Валериан.

1901. Москва во время беспорядков. Отъезд в Париж. Кругликова. Путешествие по Испании. Живопись.

1902. Косоротов. Ауэры. Переписка с Мухой. Мирэ. Корсика и Сардиния. Стихи В. Иван<ова>. Якимченко. Поляков. Бальмонт. Решение ехать на Восток.

1903. Приезд в Россию в январе. Знакомство с литерат<урным> миром. Религиоз<но>-философ<ские> собр<ания>. Москва. Худож<ественный> клуб. Балтруш<айтис>. Сабашников<а>. ½ года в Коктебеле. Постройка Пелеаты. Неделя в Москве. Париж.

1904. Весна с Аморей в Париже. Quat'z Arts. Мирэ. «Русь». Женева. Вячесл. Иванов. Ол<ьга> Муромцева.

1905. Приезд в Россию, январские дни. Париж. Разрыв с Амор<ей>. Вайолет. Ан<на> Рудольф<овна>. Руан. Цюрих. Берлин. Ателье на Edg<ar> Quinet.

1906. Москва. Свадьба. Париж (Passy). Штейнер. Мережков<ский>. Константинополь. Коктебель. Петербург. Башня. Вячес<лав>.

1907. Башня. Вячеслав. Лето: Коктебель. Вайолет. Смерть Лидии. Аморя в Италии. Астма в Петербурге.

1908. Снова Париж в мае. Бальмонты. Жизнь с Яксом. Толстые. Девочка. Летом – Луара.

1909. Петербург. Жизнь с Толстыми на Глазовской. Лето: Лиля Дмитр<иева>. Гумилев. Осень в СПб. «Аполлон». Черубина де Габриак. Дуэль.

1910. Отъезд в феврале в Коктебель. Выход I-ой книги стих<ов>. «Киммерийская весна». Тоска и бури летом. Сломанная рука. Москва.

1911. Эфроны и Мар<ина> Цветаева. Первое лето обормотов в Коктебеле. Мистификации. Неожидан<ный> отъезд в Париж. Нат<алья> Сав<в>ин<ская> и Вера Рав<ич>.

1912. Юбил<ей> Бальмонта. Москва. Увлечение танцами Рабенек. Фельдштейны. Лето: Эфроны. Сокол. Москва.

1913. Репинская история. Майя. Поездка с Гарри. Лето с Майе<й>. «Lunaria». Оболенская. Аморя в Коктебеле. Зима в Коктебеле в одиночестве. В Феодосии Мар<ина> и Ася <Цветаевы>.

1914. Приезд Майи весной. Летний вихрь безумия, все невыносим<ы>. Отъезд в Базель. Война. Дорнах.

1915. Париж. Жизнь с Бальмонтом. Цетлины. Эренбург. Маревна. Биарриц. Испания. Париж.

1916. Париж. Лондон. СПб. Коктебель. Львова. Ходасевич. Новин<ский>. Воинская повинность. Лекции в Феод<осии> и Керчи. Москва.

1917. Москва. Революция. Лето: Коктебель. Ходасевич. Зима с Кедровыми в Коктебеле. Вар<вара> Леон<идовна> Рюмина.

1918. Большевики в Феодосии. Без<у>мная весна. Немецкое завоевание. Дуся. Фаина. «Демоны глухонемые». Лето: Шерв<ашидзе> и Бутковск<ая> Н.И. Гришка. Татида. Судак у Капнист. Ялта. С. Маковс<кий>. Лекции. Недоброво. Юл<ия> Слонимская. Севастополь. Симф<ерополь>.

1919. Севаст<ополь>. Одесса. Цетлины. Эсеры. Немиц. Татида. Бунин. На лодке в Крым. Евпат<ория> – Кожевников. Симфер<ополь>. Коктеб<ель>. Маркс. Большевики.

Десант. История Маркса. Поездка в Екатеринодар. Лето в Коктебеле. Астафьев и Маруся. Зима с Татид<ой>, Майей, Эренбургами, Мандельштамом.

1920. «Серафим». Ссора с Эренбургом. Отъезд Татиды. Ген<ерал> Калинин и Князевы. Гинцбург. Приход большев<иков>. Феодосия. Террор.

1921. Террор. Феодосия. Симферополь. В мае возвращен<ие> в Коктебель. 8 месяц<ев> болезни. Пшеслав<ский>. Кедровы. Болезни. Санат<ория> в Феодосии. Смерть Алекс<андры> Мих<айловны Петровой>. Юр<ий> Иванов. Воен<ная> школа.

1922. Голод. Лекции. Женя Ребик<ова>. Маруся. Отъезд в Саки. Розановы. Федорченко. Евпатория. Севастополь. Ялта. Болезнь и смерть мамы.

1923. Маруся. Лето. О. Головина. Бутков<а>. Замятин. Чуковский. Иосиф Викторов<ич>.* Шкапская. Басс.

1924. Поездка в Харьков, Москву, СПб. Чтение стихов. Нелли и Вик<тор?>. Алекс<андра> (Старушка «Божий Дар»). Возвращен<ие> в мае с жел<езнодорожными> спутника<ми>. Анчутка. Приезд Габричевск<их>. Ан<дрей> Белый и антроп<ософки>. Гроссманы. Осенью Брюсов и Адалис. Первые именины и «кинематограф» с Брюсовым и Белым. Смерть Брюсова. Поездка в Симферополь. Минаков.

1925. Марусина поездка в Харьков. Операция. Возвращение. Попытки реквизир<овать> мой дом (постановл<ение> Совнар<кома> Крыма). Юбилей мой. Poetae Poetae. Пантомима. Ярхо.

1926 г. Зима в Коктебеле с весны. Виктор Успен<ский> и Зин<аида> Елгаштина. Прогул<ка> весной в леса (Синие горы). Летом именины-оперетка. Харьков. Златогоров.

1927. Поездка в Москву к Шервин<ским>. СПб. к Лиде <Аренс>. Моя болезнь. Сидение в комнате. Выставка акварелей в Москве и в СПб. 11 сент<ября> землетрясение. Зима с Андерсами. Кисловодск. Смерть Ф. Юнге. Ссора с Андер<сами>.

---

* *Далее зачеркнуто:* Старушка «Божий Дар» Ал. Ал.

1928. Кисловодск. Всев<олод> Ив<анович> Попов. Манжос. Бодянские. Д<окто>р Смирнов. Ходжаевы. Тюлины. Летом Тюлины. Ссылка Федоровых.

1929. Лето. Пестрое, утомительное. Особенно осень. Переутомление от людей осенью до болезни. 9 дскаб<ря> удар. Зимой реквизиц<ии>. Крестьянс<кие> хозяйства. Немцы, колонисты, не призна<ющие> распоряж<ений>. Пребывание поэта Державина.

1930. Конец зимы. Моя болезнь: перевод Флобера, окончен<ный> вовремя. Медленный съезд. Арест С<аши> Габри<чевского>. Московск<ая> паника. Летом ко мне экскурс<ии> Д<омов> отд<ыха>, все лето по 2 раза в неделю. Весной предложено пожертв<овать> дом в пользу Курорттре<с>та. Концентр<ационный> лагерь в Коктебеле, о<т>деленный проволокой. Записи экскурсантов: «Стыдно, поэт Волошин, писать пессимистические стихи в эпоху расцвета и освобождения». Послсдствия зимой: Кон отказывается хлопотать о пенсии, т<ак> к<ак> «он читает противусоветские стихи посетителям». Осснью уныние. В первый раз в жизни чувствую себя «лишним человеком».

АНКЕТЫ

<ОТВЕТЫ НА ТУРГЕНЕВСКУЮ АНКЕТУ>

<1. 1898>

1. *Ваша любимая добродетель*? – Самопожертвование и прилежание.

2. *Любимое качество у мужчины*? – Женственность.

3. *Любимое качество у женщины*? –Мужество.

4. *Ваше любимое занятие*? – Путешествие и разговор вдвоем.

5. *Отличительная черта Вашего характера*? – Разбросанность.

6. *Как вы представляете себе счастие*? – Владеть толпой.

7. *Как вы представляете себе несчастие*? – Потерять веру в себя.

8. *Ваши любимые цвета и цветы*? – Голубой, ландыши.

9. *Если бы вы не были вы, чем бы желали вы быть*? – Пешковским.

10. *Где бы вы предпочли жить*? – Где меня нет.

11. *Кто ваши любимые прозаики*? – Диккенс, Достоевский.

12. *Кто ваши любимые поэты*? – Гейне, Гауптман и я.

13. *Кто ваши любимые художники и композиторы*? – Репин, Леонардо да Винчи, Каульбах, Деларош, Бетховен, Шуман.

14. *Ваш любимый герой в истории*? – Лассаль, Д<окто>р Гааз, Гракхи, Христос, Ул<ьрих> ф<он> Гуттен.

15. *Ваша любимая героиня в истории*? – Шарлотта Корде, Софья Перовская.

16. *Ваша любимая героиня в романе*? – Сончка Мармеладова, Ганнеле, Гретхен.

17. *Ваш любимый герой в романе?* – Маркиз Поза, Дон-Кихот, Идиот.

18. *Ваше любимое кушанье?* – Все в достаточном количестве.

19. *К чему вы больше всего питаете отвращение?* – К паукам, глупости и неопрятности.

20. *Кого вы больше всего презираете из исторических личностей?* – Людовик XIV, Аракчеев, Алекс<андр> III.

21. *Каково Ваше настоящее душевное состояние?* – Лучезарность.

22. *К какому пороку Вы имеете больше всего снисхождения?* – К преувеличиванью и лени. Вообще ко всем, которые я чувствую за собой.

23. *Какой Ваш любимый девиз?* – «Весело жить!!!» (Ульрих фон Гуттен).

24. *Ваши любимые имена?* – Генрих, Гризельда, Эстерелла, Ядвига, Эльза.

М. Кириенко-Волошин.

20 апреля 1898 года. Москва.

<2. 1899>

1. *Ваша любимая добродетель*? – Самопожертвование.

2. *Любимое качество у мужчины*?
3. *Любимое качество у женщины*? } – Отсутствие в характере специфических особенностей своего пола и способность понимать причины действий других людей, широкие взгляды.

4. *Ваше любимое занятие*? – Путешествие по неизвестной местности пешком и общение с интересными людьми.

5. *Отличительная черта Вашего характера*? – Ни на чем не сосредоточиваться и ничего не доводить до конца; минутные, но не сильные увлечения.

6. *Как вы представляете себе счастие*? – * Жить полной духовной жизнию.

7. *Как вы представляете себе несчастие*? – Ни одной чертой, ни одной способностью не выделяться из толпы – полная ординарность.

8. *Ваши любимые цвета и цветы*? – Голубой, ландыши.

9. *Если бы вы не были вы, чем бы желали вы быть*? – Народным вождем вроде Лассаля, Гарибальди или Кая Гракха.

10. *Где бы вы предпочли жить*? – В тех местах, откуда я каждую минуту мог бы уехать, а еще лучше – в дороге.

11. *Кто ваши любимые прозаики*? – Диккенс, Достоевский, Щедрин, а послед<нее> время Чехов.

12. *Кто ваши любимые поэты*? – Гейне, Гауптман, Некрасов, Байрон, Верлен.

---

* *Далее зачеркнуто:* Смотря по настроению: иногда власть над толпой, иногда известность, иногда любовь, вообще

13. *Кто ваши любимые художники и композиторы?* – Репин, Крамской, Деларош, Габриэль Макс, Мункачи. Бетховен, Шуман, Григ и Римский-Корсаков.

14. *Ваш любимый герой в истории?* – Христос, Гарибальди, Лассаль, Гракхи, Парнелл.

15. *Ваша любимая героиня в истории?* – [Женщина-мать во всех стадиях человеческой истории] Русская женщина 70-х годов.

16. *Ваша любимая героиня в романе?* – Сонечка Мармеладова, героиня стих<отворения> в прозе Тургенева «Порог».

17. *Ваш любимый герой в романе?* – Маркиз Поза, кн<язь> Мышкин (Идиот), Лео.

18. *Ваше любимое кушанье?* – Икра, майонез, макароны жареные, клубничн<ое> варенье.

19. *К чему вы больше всего питаете отвращение?* – К глупым, грязным и пошлым людям.

20. *Кого вы больше всего презираете из исторических личностей?* – Все правящие классы во все времена и у всех народов.

21. *Каково ваше настоящее душевное состояние?* – Весело жить! Всё впереди.

22. *К какому пороку вы имеете больше всего снисхождения?* – Ко всем своим.

23. *Какой ваш любимый девиз?* – Всё понять – всё простить.

24. *Ваши любимые имена?* – Генрих, Эстерелла, Эльза, Ганнеле.

3 января 1899 года. Макс. Волошин.

<3. 1909>

1. *Ваши любимые добродетели?* – Отсутствие специализации в добродетелях.

2. *Любимое качество у мужчин?* – Авантюризм.

3. *Любимое качество у женщин?* – Сложность противоречий.

4. *Ваше любимое занятие?* – Исповедывать.

5. *Отличительная черта вашего характера?* – Наивность.

6. *Как вы представляете себе счастие?* – Не думать о завтрашнем дне.

7. *Как вы представляете себе несчастие?* – Всю жизнь укладывать вещи и заниматься хозяйством.

8. *Ваши любимые цвета и цветы?* – Синий.

9. *Если бы вы не были вы, чем бы желали вы быть?* – Казановой.

10. *Где бы вы предпочли жить?* – На островах Архипелага.

11. *Кто ваши любимые прозаики?* – Ренье, Клодель.

12. *Кто ваши любимые поэты?* – Черубина.

13. *Кто ваши любимые художники и композиторы?* – Гогэн. Глюк. Рамо.

14. *Ваш любимый герой в истории?* – Колумб.

15. *Ваша любимая героиня в истории?* – Леди Гамильтон.

16. *Ваш любимый герой в романе?* – Шерлок Холмс.

17. *Ваша любимая героиня в романе?* – Сара в «Акселе».

18. *Ваше любимое кушанье?* – Бульябсс и брандада.

19. *К чему вы больше всего питаете отвращение?* – К паукам и идиотам.

20. *Кого вы больше всего презираете из исторических личностей?* – Таких нет.

21. *Каково ваше настоящее душевное состояние?* — Торопливость.

22. *К какому пороку вы имеете больше всего снисхождения?* — Ко лжи.

23. *Какой ваш любимый девиз?* — Horas non numero nisi serenas.*

24. *Ваши любимые имена?* — Кветца<ль>коатль. Ассурамазда.

* Часы не считает никто, кроме безмятежных (*лат.*).

<Ответы на анкету Ф.Ф. Фидлера>

I. Наследственность (прямая или атавистическая) писательского дара. — Любовь к литературе и степень начитанности того или другого из родителей.

Отца не помню, но знаю, что он в юности писал стихи. Мать любила строго классическую русскую литературу (Пушкина, Гоголя и т.д.).

II. Лица, благоприятствовавшие и препятствовавшие развитию литературного таланта.

Ни тех, ни других не было. — Мать относилась строго, но не препятствовала.

С писателями лично познакомился только в 1902 году (с Бальмонтом), а в 1903 со всеми остальными. — До этого, в Париже, находился под влиянием французских поэтов.

III. Обстановка жизни в детстве и молодости. Первые прочитанные книги. — Ранние жизненные опыты или отсутствие их, способствовавшие или мешавшие развитию писательского дара.

Рос совершенно одиноко, среди взрослых. — Читал очень много (начал с 5 лет); до этого знал наизусть половину Пушкина, Лермонтова и Некрасова. — До 15 лет внешних серьезных впечатлений не было. Начал регулярно писать стихи с 12 лет.

IV. Фантазия или наблюдательность, как элементы первых творческих попыток.

Фантазия была в смысле комбинаций, но не в смысле выдумки. — В детстве наблюдений над людьми не делал. Очень сильно было впечатление природы (в Крыму). Про-

межуток с 9–15 лет, потом опять Крым, но пустынная его часть, голая (не Ялта, а окрестности Феодосии). – Наибольшее влияние, как творческое перерождение, оказали путешествия: 1900 г. в Средней Азии (в голодной степи, куда был выслан), затем исходил пешком почти всю Испанию, Италию, Балеарские острова и Грецию. Также Альпы и Пиренеи. Сильные впечатления в Париже 1899–1909 гг.; с большими промежутками возвращался в Петербург, как домой. Путешествовал не как литератор, а как художник: смотрел на живопись, как на подготовку к художественной критике и как на выработку точности эпитетов в стихах.

Раньше, чем написать пейзажное стихотворение, – записывал все слова и предметы* данных оттенков, чтобы выработать надлежащее соотношение.

V. Под влиянием какого писателя (отечественного или иностранного) создалось первое произведение?

Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Верлен, Малларме; до них немецкие писатели: Гейне, Ленау, Уланд и Фрейлиграт (которых переводил).

VI. Случайное совпадение фабулы (какой?) с фабулой отечественного или иностранного писателя.

Анатоль Франс и Реми-де-Гурмон; но только идеи.

VII. Первое написанное и оставшееся в рукописи произведение. – Когда? Какое?

Сохранились все стихи с 12 лет.

VIII. Первое отправленное для напечатания произведение. – Когда, какое, куда и кому?

Вошел в литературу незаметно, без попыток, благодаря личному знакомству с редакторами «Русской Мысли».

IX. Мытарства по редакциям. – Каким?

Не было. Начались только, когда составилось имя и физиономия.

* *Возможно подразумевается:* приметы

X. Возвращенные редакциями или издателями рукописи. — Кем и какие?

Тоже только за последнее время.

XI. Первое напечатанное произведение. — Когда, кем и где?

«Русская Мысль», май 1900 г. Статья в защиту Гауптмана (критика перевода Бальмонта драмы «Потонувший колокол»).

XII. Было ли первое напечатанное произведение предварительно прочитано близким людям? — Их нравственное, критическое или практическое влияние.

В Поливановской гимназии (в Москвс) читал товарищам свои стихи, очень ими одобряемые. Тем не менее, явился глубокий скептицизм по отношению к самому себе, и не появилось жслания скорее выступить печатно.

XIII. Изменения или сокращения, сделанные в рукописи автором по требованию редактора или издателя.

Ничего особенного не было.

XIV. Самовольное исправление, добавление, сокращение и искажение редактором или издателем первоначальной рукописи.

В «Новом Пути» 12 стихотворений — масса исправлений и сокращений, сделанных П.П. Перцовым.

XV. Опечатки: a) искажающие смысл произведения и b) буквенные.

Масса в газете «Русь».

XVI. Цензурные препятствия к напечатанию; изменения и искажения текста. — Какие?

Не было. За статью о романе Реми-де-Гурмон (Une nuit) № «Руси» за кощунство был конфискован.

Заказ 3692

XVII. Даром ли было отдано для напечатания первое произведение или за оттиски (или экземпляры). — В каком количестве?

За статьи в «Русской Мысли» — да, за стихи в «Новом Пути» — нет.

XVIII. Первый гонорар. — Со строки, с листа или полностью за всю рукопись?

100 руб. с листа в «Русской Мысли».

XIX. Неисправность в платежах издателя или редактора. Вследствие недобросовестности или несостоятельности?

Недобросовестных не было; несостоятельных — да.

XX. Отношение родственников и посторонних лиц к первому напечатанному произведению.

Поощрительное, но строгое.

XXI. Напечатано первое произведение под своей фамилией или под псевдонимом? Каким?

Иногда Кириенко, иногда Волошин, но псевдонима не было.

XXII. Первые критические отзывы. — Где и кем?

После первых стихотворений в «Новом Пути», в том же журнале, появилась ругательная статья Зин. Мережковской (Антон Крайний), где она называет меня «комми-вояжером».

XXIII. Нравственная удовлетворенность или неудовлетворенность автора при напечатании его первого произведения.

Никакого впечатления.

XXIV. Дальнейшая судьба возвращенных редакторами или издателями первых рукописей. — Невозвращенные (затерянные или уничтоженные).

Таких не было. Из невозвращенных разные, довольно ценные, рукописи утеряны в редакциях.

XXV. Борьба за существование в начале литературной деятельности и теперешнее положение.

В начале — очень благоприятные, теперь неблагоприятные.

АНКЕТА МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА
(поэта, живописца, критика)

1) Кириенко-Волошин Максимилиан Александрович.

2) 49 лет. Род. Киев.

3) Никаких бумажек. Исключен из Москов<ского> Университ<ета> в 1900 за беспорядки с III курса юрид<ического> факульт<ета>. Слушал лекции в Коллеж де Франс, в высшей школе Религиозных Знаний при Сорбонне, в Луврской Школе музееведения, работал в художественных Академиях Парижа.

4) 5) 6) При всех трех пребываниях совет<ской> власти в Крыму работал по Охрису. Читал курсы лекций в различных учебн<ых> заведениях, как то: Командные курсы, Народн<ые> Университ<ы>, ИНО, Двор<ец> труда, на различные темы и в разных городах Крыма. Делал литературные вступления перед спектаклями, как член Высш<его> Худож<ественного> Совета. В настоящее время числюсь только преподавателем Феод<осийского> ИНО по кафедре Истории культуры.

7) Принимал участие в образовании и формации большинства литературных и художественных группировок Парижа в период 1900—1917 гг.

8) Книги: I и II книги Лирики, книга о Войне и Революции «Неопалимая Купина»; цикл о Материальной Культуре — «Путями Каина»; поэмы — «Протопоп Аввакум», «Св. Серафим».

Критика: «Лики творчества». Изд<ан> 1 Т<ом> «Франция». Еще не изданы: тома о театре, о живописи, о литературе. Монографии о Сурикове и о Богаевском.

Переводы: Эмиль Верхарн, Вилье де Лилль-Адан (Аксель), Поль Клодель, Анри де Ренье (отдельной книгой пока издан только Верхарн).

Поль де Сен Виктор — «Боги и люди».

Сотрудничество в большинстве русских газет и журналов. Долгое время был парижским корреспондентом. Сотрудн<ичал> во французских и английских изданиях.

9) Публичные лекции на самые разнообразные литературные и художественные темы в Москве, Петербурге и по провинциальным городам.

За 20 лет прочтено, думаю, не менее пятисот.

10) Ни в каких «популяризациях» никогда не был грешен.

11) Во все время гражданской Войны всеми силами и систематически боролся против бессмысленного истребления художественных и научных сил, как при белых, так и при красных.

12) Получил права на Академический паек с 1920 г<ода>. Пользовался им в 1921 г<оду> в течение 5 или 6 месяцев.

13) Заработка, как общее правило, не имею, т<ак> к<ак> «Учреждения» мне обычно не платили, а литературные гонорары систематически не доходят до меня. Существую только Академич<еским> пайком да иногда Американскими посылками.

14) 7 марта 1923 года.

15) Подпись:

16) Постановление квалификационной комиссии КУБУ:

<ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ АНКЕТЫ К.И. ЧУКОВСКОГО «СОВРЕМЕННЫЕ ПОЭТЫ О НЕКРАСОВЕ»>

<1>

I. Любите ли вы стихотворения Некрасова? — Ценю и люблю глубоко.

II. Какие стихотворения Некрасова вы считаете лучшими? — «Вчерашний день часу в шестом», «Песня про Якова Верного», «Аммирал-вдовец», «Я покинул кладбище унылое», «Влас».

III. Как вы относитесь к стихотворной технике Некрасова? —

IV. Не было ли в вашей жизни периода, когда его поэзия была для вас дороже поэзии Пушкина и Лермонтова? —

V. Как вы относились к Некрасову в детстве? — Вместе с «Полтавой» и «Веткой Палестины» Некрасовские «Коробейники» были первыми стихами, которые я знал наизусть прежде, нежели научился читать, т.е. до 5 лет.

VI. Как вы относились к Некрасову в юности? —

VII. Не оказал ли Некрасов влияние на ваше творчество? — Некрасовские стихи:

> Чтобы словам было тесно,
> Мыслям просторно

были указанием в личном творчестве. Они же и остались таковыми и до текущего момента, потому что все остальное вытекло из них. Как это ни странно, Некрасов был для меня

не столько гражданским поэтом, сколько учителем формы. Вероятно, потому, что его технические приемы проще и выявленнее, чем у Пушкина и Лермонтова. Мне нравилась его сжатая простота и его способность говорить о текущем.

VIII. Как вы относитесь к народолюбию Некрасова? —

IX. Как вы относитесь к распространенному мнению, будто Некрасов был безнравственным человеком? — Личность Некрасова вызывала мои симпатии издавна своими противоречиями, ибо я ценю людей не за их цельность, а за размах совмещающихся в них антиномий.

<2>

О Некрасове

Максимилиан Волошин

Некрасова ценю и люблю глубоко. Любимые стихи: «Вчерашний день в часу шестом...», «Песня про Якова Верного...», «Аммирал-Вдовец...», «Я покинул кладбище унылое...», «Влас».

Вместе с «Полтавой» и «Веткой Палестины» — некрасовские «Коробейники» были первыми стихами, которые я знал наизусть прежде, нежели научился читать, т. е. до 5 лет. Некрасовские же стихи «...Чтобы словам было тесно, мыслям — просторно...» были указанием в личном творчестве. Они же и остались таковыми и до текущего момента, потому что все остальное вытекло из них. Как это ни странно Некрасов был для меня не столько гражданским поэтом, сколько [мастером] учителем формы. Вероятно, потому, что его технические приемы проще и выявленнее, чем у Пушкина и Лермонтова. Мне нравилась сжатая простота Некрасова и его способность говорить о текущем.

Это вызвало в самом начале моей литературной деятельности лекцию об А.К. Толстом и о Некрасове, прочитанную в 1901 году в Высшей Русской Школе в Париже. В ней я дока-

зывал эстетическую бедность А. Толстого и богатство чисто эстетических достижений и приемов у Некрасова. Лекция была встречена крайне несочувственно тогдашней эмигрантской публикой, вызвала прения, тянувшиеся несколько дней, и большинство моих оппонентов всеми силами старалось снять с Некрасова обвинение в новизне и совершенстве художественных приемов. Мне кажется, что со стор<он>ы поэтов моего поколения (т. е. символистов) моя манифестация в честь Некрасова была хронологически первой. Эта лекция не была напечатана, и рукопись ее утрачена. Статье Бальмонта о Некрасове, написанной им года 2 спустя, предшествовали несколько наших бесед о Некрасове, во время которых мы с восторгом цитировали друг другу любимые стихи Некрасова, и помнится, что он впервые от меня узнал стихотворение «Вчерашний день часу в шестом» в те годы еще <не> входившее в собрание стихотворений.

Из всего сказанного ясно, какое влияние имел Некрасов на мое собственное творчество.

Тургеневская фраза о том, что «поэзия и не ночевала в стихах Некрасова», меня всегда глубоко возмущала, а после современных разоблачений о порче Тургеневым текста тютчевских и фетовских стихов убедила меня вполне в тайном художественном безвкусии Тургенева, которое я давно предугадывал.

Личность Некрасова вызывала мои симпатии издавна своими противоречиями, ибо я ценю людей не за их цельность, а [за] размах совмещающихся в них антиномий.

Но материалы для этого суждения я получил только теперь из статей и исследований К.И. Чуковского о Некрасове.

1924, Царское

<ОТВЕТ НА ВОПРОС АНКЕТЫ> «ПУШКИН И СОВРЕМЕННОСТЬ»

Вопрос: Сохранил ли Пушкин значение для современности, какое, что почерпнет в его произведениях для себя строитель нового мира – рабочий класс?

«Люблю Пушкина, как поэта, но... все-таки для мужика он – барин».

Мах Волошин

<ОТВЕТЫ НА ШУТОЧНЫЕ АНКЕТЫ М.М. ШКАПСКОЙ>
<1>

Имя Макс Волошин

Пол андрогин

Возраст

Профессия

Род занятий имею заведение на берегу моря для художников и писателей

Образование перегружен

Отн<ошение> к воинск<ой> повинности Путями Каина не хожу

Люб<имый писатель> протопоп Аввакум

Зачем приехал Не я в Коктебеле, а Коктебель во мне

Отношение к Максу

К Марусе покорное

Кого и что отметил полынь

Отношение к Коктебелю одним словом Коктебель – c'est moi*.

* Коктсбель – это я (*фр.*).

‹2›

Пол андрогин

Возраст гомерический

Специальность Имею заведение на берегу моря для писателей, художников и ученых. – Детей впрок не солю

Отношение к воинской повинности Путями Каина не хожу

Образование Перегружен

Мой любимый писатель Аввакум

Мое любимое занятие Споры <?>

Зачем приехали { Не я в Коктебеле,
Думаете ли уехать { а Коктебель во мне

Что Вы отметили в Коктебеле полынь

Ваше отношение к Дому Смотри резолюцию тов. Ибраимова

Ваше отношение к Максу как 1:2

Ваше отношение к Марусе трепещу

Кого Вы отметили из гостей всех обхожу

Ваше времяпрепровождение До 4-х тайное, после 4-х явное

Характеризуйте Коктебель Коктебель c'est moi

<Ответы на анкету ЦЕКУБУ>

Спец<иальность>. Фамилия. Поэт, художник. Максимилиан Волошин.

Мужч<ина>, женщи<ина>.

Категория. IV. Город. Коктебель (Крым). *Возраст* 48.

Наименование Вузов и науч<ных> учреждений. Должность

С 1922 года не служу нигде. Живу в Коктебеле и здесь занимаюсь организацией художеств<енной> колонии и бесплатн<ого> Дом<а> Отдыха для писат<елей>, худож<ников>, ученых. Личная инициатива, ничем не оплачиваемая.

Черв<онных> рублей в месяц. Ничего.

От внеакадемической службы. Число служб. От частной практики.

Итого: Не имею ничего. Живу на те 2 червонца в месяц, что получал как Ак-обеспечение от Ц.К.У.Б.У. по III [разряду] категории.

Всего в месяц: 20 р.

Число иждивенцев:

Жена и дети Жена 1

Всех прочих [За 1924 год через мой Дом прошло 300 (триста) человек, к сожалению, без питания]

Случайные заработки за полугодие 24/ IX 150 р. за поэму

Литер<атурная> работа: никакой

Консультации и т.п. никаких

Суммарный зараб<оток> членов семьи в месяц: никакого

Подпись Максимилиан Волошин

19 15/XII 24.

Вопросы о любви к поэтам

<Ответы на вопросы Евгения Архиппова>

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

Ответы, записанные в Коктебеле Вс. А. Рождественским

1932
30. VI

1. Какие Ваши любимые книги в детстве?

Одна из первых прочитанных книг «Рассказы Э. По». «Миф о смерти Геракла» (Штолль). Детских книг мне не давали. «Степку-растрепку» прочел уже в 40-летнем возрасте – без особого удовольствия.

2. Какие из этих книг Вы хотели бы перечитать теперь?

Ни одной. Все хорошо помню, лучше, чем многие книги, читанные потом.

3. Какими романами Вы увлекались в молодые годы?

Достоевским («Подросток» – читала мать в соседней комнате вслух. Всегда вспоминал этот роман, как что-то, бывшее со мною лично).

4. Какие поэтические произведения были прочитаны для Вас в раннем детстве и кем именно?

Очень много стихов читала мне мать в раннем детстве. «Коробейники» (знал наизусть), «Полтава» (в 5 лет).

5. Какая картина впервые поразила Ваше воображение?

«Убиение Иоанном Грозным сына» (Репин). Отрицательное впечатление.

6. Кого из поэтов Вы считаете обладающим атлантической памятью?

Бальмонт.

7. Назовите вечную неизменяемую цепь поэтов, о которых Вы можете сказать, что любите их исключительно и неотступно.

Пушкин	А. де Ренье
Тютчев	Поль Клодель
Некрасов	Вилье де Лиль-Адан
Анненский	

8. На кого из поэтов современности (после 20—21 гг.) — печатающихся и не выходящих в печати — обращено Ваше внимание?

Ходасевич, Цветаева, В. Рождествен<ский>, София Парнок.

9. Кого из западных и восточных поэтов любите больше всего?

См. выше. Омар Хаям.

10. Что любите больше всего из Вальтер-Скотта и Диккенса?

Мимо Вальтер-Скотта я прошел, ничего в нем для себя не отметив. Диккенса очень люблю. Отмечаю: «Большие ожидания», «Холодный Дом».

11. В какой ряд поэтических имен Вы поставили бы имя:

1) Комаровского В.А.

2) Парнок С.Я.

3) Лозина-Лозинского А.К.

1) В порядок молодых талантов, не знающих, что им с собой делать.

2) См. выше вопрос 7.

3) Помню стихи о «Шахматах». В моей библиотеке отсутствует.

12. Взаимоотношения (непосредственные и заочные) с какими поэтами и писателями Вы считаете для себя ценными (на протяжении всей жизни)?

Бальмонт (очень).
Вяч. Иванов.
Андр. Белый.
Макс Жакоб.
Реми де Гурмон.
Sadya Lévi.

13. Считаете ли возможным перечитывание Данте и в чьем русском переводе?

В русском переводе никаком. Перечитываю только в подлиннике и с подстрочником.

14. Какие 7-мь книг стихов и 7-мь книг прозы Вы оставили бы навсегда с собой?

1. Пушкин в 1 томе	1. Библия (пророки)
2. Тютчев	2. Достоевский (Братья Карамазов<ы>)
3. Анненский «Кип<а-рисовый> Лар<ец>»	3. Лесков (Рассказы)
4. Блок III том	4. Флоренский. «Столп и утвержд<ение истины>»
5. Вяч. Ив<анов>. «Кормчие Звезды»	5. Шпенглер «Закат Европы»
6. Сологуб «Пламенн<ый> круг»	6. Поль Сен-Виктор
7. Бодлэр	7. Сюарэс.

15. Возвращаетесь ли Вы к чтению Державина? Хотите ли его перечитывать? И что (именно) больше всего?

Не возвращаюсь. Перечитывать не стремлюсь.

16. От каких поэтов, ценимых Вами ранее, Вы отошли теперь?

Бальмонт (сильно увлекался и резко отошел). А.К. Толстой, Майков, Мюссэ, не совсем потерял вкус к Ламартину, Гюго.

17. Возможно ли для Вас перечитывание стихов Сологуба? Что Вы цените в нем сейчас?

Возвращаюсь к его стихам. Считаю одним из значительнейших русских поэтов. Сейчас ценю в нем ясность и мудрость старости.

18. Цените ли Вы Случевского и что именно цените в нем?

Ценю отдельные стихи (напр<имер>, «Казнь в Женеве»).

19. В какой ряд поэтических имен Вы поставили бы имя Случевского?

Я дал бы ему неожиданного родственника: Б. Пастернака. То же косноязычие, из которого вспыхивает порой неожиданная и пленительная ясность.

20. Любите ли Вы стихотворения Пастернака или он просто для Вас интересен и ценен?

См. предшествующее. Люблю и ценю.

21. Любите ли Мандельштама? Какую книгу более: Камень? 2-ую книгу? Tristia?

Люблю «Камень».

22. Какую из книг автора «Огненного Столпа» любите больше всего?

Мало знаю творчество Гумилева. Помню только те книги, которые не люблю: «Романтические цветы» и «Жемчуга».

23. Что больше любите из Блока: Скифы — 12-ть — Возмездие?

«Скифы» вообще считаю ложно-реторическими, не люблю. «12» — очень ценю, к «Возмездию» равнодушен.

24. Может ли быть время, когда Вы отойдете от Блока или — оно уже наступило?

«Россия — страна неограниченных возможностей». Пока доходит вполне.

25. Что Вы оставляете для себя из прозы М. Кузмина?

Отношусь к прозе М. Кузмина вполне дружески.

26. Что больше всего любите из Лескова?

Всего Лескова люблю, кроме романов. Подозреваю, что романы писал не Лесков.

27. Что Вы могли бы еще перечитать из Достоевского?

Перечитываю каждую зиму все, что имею.

28. Кто ближе всего к Вам: Сомов, Мусатов, Судейкин, Сапунов, Кругликова, Остр<оумова>-Лебедева, Богаевский?

Богаевский — как личный друг и художник. Потом — Остроумову-Лебедеву, Сомова.

29. Любимое Вами прозаическое сочинение Пушкина.

«Путешествие в Арзрум».

30. Любимая поэма Пушкина?

«Медный Всадник».

31. Дорожите ли сейчас «Земною осью» и «Огненным Ангелом»?

«Огненного Ангела» считаю самым удачным произв<едением> Брюсова.

32. Кто Вам ближе: Анна Ахматова или Марина <Цветаева>?

Марина ближе как личность и как поэт. Но Ахматову я очень ценю.

Заказ 3692

33. Что Вы хотели бы пристально и любовно перечитывать из Вячеслава Иванова?

Любимая книга «Кормчие звезды».

34. Цените ли Черубину и за что именно?

Самомнением не страдаю. За общность душ – люблю.

35. Любите ли прозу А. Белого и что более: «Серебряный голубь» или «Петербург»?

«Серебряный голубь» пытался перечитывать и не смог. «Петербург» перечитал бы охотно, но при этом не могу не вспомнить отзыва об этой книге одной знакомой старушки, кот<орая> вернула мне эту книгу со словами: «Я не привыкла, чтобы со мной разговаривали таким тоном».

36. Любимые вами композиторы и их музыкальные произведения?

Рамо и Гретри. Глюк. Бородин («Игорь»). Мусоргский («Борис»).

37. Кто ближе Вам: Врубель, Нестеров, Васнецов, Суриков?

Врубель. Нестерова и Сурикова очень люблю, уважаю, но Врубеля ставлю выше.

ВОСПОМИНАНИЯ

I

<«ЛЕТО В ДЕРЕВНЕ». 1891>

II

Через два дня после этого у на<с> <...>*. На дворе происходила страшная суматоха. Вещи укладывались, перекладывались, ломались, увязывались, как это бывает при всяком переезде. На дворе стояло три воза. Нас перевозили Манины родные. «Это шкап, пожалуйста, осторожнее, прикрой-ка рогожей, или лучше положи на него вон тот тюфяк, чтобы об веревки не терся», – говорил Пав<ел> Павлович. «Это вы уж, барин, не беспокойтесь, это мы уж вам в целости доставим, без повреждений-с». – «Куда этот стол положить?» – «Это в лодку все мелкое!»

Жара! Пыль! Руки вымыть негде, напиться тоже негде! Хоть бы уж поскорей отправились. Я решил, что я пойду пешком с подводами, Манина родственница и ее племянник поедут провожать подводы в шарабане. Мама поехала за какими-то закупками. Пав<ел> Пав<лович> тоже отправился куда-то. Они приедут после по желез<ной> дороге. Я остался один с подводами. Вот, наконец, все уложено, упаковано, связано и совсем готово. <. . .> Телеги двигаются за ворота, но вдруг с последнего воза летят вещи, и он разваливается. Оказывается, его забыли связать. Опя<ть> укладывают все, только уж на улице. Мне надоедает долго ждать, и я отправляюсь один к заставе. Маня, Манин выкормок, молодой человек, племянник, ее родственницы садятся в шарабан и тоже едут. За нами плетутся подводы. Шарабан уехал вперед, я тоже пошел скорее, а подводы с Машей и ее родственницей остались позади. Я зашел по дороге попро-

---

* *Часть текста утрачена.*

щаться с бабушкой. Я пробыл у бабушки не более 5 минут и затем отправился к заставе. Там увидел шарабан, который дожидался уже подвод. Я не стал их дожидаться и отправился один. Часа через 2 я уже был в Троекурове.

Пришел – никого нет. Наша дача заперта.

Я расположился на террасе отдыхать. Вскоре явился <...> дачу и снова <...> стало скучно. Прошел <час>, другой, третий – никого нет. Наконец <...>.

Но нельзя сказать, чтобы он потерял от этого красоту свою. Громадные липы, темно-зеленые неуклюжие, но красивые дубы, зеленые сосны и ели, пихты, плакучие ивы, склонившиеся на<д> зеркальной поверхностью пруда и купающие в нем свои печальные ветви, – все это прекрасно, поэтично и нисколько не уменьшает прелести этого чудного уголка. Разные полуразвалившиеся каменные здания, [тонущие в меже и зелен<и>], заросшие хмелем и плющом и усыпанные розовыми, красными и белыми, сильно пахнущими цветочками повилики, красиво рисуются в группах дерев, манящих скорей под сень свою, к берегу маленькой речки, спасаться от палящего жара, который нигде не дает покою.

III

Мне не сиделось в Троекурове: я все места знаю с прошлого <лета> верст на 5 вокруг, а ходил гулять еще гораздо дальше; товарищей у меня там нет; потому мне стало страшно скучно. И я начал раздумывать, каким образом мне пробраться к Ляминым на 33-ю версту. Надо сказать, что третьего года, еще при жизни тети Лизы, мы все жили на 33<-й>, в Матвейкове. Тетя была тогда в последнем градусе чахотки и потому просила маму, чтобы она жила с ней на даче, но мама не могла этого сделать, потому что ей надо было ходить на службу, и она приезжала через день и ночевала. Я жил там все лето. Мы занимали одну дачу порядочной величины в 2 этажа: внизу было 5 комнат и 2 террасы, и там помещались тетя Лиза, Миша, его гувернантка-францу<енка> и горнична<я> Паша, а наверху, где была всего одна громад-

ная комната и балкон, – Люба, Леля и мама, когда приезжала. Я же, Саша и студент-репетитор – в отдельной постройке, долженствовавшей быть кухней, но не употреблявшейся еще.

Хотя местность Матвейкова нельзя назвать красивой, как троекуровскую, оно мне все-таки гораздо милей последнего. В Троекурове нет таких громадных густых лесов, которые тянутся верст 20 вплоть до самого Звенигорода, нет такой глуши, как там. Помню, бывало, как пойдешь лесом, какой-нибудь просекой: глушь, тишина, кажется, никого кроме тебя и на свете нет, только один ветер, подобно шуму далекого моря, шумит, пробегая по верхушкам дерев. Станешь. Прислушаешься. И даже как-то страшно станет от этой мертвой тишины. А с обеих сторон зеленые веселые березы протягивают свои черные гибкие ветви, усеянные светло-зелеными клейкими, недавно распустившимися листьями, и яркое солнце обливает их горячим золотым светом. И протянувшаяся просека манит своей зеленой глубиной туда, дальше в самую глубь леса. Или как хорошо, когда зайдешь в сосновый лес: словно часовые стоят прямые высокие, темно-зеленые сосны, раскинув свои зубчатые ветви, а под ногами зеленый мох расстилается как мягкий ковер.

Когда просился у мамы в Матвейково, я начал речь издалека: «Можно ли мне, мама, пойти погулять?» – «Иди!» – «Мне бы хотелось только подальше, как вот на 33 сходить пешком». – «Иди!» – «Только мне уж, мама, лучше оттуда по железной дороге приехать». – «Поезжай!» – «Знаете, мама, ведь так не стоит туда на один день идти, там уж так с неделю пожить надо». – «Живи!» – «Так, мама, я лучше уж и туда поеду?» – «Поезжай, только отстань!»

И вот, собрав свое белье и вещи в корзинку, отправился я на другой день утром на платформу. Мне не терпелось, и я пришел на станцию за 1 ½ часа до прихода поезда. От нечего делать начал я ходить по платформе и поглядывать по временам на часы. Скоро ли? Время тянется страшно долго. Но вот из-за [камня] леса показался легкий дымок и на горизонте ясно начал обрисовываться черный силуэт паровоза. Через несколько минут я летел в поезде.

IV

Я не стану описывать свой первый приезд к Ляминым. В деревне меня встретили как старого знакомого. Как я познакомился с Редер и как играл по целым дням в крокет с Соней. Вообще мой первый приезд не представляет ничего особенного. Начну со второго приезда. Я приехал с утренним поездом. Взвалив себе свой чемодан на плечи, я пошел по дороге. День был жаркий. Пот катился с меня градом. Тяжесть корзины казалась мне невыносимой. Я просто изнемогал. Но вот я пересек напролом кусты и увидал вдали пруд и дом. Когда я пришел, все обедали, и меня никто не заметил, как я пришел, но когда увидали, то поднялся страшный крик. Миша меня толкал, Люба кричала, все что-то говорили, словом, был кавардак ужасный, так что даже, когда я пришел к Редер поздороваться, то мне Любовь Павловна сказала: «Да, я слышала там крик, и мне Соня сказала, что это, наверное, Макс пришел». В этот вечер сюда должен был приехать Петр Петрович и Модест. Часов в 6 за ними посылали лошадь, но приехал один только Петр Петрович и сказал, что Модест приедет со следующим поездом, что его, должно быть, задержали на сенокосе. Мы решили, что Петр Пет<рович>, Люба, Леля, Саша и я пойдем его встречать.

После чаю под вечер мы отправились. Было уже темно, когда мы подходили к платформе. Поезд подошел. [Никого нет]. Модеста не было, и мы должны были возвращаться без него. Было совсем темно. Петр Петрович предложил нанять телегу. «Хотя только есть ли теперь в деревне лошади, их наверно угнали в ночное!» — сказала Леля. Но все-таки [я пошел] Петр Петрович и я пошли в деревню. Там нашли какого-то мужика. Он согласился везти за 1 рубль, потом сказал, что раньше чем через час лошадь не будет готова. Мы, конечно, не пожелали ждать столько времени и отправились пешком. Пришли домой в 11 часов ночи.

На другой день я проснулся совсем разочарованный. Я надеялся, что приедет Модест, и уже строил различные планы насчет нашего времяпрепровождения, а он не приехал. Я был огорчен и обижен на него. Я отказался идти в

лес с другими. И сел на террасе, читая Тургенева. Саша был также тут и курил. Мне было скучно, книга не читалась. Я положил книгу и стал смотреть на дорогу. Мне показалась какая-то человеческая фигура между деревьями. Я стал вглядываться, кто бы это такое? Фигура приближалась, и я узнал в ней Модеста. Я страшно обрадовался, скука моя прошла. Мы пошли с ним в лес отыскивать наших, но никого не нашли и воротились домой перед самым обедом. После обеда я, Саша и Модест собрались в Сашиной комнате и начали обсуждать, что бы нам такое предпринять сегодня. Модест предложил идти сегодня всем в деревню к Микитке на сеновал и там ночевать, чтобы не беспокоить других. В то время нас позвали гулять. Мы собирались идти в Дарьино по оврагу. И отправились – Леля, Люба, Марья Алексеевна, Петр Петрович, Модест, Саша и я.

В овраге в это время косили сено. Мы страшно дурачились. Я вез П<етра> П<етровича> на своей шее, и его ноги волочились по земле. Затем я с Модестом устроили из рук носилки и посадили его туда, а Саша взял его за ноги. И так мы потащили его галопом, пока не уронили. Затем мы взялись грести сено, гребли. И вообще, когда мы дошли до Таганьковской дороги, то оказалось, что уже пора идти домой. В 7 вечера мы пили чай.

⟨ЗАПИСЬ РАЗГОВОРА С К.Д. БАЛЬМОНТОМ⟩

— Бальмонт, в твоих рассказах достоинства большого писателя, но недостатки гимназиста, пишущего свои первый рассказ для школьного журнала.

— Ты прав. Я себя чувствую гимназистом. Мне хочется приплясывать...

Он говорит это на ходу, оборачивая мне через плечо радостное ласковое лицо.

— Это совершенно бесполезно. Но если тебе хочется, я выскажу несколько догматических замечаний. Ты относишься к языку как испанец. Ты говоришь много слов. Ты не заботишься, чтобы каждое было точно. Ты говоришь приблизительные слова. Тот рассказ, что ты прочитал «Ливерпуль» это только черновик. Теперь над этим надо работать. Каждой фразе дать ее лицо...

— Но ведь ты знаешь, я не могу работать. Я не могу, как Брюсов, взять лист чистой бумаги и начинать покрывать его поправками. Эту часть работы я делаю в уме. Я знаю, ты упрекал меня в этом же за стихи. И цитировал слова Гёте о самоограничении. Но у меня это есть. Есть столько стихотворений, которых я не написал.

— Да, да... ты мне хвастался уже тем, что ты самоограничиваешься тем, что ты не написал.

— Нет, я говорю о тех стихотворениях, что уже сложились, но не были записаны и потерялись.

Мы говорим это, садясь в Метро. Мы едем к Виттиху.

— У меня потребность, — говорит Б., — хотя бы раз в день проехать здесь по метро.

Когда мы проезжаем над Сеной: лязг колес заглушает нашу беседу. Бальмонт смотрит на меня, сияя ласковой радостью:

«Ты знаешь, мне очень грустно, что ты уезжаешь. Я вчера еще говорил Нюше. Я чувствую, что еще не успел удовлетвориться твоим обществом. И мне казалось, что я тебя еще долго буду видеть. Нет, правда – весна без тебя...»

Мы выходим на станции «Pasteur» и возобновляем разговор о рассказе.

– Ну, вот, если хочешь, разберем детально хотя бы самое начало. Ты говоришь, что хотел противупоставить картину красивой Англии ужасу русского городка. Но ты не даешь картины. Ты бросаешь несколько имен – Виндзор, Оксфорд, Варвик... Ты говоришь о белых павлинах в Варвике.

– И о прахе Шекспира в Стратфорде.

– Но это клише. Единственный образ это белые павлины. Но я вспоминаю, что Варвик построен как все старые замки Англии XIV, XV вв. из красно-бурого кирпича. Я помню по какой-то фотографии, что перед ним большое озеро. Все это вместе с белыми павлинами дает мне картину, но ее нет у тебя. Что могут дать русскому читателю эти несколько брошенных тобою имен?

– Именно мне хотелось дать в этих именах русскому провинциалу нечто манящее, неведомое. Этот рокочущий звук Варвик... Стратфорд... Я помню, когда я был еще в гимназии...

– Бальмонт, но это ты, а совсем не русский провинциал.

Так подходим мы к мастерской Виттиха. Он работает один.

– А Ваша модель?

– Она была сегодня до 12.

Б. сразу приходит в неприятное расположение духа. Мы смотрим на памятник Шопена. Потом быстро уходим.

«Нет, я люблю его вещи. В его позах есть нежность и строгость. Та женщина мне не нравится. Она может напоминать мне тех, про которых ты рассказывал мне на том Балу. "Les gendarmes de Volupté"* это должно остаться как термин».

В это время мы проходим мимо решеток Пастеровского института. Я вспоминаю, как год тому назад старались ус-

* «Жандармы сладострастия» (*фр.*).

троить свидание Бальмонта с Мечниковым, и Бальмонт по своему роковому свойству не являлся ни на одно свидание. Я предлагаю ему зайти сейчас же к Мечникову. Он, к удивлению, соглашается охотно и радостно.

Мы поднимаемся по железным лестницам и по длинным точно больничным коридорам, пахнущим карболкой, в кабинет Мечникова. Против его кабинета открыта дверь в лабораторию, и мы видим человека, который у самой двери плавит стекло и вытягивает его в тонкую нить черного вампира, который грузно шевелится, вися вверх ногами в тесной клетке.

Нас вводят в кабинет. В дверях мы сталкиваемся с высоким и элегантным д<окто>ром Соломоном, который продолжает опыты Мечникова над сифилисом.

Илья Ильич сидит спиной к свету, так что его голова рисуется в три четверти тонкой и четкой световой линией: его четкий узлистый большой лоб, острые испытующие глаза, проницательный тонкий нос и рот с подстриженными усами — твердой, прямой линией. По всему лицу его, когда он говорит, бежит легкий трепет, как легкая рябь волны с поминутно вспыхивающими отраженными лучами солнца.

После вступительных фраз вежливости, Бальмонт говорит:

«Мне бы хотелось спросить Вас несколько слов о “луэсе”».

Мечников, не верно поняв его, с любезной готовностью, указывая на соседний кабинет и указывая себе рукой неловко и наивно на ноги, говорит: «Вы хотите, может быть, чтобы Вас осмотрели. Вот мой помощник».

Бальмонт торопливо перебивает его:

— Нет, мне бы хотелось попросить Вас указать мне нечто по литературе предмета, именно по истории сифилиса. Меня интересует Американская гипотеза происхождения.

Мечников говорит о том, что американ<ская> теория происхожд<ения> сифилиса теперь находит все больше и больше подтвер<ждения>. «Вот может это Вам будет интересно. Позвольте мне дать Вам эту книжку» — и с готовностью достает с полки латинскую поэму XVI века о сифилисе.

Предохран<иться> от сифилиса всегда можно. Теперь, когда мы нашли это средство, в которое входит 30% каломеля. Но и раньше. Я Вам берусь употребить больную женщину без всякой опасности заразиться. Но только не следует целовать. Поцелуй гораздо опаснее, чем совокупление.

Потом он говорит о том, какое возбуждающее действие имеет сифилитический яд пред общим параличом. Приводит примеры Ницше, Пастера, своего брата.

Потом разговор о весне, о запахе.

Меня интересует состояние духа Бальмонта. Но все благополучно. Он выходит очарованный его лицом и словами.

– Только ученый и ребенок могут так говорить – ты заметил этот наивно-бесстыдный жест рукой. И потом этот неловкий язык шестидесятника. Когда он говорил такие слова о женщине, которые мы бы не решились употребить. И то, как он сказал как о научном объекте? «Я Вам готов... женщину». И мне понравилось, что он не боится совокупиться, но поцелуй считает очень опасным.

Бальмонт теперь со своими длинными волосами и тонкой бородкой напоминает вандейковского Карла I. Даже в фигуре есть нечто общее.

Когда только вечером он читал свой новый рассказ, я вслушивался в его голос. Его голос самое красивое, что в нем есть. Он нежен, он полон ласки и оттенков. В нем едва уловимое грассирование. Он влюбленно произносит некоторые согласные звуки. Он выговаривает все звуки четко и нежно. Его гласные звучат как струны, но не поют. Его согласные слегка тянутся, некоторые звучат мягко и твердо как мягкие удары о кусок толсто<го> старого очень сухого дерева. Он умеет обрывать звук, но без толчка и неожиданности.

Он весь в оттенках голоса и за голос его можно полюбить. Самые слабые из его строф звучат полно и красиво в его голосе. Слыша их так звучащими, он б<ыть> м<ожет> поэтому становит<ся> часто столь небрежен к ним.

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Земля наша – велика и обильна. А порядка в ней нет и не было.

Третий год войны. Десять мильонов мобилизованных.

Нет ни снарядов, ни ружей: [одно мясо], а пушечного мяса сколько угодно.

Его вялят в казармах, оно слоняется по бульварам,

Лузгает семечки, играет на гармонике.

Через день сменяют министров. Убили Гришку Распутина. Спустили под лед.

Ждут ответственного министерства или дворцового [революции] переворота.

В хвостах у лавок ждут Революции.

В феврале началось. Думали – Революция – ан солдатский бунт.

Убивали городовых, гордились «бескровной революцией».

В три дня покончили с царем и самодержавием.

(Чтобы ликвидировать империю, понадобится семь месяцев).

Первое марта. [Москва] Отречение царя от престола. Конец Дома Романовых.

Москва. Салтыковский переулок. Егор Егорыч Егоров.

Старик с голубыми глазами: Рубаха навыпуск. Сапоги бутылками.

Показывает старинные иконы: золото, чернель и киноварь:

«Это новгородские. – Вот Строгановского письма, а вот Московского.

Ну, а эти не стоит смотреть: «новенькие – времен Алексея Михайловича».

[Вот она – Русь, для которой и первые Романовы – новшество]

На Красной Площади – парад: Торжество Революции.

Народу видимо-невидимо: в красных бантах, с красными знаменам<и>.

На плакатах надписи: «Без аннексий и контрибуций!»

А по папертям, у Спасских ворот и у Лобного места:

Поют перехожие слепцы голосами старинными

Стихи об Алексее человеке Божьем да о Голубиной книге.

Заунывное пение – дивное, благостное и пустынное.

И куда-то провалились и парад, и плакат, и ораторы.

Остались только старые стены кремлевские,

Собор Покрова, Лобное место, да по всей по Красной по площади

Над черной московской толпой проступила алыми пятнами

Жаркая кровь кумачей. Это кровь всея Руси,

Здесь пролитая, выступила из-под старых камней

И кличет свежую кровь. Горе Московской земле:

Кровавой и [страшной] долгой будет Великая Разруха.

Царское Село. Царь – в Могилеве. Царица с больными детьми.

Приехал Корнилов от Временного правительства с приказом <о> домашнем аресте.

Злится, волнуется, бумага дрожит в руках: она отвечает спокойно:

«Я рада, что с этим приказом посланы вы – генерал.

Ибо Вы знаете лучше других, что значит лишение свободы».

<*нрзб*>, царственность, жест – совсем Мария-Антуанетта.

В тот же день беседа с глазу на глаз: «Уезжайте

Вместе с детьми в Швецию». – «Граф, вы сами не понимаете о чем вы просите... Разве я могу оставить Россию?»

Даже людей не надо, а только это.

(Жест в окно на зимний пейзаж Царскосельского парка).

«Вы [никогда не] не знаете, что значит терять свою родину. Я ее раз потеряла.

Этого нельзя пережить дважды в жизни».

Сложная тайна души несчастной Алисы Гессенской:

Последней русской царицы. Из лютеранской семьи –

Страстно религиозной и честной. Принятие православия.

Было надрывом, но принявши – поверила.

Душа стосковалась в голых стенах протестантского храма.

Поверила и в святых, и в мощей, в калек, в богомолок, в юродивых,

В весь древнерусский торжественный чин православия,

Как не верил никто со времен царицы Марии Ильиничны.

Двор был в ссоре с дворянством. Ненавидел интеллект.

«Мы с народом. И народ нас понимает».

В ЧК. Палач – джентельмен. Очень вежливый.

Родом латыш. Слегка заикается.

Все делает собственноручно без помощников.

Если пациент протестует и начинает разговаривать,

Он отвечает: «Простите, товарищ, мне некогда.

Будьте добры [сами станьте к стене] разденьтесь и лягте.

Я Вас сперва разменяю, а потом вы будете разговаривать».

На площадке, где расстреливают, висит объявление
От Здравотдела: «Не целуйте детей:
Поцелуи – первоисточник заразы».

Иногда напивался и говорил сестре милосердия:
[Ох, Сестрица, лезут... Кто лезет? – «Казненные».]
– «Ох, лезут, лезут, Сестрица, лезут из-под земли».

Очень аккуратен, корректен и тверд в убеждениях.

«Судья не имеет права затруднять других исполнением приговора».

Сам обходит лежащих носом в землю, со связанными на спине руками,

И каждому аккуратно пускает пулю в затылок.

Пытать не пытают: но сделают все приготовления для казни.

Дадут полежать. Потом скажут: «Ну, одевайтесь,

Расстрел отложен на завтра. А пока вас нужно еще раз допросить».

«Вошь есть главный враг советской Республики».

На станции стоит сгоревший санитарный поезд.
Черные скелеты корчатся в обугленных клетках,
А около поезда гуляют мещанки в ярких ситцах,
Лузгают семечки и говорят о ценах на хлеб.

«При взятии Перекопа погибло полтораста тысяч...

И все это темные крестьяне, совершенно бессознательный элемент:

Они даже не знали, за какое великое дело гибнут...

Заказ 3692

Какое геройство, товарищи! Какое служение Интерна-цио<на>лу».

Калмыки поднялись и побежали на [Кавказ] юг целым племенем.

Голодали, сося кукурузные охвостья и ремни от седел.

Сами топили жен, лошадей и детей в Черном море,

Погрузились на транспорты и были добиты в Крыму.

Командарм, путешествуя в спальном вагоне, говорит литератору:

— «Я занят идеей об освобождении земли... от законов всемирного тяготения.

Мы обратим ее в междупланетный корабль. Но ранее выправим ось.

Полюсы переведем на экватор. На полюсе создадим социальную республику».

«Я, товарищ, моей супруге сшил туалетов на много лет.

Нельзя же ей будет так показаться, когда революция кончится:

Мы ведь теперь новую буржуазию образовываем».

Откройте, товарищи, — прифронтовая Чрезвычайная Комиссия!

Разве вам неизвестно, что по случаю осадного положения

Евпаторийским Советом Солдатских и рабочих депутатов

Воспрещается спать с бабами. А ежели у вас в постели

Я нахожу барышню, значит вы — контрреволюционер.

На стене виссла отчаянная прокламация:

«Товарищи! Спасайте анархию: Анархия в опасности».

На следующий день на том же месте другое объявление:

«Революционные танц-классы для пролетариата со спиртными напитками».

Буржуазная семья, сохранившая даже женскую прислугу.

Ночью стук . «Отворите!» – «Кто там?»

– «Главкозап!» (Главнокомандующий Западным фронтом).

«Сию минуту. Что Вам угодно, Товарищ?» – «Что, Дуня дома?»

Выстроились по росту. У каждого две винтовки. У пояса алимент.

Черное знамя через всю площадь: «Террористы-анархисты».

Вид свирепый и добрый. Спрашиваю у правофлангового:

«Вы не немцы?» – «O, ja. Wir sind die Freunde!»*

«Теперь анархистам очень хорошо платят!»

Бывший адъютант Его Императорского Величества.

Сидел у индусских иогов в каменном мешке два года.

Был приятель с Филиппом. Повздорил с Распутиным,

В последний раз воплощался в одиннадцатом веке.

Морфинист. Лечит внушением. Ухаживает за барышнями.

---

* «О, да. Мы друзья!» (*нем.*).

<ЗАПИСЬ В «ЧУКОККАЛЕ»>

Из путешествия Одесса – Евпатория с 3-мя матросами на лодке в 1919 году:

...«А как Вы, товарищ Волошин, здорово буржуя представляете! Совсем похоже!..»

Евпатория. Растление нравов после опасного перехода: водка, сало, гитара, гармоника, три барышни.

– ...Товарищ Волошин, пожалуйте к нам.

Ночью стук в соседнюю дверь.

– Кто там?

– Отворите, товарищ, – прифронтовая контр-разведка.

– Что Вам угодно?

– Разве, товарищ, Вам неизвестно, что Евпаторийским Советом Солд<атских> и Раб<очих> депутатов по случаю осадного положения запрещено спать с бабами?

«Позвольте, товарищ, мы сами из Одесской Красной Контр. Разведки. Никаких таких постановлений не знаем».

– Извините, товарищ, раз такое постановление состоялось и я у Вас в постели нахожу бабу – значит Вы контрреволюционер.

1918 г. Прокламация в Феодосии:

«Товарищи! Анархия в опасности. Спасайте анархию!»

На следующий день она заклеена афишей:

«Революционные танц-классы для пролетариата со спиртными напитками».

М. В.

<В. БРЮСОВ. ВОСПОМИНАНИЯ. ФРАГМЕНТЫ>

Брюсов

Первые воспоминания о Брюсове – анекдоты: «Русские символисты» и шумиха, поднятая вокруг этой книги. Имя Брюсова неразделимо с именем Емельянова-Коханского – автора книги стихов, называвшейся «Королева Ма» и посвященной царице Клеопатре и Мне. Секрет этого посвящения был в том, что Мне – это был дательный падеж не от Я, а дательный падеж от египетского бога по имени Мна. Такими загадками любили забавляться молодые поэты того времени (начала 90-х годов) «pour épater les bourgeois»,* как позже футуристы.

Серьезное отношение к Брюсову-поэту возникает с «Tertia Vigilia». Не помню, когда и через кого я узнал некоторые стихи из этой книги, написанные тяжеловатым, но пленяющим и новым для того времени размером. Помню, как, возвращаясь из своей ташкентской ссылки в Европу, я повторял машинально про себя:

Если бы к Вам я прибыл,
Вы, – мои отдаленные предки –
Вы собратом гордиться могли бы,
Оценили бы взор мой меткий

И еще, до сих пор пленительные:

Со мною, любимые книги
Мне поет мой любимый размер –
О я знаю, как сладки вериги
В глубине пешеходных пещер...

Я уезжал из России в Париж, и эти стихи сопровождали меня упорно и далеко. Это было мое прощание с родиной.

* «чтобы ошеломить обывателя» (*фр.*).

В Париже я познакомился с современными франц<узскими> поэтами. Встречался с Бальмонтом, который меня ослепил и пленил, а в 1903 году поехал в Россию в СПб., снабженный пачкой рекомендательных писем ко всем представителям тогдашней молодой литературы. Брюсову я был заранее рекомендован Бальмонтом. В первый раз видел Брюсова на очередном собрании Религиозно-Философ<ского> Общ<ества>. Оно меня очень поразило: «*Этого* в Париже совсем нет».

Брюсов

Первая наша встреча с Брюсовым состоялась в редакции Нового Пути. Это была обширная редакционная комната без особого назначения. Посередине комнаты стоял широкий письменный стол, доступный со всех четырех сторон.

В этой неуютной комнате, небрежно подметенной, в которую ежеминутно врывались разные лица и которой В. Бр<юсов> располагал, очевидно, в качестве секретаря редакции, каковым он был некоторое время в начале журнала, мы имели первую аудиэнцию. После нескольких обычных вопросов Бр<юсов> предложил мне «познакомиться ближе», т. е. прочесть друг другу несколько своих стихов. Я с удовольствием сейчас же начал читать ему «Железную Дорогу», стихотворение, с которым я тогда приехал в Россию и на успех которого рассчитывал как на рекомендацию <?>. Едва я прочел первые строфы – нас перервали. Брюсов извинился очень корректно и исчез из комнаты. Он вернулся минут через 10 и, заняв против меня свое место, прочел мне наизусть те стихи, что я ему успел прочесть. Это была его манера, – что при его необычайной памяти на стихи, удавалось ему необычайно, как доказательство, что он слушал внимательно и принес <?> все свое внимание. – Продолжайте, пожалуйста. – Я ему дочел стихотворение. Он похвалил. А впоследствии рассказывал: «Ко<г>д<а> ко мне пришел Волошин, я был очень занят. Но когда он начал читать стихи, я понял, что все можно отложить, а стихи надо прослушать. Что из текущего – это самое главное».

В. Брюсов

Впервые я увидел Валерия Брюсова в январе 1903 г. в СПб. на заседании Рел<игиозно>-Фил<ософского> Общества. Я только что приехал в Россию после нескольких лет пребывания в Париже.

Петербург и русская жизнь меня поразили. На залу заседания Рел<игиозно>-Фил<ософского> Общества я смотрел глазами иностранца. Я знакомился тогда с русскими писателями и Петербургом. Темы разговоров и стиль беседы мне казались непривычными и страшно новыми. Читался доклад В.В. Розанова на тему о возможности творчества в области церковных догматов. Читал доклад не Розанов, который никогда публично не говорил, а читал Мережковский по его рукописи. Нервный, женский и высокий голос Мережковского, трагический, шишковатый лоб В.В. Розанова, который он молча и нервно охватывал узлистыми пальцами, прикрывая глаза, бледные и испитые лица петербургских литераторов вперемежку с черными клобуками монахов; огромные седые бороды и живописные головы священников, лиловые и коричневые рясы; острый трепет веры и ненависти, проносившейся над собранием — все это рождало смутное представление о раскольничьем соборе XVII в.

Среди этой толпы, в которой каждая фигура казалась страницей истории, меня поразило лицо молодого человека, мне неизвестного. Он не принимал никакого участия в прениях, стоял, скрестив руки и подняв лицо. На нем был застегнут плотно и узко плохо сидевший сюртук (по-семинарски — подумал я). Волосы и борода были черны, лицо очень бледно с неправильно убегающими округлостями и кривизнами. Лоб округлен по-кошачьи. Останавливали внимание глаза, нарисованные на этом гладком лице черной ровной каймой, как у деревянной куклы. Потом, когда становилось понятно их выражение, то казалось, ресницы обожжены их собственным огнем.

Из низкого, стоячего воротника с трафаретным черным галстухом шея торчала деревянно и прямо. Когда он улыбался, то оскаливались большие зубы, и лицо станови-

лось яростным, звериным, рысьим. Подумалось: «вот лицо изувера, исступленного и раскольника, как оно вяжется с этой обстановкой».

На другой день я встретился с ним в редакции «Нового Пути» и узнал, что это Валерий Брюсов. Как можно ошибаться в лицах — подумал я, когда заметил, что это лицо может быть и красивым и нежным и грустным. Как мог я находить его подходящим к той обстановке, подумал я, поняв, что если там был человек, — наиболее чуждый тому, что говорилось и волновало, — то конечно это — Брюсов.

Сублимируя тогда религиозно-философское собрание в картину раскольничьего собрания — я искал на лицах отблеска страсти, веры, исступленности.

Теперь я думаю, что мое первое впечатление далеко не было так неверно. У Брюсова было лицо человека, затаившего в себе великую страсть. Это она обуглила его ресницы и брови, очертила белки глаз, заострила уши, стянула сюртук, вытянула шею и сделала хищною его улыбку. Та же страсть в тончайшие звоны одела его грубый от природы стих, металлическую точность дала его словам, четкую ясность внесла в его мысль и глубину прозрения в его творчество. Страсть изваяла его как поэта, та опасная страсть, которая двигала Наполеонами и римскими завоевателями, — воля к власти.

Брюсов не поэт-чародей, который прикосновением своего жезла преображает и заставляет звучать вещи, как Бальмонт; не поэт-иерофант, ведающий тайны откровения древние и новые, но лишь немногих допускающий в свое святилище, как Вячеслав Иванов; не поэт-мечтатель, от которого мир заслонен скользящими очертаниями его собственной грезы, как Блок; — Брюсов — поэт-завоеватель, создатель империи, установитель законов и пограничных знаков.

Наша встреча состоялась на другой день в редакции «Новый Путь», в которой Брюсов, по каким-то политическим соображениям, должен был быть секратарем редакции и для этого приезжал в Петербург из Москвы.

Мы встретились в большой необставленной комнате, с большим столом посередине неизвестного назначения.

В комнату поминутно входили и выходили люди, что делало нашу беседу краткой и отрывистой. У меня было для него письмо от Бальмонта, с которым я уже подружился в Париже.

«Я Вас знаю хорошо по рассказам Бальмонта», – сказал Брюсов со свойственной ему корректностью и любезностью.

Через 5 минут он мне предложил прочесть ему свои стихи, чтобы скорей познакомиться. Я ему начал читать свое стихотворение «В вагоне», написанное за год перед этим, но не успел я прочесть десяти строк, как Брюсова вызвали в соседнюю комнату по какому-то редакционному делу. Через некоторое время он вернулся и, извинившись на невольный перерыв, прочел мне наизусть начальные строфы моего стихотворения, чтобы показать, что он слушал меня внимательно, и попросил продолжать дальше. Стихотворение это он слышал в первый раз, оно нигде не было напечатано, и с его стороны это был стихотворный фокус его колоссальной памяти, которым он хотел ободрить молодого поэта.

«Когда ко мне пришел Волошин в перый раз, – рассказывал он потом Бальмонту, – я был страшно занят, и у меня не было совершенно времени для разговора с ним, но когда он начал читать мне свои стихи, я сразу понял, что все дела можно свободно отложить».

В Петербурге это была наша первая и единственная встреча, после мы уже виделись в Москве.

В эту зиму литературная молодежь обычно встречалась у Брюсова в старом фамильном доме на Цветном бульваре. Дом этот, очевидно, принадлежавший родителям Брюсова, находился на противоположной стороне, супротив тогдашних цирков Саломоновского и Никитина, на самой периферии московской «Субурры», описанной в рассказе А. Чехова «Припадок». Дом носил московский купеческий характер. Здесь, в небольшой белой столовой, рядом с гостиной, уставленной цветочными горшками, где «лопасти латаний рисовались на эмалевой стене» высокой изразцовой печки, собиралась у Валерия Яковлевича, в зиму, предшествующую основанию «Весов», московская поэтическая молодежь того

времени. За чайным столом читали по очереди свои стихи и выслушивали критические замечания хозяина. Разговоры Брюсова, который в это время собирал материаля для «Огненного Ангела», были сухи, богаты, остры, осведомлены и часто вращались около оккультных тем. Его интерес к оккультизму был не только книжный. Незадолго до этого он сам, по-видимому, пережил оккультный роман.

«Меня интересовало, – рассказывал он, – как спиритические духи, т. е. те существа, с которыми мы разговариваем на спиритических сеансах, сами относятся к нам, как они видят и принимают человеческий мир. Я иногда ставил им вопрос об этом и получал ответы очень неожиданные:

– Так, как будто огонек в поле и около него тени.

В виде огонька они, значит, видят спиритический столик. Я пробовал спрашивать:

– А сколько же нас сидит около огонька?

Но у них не было явно ни восприятия лиц, ни числа. Ответы были самые противоречивые и разные:

– Один, пять – толпа...

Считать они совсем не умели. Мы занимались обыкновенно вдвоем с Лангом (Миропольским. Поэма которого «Лествица» напечатана «Скорпионом»). Постепенно у нас составился круг знакомцев, которые с нами беседовали. В этом круге сущностей они являли свои виды и планы на нас – и мы им в чем-то должны были помочь. В чем, так и осталось для меня неясным. Они начали нами руководить и давали нам ряд указаний и формул, носивших характер чисто магический, который часто трудно было исполнить. По смыслу их требований, необходимо было иметь в своем распоряжении обширное пустопорожнее место. Требование, которое трудно было осуществить в условиях городской жизни. Мне показалось, что этому мог бы удовлетворить большой чердак недостроенного дома. Я подал эту мысль, и они одобрили. У меня был на примете такой четырехэтажный, строящийся дом, хозяин которого был знакомым моей семьи. Я отправился к нему просить разрешения, и тут случилась первая странность. Этот человек, уже не молодой и почтенный, принял меня в отдельной комнате, и когда я ему

изложил все мое дело, и он поднялся со стула, чтобы ответить мне, — он вдруг упал — у него был удар и паралич языка. Ответа я так и не получил.

В другой раз все уже было устроено и разрешение получено — я ждал только Ланга, чтобы идти туда, он должен был зайти за мной. Но он не пришел ко мне, и сеанс не состоялся. Потом выяснилась вещь еще более странная:

Когда он шел по Цветному бульвару, какой-то прохожий, поровнявшись с ним, ударил его по голове тяжелым кирпичом, завернутым в клетчатый платок. Он потерял сознание и очнулся толко через два часа в аптеке, куда его отнесли. Так и второй раз наш сеанс не состоялся.

Лишь по третьему разу нам удалось его устроить. Я расставил светильники, как нам было указано, начертил знаки и круг, но когда начал произносить заклинания, то рядом с нами упала тяжесть в несколько десятков тысяч пудов. Светильники наши были разбиты вдребезги и погасли, не понимаю, как чердачные балки вынесли этот удар и как мы сами не пострадали. Очевидно, я сам недостаточно тщательно замкнул круг или сдвинул один из светильников. Словом, эксперимент был неудачен, и наше общение с этой группой духов этим кончилось. Никто из них на сеансах с нами больше не разговаривал. Мы старались узнать о их судьбе, расспрашивая других духов, но ответы были странные, мало понятные. Нам отвечали:

— Их нет, они заперты, — и раз даже — они умерли».

В конце десятых годов очагом литературного горения была «башня» Вяч. Иванова. Это был большой дом на углу Тверской и Таврической над самым зданием Государ<ственной> Думы. Дом этот выходил на угол круглой башней, самый верх которой был часть квартиры Вячеслава Иванова. Здесь в период литературного расцвета, начавшегося в СПб. после 1905 года, собирался «весь Петербург». Здесь читались первые стихи С. Городецкого, Кузмина, Гумилева, и шли споры и дебаты о мифотворчестве, о мистическом анархизме. Я узнал «башню» и этот круг

поэтов в 1907 г., приехав из Москвы. К концу 80-х годов в рус<ской> поэзии наступило полное истощение. Все стихи, что появлялись в ту эпоху в «толстых» литературных журналах и подписанные именами Гербановского, Лелечкина, Голикова и др., знам<енуют?> поэтов той эпохи. Пушкинский стих умирал в Фете, который еще был жив и внимательно следил за всем новым, что появлялось в поэзии. Но он так и не дождался появления символистов. Стихи Бальмонта так и не дошли до него, но «Вечерние огни» Фета были последним аккордом пушкинс<кого> стиха, прозвучавшим в те сумеречные и глухие часы.

Когда появились символисты? Об них я прочел впервые в статье Н.К. Михайловского. Пристрастной, односторонней, чисто газетной статье, но от которой впервые я узнал имена Малларме, Верлена, Рембо, Метерлинка. Ряд имен, которые потом стали священными знаменами, и потому к статье Михайловского у меня, как и у многих поэтов моего поколения, осталось напряженно неприязненное чувство какого-то сознательного обмана, почти подлога. Статья Михайловского «Франц<узские> символисты» поссорила в ту эпоху с ним литературную молодежь, это было острое личное оскорбление, которое не забывалось долго и сказалось долго спустя в исступленных стихах Бальмонта, где он называет Мих<айловского> «жандармом мысли». Для поколения символистов Мих<айловский> соединил в своем лице всю тупую и косную критику, которая была так долго и упорно несправедлива и глуха к молодым той эпохи.

Во все времена у поэтов есть потребность сходиться, чтобы читать друг другу свои стихи. Отсюда литературные салоны. Но в рус<ской> жизни нет Салонов. Соединяются обычно у кого-нибудь из старших товарищей. Такими старшими для моего поколения были Бальмонт, Брюсов, Вячесл<ав> Иванов.

У Бальмонта собирались в 1904 г. в Вагантьев<с>ком переу<лке>, у Брюсова на Цветном бульваре. Бальм<онт> бывал в Москве временно. У Брюсова был старый родительский полукупеческий дом, где чувствовались гнездо и закваска. Была кафельная изразцовая печка и против нее

комнатн<ые> («Лопасти латаний на эмалевой стене»). Здесь бывала молодежь, к которой Бр<юсов> всегда име<л> тяготение. Начиная с молодых, уже печатавшихся в «Скорпионе», как А. Белый, и <кончая> совсем юными гимназистами, еще нигде не печатавшимися, как Виктор Гофман.

В марте 1924 г., приехав в Москву в первый раз с начала революции (весна 1917), я зашел к Бр<юсову>. Об нем ходили худые слухи. Мнения были как всегда – враждебные. Говорилось о его «чиновничестве», «коммунизме». Говорили, что ему никто не подает руки. Все это было подновлено недавним его юбилеем. Рассказывали, что кто-то из его новых политическихдрузей сказал всвоей речи: «Вы, В.Я., осуществили вполне священный завет Некрасова:

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан...»

Со злорадством рассказывали, что он ожидал, что ему будет поднесен титул русского народного поэта, и ему поднесли действительно звание «народного поэта», но армянского. Что он сам в ответной речи назвал свой коммунизм возвращением в отчий дом, рассказывал, что над его колыбелью висел портрет Чернышевского, что он сидел на коленях у Ник. Морозова, что он прозозгласил тост за Писарева «в 1924 г...»

Я не очень хотел его видеть. Наши пути давно разошлись. Я не был с ним в ссоре. Между нами скорее установилось какое-то «недоброжелательное равнодушие», как кажется с большинством друзей по молодости. Но мне все же хотелось его видеть, чтобы своими глазами увидать, кто он теперь.

Он встретил меня приветливо и дружески журил, что я так долго не шел к нему:

– Забываете старых друзей... Уже две недели в Москве... До сих пор не зашли.

Когда я обронил слова о его коммунизме:

– Какое это имеет значение?..

В соседней комнате кто-то зашевелился:

«Коля! Коля! Пойди сюда... Это мой племянник...»

Вошел мальчик лет 10.

– Стань здесь и посмотри на этого человека. Запомни: сегодня ты видел Максимилиана Волошина – ступай.

<Брюсов в Коктебеле. Август 1924 г.>

В. Брюсов.

...Каков Б<рюсов> на лоне природы?

Ад<алис>. Очень оживлен. Ходит с тросточкой. Лазит по деревьям...

Первое утро приезда.

Б<рюсов> у окна. В рубашке без воротничка. С седой бородкой. С совсем темными окуренными усами. С поредевшим, обнажившим<ся>, очень скругленным черепом, с потемневшими, беспокойными больными глазами.

– Нет, в Алупке есть большие пальмы. Настолько, что на них можно влезть...

Он делает несколько цепких обезьяньих движений руками, точно лезет на дерево.*

Марс подымался из моря. Крупный, тихий, налитой красноватым светом.

Это были числа наибольшей близости Марса к Земле.

Мы ходили по темной дороге вдоль дома.

Б<рюсов>: «В детстве я мечтал о трех вещах: о том, как человек полетит... О том, как будут разговаривать на расстоянии, и междупланетных сообщениях. Мне удалось при жизни увидать осуществленными и воздухоплавание и радио. Кто знает, быть может и третья моя мечта осуществится.

Только раз в 2 ½ тыс<ячи> лет Марс подходит так близко к земле. И если на Марсе есть жизнь и тамошняя наука

---

* *Помета на полях:* О смерти Пол<иксены> Сол<овьевой>

стоит выше нашей, то именно теперь должна быть сделана попытка сообщения с землею. Именно сейчас должны быть поданы сигналы, выброшены < >,* кинуты волны... Через 2–3 месяца – мы узнаем...»

Он умер спустя месяц после этого разговора.

Бр<юсов> о коммунизме.

Каким образом Вы стали коммунистом?

Бр<юсов>. «Вы ведь знаете мою симпатию к Риму, к империи, к власти... Из всех политических партий в России только коммунисты удовлетворяли этому порядку моих симпатий. Во время Октябрьского переворота я заведывал Книжной Палатой. Учреждение нейтральное, полезное при всех режимах. После переворота мы продолжали свое дело. О нас забыли, или, вернее, и не знали о нашем существовании. Целый месяц мы существовали вне государства. Но потом, когда пришло время получать жалование, нам пришлось самим напомнить о своем существовании. Т<аким> обр<азом> я оказался на службе у большевиков естественно, без всяких забастовок.

Что же касается моей «партийности», то это произошло так: я однажды в одной беседе с Анатолием Василь<евичем> высказал ему, что я вообще принимаю доктрину Маркса, так же как принимаю дарвинизм, конечно со всеми поправками к нему. Это<т> чисто теоретический разговор Ан<атолий> Вас<ильевич> счел нужным понять как мое желание вступить в партию и сделал туда соответствующее заявление. Об этом я узнал только получивши из партии официальное согласие на принятие меня в члены.

Вы понимаете, что при таких обстоятельствах отказаться было для меня равносильно стать в активно враждебные отношения. Это в мои расчеты не входило. И в то же время не было ничего, что бы меня сильно удерживало от входа в партию.

Таким образом я оказался записанным в члены К.П. Но я исполнял лишь минимум того, что от меня требовалось, и

* *В автографе оставлено место для слова.*

бывал только на необходимейших собраниях. Три раза я уже подвергался чистке и три раза меня восстанавливали снова в правах без всяких ходатайств с моей стороны. В настоящее время партийный билет у меня снова отобран, и я вовсе не уверен, буду ли я восстановлен на этот раз...»

(Мне осталось неизвестным, был ли он восстановлен в правах члена партии месяц спустя во время торжествен<ных> похорон, на которых столько говорилось о его коммунизме).

Адалис вызвала спешно Марусю.

– Вы знаете, что В.Я. очень нравится в Коктебеле и он говорит, что раньше в России была Ясная Поляна, а теперь есть Коктебель. Разница в том, что в Ясн<ую> Пол<яну> все ездили исповедоваться, а в Кокт<ебель> приезжают работать.

Бр<юсов> мне говорил:

– Я думаю, что в настоящую минуту Коктебель является единственным литерат<урным> центром в России. Я здесь имею возможность два раза в день вести беседу с такими интересными людьми, и при том интересными в настолько разнообразных специальностях, что я, напр<имер>, в Москве не могу позволить себе ежедневно такой роскоши. Я могу перевидать столько людей в разных местах в течение недели, месяца, могу собрать у себя раз в год на именины своих друзей, но иметь постоянно вокруг себя такой круг и вести настолько интересные и содержательные беседы – я не имею возможности.

В другой раз:

– Меня удивляет высокий уровень той публики, что у Вас собирается. Я не говорю про поэтов, ученых, а вот про тех 50–60 человек, которые обычно составляют нашу аудиторию. Ведь это в сущности та средняя публика, которая собиралась когда-то в Худ<ожественном> кр<ужке>, в «Эстетике». Но публики настолько высокого худож<ественного> уровня мне в России еще не приходилось встречать.

Возьмите наши поэтические состязания: написанные вещи подвергались тройному голос<ов>анию: избранного жюри, самих поэтов и всей присутствующей публики. И каждый раз результаты голосования совпадали. На мой взгляд, это явление в России небывалое.

Или, например, наши игры в цитаты... По существу такая игра мож<ет> быть интересна только для специалистов, и не литературы вообще, а только поэзии. А между тем – я нарочно наблюдал за публикой – никто из них не покинул террасы до самого конца игры, которая затягивалась иногда до часу ночи. И все за ней внимательно следили и принимали участие. Я нахожу, что такой высоты художественных интересов «публика» достигала только в немногие моменты – в Афинах, во Флоренции...

Брюсов в Коктебеле участвовал в 2-х прогулках. Одна неудачная. Мы пошли на Карадаг. Был как раз проф. Байков и обещал демонстрировать и прочесть лекцию о Карадагском магнитном отклонении. Пошло человек 40.

Лето было бездождное. До этого дня не было уже месяцев 7 дождя и после него засуха полная длилась всю зиму. Тут же как нарочно налетели тучи и хлынул проливной дождь с разливом горных речек. Он застал нас на полугоре (где иссякший ключ). Мы пытались скрыться в перелесках. Но быстро были промочены до костей. О продолжении прогулки нечего было и думать. Дождь не переставал. Решили возвращаться тотчас же, пока можно перейти речки. Когда мы сбежали в Кордонную балку, было еще возможно перейти речку по пояс в воде, несмотря на весь напор течения. Но через 2 минуты камни, катившиеся по дну, и новые массы воды сделали переход невозможным.

– Где же Брюсов?

– Он сейчас идет. Он там за холмом с Адалис. Спускается медленно. У него страшно жалкий вид в размокшей панаме и облипшем пиджаке.

Мы ждали его минут десять, но, не дождавшись, решили, что он вернулся к той части компании, что приютилась в

Заказ 3692

крошечном шалаше на баштане, тоже промокавшем. (Среди них была А.П. Остроумова). Но оказалось, что он подошел вместе с Адалис к речке, когда не было никого на берегу и переход был уже невозможен. Они дождались болгарина верхом, который их перевез на крупе лошади.

После этого у Брюсова до самого отъезда болела рука, которую он носил на перевязи.

Это, м<ожет> б<ыть>, и было началом того крупозного воспаления легких, от которого он и умер.

Другая прогулка была на лодке в Харсыс-Лиман и <к> Воротам. Море было зеркальное. Выехали под вечер. Взошла полная луна. А на возвратном пути началось полное лунное затмение, о котором мы забыли. У скал Карадага это было потрясающе. Полное затмение наступило, когда мы вернулись. Луна была гнилостно-багровой. Смотря на нее в Цейса, ломило глаза. Было как-то смутно и неприятно. Меня просили прочесть Lunaria, которое звучало как заклинание. Когда я читал последние сонеты, то ярко брызнул освещенный край, а к концу она совсем высвободилась из тени. Это и послужило темой для шуточной оды Брюсова, что он прочел несколько дней спустя на моих именинах.

В эти дни (середина августа 1924) из Симферополя пришла пешком компания молодежи – среди них поэтессы Надя Рыкова и Юлия Каракаш, Тоня и Муся Изоргины и т. д. На больш<ой> террасе после обеда завязался спор. Все столпились. Сидели на перилах. Надя Рыкова, головой и прической напоминающая Ахматову, сидела на столе с видом амазонки, отражая и провоцируя нападения М. Фельдштейн, Гроссмана, Брюсова, Белого.

Ее теза была: «На Запад! Вон из России. Здесь ничего нет интересного. Все бездарно»... Позиция рискованная, но для психологии того поколения, которое вышло из отрочества в годы Революции, характерная.* Спор был мальчишески азартный с криком и шумом. А. Белый ввязался, через

* *Далее зачеркнуто:* и показательная

несколько минут «взорвался». «Это рассуждения девчонок... Вы ничего не видели... вырастите раньше...» и выбежал вон. Брюсов возражал и убеждал сдержанно, входя в психологию спорящих.

— Нет интересных лиц и психологических положений в русской истории?.. А возьмите Вы: будущий правитель, воспитанный консервативным отцом и сам придерживающийся еще более консервативных взглядов, которому на смертном одре отец завещает освобождение крестьян и берет с него слово... и который вопреки своим убеждениям и симпатиям вынужден исполнить завещание отца. Это история Алекс<андра> II.

КИММЕРИЙСКАЯ СИВИЛЛА

(Памяти А.М. Петровой)

В основе каждого таланта лежит избыток жизненности, которому прегражден<а> чем-нибудь возможность свободно вылиться в жизни. Лежит ли эта преграда в обстоятельствах, в среде, в физическом дефекте, недостатке или в особенностях характера, она всегда обусловливает *пресуществление* сущностей – физических – в душевные. Если у данного лица есть способность воплощения – он становится художником, если ее нет, то он живет жизнью своеобразной, глубокой и действует на окружающих как заряженная лейденская банка, оставляя глубокий след в их жизни и психике. Влияние таких талантов, лишенных дара личного воплощения, бывает очень глубоко и плодотворно. Но, к сожалению, редко отмечается и фиксируется, т<ак> к<ак> у нас не ведется записей нашей культурной жизни.

К таким людям, оплодотворившим многие десятки людей, с ней соприкасавшихся, принадлежала Алекс<андра> Мих<айловна> Петрова, имя которой не угасло сразу только потому, что ее труд по собиранию и исследованию татарских вышивок был закончен, по ее завещанию, Е.Ю. Спасской (чего она сама, конечно, не сделала бы) и недавно опубликован. Но личность А<лександры> М<ихайловны> далеко превышала этот труд, и хочется, чтобы она была увековечена. В развитии моего поэтического творчества, равно как и в развитии живописн<ого> творчества К.Ф. Богаевск<ого>, А<лександра> М<ихайловна> сыграла важную и глубокую роль. Она послужила не только связью между нами, но и определила своим влиянием наши пути в искусстве.

В конце прошлого века Феодосия была очень глухим и захолустным городком на берегу Черного моря. Она не имела никаких признаков обществен<ной> жизни – ни театра,

ни газет, ни высш<его> учебного заведения. Среди невысокой по уровню русской провинции она занимала одно из последних мест. И в то же время в ее жизни были такие особенности, которые ее выделяли из уровня обычной русской провинции. Как это ни странно – но ½ тысячи лет сперва турецкой, а потом петербургской власти в ней не истребили тайной ее зависимости от своей древней метрополии – от Генуи. Среди обывателей были ча<сто> итальянские фамилии. Городское управление находилось в руках итальянского семейства. Но их начали оттеснять богатеющие караимы (Крымы). Совершенно особое место занимал Айвазовский. Который настолько переполнил Феодосию своей славой и официальным признанием, что, не занимая никакой должности, являлся всюду признанным представителем города, «отцом отечества». Он придавал ей блеск и итальян<ский> маэстризм. Феодосия была «вотчиной» Айвазовского по всеобщему молчаливому признанию.

Собирались ли переводить куда-то из Феодосии Виленский полк, стоящий здесь испокон веков, – просили Айвазовского. Айвазовский писал в СПб. Полк оставляли. Шел ли спор о коммерческом порте между Феодосией и Севастополем, слово Айвазовского решало вопрос в пользу Феодосии. То же было и <с> жел<езной> дорогой, и с учебными заведениями, и с водопроводом.

В 1893 г., когда <я> 16-летним юношей был переведен в феод<осийскую> гимназ<ию>, железн<ая> дор<ога>, соединившая наконец Феод<осию> с Россией, уже существовала, порт только начинался постройкой.

Недалеко от тогдашней гимназии на берегу моря, окнами в приморс<кий> сквер стоял небольшой домик в 3 окна.

Через монументальные деревянные ворота мы входили на крошечный дворик типа испанского patio, весь осененный ветвями старой акации и прикрытый виноградом. С двухэтажным флигелем в глубине. Здесь жила семья Петровых. Домик принадлежал «бабушке». «Бабушка» была полуитальянка (из Дуранте). Спокойная, очень красивая, благодушно величественная, исполненная простой и неговорли<вой> житейской мудрости. Ее дочь была матерью Алекс<андры>

Мих<айловны>. Это было странное, бессловесное и тихое существо. На ней лежал отблеск бабушкиной красоты.

Отец А<лександры> М<ихайловны> был оригинальный и пленительный человек. Статный высокий старик с огромной седой бородой до пояса, в черном берете и в такой же бархатной блузе, он был и художником, и драматическим артистом, и музыкантом. При случае он умел написать и стихотворение и драм<атическую> пьесу. Он был изобретателем и гипнотиз<ером>, и спиритом. И во всем этом не было ни шарлатанства, ни дурного вкуса. Учитывая все пропорции, это был маленький, провинциальный Леонардо да Винчи, который по своеобразному порядку русской жизни всю свою жизнь провел в Феодосии, служа полковник<ом> пограничной стражи. Его знал весь корен<ной> Крым и любил его как «дедушку Петрова».

У него было пять сыновей — оболтусов и неудачников, которые все были исключены из младших классов гимназии и все проходили через единственное убежище хулиганистой молодежи тех времен — мореходные классы.

А<лександра> М<ихайловна> была единственной дочерью, старшей из детей. Она одна разделяла интересы и увлечения отца.

Семья была небогатая, и для поддержания сред<ств> брали на пансион гимназистов. Так попал совершенно случайно и я, гимназистом VII класс<а>, вместе с другом моей юности А.М. Пешковск<им> — теперь проф<ессором>-санскритологом и автор<ом> «Рус<ского> син<таксиса> в научн<ом> освещ<ении>».

Старик Петров в этом году был переведен в Среднюю Азию, на много лет.

Избыток жизненности, если ему не дает выхода врожденное ущемление характера, становится источником творчества. Но человечеству, как обществу, гораздо ценнее те люди, которые широко и полно изживают свою жизненность, заражая ею окружающих.

К таким людям принадлежала А.М. П<етрова>. После ее смерти не осталось ничего, что могло бы увековечить ее личность, но ее влияние глубоко запечатлено и в жизни, и в творчестве тех, кто ее окружали. А у нее была особая способность привлекать к себе людей, несмотря на то, что сама она искренно верила в свою нелюдимость и резкость. Пишущий эти строки имел счастье еще гимназистом попасть в ее семью «на квартиру», и все его поэтическое творчество связано с ее дружбой и ее влиянием. Не меньшим ей обязан и художник Богаевский. Она была хранительницей того духа, той старины, которая в живописи Богаевского и в моей поэзии нашла себе выражение как дух Киммерии.

Я помню ясно ее облик в молодости: серьезная, очень красивая девушка с низко опущенной головой со строгими чертами лица – тип Афины Паллады. Помню старый маленький домик в три окна на море и маленький, густо заросший зеленью двор, напоминавший испанское patio. Помню ее комнату, увешанную картинами (Айвазовск<ий>, Лагорио, Фесслер, Богаевский), с портретами Бетховена, Гёте, Байрона. Помню

Киммерийская Сивилла

Избыток жизненности, если врожденное ущемление характера не дает ему выхода, становится источником творчества – талантом. Поэтому в живом человеческом общении гораздо ценнее те люди, которые широко и полно изживают свою жизненность, заражая ею окружающих.

Самая их недостаточная одаренность к фиксации переживаемого служит источником их благотворного влияния: отсутствие дара поэтического преображается в любовь и в понимание художественных произведений, загражденность страстей – творческим мистическим чувством.

К таким людям принадлежала Алекс<андра> Мих<айловна> Петрова, посмертное собрание татарских вышивок которой было закончено, систематизировано и комментир<овано> Е.Ю. Спасской. Быть может, это соб-

рание является единственным актом деятельности А<лександры> М<ихайловны>, который

А.М. П<етрова>.

Талантом мы называем тех, кто одарен способностью к жизни свыше возможности изжить ее. Но те, которые изживают свою жизнь, – вкладывают свой талант жизни.

Загражденная страсть становится мистикой. Сила тяготения темных планетных тел. Они невидимы, но влияние их громадно.

А.М. П<етрова> является одним из таких темных сосредоточий. Феодосия конца XIX в. Морское захолустье. Старый дом.

Отец М<ихаил> М<итрофанович>. Парадокс русской жизни. Полковник пограничной стражи – поэт, художн<ик>, артист, изобретатель с бородой Леон<ардо> да Винчи.

Насыщенная атмосфера дома.

Встречи с А<лександрой> М<ихайловной> по дороге в гимназию. Наклоненная голова Аф<ины> Паллады. Насупленнос<ть> и сосредоточенность.

Судьба привела нас (меня и Пешк<овского>) поселить<ся> на квартире. «Бабушка» – итальянка. Красивая, спокойная, величественная. Братья – мореходцы. Мать, молчалива<я>, в мантилье.

А<лександра> М<ихайловна>. Разговоры, культ великих людей. Музыки. Бетховен.

Окно на запад. Порт. Собственно<е> гнездо. Картины. Живопись.

Влияние на меня и на Богаевского. Через нее нам открылась Киммерия.

Она была ухом прислушивающимся.

<МЕМУАРНЫЕ ЗАПИСИ. 1932>

2/III 32 г. Коктебель.

«Ты хочешь, чтобы я рассказал тебе зарождение Коктеб<еля>? Я помню вот такой рассказ, слышанный мной от старика Юнге: это было в эпоху, когда он поселился здесь, в Коктеб<еле> и собирался развернуть здесь большое хозя<й>ств<о>. Он рассказывал, как он попал в Коктеб<ель>, приехав верхом из Феодосии. В те годы, когда не существовало никаких дорог, тем более шоссе. Он приехал верхом по горам. И первое, что его поразило, – сходство Коктеб<еля> с испанск<им> Аликанте. Для меня лично это было интересно и, будучи через неск<олько> лет в Испании, я сам нарочно заехал в Аликанте, чтобы сравнить его с Коктебелем. Внешне, конечно, ника<ко>го сходства нет, но внутреннего параллелизма очень много. Главное в Аликанте отсутствует то единство, которое отличает Коктебель от других стран земли – Карадаг.

В Аликанте самое главное это пустыня, которая здесь подходит к самому берегу. После первопланного испанск<ого> городка с разбегающимися линиями и полуразрушенн<ыми> стар<инными> мостами открывается далекая пологая равнина, на котор<ой> среди стар<инных> крепостей, заменяющ<их> кул<и>сы, синеет пальмовая роща – единств<енная> роща пальм – свободно растущая на Европейск<ом> континенте. И эта близость подлинной пустыни, находящ<ейся> немедленно за чертой горизонта, устанавливает сходство между Коктебелем и Аликанте.

Местность эта его поразила, и он поручил проживающему здесь инженеру постепенно скупить у мурзаков эту землю вдоль берега моря. Тогда тут было стремление многих интеллигентов приобретать в Крыму земли. В то время

была приобретен<а> Карадагская долина, Туманова балка, котора<я> так называлась <по> фамилии своих владельцев Тумановых. У Тумановых ее купила Шевякова, котор<ая> построила там дом, а у нее купил проф<ессор> Вяземский – основатель Карадагской станции, где до сих пор находится им собранная научная библиотека в 40 т<ысяч> томов.

Сам старик Юнге в это время возлагал большие надежды на осуществление здесь большого хозяйства. Он мечтал устроить в долине Еланчика большую запруду воды для орошения всей Коктебельск<ой> долины. Работы для осуществ<ления> этого были начаты и делались на его счет – он рассчитывал на помощь Министерства земледелия. Но министр земл<еделия> Ермолов, будучи здесь специально для осмотра запрудных сооружений, к Юнге не заехал и т<аким> образом дал понять, что рассчитывать на помощь минист<ерства> землед<елия> нечего. У Юнге же личных средств на продолжение работ не было, и дело было заброшено на половине работ.

3/III

Мне хочется рассказать тебе кой-что о коктеб<ельском> пейзаже. Я все-таки совершенно серьезно думаю, что коктеб<ельский> пейз<аж> – один из самых красив<ых> земных пейзажей, котор<ые> я видел. Вообще, о пейзаже нужно не только очень много думать, но и много сравнивать. А я из всех своих обширных странствий в жизни – больше всего сравнивал именно пейзаж. У пейзажа есть самый разнообраз<ный> возраст. Есть пейзаж<и> совсем молодые и есть глубокой древности. П<отому> ч<то> пейзаж, как лицо страны, может быть так же разнообразен, как человеческ<ое> лицо. Все, что пережито землей, все отражено в пейзаже. Коктеб<ель> очень многими сторонами напоминает пейзаж Греции. Он очень пустынен и в то же время очень разнообразен. Нигде ни в одной стране я не видал такого разнообразия типов природы. Такого соединения морского и горного пейзажа, со всем разнообразием широких предгорий и степных далей. Положение его на границе морских заливов, степи и гор делает его редким и единственным

в смысле местности. Ему аналогично может быть расположение Неаполитанского залива.

Карадаг находится в таком же положении к Керченскому полуострову, с его увалами и сопками, как Везувий к Флегрейским полям. А его собственные зубцы и пики, видимые из глубины Керченских степей, являются порталом какой-то неведомой фантастической страны, о котор<ой> можно составить представление по пейзажам Богаевского.

3/III (Юнге).

Мне хочется еще продолжать воспоминания о старике Юнге. Я помню, как он при мне рассказывал о том, как он кончал медицинский факультет. Ему было очень досадно терять лишние год или два на этом факультете. И он решил ускорить государств<енные> экзамены. Формально это ему удалось довольно легко. Но он создал этим себе несколько смертельных врагов среди профессоров, котор<ые> не хотели ему простить его самоуверенности и дерзости. Среди них *был* один проф<ессор>, не помню какую читавший дисциплину, но очень отставший от хода своей науки. Юнге поставил условием, чтобы на его экзамене присутствовала целая комиссия, котор<ая> могла бы объективно ценить его ответы. Он основательно подготовился по курсам лекций, читанных во время учебн<ого> года. И на все задаваемые вопросы отвечал точно, почти наизусть словами своего профессора, т<ак> ч<то> тому оставалось только подтверждать и говорить: – Да, да, совершенно верно, так. Т<ак> ч<то> Юнге, когда кончил свой блестящий ответ на все заданные вопросы, остановился и сказал: «Это все так был<о> до такого-то года. А теперь современная наука смотрит на это так». И затем тут же блестяще прочел лекцию о современном состоянии науки по данному вопросу. П<р>оф<ессор> был внутренне взбешен, но не мог не признать его ответ удовлетворительным. Т<аким> обр<азом>, он окончил медиц<инский> факультет не в 5, а в 3 года.

По специальности он был профессор по глазным болезням. Специализировался он по глазным бол<езням> в Германии, слушал там Вирхова, Гельмгольца, Грефе и др<угих>.

Фотографии их висели в комнатах стар<ого> коктебельского дома, котор<ый> на днях сгорел. Кроме них, там висело много фотографий Каира и пейзаж<ей> Северной Африки. Память о другом научном подвиге старика Юнге. Т<ак> к<ак> по окончании немецкой пропедевтики он для собирания матерьяла докторской работы отправился в классическую страну глазных болезней Северную Африку. И прошел ее всю пешком от Каира до Марокко в одежде бедуина под видом мусульманского целителя. Не зная арабского языка, он был безгласен, но его сопровождал надежный переводчик араб, а он осматривал тысячи больных с трахомой, катарактами и т. д. И чудесно целил их. С теми матерьялами, котор<ые> он собрал в Африке, он сразу занял выдающееся положение в Европе по глазным болезням.

4/III.

Ты хочешь, чтобы я продолжал о семь<е> Юнге?

Слушай.

Жена Э.А. Юнге Екат<ерина> Ф<едоровна> была человек не менее знамечательный, чем он сам, хотя с другой совершенно стороны. Она была младшей дочерью Ф.П. Толстого – художника, скульптора, акварелиста, Вице-президента Академии художеств. С детства перед ее глазами в доме отца проходила вся русская общественность, вся русская литература: начиная с Пушкина и кончая Костомаровым, Меем, Майковым и т. д. Сама она была человек очень разносторонний, прежде всего художница, и очень недурная, судя по ее первым вещам, котор<ые> носят на себе отпечаток серьезного и строгого стиля ранней эпохи ее отца. История самого Федора Толстого рассказана в двух сериях воспоминаний. В воспоминаниях М.Ф. Каменской (старшей дочери Ф. Толстого от I<-го> брака) рассказывается история их дома в царствование Николая I. А в воспоминаниях Екат<ерины> Ф<едоровны> Юнге рассказывается история либерального салона Ф. Толстого в царствование Александра II.

Мемуары М.Ф. Каменской превосходят по своим литературн<ым> достоинствам и по передаваемым в них фактам книгу воспоминаний Ек. Ф. Юнге. Еще недавно в

начале революции они неоднократно были использованы русской об<щ>ественностью (указание места погребения 5 декабристов). Еще очень удачный, интересный и со временем прольющий свет рассказ одной из фрейлин императрицы Ал<ександры> Федор<овны>, которой довелось быть личной свидетельницей сожжения всей переписки Ал<ександры> Федор<овны> с Николаем I.

Сама Ек. Ф. Юнге была до последних лет своей жизни человеком страстно увлекающимся и увлекающим. Она хорошо помнила поэта Шевченко в эпоху его ссылки и была свидетельницей очень своеобразного исторического эпизода дружбы Шевченко с Ольриджем. Ольридж делал по России первую гастрольную поездку. Когда он приехал в Петербург, то, конечно, познакомился с Ф. Толстым и часто бывал у них в доме. Шевченко выразил желание написать его портрет. За сеансами велись длинные разговоры: в судьбе обоих художников оказалось очень много общего. Переводчицей этих разговоров была Ек. Федор. Юнге, знающая английск<ий> язык. Через нее Ольридж и Шевченко рассказывали свою историю. Шевченко родился крепостны<м>, а Ольридж родился негром рабом. В то время на всех американских театрах была надпись – «Неграм и собакам вход воспрещается». Но сеансы портрета, результаты котор<ых> висят сейчас в Третьяковск<ой> галерее, обычно кончались тем, что Шевченко пел малороссийские крестьянские песни, а Ольридж танцевал джигу. В ту эпоху, когда я приехал в Коктебель, Ек<атерины> Фед<оровны> <там> не было. Мне тогда было 16 л<ет>. Т<ак> ч<то> года два-три я слыхал только о ней разговоры, и гл<авным> образом от младшего ее сына Сережи, моего сверстника, котор<ый> жил тогда в Коктебеле.

В это время старики Юнге жили врозь, т<ак> к<ак> у Э<дуарда> Андр<еевича> здесь в Коктебеле было подобие новой семьи. Подруга Э<дуарда> Андр<еевича> Надежда Васильевна была женщина простая, но практическая, умеющая вести хозяйство в суровой коктебельс<кой> обстановке на ограниченные средства старого ученого (его генеральская пенсия). Для характеристики ее и коктебельск<их> нравов вспоминается такой факт. Один болгарский парень,

забредя к ней, когда она одна была в доме, сказал: «А я вот подожгу дом!» – «Очень хорошо, что ты об этом говоришь. Вот когда сгорит дом, то мы и будем знать, кто его поджег».

С тех пор парень-пастух так боялся, чтобы действительно не произошло пожара, <что> караулил их дом, не отходя от него. Старик Юнге часто так говорил: «Конечно, живя здесь, я буду опускаться, но мне очень долго придется это делать, чтобы опуститься до уровня окружающего меня населения».

С Ек. Фед. Юнге я познакомился не в Коктебеле, а в Москве, куда я ездил на Рождеств<енские> каникулы из 6 кл<асса> гимназии и был приглашен ею через ее сына Сережу зайти к ней. Ей с первого разу очень понравились мои полудетские стихи. И уже много лет спустя, когда моя физиономия, как поэта и художника, определилась, – она укоризненно качала головой и говорила: «А какие Вы писали хорошие стихи, когда были гимназистом».

5/III. 32 г.

Ек. Фед. Ю<нге> жила в то время в Зачатьевском переул<ке>, и окна ее выходили на задворки Румянцевского музея. Из окон большой светлой комнаты, служившей ей мастерской, был виден сзади силуэт прекрасного многострунного здания Пашкова дома. А кругом в ее комнате стояло много ее этюдов крымских роз, написанных в звонких и светлых тонах. Осенние крымские розы были любимые цветы Е<катерины> Ф<едоровны>. И когда осенью оказывалась возможность, она всегда уезжала в Ялту делать этюды роз. В те годы в ее живописи уже отсутствовал темноватый и строгий кондиционный рисунок, котор<ый> в те годы меня, уже пресыщенно<го> импрессионизмом, пленял в ее ранних этюдах. Ек<атерина> Фед<оровна> была для меня не первым знакомством художественной Москвы. Другим более ранним знакомством была семья художника Досекина. С Досекиным мы встретились перед отъездом в Коктебель. И непосредственно перед Коктебелем мне пришлось прожить с Досекиными месяца 3 на одной квартире. Срок

нашего отъезда в Коктеб<ель> еще не был фиксирован, и моя мать должна была кому-нибудь передать нашу квартиру. В эти дни она случайно встретилась на улице с Мар<ией> Петр<овной> Досекиной, которую она знала с детских лет, как воспитанницу их киевских знакомых Андриевичей. Теперь она была замужем за харьков<ским> художником Досекиным, и наша квартира, в которой они поселились до нашего отъезда, была станцией во время перелетов художников осенью по дороге в Петербург в Академию и весной обратно в Харьков.

Досекин в то время очень увлекался поэзией Фета, котор<ый> года полтора до этого умер. Досекин был хорошо знаком с Вл<адимиром> Соловьевым, и я у него встречал кой-кого из московских жу<р>налистов, близких «Москов<ским> Ведомостям» и кругам Констант<ина> Леонтьева. Т<ак>, напр<имер>, я вспоминаю фигуру небезызвестного в то время Говорухи Отрока. У Досекина в то время гостил его брат, очень талантливый художник, оригинальный человек, рано умерший. По вечерам шли бесконечные разговоры и чтение «Вечерних огней» Фета.

Для меня, выросшего исключительно в средних кругах либеральной интеллигенции, все эти разговоры и суждения художников были новостью и решительным сдвигом всего миросозерцания. Помню, как в мой Рождественск<ий> приезд в Москву 1896 г., когда я <по>знакомился с Ек. Ф. Ю<нге>, я встретился у Досекина с молодым человеком с тонкими усиками и курчавой бородкой, котор<ый> рассказывал о своем путешествии на север России (Олонецкая губ<ерния>). И с увлечением и очень пластично рассказывал о готовящейся постановке оперы Римск<ого>-Корсаков<а> «Садко», и так хорошо рассказывал, что я был потрясен его музыкой. Это был молодой Конст<антин> Коровин.

Тогда же у Досекина я встретился в первый раз с Анатол<ием> Кореневым, котор<ый> впоследствии, много лет спустя, познакомил меня в Париже со своим бофрером С. Ив. Щукиным. Но об этой встрече буду говорить позже, когда буду говорить о Париже.

В те годы Е<катерина> Ф<едоровна> попадала в Коктеб<ель> довольно редко. В первый раз она приехала на более долгий срок во время смертельной болезни своего мужа. Это были годы, когда я уже жил в Париже, и все<го>, о чем я буду рассказывать, я свидетелем не был. Вскоре после смерти Эд<уарда> Андр. Юн<ге> сюда приехал смертельно больной его старш<ий> сын Владимир, котор<ый> умирал долго и мучительно от саркомы. Во время его похорон лошадь сбросила моего товарища сверстника Сергея Юнге и у него, очевидно, случилось сотрясение мозга, но из окружающих этого никто не заметил, п<отому> ч<то> он вообще в тот период говорил несвязно благодаря алкоголизму. И его смерть через неделю после похорон брата была трагична для близких своей скоропостижностью.

6/III.

Московский период гимназии был для меня периодом глубокой душевной тоски. А последние годы (начало 90-<х> годов) он еще обострился тоскою по югу. Я Крым знал и помнил очень хорошо. Ранние годы детства Севастополь, позже Ялта, куда мы с мамой иногда приезжали на осень. Но эти возможности окончились еще за несколько лет до гимназии. В гимназические времена я очень полюбил лесистые окрестности Москвы. Позже я находил даже сходство между окрест<ностями> Москвы и Иль де Франса под Парижем. Та же холмистая и лесная местность, прорезанная извилистыми долинами рек. В истории русской культуры Звенигородский уезд играл большую роль. Приблизительно такую же, как во французской культуре окрестности Парижа. Из ранних лет детства мне памятно сельцо Захар<ь>ино с маленьким ветхим домом, где прошло младенчество Пушкина, и Семенково (близ Дарьина), где проходило детство Лермонтова. Отдельные места Звенигородского уезда связаны были с судьбою Чайковского, Якунчиковой и т. д. Я очень любил и чувствовал эти места, еще не зная их исторического значения. Но меня томила в то время тоска по югу, какое-то воспоминание о пустырях, сухих травах, плитах, камнях, — очевидно, память Севастополя начала 80<-х> годов, когда

верхняя его часть, называемая Горной, еще не была отстроена после Севастопольской войны. И когда Петропавловский собор, находясь в развалинах, напоминал античный храм. Эта мечта о сухих травах между развалин камней на жгучем солнце последнюю зиму еще увеличилась благодаря какой-то плохонькой панораме Константинополя, которая в ту зиму показывалась в Петровских линиях. Эта панорама была плохим стереоскоп<ом>, в котор<ый> нужно было смотреть в две дырочки. <Она> фокусировала мою мечту об юге на голых камнях и развалившихся плитах, поросших сухой и звонкой травой. Моя жизнь в Москве в гимназические годы была тихой и совершенно установившейся и поэтому, когда мне мама сообщила, что я в конце года оставлю гимназию и мы переедем в Феодосию – для меня это было полной неожиданностью и исполнение<м> моих заветнейших желаний. Те два <или> три месяца, что нам нужно было прожить в Москве, были для меня исключительно интересны, благодаря тому, что мы их проводили в одной квартире с семьей Досекиных. Это время раскрыло мне очень многое, т<ак,> напр<имер>, поэта Фета; кроме того, я перечитывал массу старых путеводителей по Крыму и очерки по Крыму Евгения Маркова.

Сам железнодорожный путь из Москвы в Крым, хорошо знакомый мне по моим ранним детским поездкам в Крым, представлял для меня целый ряд упоительных впечатлений и воспоминаний. Мы приехали в Феодосию утром рано еще до рассвета. Вокзала в городе еще не было, поезд останавливался на ст<анции> Сарыголь – это была конечная станция. Мы взяли извозчика, 4-х мест<ную> коляску, и поехали в город в гостиницу. Это был май месяц, и весь воздух был напоен запахом цветущих акаций. А утром, выйдя из номера на балкон «Европейской» гостиницы, этот по существу убогий вид Феодосии с низкими и пологими серыми холмами показался мне грандиозным и блестящим. В Феодосии только что начиналась постройка порта. И это были последние моменты, котор<ые> доживала старая, действительно прекрасная Феодосия. Этот момент в истории Феодосии впоследствии очень хорошо запечатлен в рассказе Горького

Заказ 3692

«Коновалов». Очевидно Горький, в то время еще чернорабочий, пришел в Феодосию в эту самую эпоху и, может, в этот месяц, для трудных земляных работ. Впоследствии в 1917 г., бывая* у меня в Коктебеле, он вспоминал то время с большим неудовольствием и раздражением, как очень трудную пору своей жизни.

7/III.

В этот же день <пришел> наш хорош<ий> московский знаком<ый> П<авел> П<авлович> Теш, котор<ый> приехал в Коктебель раньше нас и указал моей матери на возможность здесь купить участок земли, котор<ую> Юнге в это время начал продавать. С ним мы пошли на базар и, столковавшись с одним из коктебельских крестьян болгар, на тряской и очень неудобной телеге отправились в Коктебель. Впечатления дороги меня не пленили. Остановились мы у болгар, где спали, но жили мы и обедали в двух хатках, принадлежащих Юнге, окруженные всеми домашними животными, котор<ых> приобрел П.П. Теш, заводя здесь свое хозяйство. Приходили коровы и, отстранив нас ударом рогов, жевали хлеб со стола. Петухи и куры налетали на нас и выклевывали из рук куски. Лошади тянулись к солонкам, а поросенок так сжился с собакой, что принимал ее манеры и кидался на проходящих. Хозяйство это напоминало не то хозяйство Дальнего Запада по романам Брет Гарта, не то хозяйство Ноя, только что вылезшего из ковчега на склонах Арарата после потопа. Не могу сказать, что Коктебель ослепил меня и произвел впечатление своей красотой и оригинальностью. Вернее сказать, я не видел здесь тех общих мест юга, о котор<ых> я грезил в Москве. Но это все я понял, конечно, значительно позже.

8/III.

Через много лет я понял истину, что при первом впечатлении бросаются в глаза заранее известные «общие места». Поэтому я искал в Коктеб<еле> «общих мест юга», а их

* *Было:* живя (*исправлено рукой неустановленного лица*).

тут необычайно мало. Первое лето я видел только скупость и скудость природы и красок. А их необычайная выразительность и лаконичность оставалась для меня недоступной. Понадобились долгие годы всей моей юности, посвященной странствиям и изучению искусства, чтобы оценить всю оригинальнось и красоту Коктебеля. За годы отрочества я привык к лесистому и живописному пейзажу окрестност<ей> Москвы. Мои мечты о юге были направлены по линии наименьшего сопротивления к широким горизонтам, горн<ым> вершинам и развалинам. Поэтому прежде всего меня привлекли горные вершины цепи Карадага. Святая гора, Сююрю Кая – и мало заинтересовал самый Карадаг. Словом все, что можно было заметить из деревни. Только к концу лета, спускаясь с вершины Святой горы, я заметил в стороне моря, сквозь деревья, уединенную башню-скалу «Сфинкс», склоны Гяур-баха и скалистую волну хребта мыса Карадаг, шагнувшего в море. Я спустился туда, и это было открытием для меня фантастического и романтического Коктебеля. Для хождения и карабканья по горам у меня не было спутника. Местность же была слишком рискованна и опасна, чтобы в такие прогулки пускаться одному. Единственным и возможным спутником являлся П<авел> П<авлович> Теш, но несмотря на то, что он был крепок, но не молод и уходил он только на отдаленные прогулки на несколько дней. Они и были осуществляемы, и об них расскажу позже. Среди моих сверстников, деревенской молодежи, я не находил себе товарищей. Я привык к подмосковным крестьянам и совершенно не учитывал национальной разницы. Здешняя молодежь была болгары – мне были чужды их навыки и их интересы. Их же в свою очередь не интересовало то, что интересовало меня. Ни прогулки в горах, ни совместное купанье, ни разговоры ни им, ни мне не были интересны. Некотор<ые> молодые крестьяне приходили к нам в гости и за чаем вели бесконечные разговоры, как копают плантаж, «наповают» виноградники, как катавлажат. Но это меня мало интересовало: дальше виноградарских терминов я ничего из этих разговоров себе не усваивал. М<ежду> т<ем> для П.П. Теша они представляли живейший интерес, т<ак> к<ак> он в то

времы был занят разведением своих виноградников. Также мало они интересовали мою мать. В эти же разгороры П.П. втягивал разных людей не крестьян, случайно появлявшихся у нас. Англичанина Ро, мерившего землю для Юнге. Поляка Пенского. Вообще в нашем доме много говорилось и велись длинные разговоры и споры. Теш был человек европейски образованный, говоривш<ий> на европейск<их> языках. И в высшей степени владевший искусством «эристики». Мама же была острой и чисто русской спорщицей.

<Кража лошадей>

9/III.

В первое лето наша жизнь в Коктебеле походила на жизнь пионеров Дальнего Запада. К татарской могиле на Святой горе ходили богомольцы. Их огоньки и костры виднелись по ее склонам каждую ночь, а оставляемые ими монетки татарск<ий> мул<л>а, еще в то время существовавший в Коктебеле, собирал их в свою пользу.

Кроме этих, т<ак> сказать, официальных молений, были и частные по меньшим поводам. Так, под осень на Святую гору приходила компания цыган, и молитва их, очевидно, подействовала, т<ак> к<ак> им удалось украсть наших лошадей. Вообще конокрадство представляет старинное и неискоренимое зло Крыма. Нужно послушать, с какой почтительной интонацией говорят про какого-нибудь почтенного старика. «Хороший человек, – в молодости конокрадом был». Вообще с понятием конокрадства связаны конские удальства и рыцарства. Поэтому проследить и поймать конокрада трудно, т<ак> к<ак> его покрывает все население. Такой ответ <?> дали Тешу в уездном управлении, когда он заехал туда сделать заявление о совершенной у него краже. Через несколько дней у нас на горе кто-то сунул записку, адресованную Тешу, в которой значилось: – «Лошади ваши украдены вопреки распоряжению и воле центрального присяжного агентства по конокрадству. Они в настоящее вре-

мя находятся в Карасубазаре на постоялом дворе» – и следовала армянская фамилия. Этот документ Теш показал уездному исправнику. А тот ему сказал – «Это совершенно верно. Содержатель этого постоялого двора в Карасубазаре является исходным пунктом всех нитей конокрадства в Крыму, но будьте осторожны, т<ак> к<ак> это может быть и ловушкой, расставленной для вас». Теш собрался ехать в Карасубазар лично. Я напросился его сопровождать. Теш поворчал, но взял. Мы поехали в телеге через Ст<арый> Крым. А из С<тарого> К<рыма> по старой почтовой дороге, котор<ая> вела не по направлению теперешнего шоссе, а севернее Агармыша, степями по линии Индийского телеграфа. Так мне довелось побывать на тех двух старых почтовых станциях, назыв<авшихся> Сухой и Мокрый Индол. 20 л<ет> спустя проф<ессор> Маркс объяснил мне филологическое значение этих имен. Ел, джел по-татарски значит дорога, Инд – Индия. Здесь были остановки Караванного пути в Индию – древний караванный путь, котор<ый> проходил через эти места. В Карасубазаре на постоялом дворе нас приняли холодноватым радушием. А Теш меня благоразумно удалил: послав меня на базар покупать полпуда груш. Относительно же лошадей Теш узнал, что их погнали на Перекоп, что было согласно с соображениями феодосийск<ого> исправника, котор<ый> говорил, что это единственное место, где можно найти и вернуть украденных в Крыму лошадей. Мы тотчас же наняли лошадей, чтобы ехать дальше. Дорога была сложная через Симферополь, где мы сели на жел<езную> дорогу до Джанкоя. С Джанкоя мы поехали опять на лошадях в сторону Перекопа. Эта возможность проехать по всему северному Крыму была для меня огромным радостным событием, п<отому> ч<то> в ту сторону не лежало проезженных путешественных путей. Из Джанкоя мы приехали не в Перекоп, а в Армянск<ий> базар. Это крошеч<ный> городок, находящийся в ½ версте от Перекопа, засыхавшего среди пыльных и заброшенных амбаров старого Соляного управления. Город совсем засох и захирел с отменой соляных пошлин, котор<ые> здесь взимались до конца 19 века. Вся торговля и жизнь укрепились в город-

ке Армянске. Администрат<ивным> центр<ом> оставался Перекоп, а не Армянск. Тут выяснилась административная фантасмагория: ослушные конокрады, не подчинившиеся главе Карасубазарского конокрадства, были арестованы перекопским исправником. Исправник не имел никаких сведений о покраже и действовал по чистой административной интуиции. Он арестовал цыган с лошадьми, пока не придут доказательства того, что лошади действительно краденые, а сам пока ездил на них. Его интуиция подтвердилась приездом Теша со мной. И, т<аким> обр<азом>, Тешу удалось вернуть своих лошадей.

Мне рисовалась приятная картина нашего возврата в Коктебель верхами по крымским, хотя и осенним уже, степям, но все вышло иначе. Лошади были загнаны и хромали, и их пришлось везти по жел<езной> дороге. Это для меня было тяжелое путешествие: ехали в товарном вагоне, было холодно и я простудился.

Об гимназии и отношении к ней

7/III.

Мои школьные годы — глубокое недоразумение всей моей жизни. Очень любознательный, способный, одаренный острою памятью мальчик учился из рук вон плохо и приводил в отчаяние всех педагогов. Когда я переходил в Феодосийскую гимназ<ию>, у меня по всем предметам были годовые двойки, а по гречески — «1», единств<енная> «3», но котор<ая> была за поведение. Что, по тогдашним гимназ<ическим> понятиям, было низшим баллом, котор<ым> оценивался этот предмет. Причем этой оценки я удостаивался отнюдь не за шалости, а за возражения и рассуждения. Я был преисполнен всяких интересов: культурно-историческ<их>, лингвистических, литератур<ных>, математическ<их> и т. д. И все это сводилось для меня к неизбежной двойке за успехи. Все это само по себе меня нисколько не пугало, я давно привык к мысли, что никакой за-

висимости между званиями и их оценкой в гимназии нет и не может быть. Но то, что было для меня несомненно и само собой разумелось, — не было так несомненно для моей матери, котор<ая> была натурой простой, прямолинейной и властной. Меня за двойки наказывали, и мне запрещалось по воскресеньям ходить в гости и встречаться с моими знакомыми, что было для меня самым страшным наказанием. Немудрено поэтому, что впоследствии мои взгляды на гимназическую учебу формулировались на таком афоризме: «Воспитание — это самозащита взрослых от детей». Это моя мысль, вынесенная из всего гимназического опыта.

Когда отзывы о моих московских успехах были моей матерью представлены в Феодосийскую гимназию, то директор, гуманный и престарелый Василий Ксенофонтов<ич> Виноградов, развел руками и сказал:

— Сударыня, мы, конечно, вашего сына примем, но должен Вас предупредить, что идиотов мы исправить не можем.

Но когда я появился в гимназии лично, то впечатление было несколько иное. Мои стихи и моя начитанность произвели в педагогической среде такое впечатление, что ко мне стали педагоги относиться как к «будущему Пушкину». И моей матери пришлось ехать в Феодосию для объяснения с тем же директором по поводу моей малоуспешности, и она ему говорила: — «Вы сами же довели его до такого состояния, что он ничего делать не хочет». —

10/III.

Феодосийская гимназия, благодаря личности В.К. Виноградова, бывшего очень добрым и гуманным человеком, в Одесском округе пользовалась репутацией «убежища», что его высоко ставило в глазах учеников и очень низко в глазах окружной администрации. В.К. Виноградов оставил по себе память у всех, его знавших, <как> прекрасного, гуманного человека и мудрого директора. У меня в классе он не преподавал, поэтому я не могу судить о нем, как о педагоге, но думаю, что общее мнение было справедливо, п<отому>

ч<то> при нем никаких недоразумений с педагогами и затяжных историй не было. Но уже с начала учебн<ого> года он был болен, мы это знали. Болезнь его кончилась к весне смертью. Его смерть была большим ударом для гимназии, и начался новый педагогическ<ий> режим. Из Округа прислали нового директора, чеха, с поручением «подтянуть» гимназию. Что он неуклонно и сделал, со всем педантизмом и исполнительностью казенного преподавателя. Состав преподавателей Феод<осийской> гим<назии> был очень разнообразный, и, наравне с серьезными и талантливыми педагогами, много было таких, котор<ые> давно наскучили своим малоинтересным делом. Для гимназист<ов> педагоги рисуются, гл<авным> образ<ом>, с их карикатурной и шаржевой стороны, благодаря тому, что те стороны души, котор<ыми> они общаются с молодежью, костенеют и особенно резко бросаются в глаза. Когда я стал расспрашивать товарищей <из> других классов об их преподавателях, то многие из них мне указали на самого интересного и талантливого – учителя русс<кого> языка Галабутского. Я взял тетрадку своих стихов и пошел ему показывать. Он жил в классическом месте Феодос<ии> – на Карантинной горке, в доме Купидонова (sic).

У меня осталось в памяти благообразное молодое лицо с мягкой украинской усмешкой, его ласковый прием. Через неск<олько> дней я узнал его более подробный отзыв о моих стихах. Это было так. Первым товарищем, с котор<ым> я более подружился, был Владимир Калагеоргий Алкалаев, сын богатых херсонских помещиков, баловень своих родителей. Он в эти дни заболел. Я был у него, когда к нему приехал доктор. Медицин<ский> состав, обслуживающий Феодосию, был невелик. Он сводился к двумя врачам. Алексеев и Пружанский. Первый был горбун маленького роста с очень блестящими и умными глазами. Поставивши больному градусник, он стал занимать пациента разговором. И спросил его, не знает ли он в гимназии ученика Кириенко? «А почему он Вас интересует?» – спросил больной. «А мне Галабутский говорил, что недавно к нему пришел

Кириенко и оставил тетрадь со стихами, стихи очень хорошие, настоящие, он очень их хвалил и говорил, что из него выйдет поэт "большого размера – будущий Пушкин"».

Тут я не выдержал и закричал: «Ведь это я!» Д<окто>р Алексеев, чел<овек> умный, тактичный и злой, почувствовал, что он сделал непростительную педагогическ<ую> ошибку. Поспешил взять свои слова обратно. Но дело уже было сделано. Я ушел от Алкалаева сияющий и счастлив<ый>, торжествуя свое признание. От Галабутского и пошла моя феодосийская слава. Меня признали и другие педагоги, а когда умер Виноградов, я почувствовал, что мне необходимо стать выразителем обществ<енного> мнения. Я написал небольшое ст<ихотворение>, котор<ое> прочел на его могиле. Это фактическ<и> было первое мое напечатанное стихотворение – в маленьком сборнике, составленном феодос<ийскими> преподавателями и посвященное памяти В.К. Виноградова. Это было весной <18>94 года.

II/III.

Когда начались занятия в гимназии, мне пришлось из Коктебеля переехать в Феодосию. Т<ак> к<ак> у меня не было никаких предварительных знаком<ств> в Феодосии, то мама меня поселила на общей гимназической квартире у гимназического на<д>зирателя Чернобаева. Чернобаев был мертвенно-бледный и худой человек с медленными движениями, как будто бы он пролежал в гробу не менее 3-х суток. Комнат было 3, довольно просторных, и там жило человек 15 юношей разных классов. В жизни этих молодых людей не было решительно никакого единства. Мы встречались за обедом, за чаем, за ужином, котор<ые> отличались крайней простотой, скудостью и казенностью. Ни общих разговоров, ни интеллектуального общения не было. Эта жизнь и обстановка меня крайне тяготили. Большую часть дня я проводил в семье моего нового товарища Алкалаева. В первый раз в жизни я был предоставлен сам себе и вне родительского дома. В первый раз я сам знакомился с людьми и «барышнями» и был на положении молодого человека. При

этом я обнаружил у себя свойство, котор<ого> никогда не подозревал, – крайнюю застенчивость. Я не знал, что говорить, <куда> прятать руки и т. д. Семья Алкалаевых была небольшая, очень гостеприимная, хлебосольная. Его отец был крупный старик – седой, малоразговорчивый и крайне недалекий. Он выписывал громадное количество книг и журналов, и целый день проводил в их разрезании. Я был в доме персона грата – ради сына: ему родители очень хотели сохранить мою дружбу, считая ее полезной и здоровой. В доме Алкалаевых бывало много педагогов, что тоже очевидн<о> считалось полезным для сына. Вообще все интересы семьи были сосредоточены на сыне. Иногда устраивались ужины и попойки для педагогов. Мне до сих пор памятна плотная корпулентная фигура нашего классного наставника – математика Кабанова. Это было на первомайской гимназическ<ой> прогулке в окрес<т>ностях Феодосии. Когда все педагоги сильно подвыпили, Кабанов, оглядываясь и опираясь на плечи бородатых и усатых «дядей» (это был V кл<асс>), говорил: «Вот мой класс – молодцы!» И, показывая пальцем на молодого человека в соломенной шляпе и в ботинка<х> кричащего вида, бессмысленно смотревшего на веселящихся гимназистов, неожиданно сказал: «Зачем этот человек соломенную шляпу надел – бей его».

Молодцы оказались на высоте – повалили молодого субъекта, сняли с него ботинки и шляпу. Эта выходка очень подняла педагогический авторитет классного наставника среди его «молодцов», но, кажется, субъек<т> в соломенной шляпе подал мировому судье. Чем дело кончилось, я не знаю.

12/III 1932.

На ученической квартире Чернобаева я чувствовал себя крайне неуютно: и гимназические разговоры, и хозяева мне были крайне чужды. И, поддерживаемый Алкалаевыми (гл<авным> обр<азом> Любовью Ильиничной – матерью, которая была самый живой и симпатичный человек в семье), я просил у матери позволить мне переселиться в другую квартиру.

<12>/III 1932.

Любовь Ильинична подыскала мне комнату по соседству у лютеранского пастора. Это было на верхних улицах Митридата. Подъем туда был крутой и зимой крайне скользкий. Но это меня в те годы совсем не смущало. Комнатка была крошечная с двумя большими окнами и двумя застекленными дверями. Так что обитаемая площадь была, главным образом, в очень широких подоконниках. Стены были очень толстые, домик очень старый и стоявший на отлете, доминируя надо всем городом. Комната моя была угловая. Кровать стояла между двумя окнами и, просыпаясь утром, я чувствовал себя висящим в пространстве. Внизу были город и порт с входящими туда пароходами. Обстановка была аккуратная и скучная. Мой хозяин сам вел свое хозяйство: загонял свою корову и часами проводил перед зеркалом, расчесывая свои бакены маленьким гребешком — направо-налево... направо-налево. Жизнь была скучная, однообразная, но зато уединенная. За это и за вид, раскрывавшийся из моего фонаря, я полюбил свою комнату и радовался тому, что не живу больше на ученической квартире с дылдами и усачами, какими были все мои феодосийские товарищи.

С самого начала я в Феодосии начал обращать на себя внимание разными особенностями костюма. У меня для Коктебеля была еще в Москве сшита мамой собственноручно парусиновая летняя фуражка с громадным козырьком и маленькой, довольно высокой и узкой тульей. Среди однообразных и единоформенных гимназических фуражек — некрасивых, неудобных и непрактичных, моя фуражка, несравненно более практичная и рациональная, и притом сшитая и изобретенная мамой, обращала на себя общее внимание. Кроме того, будучи в Феодосии очень одинок, я приобрел привычку читать про себя стихи, которых я знал наизусть в громадном количестве. Это мне заменяло книгу, и я, проходя по улице, беспрестанно бормотал что-то про себя и часто подчеркивал ритм и интонацию незаметными и плавными движениями руки. Я знал, что это на меня обращает внимание, но раз я никому не причинял зла, то что мне

до этого? Мой «белый колпак», изобретенный мамой, и мое чтение стихов про себя сразу дали общий тон отношению ко мне феодосийцев. Это выделяло меня в глазах провинциальной публики, в то же время вызывало осуждение: «Оригинальничанье»... Но меня это не огорчало, потому что таково же было и общее отношение встречных к моей матери.

Я очень любил читать стихи вслух и декламировать. Это была моя страсть с детства. Я помню, очень смутно, правда, как декламировал стихи мой отец, и потому в детстве, когда меня просили прочесть стихи, я сейчас же влезал на стул — инстинктивная жажда эстрады — и оттуда читал «Полтавский бой», «Коробейников» Некрасова или «Ветку Палестины». Значительно позже — «Конька-Горбунка». Последняя вещь, со всеми особенностями моего детского произношения — с шепелявостью, недоговариванием букв — сохранилась, как в граммофоне, до сих пор в имитации Лины Вяземской, бывшей подругой и спутницей моего детства.

В первый раз я выступил на эстраде со стихами в Москве, в год моего переезда в Феодосию, на ученическом вечере Первой гимназии. Я читал тогда пушкинское «Клеветникам России». Мне очень нравился ораторский склад всего стихотворения, а кроме того, я слышал, как его читал один из московских товарищей по I гимназии, Закалинский, читавший очень хорошо и серьезно занимавшийся декламацией, с хорошо поставленным театральными специалистами голосом.

Поэтому, как только в Феодосии зашли разговоры о гимназическом вечере, я выставил свою кандидатуру на декламацию и имел шумный успех. Читал, помнится, балладу Алексея Толстого «Горе». С ростом моей известности как декламатора, провинциальный город более или менее помирился с моим постоянным бормотаньем на улице. А когда через некоторое время возникла мысль об ученическом спектакле и решили ставить «Ревизора», то я был выдвинут кандидатом на исполнение городничего. И десятки лет спустя мне доводилось встречать почтенных и апатичных феодосийцев — бывших любителей, когда-то пробовавших свои силы на сцене, — которые горько меня упрекали, что я

не пошел на сцену: «Вы не по своей дороге пошли – в литературу – Ваш путь был совершенно ясен, Вам надо было по окончании гимназии поступать в театр».

13/III 1932.

В тот же первый год моей Феодосийской гимназии я инстинктивно понял, что среди товарищей-одноклассников мне необходимо себе выбрать приятеля и сожителя по своему вкусу. Выбор мой, естественно, остановился на Пешковском. Это был еврей маленького роста, с огромным лбом Боклевского склада, очень серьезный, очень рассеянный, очень преисполненный чувством долга. Он в то время очень мучился тем, что он не еврей, а христианин: когда он был ребенком, его с братом отец (первоначально бывший ортодоксальным евреем, но потом сошедший с ума и от еврейства отступивший) неожиданно, не спрашивая его мнения или согласия, перевел в христианство (сделал лютеранином). И вот эта-то пугливость и настороженность совести мне в нем очень понравилась. Он тоже жил на неудачной квартире, куда его определила мать, привозившая его из Ялты: он год тому назад кончил Ялтинскую прогимназию и теперь перешел в Феодосийскую гимназию. Семья Пешковских предварительно жила в Томске, и Саша учился в тамошней гимназии. Потом его отец купил дачу в Ялте, переехал туда <со> всей семьей, скоро сошел с ума и умер, а сыновья – Александр и Артур, его старший брат, – учились в Ялтинской <про>гимназии. В одно из ближайших лет я ездил в Ялту и гостил у Пешковского. От него я узнал о бесправном положении евреев в России. Впервые среди моих товарищей-гимназистов я узнал <в> Феодосии много евреев и, так как они все были значительно образованнее, чем другие гимназисты из «восточных людей» – караимы, армяне, греки – довольно тупые, то они мне показались и симпатичными, и интересными. Неприязни же и юдофобства я совсем не знал по семейным взглядам и традициям. Моя мать и по типу, и по складу характера принадлежала к поколению русских женщин 70-х годов и до старости сохраняла этот тип, трагический, красивый,

всегда у последней черты, всегда переступающий запретные границы. Мы с Пешковским скоро облюбовали в Феодосии одну семью, в которой хотели бы поселиться. Это была семья Петровых. Семья настолько любопытная и сыгравшая настолько большую и направляющую роль в моей жизни и развитии и в гимназические годы, и после, что я должен остановиться на ней подробнее.

Глава ее был полковник Михаил Митрофанович Петров. Он служил полковником пограничной стражи, был старожилом этих побережий Восточного Крыма. Его высокую фигуру с толстовской или леонардовской бородой знали все. Он был мастер очень разносторонний и талантливый. Он ставил любительские спектакли, превосходно играл, декламировал, был хорошим художником, в Феодосии не было ни одного старого дома, где бы не висело его акварельных видов на стенах, рядом с пейзажами Айвазовского, Лагорио и др<угих> феодосийских художников. Кроме того, у него была слесарная мастерская, он изобретал летательный аппарат, строил крылья, сам изобрел велосипед. Тогда еще велосипеда не было. Но изобретение, должно быть, было неудачно, потому что Алекс<ей> Алек<сеевич> Полевой, славившийся в Феодосии своим остроумием, буду<чи> в то время его писарем, поместил велосипед, изобретенный им, в списки «недвижимого» имущества. Впоследствии, живя в доме Петровых, я видел сиденье от этого велосипеда. Это было кованое кресло такого калибра и тяжести, что сдвинуть его с места одной рукой было трудновато. Правда, проект Михаила Митрофановича осуществлял местный кузнец и солидность конструкции представляет не столько желание и план старика Петрова, сколько добросовестность, преданность и личную признательность мастерового. Одним словом, М.М. Петров был, соблюдая, разумеется, все пропорции и хронологические грани, маленьким феодосийским Леонардо да Винчи — и наружностью, и общественным положением, и широтой и разнообразием интересов.

Остальная семья состояла из его жены — Нины Александровны. Мечтательной, фантастичной, уединенно<й> и невеселой стареющей женщины, жившей у себя в доме

как гостья, всегда в уединенной и маленькой <?> комнате. Ее матери – бабушки – Марии Леонардовны Рафанович. Очень красивой и представительной старухи, похожей величественным видом на Екатерину Великую на парадных портретах. Мар<ия> Леонард<овна> составляла пару для Мих<аила> Митр<офиновича>. Она была спокойна как-то органически, и, когда сердилась, волновалась, но не повышала голоса. Она по происхождению была не русская, но итальянка, и ее родной язык был итальянский и отчасти немецкий. Она принадлежала к старой феодосийской семье Дуранте, сохранившей старые корни в Италии и отчасти в Генуе. Хотя это не была древняя связь Феодосии со своей метрополией, но основатель семьи Дуранте в Крыму был генуэзец, и выехал <?> он со своей родины в Крым только в начале XIX века, во время Наполеоновских войн.

18/III 1932.

Еще в тот год, когда мы с Пешковским не жили у Петровых, мы привыкли встречать, подходя к гимназии, на Итальянской, барышню, всегда в один и тот же час, с очень серьезным, озабоченным и суровым лицом. Сразу было видно, что она спешит по делу к определенному сроку.

У нее был тип Афины Паллады: опущенный вперед лоб, правильные черты продолговатого лица, на котором угадывался шлем, темные волосы, серьезные губы. Мы знали, что это Александра Михайловна Петрова, учительница Александровского училища, и что она спешит на свои уроки. Наружность располагала и обещала интересные и серьезные беседы. И это было немалой приманкой для меня при выборе квартиры. Когда мы туда зашли и сговорились с бабушкой, Марией Леонардовной, то мы очень быстро договорились: и стол и место тогда были недороги. Мы знали свой бюджет и потому согласились быстро: по 25 р. в месяц за человека: стол и комната. Комната была квадратная, окнами на двор. В ней всегда царила зеленоватая полумгла, а стены были завешаны маленькими – хорошо сделанными и окантованными – фотографиями античных статуй, симметрично висевшими по штукатуреным стенам южного дома.

Дом был маленький – 4–5 комнат, с двором, очень заросшим зеленью – с каменными плитами, с увитым<и> диким виноградом деревянными воротами. С несколькими айлантусами во дворе и с флигелем, составлявшим одно целое с домом и образовывавшим мощеный испанский дворик «patio». Флигель был двухэтажный, и лестница в него вела снаружи, крытая, и тоже густо завитая виноградом. Во дворе был каменный колодец, что еще более подчеркивало его южный и провинциальный характер.

Все говорило здесь о южных странах: об Италии и об Испании. Думаю сейчас, что этот стиль юга Италии имел для меня самое серьезное значение. Вообще в Феодосии тех лет <я> на кажд<ом> шагу сталкивался с разными пережитками староитальянского прошлого, и Феодосия как бы помнила о том, что Генуя ее метрополия. В семье Дуранте – особенно живо хранились эти традиции. Многие из мальчиков Дуранте, с которыми я учился в гимназии, по окончании ее ехали кончать образование не в Москву, не в Харьков, не в Одессу, – а <в> Геную, в коммерческую академию. Из Генуи сюда приезжали на практику молодыми матросами – тамошние юноши, которые, как Гарибальди, плавали юнгами по Азовским и Черноморским морям. В семье Петровых иногда появлялась старая немка из немецкой колонии, что была под Феодосией, – фрау Гарибальди, родн<ая> тетка Гарибальди. Как всюду на этих берегах итальянский элемент сливался с немецким. В семье Дуранте все мужчины были итальянцами, их родной язык был итальянский, и они были католики, а женщины были лютеранками, и их родной язык был немецкий. Мария Леонардовна говорила и по-немецки и по-итальянски. В языке всей семьи Петровых постоянно путались и немецкие и итальянские выражения. Но это было характерно и для <всего> Крыма, который в своих традициях сохранил очень много от итало-германской эмиграции Александровск<ого> царствования.

Надо прибавить, что семья Дуранте, очень богатая семья негоциантов, сохранила в себе эти западные традиции тихой и зажиточной торговой семьи. Ей когда-то принадлежали широкие земли на Керченском полуострове, как раз в

тех местах, где до сих пор еще хранятся крепостные остатки «Скифского вала», т. е. той стены, которая защищала в Средневековье Пантикапею от набегов Дикого Поля. Скифский вал — это китайская стена Босфорского царства. В семье Дуранте вырос и воспитал<ся> и после провел свои творческие годы — Богаевский. Но об этом позже.

С Александрой Михайловной мы быстро познакомились и разговорились. Сперва разговоры были о книгах: в ту эпоху она жила исключительно естеств<енно>о-научными изданиями Павленковского типа и астрономическими фантазиями Фламмариона. Потом она оказалась моим очень верным спутником во всевозможных путях и перепутьях моих духовных исканий. Она прошла и спиритизм, и теософию, и истое православие, и христианскую мистику и антропософию. Но вернее всего она была православию.

Эти первые встречи и разговоры совпали с ее тяжелой болезнью. Как раз вскоре после нашего переезда в дом Петровых она переболела брюшным тифом, от которого она вполне никогда не могла оправиться. Период ее выздоровления был особенно полон страстными разговорами и спорами между ею, Пешковским и мною. К тому времени относится довольно много моих шуточных стихотворений, где главные персонажи олицетворяются в виде «фиалочки», в которую влюблены 2 репейника. Разговоры наши носили всегда элемент шутки, который привносила всегда Ал. Мих.

У меня от этого периода «выздоровления» осталось впечатление частого, искреннего, задушевного хохота, в котором главную роль играла «больная», которая много лет после жаловалась, что она потому никогда не оправилась вполне от тифа, что мы ее слишком «смешили».

19/III 1932.

От того первого года жизни в доме Петровых у меня больше всего остались в памяти весенние прогулки с Алекс<андрой> Мих<айловной> на горы: на мыс св<ятого> Ильи и в Кизильник. Горы Феодосийские — невысоки — холмы. Их очертания стерты. Устали. Балки переполнены щебнем.

Заказ 3692

По вершина<м> саженый лес (теперь, во время Революции, вырубленный). Это были жалкие насаждения из акаций, айлантов, ясени и других неприхотливых на воду крымских кустарников. В этой области гор производились всякого рода опыты облесения Феодосийских холмов, т<ак> к<ак> исчезновение воды в ключах и источниках, которыми Феодосия изобиловала в эпоху своего процветания, приписывалось, конечно, истреблению лесов в ее окрестностях.

В те годы, когда я приехал, в Феодосии еще было цело 36 фонтанов – великолепных, мраморных, но без воды. В 80-х годах они все еще били и журчали водой, но когда поручили их ремонт русским инженерам, они иссякли совершенно, и в ту эпоху пресную воду привозили на пароходах из Ялты.

19/III 1932.

Мыс Св. Ильи тогда еще не был местом таких трагических воспоминаний, каким он стал теперь, после гражданской войны и Феодосийских расстрелов. Но его опустошенный пейзаж уже и тогда носил в себе оттенок трагизма. И Алекс<андра> Мих<айловна>, очень любившая эти опустошенные холмы, уже тогда посвятила меня в трагический смысл Киммерийского пейзажа.

Выйдя за город мимо дачи Чураева, хорошо знакомой всем гимназистам – Чураев был в то время инспектором гимназии – там жили многие гимназисты на квартире. После шла очень уединенная и опустошенная дача, которую мы называли «Порт-Артуром», дача Ребикова, – но смысл и значение она для меня получила лишь спустя много лет.

Мы ходили в горы за фиалками – это были единственные цветы суровой и серой крымской весны. Собирая их, так же как цветы горного терна, мы переживали весенний восторг. В крымской весне очень мало внешнего и показного, но тем сильнее те весенние токи, которыми она проникнута. Тем больше опьянения в этих серых камнях, в этих тонких и скромных веточках и цветочках – точно скромное весеннее зарождение цветочного орнамента на серых камнях и стенах высокого Средневековья, еще не знающего пышного и показного тонкого орнамента Ренессанса. Эти

весенние Феодосийские прогулки вместе с Алекс<андрой> Мих<айловной>, из которых мы приносили свою горную добычу, которая умещалась в блюдечке с водой, были истинным прологом к моему постепенному развитию в искусстве.

20/III 1932.

Сейчас мне очень трудно из всех наших 20-летних отношений с Алекс<андрой> Мих<айловной> выделить отношения наших первых лет. Писем, соответствующих этому периоду, нет: мы тогда еще не переписывались, т<ак> к<ак> жили в одном доме. Мои отношения к ней были перепутаны с отношениями Пешковского, и она сама часто усугубляла эту путаницу, т<ак> к<ак> переносила на одного разные сложные психологические результаты, получавшиеся из разговоров с другим. Обижалась на Пешковского за мои парадоксы и мысли. Это было так сложно распутывать.

Помнится мне от тех времен очень ярко общее романтическое настроение. Шутка и поэзия. Бетховен, Гейне. В общем, то настроение, которое в литературе и искусстве сохранено и ярко отмечено в фантастических и романтических повестях Одоевского. Последний квартет Бетховена, Себастиан Бах, Пиранези. Эти беседы, часто с восклицательными знаками, находили себе подтверждение в обстановке комнаты Алекс<андры> Мих<айловны> и в украшении ее стен. В котором я тоже принял горячее участие.

Помню над ее письменным столом большое распятие — слабо светившееся по ночам (смазанное фосфором). Портреты Байрона, Бетховена, Гёте, потом я ей прислал известную посмертную маску Бетховена из Германии.

21/III 1932.

Надо сказать, что в эту эпоху для меня начиналась впервые самостоятельная жизнь вне родительского дома: я сам за свою ответственность знакомился с людьми, общался с людьми, поддерживал знакомства, подходил к барышням на улицах. Этот последний термин был важным актом в жизни гимназистов.

Феодосия был город глухой и маленький. В нем гимназисты играли роль, соответствующую в Москве – студентам, а в больших губернских городах – офицерам. Роль культурных и образованных молодых людей: ими интересовались, их ценили, их уважали. Кроме домов семейств врачей, адвокатов остальное было серой и слепой массой мещанства, еврейства, а<р>мян, кар<а>имов и т. д.

22/III 1932.

Я дошел в воспоминаниях до первого года моей жизни у Петровых и остановился: у меня нет никаких материальных останков от того года: ни дневников, ни писем. От последующих лет жизни, особенно после гимназии, сохранились толстые пачки писем, в которых Ал<ександра> Мих<айловна> сохранилась во всем разнообразии своей речи – в живой непосредственности своего языка и скачков наших бесед и споров, но от этих бесед и споров, когда все завязывалось и утверждалось «на всю жизнь», нет ничего. Одни воспоминания ничем и никак не фиксированные. Могу подробно восстановить всю обстановку семьи – но ничего из наших разговоров. Ал<ександра> Мих<айловна> была старшей из детей. У нее было 5 братьев – младших: Адриан, Саша, Миша, Орес<т>, Петя. Все они были одного типа и одной судьбы. Все они более в отца, чем в мать. Все резкие, грубоватые, талантливые. Старший Адриан – офицер. Все они выгнаны из гимназии (<из> III, из IV клас<са>). Все более или менее удачные изобретатели, у всех та же родовая навязчивая идея – крылья. Все неудачники – все рано и поразному погибшие.

В годы моей жизни дом был без души: Мих<аила> Митрофан<овича> не было. Он получил неожидан<ный> перевод в Среднюю Азию охранять 2000 верст тамошней границы. Оттуда он писал домой длинные и восторженные письма и присылал ковры. Позже я его видел в Ср<едней> Азии во время моей ссылки. Но его дух и память хранились без него в его доме в тысячах воспоминаний о «дяде Петрове», которыми меня приветствовали все, узнавая, что я живу в его семье. Я помню Алекс<андру> Мих<айловну> в эту по-

лосу жизни, постоянно измученную судьбой своих братьев и их неудачами. У нее было место школьной учительницы в женском Александровском Училище, где ее сослуживицей была Яшерова. Мать героини моего первого трагикомического романа прошлого года. Но ее я так и не узнал.

Все более или менее, и сама Алек<сандра> Мих<айловна>, занимались живописью, что в Феодосии было очень распространено конечно благодаря Айвазовскому. Ал<ександра> Мих<айловна> занималась больше прикладным искусством: делала копии татарских вышивок. А позже занялась специально собиранием татарского орнамента. И много лет пыталась (но безуспешно) пристроить свои ценные во всех отношениях работы в какой-нибудь музей. Но в те далекие годы интересы были сосредоточены не на этом, и татарское кустарное искусство не вызывало к себе интереса.

25/III 1932.

Алекс<андра> Мих<айловна> любила очень музыку и играла Бетховена. Отсюда их бесконечные разговоры с Пешковским. Он часто по утрам ей играл в соседней комнате – в гостиной, чтобы разбудить ее звуками Бетховена. Иногда они играли в 4 руки. Но самым музыкальным домом для нас был Дом Воллк-Ланевских, где мы проводили много времени в гимназические годы. В нашу обычную компанию входили Лера и Женя Воллк-Ланевские, Вера Нич (потом Гергилевич). Лера была пианистка. Мать Воллк-Ланевских – Софья Наполеоновна, тоже пианистка, была самой музыкальной дамой в городе. Она в молодости была хороша, и говорили, что в нее был влюблен художн<ик> Семирадский. Старик Вол<лк>-Ланев<ский> Альфонс Матвеевич был адвокат. Очень умный и остроумный человек. Очень начитанный. У них в доме было много книг, что было для меня большой радостью.

Я привык его видеть всегда в маленькой далекой комнате насквозь прокуренной, где он жил, не отходя от письменного стола. Его мнения я очень ценил и его беседами очень дорожил. Помню кто<-то> его спросил при мне его мнение

обо мне. Он ответил на это: «Великий знаток человсческого сердца — Сервантес — говорит в одном месте: толстый человек — следоватсльно, добрый человск (слова Санчо-Пансы)».

Помню, что эти слова заставили меня с особым вниманием перечесть в следующий раз «Дон-Кихота», нс заб<ыв>ая ни на минуту, что его автор «великий знаток человеческого сердца».

Лера В<оллк>-Ланевская прекрасно играла и всем сердцем любила Шопена. И обладала многими его талантами. Как известно, Шопен забавлялся в детстве рассказыванием сказок на рояле. Лера обладала даром импровизации и часто по вечерам в своей компании играла нам наши характеристики: всегда было очень метко и остроумно.

Для нее было очень грустным, что денежные средства отца нс давали ей никакой возможности ехать доучиваться в консерваторию. Поэтому, когда мы одновременно окончили гимназию, я ей предложил из моих денсг — (это был капитал, на который происходило мое воспитание, и моя мать незадолго до окончания гимназии предупредила меня, что до сих пор *она* распоряжалась моими деньгами, а теперь я вскоре достигаю совершеннолетия и тогда сам становлюсь их полновластным хозяином) 500 р. на поездку в консерваторию, «а потом, когда у Вас будут свои деньги, Вы сможете мне отдать». И это было к моей радости решено, и я имел удовольствие студентом I курса приветствовать Леру в Москве и устраивать ей комнату.

Это было мое первое совершеннолетнее распоряжение *своими* деньгами.

Так мы жили с Пешковским у Петровых, но вся наша светская жизнь проходила в доме Воллк-Ланевских. Пешковский уже тогда отличался феноменальной рассеянностью.

Помню, как он, подходя к самовару, наливал ссбе чай — что было обычаем у Петровых — ссбе перекладывал в чашку весь сахар из стакана Алекс<андры> Мих<айловны> и наливал себе, а мы все, умолкнувши, внимательно и изумленно следили за его действиями.

Он, когда открывал случай собственной рассеянности, всегда изумлялся в три приема: «А! АА! ААА!!!»

В то же время, как ученик, он поражал преподавателей редкой добросовестностью и исполнительностью и основательным и образцовым проникновением в глубь предмета.

Особенно это сказывалось в русских сочинениях, которые всегда поражали своею основательностью, мерой и тщательностью.

Мои же – литературным талантом – фельетонным даром, парадоксальностью. Преподавателем у нас в то время был Галабутский, который мог оценить подаваемые ему работы. Должен сознаться, что он от моих «сочинений» иногда приходил в отчаяние и возвращал мне тетрадку со словами: «Как фельетон это очень хорошо, но как гимназическое сочинение это настолько выпадает из всяких рамок, что нельзя это ценить никакой отметкой». Помню какая история была у меня с сочинением на тему о «Памятнике» Пушкина. Пред этим сочинением я прочел статьи Писарева о Пушкине, и все это, конечно, отразилось в моей гимназической работе. К счастью в Галабутском не было никакой «формальности» и никакого формального отношения к делу.

26/III 1932.

Позже Лера В<оллк>-Л<аневская> мне рассказывала, что она в те годы была влюблена в Пешковского. Он казался ей необыкновенным персонажем из Теодора Гофмана – поэта, которого она обожала. П<ешковский> ей представлялся не имеющим никаких человеческих привычек, и, когда он однажды у них обедал, она была потрясена: *он ест*!

Живя всю жизнь в Москве, я не имел понятия, чем является «бульвар» в жизни глухого провинциального города. В Москве «бульвар» тоже существует, но имеет иной смысл, более обнаженный и циничный (близкий с понятием «проституции»); в Феодосии же я застал бульвар невинный, детский. Он был истинным развлечением молодежи – гимназисток и гимназистов. Мне он очень понравился, и в мои гимназические годы я всегда ходил гулять на Итальянскую

и на бульвар. В то время он был еще на берегу моря. Летом по вечерам здесь нередко играла музыка. Обычно я ходил с Пешковским или с кем-либо из товарищей. Задача была раскланяться со всеми знаком<ыми>, не пропустив ни одной.

Иногда завязывались разговоры с незнакомыми. «Поэт... Скажите какой-нибудь экспромт».

– Какие хорошие стихи у Вас! В них даже смысл есть! –

28/III 1932.

Воспоминанье о перв<ом> годе в Феодосии. Яшерова Ольга Васильевна. Поэтесса. Обмен стихами. Городское событие. Обеспокоенность директора Виногр<адова> и начальницы Ж<енской> г<имназии>. <Слухи> о наших стихах и детск<ой> влюбленности стали сказкой всего города. Я ничего не имел против этого. Оля, очевидно, тоже. Прежде всего ничего переходящего запретные даже для гимназистов грани у нас не было. А, очевидно, гимназические педагоги боялись именно и только *этого.* Но я в то время слишком был далек от этого. У меня в те годы еще совсем не было чувственности. Помню, как года 3 позже – я был студентом, – одна подруга моей кузины Лели Ляминой говорила ей про меня: «Я нисколько не боюсь и не стыжусь его. Если понадобилось, я могла бы без всякого стыда пойти с ним в баню и позволить мне вымыть спину». И я сам очень гордился этим мнением о себе и всем хвастался.

Но не будь я так защищен от всех соблазнов, это могла быть совсем иная история. Я помню, Ол<ьга> Вас<ильевна> зазвала меня к своей подруге, жившей рядом с В<оллк>-Ланевски<ми> – наискось, немного выше их, на глухой Армянской улице. Мы там встречались вечерами – вход в эту комнату был непосредственно с улицы. Кроме меня там же бывали молодые люди совершенно иного склада и стиля: франтоватый приказчик из галантерейного магазина Кашлю, который мне очень не нравился. Как человек совсем иного общества и стиля. Не очень давно у меня <с> Лерой В<оллк>-Ланевской был разговор, в котором мы вспоминали О. Яшерову. Лера говорила: «Мне Оля очень нравилась.

Она была своеобразная и живая. Она после приезжала в Феодосию. Но в то время про нее много говорили плохо».

Как-то в годы больш<евистского> террора ко мне подошел на улице маленький еврейчик и сказал: «Вы когда-то были знакомы с моей тетей. Вы были гимназистом, а она барышней. Она жила на Армянской улице, и вас познакомила Яшерова. Все в те дни нехорошо говорили о ней». Я ничего нехорошего не видел, но на свои впечатления тех лет положиться не могу.

29/III 1932.

Я старался вспомнить О<льгу> В<асильевну> как можно четче. Она была некрасива. У нее был тяжелый подбородок, как сношенный башмак. Вислый рот. Запах «парфюмерии». Почему-то вспоминаются ее чулки и башмаки. Помню, как она в одно «после обеда», взяв меня спутником, завела меня к себе, достала из кармана шоколад и жевала его с какими-то кристалликами (объяснив, что у них очень неприятный вкус). Потом она мне объяснила, что это был медный купорос. Но все это было как-то несерьезно, и я не поверил тому, что она отравилась. И не придавал этому никакого значения. Но, вероятно, она наелась чего-то, потому что потом ее при мне два раза стошнило. Я так и не понял, зачем это было ей нужно. Но, рассказывая потом об этом дне, она говорила: «Когда я отравилась... Помните?» У меня так и осталось недоумение: что это, в сущности, было? Зачем она травилась при мне? К чему я ей был нужен – как свидетель? Для В<оллк>-Ланевских – т<ак> к<ак> именно у них она брала шоколад? И приходила в отчаяние, что у нее самоубийство не удалось, т<ак> к<ак> она без шоколада «такую гадость» еще раз глотать ни за что не сможет.

Это было едва ли не наше последнее свидание: после наступили летние каникулы и О<льга> В<асильевна> не вернулась ни в гимназию, ни в Феодосию. Спустя несколько лет она возвращалась, по словам Леры. Но я ее не видел.

Помню еще несколько моих «романов» <в> те годы. Вдохновительницей их была, по-видимому, моя мать, кото-

рая мне неоднократно повторяла: «Какой же ты поэт, если ни разу не был влюблен?» Вкуса к любви безнадежной и неразделенной у меня не было. Потому, когда я узнавал, что кто-нибудь из моих сверстниц мною интересуется, то немедленно торопился ответить им равносильным чувством. Таки<х> ответных романов у меня было два: Кл<имент>ина Понсар и Клинкермахер. Первая была сестра жены Артура (брат) Пешковского, кот<орый> был женат на француженке, о кот<орой> сам *Пешковский* был невысокого мнения. Она была гимназисткой IV–V класса. Узнал я это от ее подруг: ее, оче<ви>дно, многие уже дразнили в гимназии.

Нас познакомили, но она так конфузилась меня, а я ее, что из этого знакомства ничего не вышло. Тем более что я и не знал, что собственно мне нужно от нее добивать<ся>.

Помню, я ей написал стихотворение, которое заканчивалось стихами:

Вам, дома, и <вам>, долины,
Так и хочется все мне
Крикнуть имя Климентины
В этой мертвой тишине.

Стихи, конечно, были навеяны моей квартирой на Митридате у лютеранского кистера. По<м>ню, они очень понравились одному серьезному гимназисту стар<шего> клас<с>а Нефедову, которому я иногда читал мои стихи, а он подробно и логически разбирал их. Очевидно, подражая журнальным критикам того времени. Он находил последние строки очень картинными по иронии и по цинизму, очевидно, имя Климентины для него ассоциировалось с рядом мне чуждых бульварных ассоциаций.

Но я от элемента иронии не отрекался.

С Клинкермахер было приблизительно то же самое. Только она была еще более застенчивая и онемевша<я>, чем К. Понсар. Наше знакомство состоялось в комнате ее сестры, где-то на татарском Форштадте, и было так мучительно, что я более не повторял этого горестного опыта.

29/III 1932.

Сегодня наверху, роясь в архиве Алек<сандры> Мих<айловны>, я наткнулся случайно на одно свое письмо – очевидно самое последнее, написанное ей перед ее неожиданной смертью. Письмо написано осенью 1920 года после моей большой болезни, которая мне не давала ни встать, ни сесть в течение 10 месяцев, которые я пролежал в полной покинутости в своей мастерской в Коктебеле. Когда мама была уже так слаба, что не могла ко мне подняться по лестнице в следующий этаж, а я не мог спуститься, а в доме с нами не было никого из близких, кого можно было попросить ко мне подняться, никого, кто бы занялся мною. Это было лето, когда у нас работал Пшеславский с компанией художников. У нас же жила жена Кедрова с девочками – Наташей и др.

30/III 1932.

Я все лето просидел в кресле. Сперва очень болели ноги и колени. До этого, за день, как мне слечь, я съездил в Феодосию и там встретился случайно в Центро-Союзе с Гумилевым. Я делал последние дела для приема Пшеславского и его группы художников, которые должны были, как было условлено, приехать в Коктебель лепить памятник «Освобождение Крыма» на месте екатерининского «Присоединения Крыма» в Симферополе. Памятник был хороший. Фигура Екатерины – Микешинская. Кругом на пьедестале деятели Екатерининского царствования – Потемкин, Долгоруков...

В профиль у Потемкина в руке был свиток бумаги. Он торчал в том месте, где должен был быть фаллос in erectio*. Это была радость гимназистов. И меня в детстве водили туда товарищи показывать эту достопримечательность. Приехавши зимой 1920 г. в Симферополь, я увидел памятник на месте еще не тронутым. Я был назначен в первомайскую комиссию, в которой принимал участие. В программе, составленной Крымским Исполкомом, был м<ежду> пр<очим> пункт: проект памятника «Освобождения Крыма» Фрунзе,

* В возбуждении (*лат.*).

которым было бы можно заменить на том же пьедестале памятник Екатерины.

В последний день заседания комиссии на улице ночью т<овари>щ Бугайский – секретарь Исполкома – счел нужным поговорить со мною наедине: «Вы обратили внимание, т<овари>щ Волошин: никто не представил проекта памятника "Освобождение Крыма"? А у меня он есть. То есть я придумал, что именно нужно изобразить, и все надписи. Нет ли у Вас знакомого художника, который мог бы мне это зарисовать? Важно только это зарисовать. Премия большая: 150 000. Мы ее получим – и я бы охотно с ним поделился. Конкурентов нет». Мне тут же пришел <в> голову Пшеславский. Он был ловкий и вполне приличный рисовальщик. Он работал в Мюнхене с Рубо над Севастопольской панорамой и вполне мог сделать проект памятника «Освобождение Крыма». Мое предложение ему понравилось. По проекту Бугайского центральной фигурой должна была быть фигура рабочего, сдирающего цепь с земного шара, с обложки немецкого журнала «International». А по краям расположены надписи из текста гимна. Проект был зарисован через 2 часа, а лепить его решили ехать на все лето в Коктебель с группой художников, которых Пш<еславский> должен <был> привлечь для этой работы. Вот ожидая Пш<еславского> с компанией художников я и отправился накануне их прибытия в Феодосию для того, чтобы взять в ГПУ разрешение на право работы с натуры на всех ожидаемых и для себя самого. Не помню уже почему – мне понадобилось зайти в контору Центро-Союза. И Коля Нич, котор<ый> там служил, спросил меня: «А Вы знаете поэта такого-то?» И подсунул мне карточку: Николай Степанович *Гумилев*. «Постой, да вот он сам, кажется». И в том конце комнаты я увидал Гумилева, очень изменившего<ся>, похудевшего и возмужавшего: «Да с Николаем Степановичем <мы> давно знакомы», – сказал я.

Мы не видались с Гумилевым с момента нашей дуэли, когда я после его двойного выстрела, когда секунданты объявили дуэль оконченной, тем не менее, отказался подать ему руку. Я давно думал о том, что мне нужно будет сказать ему, если мы с ним встретимся. Поэтому я сказал: «Николай Сте-

панович, со времени нашей дуэли прошло слишком много разных событий такой важности, что теперь мы можем, не вспоминая о прошлом, подать друг другу руки». Он нечленораздельно пробормотал мне что-то в ответ, и мы пожали друг другу руки. Я почувствовал совершенно неуместную потребность договорить то, что не было сказано в момент оскорбления:

«Если я счел тогда нужным прибегнуть к такой крайней мере, как оскорбление личности, то не потому, что сомневался в правде Ваших слов, но потому, что Вы об этом сочли возможным говорить вообще».

«Но я не говорил. Вы – поверили словам той сумасшедшей женщины... Впрочем... если Вы не удовлетворены, то я могу отвечать за свои слова, как тогда...»

Это были последние слова, сказанные между нами. В это время кто-то ворвался в комнату и крикнул ему: «Адмирал – Вас ждет, миноносец сейчас отваливает». Это был посланный нар<к>омси (быв<шего> адмирала) Немица, с которым Гумилев в это лето делал прогулку вдоль берегов Крыма.

Я на другой день уехал в Коктебель и там слег в постель: мне недомогалось уже давно, зимой, но время было слишком острое – я не позволял себе заболеть. Но, попав домой, решил себе разрешить поболеть 2–3 дня и слег; но, раз подогнув ноги, не мог уже встать 10 месяцев. А Гумилев вернулся в СПб. и осенью был расстрелян по обвинению в NN заговоре.

Когда я заболел, то сначала около меня была Валетка, которая, ожидая разрешения выезда за границу, прожила все страшное время в Ялте (с графиней Кавур). Она делала мне массаж ноги и горячие ванны.

Затем она исчезла из Коктебеля, и ей, кажется, удалось-таки пробраться в Париж.

Ко мне каждое послеобеда поднималась Ольга Андреевна. Приносила манной каши, кот<орую> готовила мама, и два кофейника с горячей водой и, кажется, отваром шалфея. При этом рассказывала мне всякие новости – гл<авным> образ<ом>, кто меня хочет расстрелять. Сперва были крас-

ные, потом, когда ждали со дня на день «перемены», <— белые>. (Дважды большев<ики> давали приказ об эвакуации Крыма.)

Потом моею болезнью заинтересовались друзья, и меня устроили в санаторию в Феодосию. Мое письмо относится к тому времени, когда И.В. Гончаров заехал за мной на своем автомобиле и перевез меня в санаторию. Но я не сразу поселился там, а провел несколько дней на своей городской квартире (д<ом> Лампси). В эти дни я очевидно и написал это письмо к Ал<ександре> Мих<айловне>:

«Дорогая Алек<сандра> Мих<айловна>, получил Ваше апостольское послание. Мне досадно, что мы, будучи уже в одном городе, разделены и лишены возможности беседы. А болезни своей я радуюсь: подумайте: после трепки 10 месяцев – собраний, лекций, дел о приговоренных, быть кинутым судьбой в собственную комнату в полное уединение. Это – блаженство. Я наслаждался тишиной этого лета. Работал. Писал стихи. Одно – законченное – посылаю. (“Бойня”). Оно, кажется, полнее других передает Феодосийский Декабрь.

Современность доходит до меня в виде угроз: знакомые и друзья считают долгом осведомлять меня о разговорах, ведомых по моему адресу. По очереди все меня предупреждают: “Берегитесь Чека – оно очень настроено против Вас и непременно Вас арестует, как сочувствующего белым”. А с другой стороны: “Ну, как только будет перемена, мы расправимся с В<олошиным> в первую голову. Он еще поплатится за свой большевизм”. Deux pays!* Приятно родиться поэтом в России. Приятно чувствовать сочувствие и поддержку в безымянных массах своих сограждан. С каждым разом этот вопрос ставится более и более остро: кто меня повесит раньше: красные – за то, что я белый, или белые за то, что я красный?»

Эти сведения у меня были от Ольги Андреевны Юнге, которая мне, принося кипяток, считала нужным развлекать меня разговорами. Она же мне рассказывала, что меня

* Два отечества! (*фр.*)

в Коктебеле считают все очень влиятельным членом Чека: «Он что угодно может сделать. Может кого угодно спасти от расстрела. Только очень дорого берет за это. Вот братьев Юнге арестовали — он их через несколько дней освободил. Только они раньше богатые были. А теперь — нищие. А Волошин — видите какой богатый теперь — иначе как на собств<енном> автомобиле никуда не ездит».

О том же, что сама Ол<ьга> Андр<еевна> отвечала моим доброжелателям — она молчала.

Потом в письме я продолжаю:

«Не знаю как Вы, Алекс<андра> Мих<айловна>, свою <болезнь>, а я свою благословлю: право, более умно и толково провести лето в такой год, чем его провел я, было невозможно. Все провиденциально. И я убежден, что способность владеть ногам<и> я обрету именно тогда, когда они мне понадобятся во что бы то ни стало».

Здесь в комнатке Лампси я узнал последние вести с севера: смерть Блока и расстрел Гумилева. В эти дни в этой комнатке я написал стихи их памяти и стихотворение «Готовность». Сперва это было одно большое стихотворение. Оно так и было списано у меня кем-то и потом появилось в берлинском б<елогвардейск>ком журнале. Но я уже разделил <его> на 2 стих<отворения> окончательно.

Скоро я нашел силы добраться до Алекс<андры> Мих<айловны>. Она жила как раз на противоположном конце города. Но я, опираясь на две палки, уже без костылей, добрался до Алек<сандры> Мих<айловны>. Болезнь А. М. в это время очень прогрессировала. За ней ухаживала Ж.Г. Богаевская. Ей трудно было с диетой: я ей предложил мой паек, что мне давали в Институте, где был и тогда Нар<одный> университет, куда я был приглашен читать курс по истории культуры. И объявил курс о людоедстве. Он начинался со Свифтова «Скромного предложения» — проект боен для ирландских детей.

Однажды утром, когда я не видел А. М. дня 2–3, ко мне в Санаторию пришел К<онстантин> Ф<едорович>.

По его лицу, особенно мрачному, я понял, что случилось что-то недоброе: «Ты знаешь, что Ал<ександра>

Мих<айловна> сегодня умерла... Да... утром. Фина была у нее в это время. Она была взволнована вестями о Слащеве. И много говорила о нем. Пред этим заходила утром Нина Алекс<андровна>. Они беседовали с большим жаром. Потом Н. А. ушла и пришла Фина. А. М. заговорила о Люд<в>иге и о его матери. Она очень хотела, чтобы его мать на первое время переселилась к ней, чтобы присмотреть за детьми (племянниками). Она сидела на постели в своем углу – между пианино и камином, опустив голову, и говорила про себя: "Мария Ивановна... Марфа Ивановна... прекрасный человек... Марфа Ивановна... Я ей приготовила ту комнату, где жила бабушка". Тут Фина заметила, что ей нехорошо. У нее остановился взгляд.

Она сжала рот и закусила губу. Вероятно, чтобы не крикнуть. И в этот момент, вероятно, вода прорвалась снизу в голову. Лицо было очень напряжено, глаза почти вышли из орбит, она напрягла все силы воли. А потом вода, очевидно, спала и опять ее лицо приняло обычный вид. Она была мертва».

Мы оба тотчас поняли, что нам надо идти устраивать похороны. Это при большевиках было сложно и трудно. Но у меня уже был опыт: я недавно, недели за 2 пред этим, устраивал похороны m<ada>me Маркс, Аглаиды Валерьевны... Сложно было устроить гроб, перенос, могилу и т. д. Все это было очень сложно. Но в Горсовете меня знали, и это было сравнительно упрощено. Лес для гроба нашелся у Богаевского. К нему же пришел плотник.

Вечером мы сидели в комнате А. М. – в гостиной. Собрался целый ряд людей – большею частью ее подруги и дамы, которые ее знали с детства. По лютеранскому обычаю (семья Дуранте) все сидели в ее комнате и в ее присутствии (она уже лежала на столе) вполголоса говорили о ней. Вспоминали ее. На другой день я зашел утром. Она лежала в гробу. И К<онстантин> Ф<едорович> мне шепотом сказала: «Гроб пришлось заколотить. Ты знаешь – странная вещь: она за одну ночь успела совсем разложиться».

Мы молча шли за гробом до самого кладбища, и было странное чувство: мы говорили об этом на ходу с

К<онстантином> Ф<едоровичем>: «Как странно – она была только что совсем живая. Говорила страстно до последнего мгновения. Смерть буквально перехватила горло. А вот сегодня ее уже нет. Совсем нет. Физически нет – она сбросила тело, как плащ, изношенный вконец. Кот<орый> так обветшал, что не мог сам держаться на плечах. Изжила жизнь до конца. В этой быстроте разложения плоти есть нечто знаменательное и прекрасное». С этим чувством мы оба выходили с кладбища.

1/IV 1932.

Генерала Никандра Александровича Маркса я узнал очень давно, как нашего близкого соседа по имению: он жил в Отузах, соседней долине. Узнал я его первоначально через семью Нич. Вера была подругой его падчерицы – Оли Фредерикс и долго гостила у них в Тифлисе и проводила часть лета в Отузах – в Отрадном. Так называлась дача Оли, построенная на берегу моря, в отличие от старого дома в Нижних Отузах в стороне шоссе, где был старый дом и подвал.

Никандр Александрович по крови является старым крымским обитателем, и виноградники, которыми он владел в Отузах, принадлежали его роду еще до Екатерининского завоевания. По матери он происходил из греческой семьи Цырули, которая за сочувствие русскому завоеванию получила в дар ряд виноградников в Отузах, имеет там на вершине одного из сыртов при выходе из деревни родовые усыпальницы. Судьба Маркса была нормальная судьба человека, в юности поставленного на рельсы военной службы. После корпуса он попал в военное училище, а после – на службу кавказского наместника, где прослужил мирно и успешно лет 30. Постепенно в свои сроки ему шли чины. В 1906 году он был уже в генеральских чинах. Но здесь произошло очень важное отступление. В России веял либеральный ветер. Он коснулся и Маркса. Он в это время прочел Льва Толстого. Его затронул его протест против войны. Он ездил с Олей в Ясную Поляну, познакомился с ним лично, беседовал и вскоре покинул военную службу, а позже (в ге-

Заказ 3692

неральских чинах) поступил вольнослушателем в университет. Окончил его, защищал диссертацию и был приглашен на кафедру Палеографии в Археологический Институт, где читал курс в течение нескольких лет по древнему Русскому Праву. В эпоху Первой Государственной Думы он примкнул к народным социалистам и фракции трудовиков. В эти годы характер жизни Марксов – они живут в Малом Власьевском пер<еулке> – меняется и получает характер литературного салона.

Н.А. записывает «легенды Крыма» и издает их выпусками. Первые выпуски – иллюстрированы К.К. Арцуловым. Я знаю, что у него бывали многие начинающие поэты того поколения, напр<имер>, Вера Звягинцева, которая мне об этом рассказывала много позже в Коктебеле.

Хотя Маркс был давно в отставке, однако во время войны 1914 года, как сравнительно молодой (для генерала) по возрасту, он был призван на службу. Но т<ак> к<ак> он был в это время по чину уже полный генерал, то ему был поручен ответственный пост начальника Штаба Южной Армии. Таким образом центром его деятельности стала Одесса. Революция застала его начальником Одесского военного Округа. Он, как человек умный и не чуждый политике, вел себя с большим тактом и был, кажется, единственным не допустившим беспорядков в 1917 г. в непосредственном тылу армии, а также предотвратившим в Одессе заранее все назревавшие еврейские погромы. На Государственном совещании в Москве он выступил против Быховских генералов – т. е. Деникина, Корнилова и пр<очих>, образовавших после ядро Добровольческой армии.

Но в военной среде было тогда уже недовольство Марксом за его излишний, как тогда считали, «демократизм». Но этот демократизм был вполне естественным крымским обычаем. Маркс подавал руку нижним чинам и всякого, кто ни приходил в его дом, гостеприимно звал в гостиную и предлагал чашку кофе. Это вполне естественное в Крыму гостеприимство и отношение к гостю вне каких бы то ни было социальных различий рассматривали в военной и офицерской среде как непристойное популярничанье и за-

искивание пред демократией. Это создавало Марксу дурную славу задолго до обвинений против него.

Большевики докатились до Одессы только в декабре. До декабря весь 1917 год Маркс вел в Одессе очень мудрую и осторожную политику: виделся с лидерами всех партий и поддерживал порядок. В декабре он передал власть в руки коммунистов и уехал в Отузы, где мирно и тихо провел 1918 год, обрабатывая свои виноградники и занимаясь виноделием. В 1918 году я был у него несколько раз в Отузах с Т<ати>дой и снова или, вернее, по-новому подружился с ним.

2/IV 1932.

На следующую осень в 1918 году я надумал поехать в Одессу читать лекции, надеясь заработать.

Ко мне присоединилась Татида, кот<орая> ехала в Одессу искать место бактериолога.

У меня были в Одессе – Цетлины, которые меня звали к себе. Я заехал в Ялту, а оттуда в Севастополь и Симферополь.

Это меня задержало, и в Одессу я попал только в 1919 году.

Одесса и ее поэты: кружок Зеленой Лампы, Олеша, Багрицкий, Гроссман, Вен<иамин> Бабаджан. Я читал лекции и выступал на литературных чтениях иногда с бурным успехом (Устная газета, Тэффи).

Одесса была переполнена добровольцами. Потом пришли григорьевцы. Эвакуация. Передача Одессы большевикам. Вечер вступления григорьевцев.

С момента отъезда из Одессы начинается моя романтическая авантюра по Крыму. Я выехал на шаланде рыбацкой с тремя матросами, которым меня поручил Немиц. Прежде всего не им мне, а мне им пришлось оказать важную услугу: море сторожил французский флот и против Тендровой Косы стоял сторожевой крейсер и все суда, идущие из Одессы, останавливались миноносцами. Мы были остановлены: к нам на борт сошел франц<узский> офицер и спросил переводчика. Я выступил в качестве такого и рекомендовался «буржуем», бегущим из Одессы от большевиков.

Очень быстро мы столковались. Общие знакомые в Париже и т<ак> д<алее>. Нас пропустили.

«А здорово вы, т<оварищ> Волошин, буржуя представляете», – сказали мне после обрадованные матросы, кот<орые> вовсе не ждали, что все сойдет так быстро и легко. Их отношение ко мне сразу переменилось.

Через 2 дня мы подошли к Крымским берегам. Мы должны были высадиться <в> гавани Ак-Мечеть в пограничный <?> и очень удобный заливчик в степном нагорноплоском берегу, где можно было оставить судно до возвращения. Плавая по морю, мы совершенно не знали, что за нами и что делается на берегу. Слышался грохот орудий, скакала кавалерия, но кто с кем и против кого были эти действия, мы не знали. Не знали и фр<анцузы>, которых я расспрашивал. В Ак-Мечети оказался отряд Тарановцев. Партизанский отряд бывших каторжников, пользовавшихся в Крыму грозной славой. Не зная, как и что на берегу, мы подошли без флага. Нас встретили пулеметами. Я сидел, сложив ноги крестом, и переводил Анри де Ренье. Это была завлекательная работа, которую я не оставлял во время пути. Мои матросы, перепуганные слишком частым и неприятным огнем пулеметов, пули которых скакали по палубе, по волнам кругом и дырявили парус, ответили малым загибом П<етра> Великого. Я мог воочию убедиться, насколько живое слово может быть сильнее машины: пулемет сразу поперхнулся и остановился. Это факт не единичный: сколько я слышал рассказов о том, как людям, кот<орых> вели на расстрел, удавалось «отругаться» от матросов и спасти себе этим жизнь. Нас перестали обстреливать, дали поднять крас<ный> флаг и, узнав, что мы из Одессы, приняли с распростертыми объятиями. На берегу моря стоял дом Воронцовых с выбитыми рамами, с развороченными комнатами, сорванными гардинами. Нас прежде всего покормили, а потом в сумерках подали нам великолепную коляску (до Евпатории было 120 верст) и помчали нас через Евпаторийский плоский полуостров по белым дорогам, мимо разграбленных и опустелых имений. Иногда останавливались менять лошадей, и тогда мы попадали в обстановку деревенского хозяйства на несколько ми-

нут и снова начинался ровный и однообразный бег крепких лошадей по лунным степям.

На рассвете показались крыши, купола и минареты Евпатории, а на рейде – мачты кораблей, не могущих выйти в открытое море. Мы въехали в город. Сперва явились в прифронтовую Чрез<вычайную> Комиссию, где нам дали ордера на комнаты в хану. Это был типичный крымский постоялый двор – четырехугольник, окруженный круговым балконом, по которому шли номера. В одном номере поместились 3 наших матроса, а в соседнем – мы с Татидой.

3/IV 1932.

У матросов, как только мы приехали, началось капуанское «растление нравов». На столе появилось вино, хлеб, сало, гитара, гармоника, две барышни. «Товарищ Волошин, пожалуйте к нам». Было ясно, что они решили отпраздновать «благополучное завершение» опасного перехода. Ночью все успокоилось. И среди тишины раздался громкий резкий начальственный стук в дверь. Ответило невнятное мычание. «Отворите, товарищи. Стучит Прифронтовая Чр<езвычайная> Комиссия. Разве вы, товарищи, не знаете последнего приказа: в Крыму по случаю осадного положения запрещено спать с бабами». В ответ послышалось дикое и непокорное рычание.

– Мы сами служащие Одесского Ч. К., и никакого такого приказа мы в Одессе не знаем.

Тем не менее 3 барышни были из № матросов извлечены и переведены в комнаты Ч. К., что и требовалось доказать. Снова все успокоилось. На следующий день я отправился в город.

Город не имел никаких сношений с остальным Крымом: морем нельзя было выйти из порта – на рейде сторожил франц<узский> флот. Жел<езная> дор<ога> бездействовала – паровозов не было. Мне захотелось есть, и я зашел в один из еще не закрытых ресторанов. Там рядом с нами за соседним столиком сидела семья. Ее глава, толстый господин в усах и в каскетке, так пристально приглядывался ко мне, что я обратил на них внимание. Дама – пожилая пол-

ная, была прилично одета, дети – мальчик и девочка – были вполне «дети хорошей семьи», с ними сидела сухопарая девица, имевшая вид гувернантки. Его самого я определил по виду, как «недорезанного буржуя». Он подозвал мальчика, что-то прошептал ему, и мальчик направился ко мне и спросил: «Скажите, Вы не Максимилиан Волошин? Папа послал узнать». Я подошел к соседнему столику. «Вы меня знаете? Где мы встречались?» – «А я был у Вас в Коктебеле несколько лет назад. Я к вам заезжал из Судака по рекомендации Герцык. Мы с Вами полночи просидели, беседуя в Вашей мастерской. Вы мне показывали Ваши рисунки. Я был тогда еще в почтовой форме».

Мы с ним дружески побеседовали, но я так и не вспомнил его. Он попросил меня зайти к нему. На следующий день, бродя по городу, я встретил барышню, которая имела вид гувернантки. Я спросил ее о вчерашних знакомцах. «Они сейчас у себя». – «А где они живут?» – «Их вагон стоит на путях возле вокзала». – «Почему же он живет в вагоне? А, в собственном вагоне». – «Он всегда в собственном вагоне». – «Почему же он в соб<ственном> вагоне? Разве он сейчас какая-нибудь важная шишка?» – «Как же, они командующий 13<-й> армией». – «А как же его фамилия?» – NN. Я сейчас же отправился на вокзал. Спросил вагон NN и полчаса спустя снова сидел у NN. Он меня сперва расспросил о моей судьбе. Я ему рассказал подробно об Одессе, о нашем путешествии, о матросах, о нашем затруднении выехать дальше... Он сказал тотчас же: «Я сию минуту телеграфирую Дыбенке, чтобы от них прислали нам паровоз. И завтра сам отвезу Вас до Симферополя. Будьте здесь на вокзале с матросами завтра часа в 4».

Вернувшись в хан, я сказал матросам, как нам повезло и что завтра в 4 часа я их повезу дальше. Т<аким> об<разом> роли наши переменились. Раньше они меня везли, а теперь я их. Уважению их и преданности не было конца. Это сказалось в отношении к моему багажу. До сих пор я сам с трудом и напряжением тащил мои чемоданы, – теперь матросы сами наперебой хватали их и даже подрались из-за того, кто понесет.

Я всегда с недоверием читал рассказ Светония о Цезаре в плену у пиратов. Теперь я убедил<ся>, что Светоний нисколько не преувеличил.

4/IV 1932.

Для матросов был прицеплен вагон (теплушка). Тогда теплушками назывались пустые товарные вагоны без лавок внутри. Мы с Татидой были приглашены в вагон командарма. Сперва мы довольно долго сидели в купе у барышни-секретаря, потом я был приглашен к командарму. Сперва была большая пауза. Затем он почувствовал необходимость поговорить по душам. «Вот Вы знаете, т<овари>щ Волошин, что земля делает каждое мгновение – крутясь вокруг солнца – 22 движения и ни в одной космографии – почему? А я понял... Помню раз, когда я в Сибири был на Дальнем Севере, туземцы костер развели: они у огня грелись. Я присмотрелся и вижу у них правильные планетарные движения получаются: с одной стороны – огонь, а с другой стороны – ледяной ветер: я подумал – ведь в Солнечной системе как раз та же констелляция – здесь солнце, а с другой стороны междузвездная стужа, –270 градусов – представляете себе, какой сквозняк. Вот она и вертится, бока себе обогревает – то одним краем, то другим. А у ней еще “ось вывихнута”, представляете себе, как ей трудно? По-моему, пора землю от влияния солнца освободить. Что ж это, право: точно она в крепостной зависимости от Солнца! Вот я решил землю освободить. Сперва мы ей ось выправим: ведь климаты имеют причиной главным образом искривление земной оси. А когда мы ось выпрямим, тогда на всей земле – один ровный климат будет».

– А как же вы ей ось выпрямлять будете?

– А у меня для этого система механических весел придумана по экватору. Они и будут грести, то с одной стороны, то с другой. Обо что грести? Вот, как начнем грести, тогда и узнаем, в чем земля плавает. А потом путешествовать поедем по всемирному пространству. Довольно нам в крепостной зависимости от солнца, точно лошадь на корде, по одному и тому же кругу бегать.

Так в поучительной и интересной беседе мы скоротали путь до Симферополя и не заметили, как поезд дошел до станции.

Т<ак> к<ак> было уже поздно, то с вокзала никого приехавших не пускали, и пришлось ночевать тут же в общей зале на холодном каменном полу.

Перед тем как проститься, командующий дал мне карточку, на которой написал несколько слов, и сказал:

«Вот этого т<овари>ща Вы найдете в Г.П.У., фамилия его – такая-то. Он Вам даст и пропуск до Феодосии. А Вам пропуск понадобится. Теперь там верно военные действия – так не пропустят».

В Симферополе я устроил Т<атиду> у Кедровых, а самого меня пустили ночевать к Семенкович, где я останавливался до Одессы.

M<ada>me Семенкович была когда<-то> приятельницей Чехова – они были соседями Ч<ехова> по северному имению Ч<ехова> и в переписке его опубликован ряд писем Ан<тона> Павл<овича> к Семенковичам.

Здесь же я узнал вести, для меня неблагоприятные. Мне рассказали, что в Симф<еропольском> Исполкоме на какой<-то> ответственной должности теперь находится подруга т. Новицкого т. Лаура, которая, услышав о моем приезде, говорила: «Ну, если Волошин опять станет свои эстетические лекции читать, то ему головы не сносить».

Но читать лекции в Симферополе я не собирался, а спешил в Феодосию.

Зашел на другой день по рекомендации командарма в Г.П.У. и спросил т<овари>ща Ахтырского. Так, по-моему, была его фамилия. Он отнесся ко мне очень хорошо и знал мое имя. И спросил меня прежде всего: «Хотите, я Вам дам бумаги о том, что Вы наш сотрудник». Я ничего не знал тогда о Г.П.У. и наивно, на свое счастье, спросил: «А это не поставит меня в какие-нибудь неудобные обязательства по отношению к воинской повинности?»

– Да, это возложит на Вас некоторые обязательства во время призыва.

Я тогда поспешил от этого отказаться, и он мне тогда просто выдал бумагу о проезде в Феодосию.

Значение этой бумаги я оценил во время пути. В Симф<ерополе> я нашел спутника, какого-то юриста, командированного из Феод<осии> по каким-то надобностям. Мы благополучно доехали до Карасубазара. Тут нам предстояла перемена лошадей. Заведующий этим был очень занят и сказал: «Лошадей нет... Можете подождать до завтра».

Я молча покорился судьбе. Но вспомнил о бумаге от Г.П.У. и неуверенно достал ее из кармана. Но она произвела неожиданный эффект. Коменданта, когда он увидел печать Г.П.У., прямо передернуло. Он схватил со стола телефонную трубку и начал сразу в нее кричать: «Эй, там! Давайте сюда лошадей, да получше!» И мы не успели спуститься из II этажа – лошади нас уже ждали внизу и через несколько часов, еще до вечера, мы поднимались по крутой дороге, ведущей петлями в Топловский Монастырь, откуда те же лошади доставили нас на следующее утро в г. Старый Крым. Здесь нам предстояла новая смена лошадей. Здесь на улице я увидел художника Котю Астафьева. Он меня окликнул и попросил пока слезть с телеги. Он сказал, что заведует охраной искусства, но пока дела идут неважно – из Феодосии не высылают нужных полномочий. В Шах-Мамае исполком соседнего села завладел картинами Айвазовского и не отдает ему, несмотря на его просьбы и требования. Я ему сказал: «Я думаю это просто устроить: я еду в Феодосию, чтобы принять отдел Искусства, – вот у меня командировка из Одессы. У меня сейчас нет печати, но я думаю, это возможно будет устроить. Где в Ст<аром> Крыму местный Исполком?» Исполком был напротив. Мы с Астафьевым зашли туда. Я сказал председателю: «Т<овари>щ, вот в чем дело. Я назначен из Одессы заведовать в Феодосии Отделом Искусства. У меня нет печати, а у Вас здесь я обнаружил беспорядки. Мне сейчас надо написать бумагу в Исполком села такого<-то> относительно картин Айвазовского. Может, Вы мне скрепите их печатью своей?»

Когда я написал бумагу очень внушительную и она была беспрекословно скреплена, К. Ас<тафьев> мне сказал:

«Я Вас хочу познакомить со своей женой, она здесь напротив принимает книги».

Мы перешли улицу, и в небольшой комнате, заставленной связками книг реквизированных библиотек, я был представлен Ольге Васильевне. Затем мы с Т<атидой> уже сели на свою повозку, когда Котя А. остановил меня: «Да, я забыл Вам сказать, что Ваша библиотека, кажется, на днях разгромлена». Я очень спокойно начал его разубеждать и говорить: «Я знаю, что этого не было». Т<ати>да была очень удивлена моей уверенностью и спокойствием. «Но я уверен, что дома очень все благополучно».

5/IV 1932.

В доме, как я ожидал, все было благополучно. И Т<ати>да только удивлялась моей уверенности: «Но откуда ты знал? Знаешь, ведь это удивительно. И ты нисколько не сомневался?»

В момент моего приезда я застал у себя в доме обыск. Какой-то очень грубый комендант города – молодой, усатый, бравый, жандармского типа, по фамилии, кажется, Грудачёв.

Он уже отобрал себе мой левоциклет, на который уже давно метили местные велосипедисты. Но левоциклет был изогнут. Он стоял внизу под лестницей, и на него обычно падали всем телом: раз жена Кед<рова>, раз кухарка, а в Феодосии его нельзя было исправить. <Так> <как> редкость его конструкции была так любопытна, что каждый велосипедный мастер начинал его прежде всего разбирать, а потом не умел собрать без моих указаний. А для меня лично возиться с велосипедом было нож вострый, так что я в этот момент не очень стоял за него. ПОЭТОМУ я не очень стоял за него и своих бумаг поэтому не показал. Напротив, когда заметил, что Грудачёв остановился на сложном гимнастическом аппарате Сандов'а, то я ему предложил его взять на память, расхваливая его действия. Эта тактика очень поразила Т<ати>ду и Пра.

Через несколько дней мы отправились с Т<ати>дой в Феодосию. В сущности, я совсем не собирался ее брать в го-

род. Я хотел все сам сперва устроить, а потом ее вызвать. Но она обнаружила немалое упорство, и мы отправились вместе. Я остановился у Богаевских. Когда я сказал: «Но у меня нет в городе никакого угла», он ответил: «Да поселяйся у нас во дворе: Дурантовский дом совершенно пустой. Только не забудь, что по вечерам нельзя никакого света зажигать».

Мы с Татидой поселились в двух смежных комнатах и пребывали там по вечерам, поставив затененную лампу под стол, чтобы не сквозило в ставни ни одного скользящего луча. Вообще – это запрещение зажигать свет в комнатах – английский флот стоял на виду против Дал<ьних> Камышей – создавало в городе панику.

В дома, где замечали огонь, врывались ночью солдаты, производили скандалы, иногда избиения... Рассказывали, что Величко был избит в порту, когда зажег зажигалку, чтобы закурить.

На следующий день мы с К.Ф. пошли в Отдел Искусства, которым заведовали Н.А. Маркс и Вересаев. Заведовали очень хорошо. Во всем был порядок, субординация и нормальные формы парламентаризма. Помещение было в одном из домов Крыма на набережной, где потом была Санатория. Большевики в этот (второй) свой приход в Крым держали себя по-военному, по-граждански очень корректно. Сравнительно с Добровольцами, кот<орые> перед отходом расстреляли всех заключенных в тюрьмах без разбора.

Особенно в это время отличился сводно-гвардейский отряд. Советские же войска отличались выдержкой, лояльностью и на этот раз классовых врагов не истребляли. Правда, «контрибуция» шла, но это все было жестоко по бесправию.

«Белые», отступая, остановились, укрепясь в Керчи, под защитой Английского Флота.

В Керчи (о ней мы пока знали очень мало) шла своя история: усмирение восстания в Каменоломнях. Тогда было повешено 3 тысячи человек на бульварах и на улицах. Но свидетелем этих зверств мне пришлось стать только месяц спустя.

Пока же я примкнул, или, вернее, сделал попытку примкнуть, к Отделу Искусства. Но это мне не удалось. Выяснилось, что в Феодосии уже в Отд<еле> Искусства работает Касторский – певец, которого я давно знал по Парижу, как члена вокального квартета Кедровых. Я ему предложил полюбовно поделить между нами искусство: ему оставить театр, а мне взять изобразительные искусства. Но Касторский не был доволен этим разделением власти. Я получил как-то приглашение в Исполком. Он помещался в спальне Лампси. Я имел счастье познакомиться с Искандером и т. Ракком, которые были грозой тогдашних дней, как главные «реквизирующие».

Искандер начал разговор о моей статье – «Вся власть патриарху», которая ему как-то попалась в руки. И спросил меня, продолжаю ли я думать так же? – Я почувствовал подвох и ответил: «Нет, – тогда был такой момент, и я это думал в связи с господством белых на юге России и в связи с историческими традициями Древней Руси, на которые в то время было принято ссылаться. А статья, в сущности, была направлена против генералов, как Деникин и Колчак, которые очень настаивали на *законности* своих прав. Она и была в этом смысле в свое время понята моими читателями». Через несколько дней Касторский торжествующий явился в Отд<ел> Искусства с телеграммой из Одессы: «Назначение Волошина рассматривать как недоразумение». – Представляю, что про меня писалось и результатом каких сплетен явилась эта краткая формула.

Остальное время в Феодосии я провел в текущих делах и стал собираться в Коктебель, когда узнал, что туда проехал мой евпаторийский командарм – Кожевников. Но мы их уже не застали, а встретились на шоссе около Насыпкоя, уезжающими. А мама рассказала, что они приехали нежданно-негаданно и очень ждали меня. Затем прошло еще несколько дней, пришел белый десант. Помню, что накануне рассказывали, что к берегу подходил белый миноносец. Поймали какого-то молодого человека и передали ему письмо. Письмо для кого и откуда – никто не знал, потому что юношу сейчас же арестовали. Вечером я сидел у себя наверху в мастерской

и услыхал внизу солдатские голоса, упрекающие маму, что она держит окно открытым на море, и протестующий мамин голос: «Да вода была чистая. Я просто в темноте не видела, есть ли кто внизу».

Она кого-то облила, выливая помои с балкона. На следующий день я проснулся рано, потому что собирался в Юнг<овскую> экономию перевезти к себе книги, т<ак> к<ак> давно уже уговаривал Сашу перевезти их ко мне, чтобы спасти от реквизиции.

Но прежде, чем я дождался лошадей, с моря раздался выстрел: белые пришли и обстреливали берег. Кроме Добровольческого крейсера было еще 2 малых англ<ийских> миноносца, кот<рые> обстреливали берег, и десантная баржа с чеченцами. Баржа подошла к берегу за Павловыми. На холме над их домом силуэтились пушки и бегали люди.

Коктебель был никак не защищен, но 6 чел<овек> кордонно<й> стражи из 6 винтовок обстреляли Английский флот. Это было совсем бессмысленно и неожиданно. Крейсер сейчас же ответил тяжелым снарядом. Он был направлен в домик Синопли, из-за которого стреляли: «Бубны» разлетелись в осколки.

Осмотрев все кругом, я понял, что делать нечего; бежать некуда; прятаться негде. И будет привлекать внимание обстреливающих только какая-нибудь тревога в их поле зрения. Поэтому я попросил не делать никаких движений, видимых снаружи: не запирать ни дверей, ни ставен, ни окон. Кроме своих, т.е. меня, мамы и Т<атиды>, в доме был только один уже пожилой инженер, друг сестры Н.И. Бутковской, приехавший, чтобы дождаться прихода белых в Крыму. Словом, все, кто был, ждали именно этого события. Я же, все устроив, сел за обычную литер<атурную> работу, продолжая переводить А. де Ренье, пер<ев>од, которым я занимался весь путь из Одессы. Мне как раз надо было перевести стихотворение «Пленный Принц». Меня очень пленял его размер, и у меня была идея, как передать его по-русски. Но стих все не давался, было трудно. А здесь (просто ли я был возбужден и взволнован?) мне он дался необычайно легко и быстро, так что у меня стихотворение было уже написано,

когда мне сказали, что внизу меня спрашивают офицер<ы>. Я их просил подняться ко мне наверх в кабинет.

— Ну как Вам жилось при советской власти?

— Неужели мы Вас обстреляли?

— Вот, — я показал тетрадь с необсохшими еще чернилами, — вот моя работа во время бомбардировки. А жертва обстрела, кажется, только одна: пятидневный котенок, который убит, один из шести братьев, которые сосали мать во время обстрела.

Так 12 пудов стали и свинца понадобилось, чтобы убить это малое существо.

6/IV 1932.

Через несколько времени я увидел группу деревенских большевиков и среди них Гаврилу Стамова, вылезших робко из-за забора на пляж и размахивавших чем-то белым. Я подошел к Гавр<иле> и спросил: «Что вы делаете?»

— Да вот желательно с белыми в переговоры вступить.

— А что вы от них хотите?

— Да вот, чтобы дали рыбакам сети убрать. Да чтобы не стреляли по собирающим сено в горах. А то как увидят скопление народа, сейчас же палят.

Я предложил свои услуги в качестве парламентера. Они обрадовались. Дали лодку. Я навязал на тросточку — носовой платок — белый флаг и поехал на крейсер. Крейсер («Кагул») был мне хорошо знаком. Зимой на нем были пневматические машины и он накачивал воздух в «Марию» — дредноут, потопленный взрывом в самом начале гражданской войны — по способу Санденснера. Я был знаком с Санденснером и бывал у него на «Кагуле», так что был знаком со всей кают-компанией «Кагула», т.е. со всем офицерством. А старшего офицера с «Кагула», в то время сапожника, знал хорошо, т<ак> к<ак> давал ему ремонтировать мои башмаки в Севастополе.

Когда мы огибали «Кагул» (среди Коктебельского залива он вблизи был громадиной), нам дали знак, что сходня спущена с левого борта (так встречают почетных гостей). Взобравшись по крутой лестнице, я снял шляпу, вступая на

палубу, и был сейчас же проведен (как парламентер) к командиру судна. Он принял меня с глазу на глаз в своем кабинете. И ответил кратко на все вопросы, что я ему задал – можно ли снимать сети? Косить сено? – благоприятно и утвердительно. Потом сказал: «Вас офицеры ждут в кают-компании»... Я прошел туда и увидел массу знакомых лиц.

– Как поживаете? Что нового написали <за> это время?

Я отвечал на вопросы и читал новые стихи. Этим не кончилось, потому что меня потом повели в матросскую рубку, потом в госпиталь, везде были люди, меня хорошо знающие и очень заинтересованные моим появлением.

В Добровольческом флоте в то время команды были набраны почти сплошь из учащейся молодежи. Так что я увидел за ½ часа большую часть моих слушателей из Симферопольского Университета и многих участников моих бесед, когда мне задавали вопросы, а я отвечал. Это были очень интересные беседы. Очень интересные по составу слушателей и по пародоксальности моих ответов.

Мой знакомый башмачник оказался заведующим обстрелом Ст<арого> Крыма (он был Старший офицер). Он пришел ко мне с картой Ст<арого> Крыма и, развернув ее, спросил: «А что здесь?». Показав на малый промежуток, отделяющий Болгарщину от Ст<арого> Крыма.

– Здесь? Не помню, что именно. Пустыри...

– Это место приказано нам обстреливать...

Много месяцев спустя, вернувшись из Екатеринодара в Феодосию и встретив Наташу В., я у нее спросил: «Какое было в Ст<аром> Крыму впечатление обстрела?»

– Совершенно поразительно. Мы никак не могли понять, откуда в нас стреляют. Что из Коктебеля – узнали через несколько дней. Это ведь недалеко от нашей дачи. Сперва было непонятно, куда метят. Положивши ряд снарядов вокруг Штаба, последний снаряд положили в самый Штаб. Изумительная меткость!!

– Одна из форм современной войны. Надо еще принять в соображение, что между Коктебелем и Ст<арым> Крымом проходит довольно внушительный хребет – Арматлук.

Я спокойно сидел в Коктебеле, когда от Екатерины Владимировны Виганд – жены Маркса – пришла записка: «Милый Макс, приходите – Ваше присутствие необходимо. Ник<андр> Алекс<андрович> арестован, и ему грозит серьезная неприятность».

Я в тот же день пошел в Ф<еодос>ию (через Двуякорную).

Придя, я узнал, что Маркс арестован на другой день после прихода белых. Он знал, что красные уйдут, но наивно считал, что им никаких преступлений в качестве заведующего Отделом Нар<одного> Образ<ования> не совершено, решил остаться. И военные власти не обратили сначала никакого внимания на его присутствие в городе. Но когда вернулись озлобленные буржуи из недалекой эмиграции (Керчь, Батум), начались доносы и запросы: «А почему генерал Маркс, служивший у большевиков, гуляет в городе по улицам на свободе?» – его арестовали. Сперва арест не имел серьезного характера. Но в течение нескольких дней клубок начал наматываться и запутываться. Сперва его посадили в один из №№ «Астории». Здесь произошел такой инцидент: к нему в номер ворвался офицер, служивший <при> красных, спасаясь от пьяного и разъяренного казацкого эсаула. Когда Маркс инстинктивным жестом отстранил эсаула, тот накинулся на него и схватил за грудь, очевидно иша оружие, ощутил что<-то> твердое. Это была икона – материнское благословление. С эсаулом произошла мгновенная реакция. Он внезапно стих и начал креститься и целовать икону.

Но вчера Екат<ерина> Влад<имировна> была случайно свидетельницей того, как коменд<ант> города приказывал отрядить 6 надежных солдат, чтобы отправить Маркса в Керчь. Это сразу делало дело серьезным и опасным. Нужно было ехать с Марксом, чтобы моим присутствием предотвратить возможный бессудный расстрел по дороге.

На следующее утро я был у начальника Контрразведки. Был принят сейчас же. «Скажите, кто это Вересаев? Его фамилия Смидович?» – Да, его литературное имя Вересаев – автор «Записок врача». Вы, верно, думаете – известный большевик Смидович? Это его двоюродный брат и родной

брат его жены. А больше никакого отношения к нему он не имеет.

– И Вы мне можете поручиться, что этот Вересаев-Смидович писатель?

– Конечно.

– Тогда передайте ему, пожалуйста, я вчера с не<го> взял подписку, что он никуда из города не выедет, что он совершенно свободен. У него, кажется, здесь где-то под городом есть имение?

– Да, в Коктебеле. Он мой сосед.

Потом я в тот же день был у коменданта. Он был только что назначен, и до него добраться было мудрено; в коридоре «Астории» против его № стояли в ожидании десятки людей. Легальным путем – через хвост, к нему не проникнуть. Со мной поздоровался один из солдат, стоявший у его кабинета. Оказалось – один из местных гимназистов, знавший меня. Я ему объяснил мою спешную необходимость видеть коменданта.

– Хорошо, я Вас проведу в другую дверь.

– Маркс? Этот негодяй... Изменник?

– Простите, полковник, я совсем иного мнения...

– Но теперь положение в России просто: есть красные, есть белые! Одно из двух, что он за белых или за красных? Середины быть не может.

– Сейчас идет война, и она еще не кончена. Это еще более важное в мире, чем наши русские междоусобные распри. Белые за Францию, большевики за Германию. И в конце концов сводится к тому, кто за Германию, кто за Францию.

– Да, у нас есть несомненные доказательства того, что Германия доставляла амуницию красным.

– Вот видите, полковник, как это сложно. Кто же изменник – те, кто стоит за немцев, кто за французов?.. Но простите – мы уклонились от темы: могу ли я получить от Вас двойной пропуск в Керчь для меня и дамы: Ек<атерины> Вл<адимировны> Виганд – это жена Маркса.

– Эй там... Напишите г<осподи>ну Волошину пропуск в Керчь. Но как Вы туда попадете?

Заказ 3692

7/IV 1932.

Мне легко удалось устроить себе проезд в Керчь. Я встретил, выходя из «Астории» Алек<сандра> Алек<сандровича> Новинского, моего приятеля – начальника порта, который только что вернулся из эмиграции и сам ехал куда-то назад на Кавказское побережье. От него я узнал, что завтра в полдень идет из Феодосии поезд, с которым повезут Маркса в Керчь. Мы с Ек<атериной> Влад<имировной> погрузились в поезд в товарный вагон. Рядом с нами был такой же вагон (теплушка так наз<ываемая>), в которой ехал Маркс с несколькими солдатами – стражею.

Поезд не отходил довольно долго. Кое-кто из города заходил к нам прощаться. Зашел Коля Нич. Я ему поручил поговорить с кем-нибудь из адвокатов, а его попросил собрать и свидетелей недавней деятельности Маркса, как начальника отдела Нар<одного> Образования. Собрать письменные свидетельства о деятельности Маркса, заверить у нотариуса и дослать заказным на мое имя в Екатеринодар, где была тогда ставка Команд<ующего> Добров<ольческой> Армией. Поезд двинулся с опозданием 5–6 час<ов> и затем на всех полустанках Керченского пути, которых было так много, останавливался по 6 часов, а во Владиславовке пробыл 12 часов. Это был *первый* воинский поезд, который шел через линии только что взятых с бою позиций. Везде были следы бомбардировок и атак: воронки, разорванная проволока, выломленные двери.

Вся публика, что ехала с нами в теплушке, – это были солдаты, которые ехали принять участие в боях, которые еще шли на станциях в сторону Джанкоя, и среди <них> немного офицеров. Солдатская стража, которая была приставлена к Марксу, уже давно была на его стороне. А были опасны вмешательства со стороны: когда поезд часами стоял на полустанке, а скучающая и ожидающая публика бродила сонными мухами, то все рано и<ли> поздно останавливались против теплушки, где находился Маркс со своими стражами. И кто-нибудь спрашивал: «А кого это везут арестованным? А! Это генерал Маркс – большевицкий главнокомандующий? Известный изменник! А ну-ка посторонись,

братец (к солдату), я его сам пристрелю». И начинал расстегивать кобуру... Тогда наступала моя очередь. Я подходил к офицеру и начинал разговор. «Простите, г-н офицер, Вам в точности известно, в чем заключается дело генерала Маркса? И в чем он обвиняется? Видите, я Максимилиан Волошин – поэт и еду вслед за ним, чтобы быть его защитником на военном суде и чтобы не допустить по дороге расстрела без суда». Офицеры оказывались обычно сговорчивыми и говорили: «Ну, здесь, на фронте, Вы его легко провезете. Здесь народ сговорчивый. А вот в Керчи – там всем заведует ротмистр Стеценко, это такой негодяй. Он Маркса не пропустит!» Имя ротмистра Стеценко повторилось несколько раз и врезалось в память, как самый опасный пункт дальнейшего плавания.

Между тем Марксу удалось написать несколько записок и переслать их Ек<атерине> Влад<имировне> через преданных уже ему стражей. Сперва солдаты относились к нему с пренебрежением, как к человеку уже конченному. Один у него выпрашивал золотые часы: «Знаете – подарите их мне: ведь все равно Вас часа через 2 расстреляют. На что же их Вам?» Этот же самый солдат через 2 дня в Керчи, когда сменяли стражу, мне говорил взволнованным голосом: «Ну, если они такого человека расстреляют, то правды нет. Тогда только к большевикам переходить остается».

После 36 часов пути мы одолели 100 верст пути и под вечер приехали в Керчь.

Тут Маркса отделили от нас, посадили на линейку и увезли в город. Я же закинул на плечи чемоданчик Ек<атерины> Влад<имировны> и пошел с нею в город.

У нас была одна мысль. Нам Маркс написал в первой же записке: «В Керчи идите прямо к Месаксуди». Месаксуди был один из керченских богачей, много помогавших Добров<ольческой> Армии. В Германскую войну он, будучи в солдатах, встретился с Марксом. Маркс его определил в свою канцелярию. Устроил жить у себя в квартире. Месаксуди был ему обязан жизнью и всегда его звал в Керчь и говорил ему и Ек<атерине> Влад<имировне>: «Если попадете в Керчь – милости просим ко мне в дом». К нему мы и от-

правились прямо с вокзала. Дом его был в самом шикарном месте — на Приморском бульваре, где только что на деревьях вешали большевиков, захваченных в каменоломнях. Все мои надежды были на Месаксуди. Я думал: «Ну вот, передам Маркса Месаксуди — он все сделает».

Месаксуди были дома — у него были гости — офицеры — он, возможно, слыхал, что Ек<атерина> Вл<адимировна> едет, и нас не принял. Стилизованный и англизированный лакей нам объявил, что барин занят сейчас гостями и принять нас не может. Ошеломленные, обескураженные, мы остались на улице перед крыльцом дома.

Тут же я прочел объявление, что по случаю осадного положения движение по городу разрешается только до 10 ½ ч<асов>, а позже этого времени встреченные на улице без пропуска коменданта — расстреливаются на месте.

Т<ак> к<ак> по часам было уже позже 10 ½ ч<асов>, хотя только что начинались сумерки, я понял, что первое, <что> нам необходимо, — это искать ночлега, прекрасно понимая, что сейчас в Керчи, где столпился весь бежавший Крым, это очень трудно.

Я попросил часового, стоявшего на часах рядом с подъездом, позволить с ним постоять Ек<атерине> Вл<адимировне>, пока я не вернусь, и пошел в гостиницу, которую помнил здесь за углом, хотя надежды устроиться там у меня почти не было.

Но ясно помню ход моих мыслей в это мгновение: Месаксуди струсил — боится скомпрометировать себя об Маркса. Маркс остается всецело на моих руках. Значит, я его должен спасти без посторонней помощи. Но я ничего не знаю об военной дисциплине, о воинских порядках. Я даже не знаю, в чьих руках сейчас судьба Маркса и кого я должен прежде всего видеть и с кем говорить. Я не знаю, что я буду делать, что мне удастся сделать, но я прошу судьбу меня поставить лицом с тем, от кого зависит судьба Маркса. И дал себе слово, что только тогда вернусь домой в свой Коктебель, когда мне удастся провести его сквозь все опасности и освободить его.

8/IV 1932.

В этот момент меня окликнул часовой: «Ваш пропуск».

— Я приезжий, только что с вокзала.

— Вы арестованы. Идите за мной.

Мне было решительно все равно, каким путем идти навстречу судьбе. Мы вошли в соседнее здание — к коменданту города. В большой полутемной комнате сидело в разных углах несколько офицеров.

— А, г<осподин> Волошин... Какими путями Вы здесь? Что это за солдат с Вами?

— Да я, по-видимому, арестован, это мой страж...

— Вы свободны... Иди себе. Его здесь все знают...

Это был полузнакомый офицер. — Мы его звали летом «Муж развратницы». Это имя создалось от того, что его жена, полная и нелепая блондинка, кому-то громко и несколько рисуясь говорила: «Ах, вы знаете, я такая развратница».

— Да, но я выйду на улицу — мне надо найти сейчас ночлег — и меня следующий городовой на соседнем углу — арестует...

— Хотите переночевать у меня? — предложил следующий офицер на костылях. — У меня есть как раз свободная комната.

— Спасибо. Но дело несколько сложнее: я с дамой. Она ждет меня на углу: я ее оставил около часового и просил его посторожить ее, пока я не вернусь, узнав что-нибудь относительно ночлега.

— Так мы вот что сделаем: даму мы положим в отдельную комнату, а сами мы переночуем вместе — у меня как раз в комнате канапе стоит.

— Погодите. Я возьму у коменданта два пропуска для Вас, а сами Вы идите с дамой ко мне. Я буду Вас уже ждать. Вот мой адрес. Это далеко — на другом краю города! До свидания.

Я вернулся к Ек<атерине> Влад<имировне> и нашел ее в том же месте против крыльца Месаксуди. Я рассказал ей в 2<-х> словах все, что со мной было, и мы пошли по ночным уже керченским улицам.

Через ½ часа мы были уже у назначенного нам адреса. По дороге нас раз 5 останавливали пикеты. Я показывал пропуска. Нас пропускали.

Раненый офицер был уже дома. Мы уложили Ек<атерину> Вл<адимировну> в отдельную маленькую комнатку, очевидно, днем темную, т<ак> к<ак> там окна не было, но стояла большая кровать. Ек. Вл. как легла – в тот же миг заснула. Очевидно, 36 часов в теплушке на полу и без сна сказались. Я остался вдвоем с офицером. Помог ему лечь, перебинтовать ногу. Сам сел на канапе.

– Позвольте же мне Вам рекомендоваться и узнать, чьим гостеприимством я имею честь пользоваться?

– Начальник местной контрразведки – ротмистр Стеценко... Ваше имя мне знакомо – Вы поэт Волошин из Коктебеля?

– Да, но знаете ли Вы, кто та дама, что спит под Вашим кровом в соседней комнате?

– ?!!?

– Это жена генерала Маркса, обвиняющегося в государственной измене и сегодня препровожденного в Ваше распоряжение. А я являюсь его защитником и сопровождаю его с целью не допустить его до бессудного расстрела и довезти его до Екатеринодара и там представить его перед лиц<ом> военно-полевого суда...

– Да... действительно... Но знаете, с подобными господами у нас расправа короткая... пулю в затылок...И кончено...

Он так резко и холодно это сказал, что я ничего не возразил ему и, кроме того, уже знал, что в подобных случаях нет ничего более худшего, чем разговор. Который сейчас же перейдет в спор и собеседник в споре сейчас же найдет массу неопровержимых доводов в свою пользу, что, в сущности, ему и необходимо. Поэтому я и не стал ему возражать, но сейчас же сосредоточился в молитве за него. Это был мой старый, испытанный и безошибочный прием с большевиками.

Не нужно, чтобы оппонент знал, что молитва направлена за него: не все молитвы доходят, потому только, что не

всегда тот, кто молится, знает, за что и о чем надо молиться. Молятся обычно за того, кому грозит расстрел. И это неверно: молиться надо за того, от кого зависит расстрел и от кого исходит приказ о казни. Потому что из двух персонажей — убийцы и жертвы в наибольшей опасности (моральной) находится именно палач, а совсем не жертва. Поэтому всегда надо молиться за палачей — и в результатах молитвы можно не сомневаться... Так было и теперь. Я предоставил ротмистру Стеценко говорить жестокие и кровожадные слова до тех пор, пока в нем самом под влиянием моей незримой, но очень напряженной молитвы, не началась внутренняя реакция, и он сказал: «Если Вы хотите его спасти, то прежде всего Вы не должны допустить, чтобы он попал в мои руки. Сейчас он сидит у коменданта. И это счастье, потому что, если бы он попал ко мне, то мои молодцы с ним тотчас расправились бы, не дождавшись меня. А теперь — у Вас есть большой козырь: я сегодня получил тайное распоряжение от начальника судной части — генерала Ронжина о том, чтобы всех генералов и адмиралов, взятых в плен, над которыми тяготеет обвинение в том, что они служили у большевиков, немедленно препровождать на суд в Ставку в Екатеринодар. Поэтому завтра с утра напомните мне, чтобы я протелефонировал к себе в контрразведку, а сами поезжайте к генералу такому-то, чтобы он переправил Маркса в Екатеринодар на основании приказа — генерала Ронжина... Вот возьмите выписку об этом приказе — его еще не знают в городе».

Мы заснули... А на следующий день все пошло как по маслу, как мне накануне продиктовал н<ачаль>ник контрразведки. Через 2 дня у пристани в порту стоял транспорт «Мечта» — очень высокий (негруженый) и на самом верху сходни стоял человек с высоким лбом, круглым подбородком, лицом военного типа и говоривший отрывочным резким голосом: «Ну, подобных господ надо расстреливать без суда тут же на месте». Слова, несомненно, относились к ген<ералу> Марксу. «Кто это?» — спросил я. «Это Пуришкевич — член Государ<ственной> Думы», — ответил мне спрошенный.

Так я взошел на военный транспорт. Вечером, когда транспорт был уже в пути, ко мне подошел офицер и рекомендовался пом<ощником> командира транспорта и сказал: «Г-н Волошин, не согласитесь ли Вы принять участие в литературном вечере, который сегодня предполагается в кают-компании? У нас на борту находится редкий гость — Владимир Митрофанович Пуришкевич, он обещал сказать нам речь о положении в России в настоящую минуту».

— Но только познакомьте меня предварительно с Пуришкевичем.

Он нас сейчас же представил друг другу, и я попросил у Пуришкевича позволения читать стихи раньше его речи, на что он с большой готовностью согласился.

Палубу обтянули парусами и т<аким> об<разом> сделали защищенной так, что для чтения и для речей было очень уютное и замкнутое пространство.

Я прочел всю серию моих последних стихов о Революции. Среди них цикл «Личины» («Матрос», «Красногвардеец», «Русская Революция» и т. д.).

Пуришкевич пришел в полный восторг и говорил:

«Вы пишете такие стихи! И сидите где-то у себя в Коктебеле? И их никто не знает? Да эти стихи надо было бы в миллионах экземпляров во всей России распространить... Да знаете, вот эти добровольческие "Осваги" — их надо было бы все позакрывать. А вместо них издать книжку Ваших стихов — вот наша сила».

Любопытно, что в это самое время на другом полюсе, <в> Москве, полярный Пуришкевичу человек Троцкий писал про эти же мои стихи: «Вот самые лучшие, несмотря на контрреволюционную форму, — стихи о русской Революции». Этим совпадением мнений Пуришкевича и Троцкого я горжусь больше всех достижений в русской поэзии: в момент высшего напряжения гражданской войны, когда вся Россия не могла столковаться ни в чем, найти такие слова, которые одинаково затрагивали и белых, и красных, и именно в определении сущности русской революции. Тогда становится совершенно понятным, каким образом в Одессе и белые и

красные начинали свои первые прокламации к народу при занятии Одессы цитатами из моих стихов.

После чтения ко мне подошел командир транспорта.

8/IV 1932.

После окончания чтения я чувствовал себя героем вечера. Ко мне подошел командир транспорта:

— Вы наверно не имеете у нас угла, где поспать. Я свою каюту уже уступил Влад<имиру> Митрофановичу. Но там есть еще кушетка. Если Вы ничего не имеете против, то я буду очень рад предложить воспользоваться ею.

Я, конечно, только обрадовался, получив на эту ночь Пуришкевича в полное свое распоряжение. Мы с ним проговорили если не всю ночь напролет, то по крайней мере полночи.

Меня очень интересовали его взгляды:

— Я знаю, Вл<адимир> Митр<офанович>, что Вы были постоянно монархистом. Но теперь — в настоящую минуту — (июль 1919 г.) — неужели Вы настаиваете на возвращении к власти династии Романовых?

— Нет, только не эта скверная немецкая династия, которая давно уже потеряла всякие права на престол.

— Но кто же тогда?

— В России сохранилось достаточно потомков Рюрика, которые сохранили моральную чистоту рода гораздо более, чем Романовы. Хотя бы Шереметевы!

Он не назвал только, кого из Шереметевых он имел в виду.

На следующее утро мы были в Новороссийске. Вся гавань была полна фр<анцузскими> и английскими военными судами, сплошь покрытыми флагами — флот праздновал заключение мира с Германией. Я так далеко в эти годы отошел от военных настроений, что понял, но не почувствовал этого события, которое для меня столько лет было целью всех мечтаний и ожиданий, но я был в настоящую минуту слишком занят текущим...

Я шел вдоль главной улицы Новороссийска по Серебряковской и мне кто<-то> сказал: «А как же Вы доберетесь

до Екатеринодара? Туда ведь с большим трудом впускают и официальная процедура очень длинна и канительна?»

В это время я поднял глаза, и взгляд мой упал на дощечку: (Комендант города 3–4). Я прекрасно понимал, что разрешение въезда в Екатеринодар зависит вовсе не от этого коменданта, а от железнодорожного. А чтобы увидеть его, надо ехать на вокзал, отстоящий версты 3 от города. Но у меня за эти дни создалась привычка объяснения с комендантами. Поэтому я завернул в комендатуру и вызвал адъютанта. Я был уже настолько опытен, что знал эти приемы. Ко мне вышел молодой офицер и сказал: «Час приема уже кончился. Комендант занят и сегодня никого ни по каким делам не принимает».

– Я прошу Вас только доложить ему мое имя: скажите, что с ним хочет говорить поэт Максимилиан Волошин.

Через несколько минут офицер вернулся торопливыми шагами: «Г<осподи>н комендант просит Вас к себе». По его тону и интонации я понял, что коменданту почему-то очень важно видеть меня. Может быть, гораздо важнее, чем мне его. В полутемной комнате я увидел пожилого полковника, который сделал несколько шагов мне навстречу. Лицо его было мне совершенно незнакомо.

– Вы поэт – Волошин? Вы меня совсем не знаете. Но три месяца назад мы жили на одной улице. Вы жили тогда на Нежинской улице, д<ом> № 36. Я уехал из Одессы с эвакуацией французов. А семья осталась. Ради Бога – расскажите, что там творилось после. Я знаю, что Вы оставались в Одессе после отхода добровольцев.

Я ему рассказал вкратце об одесских событиях, потом, что на Нежинской все было сравнительно тихо. Квартир не реквизировали, арестов не было...

Затем я изложил ему мою просьбу о двойном пропуске в Екатеринодар. И он был тут же написан.

Так мы путешествовали с Ек<атериной> Влад<имировной>, не отставая от арестованного Маркса. До сих пор моя задача заключалась только в этом: в способах доставать пропуск для нас обоих. Казалось часто, что события так сгруди-

лись, что дальше нам прохода нет. Но я был настойчив и часто каким-то сновидением угадывал, куда ведет наша дорога. Все наше путешествие было рядом непрерывных счастливых случайностей. И я всегда угадывал нужные события верно.

В Екатеринодаре все пошло по-иному. До сих пор это было путешествие через неостывшие поля сражений.

Екатеринодар была маленькая казацкая станица, по случайностям гр<ажданской> войны принявшая в себя весь старый П<етер>бург с его департаментами, чиновниками, генералитетом и т. д.

Все жили и толпились тесно и торопливо. Каждую минуту встречались люди самых разнообразных сфер и областей жизни.

Прежде всего я начал обход всех добровольческих генералов. Мой общий вид, в котором я попал в эти странствия, – длинная белая рубашка, волосы, перевязанные ремешком, сандалии на деревянной подошве, как тогда все носили у д<оброволь>цев, – все это среди чинных и единообразных рядов армии и канцелярий производило впечатление ошеломляющее. И это не было мне невыгодно: меня не заставляли безнадежно ожидать в генеральских приемных. Я обошел всех Деникинских генералов, начиная с Лукомского, Драгомирова, Романовского и кончая Ронжиным. С ним я виделся не однажды, а довольно часто и регулярно. Он был начальником Судной части. И дело Маркса шло через его руки.

Мой день проходил в Екатеринодаре обычно – все утро в присутственных местах, канцеляриях и по генералам.

Из своих старых друзей я нашел здесь Лилю (Черубину) и Лемана. Леман меня познакомил с мор<ским> генералом Верховским, который и приютил меня в своей комнате, в каком-то военном общежитии, где жило много военных. Генерал был немного потерянный, одинокий, без присмотра, любивший выпить и для этого державший на солнце на подоконниках целые серии крепких и слабых настоек на горных и южных кавказских травах.

Из более поздних екат<еринодар>ских знакомых мне помнится министр гражд<анской> юстиции – не помню его фамилии.

Не удалось мне совсем познакомиться с генер<лом> Деникиным. Одну ночь мы провели в очень увлекательной беседе с М<исте>ром Гарольдом Вильямсом – мужем А.Н. Тырковой, моим старым знакомым по Петербургу и по писательским кругам.

Он говорил с увлечением и иронией о совр<еменных> событиях в Европе и о гражд<анской> войне в России. В разговоре с ним мы пили и выпили неумеренно несколько бутылок Кавказского вина. У меня оно разразилось сильнейшим расстройством желудка. Так что мне пришлось много раз бегать в туалет. Но все прошло так же быстро, как и началось. Чтобы повидаться и получить аудиенцию у Деникина, я рассчитывал на Шульгина. Но его в Ек<атерино>даре не было – он куда-то уехал с морск<ой> экспедицией. Проф. Новгородцева, на которого я тоже рассчитывал, тоже не было на месте. Так что все мои лестницы для подъема к вершине власти оказалась отсутствующими.

Судьба Маркса же была такова: в первый вечер прибытия в Екатеринодар его поместили в какой<-то> в обычное время прекрасной гостинице, теперь отведенной под арестованных. Она была вся переполнена, и ему пришлось ночевать в каком-то коридоре. У него был припадок грудной жабы и потому его на следующий день перевели за город в тюремную больницу. Это было прекрасно.

10/IV 1932.

Тюремная больница была за городом. Это был широкий деревянный барак, окруженный дер<ев>янной тюремной оградой, внутри которой было несколько старых деревьев, которых вообще много в окрестностях Екатеринодара. Больные-заключенные проводили большую часть дня в этом саду. Ек<атерине> Вл<адимировне> никто не препятствовал часами сидеть с мужем. Для Н.А. Маркса открывалась широкая возможность человеческих наблюдений среди

со-арестованных: военных различных чинов, возрастов и судеб.

«Вот обратите внимание на этого Черномазова, — показывал он мне. — Это человек, пользующийся очень большим вниманием женщин: с ним вместе живет в тюрьме эта цыганка. Ее несколько раз силой выселяли отсюда. Но она перелезает через забор и снова здесь. Очень настойчива. И страстно его любит. И при этом, заметьте, у него очень страшная рана — пуля проникла ему <в> половые органы и совершенно лишила его мужских способностей... И вот, несмотря на это, такая неотвязная привязанность. Они все здесь ждут над собою суда и удивляются, почему мое дело идет так быстро...».

Но, на мой взгляд, дело Маркса вовсе не шло быстро. Военно-полевой суд было очень трудно составить. Для того, чтобы судить полного генерала — необходимо было, чтобы председательствовал в Комиссии — тоже полный генерал. Между тем в Добровольческой армии, при отсутствии чинопроизводства, полных генералов совсем не было. Генерал-майорами, генерал-лейтенантами — хоть пруд пруди, — а полных генералов — ни одного. Наконец наметили одного старенького генерала Экка. (У нас с мамой когда-то жили летом его жена и дочь). Но его не было в Ек<атеринода>ре.

Перед самым судом, не помню кто, мне посоветовал повидаться со свящ<енником> — отцом Шавельским, бывшим протопресвитером армии и флота. Я его навестил в той самой гостинице, где Маркс сидел сейчас же по прибытии в Екатеринодар. Мне удалось его заинтересовать судьбой и личностью Н.А. Маркса. И он сейчас же поехал навестить Маркса в тюрьму. И потом несколько раз подолгу видался с Ек<атериной> Вл<адимировной>. Его очень поразила глубокая религиозность Маркса, и он обещал поговорить о его деле с Деникиным.

Незадолго до конца дела Маркса и моего пребывания в Екатеринодаре я устроил свой вечер (публичный) чтения моих стихов о Революции.

У меня уже давно была приготовлена статья с описанием обстоятельств, которые вызвали написание всех моих

стихотворений о Революции, так что я предварительно рассказывал, а потом читал стихи. Также я выезжал в Ростов на 3 дня для того же. Останавливался у Кедровых, видел Толузакова, перешел с ним на ты. Помню, как в Ростове я вспомнил и записал, сидя на скамеечке против городск<ого> сада, всего Протопопа Аввакума. Текста его со мной не было, а читать его было необходимо. Я дал его переписать по записанному мною, и русский текст оказался умопомрачительным. Барышня-машинистка вложила в свою работу всю свою добросовестность. Но мой почерк, карандаш и старинный язык XVII века дали эффекты невероятные. Через 3 дня меня вызвали обратно телеграммой в Екатеринодар. Сообщали, что суд над Марксом будет через несколько дней и что мое присутствие необходимо.

Оказалось, что ставка переносится на днях в Таганрог, но это сопряжено с переселением всех судебных учреждений. Старика Экка – полного генерала – нашли и поторопились назначить суд до отъезда из Екатеринодара.

Деникина – самого я так и не успел повидать, но меня познакомили с одним из его адъютантов – с франц<узской> фамилией, кот<орую> забыл, который взялся передать мое письмо к ген. Деникину. На него можно было положиться, без сомнения – человек был вполне честный и не русский.

Но на суд ни мне, ни Екат<ерине> Влад<имиров>не не удалось попасть. В этот день я, прийдя в отчаяние от задержек, собрался ехать восвояси. И я «отпросился» у Ек<атерины> Вл<адимиров>ны вернуться в Коктебель. День отъезда был назначен. Но утром этого дня меня нашел посланный Ек<атериной> Вл<адимировной>, которая только что сама узнала о том, что суд будет сегодня. Об этом Марксу сообщили только что. И мы встретились в здании суда. Суд уже заседал, и мы расположились в коридоре у внутренних дверей. И это было начало.

11/IV 1932.

Я написал Деникину приблизительно такое письмо, которое было передано ему одновременно с приговором в<оенно>-полевого суда:

«Ваше Превосходительство, Вы получите это письмо одновременно с приговором В. Полевого Суда, осуждающего генерала и профессора Н.А. Маркса, признанного судом, как работавшего вместе с большевиками, к 4 годам каторжных работ, что в его возрасте и при его состоянии здоровья равносильно смертному приговору. Т<ак> к<ак> дело это очень сложное и приговор в этом деле в некоторой степени является и приговором судящих над самими собою, принимая “приговор Истории”, то считаю своим долгом сказать Вам несколько слов, т<ак> к<ак> я являлся свидетелем всего дела Маркса – и его работы у большевиков, и последующих его мытарств в пределах Добровольческой Армии.

Я сам – поэт и человек абсолютно не военный и потому никак не могу разбираться в чисто военной морали, но Маркс, кроме генерала, и профессор, и в качестве такового я знаю и понимаю всю его литературную и научную ценность. И в качестве такового он поступил на моих глазах так, как мог честный человек в его положении поступить – так, как, будучи в его положении, поступили бы (я думаю) Вы – если были в таком положении. То есть не отступал брать на свою ответственность трудную задачу управления делами нар<одного> просвещения, как раз в острый момент гражд<анской> войны.

Вам, Ваше Превосходительство, предстоит сейчас очень трудная и сложная задача: наказать, м<ожет> б<ыть>, виновного генерала, в то же время не затронув и не отнимая у русской жизни очень талантливого и нужного ей профессора и ученого».

Деникин разрешил эту Соломонову задачу блестяще и мудро: он написал на приговоре: «Приговор утверждаю (т. е. лишение всех прав и разжалование). Подсудимого освободить немедленно».

13/IV 1932.

Маркс выехал позже меня в Феодосию. Я его встретил уже там. Мы обедали вместе у Матр<ены> Павл<овны> Нич. Из этого обеда Добровольцы, благодаря добровольному списку, сделали позже целую общественную демонстрацию.

Рассказывали, что известного больш<евистского> деятеля красн<ого> генерала Маркса жители Феодосии встретили с почетом, устроили ему банкет, где произносились речи в честь государ<ственного> изменника, помилованного Деникиным: а, между тем, фактически из гостей на обеде присутствовал только я. У меня был разговор с Ек<атериной> Влад<имировной>: «Когда мы выехали из Екатеринодара, весь поезд был переполнен офицерами. Сперва мы сидели тихо в тени. На нас не обращали внимание. Но потом один из офицеров сказал громко на весь вагон: “Господа, с нами в одном вагоне едет известный изменник – генерал Маркс. Где он? Хотелось бы знать”.

Тогда я подняла голос и сказала: “Да, он находится здесь. Это старый, больной человек, измученный грудной жабой и военно-полевым судом, через который он только что прошел и который не осудил его. Что Вам до него?”

От этих слов они все успокоились, и любопытство к нам прекратилось.

На другой день Маркс приехал к себе в Отузы и поселился в своем доме на берегу. Но отряды офицеров приезжали в деревню Отузы и спрашивали: “А где у вас тут живет Маркс?” Кто-нибудь из верных татар вызывался проводить к его дому. Но пока они шли, заходя по дороге в винные подвалы, их мстительное настроение ослабевало, и когда они заплетающимися ногами доплетались до берега, то ни у кого не хватало темперамента самому “докончить изменника”».

На меня это тоже распространялось: я не мог ни публично выступать, ни показывать<ся> на улице: на меня показывали пальцем и говорили: «Вот только благодаря Волошину нам не удалось расстрелять этого изменника Маркса».

В эти тяжелые и опасные времена единственные люди, которые пришли ко мне на помощь, – это были Феодосийские Евреи. В то время Феодосия была убежищем для ряда еврейских писателей, как молодежи, так и для пожилых и маститых писателей, как Онейхи, автор талантливых и разнообразных рассказов из Хасидского быта. «Реб Абе» – это имя одного из хасидских ребби.

Книга, проникнутая ясным духом хасидской мудрости. У евреев был собственный литературный кружок, который назывался «Унзер Винкль».

Ко мне пришли представители этого кружка и сказали: «У Вас, верно, сейчас очень трудные дни, Вы наверно сидите без денег. Хотите, мы устроим для Вас литературный вечер?»

Я, конечно, с радостью согласился. Это было для меня честью, потому что не евреи в «Унзер Винкль» не допускались. Чтения там бывали на древнееврейском яз<ыке> или на жаргоне. И когда я начал серию своих стихов «Видение Иезекииля», то публика вся поднялась с места и пропела мне в ответ хором. Торжественную и унылую песнь на древнем Евр<ейском> языке. А когда я спросил о значении этой песни, то мне объяснили, что этой песней обычно приветствуют только раввинов, а в моих стихах аудитория услыхала подлинный голос древнего иудейского пророка и потому приветствовала меня как раввина.

Любопытно мне рассказывала Ася Цветаева, бывшая в толпе, что когда я пришел в залу вместе с Майей, то одна томная еврейка, сидевшая за ее спиной, объясняла своей соседке: «А это наш известный поэт М. Волошин, и Вы знаете – он женат на княгине Кудашевой...»

Так я был почтен Еврейской национальной Гордостью и мои стихи о России, запрещенные при Добровольцах, так же как позже они были запрещены при большевиках, впервые читались с эстрады в еврейском Обществе «Унзер Винкль».

14/IV 1932.

Чтобы закончить историю Н.А. Маркса, мне остается написать несколько строк: я видел Н<икандра> А<лександровича> в Отузах – он сидел на пороге своей приморской дачи и стриг овцу. Доходили угрожающие слухи об офицерских отрядах, которые поклялись рассчитаться с ним собственноручно, раз «нет правды» в судах.

Ек<атерина> Вл<адимировна> волновалась, Маркс был спокоен внешне. Потом он получил приказ от тогдашне-

Заказ 3692

го начальника Одесского и Таврического округа Шнейдера покинуть пределы его округа и в тот же день покинул Отузы и выехал на лошадях в Керчь, а оттуда переправился на лодке на ту сторону и поселился в Тамани. Там он прожил мирно до осени, когда туда прорвался Красный кавалерийский рейд. Отряд в полном военном порядке подъехал к дому и предложил от имени Сов. Власти принять начальствование всеми частями Красной Армии, расположенными на Кубани... Он отказался, ссылаясь на то, что он по летам уже имеет право на отставку и войной больше не занимается принципиально. Но отряд на другой же день должен был отступить из Тамани. И Марксу пришлось уехать вместе с ним, т<ак> к<ак> от белых после этого предложения ему было невозможно ждать пощады. Месяцев пять ему с Ек<атериной> Влад<имировной> пришлось скитаться, скрываясь по разным станицам, пока он снова не приехал в Екатеринодар. Первую зиму он давал уроки. А затем вокруг него сгруппировалась местная интеллигенция и он был выбран ректором Екатеринодарского Университета. На следующую зиму он умер от полученного воспаления легких и был с большим почетом похоронен на том самом сквере, куда выходило окнами здание того суда, где его с позором судили при белых. Это был 1921 год. Я встретил Ек<атери>ну Вл<адимировну> в Феодосии во времена террора. Мы с чувством вспоминали недавнее прошлое и наше тревожное и горестное странствие в Екатеринодар, и она мне рассказывала о его последних минутах. Потом в том же году она выехала к дочери за границу. Сперва в Вену, а потом в Латвию.

15/IV 1932.

В день приезда Маркса из Екатеринодара в Феодосию я был у Новинского весь день. У него тогда жила певица Анна Степовая, которая прекрасно пела популярную в те времена песенку: «Ботиночки». Под эту песенку, сделанную с большим вкусом, сдавались красным один за другим все южные города: Харьков, Ростов, Одесса. В Степовую был влюблен одесский главнокомандующий ген<ерал> Шнейдер. Меня

Новинский уговорил остаться у него, чтобы познакомиться со Шнейдером, котор<ый> хотел узнать мои стихи о России, которые уже были в те времена известны, но он еще их не читал. А вечером я должен был читать стихи на вечере в Яхт-Клубе, который устраивали местные офицеры в честь Шнейдера.

Так что мы пробыли с генералом все <время> после обеда. Это было после обеда с Марксом, о котором после распространили такие чудовищные слухи, как об антипатриотической демонстрации. И мы вечером отправились вместе со Шнейдром в Яхт-Клуб. Ко мне там сейчас же подошел Княжевич и посоветовал дружески не читать стихов и удалиться, т<ак> к<ак> мое присутствие может вызвать враждебные демонстрации в связи с делом Маркса.

Я ушел, не говоря ни слова и не упомянув, что только что пришел сюда с генералом Шнейдером, который пришел сюда именно слушать меня. Мне очень понравилось, что меня-то и удаляют с вечера, чтобы не вызвать его негодования на мое присутствие. В то время как он пришел именно, чтобы слушать меня. Не могу сейчас припомнить, как звали ту девушку, что была в то время прислугой Новинского и подругой Анны Алек<сандровны> Степовой.

Она готовилась тогда в сестры милосердия. Помню, как-то А.А. Нов<инский> привез ее в Коктебель и сказал: «Макс, мне бы хотелось, чтобы ты сделал с нею опыт ясновидения». Я отнекивался сначала. Потом согласился. Надо было в полночь удалиться в пустую комнату (это был мой кабинет в Мастерской), и она смотрит в стакане, налитом водой, в обручальное кольцо, лежащее на дне. Я мысленно задал вопрос, что со мною будет через ½ года? Это, значит, был вопрос о декабре 1920 года. Она недолго посмотрела в стакан и сказала: «Вот, посмотрите сами – страшно ясно видно. Вы живете на берегу какой-то большой воды – моря или реки. Против вас на стене зелен<ь>. Жел<езная> дор<ога> проходит – видите, как паровоз бежит и сквозь дым вода блестит. Около Вас молодая женщина, и с ней ребенок. На Вас похож – верно, Ваш сын».

В тот момент я отнесся к этому ясновидению совершенно отрицательно. В то время в декабре 1920 г<ода> было страшное время. Шли сплошные расстрелы: вся жизнь была в пароксизме террора. Но спустя несколько месяцев, когда террор уже ослабел, а начинался голод, – я встретил на улице ту девушку – сестру милосердия, которая показывала тогда сеанс ясновидения, и только тут сообразил, что, в сущности, все так и было, как она видела. Но толкование было неверно. Дом был дом Айвазовского. Молодая женщина – Майя. Мой сын – Дудука, действительно несколько похож на меня. Зелень – против моего окна была стена, густо завитая плющом. Жел<езная> дор<ога> действительно ходила мимо окон, и блестело море, и проч. Но все это имело другой смысл, чем представлялось и мне, и ясновидящей. Эта точность меня так заинтересовала, что я спросил сестру милосердия: «А Вы не могли бы посмотреть, что будет в городе через 3 месяца». Все в то время ждали в Феодосии «перемен». Одни ждали, что белые вернутся. О<д>ни ждали прихода англичан, другие – французов. Словом, никто не ожидал, что серия ужасов, начавшаяся террором и продолжающаяся голодом, все растущим, потом будет продолжаться и развиваться. Через несколько дней я снова столкнулся с Сестр<ой> Мил<осердия>.

«Я смотрела, – прошептала она таинственно. – Перемена будет. На рейде флот стоит: все иностранные корабли. В городе чужеземные войска в незнакомой форме. Много публики гуляет по Итальянской. Выстрелы раздаются. Но сражения нет».

И опять повторилась та же история: никакой перемены не было, но все элементы картины увиденной были налицо.

На рейде стояли многочисленные транспорты из Америки, привозившие кормовое зерно – кукурузу «козий <?> зуб» для Поволжья. Иностранная форма войск – была новой униформой милиции, которая была наряжена в новую форму с английскими погонами, для регулировки уличного движения, которое у нас еле заключалось в нескольких клячах, оставшихся на весь город и развозивших по оцепенелым

улицам большие цинковые ящики с мертвецами, полуживыми, умершими от тифа, холеры, голода, которых свозили на кладбище, чтобы закопать в могилы.

16/IV 1932.

Возвращаясь мысленно к той осени 1919 г<ода>, я вспоминаю, что у нас зимовали Мандельштам, Эренбург и Майя. Майя была с матерью. Мать – трогательная маленькая старушка-француженка. Среди зимы Майя узнала, что ее муж – Сережа Кудашев умер в армии на Кавказе от тифа. Она за этими сведениями ездила в Феодосию, вернулась в многодневных слезах. С этой же эпохи нашла себе в городе урок у полковника Реввы – очень распространенная фамилия, но кот<орая> в Крыму произносится иначе: с ударением на первом слоге: Ре́вва. Такие были в Судаке владельцы винных подвалов. Хотя этот урок относился скорее к весенним месяцам 1920 года.

Осенью 1919 года приезжала в Коктебель большая компания из Бусалака, среди которой была Маруся Заболоцкая. Она была маленькая, стриженная после тифа, только что перенесенного, и производила впечатление больной «вертуном» овцы. Ее Котя Астафьев внес в дом на руках. Когда я спросил Асю Цветаеву: «А кто это?» – она мне ответила полунебрежно: «Так – акушерка какая-то – подруга Ольги Васильевны».

По странной случайности, устраивая ночлег для гостей, я проводил ее и Ольгу Васильевну прямо в свой кабинет над мастерской.

Позже при разговоре, когда я ее спрашивал о первом ее впечатлении Коктебеля и меня, она мне призналась, что видела меня таким, как обо мне говорили, – без штанов в длинном хитоне и венке из цветов. Впервые она услыхала обо мне, когда меня ругали при белых, как защитника Маркса. Но не отнеслась к этим осуждениям с доверием.

Майя всю осень 1919 года была бурно влюблена в Эренбурга, топилась, травилась и т<ак> д<алее> весь ритуал Майиной влюбленности. Она ездила в конце лета в Бусалак и со

всеми уже там перезнакомилась. Увлеклась Вальком (Паничем). И говорила мне со страстью: «Сперва все шло нормально – ее до 4-х лет одевали в мужской костюм, но после, когда ее одели в женское платье, – для нее началась трагедия. Как у Крафт-Эбинга в истории венгерск<их> врачей».

Это была моя первая встреча с Марусей. После я с ней встретился опять, уже будучи больным, в санатории, в 1921 году, – я, помню, спускался по лестнице, очень высокой и длинной, на костылях, а она в то время проходила по набережной: шла из Камышей.

После я ее встретил опять на той же набережной всю в слезах – оказывается, в этот день убили ее любимую собаку Марсика. И, очевидно, съели. Она только что узнала об этом... Она мне тогда же говорила об Зелинских. Об Иосифе Викторовиче – отце Валька, который в те дни лежал больной в Феодосии в доме Экк, и просила навестить его.

18/IV 1932.

Вспоминаю зиму 1919–<19>20 гг.

Воспомин<ания> о Мандельштаме. Я не был в России, когда он приехал в Коктебель. Я был в Париже и помню мамино письмо: «Сейчас в твоей комнате живет молодой поэт Мандельштам. Ты его когда-то встречал в Петербурге». Помню эту встречу – это было у сестры Зинаид<ы> Венгеровой – Изабеллы Афанасьевны (певицы). Там было нечто вроде именинного приема – торты, пироги, люди в жакетах и смокингах. Сопровождая свою мать – толстую немолодую еврейку, там был мальчик с темными, сдвинутыми на переносицу глазами, с надменно откинутой головой, в черной курточке частной гимназии – вроде Поливановской, – кажется, Тенишевской. Он держал себя очень независимо. В его независимости чувствовалось много застенчивости. «Вот растет будущий Брюсов», – формулировал я кому-то (Лиле?) свое впечатление. Он читал тогда свои стихи.

Он в том же мамином письме прислал в Париж свои стихи. Стихи были своеобразны, но мне не очень понравились и я ему ничего не ответил...

После, в России, Иос<иф> Мандельштам <снова> появился на моем горизонте. У мамы к нему была необъяснимая сердечная слабость. Она его всегда дразнила, называла M-lle Fifi.

М<андельшта>м был часто невыразимо комичен: у мамы оставался куриозный умывальник в стиле эсмарховой кружки с короткой резиночкой и заворачивающимся крантиком. Прислуга его конфузилась. Помню, Домна (молодая болгарка) на вопрос мамы: «Что ты?» — закрывая рот платком, ответила: «...точно маленький мальчик». М<андельштам> приблизительно так же реагировал на этот умывальник, который стоял в его комнате, и просил не раз у мамы позволения обменять этот аптечный умывальник. Над ним после сжалилась Юля Оболенская, отдала ему свой, а сама взяла его. А когда М<андельшта>м приходил в гости, то всегда втыкал в кран цветок, изображавший фиговый листок.

В ту зиму М<андельшта>м был влюблен в Майю.

Однажды он просидел у нее в комнате довольно долго за полночь. Был настойчив. Не хотел уходить. Майя мне говорила: «Ты знаешь, он ужасно смешной и неожиданный. Когда я ему сказала, что я хочу спать и буду сейчас ложиться, он заявил, что теперь он не уйдет: "Вы меня скомпрометировали. Теперь за полночь. Я у Вас просидел подряд 8 часов. Все думают про нас... Я рискую потерять репутацию мужчины"».

Крым в эту зиму был под властью белых.

Однажды М<андельшта>м вошел ко мне очень взволнованный.

«Макс Алекс<андрович>, сейчас за мной пришел какой-то казацкий есаул и хочет меня арестовать. Пойдемте со мной. Я боюсь исчезнуть неизвестно куда. Вы знаете, как белые относятся к евреям».

Мы с ним пошли на дачу Харламова, где он занимал комнату вместе с братом. У них сидел, действительно, пьяный казацкий есаул в страшной кавказской папахе и, поводя мутными глазами, говорил: «Так что, я нахожу, что у Вас

бумаги не в порядке, и я Вас арестую». Этот есаул откуда-то свалился в деревню Коктебель и пил безвыходно несколько дней, а потом, спохватившись, нашелся: «Есть ли у Вас в Коктебеле жиды?» Крестьяне очень предупредительно ответили: «Как же — двое есть — у моря живут всю зиму — братья Мандельштамы».

Есаул тотчас же отправился к ним делать обыск. Он сидел посреди комнаты, икал во все стороны и рассматривал книги, случайно попавшие ему в руки.

«А это *Евангелие*, моя любимая книга — я никогда с ним не расстаюсь», — говорил Мандельштам взволнованным голосом и вдруг вспомнил о моем присутствии и поспешил меня представить есаулу: «А это Волошин — местный дачевладелец. Знаете что? — Арестуйте лучше его, чем меня». Это он говорил в полном забвении чувств. На есаула это подействовало, и он сказал: «Хорошо. Я Вас арестую, если М<андельшта>м завтра не явится в Феодосию в 10 ч<асов> утра». Учреждением, куда должны были явиться братья Мандельштам (не помню, как оно называлось), было учреждение, которым заведовал полк<овник> Цыгальский — поэт и поклонник М<андельшта>ма.

Сам Осип Эм<ильевич> находился в таком забвении чувств, что, вернувшись к нам в дом, обнаружил у себя в руке ключ от Майиной комнаты, который бессознательно зажал у себя в руке.

Он уезжал вместе с Эренбургом в Батум. Ему эту поездку устраивал милейший Александр Алекса<ндро>вич, порт<овый> начальник.

В конце лета О<сип> Э<мильевич> обратился ко мне с просьбой: «Мак<с> Алек<сандрович>, наверно, у Вас в библиотеке найдется итальянский текст Данта. Одолжите мне, пожалуйста».

Я пошел наверх, в кабинет, искать. А он, между тем, говорил Наташе Вер<ж>ховецкой: «Ну, если Макс Ал<ександрович> будет теперь долго искать своего Данта — я сам его года три назад завез в Петербург и там позабыл».

— Но как же вы его теперь просите?

— Но ведь хорошая библиотека не может быть без Divina Commedia* в оригинале — я думаю, что М. А. за эти годы успел себе выписать новый экземпляр.

Я спустился из кабинета и сказал: «Осип Эмильевич, я думаю, что не Вам у меня, а мне у Вас надо просить Данте, Вам я дал свой экземпляр — года 3 назад».

У Мандельштама была с собою его книжка «Камень» в единственном экземпляре — <в то время> к<ак>** ему было необходимо много экземпляров, чтобы расплачиваться за ночлег, обеды и всякие любезности.

У меня стоял в библиотеке один экземпляр «Камня», подаренный им маме с нежной дружеской надписью.

Я боялся за его судьбу и как-то заметил, что его на полке больше нет. Обыскал соседние полки, убедился в том, что он похищен. Тогда я призвал на допрос Майю, и она созналась, что Мандельштам, взяв со стола у нее экз<емпляр> «Камня», объявил ей, что он его ей больше не вернет. Я тогда написал письмо Новинскому, где его просил не выпускать М<андельшта>ма из Феодосии, пока он не вернет мне экземпляра «Камня», похищенного из моей библиотеки. Случилось, что Новинский получил это письмо за завтраком и М<андельшта>м, завтракавший с ним вместе, прочел его. Искренно возмутился и был по-своему прав: похитил со стола у Майи книжку не он, а Эренбург.

А он, увидевши, что я принимаю энергичные меры, написал мне ругательное письмо: письмо было пересыпано самой отборной руганью и, чего он ожидал еще меньше, я, на первом же чтении стихов, что я устраивал постоянно в мастерской, сказал слушателям:

«А вот если кто из Вас потеряет или иначе утратит какую-нибудь книжку, взятую из моей библиотеки, то рекомендую Вам, вместо того, чтобы извиниться, писать мне ругательное письмо». И, как образец стиля, прочел им письмо М<андельшта>ма.

Через несколько дней М<андельшта>м в момент о<т>хода парохода был арестован и посажен в тюрьму.

---

* Божественная Комедия (*ит.*).

** *В оригинале*: т. к.

Он обезумел от ужаса, как тогда, при инциденте с есаулом, и, будучи введенным в тюрьму, робким шепотом спросил у офицера: «А что, у Вас *невинных* иногда отпускают?»

19/IV 1932.

Тогда все друзья М<андельш>тама стали меня уговаривать, что я *должен* за него заступиться. Раньше я мог делать или не делать. Это было в моей воле. А теперь (после того, как он мне написал ругательное письмо) я *обязан* ему помочь. Напрасно я им доказывал, что сейчас я не могу ехать в Феодосию, т<ак> к<ак> у меня болит рука и я никого из влиятельных лиц в Добр<овольческой> Армии не знаю.

В конце концов было решено: я напишу под диктовку письмо начальнику Контр-Разведки, которого я в глаза не видел («но он твое имя знает...») и только подпишусь. Я продиктовал такое письмо:

«М<илостивый> Г<осударь>! До слуха моего дошло, что на днях арестован подведомственными Вам чинами — поэт Иос<иф> Мандельштам. Т<ак> к<ак> Вы, по должности, Вами занимаемой, не обязаны знать русской поэзии и вовсе не слыхали имени поэта Мандельштама и его заслуг в области русской лирики, то считаю своим долгом предупредить Вас, что он занимает <в> русск<ой> поэзии очень к<р>упное и славное место. Кроме того, он человек крайне панический и, в случае, если под влиянием перепуга, способен на всякие безумства. И в конце концов, если что-нибудь с ним случится, за его судьбу будете ответственны — Вы перед русской читающей публикой будете ответственны за его судьбу. Сколько верны дошедшие до меня слухи — я не знаю. Мне говорили, что Мандельштам обвиняется в службе у большевиков. В этом отношении я могу Вас успокоить вполне: М<андельш>там ни к какой службе вообще не способен, а также <и к> политическим убеждениям: этим он никогда в жизни не страдал».

Нач<альник> К<онтр>-Разведки, получив карточку: «княгиня Кудашева», принял Майю очень любезно, прочитал письмо про себя, восклицая: «А кто же такое Волошин? Почему же он мне так пишет?»

— Поэт... Он со всеми так разговаривает... — отвечала Майя высоким и наивным голоском. Письмо нарочно было написано в таком духе: оно было корректно, но на самом лезвии. Оно звучало, как личное оскорбление, и поэтому запоминалось. Это был обычный тон моих отношений с Д<обровол ь>ческой Армией. Нач<альник> К<онтр>-Разведки очень недовольным жестом сложил бумагу и сунул в боковой карман. И на другой день велел отпустить Мандельштама.

М<андельш>там и Эр<ен>бург уехали одновременно. Вскоре я получил от одного поэта и издателя — Абрамова несколько номеров художественного журнала «Творчество». Он просил написать ему свое впечатление от журнала. Там была большая статья Осипа Эмильевича «Vulgata». «Вульгатой», как известно, называется латинский перевод Библии, сделанный св<ятым> Иеронимом и принятый в католической церкви. Я долго вчитывался в статью М<андельш>тама и не мог понять ее заглавия, как оно понималось ему, пока не прочел заключительных слов статьи: «Довольно нам библии на латинском языке, дайте нам, наконец, "Вульгату"». Он, как филолог, просто перевел заглавие, а к<ак> историк никогда не встречался с этим термином и не подозревал о том легком «искривлении» смысла, кот<орое> лежит в этом имени. Я написал Абрамову: «Нельзя Вам, как редактору, допускать такие вопиющие ошибки: нельзя, чтобы наши невежественные поэты помещали у Вас заглавием статей такие имена, смысл которых им самим неясен. За это ответственны Вы, как редактор». Случилось, что с М<андельш>тамом я встретился только в 1924 г<оду> в Москве, когда я ездил в Москву и был у редактора «Красной нови» — Воронского. Мы встретились не в кабинете, а в коридоре.

М<андельш>там встретил меня радостно и, видимо, «все простил» из того, что между нами было: и зачитанного у меня Данта, и спасение из-под ареста. Он это все мне высказал, но прибавил: «Но нельзя же, Максимилиан Александрович, так нарушать интересы Корпорации, ведь все-таки наши интересы — поэтов — равнодейственны, а редакто-

ры – наши враги. Нельзя же было Абрамову выдавать меня в случае «Vulgata». Ведь эти подробности только Вы знаете, а публика и не заметит».

20/IV 1932.

Здесь уместно вспомнить кое-что об Эренбурге.

Наше первое знакомство началось при второй встрече в Париже. Первая встреча была неудачна во всех отношениях. Я не помню, в каком году это было: мне швейцар подал завернутую в бумагу книгу стихов. Принесла сестра автора. Я развернул и обратил внимание на то, что обложка книги была напечатана вверх ногами. Это была случайность, но я принял за оригинальничанье и соответственно этому осудил. Куриозно, что это отразилось и с обратной стороны. Сестра писала (или рассказывала) поэту: считая меня со своей стороны кривляющимся, что, когда я вышел к ней, то у меня в руках была книга Ильи, и, когда я цитировал его стихи, – то нарочито читал книгу вверх ногами. Я ей ничего не сказал об этой особенности, но она не подозревала об особенности этого экземпляра. Это в обоих нас возбудило взаимную антипатию. У меня это сказалось в отношении моем к стихам. Я дал о книжке довольно резко-отрицательный отзыв. А этот отзыв был одинокий: русская критика встретила первую книгу Эр<енбурга> благосклонно, <что> сперва вызвало его обиду на меня и враждебность при первой встрече, а потом, при второй, послужило поводом к дружбе: т<ак> к<ак> он сам стал относиться к своей книге очень отрицательно и мой отзыв о ней стал для него образцом критического прозрения.

Когда я впервые пришел к Эр<енбургу> на Rue Campagne-Première 8, в этот хорошо знакомый дом, теперь превращенный в гараж. Он там занимал мастерскую. Меня встретили 2 дамы. Одна была Катя (Ек<атерина> Оттовна – его жена, другая – Мар<ия> Мих<айловна> – в то время жена его кузена, тоже Эренбурга, Ильи Лазаревича, потом расстрелянного белыми в гражд<анскую> войну). Меня поразило своеобразие их лиц и показалось схожим: обе брю-

нетки <с> восточными чертами, черными глазами, острота в лице. Катю я очень запомнил тогда на костюмированном вечере. Она была в мужском — маркизом. Эренб<ург> был неряшлив — с длинными прямыми патлами. «Человек, которым только что вымыли очень грязную мастерскую» — я так формулировал тогда свое впечатление. А обе женщины, с которыми он был, были хорошенькие, острые и очень чистенькие.

Помню, мне тогда же очень понравилась книжка стихов, посвящ<енная> Кате, «Детское». Илья же только что выпустил книгу «Я живу», которая обладала недостатками первой книги и мне не понравилась. У меня был период очень большой строгости и стремления к простоте.

Илья был накануне большого упрощения в своей поэзии. Он был под влиянием Жамма и переводил его. Был на волосок от перехода в христианство. А в его стихах мне больше всего не нравился эстетизм, котор<ый> я считал гумилевщиной (и ошибался), и была некая — литературная религиозность.

21/IV 1932.

Второй раз мы встретились с Ильей Эр<енбургом> во время войны, в январе 1915 года я приехал в Париж прямо из Базеля. Антропософ<ская> нейтральность мне казалась тягостной и скучной, и я с радостью окунулся в партийную и одностороннюю несправедливость Парижа, страстно, без разбора и без справедливости ненавидевшего немцев, кот<орых> тогда называли не иначе как «бошами», — полупрезрительная траншейная кличка, которую, кажется, во всей Франции только в траншеях и не употребляли.

Поэтому большой радостью для меня были беседы с Алек<сандрой> Василь<евной> Гольстейн. Которая, как всегда, оставалась страстно партийной и говорила: «Если бы Христос или Будда (она была буддистка) позволили себе при мне проповедовать свои *нейтральные* идеи, я им, *конечно*, не подала бы руки». В первый же вечер я пошел искать Ил<ь>ю Эр<енбурга> в «Ротонду» — но его там не было: он изменил

привычкам – я нашел его в Café du Dôme. Мы много говорили и в разговоре о войне очень друг друга понимали. Началось наше сближение. Я тогда остановился у Бальмонта. Passy, 60, Rue de la Tour.* Это было хорошее время: по утрам длинные разговоры с Б<альмонтом>. Потом работа в Национальной библиотеке. Иногда с утра оба садились за стихи на темы, которые сами себе задавали. И работа над стихами длилась часто изо дня в день неделями, не иссякая. В этих состязаниях мы ободряли, поддерживали друг друга. Часто получались неожиданные эффекты: я как будто задавался задачей – разрешить ее так, как ее должен был разрешить Б<альмонт>, а Б<альмонт> разрешал ее в моем стиле, и все это было совершенно бессознательно. В разговорах же я старался всегда сообщить Б<альмонту> что-нибудь ему совершенно неизвестное. Это, при громадной и разносторонней начитанности Б<альмонта>, было трудно, но почти всегда удавалось. И он сам говорил: «Я люблю разговаривать с Максом, потому что в разговоре с ним всегда что-нибудь да узнаешь совершенно новое». Дамами нашими и судьями стихов были всегда Нюша и Ел.Ю. Григорович. Нюша – молчаливая, тихая, музыкальная, Е. Григорович – страстная, порывистая, угловатая.

На втором плане нашей жизни стояла Елена Цветковская. Тоже молчаливая, тоже всегда танцующая перед зеркалом, тоже: «таких барышен<ь> в Древней Греции называли сфинксами».

Потом на моем горизонте появляется Борис Савинков. Сначала мне он резко не понравился. Но стоило нам с ним раз побеседовать, и это чувство сразу сменилось резко противоположным: я к нему почувствовал неудержимую симпатию. Помню, это было, когда он пригласил нас с Бальмонтом вместе с ним пообедать. Это было чуть в стороне <от> Больших бульваров в ресторане, где обедали журналисты. Он рассказывал нам из своей жизни. Рассказывал он превосходно: у него была манера одной интонацией, звуком голоса передавать человека. Это придавало редкую живость

* *В оригинале*: Rue de Passy.

всем его повестям и давало его рассказам ту прелесть, живость, юмор, которых совсем нет в записанных его «воспоминаниях». Помню, в то время, как мы входили в ресторан, мы заметили на вечернем небе в стороне военный аэроплан и даже говорили о том, не немецкий ли он, а приехавши в Passy – узнали, что только что было нападение немецких тах-ов именно на Пасси. И что большая бомба упала по ту сторону реки в Гренелль в сквере, где всегда играет масса детей. Но бомбы иногда культурнее и гуманнее, чем люди: бомба упала среди играющих, никого не задела и не разорвалась. Я тогда это очень запомнил. Как первое знакомство с Савинковым. Потом мы виделись с ним часто уже без Бальмонта – всю следующую зиму.

Илья Эр<енбу>рг в то время переживал тяжелую эпоху: он расходился с женой Катей, которую очень любил. Он мне ничего не рассказывал, но я постепенно понял это de visu*. Он, зная наше взаимное дружелюбие, повел меня в отель к больному еще Тихону С. Это и была причина ухода Кати от него. Тихон пошел добровольцем на войну и заболел там тифом. Он был в «иностранном легионе», т<ак> к<ак> иностранцы не могли, по тогдашним правилам, поступить просто во франц<узскую> армию и все шедшие «добровольцами» защищать Францию (было такое движение в начале войны) попадали автоматически в Иностр<анный> легион, т. е. на каторгу. И это прекрасное (в латинских условиях жизни) учреждение стало рядом трагических обстоятельств, местом каторги для русских эмигрантов.

22/IV 1932.

У Эренбурга – целый ряд анекдотов в отношении его к приличиям и костюму. Он это сам знает и не может исправить. Когда он писал изысканные пьесы в стихах из жизни маркиз (стиль XVIII века), его пригласили к богатым русским эмигрантам, где он, в обстановке своей пьесы (будуар хозяйки), должен был прочесть свою пьесу. Назначено было чтение в воскресенье. В последнюю минуту он вспомнил,

* Как очевидец *(лат)*.

что не успел побриться. В воскресенье в Париже все парикмахерские закрыты. Илья в последний момент вспомнил, что у Веры Равич, как у танцовщицы, есть poudre épilatoire* для сведения волос – под мышками и на ногах. Он заглянул к ней в мастерскую, напудрился. Затем смочил щеки водой и стал ждать эффекта. Эффект обнаружился, не замедлив, – у него страшно защипала кожа, и без того раздраженная частым и небрежным бритьем. Он стал наскоро снимать порошок и в это время (дело было в темноте) облил куртку. Электричество в его мастерской было выключено за невзнос платы.

Посмотревши на себя в кусок зеркальца при светильнике, он обнаружил на лице воспаленные пятна. И резкий, ничем не скрываемый запах сероводорода. Время было позднее – ему грозило опоздание: он смело пошел. В маленьком и тесном будуаре было много народу и жарко. По мере того как он читал, запах все усиливался и становился все нестерпимее. Заметив несколько судорожных заглядываний хозяйки и гостей под столы и диваны в поисках *собаки*, Илья внезапно оборвал чтение, выбежал через ряд комнат в переднюю и там, взяв за руку своего друга, последовавшего за ним, сказал ему шепотом: «Пойди к ним и расскажи все, как было с poudre épilatoire». И только после того, как из будуара донесся громкий и общий взрыв хохота, он вернулся в будуар и спросил хозяйку: «Что, очень явственно был слышен запах?» Хозяйка потупилась и ответила: «Очень...»

У Ильи к органическим особенностям туалета относилось еще его постоянная история со штанами. Штаны у него, как он сам выражался, «держались на честном слове». Когда мы в первый раз были у Ц<етли>ных, они жили в шикарном immeuble** на Avenue Henri-Martin. В то время как мы спускались с V этажа по роскошной лестнице, – штаны не соблюли «честного слова» и разъединились – он дошел до консьержа только прикрываясь длинной парижской пелериной. Другая трагическая история произошла в том же роскошном вестибюле, перегороженном прекрасной зеркальной, прозрачной

* Пудра для удаления волос *(фр.)*.

** Меблированные комнаты (*фр.*).

и чистой, как воздух, перегородкой, с Андреем Соболем, который, второпях и испугавшись, прорвался сквозь эту стеклянную перегородку. Она с шумом и грохотом рухнула. Соболь успел удрать, взял автомобиль – их много на Henri-Martin – и уехал. Кровавый след – он был ранен, – показал его следы.

Эти герои-комические анекдоты пестрили нашу парижскую жизнь в 1916 году в самые трагические моменты Европейской войны между двумя Марнами.

23/IV 1932.

Илья Э<ренбург> в это время стал писать в новой манере – очень малопонятно. Это были образы и *мысли* без пути к ним, часть логического домысла сознательно опускалась. Так написана «Книга о канунах». Это давало большую свободу в распоряжении образами, в их чередовании и нагромождении. Вместе с новыми сочетаниями отдаленных рифм-ас<с>онансов составляло большую расчлененность стихам его смысла, что, в общем, было приятно и ново и мало похоже на все прежнее. Евангельская простота, наивность и искренность Жамма остались далеко позади.

Невыразимые отношения складывались в ту эпоху с Ц<етли>ными, которые в том круге занимали место – снобов, буржуев, богатой аристократии. Материальное положение Ильи Э<ренбурга> было ужасно. Он ходил, чтобы подработать, ночным носильщиком на Gare Montparnasse* и возил вагонетки до рассвета.

При его слабосильности и болезненности – меня это приводило в ужас: я уговорил Цетлина М. О. издать его «Книгу о канунах» в том маленьком издательстве, которое они затевали в Москве, «Зерна». Где должна была выйти книга самого Миши Ц<етлина> и моя стихов о войне, котору<ю> я в те годы писал, и еще Эренбурга – переводы из Ф. Вийона и Шарля Пеги.

На лето 1915 г<ода> я получил приглашение от Ц<етли>ных поехать на их виллу в Биарриц. Это была по

* Вокзал Монпарнас (*фр.*).

Заказ 3692

местоположению роскошная вилла. На самом берегу, рядом <с> виллой Нап<олеона> III (теперь Hotel du Palais), с другой стороны с нею состояли <в соседстве> виллы разных знаменитостей – Ростана, Вел<икого> кн<язя> Алекс<андра> Мих<айловича> и т. д.

Я просил разрешения – взять туда Маревну.

С Маревной меня познакомил Илья: в Париже, в странном военном вертепе – мастерской русской художницы NN. Не помню ее фамилии; у нее висели какие-то кустарные полинезийские ковры, на которых были наляпаны узоры, очень декоративные и смелые, какими-то темно-бурыми, точно запекшимися, лепешками (человеческою кровью – шепотом сообщали завсегдатаи этого места, посещавшегося охотно обычными посетителями «Ротонды» и др<угих> кафе – теперь закрытых по вечерам по случаю военного положения). Кроме русских, здесь бывали англичане и другие нации. Давали вино, сидели за столиками, танцевали. Была полная замена кафе. Маревна была когда-то принята, любима и обласкана в семье Горького на Капри. Она была родом с Кавказа. Росла у отчима. У нее была трагическая история. Была душой «Ротонды». Туда она приходила в затруднительных обстоятельствах – и «Ротонда» ей помогала – устраивали в ее пользу «голый бал», где все скандинавы плясали обнаженные в ее честь. И выручали ее. «Маревной» ее прозвал Горький – <именем> из русской сказки: «Марья Маревна».

МОЕ ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕБЫВАНИЕ В ПАРИЖЕ
(1915-1916)

24/IV 1932.

Во время войны. Я выехал из Коктебеля 19 ^{6}/VII 14 с<тарого> ст<иля>, т. е. приблизительно за неделю до объявления войны. Война в нашем летнем уединении никак не предчувствовалась. Только в человеческих отношениях творилось нечто невообразимое. Расторгались необычайно крепкие связи и браки, незыблемые по 20–30 лет. Да Алехан (Толстой) рассказывал: «Когда я ехал сюда, то в вагоне студент говорил, что этим летом война неизбежно будет». Но этому никто не доверял, и не было на Европейском горизонте никаких признаков надвигающейся войны. Я с самого начала лета собирался ехать за границу: меня звала Маргарита в Дорнах – принять участие в постройке Johannes-Bau.

Кроме того, у меня был другой предлог: я собирался работать над «Духом готики» для М.В. Сабашникова и хотел объехать готические городки Южной Германии.

Должен был выехать через Одессу – Рени – Будапешт – Вену – Мюнхен – Базель – Дорнах. Война и связанные с нею перевороты никак не входили в мои планы.

Я собирался с начала лета, но в течение всего лета откладывал мой отъезд со дня на день. При создававшейся с каждым днем сложности человеческих отношений, я откладывал свой отъезд много раз. Дело было в том, что все гостившие в то лето в Коктебеле постепенно друг с другом ссорились, отказывались от своих комнат, комнаты сдавались и все по очереди переселялись ко мне в мастерскую (Кандауровы, Толстые, Рогозинские). Я никак не мог всю эту кашу, в которой я принимал ближайшее участие, оставить без себя. Наконец я почувствовал, что медлить доль-

ше нельзя. Собрался и уехал. Пароход из Феодосии в Одессу уходил переполненный. Я не нашел места, сел на поезд и нагнал тот же пароход в Севастополе, и там нашел место в каюте. В Одессе у меня не было никого знакомых: мне было необходимо повидать румынского консула (об австрийском я и не подумал) и в день приезда выехал по какой-то проселочной ж<елезной> д<ороге> в городок Рени на Дунае. В день, когда я переезжал Дунай и <из> Рени в Галац, был подан Австр<ийский> ультиматум Сербии – но это знание было результатом позднейших рассказов. Тогда же я ничего не знал: я провел длинный день до вечера в городке Галаце, который меня очаровал провинциальным затишьем и культурным уютом. На следующий день я прибыл к австрийской границе в Карпатах – к Предялу. Там я оставил вещи в поезде, а сам перешел границу пешком по живописной дороге, вместе с прочими пассажирами. Это дало мне возможность перейти русско-австрийскую границу в этот момент без визы.

В тот же вечер буммель-цуг меня мчал (очень медленно) по направлению к Буда-Пешту. Я провел целый день в живописном городке в последних отрогах Карпат Кронстадте (Брассо). Я вышел с утра в горы, покрытые вековыми каштановыми лесами. Вечером бродил по городу и провел ночь в поезде. Налево на шафраново-зеленом небе был четко врезан турецкий молодой полумесяц. На всех полустанках навстречу нашему поезду шли товарные поезда с массой молодых солдат <в> национальных костюмах, на полустанках шли блестящие факель-цуги. Всюду была жизнь и необычайное оживление.

Это была мобилизация и войска направлялись к русской границе. Но я этого не знал и наблюдал зрелище взором любопытствующего туриста.

25/IV 1932.

В Буда-Пешт мы приехали перед вечером.

Это было очень странное переживание: на вокзале была масса людей, очевидно, очень заинтересованных совершающимся событием: событие – я узнал это много позже – был

арест на вокзале Сербского воеводы: ген<ерала> Путника. Я забросил мой чемодан в гостиницу и побежал смотреть город. Я был <в> Б<уда>-Пеште во второй раз в жизни. В сущности в первый, потому что был раньше там, когда мы ехали с Маргаритой из Парижа в Коктебель в 1906 году. Мы в Б<уда>-П<ешт> поехали пароход<ом>, было это глубокой ночью после полуночи. У меня остались в памяти только колоссальные лестницы, спускающиеся к реке, да ночные безлюдные улицы с вывесками на неизвестном языке.

Сейчас я увидел те же безлюдные улицы, но не ночные, а за час перед закатом. В глазах остался фасад монументального иммебля с яркими оранжевыми занавесками. В странствиях это безлюдие становилось странно. Я шел к центру города, как мне казалось. И это полное отсутствие людей казалось необычайно. Только когда смерклось, закишело народом. В этом кишенье было нечто лихорадочно возбужденное, что подчеркивалось лихорадочным нетерпением, с которым расхватывались новые издания газет, выходивших часто в этот июльский вечер 1914 года. Что же это? Муниципальные выборы? Празднество? Гос<ударственный> переворот? Война? Из всех этих возможностей я останавливался охотнее всего на последней. Было так, точно я кинут в неизвестный мне город, в неизвестные времена, город несомненно Европейский (после завоевания Европы монголами), в разгар каких-то военных событий — об них мне говорили бурные овации солдатам, маршировавшим по улицам. Я об этом писал год спустя, в годовщину войны, и, кажется, мой фельетон нигде не был напечатан, хотя он был написан тщательно (или, может быть, именно поэтому?). Чувство самосохранения не позволило мне ни к кому из встречных обратиться с вопросом: что же здесь, в сущности, происходит? И это меня и спасло от возможных осложнений. Если бы толпа в этот момент признала во мне русского, то едва ли мое странствие прошло так просто.

Но оно прошло без единого приключения. Я продолжал его и на следующий день выехал из Б<уда>-П<ешта> в Вену.

Потом я сообразил, что я делал массу неосторожностей. Но моя судьба не зацепилась ни за одну: в Б<уда>-Пеште я ходил рисовать остатки старой крепости над Дунаем. В Вене, остановившись в специальном отеле для военных, <я> пошел менять русские деньги. Напрасно стучался в «Альбертин<у>» – где хотел работать для «Духа готики». Но мне непостижимо везло: отсутствие гульденов заставляло меня быстро покинуть Австрию. Всюду <я> попадал на последний поезд, последний пароход, было чувство, что все двери за моей спиной с шумом захлопываются и что назад возврата нет.

В Мюнхене никого из знакомых не было в городе. Но я целый день провел в осмотре выставок, которых в городе, по случаю летнего сезона, были открыты десятки. Вечером был <в> каком-то немецком «Варьете» – и на другой день рано утром (в 7 час<ов>) выехал в Базель. Меня спросили <в> кассе: <ка>кой билет мне надо – по швейцарскому или баденскому берегу. Я сказал: мне все равно, и мне дали по Швейцарскому, что меня обезопасило, потому что в полдень были закрыты границы Германии и война началась. От Мюнхена поезд шел пустой: со мною в вагоне была только немецкая Fräulein*, ехавшая на дачу. А после, между Романсхорном и Lindau, на пароходике томилось много англичан. В швейцарском вагоне рядом сидела семья сербов. С которыми я договорился до общих знакомых (таковым оказался принц Гика). Только в Базеле, на Zentral-Bahnhoff**, я увидел картину европейской вокзальной паники этих дней. Но я уже был у цели. Я взял ж<елезно>-д<орожный> билет до Дорнаха. И час спустя был в горной глуши, где мне предстояло прожить полгода.

Все из русских, кто в этот день пытался выехать в Россию, – все вернулись обратно. Поэтому Шт<ейне>р встретил меня словами: «Вам все-таки удалось доехать. Но выехать – неизвестно когда Вам удастся».

Первый день моего пребывания в Дорнахе был первым днем войны. Мне помнится, когда мы пришли утром в кан-

* Барышня (*нем.*).

** Центральный вокзал (*нем.*).

тину (ресторан), перепуганная фигура А. Белого, который сообщил: «Знаете... Жореса убили в Париже. Я ведь его хорошо знал... Да, в ресторане. Неизвестно кто».

Марг<арита> мне сказала: «Я тебя не ждала... Мы все думали, что ты уже не приедешь. Все наши, уезжавшие, сегодня утром вернулись. Пути в Россию закрыты. Тебя ждала комната О.Н. Анненковой. Сейчас она свободна. Поселяйся там...»

Через несколько дней приехала Леля Анненкова. Я ей сказал: «Я без Вас занял Вашу комнату. Хотите ее? Я Вам ее очищу».

Комната была крошечная и холодная, с огромной двуспальной кроватью. Кажется, Марг<арита> была не очень довольна моей галантностью: меня вновь надо было устраивать. В конце концов она предложила мне поселиться в одной комнате с Сизовым, в том же доме, где жила она — bei Sthober.

Дорнах была типичная швейцарская деревня, соседняя с Арлесгеймом. Отдельные швейцарские домики, разбросанные среди лугов и рощ, по которым проходили сельские дороги. Внизу, по долине, проходила ж<елезная> д<орога>, здесь, наверху, шел трамв<ай> в Базель. Центром всех антр<опософов> было «капище», где встречались за едой все представители воюющих стран Европы. Вообще Дорнах, очевидно, был в эти месяцы единственным местом, где не чувствовалась война: немцы, французы, англичане, австрийцы, русские сидели за одним столом, обменивались новостями и блюдами и не пылали друг к другу ненавистью. Были недоразумения — немцы поздравляли русских со своими победами и извинялись: «Простите, я забыл (или забыла), что Вы не немец».

26/IV 1932.

Обижался на эти вещи один Белый и громко протестовал. Я же держался противоположной тактики: когда однажды был сбор в пользу немецких раненых, я беспрекословно достал 3 марки и сказал: «Если бедный Вильгельм

обращается *ко мне* за милостыней в пользу немецких раненых — разве у меня хватит духу ему в этом отказать?» А Белый мне ответил: «Если ты *так* ставишь вопрос, то это иное дело». Шт<ейнер> читал интереснейший курс лекций по национальной характеристике народов. Лекции были захватывающе интересны, но интерес стал слишком остер и рождал между слушателями слишком страстные споры. Шт<ейнер> его прекратил. Помню последнюю лекцию, в которой Шт<ейнер> любезно, легко, тоном светского человека характеризовал двух дам-сплетниц (антропософских теток), каждая из них в глубине торжествовала и победительницей глядела на свою соперницу. А после с торжеством обе говорили о том, как Д<окто>р «отделал» их противницу и каждая в наивности не предполагала, что эти слова относимы также и к ней лично. Это было трогательно, смешно и жалко до отчаяния.

В этот первый период в Дорнахе я часто бывал у А. Белого. Он мне подробно рассказывал о тех циклах, которых я не слыхал. Это был период, когда между нами опять вспыхнула горячая словесная дружба, и мы разговаривали часами и с неослабевающим упоением.

Часто я уезжал на целый день в Базель и просиживал часами в кино. Здесь были военные фильмы. Вообще город после той особой, очищенно-бесстрастной атмосферы, что царила в Дорнахе, пронизывал острыми и убийственными впечатлениями, как обстрелом пулемета. Но бесстрастная и святая атмосфера вокруг Johannes-Bau — утомляла. Слишком тяжело было все время соблюдать справедливость и равновесие, когда то и другое в мире были совершенно нарушены. Я начинал мечтать о Париже. И написал Нюше и Б<альмон>ту, что жажду их видеть. Получил от них призыв. И в январе 1915 года расстался с Дорнахом. До Берна меня сопровождал художник Кемпер.

27/IV 1932.

Вернее было бы сказать: «я сопровождал художника Кемпера». У Кемпера была история простая, но весьма сложная по тому времени: ему нужно было засвидетельствовать

подпись. Он был русский и харьковча<нин> по рождению. У него были дела по наследству в Харькове со своим братом, офицером русской службы. Нужна была его подпись, официально заверенная. Но ни в одном русском учреждении даже и говорить <с ним> не хотели, как с немецки<м> подданным. Я этим был глубоко возмущен и пошел с ним ходатайствовать. Сперва мы пошли к испанскому консулу, т<ак> к<ак> все дела германских подданных были во время войны переданы испанск<ому> консулу. Но там ничего не вышло. Испанский консул вежливо перед нами извинился и нас спровадил, посоветовав нам обратиться к американскому консулу. Мы прошли в конс<ульство> Соед<иненных> Штатов, несравненно более чопорное и торжественное. Но результат оказался тот же. Потом мы посетили (нет, раньше) русское консульство. После американского – еще несколько, потом Кемпер предо мной извинился и решил с этим сложным вопросом покончить.

На эти хождения по консульствам ушел весь день. Наконец я остался один. На вокзале оказалось, <что> еще мне оставалось ждать в Берне поезда часа 3. Я пошел в кинема скоротать время и смотрел до поезда фильмы. В поезде я заметил только внимание, которое привлекала к себе эльзасская девушка (судя по головному убору с черными лентами), рассказывавшая о своем путешествии с мытарствами через Германию. Да <и> после переезда через франц<узскую> границу – настороженное внимание ко всему, что хотя бы отдаленно напоминало Германию – начиналась полоса шпиономании. В Париж мы приехали на гар де Лион. Помню путь на извозчике в Passy – он все время шел по утренним пустынным набережным. Я смотрел широко раскрытыми новыми глазами на новый – военный Париж, почти, в сущности, не изменившийся. Б<альмонтов>скую квартиру на Rue de la Tour* я тоже нашел неизменной и знакомой. Нюша меня отвела наверх в мою комнату. Это была полутемная комнатка, очень малых размеров. «А после Вы сможете перейти сюда в Нинину комнату», – сказала она, распахивая дверь в солнечную и более просторную комнату ребен<ка>.

* Улица Башни (*фр.*).

28/IV 1932.

Я питался у Б<альмонта>. После ходил работать в Нац<иональной> библиотеке.

Нюша мне давала с собой в библиот<еку> сандвич. Я немного конфузился принимать его и съедал тайком под столом в биб<лиотеке>. Я помню свои мысли – подходя к Нац<иональной> биб<лиотеке>, сквер Лувра с голыми деревьями, сквозь которые сквозил новый отель... (не помню его названия). По вечерам я ходил рисовать на кроки (5 минутная поза) в Atelier Colarossi. Там были вечно те же американки и англичанки со своими папками. Работа была торопливая и лихорадочная: и, если сначала в рисунок закрадывалась какая-нибудь ошибка, – то она повторялась во всей серии рисунков этого дня. Это, конечно, происходило от лихорадочной поспешности рисунка и некоторой механичности, которая оставалась вопреки настороженной лихорадочности. Мою художеств<енную> жизнь отчасти разделяла Е.Ю. Григорович, кот<орая> была немного художницей. С ней мы много говорили об ее приятеле художнике – Гуревич<е>, кот<орый> жил в Англии и недавно там женился. У него была в живописи одна «идея», котор<ую> я случайно, к большому удивлению Григ<оро>вич, угадал. «Идея» была в том, что композиция картины была подчинена психологической перспективе. Т. е. главные персонажи были нарисованы в большем масштабе, чем второстепенные. Темы были: «Распятие» – громадная фигура распятого Христа на пригорке и разбегающиеся с Голгофы маленькие фигурки римских воинов. Как идея, это было недурно, но пропорции не были найдены, и в законченных вещах были утрировка и шарж. Вообще, в художнике Г<уреви>че чувствовался оригинальный домысел, но не было талантливости, вкуса и убедительности. По вечерам мы всегда встречались с Эренбургом и иногда просиживали в маленьком кафе у Gare Montparnasse до рассвета читая стихи. И я возвращался в Пасси пешком вдоль линии Метро.

29/IV 1932.

В этот период Илья писал книгу о «Канунах». Это был ряд набросков и настроений первого года войны, со всею чудовищностью и ложью, которая тогда уже начинала кристаллизоваться в атмосфере и личностях. Отсюда тот ряд странных образов, которыми обновили стихи модернисты франц<узские> поэты – Аполлинер, Макс Жакоб и др. К ним непосредственно примыкал и Илья Эр<енбу>рг. Както раз проходя около Трокадеро, я стал думать об этих же темах и у меня сложилась пародия на Эренбурга «Серенький денек», которой эпиграфом могли бы служить знаменитые строчки:

День прошел весьма обыкновенно.
Облака сидели на диванах...

Стихи были проникнуты «урбанизмом» и начинались так:

Грязную тучу тошнило над городом.
Скользили калоши, чмокали шины.
Шоферы ругались, переезжая прохожих.
Сгнивший покойник во фраке
С соседнего кладбища
Насиловал девочку... Плакала девочка.
Старый слепой паровоз
Кормил чугунною грудью
Младенца Бога.
В яслях лежала блудница и плакала.
А в райской гостиной, где пахло духами
И дамскою плотью.
А святая привратница
Туалетного места, варила для
Ангелов суп из старых газет.
«Цып-цып-цып, херувимчики...
Цып-цып-цып, серафимчики.
Брысь ты, Архангел проклятый,
Ишь, отдавил Серафиму
Хвостик копытищем».

Стихи были встречены хохотом. Одна Маревна была в серьезном восторге и сказала: «Как хорошо, Макс, что ты начал писать, наконец, тоже серьезные, настоящие стихи. Очень хорошо».

30/IV 1932.

Илья ее осадил каким-то саркастическим замечанием, заметив ей, что это не серьезные стихи, а пародия на его стихи, так что она не продолжала своих восторгов. Война и ее постоянный аккомпанемент в газетах начинали действовать удручающе на психику. Из французов я очень часто виделся в ту зиму с Озанфаном. У него была хорошая мастерская с квартирой в Passy, громадный вид на Булонский лес и на высоты Севра и Медона. Оз<анфан> меня вытаскивал с собою к разным своим приятелям-французам. Так, я был с ним у Рене Менара, у Коттэ... Он издавал журнал «Élan». Я ему много помогал в этом. Писал рекоменд<ательные> письма в Россию. И он, как вполне честный и совестливый француз, платил за это сторицей. Парижскими знакомствами и связями. «Deux mots au bout d'une carte de visite»* – вот обычная обменная Парижская монета, и любопытно, что здесь нет ни фальшивых монет, не бывает никогда обмана. Это одно из ценнейших и удобнейших произведений парижской жизни. Это большое достижение городской культурной жизни, где учитывается каждый любезный жест, каждый «счет» в кафе, каждая малейшая услуга. И это дает возможность в Париже, при достаточном количестве верных, хотя бы и поверхностных друзей, чувствовать себя как дома <во> всех слоях и углах Парижа, а также устроить и пристроить своих друзей, попавших в Париж впервые.

В Париже таких признаков очень старой (вековой) культурной жизни – больше, чем в любом из больших городов Европы.

Горькая ирония О. Мирбо, когда он говорит о том, что надо <многое>, чтоб гарантировать исполнение обязанности, когда дело идет о сделке между двумя честными людьми (нотариус, протокол, договор, контракт), и как эти

* Два слова на визитной карточке (*фр.*).

дела просто разрешаются между двумя ворами, котор<ые> никогда не нарушают своего слова, вполне опровергается инсти<ту>том – «Deux mots...».

2/V 1932.

В один из последних дней моего пребывания в Париже Ал<ександра> Вас<ильевна> Гольштейн (Баулер) позвала меня в свой крошечный кабинет, с мал<еньким> пис<ьменным> столом, где происходили все гениальные беседы, и начала длинный разговор, из которого я с трудом понял, что она считает, что у нас с Мар<ией> Сам<ойловной> Цетлин – роман, и <что она> советует мне от него отказаться. Это было так далеко от истины и так далеко от ее соображений, что *я* ее не мог разубедить. Она ее не находила достаточно умной для моей дружбы и поэтому совсем не находила данных, по которым можно было объяснить мое частое посещение Ц<етли>ных.

Помню очень отчетливо наши встречи в эту эпоху с М<арией> С<амойловной>. Она хотела мне подарить – чемодан для путешествий и несессер для туалета. Мы с ней ездили по большим магазинам, и она с трогательным вниманием выбирала мне роскошные, но не очень нужные вещи. Иногда с грустью говорила: «Мне очень грустно себе представить, что Вы с этим чемоданом уедете скоро в Индию». Последние дни, когда уже мой билет в Россию был взят и день отъезда назначен, мы вместе ходили по Парижу, я ее знакомил с разными моими любимыми местами, музеями и людьми. Она меня попросила познакомить ее до моего отъезда с Верхарном. Я стал узнавать, где он живет. И узнал, что его постоянный адрес St. Cloud.

Я написал ему, но оказалось, что в означенный день он дома не будет. В тот день, когда было назначено не имеющее состояться свидание, я повел М<арию> С<амойловну> в Musée Guimet, чтобы показать ей мумию Левконойи (в зеркальной витрине с черными цветами), и здесь мы увидели Верхарна. Он был в одной из зал музея Гимэ, пред статуей «Дармы» – <п>оследний облик, который у меня остался в глазах от великого поэта.

5/V 1932.

Вспоминая последние недели, проведенные в Париже, я замечаю, что у меня вовсе не было тоски расставания с Парижем. Хотя я должен был предвидеть, что еду в совершенно неизвестное, но не предвидел Революции и того, что на много лет, вне своей воли, застряну в России, а это-то именно и случилось со мной. Мой отъезд был решен маминым зовом, кот<орая> писала, что, если я теперь не приеду, то она совсем не знает, когда и как мы увидимся. И я выехал, несмотря на усилившуюся подводную войну, несмотря на то, что момент для возвращения был самый неблагоприятный, но я совершенно не верил, что со мной что-нибудь может случиться катастрофическое. Но вместе с тем, я никогда ближе не стоял к возможной катастрофе, как во время этого морского перехода. Последний пароход перед нашим переходом через Ламанш был потоплен со всеми пассажирами. Это был «Sussex». Так же был потоплен пароход «Ирида» – вышедший за нами из Нью-Кестля. Потом я узнал, что подводные лодки готовились напасть именно на нас, т<ак> к<ак> я ехал с Генеральным Штабом Сербской Армии, тайно пробиравшимся в Россию. Это мне сказали в Лондоне в русск<ом> посольстве (я ехал дипл<оматическим> курьером) с депешами к Сазонову. Эти депеши, представлявшие фактически мои собствен<ные> тетради со стихами, и были дипломатической визой, держась за которую я преодолевал с легкостью все международные военные рогатки, расставленные в то время в изобилии. На этом окольном пути из Парижа в Россию, через Хапарандо – Торнео.

II

РАССКАЗ М.А. ВОЛОШИНА ОБ ИННОКЕНТИИ АННЕНСКОМ

(27 марта 1924; записан Л.В. Горнунгом и Д.С. Усовым)

Я познакомился с Иннокентием Федоровичем очень поздно – в год его смерти, позднею весною.

Когда я вспоминаю теперь его фигуру – у меня всегда возникает чувство какой-то обиды; вспоминаются слова Бальзака: «La gloire c'est le soleil des morts, nous mourrons tous inconnus».*

Как раз в 1909 г<оду> возник вопрос об основании журнала «Аполлон», в котором и я также участвовал с первого года его издания, хотя и не любил этого журнала. Видеть же Иннокентия Федоровича в редакции «Аполлона» было тем более обидно и несправедливо, в особенности для последнего года его жизни. Это было какое-то полупризнание. Ему больше подобало уйти из жизни совсем непризнанным.

Приглашение Иннокентия Федоровича состоялось таким образом. Вставал вопрос – кого можно противопоставить Вячеславу Иванову и А.Л. Волынскому в качестве теоретика аполлинизма? Тут вспомнили об Анненском. Ни я, ни С.К. Маковский не имели об Анненском ясного представления. О нем тогда часто говорили Н.С. Гумилев и А.А. Кондратьев – его ученики по царскосельской гимназии. Но Гумилев был в то время начинающим поэтом, и его слова не могли иметь того авторитета, какой они имели впоследствии.

Сопровождать С.К. Маковского в Царское Село для приглашения Иннокентия Федоровича пришлось как раз

* Слава – солнце мертвых, все мы умираем неизвестными (*фр.*).

мне. Как сейчас помню царскосельский адрес Иннокентия Федоровича: Захаржевская, дом Панпушко, № 6. Нас провели в высокую комнату, заставленную книжными шкафами с гипсами на них; среди этих гипсов был большой бюст Еврипида. Несколько чопорная мебель, чопорный хозяин... Помню его поджатый, образующий складки подбородок... В Иннокентии Федоровиче чувствовалась большая петербургская солидность.

Оказалось, что я многое знал об Анненском со стороны его различных литературных выступлений. В моем сознании соединилось много «Анненских», которых я раньше не соединял в одном лице. Тут был и участник странного журнала «Белый Камень» (редактировавшегося Анатолием Бурнакиным) и других журналов того времени. А мы ехали к нему только как к переводчику Еврипида! Все соединялось в этом чопорном человеке, в котором чувствовался чиновник Министерства народного просвещения. До чего было в нем все раздергано на разные лоскуты.

Очень запомнилось первое чтение стихов. Я слышал их в первый раз; я не знал, что автор «Тихих песен» – он же. Выслушав нашу просьбу – прочесть стихи, Иннокентий Федорович прежде всего обратился к Валентину Иннокентиевичу и велел ему принести кипарисовый ларец. «Кипарисовый ларец», как теперь все знают, действительно существует – это шкатулка, в которой Анненский хранил свои рукописи. Иннокентий Федорович достал большие листы бумаги, на которых были написаны его стихи. Затем он торжественно, очень чопорно поднялся с места (стихи он всегда читал стоя). При такой позе надо было бы читать скандируя и нараспев. Но манера чтения стихов оказалась неожиданно жизненной и реалистической. Иннокентий Федорович не пел стихи и не скандировал их. Он читал их очень логично, делая логические остановки даже иногда посередине строки, но делал иногда и неожиданные ударения (например, как-то по-особенному тянул союз «и»). Голос у Иннокентия Федоровича был густой и не очень гибкий, но громкий и всегда торжественный. При чтении сохранялась полная неподвижность шеи и всего стана. Чтение Иннокентия Федоровича прибли-

жалось к типу актерского чтения. Манера чтения была старинная и очень субъективная (говорил Иннокентий Федорович всегда как бы от своего имени); вместе с тем его чтение воспринималось в порядке *игры*, но не в порядке отрешенного чтения, как у Блока. Чтение сохраняло бытовой характер; Иннокентий Федорович, например, всегда звукоподражал там, где это было нужно (крики торговцев в стихотворении «Шарики детские»). Окончив стихотворение, Иннокентий Федорович всякий раз выпускал листы из рук на воздух (не ронял, а именно выпускал), и они падали на пол у его ног, образуя целую кучу.

В стихах И.Ф. Анненского чувствовалась интимность в соединении со строгою классикой и с salto mortale à la Лафорг. Происхождение названия книги «Кипарисовый Ларец» могло зависеть еще и от названия книги Шарля Кроса «Le coffret de santal»* (1873). Иннокентий Федорович очень ценил этого поэта и даже считал себя его учеником; но он смешивал его с его сыном Гюи-Шарлем Кросом, цикл эротических стихотворений которого как раз был помещен в начальных номерах «Mercure de France» за 1909 г<од>. Стихи эти были действительно очень хороши, и особенно И.Ф. Анненский восторгался местом, где говорится о «теле, которое горячее, чем под крылом у птицы».

С осени 1909 г<ода> началось издание «Аполлона». Здесь было много уколов самолюбию Анненского. Иннокентий Федорович, кажется, придал бóльшее значение предложению С.К. Маковского, чем оно того, может быть, заслуживало. В редакционной жизни «Аполлона» очень неприятно действовала ускользающая политика С.К. Маковского и эстетская интригующая обстановка. Создавался ряд недоразумений, на которые жалко было смотреть.

Я не помню точно последнего свидания с Иннокентием Федоровичем, но, кажется, последняя наша встреча относится к ноябрю 1909 г<ода>. Это было в Петербурге, в Мариинском театре, собственно на его чердаке, обнимавшем собою все место, которое занимает плафон Мариинского театра с

* «Сандаловый ларец» (*фр.*).

Заказ 3692

местами. Там работал Головин над декорациями к «Орфею», готовившемуся тогда к постановке. У Головина в тот день собралось человек 8—10; шел «Фауст» с Шаляпиным. И тут произошло столкновение двух лиц, и одно из них нанесло оскорбление другому. Мне хорошо запомнилась фигура Иннокентия Федоровича, присутствовавшего при этом, и фраза, которую он произнес: «Да, я убедился в том, что Достоевский прав: звук пощечины, действительно, мокрый». Это была последняя фраза, которую я от него слышал.

Вскоре Иннокентий Федорович умер. Известие о его смерти на Царскосельском вокзале я впервые прочел равнодушно, думая, что оно относится к *Николаю* Федоровичу Анненскому; точные сведения я получил только через некоторое время.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЧЕРУБИНЕ ДЕ ГАБРИАК

Я начну с того, с чего начинаю обычно — с того, кто был Габриак. Габриак был морской черт, найденный в Коктебеле на берегу против мыса Мальчин. Он был выточен волнами из корня виноградной лозы и имел одну руку, одну ногу и собачью морду с добродушным выражением лица.

Он жил у меня в кабинете на полке с французскими поэтами вместе со своей сестрой, девушкой без головы, но с распущенными волосами, также выточенной из виноградного корня, до тех пор, пока не был подарен мною Лиле. Тогда он переселился в Петербург на другую книжную полку.

Имя ему было дано в Коктебеле. Мы долго рылись в чертовских святцах («Демонология» Бодена) и, наконец, остановились на имени «Габриах». Это был бес, защищающий от злых духов. Такая роль шла к добродушному выражению лица нашего черта.

Лиле в то время было девятнадцать лет. Это была маленькая девушка с внимательными глазами и выгнутым лбом. Она была хромой от рождения и с детства привыкла считать себя уродом. В детстве у всех ее игрушек отламывалась одна нога, так как ее брат и сестра говорили: «Раз ты сама хромая, у тебя должны быть хромые игрушки».

«Брат мой был очень странный и необыкновенный. Он рассказывал мне страшные истории из Эдгара По и за это заставлял меня выпрыгивать из слухового окна. Это было очень высоко и страшно, но я все-таки прыгала. Сестра тоже рассказывала, но всякий раз, когда рассказывала, разбивала мне куклу, чтобы ничего не делалось даром.

Мы иногда приносили в жертву игрушки, бросая их в огонь. Однажды принесли в жертву щенка, но он завизжал, прибежали старшие и его освободили. Однажды мы броси-

ли в воду мамин браслет, и потом сами с плачем рассказали о случившемся.

Сестра умела свистеть, но няня ей не позволяла и говорила, что когда девочки свистят, то Богородица с престола спрыгивает. Брату это нравилось. Он свистел и спрашивал: "Что, уже спрыгнула?" Учил меня, т<ак>к<ак> я была еще мала и свистеть не умела, и говорил: "Пусть попрыгает!"

Однажды, недели на две, брат стал "христианином". Они со школьным товарищем решили бить жидов и вырезывать у них на лице крест. Поймали мальчика еврея и вырезали у него на шее крест, но убить не успели. Когда брату было десять лет, он убежал в Америку. Украл у отца денег и написал ему письмо: "Я беру эти деньги с тем, чтобы вернуть их через два года. Если ты честный человек, то никому не скажешь". Он доехал до Новгорода, учился сапожному ремеслу и заходил в полицию спрашивать: нельзя ли там купить фальшивый паспорт. Когда его вернули в Петербург, то домашние оставили его в покое, ни о чем не расспрашивали и не упрекали.

Когда мне было пять лет, брат задумал творить чудеса, но, чувствуя себя слишком грешным, обратился ко мне и потребовал, чтобы я поклялась, что не совершила ни одного преступления. Я поклялась. Тогда он взял воды и велел мне превратить ее в вино. Я приказала. "Попробуй!" Я попробовала – "совсем вино!" Но так как я вина до тех пор никогда не пробовала, то он призвал сестру. Она сказала, что вино должно быть красным. Тогда брат очень рассердился, вылил воду мне на голову и остался в уверенности, что я утаила какое-то свое преступление.

Когда мне было десять лет, брат взял с меня расписку, что шестнадцати лет я выйду замуж, и что у меня будет двадцать четыре человека детей, которых я буду отдавать ему, а он будет их мучить и убивать. Тоня, сестра, сказала: "А если никто не возьмет ее замуж?" – "Тогда я найду человека, который совершил преступление, и под угрозой выдать его заставлю на ней жениться".

Однажды он сказал мне очень таинственно: "Я узнал необыкновенную вещь, которой не знает еще никто. Взрос-

лые об этом еще и не подозревают. Дьявол победил Бога и запер его в чулан. Теперь нам надо подумать о том, не стоит ли перейти на сторону Дьявола, так как всех тех, кто с Богом, будут мучить и убивать". Я была потрясена этим известием и несколько дней ходила сама не своя, а брат точно забыл обо всем этом. Наконец я спросила его: "А как же с Богом?" – "Ах, с Богом... Ему удалось спастись. Он удрал через форточку". На меня это произвело такое сильное впечатление, что я с тех пор перестала молиться Богу.

Лет до пяти меня одевали как мальчика в брюки и курточки. Брат посылал меня на дорогу и заставлял просить милостыню, говоря: "Подайте дворянину!" Деньги потом отбирал, бросал в воду и говорил, что стыдно тратить милостыню на себя.

Брат страдал нервными припадками. Я помню, когда мы остались с ним одни без старших в квартире, он, чувствуя приближение припадка, ложился на диван и заставлял меня смотреть на него. Это, по его мнению, укрепляло нервы. Я должна была давать ему капли, но наливая испугалась и вылила ему все в глаза, так что потом капель не было. Он сам нюхал эфир и давал мне. Мне тогда становилось страшно и приятно, и я ложилась где-нибудь на пол. Когда недели через две взрослые вернулись, брат все ходил по квартире и резал какие-то невидимые нити. Его отправили на несколько месяцев в больницу. Я тоже вскоре заболела дифтеритом, после которого год была слепая. Тогда я утратила воспоминания о предыдущей жизни, которые у меня в раннем детстве были отчетливы и ярки.

Когда брату было 18 лет, я, войдя в его комнату, застала его плачущим. Я была потрясена, так как раньше с ним этого никогда не было. Когда я спросила, что с ним, он ответил: "Я чувствую, что глупею". С тех пор он очень изменился».

Это – подробности детства Лили Дмитриевой, ставшей впоследствии автором Черубины де Габриак.

*

Летом 1909 года Лиля жила в Коктебеле. Она в те времена была студенткой университета, ученицей Александра Веселовского и изучала старо-французскую и старо-испанскую литературу. Кроме того, она была преподавательницей в приготовительном классе одной из петербургских гимназий. Ее ученицы однажды отличились. Какое-то начальство вошло в класс и спросило: «Скажите, девочки, кого из русских царей Вы больше всего любите?» Класс хором ответил: «Конечно, Гришку Отрепьева!» К счастью, это никак не отразилось на преподавательнице.

Лиля писала в это лето милые, простые стихи, и тогда-то я ей и подарил черта Габриаха, которого мы в просторечье звали «Гаврюшкой».

В 1909 г<оду> создавалась редакция «Аполлона», первый номер которого вышел в октябре-ноябре. Мы много думали летом об издании журнала, мне хотелось помещать там французских поэтов, стихи писались с расчетом на него и стихи Лили казались подходящими. В то время не было в Петербурге молодого литературного журнала. Московские «Весы» и «Золотое Руно» уже начинали угасать. В журналах того времени редактор обыкновенно был и издателем. Это не был капиталист, а лицо, умевшее соответствующим образом обработать какого-нибудь капиталиста. Редактору «Аполлона» С.К. Маковскому удалось использовать Ушковых.*

Маковский, Papá Mako, как мы его называли, был чрезвычайно и аристократичен и элегантен. Я помню, он советовался со мною – не вынести ли такого правила, чтобы сотрудники являлись в редакцию «Аполлона» не иначе как в смокингах. В редакции, конечно, должны были быть дамы, и Papá Mako прочил балерин из петербургского кордебалета.

* Вероятно, к этому фрагменту текста относится пояснительная заметка Волошина (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 364, л. 9):

«К стр. 6. V

Под каждым издательством таилась какая-нибудь торговая фирма. Так "Весам" и "Скорпиону" соответствовала "Знаменская Мануфактура". "Миру Искусства" – С.И. Мамонтов, а позже кн. Тенишева. С.К. Маковскому удалось использовать для Аполлона братьев Ушковых».

Лиля – скромная, не элегантная и хромая, удовлетворить его, конечно, не могла, и стихи ее были в редакции отвергнуты.

Тогда мы решили изобрести псевдоним и послать стихи письмом. Письмо было написано достаточно утонченным слогом на французском языке, а для псевдонима мы взяли наудачу черта Габриаха. Но для аристократичности Черт обозначил свое имя первой буквой, в фамилии изменил на французский лад окончание и прибавил частицу «де»: Ч. де Габриак.

Впоследствии Ч. было раскрыто. Мы долго ломали голову, ища женское имя, начинающееся на Ч, пока, наконец, Лиля не вспомнила об одной Брет-Гартовской героине. Она жила на корабле, была возлюбленной многих матросов и носила имя Черубины. Чтобы окончательно очаровать Papá Mako, для тайной светской женщины необходим был герб. И гербу было посвящено стихотворение.

НАШ ГЕРБ

Червленый щит в моем гербе
И знака нет на светлом поле.
Но вверен он моей судьбе
Последней – в роде дерзких волей.
Есть необманный путь к тому,
Кто спит в стенах Иерусалима,
Кто верен роду моему,
Кем я звана, кем я любима.
И путь безумья всех надежд,
Неотвратимый путь гордыни,
В нем пламя огненных одежд
И скорбь отвергнутой пустыни...
Но что дано мне в щит вписать?
Датуры тьмы иль розы храма?
Тубала медную печать
Или акации Хирама?

Письмо было написано на бумаге с траурным обрезом и запечатано черным сургучом. На печати был девиз: «Vae victis!»*

* «Горе побежденным!» (*лат.*).

Все это случайно нашлось у подруги Лили – Л. Брюлловой.

Маковский в это время был болен ангиной. Он принимал сотрудников у себя дома, лежа в элегантной спальне; рядом с кроватью стоял на столике телефон.

Когда я на другой день пришел к нему, у него сидел красный и смущенный А.Н. Толстой, который выслушивал чтение стихов, известных ему по Коктебелю, и не знал, как ему на них реагировать. Я только успел шепнуть ему: «Молчи. Уходи». Он не замедлил скрыться.

Маковский был в восхищении. «Вот видите, Максимилиан Александрович, я всегда Вам говорил, что Вы слишком мало обращаете внимания на светских женщин. Посмотрите, какие одна из них прислала мне стихи! Такие сотрудники для “Аполлона” необходимы».

Черубине был написан ответ на французском языке, чрезвычайно лестный для начинающего поэта, с просьбой порыться в старых тетрадях и прислать все, что она до сих пор писала. В тот же вечер мы с Лилей принялись за работу, и на другой день Маковский получил целую тетрадь стихов.

В стихах Черубины я играл роль режиссера и цензора, подсказывал темы, выражения, давал задания, но писала только Лиля.

Мы сделали Черубину страстной католичкой, т<ак> к<ак> эта тема еще не была использована в тогдашнем Петербурге.

СВ. ИГНАТИЙ

Твои глаза – святой Грааль,
В себя принявший скорби мира,
И облекла твою печаль
Марии белая порфира.
Ты, обагрявший кровью меч,
Склонил смиренно перья шлема
Перед сияньем тонких свеч
В дверях пещеры Вифлеема.

И ты – хранишь ее один,
Безумный вождь священных ратей,

Заступник грез, святой Игнатий,
Пречистой Девы Палладин!
Ты для меня средь дольных дымов
Любимый, младший брат Христа,
Цветок небесных серафимов
И Богоматери мечта.

*
* *

Я венки тебе часто плету
Из пахучей и ласковой мяты,
Из травинок, что ветром примяты,
И из каперсов в белом цвету.
Но сама я закрыла дороги,
На которых бы встретилась ты...
И в руках моих, полных тревоги,
Умирают и пахнут цветы.
Кто-то отнял любимые лики
И безумьем сдавил мне виски.
Но никто не отнимет тоски
О могиле моей Вероники.

Затем решили внести в стихи побольше Испании.

Ищу защиты в преддверье храма
Пред Богоматерью Всех Сокровищ,
   Пусть орифламма
Твоя укроет от злых чудовищ.

Я прибежала из улиц шумных
Где бьют во мраке слепые крылья,
   Где ждут безумных
Соблазны мира и вся Севилья.

Но я слагаю Тебе к подножью
Кинжал и веер, цветы, камеи –
   Во славу Божью...
O Mater Dei, memento mei!*

* О, Матерь Божья, помяни меня! (*лат.*)

* * *

Кроме того, необходима была преступно-католическая любовь к Христу.

ТВОИ РУКИ

Твои руки со мной неотступно
Средь ночной тишины моих грез,
Как отрадно, как сладко-преступно
Обвивать их гирляндами роз.
Я целую божественных линий
    На ладонях священный узор...
    (Запевает далеких Эриний
    В глубине угрожающий хор).
Как люблю эти тонкие кисти
И ногтей удлиненных эмаль,
О, загар этих рук золотистей,
Чем Ливанских полудней печаль.
    Эти руки, как гибкие грозди,
    Все сияют в камнях дорогих.
    Но оставили острые гвозди
    Чуть заметные знаки на них.

* * *

Так начались стихи Черубины.

На другой день Лиля позвонила Маковскому. Он был болен, скучал, ему не хотелось класть трубку и он, вместо того, чтобы кончать разговор, сказал: «Знаете, я умею определять судьбу и характер человека по его почерку. Хотите, я расскажу Вам все, что узнал по Вашему?» И рассказал, что отец Черубины – француз из Южной Франции, мать – русская, что она воспитывалась в монастыре в Толедо и т. д. Лиле оставалось только изумляться, откуда он все это мог узнать, и таким образом мы получили ряд ценных сведений из биографии Черубины, которых впоследствии и придерживались.

Если в стихах я давал только идеи и принимал как можно меньше участия в выполнении, то переписка Черубины с Маковским лежала исключительно на мне. Papá Mako избрал меня своим наперсником. По вечерам он показывал мне

мною же утром написанные письма и восхищался: «Какая изумительная девушка! Я всегда умел играть женским сердцем, но теперь у меня каждый день выбита шпага из рук».

Он прибегал к моей помощи и говорил: «Вы – мой Сирано», не подозревая, до какой степени он близок к истине, так как я был Сирано для обеих сторон. Papá Mako, например, говорил: «Графиня Черубина Георгиевна (он сам возвел ее в графское достоинство) прислала мне сонет». Я должен написать Sonetto di riposta,* и мы вместе с ним работали над сонетом.

Маковский был очарован Черубиной. «Если бы у меня было 40 тысяч годового дохода, я решился бы за ней ухаживать». А Лиля в это время жила на одиннадцать с полтиной в месяц, которые получала как преподавательница приготовительного класса.

Мы с Лилей мечтали о католическом семинаристе, который молча бы появлялся, подавал бы письмо на бумаге с траурным обрезом и исчезал. Но выполнить это было невозможно.

Переписка становилась все более и более оживленной, и это было все более и более сложно. Наконец мы с Лилей решили перейти на язык цветов. Со стихами вместо письма стали посылать цветы. Мы выбирали самое скромное и самое дешевое из того, что можно было достать в цветочных магазинах, веточку какой-нибудь травы, которую употребляли при составлении букетов, но которая, присланная отдельно, приобретала таинственное и глубокое значение. Мы были свободны в выборе, т<ак> к<ак> никто в редакции не знал языка цветов, включая Маковского, который уверял, что знает его прекрасно. В затруднительных случаях звали меня, и я, конечно, давал разъяснения. Маковский в ответ писал французские стихи.

Он требовал у Черубины свидания. Лиля выходила из положения очень просто. Она говорила по телефону: «Тогда-то я буду кататься на островах. Конечно, сердце Вам подскажет, и Вы узнаете меня». Маковский ехал на острова,

* Ответный сонет (*ит.*).

узнавал ее, и потом с торжсством рассказывал ей , что он ее видел, что она была так-то одета, в таком-то автомобиле... Лиля смеялась и отвечала, что она никогда не ездит на автомобиле, а только на лошадях.

Или же она обещала ему быть в одной из лож бенуара на премьере балета. Он выбирал самую красивую из дам в ложах бенуара, и был уверсн, что это Черубина, а Лиля на другой день говорила: «Я уверена, что Вам понравилась такая-то». И начинала критиковать избранную красавицу. Все это Маковский воспринимал, как «выбивания шпаги из рук».

Чсрубина по воскресеньям посещала костел. Она исповедовалась у отца Бенедикта. Вот стихотворения, посвященные ему и исповеди.

Его египетские губы
Замкнули древние мечты,
И повелительны и грубы
Лица жестокого черты.
И цвета синих виноградин
Огонь его потухшых глаз.
Он в глубине глазничных впадин
Истлел, померк, но не погас.
В нем правый гнев грохочет глухо,
И жечь сердца ему дано.
На нем клеймо Святого Духа –
Тонзуры белое пятно.
Мне сладко, силой силу меря,
Заставить жить его уста,
И в древнем, в темном лике зверя
Провидеть гневный лик Христа.

ИСПОВЕДЬ

В быстро сдернутых перчатках
Сохранился оттиск рук,
Черный креп в негибких складках
Очертил на плитах круг.
Я смотрю игру мерцаний
По чекану темных бронз,

И не слышу увещаний,
Что мне шепчет старый ксендз.
Поправляя гребень в косах
Я слежу мои мечты, –
Все грехи в его вопросах
Так наивны и просты.
Ад теряет обаянье,
Жизнь становится тиха, –
Но так сладостно сознанье
Первородного греха...

* * *

Вот образцы стихов Черубины:

КРАСНЫЙ ПЛАЩ

Кто-то мне сказал: твой милый
Будет в огненном плаще...
Камень, сжатый в чьей праще
Загремел с безумной силой?
Чья кремнистая стрела
У ключа в песок зарыта?
Чье летучее копыто
Отчеканила скала?
Чье блестящее забрало
Промелькнуло там, средь чащ?
В небе вьется красный плащ...
Я лица не увидала.

* * *

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

О, сколько раз в часы бессонниц,
Вставало ярче и живей
Сиянье радужных оконниц
Моих немыслимых церквей.
Горя безгрешными свечами,
Пылая Славой золотой,
Там под узорными парчами
Стоял дубовый аналой.

И от свечей и от заката
Алела киноварь страниц,
И травной вязью было сжато
Сплетенье слов и райских птиц.
  И, помню, книгу я открыла,
  И увидала в письменах
  Безумный возглас Гавриила
  «Благословенна ты в Женах!»

* * *

Наряду с этим были такие:

Лишь раз один, как папоротник, я
Цвету огнем весенней, пьяной ночью...
Приди за мной к лесному средоточью,
В заклятый круг, приди, сорви меня!

Люби меня! Я всем тебе близка.
О, уступи моей любовной порче,
Я, как миндаль, смертельна и горька,
Нежней, чем смерть, обманчивей и зорче.

* * *

Были портретные стихи:

С моею царственной мечтой
Одна брожу по всей вселенной,
С моим презреньем к жизни тленной,
С моею горькой красотой.
  Царицей призрачного трона
  Меня поставила судьба...
  Венчает гордый выгиб лба
  Червонных кос моих корона.
Но спят в угаснувших веках
Все те, кто были бы любимы,
Как я, печалию томимы,
Как я, одни в своих мечтах.

И я умру в стенах чужбины,
Не разомкнув заклятый круг.
К чему так нежны кисти рук,
Так тонко имя Черубины?

* * *

Легенда о Черубине распространялась по Петербургу с молниеносной быстротой. Все поэты были в нее влюблены. Самым удобным было то, что вести о Черубине шли только от влюбленного в нее Papá Mako. Были, правда, подозрения в мистификации, но подозревали самого Маковского.

Нам удалось сделать необыкновенную вещь – создать человеку такую женщину, которая была воплощением его идеала, и которая в то же время не могла его разочаровать впоследствии, так как эта женщина была призрак.

Как только Маковский выздоровел, он послал Черубине на вымышленный адрес (это был адрес сестры Л. Брюлловой, подруги Лили) огромный букет белых роз и орхидей. Мы с Лилей решили это пресечь, т<ак> к<ак> такие траты серьезно угрожали гонорарам сотрудников «Аполлона», на которые мы очень рассчитывали. Поэтому на другой день Маковскому были посланы стихи «Цветы» и письмо.

ЦВЕТЫ

Цветы живут в людских сердцах:
Читаю тайно в их страницах
О недочитанных страницах
О нерасцветших лепестках.
Я знаю души, как лаванда,
Я знаю девушек-мимоз,
Я знаю, как из чайных роз
В душе сплетается гирлянда.
В ветвях лаврового куста
Я вижу прорезь черных крылий,
Я знаю чаши чистых лилий,
И их греховные уста.
Люблю в наивных медуницах

Немую скорбь умерших фей,
И лик бесстыдных орхидей
Я ненавижу в светских лицах.
Акаций белые слова
Даны ушедшим и забыты,
А у меня по старым плитам
В душе растет разрыв-трава.

Когда я в это утро пришел к Papá Mako, я застал его в несколько встревоженном состоянии. Даже безукоризненная правильность его пробора была нарушена. Он в волнении вытирал платком темя, как делают в трагических местах французские актеры, и говорил: «Я послал, не посоветовавшись с Вами, цветов Черубине Георгиевне, и теперь наказан. Посмотрите, какое она прислала мне письмо!»

Письмо гласило, приблизительно, следующее: «Дорогой Сергей Константинович! (переписка уже приняла довольно интимный характер). Когда я получила Ваш букет, я могла поставить его только в прихожей, так как была чрезвычайно удивлена, что Вы решаетесь задавать мне такие вопросы. Очевидно, Вы совсем не умеете обращаться с нечетными числами, и не знаете языка цветов». — «Но право же, я совсем не помню, сколько там было цветов и не понимаю, в чем моя вина!» — восклицал Маковский. Письмо на это и было рассчитано.

Перед Пасхой Черубина решила поехать на две недели в Париж, заказать себе шляпку, как она сказала Маковскому, но из намеков было ясно, что она должна увидеться там со своими духовными руководителями, так как собирается идти в монастырь. Она как-то сказала, что, может быть, выйдет замуж за одного еврея. Из этих слов Papá Mako заключил, что она будет Христовой невестой.

Уезжая, Черубина взяла слово с Маковского, что он на вокзал не поедет. Тот сдержал слово, но стал умолять своих друзей пойти вместо него, чтобы увидеть Черубину, хотя бы чужими глазами. Просил Толстого, но тот с ужасом отказался, так как чувствовал какой-то подвох и боялся в него впутаться. Наконец, Маковский уговорил поехать Труб-

никова. Трубников на вокзале был, Черубины ему увидеть не удалось, но она, очевидно, его видела, так как записала в путевой дневник, который обещала Маковскому вести, что она ожидала увидеть на вокзале переодетого Papá Mako с накладной бородой, но вместо него увидала присланного друга, которого она узнала по изящному костюму. Следовало подробное описание Трубникова. Маковский был восхищен. «Какая наблюдательность! Ведь тут весь Трубников, а она видела его всего раз на вокзале».

В Париже Черубина остановилась в специально-католическом квартале, в отеле возле Saint-Sulpice. Она прислала несколько описаний квартала, описала несколько встреч. Эта часть – ее дневники – выпадают, так как погибли при обыске. Остались только стихи.

В отсутствие Черубины Маковский так страдал, что И.Ф. Анненский говорил ему: «Сергей Константинович, да нельзя же так мучиться. Ну, поезжайте за ней. Истратьте сто, ну, двести рублей, оставьте редакцию на меня... Отыщите ее в Париже»...

Однако Сергей Константинович не поехал, что лишило историю Черубины небезынтересной страницы.

Для его излияний была оставлена родственница Черубины, княгиня Дарья Владимировна (Лида Брюллова). Она разговаривала с Маковским по телефону и приготовляла его к мысли о пострижении Черубины в монастырь.

Черубина вернулась. В тот же вечер к ней пришел ее исповедник, отец Бенедикт. Всю ночь она молилась. На следующее утро ее нашли без сознания, в бреду, лежащей в коридоре на каменном полу возле своей комнаты. Она заболела воспалением легких.

Кризис болезни Черубины намеренно совпал с заседаниями Поэтической Академии в Обществе Ревнителей Русского Стиха, так как там могла присутствовать Лиля и могла сама увидеть, какое впечатление произведет на Маковского известие о смертельной опасности.

Ему ежедневно по телефону звонил старый дворецкий Черубины и сообщал о ее здоровье. Кризис ожидался как раз в тот день, когда должно было происходить одно из са-

Заказ 3692

мых парадных заседаний. Среди торжественной тишины, во время доклада Вячеслава Иванова, Маковского позвали к телефону. И.Ф. Анненский пожал ему под столом руку и шепнул несколько ободряющих слов. Через несколько минут Маковский вернулся с опрокинутым и радостным лицом: «Она будет жить».

Все это происходило в двух шагах от Лили.

Как-то Лиля спросила меня: «Что, моя мать умерла или нет? Я совсем забыла, и недавно, говоря с Маковским по телефону, сказала "моя покойная мать" и боялась ошибиться»... А Маковский мне рассказывал: «Какая изумительная девушка! Я прекрасно знаю, что мать ее жива и живет в Петербурге, но она отвергла мать и считает ее умершей с тех пор, как та изменила когда-то мужу, и недавно так и сказала мне по телефону "моя покойная мать"».

Постепенно у нас накопилась целая масса мифических личностей, которые доставляли нам много хлопот. Так, например, мы придумали на свое горе кузена Черубине, к которому Papá Mako страшно ревновал. Он был португалец, атташе при посольстве и носил такое странное имя, что надо было быть так влюбленным, как Маковский, чтобы не обратить внимания на его невозможность. Его звали дон Гарпия ди Мантилья. За этим доном Гарпией была однажды организована целая охота, и ему удалось ускользнуть только благодаря тому, что его вообще не существовало. В редакции была выставка женских портретов, и Черубина получила пригласительный билет. Однако сама она не пошла, а послала кузена. Маковский придумал очень хороший план, чтобы уловить дона Гарпию. В прихожей были положены листы, где все посетители должны были расписываться, а мы, сотрудники, сидели в прихожей и следили, когда «он» распишется. Однако каким-то образом дону Гарпии удалось пройти незамеченным, он посетил выставку и обо всем рассказал Черубине.

В высших сферах редакции была учреждена слежка за Черубиной. Маковский и Врангель стали действовать подкупом. Они произвели опрос всех дач на Каменноостровском. В конце концов Маковский мне сказал: «Знаете, мы

нашли Черубину. Она – внучка графини Нирод. Сейчас графиня уехала за границу, и поэтому она может позволять себе такие эскапады. Тот старый дворецкий, который, помните, звонил мне по телефону во время болезни Черубины Георгиевны, был здесь у меня в кабинете. Мы с бароном дали ему 25 рублей, и он все рассказал. У старухи две внучки. Одна с ней за границей, а вторая – Черубина. Только он ее назвал каким-то другим именем, но сказал, что ее называют еще и по-иному, но он забыл как. А когда мы спросили, не Черубиной ли, он вспомнил, что, действительно, Черубиной».

Лиля, которая всегда боялась призраков, была в ужасе. Ей все казалось, что она должна встретить живую Черубину, которая спросит у нее ответа. Вот два стихотворения, которые тогда, конечно, не были поняты Маковским.

Лиля о Черубине:

В слепые ночи новолунья
Глухой тревогою полна,
Завороженная колдунья
Стою у темного окна.
    Стеклом удвоенные свечи
    И предо мною, и за мной,
    И облик комнаты иной
    Грозит возможностями встречи.
В темно-зеленых зеркалах
Обледенелых ветхих окон
Не мой, а чей-то бледный локон
Чуть отражен, и смутный страх
    Мне сердце злою нитью вяжет.
    Что, если дальняя гроза
    В стекле мне близкий лик покажет
    И отразит ее глаза?
Что, если я сейчас увижу
Углы опущенного рта,
И предо мною встанет та,
Кого так сладко ненавижу?
    Но окон темная вода
    В своей безгласности застыла
    И с той, что душу истомила,
    Не повстречаюсь никогда.

Черубина о Лиле:

ДВОЙНИК

Есть на дне геральдических снов
Переливы сверкающей ткани,
В глубине анфилад и дворцов
На последней таинственной грани
Повторяется сон между снов.

В нем все смутно, но с жизнию схоже...
Вижу девушки бледной лицо,
Как мое, но иное и то же,
И мое на мизинце кольцо.
Это – я, и все так непохоже.

Никогда среди грязных дворов,
Среди улиц глухого квартала
Переулков и пыльных садов –
Никогда я еще не бывала
В низких комнатах старых домов.

Но она от томительных будней,
От слепых паутин вечеров –
Хочет только заснуть непробудней,
Чтоб уйти от неверных оков,
Горьких грез и томительных будней.

Я так знаю черты ее рук,
И, во время моих новолуний,
Обнимающий сердце испуг.
И походку крылатых вещуний.
И речей ее вкрадчивый звук.

И мое на устах ее имя,
Обо мне ее скорбь и мечты,
И с печальной каймою листы,
Что она называет своими,
Затаили мои же мечты.

И мой дух ее мукой волнуем...
Если б встретить ее наяву
И сказать ей: «Мы обе тоскуем,
Как и ты, я вне жизни живу» —
И обжечь ей глаза поцелуем.

* *
*

С этого момента история Черубины начинает приближаться к концу. Прямое развитие темы дает крутой и неожиданный поворот. Мы с Лилей стали замечать, что кто-то другой, кроме нас, вмешивается в историю Черубины. Маковский начал получать от ее имени какие-то письма, писанные не нами. И мы решили оборвать.

Вячеслав Иванов, вероятно, подозревал, что я — автор Черубины, так как говорил мне: «Я очень ценю стихи Черубины. Они талантливы. Но если это — мистификация, то это гениально». Он рассчитывал на то, что «ворона каркнет». Однако я не каркнул. А.Н. Толстой давно говорил мне: «Брось, Макс, это добром не кончится».

Черубина написала Маковскому последнее стихотворение, которое не сохранилось. В нем были строки

Милый друг, Вы приподняли
Только край моей вуали.

Когда Черубина разоблачила себя, Маковский поехал к ней с визитом и стал уверять, что он уже давно обо всем знал: «Я хотел дать Вам возможность дописать до конца Вашу красивую поэму». Он подозревал о моем сообщничестве с Лилей и однажды спросил меня об этом, но я, честно глядя ему в глаза, отрекся от всего. Мое отречение было встречено с молчаливой благодарностью.

Неожиданной во всей этой истории явилась моя дуэль с Гумилевым. Он знал Лилю давно, и давно уже предлагал ей помочь напечатать ее стихи, однако о Черубине он не подозревал истины. За год до этого, в 1909 г. летом, будучи в Коктебеле вместе с Лилей, он делал ей предложение.

В то время, когда Лиля разоблачила себя, в редакционных кругах стали расти сплетни.

Лиля обычно бывала в редакции одна, так как жених ее Воля Васильев бывать с ней не мог. Он отбывал воинскую повинность. Никого из мужчин в редакции она не знала. Одному немецкому поэту, Гансу Гюнтеру, удалось завладеть доверием Лили. Она была в то время в очень нервном, возбужденном состоянии. Очевидно, Гюнтер добился от нее каких-нибудь признаний. Он стал рассказывать, что Гумилев говорит о том, как у них с Лилей в Коктебеле был большой роман. Все это в очень грубых выражениях. Гюнтер даже устроил Лиле «очную ставку» с Гумилевым, которому она принуждена была сказать, что он лжет. Гюнтер же был с Гумилевым на «ты» и, очевидно на его стороне. Я почувствовал себя ответственным за все это и, с разрешения Воли, после совета с Леманом, одним из наших общих с Лилей друзей, через два дня стрелялся с Гумилевым.

Мы встретились с ним в мастерской Головина в Мариинском театре во время представления «Фауста». Головин в это время писал портреты поэтов, сотрудников «Аполлона». В этот вечер я позировал. В мастерской было много народу, в том числе — Гумилев. Я решил дать ему пощечину по всем правилам дуэльного искусства, так, как Гумилев, большой специалист, сам учил меня в предыдущем году: сильно, кратко и неожиданно.

В огромной мастерской на полу были разостланы декорации к «Орфею». Все были уже в сборе. Гумилев стоял с Блоком на другом конце залы. Шаляпин внизу пел «Заклинание цветов». Я решил дать ему кончить. Когда он кончил, я подошел к Гумилеву, который разговаривал с Толстым, и дал ему пощечину. В первый момент я сам ужасно опешил, а когда опомнился, услышал голос И.Ф. Анненского, который говорил: «Достоевский прав. Звук пощечины — действительно мокрый». Гумилев отшатнулся от меня и сказал: «Ты мне за это ответишь». (Мы с ним не были на «ты»). Мне хотелось сказать: «Николай Степанович, это не брудершафт». Но я тут же сообразил, что это не вязалось с правилами ду-

эльного искусства, и у меня внезапно вырвался вопрос: «Вы поняли?» (То есть: поняли ли за что?) Он ответил: «Понял».

На другой день рано утром мы стрелялись за Новой Деревней возле Черной речки, если не той самой парой пистолетов, которой стрелялся Пушкин, то во всяком случае современной ему. Была мокрая, грязная весна, и моему секунданту Шервашидзе, который отмеривал нам 15 шагов по кочкам, пришлось очень плохо. Гумилев промахнулся, у меня пистолет дал осечку. Он предложил мне стрелять еще раз. Я выстрелил, боясь, по неумению своему стрелять, попасть в него. Не попал, и на этом наша дуэль окончилась. Секунданты предложили нам подать друг другу руки, но мы отказались.

После этого я встретился с Гумилевым только один раз, случайно, в Крыму, за несколько месяцев до его смерти. Нас представили друг другу, не зная, что мы знакомы; мы подали друг другу руки, но разговаривали недолго: Гумилев торопился уходить.

<НАБРОСКИ ДЛЯ ВОСПОМИНАНИЙ О Е.И. ДМИТРИЕВОЙ>
1920-е

<1> Черубина де Габриак

Габриах был морской черт. Он был выкинут морем на каменистую [и скалистую] отмель около мыса Мальчин в Коктебеле. Его тело маленькое и крепкое было обточено морем из виноградного корня. У него была добродушная собачья морда, протянутая культя вместо руки и обрубки вместо ног. Он сперва долго жил между французскими книгами на библиотечной полке вместе со своей сестрой – девушкой без головы, но с распущенными волосами и заломленными вверх руками.

Потом я его подарил Лиле и он переехал в СПб. на ее полку со старинными испанскими книгами. Имя свое он получил в Коктебеле. Мы долго искали ему подходящее в чертовских Святцах, сиречь в «Демонологии» Бодена, и наконец нашли Габриах – бес, который защищает от злых духов. Это подходило к его добродушию, приветливости и к собачьей верности, которая была написана на [приятных] добродушных чертах его звериной морды.

Лиле было в то время 19 лет. Это была маленькая девушка с большими черными глазами, очень внимательными и спрашивающи<ми>, очень выпуклым лбом, выпуклыми щеками, хромая от рождения. Она охромела [еще] во чреве матери.

Втулка ноги не вросла как следует в свой мыщелок, она родилась калекой. Поэтому ее брат и сестра с детства обрывали ноги у всех ее кукол, говоря: «Раз ты хромая, все твои игрушки тоже должны быть, как и ты».

«Когда мне было 3 года, я отказалась от причастия. Меня принесли в церковь на руках. А когда священник

покрыв меня, сказал: "Причащается раба Божия Елисавета" — то толкнула его руку снизу и наставительно сказала: "...Ивановна Дмитриева". Меня унесли. Я была очень горда и обижалась, когда меня называли "Елисаветой" просто. Я очень раздражала сестру и брата надменностью: я садилась на стол, болтала ногами и говорила: "А все-таки я самая умная и образованная".

Когда мне было 5 лет, мы жили на даче, и брат меня заставлял просить милостыню у прохожих. Меня одевали мальчиком. Он меня заставлял протягивать руку и говорить: "Подайте дворянину".

А если мне подавали, то он медяки бросал в пруд и объяснял мне, что это потому, что "стыдно просить милостыню".

Однажды брат сказал мне: "Ты знаешь, Лиля, только никому не говори этого — я узнал совершенно случайно. Дьявол победил Бога и сейчас тот сидит у Дьявола запертый в клетке. И вот всем нам надо подумать и решить заранее: оставаться ли нам с Богом, или перейти на сторону Дьявола". Я несколько дней ходила под впечатлением этой *тайны* и ждала продолжения. Решая про себя, что я-то останусь с Богом. Через несколько дней я спросила брата. Он как будто все позабыл и неожиданно ответил: "Бог-то? Богу удалось удрать в форточку". Это меня так поразило, что у меня утратилось уважение к Богу, и я с этого дня перестала молиться.

Брат был очень странный и необыкновенный.

У нас был сеновал — отверстие в крыше, внизу лежало сено. Это было очень высоко — 2 этажа. Брат мне рассказывал разные истории из Эдг<ара> По, только полнее — всегда придумывал новое. И после каждой истории я должна была позволить бросить себя. Это было очень страшно, но я всегда просила рассказывать. Сестра тоже рассказывала мне истории, а потом за каждую разбивала одну из моих игрушек, моих маленьких фарфоровых кукол. "Чтобы ничего не было даром".

Иногда она требовала, чтобы мы приносили в жертву самые любимые [игрушки]. И мы сжигали в печке свои лю-

бимые игрушки. Когда уже ничего не оставалось жечь, мы бросили в печь щенка. Он завизжал. Пришли взрослые и вынули его. В другой раз взяли у мамы браслет и бросили в воду. Потом сами прибежали рассказать и плакали. Но нас никогда не наказывали.

Однажды нянька сказала Тоне: “Тонечка, не свисти. – Почему? – Потому что, когда молоденькие девушки свистят, то Пресвятая Богородица с престола спрыгивает”. Тогда брат стал просить Тоню, чтобы она посвистела еще. Тоня отказывалась. Он решил тогда, что тут нужна добрая воля. Я была еще очень маленькой и свистеть не умела, но “добра<я> воля” у меня нашлась. Он меня терпеливо учил и приговаривал: “Ну и пусть – Она попрыгает”. А когда мне удавалось свистнуть, я спрашивала: “Ну что? Уже спрыгнула?”

Однажды (недели на две) он стал христианином. Они с одним товарищем по гимназии решили резать все<х> жидов и ставить крест им на щеках “как знак”. Раз они связали одного товарища Еврея и финским ножом вырезали ему крест на щеке. Но убить не успели. Их поймали на этом. Когда ему было лет 10, он убежал в Америку. Он взял у папы деньги из письменного стола и оставил записку: “Я беру у тебя деньги и верну их через 2 года. Если ты честный человек, то никому не скажешь, что я еду в Америку”. Он пропадал неделю. Доехал до Новгорода. Поступил там учиться сапожному ремеслу. Пото<м> пошел в полицию и спросил: “Можно у вас здесь купить фальшивый паспорт?” Когда его нашли, он самостоятельно вернулся в Петербург. Его никто ни о чем не расспрашивал и не упрекал.

Раз он решил делать чудеса. Сам он не мог, “т<ак> к<ак> слишком испорчен жизнью”. Он заставил ме<ня > поклясться, что я не совершила в жизни никакого преступления (мне было тогда 5 лет), и мы пошли делать чудеса. Он налил в ковшик воды и приказал: “Скажи, чтобы она стала вином”. Я сказала. “Попробуй!” Я попробовала. “Да, совсем вино”. Но я никогда вина не пила раньше. Тогда он попробовал и нашел, что совсем вино. Но Тоня сказала: “Но вино же ведь красное”. Тогда он вылил весь ковшик мне на голо-

ву и был уверен, что я его обманула, и что укрыла какое-то пре<с>тупленье, мною совершенное.

Когда мне было 10 лет, он с меня взял расписку, что я шестнадцати лет выйду замуж, что у меня будет 24 человe<ка> детей, что я их всех буду отдавать ему, а он их будет мучить и убивать... Тоня спросила: "А если ее никто не возьмет замуж?" Он ответил: "Тогда я найду человека, который совершил преступление, и под угрозой выдать его заставлю на ней жениться".

У брата бывали нервные припадки вр<о>де падучей с судорогами и пеной у рта. Раз мы с ним жили совсем вдвоем. Одни в пустой квартире. Когда он чувствова<л>, что у него будет припадок, он ложился на кушетку, а меня заставлял смотреть на себя (это воспитывает характер). Я ему должна была давать капли. В первый же раз я была так потрясена, что вылила ему в глаза весь пузырек. И уже не было капель. Тогда он стал мне давать нюхать эфир. И сам нюхал. Это было страшно и хорошо. У меня сейчас же начинала кружиться голова, и я ложилась где-нибудь на пол. Было очень ясное сознание. Через 2 недели, когда взрослые вернулись, он ходил по всему дому и резал невидимые нитки. Его на несколько месяцев увезли в больницу. А я тоже заболела дифтер<и>том. Я уже давно чувствовала себя больной, но брат запрещал мне лечиться, говоря, что болезнь нужно преодолеть. Потом я была год — слепой».

<2>

Габриах был морским чертом. Я нашел его летом 1903 года в Коктебеле на морском берегу. Он был корнем виноградной лозы. На голове у него был рог. У него была собачья морда, добрая и немного смешная, скривленная на сторону, и одна рука, согнутая в локте. Дельтовидный плечевой мускул был ясно обозначен.

Но свое имя он получил только в 1909 г<оду> из святцев всех чертей, составленных Пиоббом, которого я имел случай узнать в Париже при основании «Академии мертвых наук». Габриак это тот черт, который защищает от нападения дру-

гих злых духов. Лиля, которая выбрала для него это имя, говорила: «Конечно, он защищает не силой, а по знакомству. Он уговаривает: ну, братец, что тебе? брось...»

Он жил в изголовье у ее постели, и в те ночи, когда на нее находил ужас и она боялась свиста ветра, раската волн, теней от свечи и, глядя на меня, говорила плачущим голосом: «А почему я знаю, может быть, ты вовсе не ты, а только прикидываешься». Она брала его себе под подушку и успокаивалась.

Вместе с нею Габриак уехал в Петербург и поселился над письменным столом между этюдом Египетской головы и портретом Осипа Дымова, который висел там, «потому что хорошая фотография».

Это было в середине октября в узкой и длинной комнатке Лиды Брюлловой, называвшейся «флиртуаром».

«Я опять получила письмо от Гумилева, – говорила Лиля, – он мне предлагает напечатать стихи в “Аполлоне”. Вы что-нибудь узнали о судьбе моего перевода?»

– Он не принят окончательно. Маковский находит, что Баррэс не интересен и что перевод сделан небрежно. Я не могу утверждать, но у меня есть подозрение, что это дело рук Гумилева, который восстанавливает Мак<овского> и Анненского против меня, потому что все то, что идет через меня, встречается недружелюбно и бракуется.

«Но через Гумилева я свои стихи посылать не буду. Я лучше пошлю их сама; только нужно найти псевдоним: чтобы Гумилев не узнал».

Как всегда выдумать имя было трудно и немного стыдно. Случайно вспомнили Габриака. Прекрасная гасконская фамилия – де Габриак. Инициалом имени поставили Ч (черт). Потом, когда явилась нужда в полном имени, то оказалось, что не существует никакого подходящего женского имени на Ч. Наконец вспомнили одну из героинь Брет Гарта, которую звали Черубиной. Таким образом, создалось имя Черубины де Габриак.

С каким письмом послать? По-русски ничего не выходило, поэтому пришло в голову написать по-французски две строчки.

<3> Черубина

Все художественные и литературные издания десятых и сотых годов имели под собой какую-нибудь солидную промышленную базу.

Скорпион и Весы – это были С.А. Поляков (т. е. Знаменская Мануфактура). Мир Искусства – сперва княгиня Тенишева, потом С.И. Мамонтов, музей западной живописи – С.И. Щукин и И.А. Морозов. Их можно было подвести под рубрики «избытки фирмы такой-то». «Золотое Руно» – банк братьев Рябушинских. Если случайно сам зачинатель издания был капиталистом, то он и финансировал издание. Но чаще всего он был посредником и для издания находил подходящего финансиста. Так С.А. Соколов вел свое издательство Гриф и журнал Перевал. Так Дягилев вел Мир Искусства. Так С.К. Маковский устроил «Аполлон». К этому времени (к 1910 г.) закрылись и «Весы» и «Золотое Руно» и молодое искусство осталось без своего органа. До 1910 года большие ежемесячники, посвященные искусству, были в Москве, в СПб. их не было.

Поэтому «Аполлону» предстояло сгруппировать вокруг себя петербуржцев. Петербургская группа – это были Вячесл<ав> Иванов, А. Блок, Гумилев. Из нее все данные для вождя были у Вячеслава Иванова. – И авторитет, и образование, и положение в поэзии, и широта исторических взглядов.

1931
Черубина де Габриак

Габриак был морской черт. Он был выкинут на каменистую отмель в Коктебеле против мыса Мальчин. Его тело, маленькое и крепкое, было выточено морскими волнами из виноградного корня. У него была добродушная собачья морда, протянутая культя, вместо руки, обрубок вместо ног. Он жил вместе со своей сестрой девушкой без головы с распущенными волосами и заломленными руками, тоже из виноградного корня, на библиотечной полке среди французских поэтов.

Потом, когда я его подарил Лиле, он переехал в Петербург на другую полку со старыми испанскими книгами. Имя

свое он получил в Коктебеле. Мы его долго искали в чертовских святцах (демонология Бодена) и, наконец, нашли Габриаха. Габриах это Вавилонский бес, защищающий от злых духов. Это шло к его добродушию и к собачьей верности, которая была написана в добрых и искривленных чертах его звериной морды.

Лиле в то время было 19 лет. Это была маленькая девушка с очень внимательными и постоянно спрашивающими глазами, с выпуклым лбом, выгнутыми губами, хромая от рождения. Она охромела в чреве матери и родилась с одной ногой короче другой и с детства считала себя уродом — но это было лично ее мнение. Ее сестра и брат в детстве обрывали одну ногу у ее кукол, говоря: «Раз ты хромая, твои игрушки должны быть как и ты». «Брат был очень странный и необыкновенный: он мне рассказывал разные страшные истории из Эдгара По, но полнее и всегда придумывал новое и после каждой я должна была позволить бросить себя в слуховое окошко на сеновал. Это было очень высоко два этажа и очень страшно, но я всегда просила рассказывать. Сестра тоже рассказывала мне истории, но за каждую разбивала одну из моих игрушек маленькую фарфоровую куклу, чтобы ничего не было даром. Иногда она требовала, чтобы мы приносили в жертву свои любимые игрушки. Тогда мы их бросали в печку. Когда все было сожжено, мы принесли в жертву щенка, он завизжал — пришли взрослые и вынули его. В другой раз мы взяли у мамы браслет и бросили в воду. Потом сами прибежали рассказать и плакали. Однажды нянька сказала Тоне: "Тонечка, не свисти". "А почему?" "Потому что когда молоденькие девушки свистят, Богородица с престола спрыгивает". Брат стал просить Тоню, чтобы она посвистала еще. Тоня отказывалась. Он решил тогда, что тут нужна добрая воля, я была такая маленькая, что свистать еще не умела, но добрая воля у меня нашлась. Он меня терпеливо учил приговаривая: «Ну и пусть Она попрыгает». А когда мне удавалось свистнуть, я спрашивала: "Ну что уже спрыгнула?" Однажды недели на две брат стал христианином. Они с одним товарищем по гимназии решили резать жидов и ставить крест на щеках как "знак". И один раз они связали одног<о>

товарища и вырезали на щеке крест, но убить не успели, их поймали на этом. Когда ему было 10 л<ет> он убежал в Америку. Он взял у папы деньги из письменного стола и оставил записку: “Я беру у тебя деньги и верну через два года, если ты честный человек, ты никому не скажешь, что я еду в Америку”. Он пропадал неделю, доехал до Новгорода. Поступил учиться сапожному мастерству. Потом пошел в полицию и спросил: “Можно у вас купить фальшивый паспорт?” Когда его нашли, он самостоятельно вернулся в Петербург. Его никто ни о чем не расспрашивал, не упрекал.

Раз мы решили делать чудеса (“сам он не мог, т<ак> к<ак> был слишком испорчен жизнью”). Он заставил меня поклясться, что я не совершила никакого преступления (мне было тогда 5 л<ет>). Он налил в ковшик воды и приказал: “Скажи, чтобы она стала вином!” Я сказала.

“Попробуй”.

Я попробовала. “Да, совсем вино!” Но я никогда вина раньше не пила. Тогда и он попробовал и нашел, что это совсем вино. Но Тоня сказала: “Вино же красное!”

Тогда он вылил мне ковшик на голову и был уверен, что я утаила какое-то преступление мною сов<е>ршенное. Когда мне было 10 лет, брат с меня взял расписку, что я 16 л<ет> выйду замуж и что у меня будет 24 чел<овека> детей и я буду их отдавать ему, а он их будет мучить и убивать. Тоня сказала: “А если никто не воз<ь>мет ее замуж?” Брат отвечал: “Я тогда найду человека, котор<ый> совершил преступление и под угрозой выдать его заставлю на ней жениться”.

Однажды брат мне сказал: “Ты знаешь, Лиля, только никому не говори этого, я это узнал совершенно случайно – это большая тайна, взрослые еще этого не знают совсем, дьявол победил Бога и Он сидит у него запертый в чулане. И вот нам нужно подумать и решить заранее, оставаться ли нам с Богом или перейти на сторону дьявола. Это будет очснь выгодно, а тех, кто останется с Богом, будут гно<и>ть и мучить!”

Я несколько дней ходила под впечатлением этой тайны и ждала продолжения. Но про себя решила, что я останусь с Богом. Через несколько дней я спросила брата: “Что жс с Богом?” Он как будто все позабыл и неожиданно ответил:

"Бог-то? Богу удалось удрать через форточку..." Это меня так поразило, что я утратила всякое уважение к Богу и с этого дня перестала молиться.

Лет до 5 меня одевали как мальчика в высокие брюки почти до плеч и стригли под гребенку. Брат уводил меня за ограду дачи и заставлял просить милостыню, протягивать руку и говорить:

"Подайте дворянину".

А после отнимал деньги, бросал их в пруд и объяснял, что стыдно тратить на себя подаяния.

У брата бывали нервные припадки вроде «падучей» с судорогами, с пеной у рта. Раз мы с ним оставались совсем одни в пустой квартире. Когда он чувствовал, что с ним будет припадок, он ложился на кушетку, а мне приказывал смотреть на себя ("это воспитывает характер"). Я должна была давать ему капли. В первый раз я так была потрясена, что вылила ему в глаза весь пузырек и уже больше не было капель. Тогда он стал давать мне нюхать эфир и сам нюхал. Это было и страшно и хорошо. У меня сейчас же начинала кружиться голова, и я ложилась где-нибудь на пол. Через две недели, когда взрослые вернулись, он ходил по всему дому и резал невидимые нитки. Его на несколько месяцев отвезли в больницу, и я тоже заболела дифтеритом. Больной я чувствовала себя уже давно, но брат мне запретил лечиться, говоря, что болезнь нужно преодолеть волей.

После дифтерита я целый год была слепой. С этой болезнью у меня прекратились всякие воспоминания о предыдущей жизни, которы<е> у меня в раннем детстве были отчетливы и ярки: приезжая в совершенно новые места, я узнавала местность, дорогу, комнаты.

Брату было 18 л<ет>, когда я вошла в его комнату и увидала, что он горько плакал. Это было очень страшно п<отому> ч<то> он никогда не плакал, а только кусал себе губы до крови.

Он сказал мне:

"Знаешь, я чувствую, что глупею".

С тех пор он ни о чем со мною не говорил и страшно замкнулся».

Для того, чтобы не путаться в целом ряде созданных нами лиц, мы с Лилей дома старательно вырабатывали сами для себя сценарий и обстановки, рассказывая друг другу характеры, сочиняя квартиры и комнаты. Помню, как целый вечер мы разрабатывали комнату Черубины. Мы сочиняли дом, в котором она жила на Каменноостровском. Парадный вход, лестницу, набросали план квартиры и очерк ее комнаты. Что висит на стенах. Книги, которые лежат на столах и стоят на полках. На другой день Мако меня поразил. Он сказал: «А знаете, М.А., мне вчера снился сон удивительный по своей живости: я был в гостях у гр. Чер. Геор.» И он мне подробно описал дом и квартиру, которую мы сочиняли вчера вечером. Я понял, что мы начинаем творить в действительности. Что раз Мако, ничего общего не имеющий с мистикой и враждебный всему сверхъестественному, начинает быть провидцем то, значит, какая-то грань перейдена нами.

Однажды Мако сказал мне: «А Вы знаете, что <я> нашел Черубину. Она действительно живет в Петербурге. Это внучка графини Нирод. У меня давно мелькала мысль. Но мне помог Николай Никол<аевич> Врангель: он исследовал все дома по Каменноостровскому и подкупил старого дворецкого. Она говорила мне совершенно верно — она живет на Каменноостровском, но не у деда, а у бабушки. Старая графиня живет с внучками. Вы помните старого дворецкого, который звонил к нам в редакцию во время болезни Черубины Георгиевны? Так вот он сам был у меня в этой комнате. Одну внучку старой графини зовут Маргаритой. А другую Анжелиной. Я спросил его, а не называет ли ее графиня еще иным именем? Он сперва задумался. Но я ему дал хорошо на чай — 25 р<ублей>. Он сразу вспомнил. Да... Да... еще как-то называют по-иностранному. «Не Черубиной ли?..» «Да именно — Черубиной-с». Сейчас графиня за границей со старшей. А Черубина в Петербурге — одна. Вот она и забавля<е>тся с Аполлоном».

Заказ 3692

О Черубине. Дуэль.

У Лили, которая всегда была духовидицей и рассказывала мне, что постоянно встречает на улице несуществующих людей, которые тут же на ее глазах исчезают, не сходя с места, начался безумный страх, что она встретится с Черубиной. И рассказы об этих розысках следо<в> и встречах производили на нее громадное впечатление. По мере того как росла известность и популярность Черубины, распространялся вместе с нею аромат мистификации. Что это мистификация никто не сомневался. Но кто? Кого? Зачем? – Это оставалось вопросами нерешенными. Но вокруг Лили, Mako и меня возникал постоянный сыск. Вячеслав Иванов говорил мне: «Черубина де Габриак внесла совершенно новую религиозно-католиче<с>кую струю в русскую поэзию. Такой еще не бывало. Но если это мистификация, то это *гениально!*» При этом он очень пристально и испытующе глядел на меня. Так и ожидая, что я соблазнюсь похвалой и признаюсь тут же.

Варианты были разные. Утверждали, что в редакции Аполлона создана эта мистификация, чтобы поддержать интерес к журналу.

Но в большинстве мистификатором считали самого Mako. Для людей близких редакции это было естественно, потому что все сведения о Черубине исходили только из рассказов самого Mako. В кругу молодых поэтов, группировавшихся около Академии Ревнит<елей> Русск<ого> стиха интерес был особенн<о> возбужден. Многие были в восторге от стихов Черубины. И заговаривали об них с Лилей которая естественно с ними виделась часто. Между этими поэтами обращал на себя внимание немецкий поэт переводчик Ганс Гюнтер. Он блестяще переводил Блока, Ремизова, Вяч. Иванова. Он был учеником Ст<ефана> Георг<е> и словесных трудностей для него не существовало. Он осуществлял с молниеносной быстротой труднейшие формы стих<а>, в 10 мин<ут> писал газеллу на заданную тему. В 15 м<инут> сонет. Все безукоризненно. Помню его рассказ у Вяч. Ив<анова> о школе Ст<е>ф<ана> Георге. Чтобы увидеть лично Ст. Георге надо было пройти целый сложный искус. Молодые поэты, оспаривавшие <?> быть представ-

ленными мэтру, приглашались к «другу поэта», у которого читались вслух стихи. Иногда «Друг Поэта» предупреждал: сегодня вечером мэтр будет невидимо присутствовать у меня в квартире. Среди вечера чтение прерывалось.

Тише... тише... учитель здесь. Все замирали. Шаги подходили к дверям потом удалялись. Этот Гюнтер занимался оккультизмом и гипнозом. У него были драматические сценки в стихах на магические темы. Он заинтересовался Лилей. Лиля, для которой и в нормальном состоянии грани между реальным и потусторонним смешивались, в эти дни совсем не владела собой. И ему при помощи гипноза и хитрого расспроса быстро удалось у нее выведать секрет Черубины.

Она мне созналась через несколько дней.

— Тогда надо кончать «Черубину», — сказал я.

Было решено в ближайшие дни ликвидировать игру. Лиля должна была написать стихотв<о>рение от своего имени и сознаться.

«Вы хотели увидеть мое лицо и грубо сорвали с меня вуаль... Вы не удовлетворились одной реально — Милый рыцарь, вы открыли только ча<с>ть моей вуали!»

Было как раз время. Потому что кто-то еще кроме нас стал играть под Черубину. Со слов Mako я понял, что он начал получать письма и звонки телефона не от нас исходящие. И в тех и других было явное желание как-то влиять на редакционн<ые> решения.

Этого мы никогда себе не позволяли. Мы решили, что надо круто кончить вопреки художественности.

Но... Здесь история Черубины делает крутой поворот в сторону и разрешается между совершенно иных лиц. Однажды мне Лиля рассказала.

«Сегодня меня Г<юнте>р спросил, правда ли, что у меня с Г<уми>левым был летом роман? Ему Г<умиле>в признался..... И Г<юнте>р сказал, чт<о> он будет защитником моей чести». В этот же вечер было собрание в Редакции. И Г<умилев>в, и Г<юнте>р приехали вместе и демонстративно были на «ты»

<КОКТЕБЕЛЬСКИЕ ИСТОРИИ, ЗАПИСАННЫЕ М.С. ВОЛОШИНОЙ>

Коктебель
24 мая 1934 г.

Вот одна из историй, которую часто рассказывал Масинька из коктебельской жизни. Хочу вести рассказ от Масиного имени, хотя это будет пересказ мой и по памяти. Помню я его хорошо, но конечно не дословно, буду придерживаться Максиной передачи и писать от его имени.

«Однажды весенним утром, выйдя на балкон своего кабинета, я увидел на пляже перед домом столб с надписью с одной и с другой стороны на дощечках: "для мужчин", "для женщин".

Находясь у себя в доме, а не воображая, что я еду по железной дороге, где поезд останавливается на 5 минут и надпись гласит о недвусмысленном ее значении, я взял реполин (лаковая краска, которой в это время увлекался Пикассо, котрую я приобрел у него в Париже и привез с собой в Коктебель), спустился вниз и закрасил и одну и другую надпись.

На меня в этот же день был составлен протокол местным "Обществом благоустройства". Общество благоустройства только что тогда образовалось. Был Коктебель, жили в нем люди – и вдруг они заметили: как же мы живем, а у нас нет полиции, а вдруг что-нибудь произойдет, кто же нас будет арестовывать? И решили устроить Общество благоустройства, чтобы пригласить полицию. Устроили; председателем Общества была выбрана М.А. Дейша-Сионицкая – и <она> сразу вообразила себя городовым.

Но об этом потом.

Общество благоустройства выработало правила для живущих в Коктебеле, пунктов было, кажется, 29 (это я пло-

хо помню), в числе их был пункт о расстановке столбов и о надписях на них: для мужчин и для женщин. Был пункт, гласивший: "На пляже публика должна быть в костюмах, соответствующих своему назначению". Был и такой: "Запрещается полоскать в море [бараньи] кишки".

Многие из правил были прибиты к столбам. И последний столб за дачей Манасеиной гласил: "для коров и лошадей".

Вот такую-то надпись: "для мужчин" и "для женщин" я и закрасил. Протокол был направлен местным Обществом благоустройства к уряднику. И дня через два, выйдя купаться по обыкновению, я у порога своей комнаты был встречен стражником с повесткой в руках, в которой было написано: "Правда ли, что проживающий в Коктебеле поэт-декадент Макс Волошин замазал надписи на столбах?"

Я взял повестку, поднялся наверх в мастерскую и написал на оборотной ее стороне: "1. Да, правда – я замазал надпись на столбе против окон моего дома, замазал, как замазал бы всякую неприличную надпись, хотя бы и на чужом заборе, находящуюся против моих окон. Надпись: "для мужчин" и "для женщин" вполне ритуальна и двусмысленна. 2. Мне очень льстит, что господин исправник называет в официальной бумаге меня моим уменьшительным и ласкательным именем Макс. Но на будущее время я бы просил именовать меня моим полным именем: Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин".

Передал бумагу стражнику для вручения исправнику. Тут уж не только Общество благоустройства, но и сам исправник на меня обиделся. И передал дело в окружной съезд. Съезд тогда был в Судаке. Там в съезде были мои юношеские товарищи по гимназии, читали донесение исправника и мое написание – смеялись и дело положили под сукно.

На следующий год весной в Коктебель не ко мне, а к Манасеиной приехала вице-губернаторша, но она была моя старая знакомая по Москве, она была балерина. Ее муж, вице-губернатор, приезжал только по субботам.

С приездом вице-губернаторши в Коктебеле появилось большое количество стражников, и когда вице-губернатор-

ша выходила купаться, то они шли и становились у столбов с надписями “для мужчин” и “для женщин”. Вице-губернаторша, человек очень скромный, выбрала место с надписью “для коров и лошадей”, и как только она вылезла из воды и присела на пляже, перед ней вытянулся в строй стражник и, отдавая честь, спросил: “Можно, Ваше превосходительство, отпустить стражу: дамы все выкупались?” Вице-губернаторша поспешила быстро одеться и уйти с пляжа — и уже просто уходить за Рыбачью бухту купаться, где не было никаких столбов.

А по воскресеньям, когда сюда приезжал сам вице-губернатор и, заходя ко мне вместе с женою, оставался у нас в доме по нескольку часов, то около моей калитки оказывался и сам исправник и стоял под жгучим июльским солнцем, застегнутый в мундир и обливаясь потом. И вот как-то раз, когда я спустился проводить моих гостей и взялся за калитку, возвращаясь уже домой, проводив их, из-за кустов дерезы выскочила фигура потного раскормленного исправника. Он быстро огляделся по сторонам, взял меня дружески под локоть и нежным басом произнес над моим ухом: — Господин Волошин, Вы обиделись на меня, что я Вас назвал в повестке Вашим уменьшительным именем. Максимилиан Александрович, знаете что: называйте меня просто Мишей...

Простаивая часа по два и по три на июльском солнце в ожидании, когда выйдет его начальство, он, верно, понял, что сделал gaffe* и решил его исправить».

* Промах, оплошность (*фр.*).

<РАССКАЗ М.А. ВОЛОШИНА, ЗАПИСАННЫЙ В.А. РОЖДЕСТВЕНСКИМ>

«Эта история начинается со времен Ноя. Я только что кончил гимназию и, щеголяя новенькой студенческой фуражкой, проводил лето у своей матери в Коктебеле. К этому времени мы отстроили дом на глухом побережье и наслаждались полным покоем, потому что вокруг нас не было никакого жилья ближе болгарской деревни. Я целыми днями гулял в окрестных холмах, рисовал, писал стихи и занимался астрономией. Мать часто сопровождала меня в далеких горных прогулках. Как почти первые поселенцы в этих местах, мы привыкли считать всю страну своим естественным достоянием.

Но блаженство наше было непродолжительно. Местные “отцы города” объявили коктебельский пляж “целебным”, установили регулярные рейсы допотопного дилижанса от Феодосии до наших мест, и на следующий год с весны безлюдный берег стал щедро заселяться дачниками. Эти люди принесли с собой в наше тихое захолустье восторженность перед природой, модные романсы и пестрые купальные костюмы. Возникли плохонькие парикмахерские, хриплые, во всю глотку орущие граммофоны и куча бумажек на месте пикников. Коктебель начал быстро терять первобытную дикость. Цивилизация проникла всюду на велосипеде и распространила в чистом морском воздухе запах дешевого одеколона. Под ногами на пляже хрустела яичная скорлупа, море прибивало к берегу пробки от пивных бутылок. Для меня наступили тяжелые времена. Вокруг моей дачи щелкали фотоаппараты, няньки стали показывать детям как местную достопримечательность бородатого “дядю” в коротких штанишках, с босыми ногами. В лучшем случае мирные жи-

тели считали меня сумасшедшим, тем более что надо мною давно уже тяготела слава "поэта-декадента".

Но в особенную ярость приводило меня внезапно образовавшееся "Общество дачного благоустройства". Оно не только взвинтило цены на деревенском базаре и приучило бесхитростных болгар драть втридорога за жалкие комнатушки, сдаваемые на купальный сезон, но и разделило безобразным забором на соответствующие "зоны" то вольное море, где, по словам давней коктебельской песенки,

...купается дельфин
Без разделения на женщин и мужчин.

Были вбиты столбы с пояснительными дощечками "Для мужчин", "Для женщин" и даже "Для купания овец". Один из таких указателей пришелся как раз против окон моей мастерской и загородил вид на девственный мыс Кик-Атлама. Естественно, сердце мое вскипело. Как некогда Иван Иванович Перерепенко из повести Гоголя, я готов был вооружиться пилой и безлунной ночью спилить у основания это позорище. Но удовольствовался тем, что замазал надпись черной краской. Через два дня я увидел ее возрожденной на том же самом месте. Я еще раз повторил свое преступное деяние. Весь дачный поселок пришел в необычайный ажиотаж. На мою голову посыпались проклятия, угрозы, и, верно, я заслужил бы название "хулигана", если бы это слово существовало в те идиллические времена. Был послан донос исправнику в Феодосию, и он тотчас же откликнулся на него краткой, но энергичной официальной бумагой, в которой от меня требовалось объяснение причин столь необычного бесчинства. На конверте размашистым начальственным почерком было начертано: "Господину Максу Волошину, поэту-декаденту". Я отправил не менее краткий, но весьма вежливый ответ, в котором, как помнится, писал, что замазал буквы на "означенном столбе" по той причине, что мне надоело видеть перед своими глазами надпись, весьма популярную на железнодорожных станциях, и думать при этом, что мой вагон неудачно остановился как раз против такого неблаговидного места. В заключение выражал крайнее свое

удивление тем, что в официальной бумаге я назван своим детским именем Макс, и спрашивал, считать ли мне это выражением неожиданных и незаслуженных мною дружеских чувств со стороны местных полицейских властей?

Как и следовало ожидать, письмо вызвало в Феодосии целую бурю, и мои отношения с местным начальством сильно усложнились. Между тем разыгрались и дальнейшие события, окончательно погрузившие в недоумение феодосийских аргусов.

Прослышав о целебных свойствах коктебельского пляжа, наше захолустье пожелела посетить супруга Таврического губернатора. Это событие, конечно, поставило на ноги всю уездную полицию. В деревушке спешно расположился отряд стражников. Подозрительные субъекты в соломенных панамах, с явно строевыми усами, в изобилии стали появляться на морском берегу. Когда губернаторша, женщина молодая и элегантная, погружалась в гостеприимные волны, у ее платьев, оставленных на пляже, почтительно дежурили двое городовых, ибо с превращением Коктебеля в дачное место не раз уже предприимчивые жулики оставляли доверчивых феодосийцев без всяких верхних и нижних одежд. Новая Диана, выйдя из воды, не удостаивала даже взглядом своих усатых актеонов, очевидно не считая их за мужчин, и спокойно одевалась в их присутствии.

Проведя дней десять в Коктебеле, эта знатная дама начала сильно скучать, не находя подходящего для себя общества. А ей предстояло прожить здесь еще более половины положенного срока! Естественно, она сделала мне визит, так как мой дом был единственным местом, где есть книги, картины и культурные люди. У нас нашлись общие знакомые по Парижу, где она около года дилетантски занималась музыкой. Это послужило достаточной почвой для дальнейших "светских" бесед. У моей новой приятельницы вошло в обычай приходить ко мне после вечернего купанья, пить чай с болгарским медом и черешнями. Сидя на этой самой террасе, мы вели разговоры, и нас ничуть не смущало то, что в ближайших кустах то и дело мелькали осторожно наблюдающие фигуры "охранителей". Забавно было видеть выра-

жение полнейшего недоумения на их почтительных лицах. Еще бы! Сама губернаторша в гостях у столь загадочной и подозрительной личности!

Обычно уже луна всходила над холмами, когда мы расставались. Мне вспоминается один из таких вечеров, когда особенно остро пахло степью и после недавно прошедшей грозы волны далеко закатывались на берег. Провожая свою гостью в уже сильно сгустившихся сумерках, я, чтобы пропустить ее вперед, несколько задержался в калитке и в ту же минуту почувствовал, как кто-то мягко, но настойчиво берет меня под руку, а над самым ухом шипит хрипловатый пропойный бас:

– Господин Волошин! Вот вы обижаетесь, что я в официальной бумаге назвал вас уменьшительным именем: Макс. Стоит ли придавать значение таким пустякам? Мы с вами добрые соседи, и поэтому зовите меня просто Миша.

Я был так изумлен этим внезапным галантным предложением, что даже не успел рассмеяться.

Но с этих пор никто не приставал ко мне больше с административными поучениями и на многие мои чудачества стали смотреть сквозь пальцы. Это надолго избавило меня и моих друзей от чужого непрошенного вмешательства. Даже письма и газеты стали приходить вовремя и не носили больше явных следов почтмейстерского любопытства...»

КОММЕНТАРИИ

Книга вторая седьмого тома Собрания сочинений Максимилиана Волошина включает в хронологическом порядке дневниковые, автобиографические и мемуарные тексты, не вошедшие в первую книгу седьмого тома.

В разделе «Дневники» «Дневник 1900» подготовлен и прокомментирован А.В. Лавровым и Р.П. Хрулевой.

В разделе «Воспоминания» выделены две рубрики: I – тексты, записанные самим Волошиным; II – воспоминания Волошина в записи других лиц. «В. Брюсов. Воспоминания. Фрагменты» – подготовлены и прокомментированы К.М. Азадовским и А.В. Лавровым; «Рассказ М.А. Волошина об Иннокентии Анненском» – подготовлен и прокомментирован А.В. Лавровым и Р.Д. Тименчиком.

Все остальные тексты подготовлены и прокомментированы В.П. Купченко и Р.П. Хрулевой.

Для настоящего издания все тексты заново сверены с источниками; обнаруженные в предыдущих публикациях искажения устранены.

За справки благодарим М.-О. Альбер (Париж), Н.А. Богомолова (М.), М.Л. Гаспарова (М.), С.И. Субботина (М.).

Условные сокращения

Воспоминания – сб. «Воспоминания о Максимилиане Волошине» / Сост. В.П. Купченко и З.Д. Давыдов. М.: Сов. писатель, 1990.

ГЛМ – Государственный литературный музей (Москва).

ДМВ – Дом-музей М.А. Волошина (Коктебель).

Из лит. наследия-1 – сб. «Максимилиан Волошин. Из литературного наследия. I». СПб.: Наука, 1991.

Из лит. наследия-3 – сб. «Максимилиан Волошин. Из литературного наследия. III». СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

ЛН. Т. 98. Кн. 2 – Литературное наследство. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. М.: Наука, 1994. Кн. 2. С. 251–399 (Переписка <В.Я. Брюсова> с М.А. Волошиным (1903–1917) / Вступ. статья, публ. и коммент. К.М. Азадовского и А.В. Лаврова).

ЛТ-88 – *Волошин М.* Лики творчества / Изд. подгот. В.А. Мануйлов, В.П. Купченко, А.В. Лавров. Л.: Наука, 1988 (Серия «Литературные памятники»).

Образ поэта – Образ поэта. Максимилиан Волошин в стихах и портретах современников / Сост. В. Купченко. Феодосия; М.: Издательский дом «Коктебель», 1997.

Путник по вселенным – *Волошин М.* Путник по вселенным / Сост., вступ. статья, коммент. и подбор иллюстраций В.П. Купченко и З.Д. Давыдова. М.: Сов. Россия, 1990.

«Том I», «Том II», «Том III», «Том IV», «Часть V» – авторские обозначения частей рабочей тетради Волошина на 134 л. (заполнено – 88, остальные – чистые), в которую он вписывал свои стихи в хронологическом порядке в 1892–1897 (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 2).

Труды и дни – *Купченко В.П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1877–1916. СПб.: Алетейя, 2002.

Труды и дни-2 – *Купченко В.П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. СПб.; Симферополь: Алетейя Сонат, 2007.

Тт-3 – Творческая тетрадь Волошина (стихи 1919–1931) // ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 7.

Ученическая тетрадь-1 – Тетрадь «Том I» со стихами Волошина 1891, содержит 41 стихотворение // ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 11. 17 л.

Ученическая тетрадь-2 – Тетрадь «Том II» со стихами Волошина 1891–1893, содержит 29 стихотворений // ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 11. 18 л. (6 чистых).

Ювеналия – *Волошин М.* Ювеналия. Юношеский дневник. Стихотворения 1891–1902 годов / Сост., подгот. текстов, примеч. Владимира Купченко. Феодосия; М.: Издательский дом «Коктебель», 2007.

ДНЕВНИК 1891 г.

Дневник – записная книжка небольшого формата в картонной обложке (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 450/II). Публикуется полностью впервые. Дневниковые записи из нее опубликованы (с купюрами): Ювеналия. С. 9.

Надпись рукою Волошина на условном титульном листе:

<Сочин>ения <В>олошина
Дневник М. Волошина
1891 г. [1889–90 год]
13–14 лет

Заполнена черновыми автографами юношеских стихотворений, многие из которых датированы. Включает всего четыре записи дневникового характера.

Тринадцать стихотворений из этой книжки были перенесены автором в «Записную книжку на 1889 год» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 449), в которую он занес сначала стихотворения разных поэтов (Пушкина, А. Толстого, Лермонтова, Фета, Беранже и др.), а потом также свои стихи (с л. 34 об.).

В начале 1892 Волошин подготовил «избранное» из того, что им уже было написано к этому времени, в две ученические тетради и назвал их «Том I» и «Том II» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 11). На типографских наклейках обеих тетрадей – четверостишие из стихотворения А.С. Пушкина «Поэт и толпа»: «Не для житейского волненья / Не для корысти, не для битв / Мы рождены для вдохновенья / Для сладких звуков и молитв» (в последней строке нарушен порядок слов; в оригинале: «Для звуков сладких и молитв»). В дневниковой записи от 5 марта 1892 Волошин отметил: «В этих тетрадках находятся все мои стихотворения, начиная с самых первых. Они расположены в хронологич<еском> порядке – по времени их создания, конечно, были некоторые стихотворения раньше этих, но я их не помещаю тут. Так как они не представляют из себя ничего особенного. Конечно, между этими стихотворениями встречаются некоторые плохие, но я поместил их здесь для того, чтобы читатель видел постепенный переход от плохого к лучшему. Я, конечно, надеюсь, что я не остановлюсь на этих стихотворениях, а пойду дальше; тем более, что со времени сочинения мною первого стихотворения, помещен-

ного здесь, прошел едва лишь год (24 февраля 1891–1892). Я знаю, что у меня в стихотворениях встречается много недостатков, и я, по мере возможности, стараюсь их исправить, но сам автор пристрастен к своим стихотворениям и много не замечает. И потому я прошу каждого, кто будет читать мои стихотворения, написать, какие он считает лучшими, и затем, какие недостатки он в них находит. За это я буду ему очень благодарен. Кроме того, прошу, чтоб с этой тетрадкой обращались осторожно и не замарали, а главное, чтоб не писали ничего своего на ее полях. Критические замечания прошу писать на отдельных листочках» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 450/I). В записи подразумеваются I и II гимназические тетради.

В записной книжке без титульного листа в декабре 1891 рукою неустановленного лица вписан черновик письма в Редакцию журнала «(имя рек»)» с просьбой поместить посылаемые стихотворения «готового к услугам М. Кириенко-Волошина» и дать ответ на адрес Г.М. Сакулина (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 450/I, л. 15). После чернового текста стихотворения «Таврида», в конце которого стоит авторская дата 28 февр. 1892, Волошин подготовил черновик предполагаемого письма опять же без указания названия журнала, в который он намеревался послать стихи (л. 21 об.): «Покорнейше прошу многоуважаемую редакцию поместить на страницах журнала « » посылаемые мною стихотворения, если она найдет их того достойными. Стихотворения прошу поместить под буквами М.А.К.В. При сем прилагаю мой адрес. Максимилиан Кириенко-Волошин».

12 окт. 1892 Волошин отметил в дневнике, что его стихи «начинают приобретать некоторую популярность», и понятно, что к этому времени есть уже две тетради, которые он даст «почитать». Судя по почерку и цвету чернил – переписывал стихи «начисто» в несколько приемов. Во второй тетради после стихотворения «Месяца тихого блеск...» справа от последней строки Волошин поставил цифру «62» (количество записанных стихотворений). Всего в обеих тетрадях – 70 стихотворений.

Тогда же, в октябре 1892, возникает мысль о сборнике стихов: «Я хочу лучшие мои стихотворенья переписать в отдельную книжку» (С. 63 наст. тома). Волошин начал переписывать стихи в записную книжку-тетрадь в коричневом ледериновом переплете, содержащую 134 листа. Эту тетрадь он разделил на пять «томов» (последний озаглавлен: «Часть V»). Каждый «том» имеет условный титульный лист, на котором обозначены хронологические рамки вписанных стихов (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 2). В т. 2 наст. изд. этот источник текста описан с неточностями (С. 678).

В 1892 почти все стихи публикуемой записной книжки были переписаны начисто в «Том I» записной книжки, на «титульном листе» которого обозначены хронологические рамки: «Февраль 1891 г. – ноябрь 1891 г.»

О своем гимназическом периоде Волошин писал в автобиографии: «Это самые темные и стесненные годы жизни, испол<н>енные тоски и бессильного протеста против неудобоваримых и ненужных знаний» (С. 258 наст. тома). Тем не менее, мы видим и в этих записях живую мысль пытливого подростка, его стремление к самопознанию и саморазвитию, расположенность к людям, активный интерес к литературе и искусству.

24 февраля

Мама и П<авел> *П*<авлович> *утром катались верхом.* – Речь идет о матери Волошина, Е.О. Кириенко-Волошиной, и ее гражданском муже П.П. фон Теше, отце четырех дочерей, находившемся в разводе. Они сблизились в 1890, через девять лет после смерти отца поэта – Александра Максимовича.

После обеда пришла С<офия> *П*<авловна>. – Речь идет о С.П. Теш.

25 февраля

Люба – Л.С. Лямина.

Земледельческая школа. – В этой школе (Смоленский бульвар, собств. дом) учился гимназический приятель Волошина Модест Сакулин.

Уже скрылося солнце за горы... – Черновой автограф стихотворения, которое Волошин считал своим первым (см. дневниковую запись от 5 марта 1892 – с. 493–494 наст. тома). Было переписано с разночтениями в «Записную книжку на 1889 год» (л. 34–35 об.) без даты и без заглавия, но в «Оглавлении» к этой записной книжке под заглавием «Наступление ночи». В ученической тетради-I и в «Томе I» – с датой 24 февраля и с тем же заглавием. Ср.: Т. 2 наст. изд. С. 133.

7 марта

Видел Варвару Николаевну... – Вероятно, Варвару Николаевну Шуберт, знакомую Е.О. Волошиной. Волошин дружил в детстве с ее сыном.

Когда Эней бежал из Трои... – Многократно зачеркнуто. *Эней* (*греч.* и *римск. миф.*) – троянец, который по совету матери Афродиты после разрушения Трои отправился в Италию, где основал Рим.

Лациум – область древней Италии.

Г-де Морво пришел ∾ пустое пространство. – Запись имеет отношение, по всей вероятности, к труду Гитона де Морво, который, будучи комиссаром французской Северной армии, лично руководил

применением привязанного аэростата для разведки во время битвы при Флёрюсе (27 июня 1794), чем содействовал победе республиканских войск над австрийскими интервентами. В русском переводе имеется сочинение Гитона де Морво «О средствах к благорастворению воздуха и отвращению заразы...» (С французского второго издания переведенное Василием Джунковским. СПб.: Медицинская типография, 1806). *Монгольфы* – братья Жозеф-Мишель (1740–1810) и Жак-Этьен (1745–1799) Монгольфье, французские изобретатели воздушного шара. *Блоншары* – французские воздухоплаватели Бланшар Франсуа (1753–1809), который первым совершил перелет через Ла-Манш в 1784 (затем еще 66 удачных полетов до 1807), и его жена Мари Мадлен (погибла при перелете на воздушном шаре).

«Прошла республики пора...» – Текст густо вымаран, прочитывается предположительно.

Одоакр (*«Крутою каменной тропою...»*) – первый вариант стихотворения. В «Томе I» – с заглавием и датой, но без последних десяти строк. В ученической тетради-1 – без окончания и без даты. В «Записную книжку на 1889 год» включено с подзаголовком «I Предсказание». Ср.: Т. 2 наст. изд. С. 135, 681. ***Одоакр*** (ок. 431–493) – правитель Италии с 476, вождь германского племени скиров, живших в долине Дуная. Поступив около 470 на военную службу в Италии, стал предводителем одного из наемных германских отрядов в армии императоров. Низложив императора Ромула Августула, провозгласил себя «королем Италии». Его возвышение считается концом Западной Римской империи.

Теперь он в Пассау попал... – На этом кончается стихотворение в «Томе I». *Пассау* – город в Баварии при впадении рек Инн и Ильц в Дунай.

Безвестным... от меча умрешь. – Потерпев ряд поражений от римлян (при Изонцо, при Вероне, при Адде), Одоакр еще два года правил в Равенне, но в 493 был убит вождем вестготов Теодорихом.

«Но не честно ∾ победитель вонсит нож». – Эти пять строк зачеркнуты и в текст стихотворения позже не включались.

«Полдень, жарко, как-то парит...» – Черновой автограф. 21-м марта датируется стихотворение «Над рекой», в котором использованы некоторые образы из этого чернового текста (Т. 2 наст. изд. С. 137).

Кубынчик – кувшинка.

«Как тут стрекозы реют...» – Черновой автограф стихотворения «Над рекой». В «Записной книжке на 1889 год» – тоже без заглавия, без даты, с разделением на строфы; заглавие появляется в оглавлении. В ученической тетради-1 – с заглавием «Над рекою», с разночтениями и без даты. В «Томе I» – с заглавием, без разделения на строфы и с датой «24 марта 1891 г.».

«Зажглись мириады полночных светил...» – Черновой автограф стихотворения «Разрушенный замок» (Т. 2 наст. изд. С. 138). В «Записной книжке на 1889 год» – беловой автограф с исправлениями, без даты; в тексте записной книжки озаглавлено «Разрушенный замок», в оглавлении – «Развалины замка». В ученической тетради-1 – с заглавием «Развалины замка», с разделением на строфы, без даты. В «Томе I» – с заглавием «Развалины замка», с небольшими разночтениями, разделением на строфы (двустишия) и датой 2 апреля 1891. В т. 2 наст. изд. опубликовано по «Записной книжке на 1889 год» с искажениями («Не слышно веселого клика бойцов» – вместо «Не слышно военного клика бойцов»; «Уж он не увидит веселых забав» – вместо «Уж он не увидит военных забав»).

«Сбиралась буря. Свинцовые тучи...» – Черновой автограф незаконченного стихотворения. В ученической тетради-1 и в «Томе I» – с разночтениями и без дат. В записной книжке без титульного листа (№ 23 – рукою М.С. Волошиной) – с разночтениями. В т. 2 наст. изд. опубликовано по этой записной книжке с разночтением в одном слове.

«Когда стихи я сочиняю...» – Черновой автограф шуточного четверостишия. В «Записной книжке на 1889 год» – без заглавия и без разночтений. В ученической тетради-1 – с заглавием «На себя» и карандашной пометой рукою неустановленного лица: «Самое лучшее». В «Томе I» – без заглавия. В т. 2 наст. изд. опубликовано с заглавием и датой «1891», но без комментария.

«Таю, таю я, как свечка...» – Черновой набросок шуточного четверостишия. В т. 2 наст. изд. не вошло.

«К прекрасному душа стремится...» – В ученической тетради-1 – с разночтением в последнем слове («страдать» вместо «желать»), без даты. В «Томе I» – с тем же разночтением в последнем слове и с датой. Ср.: Т. 2 наст. изд. С. 139.

Заказ 3692

«Вы простите, конечно, меня...» – В ученической тетради-1 – без даты. Без разночтений и без знаков препинания переписано в «Том I» с датой. Ср.: Т. 2 наст. изд. С. 140.

«Между двух Психей...» – В т. 2 наст. изд. не вошло.

«Вам некто дал на днях мои стихотворенья...» – В ученической тетради-1 – с разночтениями и без даты. Ср.: Т. 2 наст. изд. С. 141.

«Когда я раз тебя увидел...» – Без разночтений и без знаков препинания – в «Томе I». Адресата четверостишия установить не удалось. Опубликовано в т. 2 наст. изд.

«Я таю, таю...» – В «Том I» переписано без разночтений и с датой «10 апреля». В т. 2 наст. изд. не вошло.

«Тройка скачет, ...снег ...сребрится...» – В т. 2 наст. изд. не вошло.

«Сюда испуган возмущеньем...» – В т. 2 наст. изд. не вошло.

Кудеяр – фольклорный герой, легендарный атаман разбойников, герой стихотворения Н.А. Некрасова «О двух великих грешниках» (в составе поэмы «Кому на Руси жить хорошо»). Волошин упомянул этот образ в стихотворении «Гражданская война» (1919).

«На зеркальной поверхности вод...» – Это первые три строки стихотворения, которое было написано карандашом. Прочитать его полностью не представляется возможным, так как поверх этого текста выполнена запись следующего стихотворения.

«Ветер песню несет...» – Черновой автограф стихотворения «Ночь». В «Записной книжке на 1889 год» – с заглавием, без даты. В ученической тетради-1 – с заглавием, без последней незаконченной строки и без даты. В «Томе I» – со знаком NB перед заглавием «Ночь» и без даты, которая многократно исправлялась автором в черновике (то «апрель», то «май»). Только по контексту можно предположить, что это стихотворение было написано не в мае, а в апреле.

«Виднелись села вдалеке...» – Четверостишие написано карандашом. В т. 2 наст. изд. не вошло.

«Коль увидеть хочешь...» – Черновой автограф. В «Томе I» – беловой автограф с разночтениями и датой «1 мая».

«Небеса от туч чернеют...» – Черновой автограф стихотворения «Буря». Шестая строка сверху – вариация заключительной строки стихотворения Пушкина «Зимний вечер» («Буря мглою небо кроет...», 1825). Было вписано без заглавия и с разночтениями в «За-

писную книжку на 1889 год»; в оглавлении – под заглавием «Буря», с которым автор вписал это стихотворение в ученическую тетрадь-1 и в «Том I». Беловой автограф с опиской в дате: «1890» вместо «1891». Ср.: Т. 2 наст. изд. С. 148.

«Теперь веселися родная страна!..» – Черновой автограф: начало работы над стихотворением «Карл Испанский». Работа будет продолжена после записи о посещении выставки.

Я был на французской выставке... – Французская выставка в Москве в 1891 проходила с 29 апреля по 6 октября на Ходынском поле. Художественный отдел был частью большой промышленной выставки, помещавшейся в специально построенном для нее грандиозном павильоне и маленьких павильончиках, соединенных галереями. На московской выставке, в отличие от петербургской, демонстрировались не только произведения художников, привезенные из Франции: живописный отдел был пополнен произведениями французских художников из собраний московских коллекционеров.

Лямины – Е.О. Лямина с детьми.

Дон Жуан и Харон, Звуки, Утопленники. – Авторов картин, названия которых Волошин вписал в записную книжку, установить не удалось. *Харон* (*греч. миф.*) – перевозчик душ умерших через реку Стикс в аид.

«Окончив молитву, он радост<н>ый встал...» – Черновой автограф. Продолжение работы над стихотворением «Карл Испанский». В самом конце этого текста Волошин написал: «(Следует Испанская песня)». Песня эта будет написана позже. В ученической тетради-1 и в «Томе I» – с заглавием и включением «Испанской песни», без даты (см. запись в дневнике от 8 ноября 1891: с. 51 наст. тома).

«В зелень рядится...» – Написано карандашом, зачеркнуто и по тексту этого несостоявшегося стихотворения записано окончание предыдущего стихотворения.

«Белеет неба полоса...» – Черновой автограф стихотворения «Утро». Вписано в эту же записную книжку 16 мая повторно с заглавием и разночтением в предпоследней строке. В ученической тетради-1 и в «Томе I» – с заглавием, но без даты.

«Если б знали вы...» – Черновой автограф четверостишия, которое вписано в «Том I» без даты, а в ученическую тетрадь-1 с разночтениями и без даты. Ср.: Т. 2 наст. изд. С. 153.

«Смеешься ты, а я страдаю...» – Черновой автограф четверостишия. В ученической тетради-I без даты, с заметкой на полях справа карандашом рукою неустановленного лица: «Ведь это же ты?» В «Томе I» – с пометой красным карандашом «5+». Ср.: Т. 2 наст. изд. С. 154.

«Хотелось бы мне...» – Черновой автограф стихотворения «Желания». В ученической тетради-I – ремарка на полях карандашом рукою неустановленного лица: «Какого рода это “ты”? Если женского, то зачем ты раньше уверял, что ни разу еще не увлекался? Если нет, то от кого эти два стихотворения. Писал ты, без сомнения, но от своего лица?» В «Томе I» – с заглавием и датой. Ср.: Т. 2 наст. изд. С. 155.

«Он жил, но жизнь ему была не в радость...» – Черновой автограф стихотворения «На смерть Надсона». В ученической тетради-I – с заглавием, без даты. В «Томе I» – беловой автограф с заглавием и полной датой: 10 мая 1891 г. Поэт С.Я. Надсон умер в Ялте от туберкулеза 19 янв. 1887 двадцати пяти лет от роду.

«Грустно! Листья осыпаются...» – Карандашный черновой набросок. На последней строчке этого стихотворения написано заглавие следующего.

Испанская песня («Хуана! Хуана, что каждое утро...») – Черновой автограф. Позже вошло в текст стихотворения «Карл Испанский». После зачеркнутой даты в середине текста – запись метрических схем стихотворных размеров: ямба, хорея, дактиля, анапеста и амфибрахия.

«По распятии Спасителя...» – Позже на тему стаданий Христа будет написано два стихотворения с одинаковым названием «Святая роза»; см.: Т. 2 наст. изд. С. 195, 265.

Сократ («Хоть истинной не знал Сократ дороги...») – Черновой автограф чернилами и карандашом. В ученической тетради-I – с заглавием, без даты. В «Томе I» – с заглавием и с датой.

Утро («Белеет неба полоса...») – Первоначальный вариант вписан 6 мая. Ср.: Т. 2 наст. изд. С. 152.

«Бессилен мой язык...»*. «Поэзия тебе любезна...»* – Неточная цитата из оды Г.Р. Державина «Фелица» (1782).

«Когда сижу я над обрывом...» – Черновой автограф. В ученической тетради-1 и в «Томе I» – беловые автографы без даты. Ср.: Т. 2 наст. изд. С. 158.

«Позвольте мне одно сказанье...» – Черновой автограф «Посвящения» к стихотворению «Спящее царство» (см. т. 2 наст. изд. С. 144–145).

«В цветущей зеленью стране...» – Черновой автограф стихотворения «Спящее царство». В «Записной книжке на 1889 год» – с заглавием и без «Посвящения». В ученическую тетрадь-1 вписано дважды с интервалом в десять страниц: сначала с заглавием и «Посвящением», потом без «Посвящения», и оба раза – без дат. В «Том I» также вписано дважды, при этом второй вариант с датой «12 сентября 1891». Все автографы без первых (зачеркнутых) и последних двух строк.

«Мне чудилось: пропали стены...» – Черновой автограф стихотворения. Дату автор исправлял многократно. В т. 2 наст. изд. не вошло.

В альбом Л.Л. («Низойди, о вдохновенье...»). – В «Записной книжке на 1889 год» и «Томе I» озаглавлено: «К Л. Л.». *Л.Л.* – Л.С. Лямина.

Далее следуют переписанные рукой Волошина стихотворения его гимназических приятелей М. Сакулина «Был август месяц...» и В. Лепинга и «В альбом М... («Пусть отнимется десница...»).

«Туманит зренье...» – Без разночтений и без указания на источник текста опубликовано в т. 2 наст. изд.

«Стихи просятся наружу...» – Черновой автограф. В ученической тетради-1 и в «Томе I» – беловые автографы без даты.

Троекурово – местность на западе Москвы на правом берегу реки Сетуни (с 1960 – в черте города). В 1890, 1891 и 1892 Волошин жил там летом на даче. 1 декабря 1891 он написал стихотворение «Троекурово» (см. т. 2 наст. изд., а также запись в дневнике 16 окт. 1892).

«Хуана! Хуана! тот час недалек уж...» – Фрагмент относится к «Испанской песне».

Оглавление I-го тома. – Возможно, предварительное содержание «Тома I», в который вошло 50 стихотворений, написанных в феврале – ноябре 1891.

«Мне снилось три страны...» – Черновой набросок незаконченного стихотворения. Ср. развитие сходной темы в стихотворении «Мне снилась ночь в сиянии луны...» (Т. 2 наст. изд. С. 509).

«Звезда бледнеет за звездой...» – Черновой автограф незаконченного стихотворения.

Киев («Тут Русь родная родилась...») – Черновой автограф. В ученической тетради-1 и в «Томе I» – также без дат и знаков препинания.

«Носилася чайка над морем...» – Черновой автограф незаконченного стихотворения. В ученической тетради-1 и в «Томе I» – с небольшими разночтениями.

«Город грязный и вонючий...» – Черновой автограф незаконченного стихотворения написан карандашом и зачеркнут жирным крестом.

«Куда ни глянь...», «Куда ни взглянь деревья тощи...» – Два черновых варианта четверостишия.

Весен<ний> *вечер в степи.* – Черновой автограф. Строфы записаны в обратном порядке и пронумерованы цифрами I и II. В ученической тетради-1, как и в черновике, – без даты, в «Томе I» – с датой 12 июля.

«Вот скала! Тут был Дианы...» – Черновой автограф.

«И нищий умолк! Все в безмолвьи стоят...» – Черновой автограф. Фрагмент относится к стихотворению «Карл Испанский».

«Конечно это не Кавказ...» – Черновой автограф. Вписано в ученическую тетрадь-1 с незначительными разночтениями и без даты. В «Томе I» – с незначительными разночтениями и датой.

«Не правда ль райский уголок...» – Черновой автограф. С небольшими разночтениями – в «Томе I». В ученической тетради-1 – без даты.

«Мир заснул. Взошла луна...» – Возможно, первоначальный набросок стихотворения «Ночь» («Месяца тихого блеск...»), кото-

рое вписано в ученическую тетрадь-2 без заглавия. См. т. 2 наст. изд. С. 201.

«Окончив курс своей науки...» – Черновой набросок шуточного стихотворения.

Мод<есту> Сакулину («Я вновь то место посетил...») – Черновой автограф. В «Томе I» с заглавием «Из письма к М. Сакулину», с датой и указанием места написания: «Из Матвейкова».

Матвейково – деревня Звенигородского уезда, в 33-х верстах от Москвы. В Матвейкове снимали дачу Лямины, и Волошин-гимназист любил у них бывать. В мае 1894 Люба Лямина писала ему из Матвейкова в Феодосию: «Здесь все напоминает тебя. Все твои шалости и проказы. Даже наш хозяин Ященко спрашивал про тебя» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 804).

«[*Зарделся*] *восток...*» – Черновой набросок стихотворения «Утро» («Потянул ветерок...») 4 авг. 1891; см. т. 2 наст. изд. С. 168.

Русалки («Когда широкой тенью...») – Черновой автограф. В ученической тетради-1 – с разночтениями, без даты, с посвящением Е.С. Л<ями>ной. В «Томе I» – с датой 29 июля и указанием места написания: «Матвейково ночью у пруда»; без посвящения. В записную книжку «Стихотворения из дневника 1890 года» вписано с разночтениями, начиная со строки «Иль то воображенья...» до «Русалок хоровод». Дата – 15 дек. 1891. 8 дек. 1891 Волошин записал, что Саблину нравятся «Русалки» (С. 51 наст. тома).

Украйна («Тополей аллеи...»). – Незаконченный набросок.

Утро («Потянул ветерок...»). – Черновой автограф. Под текстом – приписка карандашом: «Конец изменить». В ученической тетради-1 – без даты. В «Томе I» – с незначительными разночтениями и с датой. Конец стихотворения в беловых автографах изменен не был.

Мод<есту> Сакулину («Не чужд поэзии и ты...»). – Черновой автограф незаконченного стихотворения. В т. 2 наст. изд. не вошло.

«Ты пела, я слушал и тихо... листы...» – Черновой автограф с опиской в дате: «июля».

Осень («Промчалось веселое лето...»). – Черновой автограф карандашом. Дата вписана чернилами. В ученической тетради-1 – без даты. В «Томе I» – беловой автограф с незначительными разночтениями и датой. Ср.: Т. 2 наст. изд. С. 170.

«Смерть пришла, и песня спета...» – Черновой автограф стихотворения «Поэт». В ученической тетради-1 и в «Томе I» – беловые автографы с заглавием и без дат. Ср.: Т. 2 наст. изд. С. 171.

«На свете где-то есть страна...» – Черновой автограф стихотворения «Спящее царство». Второй вариант. Первый был написан 20 мая (см. наст. том. С. 17–18). В ученическую тетрадь-1 также вписано дважды: второй раз без «Посвящения» и без даты. В «Том I» второй раз вписано также без «Посвящения», но с датой.

«Нету сил. Перо валится...» – Черновой автограф. В «Томе I» – беловой автограф без даты. Строка «Нету сил. Перо валится...» ранее была использована в стихотворении «К прекрасному душа стремится...» (см. наст. том. С. 15).

«Недвижно на голом утесе сижу я...» – Черновой автограф. В ученической тетради-1 и в «Томе I» – беловые автографы без дат.

«Прохладные воды одна за другою...» – Черновой набросок карандашом.

«Прими сей дар смиренный...» – Черновой набросок.

«И нищий умолк. Все в безмолвьи стоят...» – Черновой автограф. Фрагмент относится к стихотворению «Карл Испанский». Ср.: наст. том. С. 32–33.

«Осень. Гроздья винограда...» – Черновой вариант стихотворения «Сбор винограда». Ср.: Т. 2 наст. изд. С. 176.

«Что ты [голову склонила] глазки опустила...» – Первоначальный карандашный набросок стихотворения «Овечка» (Т. 2 наст. изд. С. 437).

«Любви не знаю...» – В «Томе I» – без разночтений и без даты. Справа от текста – вопросительный знак, который зачеркнут. Ср.: Т. 2, наст. изд. С. 175.

«Мечтатель безумный...» – Черновой набросок карандашом.

«Слёзы душат меня...» – Черновой автограф стихотворения «Солдатка». Беловые автографы в ученической тетради-I и в «Томе I» с заглавиями и без дат.

«Что ты глазки опустила...» – Черновой фрагмент стихотворения «Овечка». В ученической тетради-I и в «Томе I» – беловые автографы с заглавием «Овечка (К Д.А.)» и без дат. Ср.: Т. 2 наст. изд. С. 437, 706.

«Я [страд<аю >*] рыдаю молюсь...»* – Черновой автограф. Окончание работы над стихотворением «Солдатка».

<ДНЕВНИК 1891–1892>

Текст дневника в записной книжке «Товарищ. Календарь для учащихся на 1891–92 учебный год» (М.: Сотрудник школ; Контора А.К. Залесской. Воздвиженка, дом Арманд) – ДМВ, А. 686. Все даты в этой книжке – печатный текст. Начало собственно дневниковых записей относится к 1 авг. 1891, когда Волошин проводил каникулы в подмосковном селе Матвейково. Незадолго до этого он перешел из 3-го класса Первой московской казенной гимназии (Волхонка, собственный дом) в 4-й. Записи с 16 авг. 1891 по 13 апр. 1892 (а также списки: одноклассников, учебных книг и адресов) сделаны в Москве.

Первая публикация отдельных записей «Из гимназического дневника Максимилиана Волошина» осуществлена В.П. Купченко и З.Д. Давыдовым (Семья и школа. 1989. № 11. С. 49–51). Впервые (в меньшем объеме записей) – *Волошин М.* «Средоточье всех путей...»: Избранные стихотворения и поэмы; Проза. Критика. Дневники. М.: Моск. рабочий, 1989. С. 469–476 / Публ. В.П. Купченко и З.Д. Давыдова.

Сохранилась также записная книжка гимназиста 4-го класса Волошина, которая, как и книжка «Товарищ», заполнялась в 1891–1892 учебном году (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 448/II), но не содержит дневниковых записей. Это «Календарь Вольфа. Справочная записная книжка для учащихся на 1891/92 учебный год» ученика Моск<овской> I гим<назии> IV пар<аллельного> класса М.А. Кириенко-Волошина (СПб; М.: Изд. Товарищества М.О. Вольф). В подписном билете на получение книг из книжных магазинов Волошин вписал свой адрес: Божедомка 1, Волхонский пер., д. Смоленской. Имеется список учеников 4-го классе без имен и без графы «Какой ученик», как в записной книжке «Товарищ». Некоторые записи из этого перечня использованы в последующем комментарии с отсылкой: «Календарь Вольфа». Последние листы утрачены.

Алфав<итный> список товарищей IV класса.

<Столбец> *Какой учен*<ик>. – Проставленные в этом столбце числа, очевидно, указывают порядковое место гимназиста в школьной «табели о рангах» (в смысле успеваемости).

Богородский В.П. – Его адрес записан Волошиным в «Календаре Вольфа»: «Сивцев Вражек» (дом не указан).

Высоцкий Сергей. – В «Календаре Вольфа» около этой фамилии помета: «доктор». Возможно, она, как и аналогичные (сделанные здесь же) пометы у фамилий некоторых других одноклассников, отражает мнение Волошина об их интересах или призвании. Впрочем, не исключено, что в некоторых случаях они сделаны позднее, когда профессиональное самоопределение бывших соучеников Волошина уже состоялось.

Гирш Николай. – В «Календаре Вольфа» охарактеризован как «доктор».

Кириенко-Волош<ин>. – Против фамилии в «Календаре Вольфа» написано: «писатель».

Макаров Владим<ир>. – В «Календаре Вольфа» Волошин называет его «историк».

Павильонов Сергей. – В «Календаре Вольфа» аттестован как «землепашец».

Риго Адриан. – В «Календаре Вольфа» помета: «французский офицер».

Смирнов Виктор. – В «Календаре Вольфа» помета: «военная служба».

Эффенбах Мих<аил> – В «Календаре Вольфа» помета: «полицейский».

Захлыстов Мих<аил>. В перечне «Календаря Вольфа» не значится, зато туда вписан Фельдзер.

Список учебных книг.

1. Катехизис Филарета – книга, утвержденная высшей церковной властью в качестве руководства по элементарному обучению христианской вере. Митрополит Филарет (В.М. Дроздов) составил катехизис в 1823. Краткий катехизис был озаглавлен «Начатки христианского учения», большой – «Пространный христианский катехизис».

2. Ц<ерковно> *Слав*<янская> *грамматика Буслаева.* – «Историческая грамматика русского языка» Ф.И. Буслаева вышла в 1863.

3. Рус<ская> *хрестоматия Галахова.* – Эта книга А.Д. Галахова выдержала с 1842 по 1892 двадцать два издания. В библиотеке Волошина сохранился труд Галахова «История русской словесности, древней и новой» (2 тома. М., 1894).

4. Лат<инская> *грамматика Зейферта.* – Точнее, «Латинская грамматика» Ф. Элленда и М. Зейфферта, переведенная с приспособлениями к преподаванию в русских гимназиях П. Певницким и В. Зубковым (М., 1875; 7-е изд., испр. М., 1889).

5. Commen<tariorum> *Caesaris Адольфа.* 6. *Примеч*<ания> *к Цезарю Адольфа.* – Речь идет о сочинении Гая Юлия Цезаря «Commentariorum de Bello Gallico» («Записки о Галльской войне») и об учебном комментарии к нему, выполненном и изданном (М., 1890) А.В. Адольфом.

10. Книга упраж<нений> ∾ *(хрестом*<атия>*) Черного.* – Речь идет об учебнике Э.В. Черного «Начальная греческая хрестоматия» (1890) и сопутствующем пособии к нему.

12. Алгебра Полякова. – Имеется в виду учебник «Начальная алгебра и собрание алгебраических задач» П.Н. Полякова (выходил в 1874, 1881 и т. д.)

15. Задачник Бычкова. – «Сборник примеров и задач, относящихся к курсу элементарной алгебры» Ф.Ф. Бычкова (1867 и др.).

16. Древняя ист<ория>*... Иловайского.* – Возможно, сокращенное название гимназического учебника «Краткие очерки русской истории» Д.И. Иловайского (36 изданий, с 1860 по 1912).

17. Историч<еский> *атлас Роде.* – Издание на немецком языке (Historischer Schul-Atlas zur alten, mittleren und neueren Geschichte: 89 Karten auf 30 Blättern nebst erläuternden Text / von C.E. Rhode. Glogau, Poland: C. Flemming, 1872). Атлас сохранился в библиотеке Волошина (ДМВ).

18. География России Баранова и Горел<ова>. – Речь идет об учебнике «География Российской Империи. Курс средних учебных заведений» А.Г. Баранова и Н.Н. Горелова. Учебник выдержал 35 изданий до 1917.

19. Атлас Линберга. – «Учебный атлас всеобщей географии», составленный А.Л. Линбергом.

20. Атлас Ильина. – «Новый учебный географический атлас для полного гимназического курса, состоящий из 38 карт» А.А. Ильина; неоднократно переиздавался.

21. Нем<ецкая> *книга... Штейнгауера.* – Возможно, речь идет об одном из изданий «Практического руководства к изучению немецкого языка» Я.М. Штейнгауэра (1-е изд., 1865) либо о каком-то другом учебном пособии по указанному предмету того же автора.

Записная книга на 1891–1892 учебный год

<1891>

1 **<августа>.**

Приехал на 33 версту с Сашей. – Саша – А.С. Лямин. На 33-й версте от Москвы, в деревне Матвейково, Лямины снимали дачу.

17 **<августа>.**

...Ходил за «Нивой»... – «Нива» – популярный еженедельный иллюстрированный журнал, издававшийся в Петербурге с 1870.

21 **<августа>.**

...Взял моего Корнелия Непота. – Книга «О знаменитых иноземных полководцах» указанного автора. В русском переводе – «Избранные биографии» (несколько изданий) и «Биографии знаменитых полководцев» (Киев, 1883). В библиотеке Волошина сохранилась книга на латинском языке: Cornelii Nepotis. Vitae excellentium imperatorum. 5-е изд. (СПб.: И. Глазунов, 1888).

22 **<августа>.**

...«Таинс<твенный> *Остров»* – роман Жюля Верна (1875).

17 **<сентября>.**

Сегодня умер Гончаров. – Писатель скончался двумя днями ранее, 15 (27) сент. 1891.

21 **<сентября>.**

Написал оду на Сабанина ~ Сабанин злится... – См. стихотворение «На Н. С<абани>на» (Т. 2 наст. изд. С. 441).

8 **<ноября>**

...нравятся «Русалки» и «Карл Испанский»... – См. наст. том. С. 51.

8 **<декабря>.**

...«Николай Никльби» и... святочные рассказы. – Имеются в виду роман «Жизнь и приключения Николаса Никльби» (1839) и так называемые «Рождественские повести» Ч. Диккенса – «Рождественская песнь в прозе» (1843), «Колокола» (1844), «Сверчок за очагом» (1845), «Битва жизни» (1846), «Одержимый» (1848). В русском переводе: Святочные рассказы (СПб., 1875; 2-е изд. – СПб., 1886).

18 **<декабря>.**

Мама принесла... «Оливер Твист». – Роман Диккенса «Приключения Оливера Твиста» (1838).

21 **<декабря>.**

Начал читать «Домби и сын». – Роман Диккенса «Торговый дом “Домби и сын”» (1848).

22 **<декабря>.**

...Решили ∾ играть водевиль «Вытурил»... – «Вытурил». Шутка в одном действии Г.Н. Грессера и С.В. Чирикова.

26 **<декабря>.**

...Начал читать «Записки Пиквикского клуба». – Роман Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» (1837).

1892

2 **<января>.**

Начал писать поэму «Четыре времени года». ∾ Начало хорош<ее>. – Эта поэма (скорее, стихотворный цикл) так и не была окончена. «Началом» было стихотворение «Весна» («В первый раз ты на бал выезжаешь...»). Позднее были написаны «Лето» и «Осень». См. т. 2 наст. изд. С. 190, 206, 208.

4 **<января>.**

...«Всякому свое», комедию не знаю кого. – Эту комедию в 4-х действиях написал Г.Г. Казанцев. Пьесы были поставлены в январе 1892 в театре Корша, в бенефис Н.В. Светлова.

9 **<февраля>.**

Только что кончили делать операцию... – Волошин перенес операцию по удалению гланд.

17 **<марта>.**

Написал одно стихотворение... – Возможно, речь идет о стихотворении «Грустно ветер на улице воет...». Т. 2 наст. изд. С. 202.

22 **<марта>.**

...Говорили об нашем «Лете в деревне». Вспоминали Матвейкино... – Имеется в виду запись о лете 1891 «Лето в деревне» (сохранились главки 2–4). См. их далее (записи после 18 окт. 1892). Правиль-

ное название деревни – Матвейково. В 1890 ее население составляло 87 человек.

28 <марта>.

...Был на вербе. – Имеется в виду освящение в церкви веток вербы перед Вербным воскресеньем.

2 <апреля>.

...в соседнюю церковь на Долгоруковску<ю> *улицу.* – По-видимому, речь идет о церкви св. Николая в Новой Слободе (Долгоруковская ул., 23а).

4 <апреля>.

...к заутрене в Комиссар<овскую> *церковь.* – Имеется в виду церковь во имя св. Александра Невского (освящена 26 авг. 1871) при Комиссаровском техническом училище в Благовещенском переулке близ Тверской улицы.

6 <апреля>.

...при мне был Добржиаловский... – А.А. Добржияловский жил в доме Пичугина в Бережках.

11 <апреля>.

Кончил «Лето» ∾ начал «Осень» ∾ не хуже «Весны». – См. с. 509 наст. тома.

13 <апреля>.

...То было в давни времена... – Черновой автограф. В «Том II» вписано без даты и с разночтением в двух строках: *Как серна робкая дика / Стройна, пуглива и легка.* В Т. 2 наст. изд. С. 485 опубликовано по тексту этой записной книжки.

О боги! О люди! Душою болящей.... – Фрагмент, имеющий отношение к стихотворению «Испанская песня» (С. 22–23 наст. тома).

Толстой! на что ж это похоже... – Черновой автограф. Впервые – Труды и дни. С. 20. В «Том II» было вписано с разночтениями и без даты. В т. 2 наст. изд. напечатано по тексту этой записной книжки, с неверным указанием шифра в комментарии.

С своим Евангельем суется тоже... – Имеется в виду «Соединение, перевод и исследование четырех Евангелий» Л.Н. Толстого. В «Томе II» – с разночтениями и без даты.

Прими стихи от юного поэта... – Черновой набросок. В т. 2 наст. изд. не вошло.

<1892>

Календарь Вольфа для учащегося юношества.
1892/3.
Раздается бесплатно книжными магазинами Товарищества
М.О. Вольф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 448/III).
Подписной лист
Г. Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин
Ученик Московской I гимназии V параллельного класса
Кудринская Садовая д. Орлова кв. № 41 (против Элект. Выставки)
на получение без доставки бесплатно 4-го тома илл. издания полн.
собр. соч. Жюля Верна.

В календаре всего три дневниковых записи, сделанных в 1892. Архивную нумерацию имеют только 14 листов На л. 1 об. – 3 об. и 7–9 об. содержатся: список учеников 5-го класса Московской I гимназии, список преподавателей, расписание занятий в гимназии, отметки, адреса московских знакомых, список выдачи книг из личной библиотеки.

Список учебных пособий и руководств на весь учебный год.

Саллюстий. Югур<тинская> *война*. – Каким изданием пользовался гимназист Волошин, установить не удалось.

Ксенофонт. Анабазис.– В «Андабасисе» автор описал отступление греческих наемников через всю Малую Азию к Черному морю. Сочинение многократно переиздавалось в составе «Полного собрания сочинений Ксенофонта» и «Сочинений Ксенофонта» в переводе Г.А. Янчевецкого.

Овидий. Метаморфозы. – Пособия для чтения и изучения Овидия издавались многократно. P. Ovidii. Metamorphoses. М.: тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 1885–1886. Текст на латинском языке. В библиотеке Волошина в Коктебеле сохранилась книга: Ovide. Les Metamorfoses. Amsterdam; Leipzig: Arktée-Mercus, 1764.

Гомер. Одиссея. – В 1880-е поэма издавалась многократно, в том числе были специальные издания с объяснениями для учеников гимназий. В коктебельской библиотеке эта книга на французском языке, без даты выхода в свет на титульном листе.

Берте. Нем<ецкая> *хрестом*<атия>. – Издавалось многократно.

Книга лат<инских> *упр*<ажнений> *Павлик*<овского>. – Вероятно, речь идет об учебном пособии, составленном К.К. Павликовским и В.Д. Исаенковым: «Книга упражнений по латинскому синтаксису» (М.: Кн. маг. насл. бр. Салаевых), второе издание которой вышло в 1886.

Греч<еская> *грам*<матика> *Исаенкова.* – *Исаенков Владимир.* Учебник греческого синтаксиса для гимназий, По Wendt, Griechische Schulgrammatik и другим пособиям. М.: Издание книжного магазина В. Думнова, 1891. – 152 с.

Греч<еский> *словарь Вейсмана.* – «Греческо-русский словарь» А.Д. Вейсмана был удостоен Большой Петровской премии и выдержал несколько изданий.

3 августа.

Приехал к Лямин<*ым*>... – Дача Ляминых находилась в деревне Матвейково.

4 августа.

Было много народа... – 4 августа – день именин Волошина. *Бетт* – возможно, М.Ф. Беттихер.

<ДНЕВНИК 1892>

Дневниковые записи на отдельных листах, которые вырваны из тетради небольшого размера (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 433; 8 л., один – чистый). В архиве есть также копия этих дневниковых записей, выполненная на пишущей машинке Волошина (без заглавия, дата на л. 1 – 1892) с незначительной правкой фиолетовыми чернилами рукою неустановленного лица (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 434, л. 1–6). Впервые – *Волошин М.* «Средоточье всех путей...»: Избранные стихотворения и поэмы; Проза. Критика. Дневники. С. 476–482.

11 октября.

...поражение Аннибала при Заме. – Имеется в виду эпизод древней истории – сокрушительное поражение карфагенского полководца Ганнибала от римлян (202 до н. э.).

12 октября.

...роман вроде «Детства, отрочества и юности» Л. Толстого... – Автобиографическая трилогия писателя «Детство» (1852), «Отрочество» (1854), «Юность» (1857).

...Помяловский ∾ описывал бурсу... – Имеются в виду автобиографические «Очерки бурсы» (1862–1863).

Писателю. – Черновик текста – в записной книжке (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 450/I, л. 29), датирован 10 сентября 1892. В ученической тетради-2 без заглавия, без даты, с разночтениями. В «Томе II» – с заглавием, подзаголовком: «Писателю (На мотив Некрасова)» и датой 10 сентября 1892 (см.: Т. 2 наст. изд. С. 218). Написано в Матвейкове.

Из Барбье. – Черновик в записной книжке (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 450/I, л. 29 об.). В ученической тетради-2 с разночтениями, без даты. В «Томе II» (также с разночтениями) этот перевод датирован 15 сент. 1892.

Вперед! Сотрудники-друзья! – Черновик – в той же записной книжке, что и предыдущие два стихотворения, датирован ошибочно 1891 годом. В ученическую тетрадь-2 вписано с разночтениями. В «Томе II» – под заглавием «Сотрудникам», дата: 29 сентября 1892 г. Москва. Представляет собой вариацию на тему стихотворения А.Н. Плещеева «Вперед! без страха и сомненья...» (1846).

13 октября.

...жених Маргариты Павловны. – По-видимому, Л.В. Комарович.

14 октября.

...Экстемпорале – классная письменная работа (в гимназии) по переводу с родного языка на иностранный без предварительной подготовки.

...первую тетрадь моих стихотворений я дал читать... – Тетрадь стихотворений Волошина под номером I («Том I»; см. о ней с. 492 наст. тома).

***15 окт*<ября>.**

...крушение царского поезда праздновать. – Имеется в виду крушение поезда Александра III 17 окт. 1888 на Курско-Харьково-Азовской железной дороге, во время которого ни император, ни его семья не пострадали, что было расценено как чудо. На месте крушения был воздвигнут храм, а день этот отмечался как праздник.

16 октября.

...Забелин... оставил свой адрес. – В «Календаре Вольфа» (об этом источнике текста см. с. 505) Волошин записал его: «с 25 августа Воздвиженка, Шереметьевск<ий> пер. 27».

1886 г. ∾ 1892 г. – Ретроспективная хроника событий этих лет, составленная Волошиным.

1886 год – Первоначально было: 1885.

1887 год – Первоначально было: 1886.

...в первый класс к Поливанову. – Имеется в виду Московская частная гимназия Л.И. Поливанова.

Заказ 3692

Жили мы на казенной квартире. – Квартира Московско-Брестской железной дороги, где тогда служила Е.О. Кириенко-Волошина.

1889 год – ...приезжали Вяземские – семья О.П. и Е.Д. Вяземских, с тремя детьми: Любовью, Валентиной и Валерианом. *Тетя Лиза* – Е.О. Лямина.

1890 г. ...в Троекурове. – Там сохранились остатки старинной барской усадьбы: деревянный, на каменных сводчатых подвалах, господский дом, построенный в начале XIX в.; парк с большой липовой аллеей, арочным мостом и копаными прудами; своеобразная двухъярусная церковь, сооруженная в 1699–1706.

1892 г. ...на 33-й – Подразумевается: на 33-й версте от Москвы, т. е., в Матвейкове.

17 октября.

...m<ademois>*elle Немчинова.* – Возможно, Л.Н. Немчинова.

...возьму...1-й урок верховой езды. – Верховой ездой увлекалась мать Волошина, приучавшая к этому виду спорта и сына.

ДНЕВНИК М. ВОЛОШИНА. 1893 ГОД

Печатается по тексту, вписанному в тетрадь без обложки (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. 435). Бумага «в линейку», скреплена металлическими скрепками. На титульном листе (он же и первый лист):

Дневник М. Волошина
1893 год
С 21 февраля
М. Кириенко-Волошин

Впервые (записи от 21 февр. по 31 мая 1893): *Волошин М.* «Средоточье всех путей...»: Избранные стихотворения и поэмы; Проза. Критика. Дневники. С. 482–502. Последующие записи – Ювеналия.

В тетради много чистых листов. Есть рисунки тушью, в том числе наброски массива Карадаг и Коктебельской бухты. В архиве Волошина хранится также машинописная копия дневниковых записей, выполненная на его пишущей машинке (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 434, л. 7–24 об.).

Текст дополнен дневниковыми записями, сделанными Волошиным 29, 30 сент., 1, 2, 3 окт., 5, 6 и 7 дек. 1893, а также 9 янв. 1894. Они находятся в записной книжке на 1893/94 год (ИРЛИ, ф. 562,

оп. 1, ед. хр. 450/III), публикуются здесь в общем хронологическом ряду. Верхняя обложка этой записной книжки утрачена.

21 февраля.

«И, обходя ∾ сердца людей». – Заключительные строки стихотворения А.С. Пушкина «Пророк» (1826).

Вон Тургенев своего Якова Пасынкова... – Герой одноименной повести И.С. Тургенева (1855).

22 февраля.

Из стихотворений Жаренова более всего мне нравится «Памяти 60<-х>*годов».* – В начале октября 1893 Волошин целиком вписал это стихотворение в свой дневник (см. с. 94).

Он <М.В. Сакулин> *пошел к Труниным.* – Речь идет о семье П.В. Трунина, проживавшей на Большой Никитской улице в доме Вельтищевой.

23 февраля.

Видел свою «Свободу», помещенную в нашем журнале. – Очевидно, имеется в виду рукописный журнал, составленный соучениками Волошина по гимназии (он неизвестен). Текст стихотворения «Свобода» см. т. 2 наст. изд. С. 226–229.

Сам С.М. очень любил свою жену. – Рукой М.С. Волошиной приписано: «Измайлов».

...инженера Д-ен... – Примечание М.С. Волошиной: «Девальден».

С. Ремо – Сан-Ремо, климатический курорт на берегу Генуэзского залива в Италии.

28 февраля.

...поставить Колосова и Веретьева. – Герои повестей Тургенева, соответственно «Андрей Колосов» (1844) и «Затишье» (1854).

1 марта.

Я решил... продолжать свою поэму. ∾ Пролог уже написан. – Пролог к «Отрывкам из поэмы» («Грозно ветер в ущелье шумит и ревет...») был написан в 1892 «в гимназии, за латинским уроком» (Т. 2 наст. изд. С. 497).

Оно будет входить в состав поэмы. Вот оно... – В составе незаконченных «Отрывков из поэмы», позднее собранных автором вместе, этот текст имеет другую редакцию (см.: Т. 2 наст. изд. С. 498–499).

5 марта.

...«Базар житейской суеты» и сочинения Добролюбова. – «Базар житейской суеты» – заглавие романа У.М. Теккерея «Ярмарка тщеславия» («Vanity fair», 1848) в переводе И.И. Введенского (1850; отд. изд. – СПб., 1853). Сочинения Н.А. Добролюбова в тот период Волошин, видимо, брал в библиотеке; позднее у него появилось собственное собрание сочинений критика в 4 т. (СПб.: О.Н. Попова. 1896).

Вчера я читал «В небесах» Фламмариона. – Роман К. Фламмариона «В небесах (Урания)», вышедший в русском переводе Е.А. Предтеченского (СПб.: Ф. Павленков, 1891).

6 марта.

...статью о «Накануне» Тургенева... – Речь идет о статье «Когда же придет настоящий день?» (1860).

Прочел разбор «Униженных и оскорбленных». – Он выполнен Добролюбовым в статье «Забитые люди» (1861).

9 марта.

...«Notre Dame». – «Notre Dame de Paris» – роман Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери» (1831).

17 марта.

П<авел> *П*<авлович> *там около Феодосии купил вместе с мамой маленькое имение.* – Из дальнейшего видно, что П.П. Теш тогда только наметил покупку земли, о продаже которой узнал из объявления в одной из московских газет. М.С. Волошина считала, что это были «Московские Ведомости», но Е.О. Кириенко-Волошина выписывала обычно «Русские Ведомости». Пока такое объявление не обнаружено.

18 марта.

Всё это место называется Кок-Тэбэль. – Деревня Коктебель, вытянувшаяся вдоль дороги Феодосия – Судак, в одной версте от моря, была населена болгарами, переехавшими в Крым из Турции в начале XIX в. (сначала в Старый Крым и Кишлав). В 1896 в Коктебеле (на земле помещицы Тумановой) было 16 домохозяев, 125 жителей (70 мужчин, 55 женщин).

4 апреля.

...порядочно сведений о Коктебеле ∾ лучшего и желать нельзя. – Эти сведения почерпнуты, по-видимому, из «Путеводителя по Крыму» М. Сосногоровой и Г. Караулова, пятое издание которого (М., 1889) было переработано Н. Головкинским и К. Вернером: «Коктебельская долина хорошо защищена горами с севера и северо-востока <...>. Берег в Коктебеле усеян красивыми мелкими раковинами и камешками, которые так и называются "коктебельскими"; <...> сюда нарочно приезжают собирать их». Те же сведения (с повторением явно рекламной выдумки о «богатой растительности») сообщал «Практический путеводитель по Крыму» Анны Москвич (2-е изд. М., 1889).

12 апреля.

На Фоминой в гимназии был только в понедельник. – Фомина неделя – вторая неделя, следующая за Пасхой. Пасха в 1893 приходилась на 28 марта.

...был Андреевич... – По-видимому, П.П. Андриевич.

20 апреля. *Бровкин обещал маме достать для меня билет II класса.* – По-видимому, это обещание исходило от И.И. Бровкина, сослуживца Е.О. Кириенко-Волошиной по Московско-Брестской железной дороге.

...говорили ∾ об Куське. – Прозвище К. Павликовского.

21 апреля.

...будет видна вся долина и бухта. – П.П. Теш построил свой дом в отдалении от моря, на придорожной горке, которая позднее получила название «горки Теша». До наших дней здание не сохранилось.

23 апреля.

Ей еще надо получить денег от Таисы Максимовны... – Речь идет о сумме, полагающейся Волошину по дарственной от деда с бабушкой по отцовской линии. Е.О. Кириенко-Волошина вспоминала впоследствии (в письме сыну от 29 окт. 1915), что истребовала от сестры мужа 1600 р. «как мошеннически не доданные мне деньги по твоей дарств<енной> записи» (об этой дарственной см. также: Из лит. наследия-3. С. 111).

15 мая.

Психологическое общество. – Имеется в виду Московское Психологическое общество, основанное в 1884 при Московском университете профессором М.М. Троицким.

...академисты – т. е. педагоги и выпускники Академии художеств в Санкт-Петербурге.

1 сентября.

...читал биографию Надсона. – Биографический очерк «С.Я. Надсон» написала М.В. Ватсон, он публиковался в многочисленных изданиях. В 1891 Волошин написал стихотворение «На смерть Надсона». См. т. 2 наст. изд. С. 156.

29 сент<**ября**>**.**

И хочется дальше, туда на простор... – По-видимому, набросок стихотворения Волошина.

30 сент<**ября**>**.**

...«Клермонт<ский > *собор»* – поэма А.Н. Майкова (1853).

2 окт<**ября**>**.**

«Слушай» – стихотворение И.И. Гольц-Миллера «Слу-шай!» («Как дело измены, как совесть тирана...»); (1864), ставшее популярной революционной песней (музыка П.П. Сокальского).

...литерат<урная > *беседа о Рудине.* – Речь идет об одноименном романе Тургенева (1856).

3 окт<**ября**>**.**

...затащила к себе поэтесса. – Т. е. О.В. Яшерова.

Голобуцкий (неверное написание) – Ю.А. Галабутский – любимый учитель Волошина. Сотрудничал в журналах «Русская школа» (1900), «Исторический вестник» (1905). Сохранилось 37 его писем к Волошину.

«Памяти 60-х годов ∾ Д. Жаренов. – После этого стихотворения следует переписанное Волошиным стихотворение «Слу-шай!».

5 декабря.

...решил не участвовать в концерте и ехать домой... – Т. е. из Феодосии в Коктебель.

...отправился к директору... – Директором феодосийской гимназии был В.К. Виноградов.

«Чужое горе» – стихотворение А.К. Толстого.

Пуховская – возможно, С.Я. Пуховская.

9 декабря

...Почему в душе моей ∾ Это стихотворение я написал вчера ∾ неожиданно и непроизвольно... – Однако в «Томе-III» оно имеет дату: 28 ноября 1893 (см. т. 2 наст. изд. С. 247).

Вчера я купил... IV том Диккенса ∾ всё, что пока вышло из нового издания. – В библиотеке Волошина сохранилось несколько томов из Полного собрания сочинений Ч. Диккенса в 13 томах (46 книгах), вышедшего в Петербурге в 1909–1910 в издательстве П.П. Сойкина (без указания года). Судя по описи библиотеки в одной из записных книжек (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 448; зап. кн. № 40), Волошин имел также и ранее изданное 10-томное собрание сочинений Диккенса (СПб.: Ф. Павленков, 1892–1897). В четвертом томе этого издания (1893) помещены романы «Крошка Доррит» и «Большие ожидания».

...купил... Ломброзо. – По-видимому, это была одна из книг Чезаре Ломброзо, вышедших на русском языке в 1892, – «Гениальность и помешательство» или «Новейшие успехи науки о преступлениях».

Теперь у меня Дик<кенса> *5 томов ∾ «Наш общий друг».* – Этот роман Ч. Диккенса в собрании сочинений издания Ф. Павленкова входит в 5-й том (1893), вместе с «Оливером Твистом». В 1892–1893 вышли в свет первые пять томов этого издания: Т. 1 – «Давид Копперфильд младший»; Т. 2 – «Домби и сын»; Т. 3 – «Холодный дом» и «Повесть о двух городах».

10 декабря

...у Чернобаевых надоело мне страшно. – О тягостной обстановке в доме на Суворовской улице в Феодосии, где он квартировал, Волошин вспоминал позднее, 12 марта 1932 (см. наст. том. С. 362).

11 декабря

...объяснял ей <О.В. Яшеровой> *наши отношения. ...и в стихах... тоже.* – Волошин посвятил Яшеровой в октябре-ноябре 1893 четыре стихотворения. В последнем («На ваше грустное посланье...») он писал: «Люблю ли я? Давно тревожит / Вопрос мучительный меня. / Ответить ум на то не может, / А сердцу сам не верю я!» (Т. 2 наст. изд. С. 246).

13 декабря

...от Султановки до Насыпкоя... шел пешком... – Султановка – небольшая деревня в долине ручья Куру-Еланчик, километрах в шести от Коктебеля в сторону Феодосии.

Насыпкой – татарская деревня при слиянии дороги от Судака и Коктебеля с шоссе Симферополь – Феодосия. Волошин прошел пешком около пяти километров.

14 декабря

...вечером ⁓ пойти попозже к Воллк-Ланевским... – В этой феодосийской семье, жившей на Армянской улице (д. 5), увлекались музыкой и устраивали музыкальные вечера.

Воллк-Ланевская – одна из двух сестер (либо В.А., либо Е.А.).

15 декабря

...заходил к Пер. ⁓ с дочерьми я был знаком уже раньше. – Возможно, имеется в виду Георгий Ноэлевич Перион, ротмистр, учитель гимнастики в гимназии. Его жену звали Вера Николаевна. У них было два сына, а о дочерях, родившихся в этой семье, сведений нет. Возможен и Соломон Моисеевич Пегамент – помощник управляющего Азовско-Донским банком в Феодосии, но о его семье сведений не сохранилось.

1894 г.

9 января

Послал письмо в «Живопис<ное> *обозрен*<ие>*».* – Какие именно сочинения послал Волошин в редакцию журнала, неизвестно – на страницах «Живописного обозрения» они не появились.

Веч<ер> *сегодня у Воллк-Ланевск*<их>. – После этой записи идут стихотворения Волошина: «Грустно вьюга на улице вост...», «Душа моя в полночный час...», «Борьба стихий! Хаос вселенной...», «Теперь признанья и моленья...» (вариант «Лета»), «Осень» («За каплей капля – день за днем...»), «Вот промчалися годы. И много воды...» и др.

15 января

...Сегодня день рождения Леры Воллк-Ланевской ⁓ Стихотворение для этого случая приготовил. – Речь идет о стихотворении «Вам в день вашего рожденья...» с посвящением: «В.А. В<олл>к-Л<ане>вской (Т. 2. наст. изд. С. 253). К Лере Воллк-Ланевской, которая впоследствии стала женой его гимназического товарища В. Гауфлера, обращены или посвящены ей несколько юношеских стихотворений Волошина: «Спустя, быть может, много лет...» (30 мая 1895, на фотографии), «Quasi una fantasia»* («Мне часто грезится огромный светлый сад...») (2 июля 1895), «Молодость, молодость! В чем твоя сила?..» (1896, на фотографии), «Среди пошлых речей этих серых людей...» (20 октября 1896), «Над унылым грязным

* Почти фантазия (*ит.*).

городом...» (26 декабря 1896), «Если Вам когда-нибудь случалось...» (14 января 1897), «С этой детской простотою...» (15 января 1897). Три стихотворения, написанные Гауфлером по-немецки и посвященные В.А. Воллк-Ланевской, Волошин перевел в 1896 и вписал в «Том IV» перед стихотворением, посвященным самому Гауфлеру (л. 77–77 об.). См. также коммент. к стихотворению «Как звонкий звук трубы, разнесшись по лесам...» (Т. 2 наст. изд. С. 690).

16 января

...отправился к офицеру Абаджи-Кирикимчаеву. – Возможно, это был И.М. Абаджи, чья могила находится на феодосийском кладбище.

Он был в Болгарии во время войны 1877 года. – Имеется в виду Русско-турецкая война 1877–1878, вызванная подъемом национально-освободительного движения на Балканах; результатом ее стало освобождение от турецкого ига народов Балкан, а также Бессарабии, части Грузии, Армении и проч.

«Слава в вышних ∾ в человецех благоволение». – Евангелие от Луки, II, 14; слова эти входят в Великое славословие на всенощном бдении.

<Список выданных для чтения книг>

«Дав<ид> *Копперф*<ильд>*» I т.* – Здесь и ниже по списку указываются номера томов в Полном собрании сочинений Ч. Диккенса в издании Ф. Павленкова (см. выше, примеч. с датой: 9 декабря, с. 519).

Роман *«Наш общий друг»* помещен не в IV, а в V томе этого издания.

Гейне «Книга пес<ен>*» ∾ «Лютеция»...* – Какие именно издания этих книг немецкого поэта на русском языке были в то время в библиотеке Волошина, неясно.

Скабичев<ский>. – В библиотеке Волошина сохранился труд А.М. Скабичевского «История новейшей русской литературы. 1848–1892. Изд. 2-е» (СПб.: Ф. Павленков, 1893).

Шерр, I <том>. – В библиотеке Волошина сохранилась «Всеобщая история литературы. Изд. 3-е» И. Шерра том I и II (СПб.: О.И. Бакст, 1879 и 1880).

Теккерей, IV <том>... – Речь идет о кн.: *Теккерей В.* Собр. соч.: В 12 т. СПб.: Г.Ф. Пантелеев, 1895. Т. 4 («Мемуары Барри Линдона, эсквайра»; «Четыре Георга»).

Доде, III <том>. – Согласно описи волошинской библиотеки, у него было собрание сочинений А. Доде в 12 томах, изданное бр. Пантелеевыми в 1894–1895 (что позволяет датировать этот список – не ранее 1894). В 3-м томе – первые две части романа «Джек».

Ги<н>*дилевич* – по-видимому, В.К. Гергилевич или Г.К. Гергилевич.

Бертолотти – вероятно, книга А. Бертолотти.

Шиллер, III <том>. – В 3-й том полного собрания сочинений Ф. Шиллера (СПб.: Н.В. Гербель, 1893) входят его исторические и философские сочинения.

Махов – возможно, Я.А. Махов.

Доде, VII... – В т. 7 Собрания сочинений А. Доде (СПб.: бр. Пантелеевы, 1895) помещены романы «Тартарен из Тараскона», «Порт Тараскон» и рассказы.

«Физ<иология> *смеха» Спенсера.* – Брошюра Г. Спенсера под таким названием (СПб.: А.С. Суворин, 1881) сохранилась в библиотеке Волошина (ДМВ).

«Урания» Флам<м>*арио*<на>. – Под этим названием роман «В небесах» К. Фламмариона вышел в серии «Дешевая библиотека» (СПб.: А.С. Суворин, 1892).

<1897>

Последующие дневниковые записи сделаны на отдельных листах (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 436).

Впервые: *Волошин М.* Записные книжки / Сост., предисл. и примеч. В.П. Купченко. М.: Вагриус, 2000. С. 10–29.

27 апреля

...Будучи на Пасхе в Коктебеле... – В 1897 Пасха приходилась на 13 апреля.

Кадыгроб – супруги В.А. и А.А. Кадыгроб.

Петровы – семья А.М. Петровой.

«Они уже умерли оба и сами не знали о том». – Заключительные строки стихотворения Г. Гейне «Sie liebte sich beide, doch keiner...» («Они любили друг друга...») из «Книги песен» (1826) в переводе А. Фета.

28 апреля

...мы зашли к Мышкину, а я заходил к Юрию Андреев<ичу> *за Белинским.* – Скорее всего, речь идет о В.Д. Мышкине, сыне Д.В. Мышкина. К Ю.А. Галабутскому Волошин, очевидно, заходил, чтобы взять какую-то из книг В.Г. Белинского.

...неприятно, что приходится теперь жить втроем. Наша хозяйка поступила очень неделикатно. – С сентября 1896 Волошин квартировал вместе с А. Пешковским на квартире супругов Грищенко (Лазаретная ул., дом Костова). Позднее Е.П. Грищенко (хозяйка) подселила в их комнату Г. Кржижевского (чем оба были недовольны).

1 мая

Дуранте – разветвленный феодосийский род итальянского происхождения.

Крым – имеется в виду С.С. Крым, представитель многочисленного караимского рода банкиров и предпринимателей.

Соломос – семья А.А. и О.А. Соломос, жившая в Феодосии на Дворянской улице (1902). Соломосы владели имением Эссен-Эли под Старым Крымом.

...И входит он ∾ желанная пора. – Строки из «Демона» М.Ю. Лермонтова (ч. II, гл. VIII).

7 мая

...наступили «петровские» времена. – Имеется в виду период, когда Волошин и Пешковский квартировали у Петровых (снимая комнату у М.Л. Рафанович).

9 мая

Лельевр – феодосийская дворянская семья, потомки выходцев из Франции, четыре сестры и два брата.

...послать ∾ в округ. – Имеется в виду учебный округ.

11 мая

...путешествием в Иерусалим с Верой. – Скорее всего, речь идет о предполагавшемся участии Е.П. Грищенко в поездке в Иерусалим, предпринятой (или проектировавшейся) ее знакомой – В.М. Нич. Какие-либо конкретные сведения об этом событии (или его плане) не выявлены.

17 мая.

Инцидент со Спитковским по поводу направления Мантелевой работы ∾ ему решено поставить в аттестат 4 за поведение. – Видимо, речь идет об экзаменационной работе Л.Я. Мантеля. В чем состояло участие Спитковского в этом эпизоде, не установлено. Четверка по поведению закрывала выпускнику гимназии доступ в высшее учебное заведение.

...дом переполошился по поводу истерики Евген<ии> *Петр*<овны>. – Сведения об этой «истории» не выявлены.

«Flectere si nequeo superos, Acheronta movebo». – Слова Юноны из «Энеиды» Вергилия (VII, 312), сулящие Энею бедствия в Италии: «Если небесных богов не склоню, Ахеронт всколыхну я» (Энеида, VII, 312). *Ахеронт всколыхну* – т. е. приведу в движение силы преисподней.

18 мая.

...письмо к Алекс<андре> *Мих*<айловне>. – Его текст см.: Из лит. наследия-1. С. 14–18.

19 мая.

...Айв<азовский> ∾ *хотел поговорить* ∾ *относительно последней истории в вашей гимназии...* – И.К. Айвазовский был почетным попечителем мужской гимназии, принимал гимназические парады (в дни коронации) и вообще входил во все гимназические дела.

...об удалении... Галабутского ∾ *другие же подписали эту бумагу...* – Обстоятельства этого эпизода, ставшего причиной увольнения Ю.А. Галабутского из гимназии, не выявлены.

...никаких демонстраций против директора... – Директором мужской гимназии в это время был В.Ф. Гролих, сменивший скончавшегося в 1894 либерала В.К. Виноградова и вызывавший неприязнь гимназистов своим консерватизмом и формалистикой.

...я недавно беспокоил министра... – Имеется в виду И.Д. Делянов, лишивший университеты прежней автономии, закрывший высшие женские курсы и прием в гимназию выходцев из низших сословий.

...в Академии художеств был совершенно такой же случай с Куинджи. – За участие в студенческой забастовке (1897) А.И. Куинджи был заключен на два дня под домашний арест и отстранен от профессорства, после чего покинул Академию.

11 сентября.

Получил ∾ *письмо от Алекс*<андры> *Мих*<айловны>. – Запись сделана в Москве, где Волошин находился с 23 авг. 1897, поступив на юридический факультет Московского университета. В письме А.М. Петровой (от 6–8 сент. 1897 // ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950), в частности, сообщалось об отъезде Ю.А. Галабутского из Феодосии в Керчь, где он поступил на службу в тамошней гимназии.

<ДНЕВНИК 1900>

Дневниковые записи в записной книжке Волошина (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 437). Впервые опубликованы (не в полном объеме) в кн.: Из лит. наследия-1. С. 235–237, 250–253, 258, 263, 273, 278–279 / Публ. А.В. Лаврова.

Записи, сделанные с 27 мая / 9 июня по 20 июля / 2 августа 1900, отражают впечатления Волошина от заграничного путешествия, предпринятого им совместно с Л.В. Кандауровым, В.П. Ишеевым и А.В. Смирновым.

27 мая

Варшава. – Ошибка в дате: 27 мая путешественники выехали из Москвы. В этот день в «Журнале путешествия» появилась первая запись. В Варшаву они прибыли 28 мая.

Выставка. – В. Ишеев записал в «Журнале путешествия»: «Зашли на картинную выставку, куда привлекло нас объявление о гравюрах Клингера» (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 9).

29 мая.

Переезд через границу. – Ср. подробную запись Л. Кандаурова в «Журнале путешествия» (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 11–12).

29 мая.

Вена. Собор св. Стефана – центральный собор в Вене, образец австрийской архитектуры готической эпохи; строился с XII по XV в.

...верить в него, как Шатобриан. – В трактате Франсуа Рене де Шатобриана «Гений христианства» (1802) характеристике готических соборов посвящена специальная глава (ч. III, кн.I, гл. 8). См.: Эстетика раннего французского романтизма. М.: Искусство, 1982. С. 188–190.

Толпа расходится... – Эта запись послужила основой для одного из фрагментов первого очерка из цикла «Листки из записной книжки» (1901), посвященного собору св. Стефана (см. т. 5 наст. изд. С. 323–324).

«Весенняя сказка» – картина немецкого художника Габриеля Корнелиуса фон Макса (1840–1915).

Шёнбрунн – парк (1705–1706) в юго-западной части Вены с дворцом в стиле барокко.

13 июня.

...Дунай. – Запись сделана во время путешествия на пароходе вверх по Дунаю, от Вены к Линцу, послужила исходным материалом для фрагмента в «Листках из записной книжки» (Т. 5, наст. изд. С. 326–327).

Свежий ветер. Утро. Рано. – Черновой текст стихотворения, напечатанного в «Листках из записной книжки» (Там же). В «Журнале путешествия» – под заглавием «На Дунае» (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 14–15; ср.: Т. 2 наст. изд. С. 374).

15 ию<ня>.

Мюнхен. Сецессион. – Подробно о пребывании в Мюнхене, посещении художественной выставки «International “Sezession”» и упоминаемых ниже живописных полотнах см. в «Журнале путешествия» (запись Л.В. Кандаурова от 2/15 июня // Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 18–19), а также в «Листках из записной книжки» (Т. 5 наст. изд. С. 330–336).

Принц Луитпольд Баварский. – С принцем Карлом-Иосифом-Вильгельмом Луитпольдом, регентом Баварии с 1886, Волошин и его спутники случайно встретились на выставке «Сецессиона». Волошин описал принца-регента в «Листках из записной книжки» (Т. 5 наст. изд. С. 332).

16 июня.

Новая Пинакотека. – Мюнхенский художественный музей (Neue Pinakoteck), экспонирующий европейскую живопись и скульптуру конца XVII – начала XX в. Ср. запись Волошина о посещении Новой Пинакотеки в «Журнале путешествия» (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 21–22).

17 июня.

Обер-Аммергау. Мистерии. – Обер-Аммергау – селение в Верхней Баварии, всемирно известное проводившимися там представлениями Страстей Христовых. Волошин побывал в селении 4–5/17–18 июня 1900, свои впечатления об этом он описал в очерке «В Обер-Аммергау» (1900; Т. 5 наст. изд. С. 288–299); см. также запись Л.В. Кандаурова в «Журнале путешествия» от 5/18 июня 1900 (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 25).

28 июня.

Бормио – итальянский городок в Альпах (1225 м над уровнем моря), ближайший к границе трех государств – Италии, Швейцарии и Австро-Венгрии. 13/26 июня 1900 Волошин сообщал матери: «Вче-

ра мы перешли через Стельвио (Stilfser-Joch) высочайшую дорогу в Европе (около 3-х верст высоты) и теперь находимся в итальянском городке Бормио, где реши<ли> отдохнуть день после этого гигантского перевала (40 кило<метров> длин<ой> с подъемом на три версты в один день)» (Из лит. наследия-3. С. 213).

...отправился на Комо. – Ср. запись Л. Кандаурова в «Журнале путешествия» от 14/27 июня 1900 (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 38). «Нога у меня, верно, заболела от переутомления – вспухло Ахиллесово сухожилие и было, верно, небольшое воспаление, которое очень быстро прошло от усердной смазки иодом и семидневного отдыха в Милане», – сообщал Волошин матери из Рима 2/15 июля 1900 (Из лит. наследия-3. С. 218).

В типе жителей мало итальянского. – Ср. запись о Бормио В. Ишеева в «Журнале путешествия» от 13/26 июня (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 37). Волошин описал Бормио также в «Листках из записной книжки» (Т. 5 наст. изд. С. 351–352).

...в ...дилижансе, напоминавшем мне Гейне и Андерсена... – См. характеристики путешествия в дилижансе или почтовой карете в «Путевых картинах» Гейне (ч. III, Италия. Путешествие от Мюнхена до Генуи», гл. XXVII; 1829) (*Гейне Г.* Собр. соч.: В 10 т. <Л.>: Гослитиздат, 1957. С. 214–215) и путевых очерках Х.К. Андерсена «Базар поэта» (1840): «Путешествие утрачивает всякую поэзию, когда сидишь закованным в узкий дилижанс или почтовую карету, трясясь до отупения, глотая пыль и умирая от жары в самое лучшее время года, или от холода и бездорожицы зимою» (*Андерсен.* Собр. соч.: В 4 т. СПб., 1894. Т. 3. С. 368).

Тирано – городок на границе Италии и Швейцарии.

Сондрио – главный городок приальпийской долины Valtellina, образуемой течением реки Адда (в начале XX в. – 4400 жителей).

Колико – городок в 40 км от Сондрио, на северо-восточном берегу озера Комо. Ср. запись В. Ишеева в «Журнале путешествия» от 18 июня / 1 июля (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 41).

Утром по Комо. – 16/29 июня Волошин сообщал матери из Милана: Сегодня утром я проехал через все Камо на пароходе. Самое красивое – это берега от Белляджио до Комо <...> (Из лит. наследия-3. С. 215).

В Милане... собор вечером. – Миланский собор, строившийся с 1386, является наиболее знаменитым готическим собором Италии (освящен в 1577; строительство окончательно завершено только в 1856).

30 июня.

Кампо-Санто. – Имеется в виду миланское кладбище Cimitero monumentale, отрытое в 1866; его надгробия образуют своего рода музей новейшей скульптуры.

«Margerita... paradiso...» – Фотография надгробия девочки Маргариты сохранилась в ДМВ.

...башен Чертозы. – Чертоза (Certosa di Pavia) – монастырь близ Павии, основанный в 1396; памятник раннего итальянского Возрождения.

1 июля.

Cenacolo Vinciano. – Фреска Леонардо да Винчи «Тайная вечеря» («Cenacolo Vinciano», 1495–1497) на одной из стен трапезной миланского доминиканского монастыря Санта-Мария делле Грацие. Ср. строки из стихотворения «В серо-сиреневом вечере...» (2 июля 1905) «В сердце сияние “Вечери” / Леонардо да Винчи» (Т. 1 наст. изд. С. 26).

Бонифачио, Нахождение Моисея... – Картина венецианского художника Бонифачо де Питати в миланской картинной галерее, основанной в 1809 во дворце Брера (Palazzo di Brera, XVI–XVII вв.). «Нахождение Моисея» – картина на библейский сюжет: младенец Моисей, оставленный матерью в корзине на берегу реки, найден дочерью фараона и усыновлен ею (Исход, II, 1–10).

...Аглая в «Идиоте». – Одна из героинь романа Ф.М. Достоевского «Идиот» (1867–1868).

2 июля.

...никто не знает... ее теперешней фамилии... – Ада Негри – итальянская поэтесса, широко известная в 1890-е – в 1896 вышла замуж за промышленника Дж. Гарланда, после чего социальная направленность, характерная для ее раннего творчества, уступила место преимущественно личным мотивам. На рубеже веков имя Ады Негри приобрело популярность в России. См.: *Ватсон М.* Ада Негри. Критико-биографический очерк. СПб., 1899 (2-е изд. – 1903); Борьба и любовь. Жизнь и произведения А. Негри. М., 1900; *Негри А.* Стихотворения. Вып. I. М., 1900, и др.

8 июля.

Собор в Пизе. – Волошин и Л.В. Кандауров приехали в Пизу вечером 24 июня / 7 июля. Знаменитый пизанский собор был построен в XI–XII вв. в тосканско-романском стиле (архитекторы Бускето и Райнальдо), освящен в 1118.

...Галилей определил свои закон<ы> *маятника.* – Одно из первых научных открытий ученого: будучи студентом (в 1581 Галилей семнадцатилетним юношей поступил в Пизанский университет), он обосновал изохронность качаний маятника. История открытия рассказана старейшим биографом Галилея Вивиани; это жизнеописание цитируется в «Истории физики» Н.А. Любимова: «Благодаря, – говорит Вивиани (ор. XV, 332), – остроте своего ума, он изобрел простейший и верный способ измерения времени с помощью маятника, никем прежде не усмотренный. Для сего воспользовался случайным наблюдением качаний люстры (lampada), когда находился в Пизанском соборе, сделал точный опыт, убедился в равной продолжительности колебаний, и ему тогда же пришла мысль приспособить ее в медицине для измерения биений пульса, к удивлению и восторгу врачей и в том виде, как это и ныне употребляется. Этим открытием он потом пользовался во многих опытах для измерения времени и движений и первый применил его к наблюдению небесных тел, чем достиг небывалых результатов в астрономии и географии» (*Любимов Н.А.* История изучения логики открытий в их истории. СПб., 1896. Ч. 3. С. 10–11).

9 июля.

Уффици. – В записи указаны работы, экспонирующиеся в палаццо Уффици (1560–1585; архитекторы Дж. Вазари и Б. Буонталенти) – одном из лучших в мире собраний живописи итальянской и других школ. «Голова Медузы» (приписываемая Леонардо да Винчи), «Мадонна с гарпиями» Андреа дель Сарто и «Задыхающаяся Сусанна» Гвидо Рени отмечены в «Журнале путешествия» В.П. Ишеевым в записи за этот день; в дополнении к ней Волошин охарактеризовал «Снятие с креста» Джиотино («Оплакивание»; ныне приписывается флорентийскому живописцу XIV в. Мазо ди Банко. См. т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 56–57).

10 июля.

...Бронзового Кабана ∾ стоящего в Уффициях. – Ср. запись, сделанную в этот день в «Журнале путешествия» Л.В. Кандауровым (Там же. С. 58). Сказка Андерсена «Бронзовый кабан» (1842) начинается словами: «Во Флоренции неподалеку от пьяцца дель Грандука есть переулочек под названием, если не запамятовал, Порта-Росса. Там перед овощным ларьком стоит бронзовый кабан отличной работы. Из пасти струится свежая, чистая вода. А сам он от старости позеленел дочерна, только морда блестит, как полированная» (*Андерсен Х.К.* Сказки. Истории. М.: Худож. литература, 1973. С. 136. Пер. П. Карпа).

Заказ 3692

Бронзовый кабан – копия с античного подлинника, выполненного в мраморе и стоящего у входа в галерею Уффици.

Viale dei Colli – дорога, протяженностью более 5,5 км, опоясывающая Флоренцию.

Зданье Синиории ∾ типично для Флоренции. – Палаццо делла Синьория (Палаццо Веккьо) на главной площади Флоренции построено в основном в 1298–1314 по планам Арнольфо ди Камбио, расширено и достроено в XV–XVI вв. Флорентийский живописец и архитектор Джорджо Вазари руководил перестройкой палаццо Веккьо в 1554–1569.

Санта Кроче – готический храм-усыпальница великих граждан Флоренции, – строившийся с 1294 Арнольфо ди Камбио для францисканцев, закончен после 1383. Ср. запись Л.В. Кандаурова в «Журнале путешествия», сделанную в тот же день (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 59).

15 июля.

...развалинам Форума. – Волошин и его спутники осмотрели Форум в этот день. Ср. запись В. Ишеева в «Журнале путешествия» (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 69–70).

Campo Vassino («коровье поле») – название, полученное заброшенным Форумом в Средние века и сохранявшееся за ним до конца XVIII в. (1788 – начало археологических раскопок Форума).

Тихо и Форум молчит... – Черновой автограф стихотворения «На Форуме» («Арка, разбитый карниз...»). Его беловой текст в тот же день записан Волошиным в «Журнал путешествия» (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С 70–71. Ср.: Т. 1 наст. изд. С. 20).

Спит великан Колизей... – Черновой автограф стихотворения «Ночь в Колизее» («Спит великан Колизей...»). Его беловой текст в тот же день записан Волошиным в «Журнал путешествия» (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 71. Ср.: Т. 2 наст. изд. С. 458).

19 июля.

Вилла д'Эсте. – Запись ошибочно датирована Волошиным 18 июля. 5/18 июля он и его спутники странствовали по Риму: посещали Пантеон и церковь S. Maria Sopra Minerva. На следующий день они ездили в Тиволи (латинское название – Тибур) – город в 39 км от Рима, известный с IV в. до н.э. См. запись от 6/19 июля Л. Кандаурова, В. Ишеева и М. Волошина в «Журнале путешествия» (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 78–82). Вилла д'Эсте в Тиволи (1550–1572) построена архитектором Пирро Лигорио (ок. 1510–1583), представителем маньеризма, для кардинала Ипполито д'Эсте. Известна своим живо-

писным положением и парком. К концу XIX в. вилла находилась в сильно запущенном состоянии.

Кибела – фригийская богиня материнской силы и плодородия.

Вилла Адриана. – Руины виллы императора Публия Элия Адриана (годы правления 117–138) близ Тиволи; вилла строилась в 125–135.

...стройная фигура Антиноя... – Антиной (ум. 130) – прекрасный юноша, любимец и постоянный спутник императора Адриана, погибший в водах Нила. После его смерти Адриан создал своего рода культ Антиноя, воздвигнув ему множество статуй и алтарей.

Могила Шелли ∾ Cor cordium. – Приводится надпись на могиле Перси Биши Шелли в Риме (протестантское кладбище рядом с пирамидой Цестия). Надпись включает цитату из драмы Шекспира «Буря» (акт I, сцена 2; песня Ариэля. В переводе Мих. Донского: «Он не исчезнет, будет он / Лишь в дивной форме воплощен»). Cor cordium (*лат.)* – сердце из сердец.

29 июля.

Вчера: Помпеи и Везувий. – О посещении Помпей и восхождении на Везувий 15/28 июля см. запись Л.В. Кандаурова в «Журнале путешествия» за этот день (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 97–98), а также письмо Волошина к матери из Салерно от 15/28 июля (Из лит. наследия-3. С. 225).

2 августа.

Вершина Акрокоринфа. – Акрокоринф – скалистый холм (высотой 575 м), на северном подножии которого находился акрополь Коринфа (сохранились руины VI и IV вв. до н.э.) – важнейшего торгового города древней Греции, расположенного на перешейке между Коринфским и Сароническим заливами. Ср. запись В. Ишеева в «Журнале путешествия» за этот день (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 104–105).

...силуэты Геликона. – Геликон – лесистая гора в Беотии, посвященная Аполлону и музам.

17 августа.

Певицы против Косцюшко. – Запись рассказа дачевладелиц Л.Н. Бажсновой и С.Г. Поповой (они были совладелицами дачи «Отрада» в Коктебеле), которая, возможно, послужила заготовкой для письма-жалобы «певиц» на коктебельского землевладельца П.К. Косцюшко в местные органы власти. 8 июля 1901 Е.О. Кириенко-Волошина, строившая тогда свой первый дом и флигель, напи-

сала сыну: «...оба домика стоят гораздо ближе к морю, чем певицы, и говорят, что эти самые певицы уже наняли адвоката, чтобы затеять со мной суд, т<ак> к<ак> купленная мною у Юнге земля принадлежит им; мне это что-то не верится» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 648, л. 50 об.).

<Сентябрь>

Черновик письма в Московское Охранное отделение при канцелярии г-на Обер-полицмейстера. Отправленный вариант – с почтовым штемпелем на конверте: 30. IX. 1900 (ГАРФ, ф. 63, оп. 10, ед. хр. 339/99, л. 76).

13 сентября 1900.

...Пароход «Князь Барятинский». – В этот день вечером Волошин вместе с В.О. Вяземским отплыл из Баку в Красноводск. Из письма Волошина к Я.А. Глотову: «...около полудня вдали показался берег Красноводска, голые холмы и мертвая пустыня, подступившая к самому Каспийскому морю» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 29, л. 23). Ср. письмо Волошина к матери от 13 сент. 1900 (Из лит. наследия-3. С. 226).

Пустыня и солнце ∾ поэзией дикой. – Черновой набросок начала ненаписанного стихотворения.

***15 сент*<ября>.**

...Геок-Тепе – железнодорожная станция в 45 км к северо-западу от Ашхабада. 18 сентября Волошин писал Я.А. Глотову: «Поезд остановился в виду невысоких, тонких глинобитных полуразрушенных стен, развеваемых ветром. Рядом небольшое здание музея. На станции громкое имя "Геок-Тепе". И это стены "неприступной крепости"! Это взятие такой-то "твердыни" составляет "блестящую страницу русской истории"? В музее рядом с русскими берданками в виде глубочайшей иронии выставлены наивные кремневые ружья защитников Геок-Тепе» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3. ед. хр. 29, л. 23).

И вот я свободен ∾ пустыня немая. – Черновой набросок стихотворения, над которым Волошин продолжил работу в 1901 (см. т. 2 наст. изд. С. 520–521).

12 октября.

Лагерь над Сыр-Дарьей. – В архиве Волошина (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 165, л. 1) сохранился относящийся ко времени пребывания на берегу Сыр-Дарьи дневниковый набросок:

«Наш лагерь стоит на высоком холме. На востоке серебряными излучинами убегает к северу Сыр-Дарья. Сзади невысокие синие,

синие горы и бесконечная красновато-бурая степь, поросшая сухой травой и колючим бурьяном. Теперь в лагере всё тихо – все ушли на работу. Слышно только, как стелется по траве степной ветер, и чуть слышно поет сухой, звонкий джюсан – степная трава.

Степь, степь, степь без конца – это все, что мы видели, начиная с первого октября, то есть с нашего отъезда из Ташкента. Но сколько разных оттенков степи. Вот несколько моментов, особенно ярко сохранившихся.

Почтовая станция между Ташкентом и Туркестаном. Белое, грязное здание. Кучи навоза. Пыльная дорога. Перед деревянным крыльцом наш запыленный экипаж с парусиновым верхом. Перепрягают лошадей. Над унылой серсющей степью, обожженной солнцем, навис неподвижный палящий жар. На горизонте громадной ледяной стеной встают горы. Когда глядишь на них, то кажется, что оттуда веет холодом.

Вечер. Вся степь пламенеет под красными лучами заката. В трещинах гор легли густые сине-фиолетовые тени. Эти же тени ползут по дороге и тянутся длинными языками по огненным полянам степи. Выше на горах сине-розовые дымчатые тени, переходящие в шелковисто белые переливы снега».

...История Европейского романа Боборыкина... – Книга П.Д. Боборыкина «Европейский роман в XIX столетии. Роман на Западе за две трети века» (СПб., 1900) сохранилась в библиотеке Волошина в Коктебеле.

«В Италию!» громко звенело в ушах ∾ Мохнатые старые ели. – Черновой набросок к стихотворению «Под небом Италии вы рождены...» (Т. 2 наст. изд. С. 520–521; ср.: Т. 5 наст. изд. С. 345). Последующие стихотворные черновые наброски также навеяны впечатлениями от путешествия по Европе летом 1900. Ср.: Из лит. наследия-1. С. 226–227.

...На высотах познанья очень одиноко / И холодно. – Эти слова, произнесенные, согласно свидетельству Волошина (в набросках статьи о «Потонувшем колоколе» Г. Гауптмана), И.Х. Озеровым на одной из лекций, впоследствии включены в статью «Одилон Рэдон» (1904; см. т. 5 наст. изд. С. 397–399).

[Развалины замка... запущенный сад] ∾ [Театр, библиотеки, бани]. – Черновой вариант незаконченного стихотворения «Отрывок о Тиволи» (Т. 2 наст. изд. С. 518–519). Беловой автограф Волошин послал Я.А. Глотову в письме от 20 янв. 1901 (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 29).

Далее следует текст стихотворения «Душно в городе! Как только...» (см.: Т. 2 наст. изд. С. 459; т. 5 наст. изд. С. 322–323), а также выписки из неустановленных источников, списки книг, адреса знакомых.

<ДНЕВНИК 1901>

Записная книжка-альбомчик, которую Волошин начал заполнять черновиками стихотворений, дневниковыми записями и рисунками с самого первого дня путешествия, предпринятого им вместе с Е.С. Кругликовой, Е.Н. Давиденко и А.А. Киселевым летом 1901 (ИРЛИ, ф. 562, оп. 2, ед. хр. 3). 18 мая Волошин писал А.М. Пешковскому: «В конце июня я собираюсь в Пиренеи, в республику Андорру, которая меня окончательно покорила тем, что об ней решительно нигде и ничего не написано. Я туда собираюсь с несколькими художниками, и мы предполагаем составить целое литературно-художественное описание этой неизвестной еще в Европе страны» (См. статьи Волошина «Андорра» и «По глухим местам Испании. Вальдемоза». Т. 6, кн. 2 наст. изд.).

Кругликова вспоминала: «В первое же лето Макс уговаривает нас совершить путешествие пешком в Испанию и посетить Балеарские острова (Майорку). Его необыкновенная энергия заставляет меня согласиться, несмотря на то, что я вовсе не люблю ни гор, ни пешего хождения. Появляются географические карты, Бедекеры, составляется маршрут. По системе Макса готовятся костюмы: какие-то необыкновенные кофты из непромокаемой материи с множеством карманов для альбомов, красок, кистей и карандашей, рюкзаки, сапоги на гвоздях, велосипедные шаровары, береты... Когда мы нарядились чучелами вроде Тартарена, то оказалось, что не только пешком нельзя двинуться, но в вагон едва влезешь. Отступать поздно. Билеты взяты...» (*Кругликова Е.* Из воспоминаний о Максе Волошине // Воспоминания. С. 89. Ср.: Елизавета Сергеевна Кругликова. Жизнь и творчество. Л.: Художник РСФСР, 1969. С. 46).

С 25 мая (7 июня) по 9 (22) июля путешественники побывали в Пиренеях, в республике Андорра, на острове Майорка в Средиземном море, в испанских городах Барселона, Валенсия, Аликанте, Малага, Севилья, Кордова, Толедо, Мадрид.

25 мая (7 июня)

Снова дорога... и с силой магической... – Черновой автограф стихотворения «В вагоне» (Т. 1 наст. изд. С. 13–14). Кругликова вспоминала: «Жаль, что наш общий дневник остался в Париже и пропал <...>. В него мы должны были ежедневно по очереди вписывать или врисовывать впечатления дня путешествия. Макс начал его в первую же ночь стихотворением “В вагоне”. Мы вместе слушали, как “...стучит это: ти-та-та... та-та-та... [та-та-та...] ти-та-та...” (Воспоминания. С. 90). Первый подход к этой теме в творчестве Волоши-

на – стихотворение в прозе «Железная дорога» (12 нояб. 1891; Т. 2 наст. изд. С. 186–187). «Раздастся свисток, поезд трогается – и опять всё сливается в мерном, усыпляющем шуме колес». В очерках «Листки из записной книжки» (1901) Волошин писал о «свистке русского паровоза»: «В нем есть художественность, настроение... Ведь в нем так и слышится бесконечная унылая степь, косой дождик, бьющий в скользкие стены вагонов, огоньки затерянной в глуши станции и еще тысячи верст путешествия впереди...» (Т. 5 наст. изд. С. 330).

Поздно утром в час по<л>дневный... – Шуточное стихотворение (пародия на «Ворона» Эдгара Аллана По) о приготовлениях к путешествию написано в ночь отъезда. На самом деле это было утро следующего дня, когда Волошин и его спутники приехали в Тулузу, а затем отправились к замку Fois (Т. 2 наст. изд. С. 460–461).

Белка – Е.С. Кругликова.

Календа – собств. первый день месяца (*др.-римск.).*

Fois – железнодорожная станция Фуа к югу от Тулузы, с одноименным старинным замком.

Замок Гастона Фуа – речь идет о развалинах замка на высокой скале вблизи города Фуа (Fois) одного из представителей известного графского рода Франции графа Гастона III, который носил за свою красоту кличку «Феб». На л. 9 – рисунок (черными чернилами) Волошина замка с изображением на возвышенности и подпись автора: «Замок Гастона Фуа. Fois 7 июня».

26 мая (8 июня)

Запись датирована ошибочно: 7 июня 1901 г. В этот день путешественники из Тараскона отправились пешком к предгорьям восточных Пиренеев и к вечеру пришли в деревушку Марк.

Без крючков, гвоздей и палок... – Первые восемь строк шуточного стихотворения были написаны первоначально в его конце, но Волошин отметил их цифрой I, обозначив таким образом начало стихотворения, а рядом со строкой «Лизавета Николавна...» написал цифру II. В т. 2 наст. изд. стихотворение опубликовано в первоначальной последовательности, начиная со II фрагмента (С. 462).

Лизавета Николавна – Е.Н. Давиденко. Ср. описание перехода через Пиренеи в очерке Е.С. Кругликовой «Андорра»: «Начались горы. Не доверяя Максу, я сказала, что возьму проводника – не могу такой багаж тащить на себе, я не верблюд и не осел! И легла на землю. Макс взял мой рюкзак, прицепил на одно плечо, взял еще в зубы что-то» (Елизавета Сергеевна Кругликова. Жизнь и творчество. С. 47).

В небе ходят тучи алые... – В Т. 2 наст. изд. не вошло.

Викдессос – городок близ Тараскона.

<27 мая (9 июня)?>

Брезжит. Утро. Мгла в ущелье... – В т. 2 наст. изд. не вошло: незаконченный набросок не датирован.

28 мая (10 июня)

Коринтацо – селение в Пиренеях.

Марк – деревня в Пиренеях. О поисках пристанища для ночлега в этой деревне Волошин подробно рассказал в незаконченной статье «Андорра» (Т. 6, кн. 2 наст. изд.).

Позавчера ночевали в Марке на сеновале. – Е.С. Кругликова вспоминает: «Когда мы очутились на дороге к Пиренеям и шли по ровному пути, это можно было вынести, но когда нужно было где-нибудь переночевать, мы не знали, что делать: никакого жилья! Наконец в каком-то местечке нашли приют. Люди боятся пускать к себе, боятся разбойников и хулиганов. И нам пришлось обойти все дома, пока кто-то не смилостивился и не пустил нас переночевать. Я говорила по-французски, Макс кусочками по-французски, по-русски и по-латыни. И меня выставляли вперед – я должна была быть переводчиком с языков, которых не знала» (Елизавета Сергеевна Кругликова. С. 46).

Контрабандисты. – Кругликова вспоминает: «Вдруг видим: какие-то люди. Наши "бесстрашные" кавалеры толкают меня вперед: "Разбойники, идите вперед!" Но "разбойники" тоже испугались не меньше нашего. Их было двое. Мы подошли к ним, а они спрашивают: "Вы контрабандисты?" – "Нет, – отвечаем, – путешественники". Они увидели, что мы не страшные, стали предлагать нам сигары» (Елизавета Сергеевна Кругликова. С. 47).

Ночевка в Серрате. – Эль Серрат (El Serrat) – селение в Андорре, близ ее северной границы.

Андорра – карликовое государство в восточных Пиренеях между французским департаментом Арьеж и Каталонией площадью около 500 кв. км. Начав спуск в долину Андорры накануне, в этот день путешественники пришли в столицу республики Андорра и посетили президента совета. Кругликова вспоминает: «Спустились к Андорре. Это долина, где поместилось несколько домов, может быть штук 30, очень живописная местность. Мы вошли туда и стали спрашивать: где президент? Макс бегал по всем домам и выяснил, что этот президент, оказывается, трактирщик.

Президент живет не в столице, а в соседнем городе, полверсты выше по долине. Как и президент Соединенных штатов, он живет в белом доме.

Только андоррский белый дом – это просто трактир. Жена президента стоит за стойкой и продает вино. Сам президент г. Жозеф

Кальда... (правильно: Кальва. – *Ред.*) обладает удивительными бархатными панталонами, заштопанными со всех сторон, великолепным оливковым носом, бритыми испанскими скулами и маленькими быстрыми глазками» (Елизавета Сергеевна Кругликова. С. 47).

Тангейзер. – Видимо, первоначальная фиксация замысла одноименного стихотворения (опубликованного с пометой: «1901. Андорра»; см. т. 1 наст. изд. С. 18, 439).

29 мая (11 июня)

Чем всё выше, тем всё диче... – Черновой набросок карандашом к стихотворению «Под небом Италии вы рождены...» (см. т. 2 наст. изд. С. 520–521).

Monte d'Estata – горная вершина в Пиренеях (2912 м).

Утром в сене сон был сладок... – В т. 2 наст. изд. не вошло.

В гостях у президента республики... – В этот же день (визит состоялся накануне) в письме к А.М. Петровой Волошин нарисовал портрет президента Андорры, Жозефа Кальва, «господина с коричневым носом, обритыми по-испански усами и бородой и с огромными разноцветными заплатами на различных частях туалета»; «Надо прибавить, что он же местный трактирщик» (Из лит. наследия-1. С. 131).

...высокий человек... – По словам Кругликовой, – доктор, на котором «был белый крахмальный воротничок. Единственный крахмальный воротничок во всем государстве!» (Елизавета Сергеевна Кругликова. С. 47).

...было <о>*сновано Кар*<лом> *Вел*<иким>... – Т. е. в VIII в. Первое упоминание Андорры – в 805 в документах Урхельского епископата (Испания).

Войска у нас нет. – В Андорре существовала всеобщая воинская повинность для мужчин от 16 до 60 лет.

Узнать о наказании и о тюрьме. – Ср. свидетельство Кругликовой: «Президент пригласил осмотреть ратушу, где находилась самая замечательная вещь – гильотина, никогда не бывшая в употреблении» (Елизавета Сергеевна Кругликова. С. 48), но сохраняемая «для устрашения» (Воспоминания. С. 90).

Путешественники посетили также школу и секретаря Государственного совета: «Сегодня отправляюсь с визитом к секретарю Республики, который даст мне разные сведения, из которых я хочу составить статью для “Русской мысли”», – писал Волошин А.М. Петровой (Из лит. наследия-1. С. 131). Свое намерение он подтвердил в письме к матери из Вальдемозы: «Как только устроюсь, сейчас же начну писать статью об Андорре и о Балеарских островах <...> еще,

кажется, ничего об этих странах на русском языке не появлялось» (Из лит. наследия-3. С. 272).

Гаротта (гаррота) – орудие смертной казни в Испании: осужденного привязывают к столбу и удавливают железным кольцом.

8 (21) июня

Подробный рассказ о пребывании в Вальдемозе (остров Майорка) – в очерках Волошина «По глухим местам Испании. Вальдемоза» и «Cartuja de Valldemosa» (Т. 6, кн. 2 наст. изд.). Запись сделана в день прибытия в деревню Вальдемоза.

Семейство профессора. – Глава семейства Матиас (Матео) Обрадор, Волошин так отозвался о нем в письме к А.М. Петровой: «Это пожилой, энергичный, живой и чрезвычайно интеллигентный человек, близкий друг эрцгерцога австрийского» (Из лит. наследия-1. С. 133), его жена (имя ее установить не удалось), сын Бернардо Обрадор и дочь. С восемнадцатилетним сыном Бернардо Волошин и его спутники познакомились в первый день, он помог им устроиться в гостинице. Через два дня Волошин написал матери: «Сын уже начал учиться у меня русскому языку, а я у него испанскому. <...> Здесь чувствуешь себя совсем как будто в XIII столетии. По вечерам все крестьяне и профессор Обрадор с женой, которая происходит из рода Готфрида Бульонского, и с дочерью собираются в деревенском кабачке, и там идут бесконечное пенье, танцы, гитара и кастаньеты» (Из лит. наследия-3. С. 271, 272).

Хотите, может, видеть испанские танцы? – Вечер с танцами в таверне произвел на Волошина огромное впечатление. Он подробно описал его А.М. Петровой (11/24 июня 1901): «Кастаньеты действуют совсем опьяняюще. Худ<ожник> Киселев под грохот аплодисментов танцует русскую. Жгучие испанские песни сменяются заунывно-раздольной "Вниз по матушке по Волге". Сама донна Обрадор <...> танцует вместе с толстой хозяйкой кабачка. Равенство полное. <...> Право кажется, что перенесся куда-то в 13-ое столетие, к началу феодализма, когда сеньоры запросто пировали со своими вассалами, и так и кажется, что в дверях сейчас покажется серьезная фигура задумчивого Раймонда Люлли – Благочестивого, как его называли здешние крестьяне» (Из лит. наследия-1. С. 135). Впечатления этого вечера позднее вылились в стихотворение «Кастаньеты». Как бы подводя итог впечатлениям от посещения Вальдемозы, Волошин написал матери из Малаги: «Но что лучше всего все-таки в Испании – это танцы. Ни по каким балетам об них себе понятия составить невозможно. Я никогда не предполагал, чтобы в них могло

быть столько же увлекательности, чувства и настроения, как в хорошей музыке. Если Вы сможете себе представить, как человек поет всем телом, то Вы себе представите, что такое испанский танец» (Из лит. наследия-3. С. 281).

9 (22) июня

Мирамар – имение австрийского эрцгерцога Людвика-Сальватора. В статье «По глухим местам Испании. Вальдемоза» (Т. 6, кн. 2 наст. изд.), написанной в сентябре 1901, Волошин подробно описал это имение и его владельца.

Раймонд Люли – точнее, Люлль или Луллий Раймонд.

Mallorca – Майорка (Мальорка), остров в Средиземном море, наиболее крупный из Балеарских островов. Преобладает всхолмленная равнина, на северо-западе острова – горы.

Дворец Эрцгерцога – описан Волошиным в письме к А.М. Петровой 11 (24) июня 1901 г.: «Его дворец Мирамар – находится в километрах пяти от Вальдемозы. Это маленький домик, похожий на все старые маленькие домики соседних долин. Внутри прохладно. Местные соломенные циновки устилают пол. По стенам ряды старых майоличных блюд. (Майолика родилась на Майорке и получила от нее свое название). Простая местная деревянная мебель. <...>» (Из лит. наследия-1. С. 133).

Майолика (*ит.* maiolica) – изделия из цветной обожженной глины с крупнопористым черепком, покрытые глазурью.

<15(28) июня>

Записи предшествуют (л. 23 об. – 25 об.; 11(24) июня) рисунки, в том числе автопортрет Волошина.

Под небом Италии вы рождены... – Черновой автограф стихотворения «Под небом Италии вы рождены...» (см. т. 2 наст. изд. С. 520–521). Фрагмент «И вот я свободен. Весь мир предо мной...» напечатан в газете «Русский Туркестан» (1901) в составе статьи «Листки из записной книжки» (см. т. 5 наст. изд. С. 345, 717). Две последние строфы этого стихотворного вкрапления в черновом автографе отсутствуют. В т. 2 наст. изд. опубликовано с небольшими разночтениями (см. коммент. на с. 716–717). В одном из писем к А.М. Петровой поэт назвал стихотворение «прологом к Итальянскому путешествию» (Из лит. наследия-1. С. 148).

В истории много магических слов... – В т. 2 наст. изд. опубликовано по тексту этой записной книжки (С. 522). Волошин начал ра-

ботать над стихотворением в 1899: в тетради с черновиками его стихов и переводов есть фрагмент этого стихотворения (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 407, л. 8), который также напечатан в разделе «Другие редакции и варианты» названного тома (С. 635).

И гитары говорят... ∾ *С этой тонкой, с этой нежной...* – Наброски к стихотворению «Кастаньеты» (Т. 1 наст. изд. С. 15–16). Автограф этого стихотворения (без заглавия) Волошин послал А.М. Петровой в письме из Парижа от 14 (27) авг. 1901 (Из лит. наследия-1. С. 144).

«*Rida, rida, ranka...*» – Черновой автограф перевода шведской народной песни в обработке Цакариаса Топелиуса. По возвращении в Париж из путешествия Волошин, вероятно, читал его друзьям: финская певица Айно Тамм, знакомая А.И. Косоротова, обратилась к нему с просьбой «присылать <так! – *Ред.*> русский перевод с "Rida Ranka"», так как ей «придется петь его и очень надо будет этот перевод для маленькую либреточку» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1170, л. 1 об.). В 1911 в Коктебеле Волошин читал его М. Цветаевой (об этом она вспоминала позже, в 1932). В октябре 1916 К.И. Чуковский попросил Волошина прислать что-нибудь «если не оригинальное, то хоть переводное» в редактируемый им альманах для детей. Поэт послал следующий текст:

Колыбельная песенка
(со шведского)

Rida, rida ranka...
Шибче, шибче, мальчик мой, –
Бланкой конь зовется твой...
  И наступит время скоро –
  Мальчик мой заслужит шпоры.
  И умчат они с собой
  Детский твой покой.
Шибче, шибче, мальчик мой, –
Бланкой конь зовется твой...
  Будет время и корону
  Сын наденет мой...
  И умчится безвозвратно
  Юности покой.
Шибче, шибче, мальчик мой, –
Бланкой конь зовется твой...
  После станешь рыцарь статный
  С молодой женой,

И умчится безвозвратный
Мужеский покой.
Шибче, шибче, мальчик мой, –
Бланкой конь зовется твой...
Так Бланка – королева
Над сыном наклонясь
И пела и смеялась,
И плакала смеясь.
Шибче, шибче, мальчик мой, –
Бланкой конь зовется твой...
Когда же вырос Гáкон –
Ему дал царство Бог,
Но песни той никак он
Забыть потом не мог:
«Шибче, шибче, мальчик мой, –
Бланкой конь зовется твой...»

Максимилиан Волошин.

Опубликовано в журнале «Север» (1982. № 5. С. 106–108; в составе статьи В.П. Купченко «Максимилиан Волошин и Север»).

Rida, rida ranka. – Начальные строки песни в оригинале. В переводе со шведского: «ехать, сидеть верхом».

Бланка – шведская королева. Ее сын *Гáкон* в пятнадцатилетнем возрасте стал королем Норвегии. В 1877 финский живописец Альберт Эдельфельт (1854–1905) написал на сюжет этой песни картину «Шведская королева Бланка Намурская поет своему маленькому сыну балладу» (воспроизведена в кн.: *Гнедич П.* История искусств. Т. III. Русское искусство. Искусство Западной Европы после эпохи Возрождения. 3-е изд. СПб.: А.Ф. Маркс, <1907>. С. 766). Ныне картина «Drottning Blanka» («Королева Бланка») экспонируется в художественном музее «Атенеум» (Хельсинки).

Бессмертной дочерью Познань<я>... – Черновой фрагмент XXII главы поэмы «Девятнадцатый век». Беловой автограф этой главы – в письме Волошина к А.М. Петровой от 14(27) авг. 1901 (Из лит. наследия-1. С. 143). Ср.: Т. 2 наст. изд. С. 533–534.

И он широкими глазами... – Черновой вариант XI главы поэмы «Девятнадцатый век». Ср.: Там же. С. 528.

Он создан был из тьмы и свет<а>... – Черновой вариант XII главы той же поэмы. Ср.: Там же. С. 529.

И в чудных песнях, где звучали... – Черновой вариант XIV главы той же поэмы. Ср.: Там же. С. 529–530.

Солнце дымкой даль заткало... – Ср.: Т. 2 наст. изд. С. 523.

Мелкий дождь и туман застилают мой путь... – Два фрагмента стихотворения записаны первоначально в обратном порядке, начиная с заключительных 4-х строк («Вон у Вас под сиденьем лежит “Капитал”...»), но Волошин отметил первый фрагмент цифрой 2, а второй – цифрой 1, обозначив тем самым начало текста. В т. 2 наст. изд. стихотворение опубликовано, начиная со 2-го фрагмента (С. 463, 710).

Он создан был из тьмы и света... – Еще один черновой вариант начальных строк XII главы поэмы «Девятнадцатый век». Ср.: Там же. С. 529.

Если б я полицмейстером не был тепер<ь> ... – Набросок, относящийся к стихотворению «Мелкий дождь и туман застилают мой путь...» (Там же. С. 463).

Так в вечной смене расстояний... – Черновой вариант заключительных строк XXII главы поэмы «Девятнадцатый век». Ср.: Там же. С. 534. На обороте листа – рисунок лодки и дата: Malaga 10 juli.

Из страны, где солнца свет... – Набросок начала стихотворения «Кастаньеты». См. т. 1 наст изд. С. 15–16). На предыдущих страницах записной книжки и дальше – рисунки, иногда датированные, и автопортрет. Эта страница – последняя в записной книжке.

<1903>

Дневниковые записи из первой творческой тетради Волошина (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 5, л. 8 об. – 11), содержащей черновые и беловые автографы стихотворений 1902–1905. Публикуются впервые.

27 мая

Приезжает из города Мишка ∾ книги... из Парижа. – В этот день из Феодосии приезжал М. Лямин, который привез том «Дневников» братьев Гонкур и роман Анатоля Франса «Харчевня королевы Педок» (позже это название переводили: «Харчевня королевы Гусиные лапы» или «Харчевня королевы Гусиные лапки»). А.С. Ященко писал Волошину в июне 1903 из Парижа: «...много более месяца назад посланы были тебе 5 книг Гонкуров и Ан. Франса “La Rôtisserie de la Reine Pédauque”. Получил ли ты их?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1372). В библиотеке Волошина сохранились семь томов (I, III, V–IX) из девяти первого издания Дневника, предпринятого Эдмоном Гонкуром (Journal de Goncourt. Mémoires de la vie littéraire. Paris: Charpentier, 1887–1896).

...как хорошо из Японии... вернуться в Париж. – Поездка на Дальний Восток – в Китай, Индию и Японию – планировалась Волошиным на пять лет для самообразования, но так и не состоялась.

18 июня

Смерть Жюля. – Жюль де Гонкур скончался 20 июня 1870. Обстоятельства его предсмертной болезни и смерти подробно описаны Эдмоном де Гонкуром. См.: *Гонкур Эдмон и Жюль де.* Дневник. Записки о литературной жизни. Избранные страницы: В 2 т. М.: Худож. литература, 1964. Т. 1. С. 636–652.

...на могиле Гонкуров. – Братья Гонкуры похоронены на кладбище Монмартра.

11 июля

...в его доме в Отейле. – дом Гонкуров в парижском районе Отейль на улице Монморанси.

...он писал тогда «Chérie»... – Роман «Шери» был написан Эдмоном де Гонкуром в 1884.

...получил много писем ∾ одно из самых интересных ∾ он обработал ∾ в маленький рассказ... – В 1913 в некрологе «Екатерина Федоровна Юнге» Волошин отметил, что «Эдмон Гонкур по ее рассказу написал свою повесть: "La Passionette"» (Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 484).

Постройка моего дома близится к концу. – Участок земли для постройки дома куплен в начале апреля 1903. В мае было начато, а в начале августа завершено строительство собственного дома Волошина, получившего имя «вилла Пелеата».

17 июля

История – это память человечества... – Впервые эта фраза зафиксирована в дневнике Волошина 15 окт. 1902 (Т. 7 наст. изд., кн. 1. С. 136).

Лицо и кисть руки ∾ работают на воздухе. – Подробное развитие этих мыслей – в статье Волошина «Скелет живописи» (1904; Т. 5 наст. изд. С. 7–16).

<1913>

7 января

Запись занесена в записную книжку (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 467, л. 3–3 об.) с ошибкой в обозначении года: «1912» (карандашом) вместо «1913». Весь январь 1912 Волошин находился в Париже, а Нестеров – в Москве.

Впервые – *Волошин Максимилиан.* История моей души / Сост. В.П. Купченко. М.: Аграф, 1999. С. 222–223.

О творчестве М.В. Нестерова Волошин написал статью «Выставка М.В. Нестерова» задолго до их личного знакомства, в 1907, после посещения первой персональной выставки художника (см. т. 6, кн. 1. наст. изд. С. 163). В ней он назвал прекрасными этюды и эскизы к «Царевичу Дмитрию», высоко оценил «Портрет дочери», однако отметил недостоверность и надуманность больших его композиций. Осенью 1912 Волошин получил предложение от Н.И. Бутковской написать для серии «Современное искусство» монографию о Нестерове, вел переговоры с представителем издательства и давним другом А.К. Шервашидзе, которого предупреждал о своем критическом отношении к творчеству художника, а в 1913 и вовсе отказался от этого замысла, как можно судить по недатированному письму Б.А. Лемана к Волошину: «Мне говорила Нат<алья> Ил<ьинична> Бутковская, что одно время Вы думали писать о Нестерове, но потом не стали, и что у Вас есть поэтому материалы для его биографии. В настоящее время она просит меня написать для нее об этом художнике. И вот, я просил бы Вас <...> позволить мне познакомиться с имеющимися у Вас материалами, а также и с Вашими указаниями, за что и был бы очень и очень благодарен Вам» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 777, л. 21).

Нестеров, судя по его высказываниям в письмах этого периода, также относился к своему предполагаемому биографу критически и настороженно. 11 января 1913 он писал А.А. Турыгину: «А меня "осаждают" предложениями написать мою "монографию". На днях явился некий Максимилиан Волошин, по его словам – "запорожец", но едва ли не жид...» (ГРМ, секция рукописей, ф. 136, ед. хр. 25). 17 февр. 1913 – в письме к дочери и зятю: «Теперь общество и художники всячески выражают Репину сочувствие, меня тоже пытала одна газета, и я высказал полное сочувствие старику Репину, а своему биографу – Максимилиану – порицание. Теперь, вероятно, хорошенькую "монографию" мою напишет "запорожец", портрет которого прилагаю при письме...» (*Нестеров М.В.* Письма. Избранное. Л.: Искусство, 1988. С. 249). Возможно, Нестеров приложил к письму шарж на Волошина Мака, опубликованный в газете «Голос Москвы» 13 февраля. «Сочувствие» Репину и «порицание» Волошину было напечатано 15 февраля в газете «Раннее Утро». Нестеров, без сомнения, был задет давней статьей Волошина о его творчестве и долго не мог ее забыть. Только в 1920-е чувство обиды прошло, и художник даже собирался приехать в Коктебель. Подробнее см.:

Купченко В.П. М.А. Волошин и М.В. Нестеров // Новый журнал. Нью-Йорк. 1988. Кн. 172–173. С. 573–576.

3 августа

Запись занесена в записную книжку № 43 (ИРЛИ, ф. 562, оп. 2, ед. хр. 26, л. 9), заполненную в основном рисунками и набросками карандашом. Печатается впервые.

Ванда Ал<ександровна> *Ро*<гозинская>. – Возможно – В.А. Рогозинская. С ее братом Владимиром Александровичем Рогозинским в этот день Волошин поехал из Коктебеля в Кенегез в гости к К.Ф. Богаевскому (Труды и дни. С. 327).

<1914. ДОРНАХ>

Печатается по записной книжке Волошина (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 467, л. 4–14 об.). Впервые – *Максимилиан Волошин.* История моей души. / Сост В.П. Купченко. М.: Аграф, 1999. С. 223–232.

31 июля. 1914. н. с.

Базель ∾ *двери за спиной запирались.* – Волошин отправился в Швейцарию по настоятельному приглашению М.В. Сабашниковой, на строительство Йоганнес-Бау (или Гётеанума) – центра Антропософского общества, основанного Р. Штейнером в 1913. Строительство началось в селении Дорнах под Базелем (сентябрь 1913), «на перекрестке трех стран» (у границ Швейцарии с Германией и Францией). В нем участвовали Андрей Белый и его жена А. Тургенева, а также ряд других русских приверженцев антропософии. Переезд Волошина из России за границу совпал с резким обострением международного положения в Европе перед началом Первой мировой войны.

...хаос коктебельского лета ∾ *Кандауровы, Марина, Алехан, Майя...* – Т. е. К.В., А.В. и М.П. Кандауровы, М.И. Цветаева, А.Н. Толстой, М.П. Кювилье. У К.В. Кандаурова начался тогда роман с Ю.Л. Оболенской, тяжело переживавшийся его женой; А.Н. Толстой влюбился (безответно) в М.П. Кандаурову; М.И. Цветаева находилась в серьезной ссоре с А.Н. Толстым и не очень ладила с остальными гостями; М.П. Кювилье постоянно обременяла Волошина проблемами своей личной жизни. См. также: Труды и дни. С. 353–354.

...Одесса... Брассо... – маршрут Волошина из Крыма за границу: из Феодосии пароходом до Одессы, далее – по железной дороге, с пересадками.

Заказ 3692

Галац – город и порт в Румынии, на Дунае.

Предял (Predeal) – город и железнодорожная станция в южных Карпатах.

Брассо (ныне Брашов) – город в южных Карпатах, в 1914 находился в составе Австро-Венгрии, ныне в Румынии.

Будапешт. – Свои впечатления от пребывания в столице Венгрии Волошин описал в очерке «Год назад». См. т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 525.

Mattweg – название улицы.

...Энглерт, строитель Bau. – Й. Энглерт был главным инженером строительства 1-го Гётеанума.

Мне раз Доктор сказал ∾ Я спросила его. – Т. е. Энглерта. Доктор – Р. Штейнер.

1 августа.

...Bau ∾ главный купол... – Об архитектуре Йоганнес-Бау (в которой отразились «иррациональные тенденции» стиля модерн) см.: *Горюнов В.С., Тубли М.* Архитектура эпохи модерна. СПб.: Стройиздат, 1992. С. 169–173.

...ухожу в горы к замку. – Развалины старинного замка находились на одном из холмов над Дорнахом.

«Убили Жореса ∾ любовь к этому человеку». – О встречах с Ж. Жоресом в Париже в 1906–1907 Андрей Белый вспоминал в мемуарах «Между двух революций» (М.: Худож. литература, 1990. С. 135–153). Волошин, по-видимому, слышал одно из выступлений Ж. Жореса в 1902. О «неожиданной и необъяснимой» гибели Жореса 31 июля 1914 (убитого в ресторане) Волошин упоминает в лекции «Верхарн» (1919).

Кантина (*фр.* cantine) – общественная столовая.

...жду Киселевой для эвритмии. – Т.В. Киселева руководила в Дорнахе эвритмическими занятиями, т. е. занятиями по разработанной Р. Штейнером системе пластических групповых движений под музыку. Эвритмия считалась способом познания себя и мира через танец.

3 августа.

Встречаю... Калькрейт. – П. Калькрейт субсидировала (наряду с другими) строительство Йоганнес-Бау.

8 августа.

Перебрался к Аморе. – Волошин уступил О.Н. Анненковой комнату, в которой разместился, поскольку именно для нее, задержавшейся с приездом, это жилье было снято М.В. Сабашниковой.

...сидел дома ∾ писал эскизы. – В 1914 в Дорнахе Волошин начал писать пейзажи акварелью (по памяти) и в дальнейшем перешел исключительно на эту технику.

Рефлектор – т. е. прожектор.

Встречаю Péralté. – Художница Лотус Перальте, последовательница Р. Штейнера, автор книг «L'ésotérisme de Parsifal» (Paris: Librairie Académique Perrin, 1914) и «Les Trois Totémisations» (Paris: Chacornac, 1924).

12 августа.

Herr Ludwig ∾ под сводами малого купола. – Скорее всего, речь идет о Йозефе Людвиге, последователе Р. Штейнера, авторе книги «Die Anthroposophie: ihr Wesen und ihre Ziele. Wege zur Erkenntnis» (Stuttgart: Franckhische Verlagshandlung, 1922). Малый купол Гётеанума располагался над малым зрительным залом, частично пересекаясь с большим куполом (над главным залом, для постановки мистерий Штейнера).

...канонада ∾ была отзвуком битв при Альткирхе и Мюльгаузене. – Имеется в виду наступление правого крыла французских армий в Верхнем Эльзасе с 7 по 14 авг. 1914 (прекращенное из-за вторжения Германии во Францию через Бельгию).

14 августа.

Он лем<ур>*иец.* – Согласно антропософским воззрениям, лемурийцы – одна из коренных человеческих рас (наряду с атлантами и арийцами), относящаяся к древнейшей, Лемурийской эпохе. См. Раздел «Лемурийская раса» в кн.: *Штейнер Р.* Из летописи мира. Калуга: Духовное познание, 1992. С. 40–51.

22 августа.

...читаю «Мистерии»... – Четыре драмы-мистерии Рудольфа Штейнера: «Врата посвящения» («Die Pforte der Einweihung. Ein Rosenkreuzermysterium», 1910), «Испытание души» («Die Prüfung der Seele», 1911), «Страж порога» («Der Hüter der Schwelle»,1912), «Пробуждение душ» («Der Seelen Erwachen», 1913).

18 ноября.

Вчера... имел разговор с Доктором. – Р. Штейнер находился в Дорнахе со 2 по 23 августа, с 15 по 25 сентября, с 1 по 28 октября, с 8 по 25 ноября, остальное время проводил в деловых и лекционных поездках по Германии и Швейцарии (см.: *Lindenberg Ch.* Rudolf Steiner: Eine Chronik. Stuttgart: Freies Geistesleben, 1988).

Вам надо стараться ∾ От форм перейти к движению. – 2 дек. 1914 Волошин отправил Ю.Л. Оболенской письмо с воспоминанием об этой беседе: Штейнер «говорил о том, чтобы всматриваться в чистый цвет, так, чтобы форма сама из цвета рождалась и чтобы все формы были в движении» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 82, л. 42).

<«МАТЕРИАЛЫ ВСКРЫТИЯ»>

Дневниковые записи на отдельных листах (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 395).

Впервые под заглавием «Сокровенные воспоминания поэта» – «Волошинский вестник» (г. Валка, Латвия, 1991, 8 марта. С. 10–11 / Публ. В. Купченко); также: История моей души. С. 239–250.

Записи стимулированы психоаналитическими занятиями Волошина с последователем З. Фрейда С.Я. Лифшицем, прочитавшим в Коктебеле 6 июля 1926 доклад о психических травмах у нормальных людей (Труды и дни-2. С. 307).

М.С. Волошина вспоминала в 1939:

«Гостивший у нас доктор Лившиц (так!) в 1926 г. занимался вскрытием "инфантильных травм" и делал такие психоаналитические сеансы. Мак<симилиан> Ал<ександрович> предложил и с ним заняться, и вот это его записи после таких сеансов.

Тут есть очень много автобиографических фактов, котор<ые> М<аксимилиан> Ал<ександрович> рассказывает о себе, но есть и сны, которых я не знаю, т. е. от него не слыхала.

Мне доктор Лившиц страшно не нравился. Он и у меня вскрывал травмы, но я после 3 сеанса отказалась. А Макс позволил 20 раз себя подвергать этим опытам. Но потом я вмешалась и запретила ему это делать» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1. ед. хр. 395, л. 20).

Единственное упоминание З. Фрейда мы находим у Волошина в его письме к М.С. Шагинян (20 нояб. 1923). «С большим интересом» прочитав роман Шагинян «Своя судьба» о творческой интеллигенции, Волошин писал автору: «Очень сочувствовал походу против Фрейда. Единственное "не" – слишком нагроможденный и отвлеченный аллегори<з>м театрального представления» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 132, л. 1).

Разумеется, это беглое упоминание не дает сколько-нибудь веских оснований для суждения об отношении Волошина к З. Фрейду. О знакомстве поэта с его трудами свидетельствуют сохранившиеся в волошинской библиотеке книги ученого: «О психоанализе» (М.: Наука, 1911; подарок переводчицы Н. Осиповой), «Лекции по введению в психоанализ» (Т. 2. М.; Пб.: Гос. изд., <1922> и Т. 1,

2-е изд. М.; Пг.: Гос. изд., 1923; обе – с пометами Волошина), «Я и Оно» (Л.: Academia, 1924; подарок М. Шагинян). Еще какую-то книгу З. Фрейда выслала Волошину 10 янв. 1928 из Парижа В.С. Гриневич.

Среди книг по психологии вообще, имевшихся у Волошина к 1926, отметим, в частности: *Баррэт У.* Загадочные явления человеческой психики. М.: Моск. кн-во, 1914; *Бергсон А.* Психо-физиологический паралогизм: Сновидения. СПб.: М.И. Семенов, 1913; *Северцов А.Н.* Эволюция и психика. М.: М. и С. Сабашниковы, 1922; *Юнг К.Г.* Психологические типы. М.: Гос. изд-во, 1924; «Клинический архив гениальности и одаренности». Л., 1925. Т. 1. Вып. 1, 2, 4; С.Я. Лифшиц подарил «М.А. и М.С. Волошиным» в Москве (23 марта 1927) свою, вышедшую в том же году, брошюру «Гипноанализ инфантильных травм у истериков».

20 июля.

Кузен – М.С. Лямин.

Дяди по матери – А.О. и Г.О. Глазеры.

«Случай с г<осподином> *Вальдемаром» Эдгара По.* – Рассказ «Правда о том, что случилось с мистером Вальдемаром» («The Facts in the Case of M. Valdemar», 1845).

С кормилицей на базар (нашел дорогу). – Сохранилась легенда о том, как Макс, сидя на руках у няньки, показывал ей дорогу с базара домой, хотя идти приходилось «лабиринтом переулков» (*Ланн Е.* Писательская судьба Максимилиана Волошина. М.: Союз поэтов, 1927. С. 22).

Куриленко – семья москвичей, в квартире которых жили (1881) Волошин с матерью (Труды и дни. С. 11).

21 июля.

С. Соловьев просит переставить часы... – С.М. Соловьев отдыхал в доме Волошина в Коктебеле с 22 июля по 29 авг. 1926.

Линия детской молитвы ∾ Макса.... – Ср. об этом в воспоминаниях В.О. Вяземской: «Он утром и вечером читал “Господи, помилуй папу и маму” и кончал: “и меня, младенца Макса, и Несси”. Когда ему исполнилось 8 лет, он стал говорить: “и меня, отрока Макса, и Несси”. Услыхав это, Валериан <Вяземский> стал рассказывать, как Макс будет молиться в будущем. Сначала: “и меня, гимназиста Макса, и Несси”, потом: “и меня, студента Макса, и Несси”, и, наконец, когда он станет важным лицом: “и меня, статского советника Макса, и Несси”» (Воспоминания. С. 76).

Молитва бабушки Евген<ии> *Алекс*<андровны>... – Т.е. Е.А. Кириенко-Волошиной.

Инна Л. – И.Н. Липина, дочь подруги Е.О. Кириенко-Волошиной, у которой она с сыном жила в Севастополе.

22 июля.

...стихи «В смехе под землей...». – В.О. Вяземская вспоминала, что, «будучи совсем маленьким», Волошин сочинил стихи: «В смехе под землею Жил богач с одной ногою» (Воспоминания. С. 76).

Лида Аренс... – Л.А. Аренс приезжала из Ленинграда в Коктебель с 1925.

Электра (*греч. миф.*) – дочь Агамемнона и Клитемнестры, сестра Ореста и Ифигении; героиня одноименных трагедий Софокла и Еврипида.

«Она» – стихотворение Волошина (1909) (см. т. 1. наст. изд. С. 117–118).

23 июля.

Картина М. Швинда – девушка утром у окна. – Речь идет о картине «Die Morgenstunde» («Утренний час»; галерея Шак, Мюнхен).

...у поножия Пилат-горы... – Вершина у Фирвальдштетского озера в Люцернских Передних Альпах (2133 м).

...комната Маргариты... – Имеется в виду пребывание Волошина у М.В. Сабашниковой в Цюрихе (август 1905).

...о Страсбурге ∾ вниз головой». – Совет броситься в воду дал Волошину и М.В. Сабашниковой в Страсбурге пьяный прохожий (см.: Т. 7 наст. изд., кн. 1. С. 231; запись от 2–3 авг. 1905).

25 июля.

«Каббала» А. Франка. – Книга французского философа Адольфа Франка «Каббала, или Религиозная философия евреев» (1843).

Хасиды. Встреча с Азархом. – С последователем хасидизма слепцом Р.Я. Азархом Волошин встречался в Париже и сопровождал его до Берлина (начало 1912).

...на Широком Спуске. – Такой улицы в Севастополе не было; был Пологий Спуск.

Уксусные деревья в саду. – Уксусное дерево, оно же айлант или китайский ясень; в Крыму – дикорастущее.

2 Шернваль. – Две девочки Шернваль играли с Волошиным-ребенком; позднее (в 1896–1897) одна из них выступала в московском Малом театре под псевдонимом Таирова.

Чечунчовый – искаженное «чесучовый».

26 июля.

Пауки. Паутина. – Признание в арахнофобии (паукобоязни) встречается у Волошина в стихотворении «Письмо» (1904): «И вызывают мой испуг / Скелет, машина и паук» (Т. 1. наст. изд. С. 57).

27 июля.

«Грот нимф» (1907) и *«Пещера»* (1915) – стихотворения Волошина (см. т. 1 наст. изд. С. 80 и 150) с аллюзиями на трактат Порфирия «О пещере нимф», одной из первых неоплатонических конструкций космоса.

29 июля.

5 отъездов, 6 приездов. – Известен приезд в Дом Поэта в этот день Л.В. Кандаурова и А.А. Тарасенкова; уехали К.С. Арсенёва и Е.Я. Тараховская. Волошин обычно участвовал в проводах и встречах каждого из своих гостей.

30 июля.

Осьмимесячная болезнь. – «8 месяцев болезни» (полиартрит) Волошин перенес в 1921.

..отношения с матерью... дрова. – Мать Волошина настаивала, чтобы он сам колол дрова на зиму, несмотря на поврежденную в локтевом суставе (в 1910 при падении с велосипеда) правую руку.

3 августа.

М. Ш. – Возможно, имеется в виду Мария Сергеевна Шервинская (1899–1973), жена С.В. Шервинского, которая не раз бывала в Коктебеле (1924, 1925, 1926, 1929, 1932).

Диана (Дюбарри) Гудона. – Речь идет о находящейся в Лувре скульптуре Ж. Гужона (а не Ж.-А. Гудона) «Диана», имеющей черты портретного сходства не с графиней М.-Ж. Дюбарри, а с Дианой де Пуатье (см. «Диана де Пуатье». Т. 1 наст. изд. С. 30).

4 августа.

...воспоминания об поездке в Борисполь... – Когда Волошин в раннем детстве приезжал в этот городок, неизвестно. Позднее он бывал там лишь дважды: в 1886 (по пути с матерью в Крым) и в 1899 (по пути в Европу).

5 августа.

Цыганский тоннель – место близ Севастополя, с железнодорожной линией.

...закаты во весь горизонт (Каракатоай). – По-видимому, аналогия с последствиями извержения вулкана Кракатоа (или Кракатау) в Индонезии (Зондский пролив), происшедшего в 1883: повышенная концентрация вулканического пепла в воздухе вызывала в тех местах интенсивные зори в течение нескольких лет.

Объявление об Дегаеве. – С.П. Дегаев разыскивался полицией летом 1883.

...перед коронацией... – Подразумевается коронация Александра III весной 1881.

Мичманский бульвар с памятником Казаринова. – Имеется в виду первый монумент Севастополя – памятник А.И. Казарскому с надписью «Казарскому. Потомству в пример».

...форт Константина... – Константиновский форт, двухъярусная каменная казематированная батарея в форме подковы, построенная на Константиновском мысе Северной бухты Севастополя (1847). Название дано по имени внука Екатерины II, цесаревича и великого князя Константина Павловича.

6 августа.

...с растворенным килом. – Кил – глина, образовавшаяся из вулканического пепла и мылящаяся в морской воде.

Вид... на... Северную. – Имеется в виду Северная бухта (см. выше).

...зоолог... поймал змею в 1922 г.... – М.П. Розанов был в Коктебеле в 1918 и в 1922.

7 августа.

Porte <de> *la Muette* – площадь в западной части Парижа, на стыке бульваров Суше и Ланн с авеню Анри Мартен (где в доме 91 жили М.О. и М.С. Цетлины).

Кадыкой, Кады-Кой – грот с источником пресной воды близ Коктебеля (по дороге в Судак).

9 августа.

Trocadero – сквер перед музеем Трокадеро в Париже, напротив Эйфелевой башни (на правом берегу Сены).

11 августа.

Делаем перерыв... на 10 дней. – Занятия не возобновились.

<ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ. 1931>

Запись от 22 января вписана в тетрадь, которая находится в архиве Дома-музея М.А. Волошина (ДМВ, А. 729, л. 6 об.), перед фрагментом воспоминаний «О Черубине. Дуэль».

Запись, сделанная в июне, занесена в Тт-3. Это единственная запись биографического характера в этой рабочей тетради (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 7, л. 182 об.). Публикуются впервые.

22 января

...читали вслух «Неточку Незв<анову>*»*. – Повесть Ф.М. Достоевского (1849, неоконч.).

...мне очень напоминает... мою дружбу с Миррой Волконской. – М.С. Волошина упоминает соученицу по гимназии М.Н. Стоюниной княжну Волконскую в своих воспоминаниях «Вступление в жизнь»: «В моем классе как раз были три княжны: Щербатова, Волконская и Ладыженская. Но они были Волконская, Щербатова – и больше ничего» (*Волошина М.С.* О Максе, о Коктебеле, о себе. Воспоминания. Письма. Феодосия; М.: Издательский дом «Коктебель», 2003. С. 47).

...мне напоминают Соню Толстую. – Имеется в виду Софья Андреевна Толстая, внучка Л.Н. Толстого.

<Июнь>

1930 год был бесплоден. – Это не совсем так. В начале года Волошин пишет «Предварение о переводах» (см. т. 4 наст. изд. С. 793–795), работает над переводами повестей Флобера, пишет очерк «О самом себе» (предисловие к каталогу выставки своих акварелей), а также акварели, деловые письма; начинает систематизацию своего архива.

<ДНЕВНИК. 1931>

Записи на отдельных листах (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 443, л. 1–14).

Впервые в кн.: Темы и вариации: Сборник статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана. (Stanford Slavic Studies. Volume 8). Stanford, 1994. С. 438–452 / Публ. В. Купченко и З. Давыдова «Последние дневниковые записи Максимилиана Волошина».

25 июня.

...уехали Архипповы. – Е.Я. и К.Л. Архипповы. Знакомство Волошина с этой четой произошло в Новороссийске при его возвращении в Крым из Кисловодска (март 1928). О Е.Я. Архиппове см.: *Купченко Вл.* «Энтузиаст мечты»: Евгений Архиппов – библиограф и библиофил // Альманах библиофила. М.: Книга, 1989. Вып. 25. С. 88–95. Во время пребывания у Волошиных Е.Я. Архиппов вел «Коктебельский дневник» (РГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, ед. хр. 36).

Образ клише... – Языковым клише Волошин посвятил набросок «Реми де Гурмон: Клише» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 424. 2 л.).

26 июня.

...живопись стала для меня только отдыхом. – После перенесенного Волошиным инсульта (9 дек. 1929) его акварели стали механическим повторением одних и тех же приемов.

...к Лизе... – По-видимому, Е.А. Новская, автор поэтических сборников «Звезда-земля» (Харьков, 1918) и «Ордалии» (Харьков, 1923).

Т<атьяне> *Р*<уфовне>. – Т.Р. Златогорова. Златогоровы неоднократно гостили у Волошина в Коктебеле, а Волошины бывали у Златогоровых в Харькове в 1927 и 1928.

В<арвара> *Д*<митриевна>. – В.Д. Финкельштейн. Жила (до 1923) в Крыму; издала о своей одаренной дочери, умершей в том же году, книгу «Нерасцветшая» (М.: Земля и фабрика, 1924), для которой Волошин написал предисловие.

Е<катерина> *А*<лексеевна>. – Е.А. Бальмонт.

Б<огаевски>*м*. – Имеются в виду Ж.Г. и К.Ф. Богаевские.

27 июня.

...сходство с С.Ф. Платоновым. – Волошин встречался с ученым в Ленинграде (1927). В 1924–1929 Платонов – директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. См.: М.А. Волошин. Письма С.Ф. Платонову / Публ., подгот. текста, предисл. и примеч. В.А. Колобкова // De visu. 1993. № 5 (6). С. 52–61.

Его жена ∾ *его дочь.* – К.Л. Архиппова и И.Е. Архиппова.

...то письмо ...я переслал Усову... – 12 марта 1929, узнав о неприятностях Архиппова, Волошин обратился к нему: «Вы ничего не пишете о том, что именно случилось с Вами. Очевидно, Вы сокращены? Подошли под чистку? На всякий случай посылаю Вам несколько слов к Луначарскому. Это имеет мало значения: я знаю Луначарского давно (по Парижу), но не близко. Его же собственные протекции имеют мало кредита. Но эта записка может просто открыть Вам дверь. А Вы сами уже изложите красноречиво и убедительно обстоятельства собственного дела. Пошлите письмо не по почте, а через кого-нибудь (Усова?), чтобы передал из рук в руки» (РГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, ед. хр. 61).

...«попечителем» был назначен Ф. Гладков... – Ф.В. Гладков в 1926 был редактором новороссийской газеты «Красное Черноморье» (тогда же стал коммунистом). Его обращение к члену коллегии Наркомата РКИ СССР М.Ф. Шкирятову помогло в восстановлении Архиппова на работе: «Недаром память бережно берегла Ваш образ, а сердце чувствовало Вашу редкую отзывчивость. Я – в той же школе 3-ей, правда, я не имею ставки» (из письма Архиппова к Волошину от 15 окт. 1929).

...с Ажиной, Зердале и Маметом. – Ажина (*укр.* ежевика) и Зердале (*тат.* персик) – кошки, Мамет – овчарка.

27 июня.

...письмо от Казика ∾ мечтает о моих стихах... – Казик – К.М. Добраницкий (сын М.М. Добраницкого, революционера, затем директора Публичной библиотеки в Ленинграде, позднее издательского работника). 18 нояб. 1930 он писал Волошину: «Я боюсь, что и фамилию мою и имя мое Вы забыли, и она не вызовет у Вас никаких воспоминаний. Но, если Вы вспомните Ленинград 1924 года, вспомните Чуковских, вспомните Наташу Кедрову, может быть, Вы вспомните и меня – худого восторженного подростка, ожесточенно спорящего с Вами и стремящегося сделать из Вас коммуниста» (ДМВ. НВ. 6964). К.М. Добраницкий был осведомителем ГПУ (см. о нем: *Чудакова М.О.* Осведомители в доме Булгакова в середине 1930-х годов // Седьмые Тыняновские чтения: Материалы для обсуждения. Рига; М., 1995–1996. С. 394, 427–428. 436–442). И отец, и сын Добраницкие были расстреляны.

28 июня.

Ася... – Р.М. Гинцбург.

29 июня.

...экскурсия, которую принимает Маруся. – Утверждая значимость своего дома как художественно-культурного центра, Волошин предоставлял свою мастерскую-библиотеку для бесплатного посещения отдыхающими окрестных домов отдыха. М.С. Волошина нередко его заменяла, а после смерти мужа продолжала проводить экскурсии по Дому Поэта.

Знает Н. Морозова. Удивлялся, что я с ним знаком. – Волошин встречался с Н.А. Морозовым, автором семитомного исследования «Христос», в марте 1921 в Симферополе и в 1927 в Ленинграде.

А с Либединским вы знакомы? – Имеется в виду Ю.Н. Либединский, с которым Волошин мог встречаться на Никитинских субботниках в Москве.

Жил – здесь в Коктебеле? – М. Горький был в Коктебеле с середины сентября до начала октября 1917.

1 июля.

...заходил к Б. – Лицо неустановленное.

А.П. – А.П. Остроумова-Лебедева.

...умер от сепсиса. – С.И. Златогоров незадолго перед этим (17 марта 1931) скончался в тюрьме.

...решительные... дни ожидания гостей из Союза. – Волошин предложил подарить Всероссийскому Союзу писателей (ВСП) двухэтажный флигель своего дома, построенный его матерью и носивший также название «дома Юнге» (по фамилии семейства, арендовавшего его несколько лет), для создания в нем Дома отдыха писателей. Он также намеревался завещать ВСП свой архив и библиотеку, при условии получения им пожизненной пенсии.

Дядя П<стя> – коктебельское прозвище П.Ф. Домрачёва, знакомого М.С. Волошиной с ее юношеских лет. Скрипач-любитель, Домрачёв участвовал в домашних концертах в Доме Поэта.

Р<ита> *Я*<ковлевна> – Р.Я. Островер, жена Л.И. Островера, приезжавшего (май 1931) в Коктебель в качестве представителя Всероссийского Союза писателей.

5 июля.

Мама – здесь: Р.А. Гинцбург. Волошин встречался с ней и ее мужем М.И. Гинцбургом в годы Гражданской войны.

...комната... для Зои Лодий. – Певица не раз бывала в Коктебеле (с 1928 по 1931).

...бабушкой Касперович. – Возможно, имеется в виду мать Н.И. Касперовича, приезжавшего в Коктебель в 1930.

9 июля.

...приехала Л<импо>*по.* – Это – шуточное (также: нимфа Лимпопо) прозвище Е.Я. Тараховской, которая неоднократно (1915, 1927, 1928, 1930) бывала в Коктебеле.

Ждем сегодня Т. С. ... – Видимо, Т.С. Салтыкову, аккомпаниатора З.П. Лодий.

Завтра приедет С. А. – Возможно, С.А. Адрианов.

У Гнесина... пропал... сын... – Речь идет о композиторе М.Ф. Гнесине, побывавшем в Коктебеле в 1926, и Ф.М. Гнесине (переписка отца с сыном (1911–1942) хранится в РГАЛИ).

...речь Сталина ∾ отношение к спецам. – Эта речь, произнесенная на совещании хозяйственников (23 июня 1931), была напечатана в «Правде» под заголовком «Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства» (5 июля 1931). Заявление о новом отношении к специалистам, до этого огульно обвинявшимся во вредительстве, было чистой демагогией.

Фоли (*фр.* folie) – мания, психоз.

10 июля.

...Островерица с чадами. – Р.Я. Островер приехала с сыном Сашей шести лет и дочерью Надей трех лет.

...сестра Нины В. – Имеется в виду Н.В. Крыжановская, бывавшая в Коктебеле (в 1925–1929). О ее сестре сведений нет.

Арестован отец Мар<ины> *Б*<аранович>. – Речь идет о М.К. Баранович (в Коктебеле – в 1927, 1928 и 1930) и ее отце. Известно, что К.Ф. Баранович был ненадолго арестован в 1918 г.; о его аресте в 1931 сведений нет. См. книгу воспоминаний дочери М.К. Баранович (*Баранович-Поливанова А.* Оглядываясь назад. Томск: Водолей, 2001).

Отпущен Рыбаков. – И.И. Рыбаков в 1930 взял у Волошина 750 акварелей для выставки «Киммерия» (часть из них была затем утрачена).

Н. Я. – Возможно, Н.Я. Хазина (Мандельштам). Бывала в Коктебеле (1926, 1931, 1933).

24 июля.

Тата Шлипс – прежде жила в Феодосии; племянница А.К. Глазунова.

Люба Г. – Речь идет о Л.П. Гавриловой, знакомой В.Д. Финкельштейн.

«Напишите Тате». – Имеется в виду Т.С. Златогорова, дочь С.И. и Т.Р. Златогоровых. Как сценарист была соавтором А.Я. Каплера по фильмам «Три товарища» (1935), «Ленин в Октябре» (1937) и «Ленин в 1918 году» (1939). Покончила с собой в тюрьме. Выведена в повести И.М. Меттера «Пятый угол» («Нева». 1989. № 1).

<1932>

1932 год. Январь. – Запись в толстой общей тетради синими чернилами (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 444, л. 2), осталась без продолжения: все остальные листы тетради чистые. На л. 1 надпись рукою Волошина: «Дневник **Дома Поэта** 1932 годъ».

...Катюша и Миша – супруги Коробановы. М.А. Коробанов приезжал в Коктебель и ранее (1928, 1930).

...приезжал Юра Беклемишев. С ним произошло объяснение. – Речь идет о сыне С.Ю. Копельмана и В.Е. Беклемишевой, впоследствии вошедшем в литературу под псевдонимом Юрий Крымов и в конце 1930-х прославившемся повестью «Танкер “Дербент”». Будучи в Коктебеле летом 1928, он связался с местными рыбаками, люм-

пенами и, по подозрению Волошиных, навел на Дом Поэта воров. Л.П. Домрачёв вспоминает: «Крымов был главный бандит и восторг для нас, мальчишек. Связался с рыбаками, приезжал без всяких денег... и однажды организовал воровской налет на дачу, был наводчиком» (Архив В.П. Купченко). 18 апреля 1929 В.Е. Беклемишева писала Волошиным о сыне: «В Коктебель я ему ехать не советую, т<ак> к<ак> очевидно, что люди, с которыми он свел знакомство, какого-то подозрительного свойства» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 242, л. 3 об.).

<Февраль>

Запись датирована условно, по содержанию, и сделана М.С. Волошиной на трех отдельных, пронумерованных ею, листках. Они вложены в тонкую тетрадь (ДМВ, А. 730). Она записала слова Волошина явно без его ведома и оставила листочки в самом начале тетради № 4 с мартовскими записями 1932 под диктовку мужа.

...я чувствую вокруг себя разрушение и смерть. — 1931 закончился для Волошиных унынием: с севера приходили тревожные вести об арестах и смертях друзей, из Москвы — известие о распространении А.В. Потоцким, одним из недавних гостей Дома, волошинских стихов. Волошин пишет ему 15 октября 1931: «<...> Я Вам очень верю и знаю, что Вы ничего не хотите сделать мне во вред. Но такое распространение моих стихов мне нежелательно и определенно опасно: и для меня, и для распространяющих. <...> Я живу только потому, что обо мне никому и ничего неизвестно. Раньше я ареста не боялся, а теперь — боюсь. Потому что я в первую же ночь задохнусь от курева, ведь от папиросного дыма у меня делается астма» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 102, л. 1–1 об.). В это время феодосийский доктор обследовал Волошина и поставил диагноз «миокардит с ослаблением мускула сердца». У М.С. Волошиной обнаружили малокровие, она в депрессии: 7 декабря у нее — нервный срыв. В письме к ней «из другого угла» Волошин пересказывает ее несправедливые слова: «<...> Я не могу жить и отдавать свою жизнь на обслуживание стареющего и опускающегося с каждым днем идиота. Я тебя люблю. И видеть ежедневно человека, кото<рый> ничего не делает и не хочет делать <...>, и может только писать акварельки в громадном количестве, которые есть уже у всех и все уже ими пресыщены и немного стесняются их потому, что они их знают наизусть и ждут от него чего-то, но другого — не акварелек... Это невыносимо. И я чувствую, что скоро мне нужно будет уйти и искать себе другую, более полезную жизнь и работу» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 19, л. 29).

<ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ 1932, ВЫДЕЛЕННЫЕ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ>

Этот раздел составлен из записей, которые были сделаны Волошиным среди подневных записей воспоминаний 1932: ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 445. В шести тетрадях, входящих в эту подборку, дневниковые записи чередуются с записями мемуарными; в настоящем томе они разделены. В первой записи (19 марта) после слов «...бодрая волна в нашей жизни» Волошин продолжает записывать воспоминания (см. в наст. томе с. 370, со слов «Мыс св. Ильи...»). Так было 25 марта и в другие дни: сделав запись о текущем дне, он продолжает вспоминать прошлое.

19 марта

Надя – дочь А.Л. и П.Ф. Домрачёвых.

24 марта

Я задыхаюсь от каждого малого движения... – Незадолго до смерти, в мае 1932 Волошин сказал жене: «Маруся, поверь, что моя болезнь проистекает из ее сущности. Но в чем же ее сущность? В том, что я задыхаюсь за целую группу людей, у которых нет выхода» (Архив В. Купченко).

25 марта (начало записи)

...первые годы у Петровых. – Волошин поселился у Петровых в августе 1894 и жил до сентября 1896 (см. Труды и дни. С. 36, 45).

27 марта.

...письма Ф<р>*идриха Гейне.* – Ф. Гейне – феодосийский знакомый А.М. Петровой, преподаватель гимназии. В 1892 оставил службу и уехал за границу, где жили его родители. Речь идет о письмах, которые сохранились в фонде Волошина в ИРЛИ среди материалов А.М. Петровой.

...моей вражды с Гумилевым и дуэли. – Подробно об этом см. в коммент. к статье «Гороскоп Черубины де Габриак» (Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 698–705).

27 марта.

Первая из двух карандашных записей Волошина, сделанных им в общей тетради в черной обложке (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 445, архивный порядковый номер – II-а).

«La Vie littéraire». О Вилье... – «La Vie littéraire» («Литературная жизнь») – четыре сборника литературно-критических статей А. Франса (Paris: Calmann Levy, 1888, 1890, 1891, 1892; все сохранились в библиотеке Волошина). Некоторые статьи несомненно оказали в свое время большое влияние на Волошина, в частности – «По поводу дневника Гонкуров», «Гастон Парис и средневековая французская литература», «Лексикон», «Любовь к книгам», «Апология плагиата». Очерк «Вилье де Лиль-Адан» (см. о нем: т. 3 наст. изд. С. 470–471) вошел в третий выпуск «Литературной жизни».

«Апофеоз мечты» – статья Волошина о Вилье де Лиль-Адане (см. т. 3 наст. изд. С. 7–40, 461–472).

...параллель с В<еликим> *Инквизитором...* – Имеется в виду пятая глава пятой части романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» и сходство высказываний ее героя с некоторыми положениями монолога Архидиакона в драме Вилье де Лиль-Адана «Аксель».

...разговорился о его... статье о «святости Бодлера»... – Возможно, речь идет о работе Виктора-Эмиля Мишле «Charles Baudelaire ou le divinateur douloureux» (Paris: E. Figuiére et C-ie, 1913).

...влияние «Вел<икого> *инквизитора» на «Акселя» можно считать установленным.* – См., однако, комментарий А.М. Березкина к этому же тексту Волошина, где указывается на время публикации первого французского перевода отрывка «Великий инквизитор» из «Братьев Карамазовых» (апрель – май 1886) и оспаривается волошинское заключение (Т. 3 наст. изд. С. 465). Журнал «La Revue Blanche», где, по словам Волошина, якобы состоялась публикация перевода из Достоевского, начал выходить в 1891, т. е. после смерти Вилье де Лиль-Адана. Импровизация же последнего на тему «Великий инквизитор», записанная А. Ла Люберном, появилась в печати (журнал «La jeune France», сентябрь 1886) под заглавием «Torrequemada» («Торквемада») за подписью автора записи (подробнее см. т. 3 наст. изд. С. 465–466).

«36 драматических положений» – «Les trente-six situations dramatiques», книга Ж. Польти, вышедшая в свет в Париже в 1895; в библиотеке Волошина – второе издание (Paris: Mercure de France, 1912).

...мысли ~ Карло Гоцци... – Утверждение Гоцци о том, что «существует всего-навсего 36 трагических ситуаций», И.В. Гёте упомянул в разговоре с И.П. Эккерманом 14 февр. 1830 (См.: *Эккерман И.-П.* Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М.: Худож. литература, 1981. С. 351–352).

...статью Польти... о гениальности евреев... – Эта работа не выявлена.

...Польти мне подарил ∾ о робости Шекспира, о записи жестов и драматический опыт. – Здесь упомянуты работы критика «La Timidité de Shakespeare» (опубликована в журнале «L'Humanité Nouvelle», 1900) и «La Notation des gestes» (Paris: Albert Savine, [s. a.]), а также пьеса «Les Cuirs de boeuf» (Paris: Mercure de France, 1899), находящиеся ныне в библиотеке Волошина (ДМВ); первая и третья – с дарственными надписями автора. Кроме названных выше, в ДМВ хранятся: книга Ж. Польти «L'Art d'inventer les personnages» (Paris: E. Figuièrre et C-ie, 1912) и оттиск его статьи «La Dignité de la Littérature» (из журнала «La Revue de Hollande». 1915. № 5, ноябрь; также с инскриптом автора).

Батюшку обложили... – Имеется в виду М.В. Синицын, ближайший сосед Волошиных по Коктебелю (с 1909), с запада, через ручей.

28 марта.

Мне пишут Т. Р. и Лиза. – Т.Р. Златогорова и, по-видимому, Е.А. Новская.

6 мая – 25 июля.

Записи в тетради под цифрой V (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 445).

13 мая.

...разговор о Павлиновых. – Речь идет о сестрах Е.Н., Н.Н. и С.Н. Павлиновых и их родителях (Н.М. Павлинове и С.А. Магидовой). Елена Николаевна была знакома с М.С. Заболоцкой по гимназии М.Н. Стоюниной (с 1902). Наталья Николаевна встречалась с Волошиным в Париже, перевела его стихотворение «Сердце мира, солнце Алкиана...» (см. т. 1 наст. изд. С. 114) на латинский язык под заглавием «Гимн пифагорейцев» (о тексте перевода см.: Там же. С. 472). 17 апреля 1924 в Ленинграде Н.Н. Павлинова посвятила Волошину стихотворение «Мы слышали российского Баяна...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1483, л. 48–49).

Мы ∾ пошли к Вере Федоровне... – О знакомстве и встречах с В.Ф. Коммиссаржевской М.С. Волошина написала в воспоминаниях «Вступление в жизнь» (*Волошина М.С.* О Максе, о Коктебеле, о себе / Сост. В. Купченко. Феодосия; М.: Издательский дом «Коктебель», 2003. С. 63–64).

Заказ 3692

14 мая.

Тихон – Т.И. Сорокин, знакомый Волошина по Парижу. 11 апр. 1932 в официальном письме в Правление Всероссийского союза советских писателей Волошин называет его своим представителем в деле передачи Дома Поэта в дар ВССП. Речь идет о письме от 10 мая 1932.

...представителем «Союза»... – Речь идет о Всероссийском союзе писателей, которому Волошин завещал свой дом. С лета 1931 в каменном флигеле (бывшем доме Е.О. Кириенко-Волошиной) работал Дом отдыха писателей, но организация его велась крайне медлительно и безответственно. См. очерк М.С. Волошиной «История дарения дома» (*Волошина М.С.* О Максе, о Коктебеле, о себе. Воспоминания. Письма. С. 157–165).

...письма от Тюлина ∾ от Жаброва... – Ю.Н. Тюлин бывал в Коктебеле в 1930 и 1932, А.А. Жабров – в 1930–1932.

...немецкие <журналы> *от Саркизова.* – По просьбе Волошина И.М. Саркизов-Серазини присылал ему иностранные журналы, в частности, немецкий журнал «A.–J.–Z.».

...дождь – страховка урожая. – Это успокоительное замечание объясняется голодом, постигшим Крым в 1931.

1 июля

...ряд линеек... – Линейка – пароконный экипаж с двумя скамьями для пассажиров, расположенными вдоль него, посередине (спинами друг к другу).

25 июля

...из Муз<ыкального> *Учил*<ища> *имени Ф. Кона.* – Имеется в виду Московская консерватория, переименованная тогда в Высший музыкальный техникум имени Феликса Кона.

...приходит Н.Э. Радлов. – Во время тогдашнего пребывания в Коктебеле Н.Э. Радлов выполнил графический портрет Волошина.

...Парт<ийное> *Издат*<ельство>*... в том флигеле...* – Флигель, предназначавшийся для Дома отдыха писателей, был самовольно передан Союзом писателей в аренду партийному издательству.

...имя Гумилева в его комнате... – На двери комнаты в мансарде дома Е.О. Кириенко-Волошиной, где в 1909 жил Н.С. Гумилев, Волошин прикрепил табличку с надписью: «Комната Н. Гумилева».

Детское <Село> – название Царского Села с 1918. С 1937 – г. Пушкин.

АВТОБИОГРАФИИ

Библиографические реалии, повторяющиеся в различных автобиографических текстах, поясняются в комментариях лишь при первом их упоминании в публикуемой подборке.

<НАБРОСОК АВТОБИОГРАФИИ> <1>

Печатается впервые по черновому автографу (ИРЛИ, ф. 562, оп. 4, ед. хр. 1, л. 24). Написано чернилами на отдельном листе, без даты. По-видимому, этот набросок послужил основой для автобиографии, предложенной в печать.

...церковь Sacré Coeur... – Церковь Сакре-Кёр, строилась в Париже на вершине холма Монмартр (128 м над уровнем моря) с 1876 по 1919. Высота храма – 60 м, колокольни – 80 м.

...любил стихи Гейне о рыцарях св. Духа... – Имеется в виду стихотворение «Горная идиллия» (цикл «Из путешествия на Гарц. 1824») в «Книге песен» Г. Гейне: «Сотни рыцарей отважных, / Обрекли себя Ему / И по свету разъезжают – / Вносят свет и гонят тьму» (*Гейне Г.* Полн. собр. соч. СПб.: Изд. Т-ва М.О. Вольф, 1900. Т. 1. С. 238; перевод М.Л. Михайлова).

...любовь к... Пиранези. – Подразумеваются «архитектурные фантазии» Д.Б. Пиранези, поражающие грандиозностью построений и светотеневыми контрастами.

...смерть Геракла. – Геракл (*греч. миф.*) погибал в страшных мучениях от яда, которым был пропитан надетый им хитон; он взошел на разожженный им костер и из пламени был вознесен на Олимп, где был принят в сонм бессмертных богов.

...начальн<ик> *Охран*<ного> *Отделения...* – С.В. Зубатов.

...Из книг Багават Гиту. – *«Бхагавадгита»* (*санскр.*, букв. – песнь бхагавата, песнь Господа, т. е. Кришны) – древнеиндийская религиозно-философская поэма, вошла в эпический свод «Махабхарата» (кн. 6, гл. 23–40). Основное учение «Бхагавадгиты» создано в III–II вв. до н. э., формирование текста шло до VIII–IX вв. н. э.

<АВТОБИОГРАФИЯ> <2>

Впервые опубликована без названия в «Книге о русских поэтах последнего десятилетия / Очерки – стихотворения – автографы», вышедшей под редакцией М.Л. Гофмана (СПб.; М.: М.О. Вольф,

<1909>. С. 365) в виде факсимиле автографа. Книга вышла в свет в начале 1909 (см. рецензию: Новая Русь. 1909. 6 февр.), однако просьбу написать автобиографию Волошин получил в июле 1907 в Крыму, а написал и послал на имя Вл. Пяста (В.А. Пестовского), по-видимому, в январе 1908 (РНБ, ф. 248, ед. хр. 49). В «Книге для чтения по истории новейшей русской литературы», составленной В.Л. Львовым-Рогачевским (Л.: Прибой, 1925. Т. 2. С. 116) – републикация с незначительными разночтениями (например, «события из жизни» вместо «события жизни», «в них обретается родина духа» вместо «в них обретенная...») и опечатками. После текста автобиографии Волошина Львов-Рогачевский поместил свою заметку «О М. Волошине» (С. 116–117), добавив несколько сведений о жизни поэта, почерпнутых из анкеты в сб. Ф.Ф. Фидлера «Первые литературные шаги» (см. наст. том. С. 287–291).

...Таганрог и Севастополь... – В 1878 семья Волошиных переехала из Киева в Таганрог, поскольку отец поэта А.М. Кириенко-Волошин был назначен членом Таганрогского окружного суда. В 1879, после размолвки с мужем, Е.О. Кириенко-Волошина уехала вместе с сыном в Севастополь, к подруге по Институту благородных девиц.

...раньше других я узнал «Кормчие звезды» Вяч. Иванова (1902). – «Кормчие звезды. Книга лирики» Вяч. Иванова (СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1903) вышла в свет в октябре 1902. Волошин ознакомился с этой книгой у А.В. Гольштейн, дружившей тогда с Ивановым.

...у Эредиа я учился владеть стихом. – В 1905 Волошин перевел сонеты Ж.М. Эредиа «Бегство кентавров» и «Ponte Vecchio» (см. т. 4 наст. изд. С. 778–779).

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН <3>

Печатается по машинописи с правкой автора и разночтениями по сравнению с опубликованным текстом (ИРЛИ, ф. 562, оп. 4, ед. хр. 80, л. 1–2 об.). Этот текст был предоставлен С.К. Маковскому для заметки «Максимилиан Волошин», которая появилась 15 нояб. 1918 в газете «Ялтинский голос» (№ 157. С. 4) за подписью «Сергей Маковский» почти без изменений, только с небольшими сокращениями (публикатор не включил в газетный вариант заметки пассаж о «сумасшедшем доме» и «киевском журналисте»). «Рекламная» стилистика и форма подачи материала заметки (от третьего лица) объясняется ее предназначением: служить анонсом публичных выступлений Волошина, предстоящих в Ялте.

Сохранился также черновой вариант очерка – карандашный автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 4, ед. хр. 1, л. 25–25 об.):

«Максимилиан Волошин... Если Вы произнесете это имя перед любым "добрым буржуа", он воскликнет радостно:

– А, Макс Волошин! Тот, который живет в Коктебеле, ходит без штанов, носит греческий хитон и венок на голове...

Но другой, более осведомленный, перебьет его:

"Позвольте, это ведь, кажется, он разрезал картину Репина... Или нет – он читал лекцию об ней, и сам Репин плакал. И потом он еще дрался на дуэли..."

– Простите, но мне кажется, что Макс Волошин был посажен в сумасшедший дом и помер. Я сам читал его некролог в какой-то киевской газете. Там еще было написано: "к сожалению, покойник слишком любил парадоксы"... А, говорят, талантливый человек был.

– Да, это не тот Макс Волошин. То умер киевский журналист – псевдоним "Волошин". Их часто смешивали.

– А я знал еще одного Макса Волошина – оккультиста из Парижа.

Одним словом, через несколько минут у Вас закружится голова и начнет казаться, что Максов Волошиных очень много и вообще это только одно наваждение. (Между тем, Максимилиан Волошин есть – единый и неразделенный – и в настоящее время находится в Ялте, где собирается прочесть несколь<ко> лекций, первая из которых состоится на днях на выставке "Искусство Крыма". Ее тема: "Скрытый смысл войны").

В личности, в творчестве поэта Максимилиана Волошина есть нечто оправдывающее эти разноречивые толки и слухи. Обычно он появляется то в Москве, то в Петербурге на 2–3 месяца, читает несколько лекций, делающих шум и вызывающих споры своей неожиданной и парадоксальной постановкой вопроса, печатает несколько статей и исчезает на целые годы, то в Париж,* то в свое коктебельское уединение. Он сбивает внимание тем, что появляется оттуда то с портфелем акварелей, то с книгой новых стихов, то со статьей или исследованием на какую-нибудь необычную тему. И во всем, что он делает, сказывается разнообразная и блестящая эрудиция, изыскивающая всё редкое и необычайное. Строгая изысканность и краткость формы, всегда неожиданная личная точка зрения, которая придает характер парадоксальности его мыслям, верным по существу.

* *Далее зачеркнуто*: с которым он связан.

Обстоятельства его жизни также разнообразны: еще студентом он был сослан в Среднюю Азию, где был начальником каравана, он сидел в константинопольской тюрьме по подозрению, что он армянский революци<онер>, он обошел пешком Италию, Испанию, Грецию, пил абсент с президентом Андоррской республики и, по личному поручению Далай-Ламы, покупал для него очки в "Au bon Marché". Он действительно дрался на дуэли, но в сумасшедшем доме еще не сидел и не помирал.

Очередная неожиданность, которой он удивил нас, это его послед<няя> книга стихов о Революции, проникнутая подлинн<ым> чувством родины, искренняя простая, написанная тем русским народным языком, которого никак нельзя было ожидать от Парижанина, от французомана Максимил<иана> Волошина.

Не мудрено, что он дробится и множится в глазах пуб<лики>. Сейчас М.В. – единый и нераздель<ный> – находится в Ялте и собирается прочесть на выставке "Искусство Крыма" лекци<ю> на тему "Скрытый смысл войны".

Первая часть ее будет посвящена его личным впечатлениям Западной Европы в начале войны (он 2 года войны провел в Германии, в Швейцарии, во Франции, в Испании, в Англии), а вторая часть – оценке и анализу некоторых сторон Европейской культуры, породивш<их> Европейскую войну, главным образом "машинизму" Европы. В ней М.В. расскажет свои фантастические теории о Демонах Машин и о бунте машин против человека. Вся лекция будет иллюстрирована и комментирована его стихами о войне.

В субботу же М. В. сделает в Литерат<урно>-худ<ожественном> обществе литературн<ый> доклад на тему "Судьба Верхарна", сопровождаемый чтением его новых переводов поэм Верхарна о городе».

Волошин приехал в Ялту в начале ноября 1918. Отсюда началось его лекционное турне (Ялта – Симферополь – Севастополь – Одесса), которое продолжалось полгода. В Ялте в это время собралось много знакомых поэта, беженцев из Москвы и Петрограда. С. Маковский устроил как раз в ноябре выставку «Искусство в Крыму», на которой были выставлены также «Крымские этюды» Волошина. Местные газеты не оставляли лектора без внимания: анонсировали его лекции. В помещении выставки он прочитал лекцию «Скрытый смысл войны», затем – лекции о Верхарне, «Бунтарская стихия русской истории и ее провидец (Жизнь и творчество Сурикова)», «Жестокость в жизни и ужасы в искусстве».

...это ведь он разрезал картину Репина... – Повреждения картине И.Е. Репина «Иоанн Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» нанес А.А. Балашов (см. т. 3 наст. изд. С. 538–541).

...он читал лекцию ∾ и сам Репин плакал. – Имеется в виду доклад Волошина «О художественной ценности пострадавшей картины Репина», который он прочитал 12 февр. 1913 в Большой аудитории Политехнического музея в Москве под эгидой общества художников «Бубновый валет». Это выступление вызвало ожесточенные нападки на Волошина и «валетов» в печати (см. т. 3 наст. изд. С. 313–335, 554–559).

...Умер ∾ киевский журналист... – Речь идет о киевском журналисте и поэте Михаиле Евсеевиче Цуккермане (ум. в 1915), писавшем под псевдонимом «М. Волошин».

...на выставке «Искусство Крыма»... – Выставка «Искусство в Крыму» была открыта в здании ялтинской Александровской мужской гимназии (ул. Аутская, 25) с 27 окт. по 29 нояб. 1918; был издан каталог. Волошин дал на выставку несколько своих пейзажей.

<АВТОБИОГРАФИЯ> <4>

Печатается впервые по автографу (ИРЛИ, ф. 562, оп. 4, ед. хр. 1, л. 9–9 об.). Автобиография без даты, написанная в ответ на просьбу издательства З.И. Гржебина (за подписью Гржебина и Водовозова; из Берлина в январе 1923) для «небольшого, чисто справочного энциклопедического словаря», с указанием, что можно послать текст и в Петроград, на имя Михаила Алексеевича Лихарева (ИРЛИ, ф. 562, оп. 6, ед. хр. 232).

«Selva Oscura» ∾ печатается в Моск<овском> *Гос*<ударственном> *Издат*<ельстве>. – Рукопись этой книги (объемом 1434 стихотворных строки) была подготовлена Волошиным в 1922 и отправлена в Москву с С.Я. Парнок. Планировалась к выходу в Госиздате РСФСР (на 1923 г.), но была отклонена цензурой (подробнее см. т. 1 наст. изд. С. 477–479). Посылая 14 янв. 1923 список книг, предлагаемых Госиздату для издания, Волошин упоминал, что «Selva Oscura» «в настоящее время печатается в Моск<овском> Госиздате первым изданием с рисунками Богаевского (II-я книга Лирики)» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 153, л. 1).

«Иверни». – Этот сборник вышел в издательстве С.А. Абрамова «Творчество» в 1918.

«Неопалимая Купина»... Запр<ещена> *цензурой.* – Об этапах прохождения рукописи этой книги в Госидате РСФСР (1922) см. т. 1 наст. изд. С. 509–510.

<АВТОБИОГРАФИЯ> <5>

Печатается впервые по карандашному автографу (РНБ, ф. 1000, оп. 2, ед. хр. 262). Автобиография была написана весной 1924 в преддверии юбилея литературной деятельности Волошина (в 1925 исполнялось 25 лет со времени публикации первой статьи в журнале «Русская Мысль» и 30 лет со времени публикации стихотворения «Над могилой В.К. Виноградова»).

...как с Марсия... – Марсий (*греч. миф.*) – фригийский силен, один из спутников Диониса, вызвавший Аполлона на состязание в игре на флейте. Победив, бог солнца, разгневанный дерзостью Марсия, повелел содрать с него кожу. Волошин перевел поэму А. де Ренье «Кровь Марсия» (см. т. 4 наст. изд. С. 703–711).

...вылитым Стивой Облонским... – Отмечается сходство отца Волошина с одним из героев романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина».

...путешествия по ∾ Англии, Норвегии... – В Англии и Норвегии Волошин был проездом из Парижа в Россию в апреле (н. ст.) 1916: в Лондоне – три дня, с 27 по 29 марта (9–11 апреля н. ст.) 1916 (см.: *Купченко В.* Максимилиан Волошин в Лондоне: неизвестная страница биографии // Abstracts. VI ICCEES World Congress. Tampere, 2000. S. 236–237), в Норвегии – один день.

...с Хамбу Ламой Тибета... – Имеется в виду хамбо-лама Бурятии Агван Доржиев.

<АВТОБИОГРАФИЯ> <6>

Печатается по антологии «Русская поэзия XX века», составленной И.С. Ежовым и Е.И. Шамуриным (М.: Новая Москва, 1925. С. 568). Опубликованный там текст составлен на основе невыявленного волошинского автографа, отраженного в заметке в виде обозначенных кавычками цитат. Книга вышла из печати в начале июня 1925.

...Кириенко-Волошин, водивший Пушкина в цыганский табор. (Воспоминания Францевой). – Речь идет о Дмитрии А. Кириенко-Волошинове, чиновнике канцелярии И.Н. Инзова, сослуживце Пушкина в Кишиневе (1820–1823). Воспоминания его дочери Е.Д. Францевой «А.С. Пушкин в Бессарабии. (Из семейных преданий)» опубликованы в журнале «Русское Обозрение» (1897. Т. 43. Январь. С. 20–40). См. также: *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Словарь знакомых поэта. 2-е изд. Л.: Наука, 1988. С. 192.

Со стороны матери ∾ (врачи и инженеры, обрусевшие с XVIII века). – По-видимому, предком Волошина (по материнской линии) был доктор медицины Сигизмунд (Симсон) Зоммер (?–1690, Москва), родившийся в Силезии; впервые он приехал в Россию в 1653, имел царскую грамоту о тридцатилетней службе. Потомками его, скорее всего, были Карл-Вениамин Зоммер (1769, Познань – 1815, Рига), врач; участник войны со шведами (он, наряду с С. Зоммером, назван в «Русском биографическом словаре», Пг., 1916. Т. 7) и прадед поэта – Григорий Зоммер (1770-е – до 1846), полковник, участник итальянского похода Суворова (1799).

Детство В. прошло... в Феодосии. – Явная ошибка составителей антологии; следует читать: в Севастополе и Таганроге.

Картины свои выставлял в «Мире Искусства». – Серия пейзажей Волошина экспонировалась на выставке «Мира Искусства» в Москве в декабре 1916 (Каталог выставки картин «Мир Искусства». М., 1916. С. 14), а в январе 1917 – в Петрограде (Выставка картин группы художников «Мир Искусства». Пг., 1917. С. 7).

...в «Северных Цветах» («В вагоне») – в 1903 г. – Это стихотворение Волошина было опубликовано в третьем выпуске альманаха «Северные цветы» (М.: Скорпион, 1903. С. 106–108).

МАКСИМ<ИЛИАН> ВОЛОШИН <7>

Печатается впервые по рукописи (ИРЛИ, ф. 562, оп. 4, ед. хр. 1, л. 26). Черновой карандашный набросок на тонком листе бумаги с линией сгиба посередине. Не завершен.

В 1925 Волошин написал несколько вариантов автобиографии. В письме к Ю.А. Галабутскому в марте он назвал предполагаемый юбилей – «ознаменованием 30-летней литературной работы» со времени опубликования первого стихотворения (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 30, л. 9). Кроме того, в мае исполнялось 25 лет с тех пор, как в майской книжке «Русской Мысли» за 1900 год появилась его первая статья («В защиту Гауптмана»). Было решено перенести празднование на конец мая: 29 мая по новому стилю – день рождения юбиляра, близкий ко времени приезда в Коктебель гостей на лето. 8 апреля Волошин написал в Москву друзьям о том, что «в Феодосии предполагается чествование» тридцатилетия его литературной деятельности 29 мая (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 30, л. 10). «Моя литературная деятельность, – писал он 8 апреля Ю.А. Галабутскому, – слишком сомнительна, чтобы ее можно бы дозволять публично ознаменовывать. Во всяком случае, всё, что было корректно в моем положении, я сделал уже: все мои личные друзья извещены о факте, что в Фео-

досии образовалось ядро... и т. д. Написал я и Ангарскому, который, очевидно все это передаст Каменеву <...>» (Там же, л. 10–10 об.). А в письме к тому же адресату от 20 апреля Волошин протестует против банкета и предлагает свести «всё до минимума: не надо *никакого* чествования в Феодосии и вообще никакого публичного чествования» (Там же, л. 11). 30 апреля Волошин прилагает к письму Галабутскому «Биографическую канву» и сообщает, что Ангарский написал, будто о «юбилее» осведомлен А.С. Енукидзе: «Что касается моей “оценки как поэта” – это, конечно, тема запретная <...> не очень ясно себе представляю, как мы обойдем все эти подводные камни. Ведь я *только* поэт, и поэт определенно враждебный всякой общественности и политике» (Там же, л. 12 об.).

<БИОГРАФИЧЕСКАЯ КАНВА> <8>

Печатается впервые по автографу, приложенному к письму Волошина от 30 апр. 1925 к Ю.А. Галабутскому (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3. ед. хр. 30, л. 13–14 об.).

Перед этим Галабутский напомнил Волошину о его дебюте в сборнике «Памяти Василия Ксенофонтовича Виноградова», вышедшем в свет 15 апр. 1895, и предложил отметить этот юбилей в Феодосии.

По толкованию деда... – Дед – Максим Яковлевич Кириенко-Волошин, с ним поэт встречался в Киеве в детстве.

...«Волошин» – запорожское прозвище = выходец из Италии... – Этимологически «Волошин» скорее – выходец из Валахии (область на юге современной Румынии, между Карпатами и Дунаем).

...обстановка Мастерских Смоленской дороги... – Имеется в виду Московско-Брестская железная дорога.

...был председ<ателем> *Исполн*<ительного> *Ком*<итета> *Москов*<ского> *Университета...* – На самом деле Волошин был лишь заместителем представителя Крымского землячества в указанной организации (представителем землячества был студент-естественник П.Н. Глоба, а председателем Исполкома – студент Л.А. Сенявин; см. об этом: *Орлов В.И.* Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М.: Всесоюзное общество политкаторжан, 1934. С. 363 и 365).

В 1910 г. основание «Аполлона». – Первый номер журнала вышел в свет в октябре 1909.

...заканчивающийся репинским скандалом... – Подробнее см. т. 3 наст. изд. С. 305–362, 538–559.

...дело Маркса... – Воспоминания Волошина об этом эпизоде см. с. 400–418 наст. тома.

...заметка В. Брюсова... страничка в «Ист<ории> *Львова-Рогачевского...* – Рецензия В.Я. Брюсова на «Стихотворения. 1900–1910» Волошина была напечатана в «Русской Мысли» (1910. № 5. Отд. III. С. 127–128); В.Л. Львов-Рогачевский в своей книге «Новейшая русская литература» (М.: Центросоюз. 1922; на обл. – 1923) поставил Волошина, как поэта революции, наравне с А. Блоком (С. 286–287).

...которая вырезана в новом изд<ании>... – Речь идет о втором, исправленном и дополненном издании (М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1924).

АВТОБИОГРАФИЯ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА <9>

Печатается впервые по черновой рукописи (ИРЛИ, ф. 562, оп. 4, ед. хр. 1, л. 22–23). Рукопись (синие чернила) не закончена.

...с Пиранезиевскими деревьями внутри домов... – Имеются в виду изображения на гравюрах Дж.Б. Пиранези.

...с дорическими колоннами Тезейона – (Петропавловский собор). – Этот севастопольский храм был построен на краю центрального холма города со стороны Южной бухты (1840–1844) по проекту архитектора В.А. Рулева в дорическом стиле, с колоннадами по всем фасадам. Сильно пострадал в Крымскую войну и был восстановлен только в 1888 (сохранился до наших дней). Здесь отмечено его сходство с афинским храмом Тезеон (названным в честь героя Тезея; ныне, однако, считается Гефестейоном – храмом в честь Гефеста) – дорическим периптером, сооруженным во 2-й половине V в. до н. э.

«1-ое марта»... – Т. е. убийство народовольцами 1 марта 1881 Александра II.

...знал наизусть «Полтаву», «Коробейников», «Демона». – «Полтава» – поэма А.С. Пушкина (1828–1829), «Коробейники» – поэма Н.А. Некрасова (1861), «Демон» – поэма М.Ю. Лермонтова (1841).

...«Трех разговоров» Владимира Соловьева и его «Письма о конце Всемирной Истории»... – «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе» Вл. Соловьева (СПб., 1900) вышли в свет отдельным изданием в мае 1900, ранее публиковались в журнале «Книжки Недели» (1899. № 10, 11; 1900, № 1, 2). «Письма о конце Всемирной Истории» – ошибка памяти: Волошин имеет в виду статью философа «По поводу последних событий» (Вестник Европы. 1900. № 9. С. 302–306).

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН: АВТОБИОГРАФИЯ <10>

Печатается по черновой рукописи с многочисленными поправками и вариантами «семилетий» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 1, л. 5–8, 11 и 10).

Прадо – Национальный музей живописи и скульптуры в Мадриде (основан в 1819).

«...человек – есть ангел в дьявольской личине»... – Высказывание французского писателя и религиозного мыслителя Леона Блуа, которое Волошин неоднократно цитировал в письмах, начиная с 1917.

Одно и то же мое стихотворение... называют лучшей характеристикой русс<кой> *Революции.* – Волошин имеет в виду В.М. Пуришкевича, мнение которого услышал при личной встрече с ним 5 июня 1919 (этот эпизод описан в воспоминаниях поэта; см. наст. том, с. 407–409), и председателя Реввоенсовета Л.Д. Троцкого, отзыв которого был передан ему кем-то из знакомых (и не вполне достоверен).

Отдельные мои стихотворения печатаются всеми без моего согласия... – Имеются в виду публикации стихов Волошина в зарубежных эмигрантских изданиях, а также его книги «Демоны глухонемые» и «Стихи о терроре» (обе – Берлин: Книгоиздательство писателей в Берлине, 1923), «Усобица. Стихи о революции» (Львов: Живое слово, 1923).

...поэма «Россия» (петербургский период). – Волошин закончил работу над поэмой 6 февр. 1924.

Кошелев. Портр<ет> *маслом...* – Возможно, имеется в виду Н.А. Кошелев, но скорее всего речь идет об Александре Алексеевиче Киселеве (1855 – после 1918), спутнике Волошина по путешествию в Испанию. Местонахождение портрета не установлено.

Слевинский. Маслян<ый> *портр*<ет>*...* – Портрет его работы (60 × 45,5) находится в ДМВ. Репродукции: *Jaworska W.* W kręgu Gauguina. Malarze Szkoły Pont-Aven. Warszawa, 1969; Сокровища Дома Волошина. Альбом. Симферополь: Сонат, 2005. С. 87.

Евгений Зак. Сангина... – Местонахождение портрета не установлено. В ДМВ – фотокопия.

Эдуард Виттиг. Бюст... – См. т. 5 наст. изд. С. 664–665. Репродукции: Образ поэта. Вклейка перед с. 81; ЛТ-88. Вклейка перед с. 289.

Е.С. Кругликова ∾ рисунки. – Портрет работы Кругликовой маслом (79,4 × 45,5) хранится в ДМВ. Репродукции: Образ поэта. После с. 80; Сокровища Дома Волошина. С. 52. В технике офорта

выполнен погрудный портрет в профиль (11,7 × 12,5). В технике силуэта выполнено несколько портретов Волошина (см.: Образ поэта. С. 148. Еще два шаржа – в ИРЛИ. Один портрет темперой на картоне (80 × 50,5) был подарен М.С. Волошиной художнице Е.В. Нагаевской, которая в 1986 передала его в Художественный музей г. Симферополя.

А.Я. Головин ∾ поясной... – Литографический портрет Волошина работы А.Я. Головина был воспроизведен в № 3 журнала «Аполлон» за 1909 г. (см. также: Образ поэта. Перед с. 96). Портрет сангиной, который хранится в фондах ГЛМ, экспонировался на выставке произведений Волошина в Москве (сентябрь 2002). Поясной портрет темперой был обнаружен в Интернете и воспроизведен в кн.: *Кузьмина-Караваева Елизавета* (*Мать Мария*). Равнина русская / Сост. А.Н. Шустов. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. Перед с. 289.

Манэ Кац ∾ поясной... – Мане-Кац выполнил портрет пастелью (36,7 × 33,7) скорее всего в 1919 в Феодосии. Хранится в ДМВ.

...Ривера ∾ в рост... – Эти два портрета маслом: на холсте (114,5 × 144,5) и на пробковом подносе (50,2 × 30,5) хранятся в ДМВ. В Мексике находится еще один портрет Волошина в рост (110 × 90), который экспонировался в 1973 на выставках в Москве и Ленинграде. Репродукция портрета на пробковом подносе: Образ поэта. Фронтиспис; Сокровища Дома Волошина. С. 83. Репродукция «колоссальной головы»: Сокровища Дома Волошина. С. 82.

Бобрицкий ∾ Голова... – Кроме портрета сангиной (43,5 × 36,5) художник выполнил также портрет Волошина тушью (15,5 × 15,5). Оба находятся в ДМВ. Первый репродуцирован: Образ поэта. Между с. 96 и 97.

Шаронов... – Этот портрет (46 × 44) выполнен сангиной в Коктебеле, хранится в ДМВ.

Хрустачев... – Портрет Н.И. Хрустачёва (58 × 50,5) выполнен сангиной в 1920. Репродукции: Уральский следопыт. 1978. № 12. С. 70; Образ поэта. После с. 32.

Miss Hart. Голова... – В. Харт нарисовала голову Волошина анфас углем (48,3 × 31) в Коктебеле, где начала также его портрет маслом (55,5 × 38,2), который остался незаконченным (оба – в ДМВ). Первый репродуцирован: Сокровища Дома Волошина. С. 88.

Баруздина ∾ Голова... – Кроме портрета карандашом с белилами (26,5 × 18,3) Баруздина выполнила в 1916 в Коктебеле погрудный портрет маслом (60 × 50), который находится в Москве в Государственном литературном музее (репродукция – открытка; М.: АртГалс. 2003). Портрет, названный Волошиным в списке, хранится в ДМВ.

Зайцев 2 угл<см>... – Голову Волошина М. Зайцев нарисовал свинцовым карандашом в Коктебеле дважды (56,5 × 44,8 и 51 × 45). Кроме того, им тогда же, в 1925, выполнен портрет во весь рост (Волошин сидит в кресле под скульптурой Таиах) маслом (79,5 × 60). Все три – в ДМВ. Репродукция третьего: Образ поэта. После с. 48.

А.П. Остроумов<а-Лебедева> ∾ *поясн*<ой>... – Погрудный портрет акварелью (39 × 53) выполнен художницей в Коктебеле и находится в ДМВ (репродукция: Образ поэта. Перед с. 33). Поясной портрет маслом (63 × 56) хранится в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге. Репродукция: *Остроумова-Лебедева А.* Автобиографические записки. М., 1974. Т. 3. С. 261. Кроме того, существует набросок 1924 карандашом со спины, который также хранится в ГРМ.

Костенко ∾ *Линолеум...* – Художник выполнил четыре портрета в технике гравюры на линолеуме: погрудный (20 × 20,7) и в рост за рабочим столом (21,4 × 28) в 1924; погрудный в профиль на фоне горы Кок-Кая (12,6 × 18,6) в 1925 (репродукция: Образ поэта, перед с. 33); голова вправо в 1927. Оттиски всех линогравюр – в ДМВ.

Верейский ∾ *каранд*<аш>... – Художник выполнил два погрудных портрета в технике литографии (31,8 × 25,8 и 32,3 × 27) и один – карандашом (42,7 × 32.5; репродукция: Образ поэта. На вклейке между с. 32 и 33).

Кустодиев. Поясн<ой>... – Имеется в виду портрет маслом (111 × 89) анфас, на фоне горного пейзажа, который является собственностью Государственного литературного музея в Москве. Репродукция: Борис Михайлович Кустодиев. Письма. Статьи, заметки, интервью. Встречи и беседы с Кустодиевым (Из дневников Вс. Воинова). Воспоминания о художнике. Л.: Художник РСФСР, 1967. На вклейке между страницами 240 и 241, в черно-белом исполнении. Художник также выполнил эскиз головы Волошина цветными карандашами (59 × 47), который хранится в ДМВ. Репродукция: Образ поэта. Между с. 32 и 33. А также еще один портрет (карандашный, в рост, в кресле), который принадлежит ГЛМ. Репродукция: ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 393.

Из карикатур... – Б.Н. Матвеев нарисовал шаржированный портрет Волошина в плаще и широкополой шляпе с пером (28 × 20) в Париже в начале 1900-х. Находится в ДМВ. Шарж *Ре-Ми* «Наши критики», изображающий М. Волошина, К. Чуковского и П. Пильского, был опубликован в октябре 1908 в журнале «Сатирикон» (№ 29. С. 12). Местонахождение оригинала установить не удалось. Републикация: Труды и дни. С. 503. Карикатуру *Д. Моора*, который был сотрудником нескольких сатирических журналов, обнаружить

не удалось (в частности, были просмотрены все номера журнала «Будильник» за 1908–1912. Возможно, что шарж появился в журнале «Будильник» в 1913, в период «репинской истории». В библиотеках Москвы и Петербурга комплект «Будильника» за 1913 оказался составителям недоступен).

Из фотографий: Дэнар ∾ Асикритов. – Денар – фотографическая фирма в Петербурге. В 1909, когда Волошин записал в своей адресной книжке адрес (Морская, 11), владельцем ее был Б.И. Завелев. Фотографии Волошина в детстве выполнены Д.М. Асикритовым (адрес ателье: Москва, Тверская ул., д. 32) и F. de Mezer (Киев; опубликована: Путник по вселенным. После с. 160). В.В. Дилевский – фотографировал в Париже в 1910-е, Л.Н. Маслов – в Одессе в 1919, М. Наппельбаум – в Ленинграде в 1924 (опубликована: Лит. Армения. 1966. № 8. После с. 78).

...Мюссе «Новеллы»... – 27 апреля 1911 Волошин заключил договор с московским книгоиздательством «Сфинкс» о переводе четырех новелл А. де Мюссе. Летом поэт начал переводить «К Нинон». В июле издатель В.Ф. Прорубников получил рукопись (Из лит. наследия-3. С. 393). В конце того же года Волошин вел переписку с матерью по поводу выплаты денег за представленные в издательство переводы. Другие сведения об этих переводах не выявлены, рукописи их не обнаружены.

Париж. – Этим словом оканчивается рукопись Автобиографии. На обороте листа – автограф Волошина <?>:

Силы природы в общем безразличны
Но человек не может их коснуться
И<x?> не насытив собственной душой
Страстями, жертвами, пороками.

АВТОБИОГРАФИЯ <11>

Печатается впервые по черновому автографу (ИРЛИ, ф. 562, оп. 4, ед. хр. 1, л. 20, 21).

Ученье. Туркин. – О Н.В. Туркине см.: *Климашевский А.А.* Личность критика и публициста Н.В. Туркина. Ростов-на-Дону, 1996.

Звезда полынь. – Этот образ из «Откровения Святого Иоанна Богослова» (VIII, 10–11) Волошин использовал как заголовок третьего раздела своей первой книги «Стихотворения. 1900–1910». В 1907 в петербургском издательстве «Оры» была подготовлена к печати книга стихотворений Волошина под заглавием «Звезда полынь» (верстка – в ДМВ).

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН. АВТОБИОГРАФИЯ <12>

Печатается впервые по автографу (ИРЛИ, ф. 562, оп. 4, ед. хр. 1, л. 1–4).

Отец ∾ прозван «Стивой Облонским»... – В автобиографии 1924 <5> Волошин зачеркнул аналогичную фразу (ср. с. 220 наст. тома).

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН. АВТОБИОГРАФИЯ <13>

Окончательный машинописный вариант автобиографии «по семилетиям» с правкой автора (ДМВ, А. 569).

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранится машинописный вариант этой автобиографии без правки автора (ИРЛИ, ф. 562, оп. 4, ед. хр. 1, л. 13–15).

Опубликована с неточностями и купюрами: *Волошин Максимилиан.* Стихотворения и поэмы: В 2 т. Paris: YMCA-Press. 1982. Т. 1. С. CVII–CXII; Литературная учеба. 1988. № 5. С. 96–98 / Публ. В. Купченко и З. Давыдова; Воспоминания. С. 29–35; Путник по вселенным. С. 158–163.

В экземпляре машинописи, хранящейся в архиве ДМВ в конце текста первого «семилетия» вписано: «Опьяняюсь стихами»; в конце второго: «Учусь из рук вон плохо. Сижу по 2 года в классе»; в тексте седьмого «семилетия»: «Проживя 15 лет на Западе, я с начала Революции никуда не хочу уезжать из России» и «все используют мои картины и стихи»; в конце раздела «Библиография» добавление: «Брошюра "О Репине" 1913. Изд. Оле Лук-Ойе. До меня доходили слухи еще о многих иных изданиях моих книг, но я их не видал». Этот машинописный экземпляр автобиографии датирован: 15/XI 1925; подпись – автограф. Судя по упоминанию в тексте источника фамилии А. Темерина, фотографировавшего Волошина в 1929 и в 1930, оформление этой автобиографии предположительно было закончено в 1930.

Позже Звенигородский уезд ∾ до Голицына и Саввинского Монастыря. – Голицыно – железнодорожная станция по Московско-Брестской дороге; Саввино-Сторожевский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, который был основан около 1380 преподобным Саввою (ум. в 1406) близ горы Сторожевской.

«Брестский мир». – Стихотворение «Мир» («С Россией кончено...На последях...», 23 нояб. 1917). См. т. 1 наст. изд. С. 259, 525–526.

Анри де Ренье. «Маркиз д'Амеркёр» ∾ 2-ое изд<анис> *«ACADEMIA».* – Впервые «Рассказы о маркизе д'Амеркере» были переведены Волошиным не в полном объеме для журнала «Аполлон» (1910. № 6). Полный перевод издан отдельной книгой: *Ренье Анри де.* Маркиз д'Амеркёр. Перевод Максимилиана Волошина. М.: Альциона, 1914. Позже – в собрании сочинений А. де Ренье в 17 томах (Л.: Academia, 1925. Т. 1. С. 41–142).

Якимченко. Голова... – Художник написал портрет Волошина маслом в Париже в 1902. На нем изображена голова поэта в берете (33 × 46). Хранится в ДМВ. Репродуцирован: Образ поэта. Между с. 80 и 81.

Э. *Виттиг. Бюст ∾ 1911 г.* – Над бюстом Волошина скульптор работал в конце 1908. *1911* – возможно, имеется в виду установки бюста в Отейле (район в западной части Парижа).

Скульптура... А.Т. Матвеев. – Л.А. Блох выполнила бюст Волошина (1926) сначала из глины, затем в гипсе (ДМВ). С Г.В. Дерюжинским Волошин встречался осенью 1918 в Ялте, но бюст работы этого скульптора обнаружить не удалось. Бюст А.Т. Матвеева выполнен в бронзе (14,5 × 14 × 12) в 1928; постамент – фарфор XVIII в. Собственность ДМВ.

Карикатуры ∾ Преславского... – А.А. Пржецлавский (Пшеславский) гостил в Коктебеле у Волошина в 1921–1922, тогда же могли быть выполнены его карикатуры, обнаружить которые не удалось.

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН. АВТОБИОГРАФИЯ <14>

Печатается по машинописи (РГАЛИ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 13, л. 1–4). Автобиография опубликована В. Купченко и З. Давыдовым (Литературное обозрение. 1989. № 2. С. 98–99; Воспоминания. С. 36–39).

...знаю из Костомарова, что в XVI веке был... Матвей Волошин... – В собрании сочинений Н.И. Костомарова (СПб.: Литфонд, 1903. Т. 1–3; 1904. Т. 4–6) это имя не обнаружено.

Заказ 3692

Севастополь помню в развалинах... – Севастополь лежал в развалинах после Крымской войны (1855–1856).

...в сельце Захарьине прошло детство Пушкина, а в Семенкове – Лермонтова. – Имеются в виду Захарово (имение М.А. Ганнибал) и Середниково (подмосковная усадьба Столыпиных), где Лермонтов бывал в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет.

...1900 г. – год Китайского пробуждения. – Речь идет о восстании ихэтуаней («ихэтуань» по-китайски – отряды справедливости и согласия) – антиимпериалистическом вооруженном выступлении китайцев (1899–1901). Восстание было жестоко подавлено войсками иностранных интервентов (в том числе и России).

В феврале <19>*17 г. ...в Москве...* – В Москву Волошин приехал с матерью 26 дек. 1916 и находился там до 12 апр. 1917.

...а после не покидал берегов Черного моря. – Не вполне точно: в 1924 Волошин с М.С. Заболоцкой выезжали в Харьков, Москву и Ленинград на три месяца (с 22 февраля по 21 мая).

КИРИЕНКО-ВОЛОШИН, МАКСИМИЛИАН АЛЕКСАНДРОВИЧ (ПОЭТ И ХУДОЖНИК)

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ <15>

Печатается впервые по машинописи (ИРЛИ, ф. 562, оп. 4, ед. хр. 1, л. 16–16 об.).

Написано Волошиным после инсульта (перенесенного им 9 дек. 1929) при подаче заявления на пенсию по инвалидности.

<АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ НАБРОСОК> <16>

Печатается впервые по карандашному автографу (ИРЛИ, ф. 562, оп. 4, ед. хр. 1, л. 18–18 об.).

Quattrocento. – Кватроченто – общепринятое в искусствознании и культурологии обозначение XV в. в Италии.

...выслан в Ташкент, где пробыл около года... – На самом деле менее полугода – с 15 сент. 1900 по 24 февр. 1901.

В 1908 г... я... заставил себя пройти... курс пейзажа... – На самом деле это «переучивание» в живописи состоялось в 1913.

О САМОМ СЕБЕ <17>

Печатается по авторизованной машинописи (ИРЛИ, ф. 562, оп. 4, ед. хр. 2, л. 5–10; Там же (л. 1–4 об.) – автограф с зачеркнутым подзаголовком: «Pro domo sua»). Статья должна была служить предисловием к рукописному каталогу выставки работ Волошина «Киммерия» за 5 лет (1925–1930), включающему 750 акварелей.

Опубликовано впервые (с купюрами) В.А. Мануйловым в альбоме «Пейзажи Максимилиана Волошина» (Л.: Художник РСФСР, 1970. С. 16–19). Эта публикация повторена в сб. «Максимилиан Волошин – художник», составленном Р.И. Поповой (М.: Сов. художник, 1976. С. 41–48). Полный и откомментированный текст был напечатан В. Купченко и З. Давыдовым (Путник по вселенным. С. 164–170; Воспоминания. С. 40–46). Во всех публикациях выставка ошибочно именовалась «Коктебель». Для наст. изд. текст выправлен заново.

Статья написана в середине сентября 1930 (Труды и дни-2. С. 470). Акварели после этого были отправлены в Ленинград с И.И. Рыбаковым, но его вскоре арестовали, и выставка не состоялась.

...начинает «Теорию цветов»... – «К учению о цвете» («Zur Farbenlehre», 1810) И.В. Гёте. См.: *Гёте И.В.* Избранные сочинения по естествознанию. Перевод и комментарии И.И. Канаева. <М.; Л.>: Изд-во Академии наук СССР, 1957.

Это описано... в «Дневнике» Гонкуров. – Наблюдение над подобным сеансом художника Ватанобе-Сеи было записано Э. Гонкуром в дневнике (28 нояб. 1878). См.: *Гонкур Э. и Ж. де.* Дневник. М.: Худож. литература, 1964. Т. 2. С. 265.

...классических японцев (Хокусаи...)... – В библиотеке Волошина (ДМВ) сохранилась книга *Perzyński F. Hokusai.* Berlin; Leipzig: Bielefeld Velhagen & Klasing, 1904.

...коллекция японской печатной книги... – Волошин изучал японские эстампы в Национальной галерее (в течение недели) в июле 1915, получив от С.К. Маковского заказ на статью о японской гравюре для журнала «Аполлон». Однако затем Маковский отменил заказ, и статья написана не была.

...художественной мереологии... – Мереология – раздел логики, описывающий отношения между частью и целым.

...у Рёскина <есть> *нечто ∾ в статьях о Тёрнере...* – Речь идет о первом томе труда Дж. Рёскина «Современные художники» («Modern Painters». London, 1843), посвященного тогда еще не признанному живописцу.

...сквозь призму Киммерии, которую я знаю наизусть... — В архиве Волошина сохранился набросок о коктебельском пейзаже и его влиянии на становление Волошина-художника (ИРЛИ, ф. 562, оп. 4, сд. хр. 1, л. 28–28 об.):

«Надо много объездить и обойти стран земли, чтобы понять красоту своей долины. В детстве эти привычные очертания гор ничего не говорят взгляду, но когда глаз, обогащенный всеми зрелищами и всею полнотой Европы, успокаивается на этих тесных линиях горизонта, он в каждой складке холма открывает неожиданное движение и знаки. И каждый день приносит радость новых открытий.

В отрочестве познание пейзажа было неизбежно связано с ходьбой и бегом. Была потребность ощупать ступнями ног расстилавшуюся землю. Взгляд с высоты холма давал ощущение полета над землею: и эта любовь к широким далям не имела в себе ничего живописного. Земля познавалась только личным движением. Чем прекраснее казалась местность, тем быстрее становился шаг. Я не умел останавливаться для того, чтобы "любоваться видом": замедлением движения – прекращалась связь с землей.

Потом это переменилось. Физическое движение нашло себе новую форму. Это была живопись. Я стал живописцем с того момента, как в первый раз, сидя на одном месте, стал смотреть на пейзаж. Глаз продолжал тот бег, который прекратили ноги. Сразу стало понятно движение линий, рисунок пейзажа. Я многие годы рисовал мысленно, не зная, что это то же самое, что рисовать карандашом и кистью. Понадобилась случайность: уголь и бумага, требование нарисовать "как умею" с натуры, чтобы открылось, что я в сущности уже давно умею рисовать и рисую мысленно.

Таким образом, вся живопись совершенно логично вытекла из отроческой страсти к движению.

Теперь кисть и краски – для меня стали необходимой потребностью для общения с природой. Только анализ глаза позволяет глубже вникать в сердце местности.

Для меня живопись (моя личная) – не искусство, не осуществление, а такая же органическая потребность как ходьба, как движенье. И так же, как физическое движение, она приносит с собою успокоение духа, равновесие, обновление.

Ничто мне не чуждо настолько, как литература в живописи. Все в анализе видимого. Я понимаю живопись, как метод познания природы. Научные открытия Леонардо вытекают из его живописи».

Выйди на кровлю. Склонись на четыре... – Полностью приведено стихотворение Волошина, написанное 11 окт. 1924. См.: т. 1 наст. изд. С. 174.

...«Полдень» перепечатан в крымском журнале виноградарства... – Эта перепечатка не обнаружена. Текст сонета см. т. 1 наст. изд. С. 93.

<БИОГРАФИЧЕСКАЯ КАНВА. 1931> <18>

Печатается по автографу (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 441, л. 75 об. – 77). «Канва» вписана Волошиным в тетрадь с заголовком «История моей души» после записи 1906, т. е. спустя четверть века. Опубликована В. Купченко: *Волошин Максимилиан.* История моей души. М.: Аграф, 1999. С. 374–376.

Жебуневы – супруги В.А. и М.А. Жебунёвы и их дочери: Екатерина, Лариса, Людмила и Галина. От старших Жебунёвых Волошин узнал многое о движении «Народная воля».

Студенч<еский> *сбор*<ник>. – Волошин активно участвовал в составлении «Сборника в пользу недостаточных студентов» Московского университета, однако в выпущенном в том же году (дозволен цензурой еще 14 янв. 1897) «Сборнике» под редакцией В.А. Гольцева, его имя не указано.

Земляч<ество>. – Имеется в виду Крымское землячество в Московском университете.

Москва. Худож<ественный> *клуб.* – Речь идет о Литературно-художественном кружке на Большой Дмитровке.

Постройка Пелеаты. – Имеется в виду завершение строительства дома Волошина в Коктебеле, получившего название «вилла Пелеата» (Труды и дни. С. 111).

Quat'z Arts (четыре искусства; *фр.*). – Костюмированный бал общества студентов-художников в Париже. См. статью Волошина «Весенний праздник тела и пляски» (Т. 5 наст. изд. С. 400–407).

Ателье на Edg<ar> *Quinet.* – Волошин занял это помещение (ул. Эдгар Кинe, 16) с 22 сент. (5 окт. н. ст.) 1905 (Труды и дни. С. 147).

Свадьба. – Венчание Волошина с М.В. Сабашниковой состоялось 12 апр. 1906 в церкви св. Власия в Москве; вечером того же дня новобрачные уехали за границу (Труды и дни. С. 157).

1907. Аморя в Италии. – Ошибка памяти: Сабашникова находилась в Италии (вместе с А.Н. Ивановой) с 1 янв. по 28 марта 1908.

Сломанная рука. – Волошин повредил правую руку в локтевом суставе, упав с велосипеда в середине июля 1910 (Труды и дни. С. 251–252).

Увлечение танцами Рабенек. – О руководимой Е.И. Рабенек школе пластических танцев Волошин неоднократно писал (см. т. 5 наст. изд. С. 258–263; Т. 6, кн. 1. С. 361–362, 403–408, 465–468).

Поездка с Гарри. – Этот театральный агент был устроителем лекционного турне Волошина (март 1913) по маршруту: Смоленск – Витебск – Вильно (Труды и дни. С. 317–318).

Лондон. – Волошин был здесь по пути из Франции в Россию (подробнее см. с. 568 наст. тома).

1916. Воинская повинность. – Волошин подлежал призыву как ратник ополчения 2-го разряда, но отказался от службы по моральным соображениям (см.: *Гаврилов Б.* «Как европеец, как художник, как поэт...» // Ново-Басманная, 19. М.: Худож. литература, 1990. С. 211–223). После нескольких освидетельствований в Феодосии и Керчи поэт был признан негодным к воинской службе из-за поврежденной правой руки.

1917. Зима с Кедровыми в Коктебеле. – У Волошиных тогда жили Н.Н. и К.Н. Кедровы с их женами и детьми (все позднее эмигрировали). Ясновидящей В.Л. Рюминой Волошин посвятил стихотворение «Европа» (1918).

1918. Дуся. – Видимо, Е. Яценко, жившая в Феодосии с 1910; в 1922 она уехала с английским капитаном за границу и стала актрисой кино.

Фаина. – Ф.Г. Раневская, которая в ходе лекции Волошина о Верхарне в обществе «Киммерика» (Феодосия) читала стихи бельгийского поэта в оригинале.

Гришка – прозвище С.Г. Гутоп.

Татида – псевдоним и прозвище Т.Д. Цемах, возлюбленной Волошина в 1918–1919.

Капнист – семья: Р.Р. и А.Д. Капнист и их пятеро детей.

Ялта... Лекции... Севастополь. Симф<ерополь>. ~ *Одесса.* – В поездку по причерноморским городам Волошин отправился на заработки чтением лекций и стихов.

1919. ...Одесса. Цетлины. Эсеры... Бунин. – Волошин жил в Одессе на квартире Цетлиных вместе с их друзьями, видными деятелями партии эсеров А.Р. Гоцем и В.В. Рудневым, и не раз встречался с И.А. Буниным. Последний описал их беседы в некрологическом очерке «Волошин» (1932), вошедшем в его книгу «Воспоминания» (1950).

История Маркса. Поездка в Екатеринодар. – Об этом эпизоде см. раздел «Воспоминания» наст. тома.

Астафьев и Маруся. – Фиксация первой встречи Волошина с М.С. Заболоцкой в его доме (см. раздел «Воспоминания», запись от 16 апр. 1932).

Юр<ий> *Иванов. Воен*<ная> *школа.* – Речь идет о 64-х Высших пехотных командных курсах в Феодосии, где Волошин читал лекции по истории культуры с лета 1921. Ю. Иванов присутствовал на заседании программных комиссий этих курсов (25 дек. 1921); других упоминаний о нем не найдено.

Женя Ребик<ова>. *Маруся.* – Е.Н. Ребикова, по-видимому, была влюблена в Волошина (он считал себя обязанным как-то устроить ее судьбу), но в 1922 М.С. Заболоцкая оттеснила ее.

Розановы – М.П. Розанов и его жена.

Чуковский. Иосиф Викторов<ич>. *[Старушка Божий дар Ал. Ал.].* – См. дневниковые записи К.И. Чуковского о тогдашнем пребывании в Коктебеле: *Чуковский К.* Дневник: 1901–1929. М.: Сов. писатель, 1991. С. 248–250. Среди тех, кого в 1923 Волошин приютил в своем доме, были И.В. Зелинский и А.А. Вьюгова (шутливо прозванная «Старушка Божий дар»).

Анчутка (от «Анна Чуткая») – коктебельское прозвище А.А. Кораго. После смерти Волошина она осталась в Доме Поэта, опекая его вдову до самой своей смерти.

Ан<дрей> *Белый и антроп*<ософки>. – С А. Белым в Коктебель приехали три последовательницы антропософского учения: К.Н. Васильева, О.Н. Анненкова и Д.Н. Часовитина.

Первые именины и «кинематограф» с Брюсовым и Белым... – Именины Волошина (17 авг.) праздновались всеми гостями Дома Поэта, устраивавшими спектакли и концерты. В эти первые именины (1924) была поставлена пародия на авантюрные западные фильмы «С ружьем по Африке» (см. воспоминания Н.А. Габричевской «Андрей Белый – “террорист”» // Лит. обозрение. 1995. № 4–5. С. 112–117).

Поездка в Симферополь. – Волошин ездил в Симферополь (в конце июля 1924) хлопотать о снятии с него курортных налогов, поскольку давал приют своим гостям бесплатно. Вернулся он в Коктебель 2 авг. 1924.

Марусина поездка в Харьков. Операция. – М.С. Заболоцкая выехала в Харьков 4 февр. 1925 на медицинское обследование по поводу болей в ухе, но 25 февраля ей была сделана гинекологическая операция. Волошин выехал к жене 20 февраля, в Коктебель они возвратились вдвоем 21 марта 1925.

Попытки реквизир<овать> *мой дом (постановл*<ение> *Совнар*<кома> *Крыма).* – Эти попытки не раз предпринимались Коктебельским сельсоветом. Но пришедшее из Симферополя по-

становление Крым. ЦИК (от 29 янв. 1925; утверждено 14 февр.) закрепляло дом за Волошиным (по его ходатайству).

Poetae Poetae <поэты – поэту> *...Ярхо.* – Под таким латинским названием Волошину была поднесена в день его именин (17 авг. 1925) тетрадка с пародийными поздравлениями ему от лица сорока девяти поэтов «всех времен и народов», выполненными гостившими у него поэтами. Б.И. Ярхо был одним из авторов этого сборника.

...Елгаштина. Прогул<ка> *весной... (Синие горы).* – Об этой совместной прогулке с Волошиным в старокрымские леса см. в мемуарном очерке З.И. Елгаштиной (Воспоминания. С. 538–539).

Летом ∾ оперетка. – Речь идет о поставленном и сыгранном гостями Волошина шуточном спектакле «Саша-паша, или Контора ГГО» (Гарема Габричевского общество), с участием А.Г. и Н.А. Габричевских, Е.С. Кругликовой, З.И. Елгаштиной, С.В. Шервинского и др. Описание спектакля дано, например, Л.А. Аренс (Воспоминания. С. 613–615).

Поездка в Москву к Шервин<ским...>. – Волошин с женой прибыли в Москву 9 февр. 1927 и остановились в доме В.Д. Шервинского (Померанцев пер.) по приглашению его сына С.В. Шервинского.

Зима с Андерсами. – На супругов Андерсов Волошины оставили дом, уехав 26 янв. 1928 на лечение в Кисловодск (возвратились 17 марта).

Д<окто>*р Смирнов.* – Возможно, А.А. Смирнов.

Ссылка Федоровых. – Возможно, речь идет о Д.С. Федорове, с которым Волошин встречался в 1918, и его жене.

Пребывание поэта Державина. – Имеется в виду харьковчанин В.Н. Державин, ранее (в 1926) уже приезжавший в Коктебель. Он страдал психическим расстройством, и его повторный приезд к Волошиным (1929) сильно осложнил их жизнь.

...перевод Флобера... – По заказу Госиздата РСФСР Волошин перевел повести Г. Флобера «Легенда о святом Юлиане Страннолриимце» и «Простое сердце»; первый перевод был опубликован в 5 томе собрания сочинений Флобера (1934), второй – отклонен. Оба перевода см. т. 4 наст. изд. С. 796–852.

Арест С<аши> *Габри*<чевского>. – Это был первый из арестов А.Г. Габричевского «по обвинению в "антисоветской агитации и участии в к/р группировке" в Государственной академии художественных наук, через месяц из-под стражи освобожден под подписку о невыезде из Москвы» (Сб. «Просим освободить из тюремного заключения: Письма в защиту репрессированных» / Сост. В. Гончаров, В. Нехотин. М.: Совр. писатель, 1998. С. 141).

Концентр<ационный> *лагерь...* – Был создан в Коктебеле для раскулачиваемых крестьян и мелких предпринимателей.

АНКЕТЫ

<ОТВЕТЫ НА ТУРГЕНЕВСКУЮ АНКЕТУ>

Анкета была составлена одним из французских журналистов и предложена И.С. Тургеневу, который отвечал на нее дважды – в 1869 и в 1880 (*Тургенев И.С.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Соч.: В 12 т. М.: Наука, 1986. Т. 12. С. 371–374). Факсимиле по-французски: Голодному на хлеб. Альбом автографов писателей, художников, артистов, общественных деятелей. СПб., 1892; в переводе на русский язык: Русское Слово. 1903. № 193, 22 авг. С. 2.

Волошин вписал в записную книжку вопросы (ИРЛИ, ф. 562. оп. 1, ед. хр. 394, л. 3–3 об.), на которые ответил в этой записной книжке дважды. На вопросы, по его просьбе, отвечали также его родные и друзья: Е.О. Кириенко-Волошина, П.П. Теш, Л.С. Лямина, Е.С. Лямина, Я.А. Глотов, Е.Ф. Юнге, С.Э. Юнге, А.М. Пешковский, Ф.К. Арнольд, М.П. Свободин и др.

<1. 1898>

Текст первого варианта ответов от 20 апр. 1898 печатается по автографу (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 394, л. 8–8 об.). Впервые опубликован: Труды и дни. С. 58–59.

Шарлотта Корде, Софья Перовская. – Обе они были казнены. Первая за убийство Ж.-П. Марата, вторая – как одна из организаторов покушения на Александра II.

Сонечка Мармеладова, Ганнеле, Гретхен. – Героини, соответственно, романа Достоевского «Преступление и наказание», одноименной драмы Г. Гауптмана, «Фауста» Гёте.

Маркиз Поза, Дон Кихот, Идиот. – Герои, соответственно, драматической поэмы Шиллера «Дон Карлос, инфант испанский», романа Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», романа Достоевского «Идиот» (князь Мышкин).

«Весело жить!» – крылатая фраза Ульриха фон Гуттена: «Iuvat vivere!!!» («Es ist eine Lust zu Leben!»).

<2. 1899>

Второй вариант ответов на «тургеневскую анкету» печатается по автографу (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 394, л. 21 об. – 22). Впервые опубликован: Литературная Россия. 1987. № 18. С. 24; также: Труды и дни. С. 63.

...героиня стих<отворения> *в прозе Тургенева «Порог».* – В этом произведении (1882) аллегорически изображена девушка, вступающая на путь революционной борьбы. В 1899 Волошин мог прочесть это произведение либо в списке, либо в нелегальной печати, так как оно было опубликовано в России только в 1905 (см.: *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Соч.: В 12 т. М.: Наука, 1982. Т. 10. С. 493–498; коммент. М.П. Алексеева и Н.В. Алексеевой).

Лео – герой романа Фридриха Шпильгагена «Один в поле не воин» («In Reih und Glied», 1866), народный трибун, революционер, вождь рабочих; прообразом его послужил Ф. Лассаль.

Всё понять – всё простить. – Выражение восходит к латинскому словосочетанию «cognoscere ignoscere», встречающемуся в комедии Теренция «Самоистязатель» (ст. 218).

<3. 1909>

Автограф не обнаружен. Печатается по копии из архива В.П. Купченко.

На островах Архипелага... – Имеется в виду Греческий архипелаг, совокупность островов Эгейского моря.

Ренье... Черубина. – Указание этих имен непосредственно отражает время возникновения данного документа: летом 1909 Волошин переводил для журнала «Аполлон» «Рассказы о маркизе д'Амеркёре» А. де Ренье. В то же лето для Е.И. Дмитриевой был придуман мистификационный псевдоним Черубина де Габриак, под которым ее стихи стали публиковаться в «Аполлоне» (см. с. 472–483 наст. тома).

Шерлок Холмс – герой ряда рассказов и повестей А.К. Дойла, сыщик-интеллектуал.

Сара де Монерс – героиня драмы О. Вилье де Лиль-Адана «Аксель», перевод которой был осуществлен Волошиным для журнала «Аполлон» летом 1909.

Бульябес и брандада. – Блюда французской кухни: буйабес (bouillabaisse) – рыбная похлебка с чесноком и пряностями, рас-

пространенная на юге Франции; брандада (от фр. brander – перемешивать) – второе блюдо из трески, родиной которого считается Прованс.

Horas non numero nisi serenas (*лат.*). – Расхожее выражение на солнечных часах.

Кветца<ль>*коатль* (Кецалькоатль; «змея, покрытая зелеными перьями» или «драгоценный близнец») – одно из трех главных божеств индейцев Центральной Америки, владыка стихий, покровитель жречества и науки.

Ассурамазда – возможно, контаминация двух имен: библейского *Ассур* (сын Сима, родоначальник ассирийского племени) и древнеиранского *Ахурамазда* (букв. «Господь премудрый»; верховное божество в иранской мифологии).

<ОТВЕТЫ НА АНКЕТУ Ф.Ф. ФИДЛЕРА>

Опубликованы в кн.: Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей / Собрал Ф.Ф. Фидлер. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1911. С. 165–167. Книга вышла в конце февраля 1911: 28 февраля в газете «Русское Слово» появилась рецензия Ю. Александровича на нее. Автограф ответов Волошина датирован 5 янв. 1910 (ИРЛИ, ф. 649, оп. 4, ед. хр. 84).

С писателями лично познакомился ∾ в 1903... – Приехав в январе 1903 в Россию из Парижа с поручением от кружка «Монпарнас» заручиться поддержкой русских литераторов и художников, Волошин познакомился в Петербурге с А.А. Блоком, В.Я. Брюсовым, З.А. Венгеровой, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковским, Н.М. Минским, П.С. Соловьевой (а также с художниками А.Н. Бенуа, И.Э. Грабарем, В.А. Серовым, К.А. Сомовым), а в Москве – с Андреем Белым, Ю.К. Балтрушайтисом и др.

Начал... писать стихи с 12 лет. – Первое из известных стихотворений Волошина («Наступление ночи»; см. т. 2 наст. изд. С. 133) датировано 24 февр. 1891. Тогда ему было 13 лет и 9 месяцев.

Гейне ∾ Фрейлиграт (которых переводил). – Стихи этих поэтов Волошин переводил в годы учебы в Феодосийской гимназии. См. т. 4 наст. изд. С. 862–917.

...с редакторами «Русской Мысли». – Имеется в виду В.М. Лавров: в руководимом им журнале появились первые рецензии Волошина (1900). См. т. 5 наст. изд. С. 275–287. С редактором Волошин познакомился через его сына М.В. Лаврова, вместе с которым учился на юридическом факультете Московского университета.

«Русская Мысль», май 1900 г. – Статья Волошина «В защиту Гауптмана: По поводу переводов г. Бальмонта», содержащая критический разбор переводов драм «Потонувший колокол» и «Ганнеле» (см. т. 5 наст. изд. С 277–287).

В «Новом Пути» ∾ масса... сокращений... – В № 8 журнала «Новый Путь» за 1903 была опубликована подборка из десяти стихотворений Волошина – его поэтический дебют в столичной печати. Возмущение по поводу «искажений», допущенных редактором П.П. Перцовым в его текстах, Волошин выразил 14 окт. 1903 в письме к В.Я. Брюсову (ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 283–284).

...в газете «Русь». – В этой петербургской газете, издававшейся А.А. Сувориным, Волошин сотрудничал около пяти лет (1904–1908).

За статью о романе Реми-де-Гурмон... № «Руси»... был конфискован. – Статья Волошина из его цикла «Лики творчества» о романе Р. де Гурмона «Une nuit au Luxembourg» появилась в «Руси» 30 июня 1907 (№ 168) (см. т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 82–92).

...статья Зин. Мережковской ∾ называет меня «комми-вояжером». – Это определение Волошина появилось в статье З.Н. Гиппиус «Нужны ли стихи?», напечатанной в «Новом Пути» (1903. № 9. С. 250; подпись: Антон Крайний) и вошедшей затем в ее книгу «Литературный дневник (1899–1907)» (СПб.: М.В. Пирожков, 1908. С. 164).

...разные... рукописи утеряны в редакциях. – Не сохранился (по крайней мере, в полном объеме) текст статьи «Горная сказка» (1901), которая была посвящена «Потонувшему колоколу» Г. Гауптмана (см. коммент. к фрагменту <О «Потонувшем колоколе» Гауптмана> (Т. 6, кн. 2 наст. изд.), а также коммент. во вступительной заметке М.Ю. Кореневой к переводам Волошина из Гауптмана (Т. 4 наст. изд. С. 982–983). О статье «Европеец и его раковина» известно из письма Волошина к А.М. Петровой от 10 марта 1904 (см.: Из лит. наследия-1. С. 163). В какие издания предлагал ее автор и была ли она закончена – установить не удалось. В январе 1905 Волошин послал в «Русь» А.А. Суворину «картинку Парижских митингов против России», свидетельствующую о реакции общественности на события «Кровавого воскресенья» (РГАЛИ, ф. 2571, оп. 1, ед. хр. 73, л. 1). Название этой неопубликованной и, видимо, утраченной статьи установить не удалось. Не опубликовал А.А. Суворин и большую статью (некролог) о Марселе Швобе, текст ее также не обнаружен (см.: Из лит. наследия-3. С. 345–346).

АНКЕТА МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА
(поэта, живописца, критика)

Печатается по копии из архива В.П. Купченко, в которой отсутствуют вопросы анкеты.

Написано в ответ на просьбу сотрудника Крымского отделения ЦЕКУБУ (Центральной комиссии по улучшению быта ученых и писателей) В.Н. Пирлика. 6 марта 1923 Волошин писал ему: «Только третьего дня я получил Ваши письмо и анкету, отправленные Вами 4 февраля» (Машинописная копия из собрания В.А. Мануйлова).

При всех трех пребываниях ~ работал по Охрису. – Советская власть в Крыму существовала с февраля по ноябрь 1918, с апреля по июнь 1919, а окончательно установилась в ноябре 1920. Охрис, Крым-охрис – Крымский областной комитет по делам музеев и охране памятников искусства, старины, природы и народного быта, учрежден в декабре 1920; тогда же Волошин и стал официально его представителем по юго-восточному Крыму.

Командные курсы... – 64-е пехотные Командные курсы открылись в Феодосии 1 марта 1921, в октябре состоялся первый выпуск.

...Народн<ые> *Университеты...* – Народные университеты (в основном для красноармейцев) были организованы как в Феодосии, так и в Коктебеле.

ИНО – Институт народного образования в Феодосии.

Двор<ец> *труда* – в Симферополе, где Волошин находился с 25 янв. по 21 мая 1921.

...поэмы – «Протопоп Аввакум», «Св. Серафим». – Первая была напечатана в альм. «Русская земля» (Киев. 1918. № 1. С. 13–31); работа над второй была начата в 1919 (завершена в 1929), опубликована она лишь в 1963.

...тома о театре, о живописи, о литературе. – Об авторских проектах невышедших томов, которые должны были последовать за книгой 1-й «Ликов творчества» (СПб.: Изд. «Аполлона», 1914), см. т. 5 наст. изд. С. 644–652.

...(отдельной книгой... издан только Верхарн). – Книга Волошина «Верхарн: Судьба. Творчество. Переводы» вышла в 1919 дважды – в Москве (изд-во «Творчество») и в Одессе (изд-во «Омфалос», под названием: Эмиль Верхарн. Стихотворения. Перевод и предисловие М. Волошина). Однако отдельной книгой был издан и цикл рассказов А. де Ренье «Маркиз д'Амеркёр» в переводе Волошина (М.: Альциона, 1914).

Сотруд<ничал> *во французских и английских изданиях.* – Материалы Волошина печатались во французских журналах «Les Écrits pour l'art» (1906, № 8), «L'Élan» (1915. № 2 и 5), в газете «L'Européen Courrier» (1905); см. т. 5 наст. изд. С. 494–498, 823–824). Одиннадцать стихотворений в переводе на французский язык опубликовано в «L'Anthologie des poètes russes» (P.: Georges Crès et C-ie, 1914), изданной Ж. Шюзвилем (Jean Chuzeville). Одно стихотворение напечатано в английском переводе в сб. «A Book of Hommage to Shakespeare» (London, 1916); еще восемь – в антологии «The Modern Russian Poetry», составленной Babette Deutsch и A. Yarmolinsky (New York, 1921; 2-е изд. – London: John Lane The Bodley Head, 1923). О двух последних изданиях Волошин, по-видимому, не знал.

Академический паек – ежемесячное натуральное пособие, учрежденное ЦЕКУБУ в 1919. Выдавалось продуктами (в Крыму – с задержками и перебоями); с октября 1923 академический паек был заменен денежным академическим обеспечением.

<ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ АНКЕТЫ К.И. ЧУКОВСКОГО «СОВРЕМЕННЫЕ ПОЭТЫ О НЕКРАСОВЕ»>

Ответ Волошина на вопросы анкеты К.И. Чуковского о Некрасове написан (как единый связный текст) в Детском Селе, где поэт находился 27 и 28 апр. 1924. Первоначально опубликовано в виде фрагментов, извлеченных из связного текста (<1>), скомпонованных автором анкеты применительно к ее вопросам: *Чуковский К.* Некрасов: Статьи и материалы. Л.: КУБУЧ, 1926. С. 388–393. В эту публикацию не вошла часть связного текста (от слов «Это вызвало...» до слов «...собственное творчество»). В полном объеме этот текст (<2>) впервые напечатан (включая факсимиле автографа) в кн.: Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М.: Искусство, 1979. С. 313, 315–316; повторно в кн.: Перечитывая Некрасова / Путеводитель по выставке (Из архива К.И. Чуковского). М.: Центр. гор. публич. б-ка им. Н.А. Некрасова, 1987. С. 23–25; то же в путеводителе «Некрасов вчера и сегодня» (1988).

Печатается в двух вариантах – по тексту первой публикации <1> и по автографу <2>.

Чуковский составил «анкету о Некрасове» в 1919. Он распространил вопросы среди писателей и опубликовал ответы Н. Асеева, А. Ахматовой, А. Блока, Н. Гумилева, Вяч. Иванова, В. Маяковского, Ф. Сологуба и др. в своей книге «Некрасов. Статьи и материалы» (Л.: Кубуч, 1926. С. 388–393). В преамбуле Чуковский писал: «Эту анкету <...> я не считаю законченной и в настоящее время. Она еще очень

не полна. Но едва ли можно отрицать, что и в таком виде она имеет немалую ценность для исследователей поэзии Некрасова».

Ответы на анкету Волошина, а также А. Ахматовой, А. Блока, В. Маяковского и некоторых других поэтов были воспроизведены факсимильно в первом издании «Чукоккалы» (М.: Искусство, 1979), хотя сам Чуковский вклеил в этот рукописный альманах только одну анкету – с ответами Маяковского.

Волошин познакомился с Чуковским в Петербурге осенью 1906. Оба они были сотрудниками журналов «Весы» и «Аполлон», альманаха «Шиповник», встречались в Париже. В сентябре 1923 Чуковский был гостем Волошина в коктебельском доме. Он придумывал игры для детей, общался с другими гостями, читал свои стихи, словом, вносил в общую непринужденную обстановку Дома много веселья. Весной 1924 они встречались несколько раз в Ленинграде. Тогда по просьбе Чуковского Волошин вписал в «Чукоккалу» шуточный стихотворный экспромт: «Вышел незваным, пришел я непрошеным...» (Т. 2 наст. изд. С. 476; Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М.: Русский путь, 2006. С. 404). Чуковский включил в «Чукоккалу» также стихотворение (буриме) Волошина, написанное на рифмы, предложенные самим автором, 2 мая 1924:

Не в желто-буром Коктебеле,
Не на бесстыжем берегу
И радовались, и скорбели –
(Я память сердца берегу)
Благопристойнейшая Фрима,
И всеобрюченнейший Макс
О том, что непристойность Крыма
Еще не выродилась в загс.

Творчество Некрасова Волошин хорошо знал и не раз повторял, что уже в раннем детстве знал наизусть «половину <...> Некрасова» (см. С. 287 наст. тома). В юношеские годы многие стихотворения начинающего поэта несут на себе печать некрасовского влияния. В 1902 Волошин прочитал в Русской высшей школе общественных наук в Париже лекцию «Опыт переоценки художественного значения Некрасова и Алексея Толстого» (Т. 6, кн. 2 наст. изд.). Поэт защищает Некрасова от представителей «чистого искусства». Для него Некрасов – новатор, своим творчеством взрывавший устоявшиеся литературные каноны. Задолго до К.И. Чуковского Волошин выдвигает мысль о том, что «разлад между словом и образом жизни», в котором современники обвиняли Некрасова, являлся двигательной силой его творчества.

Подробнее об отношении Волошина к творчеству Некрасова см.: *Купченко В.* Эдуард Мане русской поэзии. М.А. Волошин о Н.А. Некрасове // Revue des Études slaves. Vol. LXIV/2. 1992. P. 265–271).

Последующие примечания соотносятся со связным авторским текстом.

<1>

...с «Полтавой» и «Веткой Палестины»... – Поэма А.С. Пушкина (1829) и стихотворение М.Ю. Лермонтова (1837).

«...Чтобы словам было тесно, мыслям – просторно». – Заключительные строки стихотворения Некрасова «Подражание Шиллеру. II. Форма» (1877).

О Некрасове

<2>

...«Песня про Якова Верного...», «Аммирал-Вдовец...»... – Имеются в виду фрагменты из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» («Пир на весь мир») – «Про холопа примерного – Якова Верного» и «Крестьянский грех» («Аммирал-Вдовец по морям ходил...»).

...рукопись ее утрачена. – Вопреки уверению Волошина, эта рукопись сохранилась в его архиве. Опубликована впервые О.А. Бригадновой (Русская литература. 1996. № 3. С. 125–150).

Статье Бальмонта... написанной... года 2 спустя... – Речь идет о статье «Некрасов» (Новый Путь. 1903. № 3. С. 41–47), под заглавием «Сквозь строй (Некрасов)», вошедшей в сборник статей К.Д. Бальмонта «Горные вершины» (М.: Гриф, 1904. С. 96–101).

...он впервые от меня узнал... – Стихотворение Некрасова «Вчерашний день часу в шестом...» (1848) было опубликовано впервые в составе альбомной записи Некрасова в кн.: Album de m-me Olga Kozlov (М., 1883. С. 171), в издании стихотворений Некрасова впервые помещено в 1920. См.: *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л.: Наука, 1981. Т. 1. С. 597–598.

Тургеневская фраза ~ меня всегда глубоко возмущала... – 8(20) янв. 1870 Тургенев написал письмо «Редактору "С.-Петербургских ведомостей"», в котором утверждал, что «любители русской словесности будут еще перечитывать лучшие стихотворения Полонского, когда самое имя г. Некрасова покроется забвением. Почему это? А просто потому, что в деле поэзии живуча только одна поэзия и что

в белыми нитками сшитых, всякими пряностями приправленных, мучительно высиженных измышлениях "скорбной" музы г. Некрасова – ее-то, поэзии-то, и нет на грош...» (*Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: в 18 т. М.: Наука, 1994. Т. 9. С. 126–127). Через два месяца в письме к Полонскому Тургенев подтвердил, что мнение это «стародавнее»: «Я никогда, даже во время дружбы с ним, не имел другого». Однако прибавил: «Но я, конечно, могу ошибаться» (Там же. С. 164).

...о порче Тургеневым текста тютчевских и фетовских стихов... – В позднейшей статье «От переводчика: Предварение о переводах» Волошин пишет о «недавних сенсационных разоблачениях Тургенева, как исказителя тютчевских и фетовских стихов» (Т. 4 наст. изд. С. 793, 954). Такие разоблачения состоялись в 1923: появились две статьи Д.Д. Благого «Тургенев – редактор Тютчева» (Тургенев и его время. М.; Пг.: ГИЗ, 1923. С. 142–163) и «Тургенев – редактор Фета» (Печать и революция. 1923. Кн. 3. С. 45–64), статья Г. Чулкова «Судьба рукописей Тютчева» (Тютчевский сборник. 1873–1923. Пг.: Былое, 1923. С. 63–105), в которых авторы сошлись во мнении, что Тургенев был склонен бесцеремонно выправлять стихи названных поэтов.

...из статей и исследований К.И. Чуковского о Некрасове. – К этому времени в библиотеке Волошина (ныне в ДМВ) имелись, в частности, книги Чуковского «Некрасов как художник» (Пб.: Эпоха, 1922) и «Поэт и палач» (Пб.: Эпоха, 1922).

<ОТВЕТ НА ВОПРОС АНКЕТЫ «ПУШКИН И СОВРЕМЕННОСТЬ»

В 1924 московский журнал «Всемирная иллюстрация» опубликовал в сдвоенном номере 3/4 (С. 34–40) ответы на анкету, посвященную 125-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Был задан всего один вопрос, на который ответили В. Брюсов, В. Вересаев, Л. Гроссман, Е. Зозуля, В. Львов-Рогачевский, А. Новиков-Прибой, М. Пришвин, Г. Шенгели и др. Большинство текстов снабжено фотографией отвечающего и факсимильной подписью.

Ответ Волошина – на с. 36. В этом высказывании скрыт иронический отклик на новую, социологическую иерархию ценностей, насаждавшуюся большевистской идеологией.

Заказ 3692

<ОТВЕТЫ НА ШУТОЧНЫЕ АНКЕТЫ М.М. ШКАПСКОЙ>

Печатаются впервые по оригиналам: <1> – РГАЛИ, ф. 2182, оп. 1, ед. хр. 163; <2>: ДМВ, А. 1296.

М. Шкапская познакомилась с Волошиным в Париже в 1915, в Коктебель приехала впервые в 1923 с мужем и сыновьями. В 1924 Шкапские снова жили в Коктебеле все лето, до сентября. Лето этого года было многолюдным. Вопросы шуточной анкеты, возможно, были составлены самой Шкапской: в ее архиве экземпляр анкеты (в том числе и ответы на вопросы) написан ее рукой (РГАЛИ, ф. 2182, оп. 1, ед. хр. 163). Также вероятно, что кто-то из тогдашних гостей Волошиных «помогал» ей отвечать на вопросы анкеты. На вопрос о возрасте, например, В. Брюсов ответил – «гипердактилический», Л.П. Гроссман – «академический», С.Г. Гроссман – «тошный», А.П. Остроумова-Лебедева – «выше среднего», А.Е. Адалис – «требовательный», М.С. Волошина – «воинственный» и т. д.

В Доме-музее М.А. Волошина в Коктебеле хранится один из вариантов «Анкеты Шкапской». На вопросы анкеты отвечали: М.А. Волошин, М.С. Заболоцкая, В.Я. Брюсов, А.П. Остроумова-Лебедева, П.Ф. Домрачёв (назван дядей Петей), Л.П. и С.Г. Гроссманы, С.В. Шервинский, А.Е. Адалис, Н.А. и А.Г. Габричевские, М.С. Шкапская, А.А. Кораго. В графе «Место для фотографической карточки» – шаржи почти на всех предполагаемых «авторов» ответов, которые выполнены синими чернилами. «Коктебельская» анкета содержит больше вопросов: написаны они, как и ответы, на тонком листе бумаги большого формата; отвечали на вопросы (или записывали ответы), судя по почерку, два человека. На вопрос о возрасте М.С. Волошина ответила – «не скрываю», А.П. Остроумова-Лебедева – «завидный», П.Ф. Домрачёв – «легкий», С.В. Шервинский – «благословенный», М.М. Шкапская – «ниже среднего». См. «Мы избрали другую дорогу». Письма Марии Шкапской М.А. Волошину / Публ. Вл. Купченко // Русская мысль (Париж). 1996. № 4146–4148. 24, 31 окт., 7 нояб.

...детей впрок не солю. – Ср. строки из стихотворения Волошина «О младенцах, засоленных впрок» («Русь гулящая», 1923), «И матери, зарезавши детей, / Засаливали впрок» («Голод», 1923) (Т. 1 наст. изд. С. 289, 346).

Смотри резолюцию тов. Ибраимова. – Волошин хлопотал об освобождении Дома Поэта от налогов и получил 1 августа в Симферополе копию предписания В. Ибраимова Старо-Крымскому

райисполкому о незаконности взимания налогов с дачи Волошина, которая является бесплатным домом отдыха для писателей, художников и ученых (Труды и дни-2. С. 233).

<ОТВЕТЫ НА АНКЕТУ ЦЕКУБУ>

Публикуется по машинописному тексту с ответами, вписанными Волошиным черными чернилами (ИРЛИ, ф. 562, оп. 4, ед. хр. 1, л. 17).

ЦЕКУБУ – Центральная комиссия по улучшению быта ученых и писателей (см. ответы Волошина на предыдущую анкету этой организации выше, с. 292–293 наст. тома).

Жена 1. – Имеется в виду М.С. Заболоцкая, поселившаяся у Волошиных в 1922; официально брак Волошина с ней будет зарегистрирован в 1927.

ВОПРОСЫ О ЛЮБВИ К ПОЭТАМ <ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ЕВГЕНИЯ АРХИППОВА>

Печатается по автографу из архива Е.Я. Архиппова (РГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, ед. хр. 46, л. 2–16). Заголовок и вопросы – рукой Е.Я. Архиппова (зеленые чернила), ответы – рукой В.А. Рождественского (карандаш). После текста анкеты – автограф Волошина (синие чернила):

«Привет Евгению Яковлевичу.
Максимилиан Волошин
30/VI 1932. Коктебель».

Впервые опубликовано (без комментариев) Г.И. Нехорошевым (Советская библиография. 1989. № 2. С. 83–88). О составителе анкеты см.: *Купченко Вл.* Е.Я. Архиппов – библиограф и библиофил // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства. Л., 1985. С. 80–81; Он же. «Энтузиаст мечты». Евгений Архиппов – библиограф и библиофил // Альманах библиофила. Вып. 25. М.: Книга, 1989. С. 88–95.

Штолль. – Скорее всего, имеется в виду А. Шолль.

«Степка-растрепка» – вольное переложение книги Г. Гофмана «Der Strummelpeter, oder lustige Geschichten und drollige Bilder für

Kinder von 3–6 Jahren», неоднократно издававшейся (с 1849) в России М.О. Вольфом.

...обладающим атлантической памятью. – По антропософским представлениям, память об «атлантической» стадии существования человека, символизируемой Атлантидой – материком, простиравшимся некогда, по легенде, между нынешней Европой и Америкой. (См.: *Штейнер Р.* Из летописи мира. М.: Духовное знание, 1914. С. 4–28).

Омар Хаям. – Единственное известное нам упоминание этого имени Волошиным – запись «Омар Кайам» во второй творческой тетради поэта перед 8 июля 1914, в период работы над стихотворением «Любовь твоя жаждет так много...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 6, л. 101).

Помню стихи о «Шахматах». – Речь идет о стихотворении «Шах Мадпадар» в сборнике Я. Любяра (псевдоним А.К. Лозина-Лозинского) «Противоречия. Кн. 1: Эпикуру» (СПб.: Тип. Акц. О-ва тип. дела (Герольд), 1912. С. 6).

Блок III том. – Имеется в виду третья книга «Стихотворений» А. Блока из итогового авторского трехчастного свода.

Шпенглер «Закат Европы»... – 2 апр. 1923 Волошин благодарил из Коктебеля Вересаева за «Закат Европы». Русское издание этого историософского трактата вышло в свет в 1923 дважды: в переводе Н.Ф. Горелина (Т. 1. М.; Пг.) и в переводе и под ред. А.А. Франковского (Т. 1, Пб.). Однако в библиотеке Дома Поэта эта книга не сохранилась.

Сюарэс. – В библиотеке Волошина в ДМВ сохранились следующие книги А. Сюареса: «Le voyage du condottière vers Venise» (Paris: Cornely, 1910), «Dostoievski» (Paris: Emile-Paul frères, 1911), «Tolstoi vivant» (Paris: Cahiers de la Quinzaine, 1911), «Idées et visions» (Paris: Emile-Paul frères, 1913), «Trois hommes (Pascal, Ibsen, Dostoevski)» (Paris: Nouvelle Revue Française, 1913), «Le livre de l'émeraude: En Bretagne» (Paris: Calmann Lévy <1901>).

...не совсем потерял вкус к Ламартину... – В библиотеке Волошина А. Ламартин представлен десятью книгами на французском языке разных лет издания.

...«Казнь в Женеве». – Подразумевается стихотворение К.К. Случевского «После казни в Женеве» («Тяжелый день... Ты уходил так вяло...»).

«12» – очень ценю. – Об этой поэме Волошин подробно написал в статье «Поэзия и революция: Александр Блок и Илья Эренбург» (Т. 6, кн. 2 наст. изд.).

...Земною осью... – Книга В. Брюсова «Земная ось. Рассказы и драматические сцены (1901–1906 г.)» (М.: Скорпион, 1907; 3-е изд. – М.: Скорпион, 1911).

Любимые Вами композиторы... – О музыкальных пристрастиях Волошина см.: *Купченко В.* «Люблю Глюка, Моцарта и Бетховена...»: Максимилиан Волошин и музыка // Музыкальная жизнь. 1989. № 24. С. 26–27.

«Игорь»... «Борис». – Оперы «Князь Игорь» (1890) А.П. Бородина и «Борис Годунов» (1874) М.П. Мусоргского.

ВОСПОМИНАНИЯ

<«ЛЕТО В ДЕРЕВНЕ». 1891>

Главы «романа» (II–IV) «Лето в деревне», описывающего лето 1891, печатаются впервые по тексту, сохранившемуся в записной книжке без обложки и заглавия (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 450/I, л. 3–7а). Первые листы повреждены, часть текста утрачена. (См. упоминание о нем в дневниковой записи Волошина от 22 марта 1892).

...Модест приедет ∾ его задержали на сенокосе. – На полях машинописи приписка рукой М.С. Волошиной: «М. Сакулин».

Дарьино – деревня к северу от Матвейкова.

<ЗАПИСЬ РАЗГОВОРА С К.Д. БАЛЬМОНТОМ>

Печатается по черновой рукописи (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 305).

Волошин записал разговор, который произошел в конце декабря 1908 или в январе 1909.

Впервые – «Волошинский вестник» (Литературный выпуск «Русского вестника»). Латвия, Валка. 1991. № 5 (6). С. 14.

Волошина и К.Д. Бальмонта связывали многолетняя дружба и почти родственные узы: первая жена Волошина М.В. Сабашникова была племянницей второй жены Бальмонта Екатерины Алексеевны. Об их взаимоотношениях см.: *Давыдов З.Д., Купченко В.П.* Письма К.Д. Бальмонта к М.А. Волошину // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1989. М.: Наука, 1990. С. 44–45; Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 796–797.

«Ливерпуль». – Этот рассказ был напечатан в 1909 в «Русской Мысли» (№ 3. Отд. I. С. 1–11); вошел в книгу Бальмонта «Воздушный путь» (Берлин: Огоньки, 1923).

...цитировал слова Гёте о самоограничении... – В статье о книге Бальмонта «Зарево зорь» Волошин вспоминает: «Однажды я решился спросить Бальмонта: считает ли он справедливыми слова Гете о том, что творчество начинается лишь там, где есть самоограничение?» (Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 470). 20 апр. 1825 Эккерман записал слова Гёте: «Вообще же величайшее искусство и заключается в том, чтобы себя изолировать и ограничивать» (*Эккерман И.-П.* Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М.: Худож. литература, 1981. С. 159).

Мы едем к Виттиху. – Волошин познакомился с Э. Виттигом в Париже еще в 1905, а в октябре-ноябре 1908 позировал ему для бюста. См. т. 5 наст. изд. С. 664–665.

...говорил Нюше. – Речь идет об А.Н. Ивáновой.

Виндзор – город в Великобритании, главная летняя резиденция английских королей. Королевский замок был построен в конце XI в. В нем богатейшая коллекция произведений искусства.

Оксфорд – город, в котором находится один из старейших в Европе Оксфордский университет. Весной-летом 1897 Бальмонт читал там цикл лекций о русской поэзии.

Варвик – город английского графства с одноименным названием. В старинном здании замка – картинная галерея и оружейная палата.

...о прахе Шекспира в Стратфорде. – Стратфорд – город, в котором родился и умер Шекспир. В церкви на берегу Эйвона покоится его прах.

...памятник Шопена. – В письме от 10 (23) июня 1909 Э. Виттиг писал Волошину, что посылает ему «маленький снимок с памятника Шопена». Он принимал участие в конкурсе на лучший памятник Фридерику Шопену и «получил 4-ую награду» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 350, л. 1, 3). Был ли памятник отлит и где находится теперь, – установить не удалось. Первый приз на конкурсе 1909 получил памятник Шопену работы Вацлава Шимановского.

...на том Балу. – Имеется в виду бал студентов-медиков, о котором Волошин начал писать заметку «Бал интернов» (Т. 6, кн. 2 наст. изд.).

...мимо решеток Пастеровского института. – Научно-исследовательский микробиологический институт, основанный Луи Пастером (1888). Мечников имел в этом институте свою лабораторию.

...устроить свидание Бальмонта с Мечниковым... – Волошин впервые увидел Мечникова в ноябре 1901 на открытии учебного семестра в Русской школе общественных наук в Париже, посещал его лекции. Содержание лекции Мечникова о смерти, представлявшей

для слушателей, по словам Волошина, «совершенно захватывающий интерес», он подробно изложил в письме к матери (Из лит. наследия-3. С. 331–332). Еще ранее Волошин познакомился с женой Мечникова в мастерской Кругликовой, бывал у Мечниковых в Севре, где супруги жили.

...несколько слов о «луэсе». – Люэс (*лат.* lues – зараза) – то же, что сифилис.

...Американская гипотеза происхождения. – Эпидемиологическое распространение сифилиса в XV в. в Европе впервые обратило всеобщее внимание на эту болезнь. По мнению многих авторов, ее привезли из Америки матросы Колумба. Однако сифилис назывался то испанской, то итальянской, то французской болезнью. И.И. Мечников и ученик Пастера Эмиль Ру, работая вместе в Пастеровском институте, положили начало экспериментальному исследованию сифилиса (на обезьянах).

...латинскую поэму XVI века о сифилисе. – Речь идет о научно-дидактической поэме Фракасторо «Syphilis sive de morbo Gallico» – «Сифилис, или Французская болезнь», изданной в Вероне в 1530. В ней автор описал болезнь некоего пастуха Сифилуса. Название болезни «сифилис» впервые встречается в произведениях Фракасторо.

...30% каломеля. – Каломель – хлорид ртути, в медицине применяется как противомикробное средство, а также для предохранения от венерических заболеваний.

...вандейковского Карла I. – Волошин имеет в виду самый знаменитый из многочисленных портретов монарха – «Карл I, король Английский» (1635) придворного живописца А. Ван Дейка. Король изображен на фоне пейзажа во весь рост, позади него слуга держит породистого коня. В начале XX в. портрет экспонировался в Лувре в зале Ван Дейка.

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Печатается по автографу (Тт-3, л. 88 об. – 90, 92, 92 об.; л. 89, 90 и 92 вклеены в тетрадь).

Впервые – *Волошин М.* Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Общая редакция Б.А. Филиппова, Г.П. Струве и Н.А. Струве при участии А.Н. Тюрина. Paris: YMCA-Press, 1984. Т. 2. С. 164–169.

Текст датируется сентябрем – первой половиной октября 1921; представляет собой зарисовки увиденного и пережитого в 1918–1921, предназначавшиеся для дальнейшей переработки в стихи (Труды и дни-2. С. 134–135).

Земля наша велика – и обильна. А порядка в ней нет и не было. – Текст восходит к «Повести временных лет» – общерусскому летописному своду, составленному в Киеве во 2-м десятилетии XII в. Нестором; слова, обращенные к варягам: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣт. Да поидѣте княжитъ и володѣти нами» (Повесть временных лет. СПб.: Наука, 1996. С. 13). Первую фразу из этой цитаты А.К. Толстой поставил эпиграфом к своей сатирической «Истории государства российского от Гостомысла до Тимашева» (1868) и многократно обыграл ее в тексте (см. *Толстой А.К.* Полное собрание стихотворений и поэм. СПб.: Академический проект, 2004. С. 270–285. Новая б-ка поэта).

Убили Гришку Распутина. – Фаворит царского двора Г.Е. Распутин был убит 17 дек. 1916 кн. Ф.Ф. Юсуповым, В.М. Пуришкевичем, вел. кн. Дмитрием Павловичем и др.

Первое марта. Отречение царя от престола. – Неточность: Николай II подписал отречение от престола в царском поезде в Пскове вечером 2 марта 1917.

Москва. Салтыковский переулок ∾ Великая Разруха. – Содержание этих фрагментов в развернутой форме излагается в лекции «Россия распятая» (Т. 6, кн. 2 наст. изд.), а также в стихотворении «Москва (Март 1917 г.)» (Т. 1 наст. изд. С. 254).

...Корнилов от Временного правительства... – Л.Г. Корнилов в марте-апреле 1917 командовал войсками Петроградского военного округа.

При взятии Перекопа... – Перекопско-Чонгарская наступательная операция 7–17 нояб. 1920 Красной армии по овладению укреплениями на Перекопском перешейке у Сивашской и Чонгарской переправ; ее результат – эвакуация белогвардейских частей и установление советской власти в Крыму.

На стене висела ∾ со спиртными напитками. – Этот фрагмент более подробно изложен в статье «Молитва о городе» (Т. 6, кн. 2 наст. изд.).

Выстроились по росту ∾ хорошо платят! – Этот же эпизод – в статье «Молитва о городе» (Там же).

<ЗАПИСЬ В «ЧУКОККАЛЕ»>

Печатается по кн.: Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. Предисловие и пояснения К. Чуковского. Первое полное издание / Сост., подгот. текста и примеч. Е. Чуковской. М.: Премьера, 1999. С. 224.

<В. БРЮСОВ. ВОСПОМИНАНИЯ. ФРАГМЕНТЫ>

Печатается по автографу (рукопись и авторизованная машинопись), хранящемуся в архиве Волошина (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 369, 370).

Впервые — в извлечениях: Волошинский вестник (Литературный выпуск «Русского вестника»). Латвия, Валка. 1991. № 5 (6), 8 марта. С. 22–23 / Публ. В.П. Купченко; в полном объеме: Литературное наследство. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. М.: Наука, 1994. Кн. 2. С. 388–399 / Публ. К.М. Азадовского и А.В. Лаврова.

Рукопись представляет собой серию не связанных друг с другом предварительных набросков — «заготовок» к воспоминаниям; одни и те же темы (в частности, обстоятельства знакомства с Брюсовым) затрагиваются Волошиным в различных фрагментах. О внутренних сложностях, с которыми он сталкивался при работе над этими воспоминаниями о Брюсове, Волошин писал Л.П. Гроссману 17 дек. 1924: «Даже на такую простую и естественную вещь, как записать сейчас свои воспоминания о Вал<ерии> Брюсове, и то не подымается рука после того, как я прочел ряд посмертных статей о нем и некрологов. Сейчас я очень ясно почувствовал общую кривизну преломления всех лучей, проникающих сквозь литературную толщу текущего дня, и она томит и мешает крайне» («Мой дом открыт...» (Письмо М.А. Волошина к Л.П. Гроссману) / Публ. К.Н. Суворовой // Встречи с прошлым. Вып. 5. М.: Сов. Россия, 1984. С. 229–230).

Поскольку из текста воспоминаний невозможно установить, в какой последовательности Волошин предполагал строить изложение темы, при композиции фрагментов за основу был взят хронологический принцип.

Впечатления от знакомства и первых встреч с Брюсовым отражены также в статье Волошина «Валерий Брюсов. “Пути и перепутья”, т. 1 собрания стихов» (1907; см. т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 110–123).

...посвященный царице Клеопатре и Мне. — Имеется в виду вульгарно-декадентский сборник стихотворений А.Н. Емельянова-Коханского «Обнаженные нервы» (М., 1895) с посвящением «Посвящается мне и египетской царице Клеопатре».

...из своей ташкентской ссылки в Европу... – Т. е. весной 1901.

Если бы к Вам я прибыл ∾ *В глубине пешеходных пещер...* — Неточные цитаты из стихотворений Брюсова «К скифам» («Если б вовремя к вам я прибыл...», 1899) и «Когда опускается штора...» (1899)

Брюсов Валерий. Tertia vigilia. Книга новых стихов. 1897–1900. М.: Скорпион, 1900. С. 9, 86).

...начал читать... «Железную Дорогу»... — Волошин имеет в виду свое стихотворение «В вагоне» («Снова дорога. И с силой магической...», 1901) (см. т. I наст. изд. С. 13–14).

...на заседании Рел<игиозно->*Фил*<ософского> *Общества.* — Религиозно-философские собрания открылись в Петербурге 29 нояб. 1901. 23 янв. 1903 состоялось XVIII Религиозно-философское собрание, посвященное обсуждению вопроса о христианском догмате: центральным выступлением на заседании была речь В.В. Розанова. См.: Новый Путь. 1903. № 11. Записки Религиозно-философских собраний в С.-Петербурге. С. 448–472; Записки петербургских Религиозно-философских собраний. 1901–1903. М.: Республика, 2005. С. 376–397.

...цирков Саломоновского и Никитина... — Имеется в виду частный цирк на Цветном бульваре Альберта Ивановича Саламонского (1839–1913), обосновавшегося в Москве в 1880 (ныне — здание Московского государственного цирка), и цирк, открытый в 1886 братьями Д., А. и Т. Никитиными, цирковыми предпринимателями и артистами, основателями многих стационарных цирков, находившийся также на Цветном бульваре (в здании нынешнего кинотеатра «Мир») и успешно конкурировавший с расположенным по соседству цирком Саламонского. См. подробнее в кн.: Цирк. Маленькая энциклопедия. 2-е изд. М., 1979. С. 239–240, 293.

...московской «Субурры», описанной в рассказе А. Чехова «Припадок». — Субура – главная торговая улица древнего Рима. В рассказе Чехова «Припадок» (1888) описан район Москвы с публичными домами и трактирами.

...«лопасти латаний... на эмалевой стене»... — Парафраз двух строк стихотворения Брюсова «Творчество» («Тень несозданных созданий...», 1895), впервые опубликованного в сб. «Русские символисты» (вып. 3. М., 1895). См.: *Брюсов В.* Собр. соч.: В 7 т. М.: Худож. литература, 1973. Т. 1. С. 35–36, 567–568.

«Лествица» – книга А.Л. Миропольского (А.А. Ланга) (М.: Скорпион, 1902), вышедшая с предисловием Брюсова, озаглавленным «Ко всем, кто ищет». В нем поэт обосновал свое понимание спиритизма как попытки «научным», экспериментальным путем проникнуть в потаенные области действительности, расширить сферу человеческого познания.

В конце десятых годов... — Оговорка Волошина; подразумевается: «В конце девятисотых годов».

...над самым зданием Государ<ственной>*Думы.* — Государственная Дума размещалась в Таврическом дворце.

...Я узнал «башню»... в 1907 г.... — Ошибка памяти Волошина: он впервые появился на «башне» Вяч. Иванова в сентябре 1906.

...именами Гербановского, Лелечкина, Голикова... — Михаил Михайлович Гербановский — автор стихотворного сборника «Лепестки» (СПб., 1903). «Лелечкин» — Иван Осипович Лялечкин, поэт, в 1890-е переписывавшийся с Брюсовым (его стихи и биографическую справку о нем Л.А. Николаевой см. в кн.: Поэты 1880–1890-х годов. Л.: Сов. писатель, 1972. С. 559–582. Б-ка поэта. Большая серия). Владимир Митрофанович Голиков — автор сборников «Стихотворения» (М., 1900), «Ночные думы» (М., 1902) и др.

...в статье Н.К. Михайловского. — Имеются в виду статьи Н.К. Михайловского из его авторского цикла «Литература и жизнь», опубликованные в «Русской мысли» в 1893 (№ 1. Отд. II. С. 145–169; № 4. Отд. II. С. 176–208).

...в Вагантьев<с>*ком переу*<лке>*...* — Имеется в виду Ваганьковский переулок.

...звание «народного поэта», но армянского. — В 1923 Совнарком Армении присвоил Брюсову звание «народного поэта Армении», что было отмечено и в юбилейном обращении к Брюсову Президиума ВЦИК (см.: Памяти Валерия Брюсова. Сб. / Сост. В.Е. Максимов-Евгеньев. Л.: кн. сектор Губоно, 1925. С. 17).

...сидел на коленях у Ник. Морозова ∾ тост за Писарева «в 1924 г....» — В своей ответной речи, произнесенной во время юбилейного чествования в Российской Академии Художественных наук в декабре 1923, Брюсов говорил: «Мне казалось, что теперь, в последний период моей жизни, я вернулся в Дом отчий, — так все это было мне *просто* и *понятно*! Никакой метаморфозы я в себе не чувствовал» (Валерию Брюсову (1873–1923). Сборник, посвященный 50-летию со дня рождения поэта. Под ред. П. Когана. М., 1924. С. 56). В той же речи Брюсов сказал: «Первые мои впечатления в детстве — это портреты Чернышевского и Писарева, которые висели над столом отца и так остались висеть до самой его смерти» (С. 55). Об этом же упоминается и в «Автобиографии» поэта: «Между прочим, в 70-х годах отец был близок с Н.А. Морозовым, будущим шлиссельбуржцем, образ которого я помню из дней моего раннего детства. Над столом отца постоянно висели портреты Чернышевского и Писарева. Я был воспитан, так сказать, "с пеленок" в принципах материализма и атеизма» (Там же. С. 13). Ср. дневниковую запись Брюсова, относящуюся к марту 1910: «Познакомился с Н.А. Морозовым, шлиссельбуржцем. Он знал меня ребенком, качал на коленях, – так как гимназистом и

студентом был близок с моим отцом» (*Брюсов В.* Дневники. 1891–1910. <М.:> Изд. М. и С. Сабашниковых, 1927. С. 142). О взаимоотношениях Брюсова с Н.А. Морозовым см. подробнее: *Белов С.* В.Я. Брюсов и Н.А. Морозов. (Неопубликованные письма Брюсова) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1964. Т. XXIII. Вып. 4. С. 331–339; *Маргарян А.* Валерий Брюсов и шлиссельбуржец Николай Морозов // Русская литература. 1965. № 1. С. 169–187.

...какое-то «недоброжелательное равнодушие»... — Аналогичным образом характеризует Волошин свои взаимоотношения с Брюсовым перед его приездом в Коктебель в письме к А.П. Остроумовой-Лебедевой от 16 нояб. 1924: «Пред этим мы с ним долго не видались. Между нами не было ссоры, но было некоторое неблагожелательное равнодушие, какое устанавливается между писателями, окруженными аурой литературных сплетен, а интимно видящихся редко» («Дом поэта» Максимилиана Волошина / Публ. А. Сергеева и А. Тюрина // Минувшее. Ист. альманах. Вып. 17. М.; СПб.: Athenеum — Феникс, 1995. С. 298).

Коля – Н.Н. Филипенко, племянник И.М. Брюсовой и воспитанник Брюсова.

Адалис — поэтесса и переводчица, ученица и последняя возлюбленная Брюсова. Летом 1924 жила вместе с ним в Коктебеле в доме Волошина.

...Через 2–3 месяца — мы узнаем... — Об интересе Брюсова к проблеме межпланетных сообщений и, в частности, к «марсианской» теме см.: Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. С. 70–71 (предисловие Вл. Б. Муравьева); *Герасимов К.С.* «Штурм неба» в поэзии Валерия Брюсова // Брюсовские чтения 1963 года. Ереван: Айастан, 1964. С. 138–140.

...сделал туда соответствующее заявление. — Вспоминая об обстоятельствах вступления Брюсова в коммунистическую партию, А.В. Луначарский отмечает: «...если иногда эти усилия большого поэта целиком перейти на почву нового миросозерцания, новой терминологии бывали неудовлетворительны и неуклюжи, то эти добросовестнейшие усилия не могут не вызвать у партии чувства уважения за ту несомненную и серьезнейшую добрую волю, которую вносил Брюсов в свое преображение» (*Луначарский А.В.* Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. литература, 1963. Т. 1. С. 434; см. также: Речь А.В. Луначарского на юбилейном чествовании В.Я. Брюсова в Большом театре 17 декабря 1923 г. // Литературное наследство. Т. 82. А.В. Луначарский. Неизданные материалы. М.: Наука, 1970. С. 245–262; *Трифонов Н.А.* Луначарский и Брюсов // Брюсовские чтения 1973 года. Ереван: Советакан грох, 1976. С. 182–196). Возможно, что Брюсов,

касаясь этой темы в разговорах с Волошиным, далеким от симпатий к идеологии и политической практике большевизма, сознательно выстроил ту версию своего приобщения к апологетам правящего режима, которая была наименее болезненна для его собеседника и не способствовала возникновению дискуссий по принципиальным вопросам.

...единственным литерат<урным> *центром в России.* — Ср. слова Волошина о Коктебеле в письме к А.М. Пешковскому от 23 марта 1925: «...литературная жизнь идет очень интенсивно, и покойный Брюсов говорил, что сейчас в России нет нигде такого сосредоточия интересных людей» (ИМЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 27).

...в Худ<ожественном> *кр*<ужке>, *в «Эстетике».* – Имеются в виду Московский Литературно-художественный кружок и «Общество свободной эстетики».

...наши поэтические состязания... — О поэтических состязаниях, которые устраивались в доме Волошина в августе 1924, вспоминает гостивший в то лето в Коктебеле Леонид Гроссман: «Одной из таких забав, всецело организованной им <Брюсовым. – *Ред.*>, были стихотворные конкурсы. По вечерам на большой террасе, при многолюдном стечении всех обитателей дачи, устраивался турнир поэтов. Каждый присутствующий подавал записку с предлагаемой темой. Из общей массы извлекались три записки. Конкурирующие поэты по общему согласию останавливались на одной из них, обязательной для всех участников конкурса. Правила состязания сводились к следующему: стихотворение должно быть непременно рифмованным, размер его от 8 до 20 строк, срок подачи одинаковый для всех — через полчаса на первом конкурсе или час — на втором. <...> Поэты прочитывали свои стихотворения, после чего избранное жюри определяло лучшее произведение. Решение его санкционировалось всем собранием. Такой "статут" был предложен Брюсовым и принят всем обществом. В стихотворных конкурсах принимали участие, помимо самого Брюсова, Максимилиан Волошин, С.В. Шервинский, поэтесса Адалис, П.Н. Зайцев и пишущий эти строки. Во главе жюри находился Андрей Белый» (*Гроссман Л.* Последний отдых Брюсова // *Гроссман Л.* Борьба за стиль. Опыты по критике и поэтике. М., 1927. С. 288–289). Далее Л. Гроссман рассказывает о конкурсах на тему «Женский портрет» и «Соломон», где победителями были признаны С.В. Шервинский и Адалис (С. 290–291).

(Среди них была А.П. Остроумова). — Ср. описание этой прогулки в воспоминаниях Остроумовой-Лебедевой: «Очень запомнилась мне прогулка, затеянная Волошиным, — через Северный перевал пройти на Карадагскую биологическую станцию. Отойдя версты три

и поднявшись на крутые глинистые холмы, мы были неожиданно застигнуты грозой и сильным ливнем. Небо обрушилось потоками воды. Все бросились кто куда. Среди грохота грома и падающей воды Максимилиан Александрович усиленно кричал нам, чтоб мы спрятались в пастуший шалаш. Через несколько минут мы вместе с шалашом и пластом земли поплыли по скату холма. <...> Волошин не потерял присутствие духа. Просил всех переждать натиск воды. Организовал переправу через воду цепью, и, таким образом, никто не пострадал. Все шли босиком, сняв свою обувь. Помню то чувство необыкновенной бодрости и подъема, когда мы вернулись домой по уши мокрые, в глине и песке» (*Остроумова-Лебедева А.П.* Автобиографические записки. Т. III. М.: Центрполиграф, 2003. С. 64).

...<к> *Воротам.* — Имеются в виду Золотые ворота Кара-Дага — скала в море, представляющая собой естественную каменную арку.

«Lunaria» — венок сонетов Волошина (1913). См. т. 1 наст. изд. С. 208–215.

...темой для шуточной оды Брюсова ~ на моих именинах. — Имеется в виду стихотворение «Максимилиану Волошину» («Наш Агамемнон, наш Амфитрион...», 17 авг. 1924); в частности, следующая строфа из него:

Но по желанью смерч ты взводишь ввысь,
Иль тмишь Луну в багровом одеяньи,
Иль чарой слов ей вновь велишь: явись —
Да небеса гласят твои даянья!

(*Брюсов В.* Собр. соч.: В 7 т. М.:
Худож. литература, 1974. Т. 3. С. 434).

Прогулка к подножию Кара-Дага, описанная Волошиным, запечатлена также в воспоминаниях Л. Гроссмана: «Ритм качающейся лодки настроил Брюсова на декламативный лад. Еще при отчаливании он начал декламировать Баратынского. <...> За Баратынским последовал Вергилий. <...> Максимилиан Волошин, сидя на корме, читал свои стихи о Коктебеле: “И на скале, замкнувшей зыбь залива — Судьбой и ветрами изваян профиль мой”... Медленно проплывала лодка вдоль готических уступов огромных скал, и мерно звучали пластические строки о Киммерии, о “напряженном пафосе Карадага”... <...> через несколько дней мы услышали стихи Брюсова, отчасти навеянные этой поездкой. В оде Максимилиану Волошину, написанной ко дню его рождения, Брюсов называет его genius loci Коктебеля, пользуясь эпизодами и впечатлениями нашей морской

экскурсии и даже отмечая затмение луны, которым ознаменовался в тот вечер наш обратный путь. Ода была великолепно прочитана Брюсовым за праздничным пиршеством среди обильных гроздей винограда и августовских крымских плодов» (*Гроссман Л.* Последний отдых Брюсова. С. 292–294).

...Надя Рыкова и Юлия Каракаш... – Н.Я. Рыкова в 1924 была студенткой факультета языкознания и материальной культуры Ленинградского университета (сохранилась акварель Волошина, подаренная им Рыковой летом 1924 с дарственной надписью: «Наде Рыковой. "В надежде славы и добра". Максимилиан Волошин. 12. VIII. 1924»); Юлия Сергеевна Каракаш – гимназическая подруга Рыковой; дочь крымского землевладельца, писала стихи.

...Тоня и Муся Изоргины... – Сестры: А.Н. Изергина, в 1930–1969 – сотрудник Государственного Эрмитажа, и М.Н. Изергина, впоследствии концертмейстер драматических театров.

...Это история Алекс<андра> *II.* – Существенные дополнения к этому спору, происходившему в доме Волошина, позволяет сделать запись беседы с Н.Я. Рыковой (март 1984). «Я говорила очень запальчиво, – вспоминает Рыкова, – но не совсем так. Я говорила о сравнительной ценности западных и восточных элементов в русской культуре, считая, что многие наши национальные тенденции, например, славянофильство, совершенно неоправданны. "На Запад" означало воспринимать и впитывать культуру Запада, продолжать учиться у Запада».

Н.Я. Рыкова уточняет также, что «спор велся почти целиком с Андреем Белым»: «Белый кричал: "Девчонка! Доживите до моих лет!" Сестры Изергины возмутились: "Что это за аргументы! При чем здесь возраст!" Тогда Белый убежал с веранды. Рассуждений Брюсова, которые приводит Волошин, я не помню, хотя должна была бы запомнить, так как в те годы я чрезвычайно почитала Брюсова. Но то, что он занимал в этом споре примирительную позицию, это верно».

Рассказ Рыковой подтверждается и воспоминаниями Л. Гроссмана, который пишет, что Брюсов «по-отечески снисходительно и дружелюбно вступал в спор с задорными девицами, отрицавшими огулом всю русскую культуру или отвергавшими какое-нибудь крупнейшее поэтическое явление» (*Гроссман Л.* Последний отдых Брюсова. С. 295). Воспоминания Волошина об этой беседе Брюсова и Белого с молодыми гостями Коктебеля зафиксированы и в его дневниковой записи от 7 сент. 1930 (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 359–360).

КИММЕРИЙСКАЯ СИВИЛЛА
(Памяти А.М. Петровой)

Печатается по автографу (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 356). Впервые – Из лит. наследия-2. С. 218–223 / Публ. В.П. Купченко.

Еще в сентябре 1919 Волошин записал в «творческой тетради» набросок одноименного стихотворения, в котором дан пейзаж Киммерии – как бы от лица «Сивиллы» (Т. 2 наст. изд. С. 561).

Далее поэт дает еще несколько отрывочных описаний Карадага и его окрестностей, в заключение снова обращаясь к образу Сивиллы:

В глубине безысходных лесов и степей
Дремлет мое сторожащее ухо.
(ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 7, л. 49 об.).

План стихотворения непосредственно о Петровой появился лишь после ее смерти в записной книжке Волошина:

Киммерийская Сивилла

И это сношенное тело
Как ветхий страннический плащ
С плеч соскользнуло и истлело.

1. У нее был сосредоточенный взгляд и наклоненная голова Паллады.

2. Ее дом стоял на фундаментах и сводах татарско-итальянской старины.

3. Город, сложенный из старых камней, много раз подня<вшись> по-новому в новых постройках, стоял на берегу моря.

4. Он гудел, как раковина, шумами моря и гулами земли.

5. Чутким ухом слушала она всю жизнь отголоски Срединного моря и глухие перебои сердца русского мира.

6. Пока она жила, сторожевой огонь горел в тумане Киммерийской ночи.

7. Как Киммерийская Сивилла, сидела она над городом и проница<ла> судьбы России.

(ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 468).

Публикуемые наброски статьи относятся, по-видимому, к 1926 и инспирированы Е.Ю. Спасской. Весь 1921 она жила в Феодосии, много общалась с Петровой – и та, «умирая», связала ее обещанием «привести в порядок и закончить ее работу» о татарских вышивках. В письме от 26 апр. 1926 Спасская сообщала Волошину,

что его «заметку» о Петровой (еще, видимо, только планируемую) берется опубликовать в Баку сотрудник тамошнего университета В.М. Зуммер. В письме от 25 дек. 1927 Спасская напоминала Волошину, что он «одно время» даже терзался «угрызениями, что ничего об А<лександре> М<ихайловне> не написал» (Письма Спасской – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1138). Весной 1932, работая над воспоминаниями о годах учебы в Феодосийской гимназии, Волошин подробно рассказал о Петровой (см. с. 367, 369–373 наст. тома).

...труд по собиранию... татарских вышивок был... ∾ *недавно опубликован.* – Статья Е.Ю. Спасской «Татарские вышивки старокрымского района по материалам А.М. Петровой» была опубликована в 1-м сборнике «Востоковедение. Известия восточного факультета Азербайджанского государственного университета» (Баку, 1926). В предисловии Спасская писала: «Уроженка Феодосии, связанная родством, знакомством и дружбой со многими старожилами Феодосийского уезда, знатоками и собирателями предметов искусства крымских татар, она, не имея к тому специальной научной подготовки, работая с исключительной любовью и последовательностью, все же нашла верные пути исследования, направив всю свою энергию на собирание и зарисовку материалов только в области татарского шитья и только в одном районе» (С. 21–22).

...не истребили тайной ее <Феодосии> *зависимости... от Генуи.* – Феодосия была колонией Генуи (под названием Кафа) с 70-х XIII в. по 1475 – когда город перешел под власть турок.

Городское управление находилось в руках итальянского семейства. – Речь идет о семействе Дуранте: Иосиф Викентьевич (1846–1895), городской голова; Антон Густавович (1881–1937), Леонард Антонович и Фердинанд Густавович (?–1937), члены городской думы в 1904–1911.

...их начали оттеснять... караимы (Крымы). – Имеются в виду: Аарон Яковлевич Крым (?–1930) – городской голова в 1911–1919, Ский Абрамович Крым – председатель Биржевого комитета Феодосии (1911), Соломон Самуилович Крым (1867–1936) – член I Государственной Думы, в 1918 – глава правительства Крыма, Шебстай Самуилович Крым (?–1932) – председатель городской управы в 1908–1917.

...была «вотчиной» Айвазовского по всеобщему... признанию. – Об этом же Волошин писал в статье «К.Ф. Богаевский» (Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 177–178). Его отношение к творчеству и личности И.К. Айвазовского не было лишено критических нот (см. *Купченко В.*

Заказ 3692

И.К. Айвазовский и М. Волошин // Победа (Феодосия). 1974. 11, 12 и 13 сент.).

...спор о коммерческом порте ~с водопроводом... – Айвазовский отстоял в Морском министерстве Феодосию как место строительства торгового порта: строительство началось в 1892, тогда же была построена железная дорога от Джанкоя до Феодосии. Водопровод из источника Субаш в имении Айвазовского – подарившего городу «50 000 ведер воды в сутки» – был проведен к осени 1888.

«Бабушка» была полуитальянка... – М.Л. Рафанович.

Ее дочь была матерью Алекс<андры> *Мих*<айловны>. – Н.А. Петрова.

Отец... старик с огромной седой бородой до пояса... – Фотография М.М. Петрова воспроизведена в фотоальбоме: *Купченко В., Давыдов З.* Крым Максимилиана Волошина. Киев: Мистецтво, 1994. С. 56. Как художник он упомянут в статье М. Волошина «Искусство в Феодосии» (Т. 6, кн. 2 наст. изд.). Один из его миниатюрных пейзажей хранится в ДМВ (поступил в конце 1970-х).

У него было пять сыновей... – Адриан (?–1920), офицер; Александр (1873–?), прапорщик; Михаил (1877–не ранее 1921), кадровый военный, в 1904 – прапорщик; Орест (?–1911); Петр, поэт.

...попал... и я, гимназистом VII класс<а>... – Волошин поселился у Петровых осенью 1894, когда учился в шестом классе гимназии.

...вместе с... А.М. Пешковск<им>*... автор*<ом> *«Рус*<ского> *син*<таксиса> *в научн*<ом> *освещ*<ении>». – Книгу «Русский синтаксис в научном освещении. Популярный очерк. Пособие для самообразования и школы» (М.: тип. В.М. Саблина, 1914) А.М. Пешковский подарил Волошину с надписью: «Дорогому Максу от автора. Москва, 25-е мая 1914 г.». В последующие десятилетия книга многократно переиздавалась. В коктебельской библиотеке хранятся и другие книги автора, подаренные Волошину в разные годы.

...комнату, увешанную картинами... – Судьба картин, принадлежавших семье Петровых, неизвестна.

<МЕМУАРНЫЕ ЗАПИСИ. 1932>

Печатается по автографам из архивов Волошина (ДМВ, А. 729, л. 13–32 об., А. 730; ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 445).

Впервые – Путник по вселенным. С. 230–320. Здесь материал записей разделен на главки, снабженные заголовками, по большей части в авторском тексте отсутствующими. «Дело Н.А. Маркса» (начало – в тетради III, продолжение – в IV, которая озаглавлена Воло-

шиным: «Дело Н.А. Маркса. Окончание и следующие годы». Впервые – Отчизна. 1977. № 3; также: Воспоминания. С. 378–409.

Бóльшая часть мемуарных записей Волошина (2 марта – 5 мая 1932) сделана в тонких тетрадях (их общее число восемь: две – в ДМВ и шесть – в ИРЛИ). Первая из двух «коктебельских» тетрадей (ДМВ, А. 729) начинается с рассказа о Черубине де Габриак. После записи рассказа «О Черубине. Дуэль» оставлено несколько чистых страниц, и М.С. Волошина продолжает в этой тетради записывать рассказы мужа (2–9 марта) под его диктовку. В конце этой тетради (в ней 125 листов) есть две записи, обращенные к Волошину, которые М.С. Волошина сделала уже после его смерти. Вторая «коктебельская» тетрадь состоит всего из восьми листов (ДМВ, А. 730). После записей 7, 10 и 11 марта «Об гимназии и отношении к ней» рукой Волошиной 12 марта Максимилиан Александрович начинает писать сам. В этой тетради поместился только один абзац. Со второго абзаца, начинающегося словами: «Любовь Ильинична подыскала мне комнату...» (см. с. 363 наст. тома) Волошин продолжает запись в другой тонкой тетради (даты нет, но очевидно, что это тоже 12 марта). Эта и еще пять тетрадей с мемуарными записями поэта хранятся в ИРЛИ (ф. 562, оп. 1, ед. хр. 445). Дневниковые записи Волошина выделены из этих тетрадей в раздел «Дневники» (с. 201–208) наст. тома.

В Пушкинском Доме в фонде Волошина хранится также карандашный черновой автограф «Кража лошадей». Текст без окончания и не датирован (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 368, л. 2–3). Также – черновые автографы Волошина: набросок, датированный 8 марта 1932, синими чернилами «Коктебель» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 388, л. 1–1 об.) и карандашный набросок «Гимназия» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 4, ед. хр. 1, л. 27). Эти тексты публикуются по «коктебельским» тетрадям.

2/III 1932 г.

...я... заехал в Аликанте... – Волошин посетил Аликанте 6 июля 1901 при возвращении в Париж с Майорки через Испанию. О том, что Аликанте и его окрестности «по общему характеру удивительно напоминают Коктебель и вообще наши места, скорее Меганом», он писал матери в тот же день (Из лит. наследия-3. С. 279).

...скупить у мурзаков... землю вдоль берега моря. – Мурзаки – низшие дворяне у татар Крыма. Сохранилось упоминание двух купчих крепостей Э.А. Юнге на покупку земельных участков в Коктебельской долине (в 18 верстах от Феодосии); эти купчие утверждены симферопольским нотариусом 5 нояб. 1878 и 6 июня 1880.

...ее купила Шевякова ∾ проф<ессор> *Вяземский...* – Участок земли под Карадагом (с запада) Карагач-Кабурга (Тумановская балка) в 1892 перешел от штаб-ротмистра К.К. Шевякова к Н.С. Вишневской (дочери полковника), у которой Т.И. Вяземский и приобрел его (летом 1901).

...Карадагск<ой> *станции ∾ научная библиотека...* – Основанная Т.И. Вяземским биологическая станция открылась (под патронажем Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений имени Х.С. Леденцова при Московском университете) лишь весной 1914, незадолго до смерти основателя. О станции и о библиотеке Т.И. Вяземского см.: *Елпатьевский С.* Крымские очерки. <М.>: Кн-во писателей в Москве, 1913 (перепечатка: Феодосия: Изд. дом «Коктебель», 1998. С. 76–83).

...Юнге ∾ мечтал устроить... запруду воды ∾ для орошения... – Впервые об этом упоминается в «Путеводителе по Крыму для путешественников» Н. Головкинского и К. Вернера (М.: тип. Бр. Вернер, 1889): «В имении профессора Юнга (известного окулиста), находящемся в этой долине, устроена обширная запруда».

...министр земл<еделия> *Ермолов... к Юнге не заехал...* – А.С. Ермолов посещал Коктебель, однако это было еще в 1881, задолго до назначения его министром земледелия.

3/III.

Все, что пережито землей, все отражено в пейзаже. – Мысли об «историческом пейзаже» изложены Волошиным в его статье «Константин Богаевский» (см. т. 5 наст. изд. С. 164–166).

...к Флегрейским полям. – Флегрейские поля – древнее название побережья Тирренского моря от Кум до Капуи.

3/III (Юнге).

...он... отправился в... Северную Африку. – Э.А. Юнге был командирован в Египет (в 1861) «для изучения на месте воспаления глаз» (Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон. СПб., 1904. Т. 61. С. 381).

4/III.

В воспоминаниях М.Ф. Каменской... – «Воспоминания» М.Ф. Каменской, освещающие ее жизнь до замужества (в 1837), печатались в журнале «Исторический Вестник» (1894. № 1–10, 12); новейшее переиздание – М.: Худож. литература, 1991.

...в воспоминаниях Екат<ерины> *Ф*<едоровны> *Юнге...* – «Воспоминания» Е.Ф. Юнге, охватывающие 1843–1860, были изданы в Москве в 1914. Книга сохранилась в библиотеке Волошина в Коктебеле.

...одной из фрейлин императрицы Ал<ександры> *Федор*<овны>... – В автографе явная описка: «Ек<атерины> Федор<овны> (по аналогии с Е.Ф. Юнге).

Подруга Э<дуарда> *Андр*<еевича> *Надежда Васильевна...* – Речь идет о Н.В. Миловской.

С Ек. Фед. Юнге я познакомился... в Москве... – Это произошло, по-видимому, в начале января 1896. Свою книгу «Стихотворения. 1900–1910» Волошин подарил Е.Ф. Юнге (7 июня 1910) с такой надписью: «Первой благосклонной слушательнице моих детских стихотворений с глубокой любовью. Макс. Волошин. Коктебель» (ДМВ).

5/III 1932 г.

...здания Пашкова дома. – Особняк, построенный (1784–1788) в стиле классицизма на Ваганьковском холме для П.Е. Пашкова; приписывается архитектору В.И. Баженову. С 1861 там были размещены Румянцевский музей и библиотека (ныне – одно из зданий Российской государственной библиотеки).

...года полтора до этого умер. – Дата кончины А.А. Фета – 21 нояб. 1892.

...близких... кругам Констант<ина> *Леонтьева.* – К.Н. Леонтьев описал Коктебель в повести «Исповедь мужа», впервые опубликованной в журнале «Отечественные Записки» (1867. Т. 173. Кн. 7) под заглавием «Ай-Бурун» (см.: *Леонтьев К.Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб.: Владимир Даль, 2000. Т. 2. С. 378); не исключено, что благодаря этому произведению о Коктебеле впервые узнала Е.О. Кириенко-Волошина.

...встретился... с Анатол<ием> *Кореневым ∾ со своим бофрером С.Ив. Щукиным.* – А.Г. Коренев был шурином (beau-frère, *фр.*) Щукина: тот был женат на его сестре Лидии Григорьевне.

6/III.

Семенково – правильно: Середниково. Подмосковное имение Столыпиных, где М.Ю. Лермонтов бывал подростком.

...меня томила в то время тоска по югу ∾ очерки по Крыму Евгения Маркова. – Первое отдельное издание «Очерков Крыма» Е.Л. Маркова – СПб., 1872. На обороте листа с карандашным наброском «Гимназия» сохранился конспект на ту же тему, вероятно, сделанный им ранее данной развернутой записи:

«Переезд в Коктебель
Гимназия и тоска о юге
Панорама: сухая трава на развалинах
Неожиданность переезда. Мечта о Крыме
Перечитываю Евг<ения> Маркова
Феодосия во время цветения акаций.
Путь до Коктебеля. Карадаг и вся группа гор»
(ИРЛИ, ф. 562, оп. 4, ед. хр. 1, л. 27 об.).

В Феодосии... начиналась постройка порта. – Морской порт в Феодосии строился в 1892–1895.

...в рассказе Горького «Коновалов». – В упомянутом автобиографическом рассказе М. Горького (1896) запечатлена встреча автора с Коноваловым в Феодосии в конце августа – начале сентября 1891. См.: *Горький М.* Полн. собр. соч. Художественные произведения: В 25 т. М.: Наука, 1969. Т. 3. С. 48–60. 542.

Горький ∾ бывая у меня в Коктебеле... – М. Горький находился в Коктебеле на отдыхе с 12 (?) авг. по 12 сент. 1917. Сначала остановился у Е.О. Кириенко-Волошиной, но затем перебрался на дачу Манасеиных.

8/III.

Святая гора (Азис) – куполообразная лесистая вершина массива Карадаг, высшая точка – 576 м, название дано по могиле мусульманского святого близ вершины.

Сюорю-Кая – известняковый массив (507 м) к северу от Святой горы.

...самый Карадаг. – Волошин подразумевает здесь приморский хребет, состоящий из вершин Кок-Кая, Магнитный хребет, Хоба-тепе и Карагач, разделенных понижениями.

...«Сфинкс»... скалистую волну хребта мыса Карадаг... – «Сфинкс» – фигура, визуально складывающаяся из округлой вершины Магнитного хребта и скалы-останца Чертов палец (Шайтан-бармах, 40 м высотой), расположенных близ Южного перевала, над спускающимся к морю крутым ущельем Гяурбах. Под скалистой волной хребта Карадаг Волошин, видимо, имеет в виду хребет Карагач, действительно волнообразный от выступов скал по вытянутой вершине.

...копают плантаж, «наповают» виноградники... катавлажат. – Плантаж – глубокая (40–80 см) обработка земли под виноградник. Наповать (*южн.*) – поливать. Катавлажить – омолаживать виноградные лозы путем прикапывания.

9/III.

...у нас на горе... – Дом П.П. Теша (где первоначально поселились Волошин с матерью) находился на холме к северу от дороги из Феодосии в Судак, в версте от моря (разрушен, сохранились лишь стены винного подвала).

Карасубазар – заштатный город в долине речки Биюк-Карасу, примерно на середине пути между Феодосией и Симферополем. Большую часть его населения в конце XIX в. (14 812 человек) составляли преимущественно татары (а также армяне, греки, караимы, евреи и крымчаки).

...севернее Агармыша... – Агармыш – хребет длиной в 8 км и высотой 723 м, прикрывающий Старый Крым с севера.

...по линии Индийского телеграфа. – Англо-индийский телеграф между Лондоном и Калькуттой, длиной в 10 000 км; был проведен концерном Вернера фон Симменса в 1862–1870. Некоторые его столбы из кованого чугуна сохранились в Восточном Крыму до сих пор.

Армянский базар – городок вблизи Перекопа, возникший после разрушения последнего русскими войсками и перенявший его торговое значение. В Армянский базар перешли присутственные места Перекопа, приходское училище и городская больница. В конце XIX в. оба городка насчитывали 7382 человека.

...удалось вернуть своих лошадей. – Путешествие в поисках украденных лошадей Волошин описал также в письме к своей двоюродной сестре Е. Ляминой (20 авг. 1893): «Это путешествие – настоящая Одиссея. Мы проехали сперва на лошадях в Карасубазар, оттуда в Симферополь, на лошадях же. Из Симферополя по железной дороге до станции Таганаш, из Таганаша на лошадях в Перекоп, так что совсем даже из Крыма выехали. И все это совершилось совершенно неожиданно для нас. Сперва мы получили известие, что лошади в Карасубазаре, и поехали туда, думая возвратиться через день, а вышло, что пробыли целую неделю. В каждом из означенных пунктов нам говорили, что лошади дальше, так что я надеялся уже попасть в Москву, а что я попаду в Одессу или в Херсон, в этом я даже и не сомневался. Но наше путешествие окончилось Перекопом, где мы нашли обеих лошадей у исправника, которому они так понравились, что он надеялся их совсем у себя оставить и катался уже на них, благодаря чему одна лошадь охромела и еще до сих пор хромает» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 73, л. 1 об.–2).

Об гимназии и отношении к ней

Сохранился недатированный карандашный набросок на ту же тему (ИРЛИ, ф. 562, оп. 4, ед. хр. 1, л. 27):

Гимназия

Мои школьные годы – глубокое недоразумение моей жизни: очень любознательный, способный, одаренный памятью мальчик, учился всегда из рук вон плохо. Я перед переходом в Феод<осийскую> гимназию. Все предметы годовые двойки единст<венная> 3 за поведение, что тоже представляло по гимназическим меркам низший бал. Впрочем это было не за шалости, а за возражения и «рассуждения».

Я был преисполнен всяческих интересов культ<урных> истор<ических>, лингвистических, математических и все это сводилось к неизбежной двойке. Само по себе это меня не пугало бы. Я давно пришел ко взгляду, что никакой зависимости между знаниями <и> их оценкой – нет и не может быть. Но моя мать думала, что есть, и разубедить ее было невозможно.

Она меня за двойки наказывала, т.е. запрещала мне по воскресеньям ходить в гости и общаться со знакомыми, что для меня было самым страшным наказанием.

Воспитание – это самозащита взрослых от детей. Эта моя мысль, вынесенная из гимназического бытия.

«Сударыня! Мы, конечно, Вашего сына примем – но должен Вас предупредить, что идиотов мы исправить не можем».

7/III.

...единств<енная> *«3»... была за поведение.* – В Феодосийскую мужскую гимназию Волошин был принят с 23 авг. 1893 в пятый класс, в котором был оставлен в 1-й Московской гимназии на второй год. Упомянутая оценка за поведение была в апреле 1893, по просьбе его матери, заменена инспектором К.К. Павликовским на «четыре» (подробнее см. с. 88 наст. тома).

«Воспитание – это самозащита взрослых от детей». – Волошин писал 19 февр. 1902 педагогу Л.О. Вяземской из Парижа: «То, что происходит теперь, это только называется воспитанием, а на самом деле это отчаянная борьба взрослых против постоянно надвигающегося прибоя молодой гениальной мысли. Ребенок – это заведомый преступник, которого к десяти годам необходимо посадить в тюрьму, подвергнуть всевозможным видам пыток, для того, чтобы сделать его мозги способными к общежитию при современном строе общества. Воспитание – это преступление против человечества» (Собрание семьи Вяземских. Санкт-Петербург).

В архиве Волошина сохранился черновой набросок плана для очерка о гимназии (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 398, л. 10):

I. Гимназия и ее нравы: ее история – два периода: патриархальн<ый> и деспотическ <ий>.

Общ<ий> характер педагогов и родит<елей>.

II. Типы учителей:
a) Дикие натуры: (Кабан<ов>, Мороз<ов>)
b) Озлобленн<ые>: Павл<иковский>
c) Наивные и угнетен<ные> (Феодор<ов> и Бонд<арь>)
d) Иезуиты (Чур<аев>)
f) Попы (актив и пассив)
e) Засосан<ные> Мыш<кин>
j) Любим<ые> учит<еля>

III. Типы учеников
a) Хронические гимназисты: дик<ий> кавалер
b) Первые ученики: прилежн<ые> способн<ые>
c) Маменькины сынки (Алк<алаев>)
d) Самостоятельные и протестанты
e) Чувствит<ельные> юноши

IV. Эпизоды
a) Первый роман
b) Пансионеры
c) Спектакли
d) Бунт
e) Выпускн<ые> экзамены

10/III.

...прислали нового директора, чеха... – Речь идет о Василии Федоровиче Гролихе.

...посвященное памяти В.К. Виноградова. – Стихотворение «Над могилой В.К. Виноградова» было опубликовано в сб.: «Памяти Василия Ксенофонтовича Виноградова» (см. т. 2 наст. изд. С. 292, 688).

11/III.

...математика Кабанова. – Первая буква фамилии в тексте написана неразборчиво.

<12>/III 1932

...на верхних улицах Митридата. – Так был назван И.К. Айвазовским (по примеру одноименного холма в Керчи) холм на север-

ной окраине Феодосии. Название было дано по имени исторической личности – Митридата VI Евпатора.

«Полтавский бой» ∾ «Ветку Палестины». ...«Конька-Горбунка». – «Полтавский бой» – фрагмент из песни 3-й поэмы А.С. Пушкина «Полтава» (1828–1829). «Ветка Палестины» – стихотворение М.Ю. Лермонтова (1837). «Конёк-Горбунок» – стихотворная сказка П.П. Ершова (1834).

...читал... пушкинское «Клеветникам России». – Волошин читал это стихотворение на гимназическом вечере 31 янв. 1893.

Читал... балладу Алексея Толстого «Горе». – Точнее – «Чужое горе» (1866). Произведение было прочитано Волошиным на гимназическом вечере в Феодосии 5 дек. 1893 (см. также с. 95 наст. тома).

...решили ставить «Ревизора» ∾ я был выдвинут ∾ на исполнение городничего. – Представление комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» силами учащихся мужской и женской гимназий состоялось в Феодосии 2 февр. 1896.

13/III 1932

...Боклевского склада... – Речь идет о внешнем сходстве с английским историком и социологом Генри Томасом Боклем.

...его отец ∾ Артур, его старший брат... – Матвей Пешковский принадлежал к мещанскому сословию. Артур Матвеевич Пешковский, по некоторым сведениям, учился в Гейдельберге, впоследствии медик (однако в «Российском медицинском списке» его фамилия не значится). По неподтвержденным свидетельствам, умер в Израиле.

Тогда еще велосипеда не было. – Не вполне точно: первые двухколесные велосипеды появились в начале XIX в. Однако «безопасный» велосипед, близкий по конструкции к современному, изготовлен в 1893.

...Алекс<ей>*Алек*<сеевич> *Полевой, славившийся... своим остроумием...* – Об А.А. Полевом см. в мемуарах И.М. Саркизова-Серазини «Старая Феодосия» (Окоем (Феодосия). 1992. № 1. С. 42, 78–79).

...основатель семьи Дуранте в Крыму был генуэзец... – Возможно, имеется в виду негоциант Л. Дуранте, упоминаемый как феодосийский судовладелец в 1804. Другой представитель семьи – Дж. Дуранте – отмечен в «Некрополе Крымского полуострова» В.И. Чернопятова.

18/III 1932

...Феодосия как бы помнила о том, что Генуя ее метрополия. – О связях Феодосии его юности с Генуей Волошин писал в статье

«Культура, искусство, памятники Крыма» (Т. 6, кн. 2 наст. изд.). Группа генуэзских историков во главе с маркизом Ч.И. ди Сант-Анджело посетила Феодосию летом 1912.

...как Гарибальди, плавали юнгами... – Джузеппе Гарибальди плавал по Черному морю вместе со своим кузеном, тоже Джузеппе Гарибальди. Побывав в Феодосии и Таганроге, будущий народный герой Италии отплыл в Турцию, а его кузен остался в Феодосии, поступив капитаном на судно негоцианта Леонарда Дуранте (Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь. 1916. № 53. С. 239–240).

...фрау Гарибальди, родн<ая> тетка Гарибальди. – На самом деле это была немка Бауэр – жена Г.О. Гарибальди (родственника Дж. Гарибальди), поселившегося в немецкой колонии Герценберг под Феодосией.

20/III 1932

Последний квартет Бетховена, Себастиан Бах, Пиранези. – Имеются в виду рассказы В.Ф. Одоевского «Последний квартет Бетховена», «Себастиян Бах» и «Opere del Cavaliere Giambattista Piranesi», включенные автором в его роман «Русские ночи» (1844; «Ночь шестая», «Ночь восьмая» и «Ночь третья», соответственно).

22/III 1932

...5 братьев ∾ рано и по-разному погибшие.. – С Адрианом Михайловичем Петровым Волошин встречался в Асхабаде осенью 1900, по пути из Ташкента в Красноводск и обратно. Александр Михайлович служил на грузовом пароходе Российского общества, призывался на военную службу дважды: в 1904 (получив чин прапорщика) и в 1913. Михаил Михайлович, прапорщик в 1904; в 1914 снова призван, вернулся в Феодосию в декабре 1917. Орест Михайлович в 1904 был разбит параличом (на почве сифилиса). Других сведений о братьях Петровых не выявлено.

Ал<ександра> *Мих*<айловна> *∾ делала копии татарских вышивок.* – См. С. 340, 343–344 наст. тома.

25/III 1932.

В нашу обычную компанию входили Лера и Женя Воллк-Ланевские, Вера Нич... – В 1895–1897 Волошин посвятил В.А. Воллк-Ланевской семь стихотворений, Е.А. Воллк-Ланевской – одно, а В.М. Нич – два.

Мать Воллк-Ланевских... – С.Н. Воллк-Ланевская была вхожа в дом И.К. Айвазовского (играла с ним в карты). Похоронена вместе с мужем на Феодосийском кладбище. Дат ее жизни на могиле нет.

...капитал, на который проходило мое воспитание... – Эта сумма в 12 тысяч рублей досталась Волошину по наследству от его бабушки и дедушки Е.А. и М.Я. Кириенко-Волошиных.

...статьи Писарева о Пушкине... – Имеется в виду статья Д.И. Писарева «Пушкин и Белинский» (1865) в двух частях («Евгений Онегин» и «Лирика Пушкина»), посвященная ниспровержению пушкинского наследия с точки зрения теории «реализма».

26/III 1932.

В то время он был еще на берегу моря. – Т. е. до засыпки части бухты землей (для возведения портовых сооружений).

29/III 1932 (первая запись).

В этой мертвой тишине. – Волошин приводит по памяти заключительные строки своего стихотворения «Средь широкого залива...» (1894), обращенного к К. Понсар (см. т. 2 наст. изд. С. 259–260).

Кистер – смотритель церковных зданий.

29/III 1932 (вторая запись).

...жена Кедрова с девочками – Наташей и др. – Речь идет о Е.Д. Кедровой и ее дочерях Наташе и Оле, а также о ее племянницах, дочерях Н.Н. Кедрова.

30/III 1932.

...лепить памятник «Освобождение Крыма» на месте екатерининского «Присоединения Крыма» в Симферополе. – Памятник Екатерине II (с фигурами), выполненный по проекту М.О. Микешина, был установлен в 1890, а снесен по распоряжению Советской власти 1 мая 1921. «Пролетарский» памятник «Освобождение Крыма» открыт 4 мая 1921. Об этом событии, как «об этапе борьбы за торжество мирового пролетариата», сообщила газета «Красный Крым» (№ 95. С. 2).

...т<овари>*щ Бугайский...* – Согласно адресной книжке Волошина, – Вячеслав Павлович; по-видимому, брат революционера и политкаторжанина С.П. Бугайского.

...с Рубо над Севастопольской панорамой... – Имеется в виду панорама Ф.А. Рубо «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.» (1902–1904). Расположена в специальном здании на Историческом бульваре в Севастополе.

Мы не видались с Гумилевым с момента нашей дуэли... – См. с. 470–471 наст. тома.

...Гумилев... осенью был расстрелян по обвинению в NN заговоре. – Н.С. Гумилев был обвинен как участник так называемой «Пет-

роградской боевой организации» (первоначально официально именовавшейся «Областным комитетом союза освобождения России»), или (в обиходе) «заговором Таганцева», и расстрелян петроградскими чекистами (после 24 авг. 1921).

...Валетка ∾ в Ялте (с графиней Кавур). – Речь идет о В.В. Успенской, которая выехала за границу из Феодосии 26 нояб. 1923 (в сентябре 1931 находилась в Париже). Сведений о графине Кавур не найдено.

Ольга Андреевна – О.А. Юнге; она (вместе с мужем Ф.Э. Юнге) в начале 1920-х жила в доме матери Волошина, поэтому за домом и закрепилось название «дом Юнге».

...меня устроили в санаторию в Феодосию. – Волошин приехал туда из Коктебеля 16 окт. 1921.

...д<ом> *Лампси...* – Точнее, квартира в доме И.К. Айвазовского, которую ранее занимал П.Н. Лампси, в 1920 уехавший в Грецию.

...письмо к Ал<ександре> *Мих*<айловне>. – Далее Волошин цитирует письмо к А.М. Петровой от начала сентября 1921 (Из лит. наследия-2. С. 215–217).

Может кого угодно спасти от расстрела. – Отголосок эпизода конца 1920: познакомившись в доме И.К. Айвазовского с особистом Девятой ударной дивизии, занявшей город в середине декабря, Волошин так расположил этого психически неуравновешенного человека к себе, что получил право вычеркивать из расстрельных списков какое-то количество лиц (за которых ручался). Из воспоминаний Е.П. Кривошапкиной о зиме 1920: «...М.А. поселился в одной из комнат галереи Айвазовского. В соседней комнате живет председатель “тройки”, судивший тех, кто сидели в феодосийских казармах. М.А. усталым голосом рассказывает о ночах, которые он проводит со своим соседом. Ему казалось, что его сосед понемногу сходит с ума. В городе ходили слухи, что Волошин имеет влияние на председателя “тройки”, и к нему потянулись десятки людей, умоляя спасти их близких. Просить за всех, значило потерять возможность помочь хоть кому-нибудь. <...> И самое страшное было то, что приходилось выбирать, говорил Максимилиан Александрович» (Архив В.П. Купченко. См. также: Труды и дни-2. С. 113–114). В письме Волошина к А.С. Ященко есть упоминание о том, что он видел свое имя в списках людей, предназначенных ЧК к расстрелу (Новый журнал. 1952. № 31. С. 106).

...они раньше богатые были. А теперь – нищие. – Ф.Э. и А.Э. Юнге владели богатой «экономией» недалеко от Коктебеля (у деревни Султановка), реквизированной большевиками.

...одно большое стихотворение ∾ я...разделил <его> *на 2...* – Первый вариант стихотворения «Готовность» был опубликован в берлинской газете «Накануне» (1922. № 106. 13 авг., литературное приложение № 13). Позднее Волошин разделил этот текст на два – «Готовность» («Я не сам ли выбрал час рожденья...») и «На дне преисподней» («С каждым днем всё диче и всё глуше...»). Последнее было посвящено «памяти А. Блока и Н. Гумилева».

...со Свифтова «Скромного предложения»... – Имеется в виду памфлет Джонатана Свифта (1729). См. *Свифт Дж.* Памфлеты. М.: Гослитиздат, 1955. С. 155–165.

...была взволнована вестями о Слащеве. – Т. е. о возвращении Я.А. Слащева из эмиграции (21 нояб.1921, после декрета ВЦИК о его амнистии).

...пришла Фина. А.М. заговорила о Люд<в>*иге и о его матери.* – Финой близкие называли Ж.Г. Богаевскую. Людвиг (Л.Л. Квятковский) происходил из бедной феодосийской семьи; А.М. Петрова опекала его с малых лет. Мать его (Мария Ивановна) была вдовой.

Она была мертва. – А.М. Петрова скончалась 11 дек. 1921.

...похороны... Аглаиды Валерьевны... – Первую жену Н.А. Маркса звали Аделаидой Валериевной.

1/IV 1932.

...он происходил из греческой семьи Цырули ∾ родовые усыпальницы. – В примечаниях к собранным и изданным им «Легендам Крыма» Маркс упоминает своего деда по матери, Егора Ставровича Цирули, со слов которого записал легенду «Деликли-Кая» (Легенды Крыма. Текст Н. Маркса, рисунки К. Арцулова. Выпуск второй. М., 1914. С. 52) и свою прабабку Панцехрию Ставра-Цирули, пересказавшую ему легенду «Святая кровь» (Легенды Крыма. Текст Н. Маркса, рисунки К. Арцулова. Выпуск первый. М., 1913. С. 40).

Сырты – холмы с пологими вершинами, остатки морских террас на побережье Восточного Крыма.

После корпуса ∾ прослужил... лет 30. – Закончив Михайловскую военную гимназию в Воронеже и Александровское военное училище в Москве, Н.А. Маркс служил в Варшаве, Севастополе, а в 1886 был назначен адъютантом в штаб Кавказского военного округа в Тифлисе.

...он был... в генеральских чинах. – Чин генерал-майора был присвоен Н.А. Марксу не в 1905, как пишет Волошин, а в декабре 1906.

...ездил... в Ясную Поляну... – Документальные источники, подтверждающие это сообщение Волошина, обнаружить не удалось.

...поступил вольнослушателем в университет. – Ошибка памяти Волошина: Н.А. Маркс закончил (в 1910) Московский археологический институт.

Н.А. записывает «легенды Крыма» и издает их выпусками. – Книги «Легенды Крыма», составленные Н.А. Марксом, были изданы в Москве (первый выпуск – 1913, второй – 1914; оба иллюстрированы К.К. Арцуловым) и в Одессе (третий выпуск, 1917). Репринтное переиздание всех трех выпусков в одной книге – Симферополь, 1990.

...Вера Звягинцева... рассказывала много позже в Коктебеле. – Эти беседы относятся к 1926–1928, когда В.К. Звягинцева приезжала в дом Волошина.

...ему был поручен... пост начальника Штаба Южной Армии. – Точнее: Одесского военного округа (в январе 1916).

На Государственном совещании... он выступил против Быховских генералов... – Государственное совещание представителей партий, общественных и кооперативных организаций было созвано Временным правительством в Москве 12–15 авг. 1917, с участием около 2500 человек, под председательством А.Ф. Керенского (большевики в нем не участвовали). Быховские генералы – участники так называемого «корниловского мятежа» 25 авг. 1917, возглавленного Л.Г. Корниловым, которые после поражения были заключены в тюрьму города Быхова в Белоруссии (кроме Корнилова – А.И. Деникин, А.С. Лукомский, С.Л. Марков, И.П. Романовский, И.Г. Эрдели и др.)

2/IV 1932.

Вечер вступления григорьевцев. – Отряды атамана Н.А. Григорьева вошли в Одессу 6 апр. 1919 в качестве передовых частей Красной армии, на стороне которой Григорьев тогда выступал.

Я выехал... с тремя матросами... – Волошин отплыл из Одессы в Крым на парусном дубке (шхуне) «Казак» 10 мая 1919 в сопровождении трех матросов-чекистов – В.Н. Малышевского, Т.Г. Врублевского и Н.К. Власова, позднее (в посвящении к стихотворению «Бегство»: см. т. 1 наст. изд. С. 333 и 548) ошибочно названного Борисовым. Команда дубка состояла из двух человек – Григория и Парфена.

...море сторожил французский флот ∾ суда... останавливались миноносцами. – Французский миноносец «L» нес сторожевую службу на выходе из Одесского порта (останавливая парусные дубки), начиная с 5 мая 1919. Мимо Тендровой косы «Казак», отойдя из Очакова, прошел 13 мая.

Ак-Мечеть – селение на Тарханкутском полуострове (рядом с бывшим античным городом Калос-Лимен), в 60 верстах от Евпатории (ныне Черноморское).

...мы... не знали... что делается на берегу. – 13 мая 1919 Крым, занятый (за исключением Керченского полуострова) красными, был объявлен на осадном положении.

...переводил Анри де Ренье. – За время плаванья Волошин перевел стихотворения А. де Ренье «Раковина», «Видения», «Тревога», «Дионисии».

...ответили малым загибом П<етра> *Великого.* – Подразумевается многословная матерная брань.

...дом Воронцовых... – Имеются в виду имения Белоус и Елизаветовка, до 1917 принадлежавшие графине Е.А. Воронцовой-Дашковой.

3/IV 1932.

...сидела семья. – Это были И.С. Кожевников, его жена Сусанна Григорьевна и дети – Володя и Шура.

...рассказ Светония о Цезаре в плену у пиратов. – В книге Светония «Жизнь двенадцати цезарей» эпизод пленения двадцатипятилетнего Гая Юлия Цезаря пиратами излагается весьма сжато (кн. I, 4): «Он отправился туда <на Родос> морем, зимой, и возле острова Фармакуссы попался в плен к пиратам. Он пробыл у них около сорока дней вместе с врачом и двумя комнатными слугами, причем с ним обращались очень грубо. Остальные его товарищи и рабы были немедленно разосланы им в разные стороны собирать деньги для выкупа. Ему поверили пятьдесят таланов. Затем его высадили на берег, и он немедленно погнался с флотом по пятам за убегавшими пиратами. Взяв их в плен, он казнил их, – чем не раз грозил им шутя» (*Гай Светоний Транквилл.* Жизнь двенадцати цезарей. С латинского перевел В. Алексеев. Издание второе. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1904. С. 3). Более подробное описание содержится в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха (М.: Наука, 1963. Т. 2. С. 451).

4/IV 1932.

Констелляция (*лат.* con-stellatio) – в астрологии взаимное расположение небесных тел (в определенный момент).

...устроил Т<атиду> *у Кедровых ~ меня пустили ночевать к Семенкович...* – Имеются в виду К.Н. и Е.Д. Кедровы, квартировавшие в Симферополе на Екатерининской улице, Е.М. Семенкович, жившая на Александро-Невской улице.

...были соседями Ч<ехова>... – Е.М. Семенкович и ее муж В.Н. Семенкович в 1890-е жили в собственном имении Васькино, вблизи чеховского Мелихова.

Лаура – подпольная кличка Е.Р. Багатурьянц.

Зашел... в Г.П.У. и спросил т<оварищ>а Ахтырского. – Точнее, в армейский политотдел: А. Ахтырский в июле 1919 был политкомиссаром штаба Красной армии. В 1920 перешел к белым. Выдал будто бы многих подпольщиков.

...Топловский монастырь... – Полное название: Троице-Параскевский Топловский женский монастырь, расположенный у деревни Тополевка, на склоне горы Каратау. В 1928 был закрыт, ныне вновь возрожден.

...в Шах-Мамае... – Шах-Мамай (или Шейх-Мамай, по имени Мамая, будто бы похороненного в этом районе) – имение И.К. Айвазовского близ г. Старый Крым, после смерти художника перешедшее к его дочери А.И. Лампси. В советское время Шах-Мамай получил название Айвазовское, но от имения практически ничего не осталось.

5/IV 1932.

...комендант города ∾ Грудачёв... отобрал себе мой левоциклет... – На запрос В.П. Купченко в 1976 П.А. Грудачёв – автор книги воспоминаний «Багряным путем гражданской» (Симферополь, 1971) – сообщил, что изъял у Волошина мотоцикл марки «Индиан». Однако у поэта был именно левоциклет – горный велосипед, у которого при подъеме педали переключались с вращения на давление по вертикали. В Доме-музее Волошина сохранился прейскурант парижской фирмы «Tarrot» с инструкцией левоциклета.

...мы отправились... в Феодосию. – Судя по всему, выходя 29 мая 1919 из Коктебеля в Феодосию, Волошин намеревался определить свой статус при советской власти с помощью мандатов, полученных в Одессе. Уже 28 мая «Известия Военно-революционного комитета г. Феодосии» (№ 25) извещали, что в работе секции литературы и печати при Отнарпросе «намечается участие» Волошина.

Величко – как и Волошин, преподаватель 64-х Высших Командных курсов в Феодосии (1921). Возможно, это был К.И. Величко.

...Отдел Искусства, которым заведовали Н.А. Маркс и Вересаев. – Последний возглавлял в Отделе народного образования Феодосии секцию «Театр и искусство», а первый, фактически руководивший Отделом народного просвещения, – секции школьную, татарскую, еврейскую и хозяйственную. Формально же заведовал отделом 22-летний коммунист Б.Т. Горянов.

...усмирение восстания в Каменоломнях. – Речь идет о выступлении партизан, скрывавшихся в керченских каменоломнях, против белых в ночь на 4 июня 1919. Подавив его при огневой поддержке

Заказ 3692

английских миноносцев, белые три дня прочесывали город, только 5 июня казнив 1500 человек.

...в Отд<еле> *Искусства работает Касторский...* – В.И. Касторский, имевший дачу в Коктебеле, весьма неблаговидно вел себя при смене властей в Крыму. Это отражено в романе В.В. Вересаева «В тупике» (1923–1924), где Касторский выведен в образе артиста Белозерова.

...знал по Парижу как члена вокального квартета Кедровых. – Имеется в виду «Петербургский Русский вокальный квартет», основанный Н.Н. Кедровым (1897) и с успехом гастролировавший в Европе (1908–1915), в том числе и в Париже.

...«Вся власть патриарху»... – Эта статья Волошина была напечатана 22 дек. 1918 в газете «Таврический голос» (Симферополь) при белых. См. т. 6, кн. 2 наст. изд.

...встретились... уезжающими. – Встреча Волошина с И.С. Кожевниковым и его семьей произошла 10 июня 1919.

...собирался в Юнг<овскую> *экономию ∾ уговаривал Сашу...* – Речь идет о А.Э. Юнге и об имении, одним из владельцев которого он был.

...белые пришли... – Десант под командованием Я.А. Слащева высадился в Феодосии и Коктебеле 18 июня 1919.

Баржа подошла к берегу за Павловыми. – Т. е. за домом семьи В.Н. и А.Н. Павловых, расположенным по соседству с домом Волошиных с восточной стороны по берегу моря.

«Бубны» разлетелись в осколки. – На самом деле кофейня «Бубны» пострадала лишь частично и просуществовала почти до конца 1920-х.

6/IV 1932.

...Гаврилу Стамова... – Черты этого уроженца Коктебеля В.В. Вересаев придал персонажу романа «В тупике» Афанасию Ханову.

Крейсер («Кагул») ∾ накачивал воздух в «Марию» ∾ по способу Сандендснера. – «Кагул» был заложен в 1901 под названием «Очаков»; переименован после подавления восстания на нем в ноябре 1905. Осенью 1919 получил название «Генерал Корнилов». Броненосец «Императрица Мария» был взорван немецкими диверсантами 7 окт. 1916 в бухте Севастополя; поднят со дна по способу Г.Н. Сиденснера 28 февр. 1919.

...старшего офицера с «Кагула» ∾ к командиру судна. – В описываемый период старшим офицером крейсера был В.А. Потапьев, а командиром – П.П. Остелецкий.

...отделяющий Болгарщину... – Т. е. колонию болгар, выходцев из Турции, возникшую в самом начале XIX в. у западной окраины Старого Крыма.

...Наташу В. ∾ *в Ст*<аром> *Крыму...* – Имеется в виду Н.А. Верхховецкая. Ее семья имела в Старом Крыму дачу.

Арматлук – правильно: Армутлук (от татарского «армут» – груша); существовала и деревня такого названия (к северо-западу от Коктебеля).

Ник<андр> *Алекс*<андрович> *арестован...* – Н.А. Маркс был арестован 22 июня 1919.

...начал... целовать икону. – В.В. Вересаев в мемуарном очерке «О Н.А. Марксе» подтверждает, что генерал содержался в гостинице «Астория», и приводит эпизод с комендантом, обнаружившим на груди у генерала иконку (*Вересаев В.* Невыдуманные рассказы. М.: Худож. литература, 1968. С. 488–489).

...я был у начальника Контрразведки. – По записи Волошина, контрразведкой белых в Феодосии руководил Деларю. 24(11) июня 1919 он записывает в творческой тетради: «Хлопоты. Разведка. Деларю» (ИРЛИ, ф. 562, оп.1, ед. хр. 7, л. 29).

...большевик Смидович ∾ *родной брат его жены.* – Речь идет о П.Г. Смидовиче и М.Г. Смидович.

...я в тот же день был у коменданта. – Белым комендантом Феодосии был есаул Демьянский: в дневнике Л. Квятковского той поры есть такая запись: «Сейчас мимо нашего дома проехал казачий разъезд. Приказ о занятии Феодосии, подписанный эсаулом Демьянским, начинается так: "Сегодня, с Божьей Помощью, Добровольческой Армией освобожден город от бандитов и т. д."» (копия в архиве В. Купченко). В воспоминаниях Вересаева – Демяник (*Вересаев В.В.* Невыдуманные рассказы. С. 489).

...война ∾ *еще не кончена...* – Версальский мирный договор, официально завершивший Первую мировую войну, был подписан 28 июня 1919.

7/IV 1932.

...в Керчи – там всем заведует ротмистр Стеценко... – Речь идет о капитане Стеценко, начальнике керченской контрразведки. По-видимому, это был Г.В. Стеценко (окончил Морской корпус и Николаевское инженерное училище, прошел Русско-японскую войну). Он упомянут как каратель в очерке И. Гелиса «Красные кроты» (Революция в Крыму. Симферополь, 1924. № 3. С. 146). Позднее изобличен и «предстал перед советским судом» в 1925 (*Чирва И.С.* Крым революционный. Киев, 1963. С. 106).

Я... пошел... в город. – Керченский вокзал находился в двух верстах от города.

...к Месаксуди ⁓ Дом его был... на Приморском бульваре... – Из многочисленной семьи табачных фабрикантов Месаксуди в Керчи в то время оставался один Д.К. Месаксуди, который жил в д. 2 по Спицинской улице (см. о нем: *Боровкова В.Н.* Коллекционеры – торговцы керченскими древностями. Керчь, 1999. С. 107–116).

Я... пошел в гостиницу ⁓ за углом... – Ближайшая – «Центральная», на Предтеченской площади города.

8/IV 1932. (первая запись).

...к коменданту города. – Комендантом Керчи был, видимо, Ходаковский, помеченный у Волошина в записной книжке как «начальник гарнизона». Возможно, это был полковник И.Н. Ходаковский.

Позвольте... узнать, чьим гостеприимством я имею честь пользоваться? – В архиве Волошина сохранилась записка капитана Стеценко от 13 июня 1919 (по старому стилю, принятому у белых в Крыму) с просьбой пропустить Волошина и Е. Виганд к нему на квартиру (Николаевская улица, 33) и, по-видимому, врученная поэту у коменданта (так что к моменту беседы со Стеценко у него на квартире Волошин уже знал, к кому обращался).

...рекомендовался пом<ощником> *командира транспорта...* – Этим человеком был (согласно записи Волошина) А.С. Крапивин.

«Осваги». – Имеются в виду отделения Осведомительного агентства Добровольческой армии, ведавшие пропагандой и имевшиеся в крупных населенных пунктах, занятых белыми. Известно, что некоторые стихотворения Волошина того времени распространялись Освагом в виде листовок (см. т. 1 наст. изд. С. 524).

...Троцкий писал про эти же мои стихи... – Об этом еще 5 апр. 1920 Волошин сообщал Цетлиным: «...мне передавали несколько месяцев тому назад, <что> в "Правде" была статья Троцкого обо мне, где он называл меня самым крупным из современных поэтов» (Машинописная копия из собрания В.А. Мануйлова). Ни такой статьи, так же как и никакого упоминания имени Волошина Троцким, не обнаружено.

8/IV 1932. (вторая запись).

Комендант города... – Видимо, полковник Лачинов, при фамилии которого в записной книжке Волошина есть помета с новороссийским адресом: «Пропуска. Александровская, 4». Возможно, это был М.С. Лачинов.

...я нашел здесь Лилю (Черубину) и Лемана. – Е.И. Васильева (Дмитриева) и Б.А. Леман в Екатеринодаре были служащими Освага.

...приютил меня в своей комнате... – Контр-адмирал П.В. Верховский квартировал в д. 79 по улице Красной г. Екатеринодара.

...министр гражд<анской> *юстиции...* – До декабря 1919 роль Совета министров на территории, занятой Добровольческой армией, исполняло Особое совещание при ее главкоме (учреждено в августе 1918). Отдел юстиции Особого совещания возглавлял В.Н. Челищев.

...я рассчитывал на Шульгина ∾ Новгородцева... тоже не было на месте. – 24 июня 1919 Волошин писал В.В. Шульгину о Н.А. Марксе: «Моя цель и моя просьба сейчас в том, чтобы прежде всего добиться того, чтобы суд над ним происходил не здесь – на театре еще продолжающихся военных действий, где он, конечно, будет слишком быстрым, трагическим и несправедливым по существу, а в Екатеринодаре. Все местные представители политического отдела и контрразведки Добров<ольческой> армии меня заверили, что суд будет в Екатеринодаре, но возможен всегда неожиданный поворот дела, т<ак> к<ак> мы находимся еще в борьбе, в области быстрых и коротких репрессий.<...> Умоляю Вас, Василий Витальевич, дать этому делу законный и нормальный ход» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 136, л. 2–2 об.). Он же – П.И. Новгородцеву: «Сейчас нужно добиться во что бы то ни стало, чтобы он был вытребован в Екатеринодар для нормального и регулярного суда над ним. Я очень прошу Вас, Павел Иванович, употребить все свое влияние в “Особом Совещании”, чтобы добиться этого» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 80, л. 1 об.).

10/IV 1932.

...была приготовлена статья... – Имеется в виду лекция «Россия распятая»; Волошин читал ее еще 25 дек. 1918 в Севастополе; авторская дата окончательного варианта – 17 мая 1920 (см. т. 6, кн. 2 наст. изд.).

...выезжал в Ростов... – В Ростов-на-Дону Волошин выехал 9 или 10 июля 1919; с чтением стихов выступал, в частности, на выставке «Лотос» (в которой участвовал и как художник).

Останавливался у Кедровых... – в доме 79 по Покровскому пер., угол Пушкинской ул.

...видел Толузакова... – С.А. Толузакову Волошин посвятил стихотворение «Молитва о городе» (1918).

...записал... всего Протопопа Аввакума. – Речь идет об одноименной поэме Волошина (1918).

...суд над Марксом будет через несколько дней... – Это судебное заседание состоялось в Екатеринодаре 15 (2) июля 1919.

...с одним из его адъютантов – с франц<узской> *фамилией...* – Имеется в виду А.Г. Шаперон де ла Рэ, адъютант А.И. Деникина (сентябрь 1918 – июль 1919).

11/IV 1932.

«...Подсудимого освободить немедленно». – Копия приказа А.И. Деникина сохранилась в архиве Н.А. Маркса (с 1975 – в ДМВ): «Приговором военно-полевого суда от 15-го сего июля <...> генерал-лейтенант Маркс за преступление, предусмотренное 108 ст<атьей> Угол <овного> Улож<ения> <...> присужден, по лишении всех прав состояния, к каторжным работам сроком 4 года. При конфирмации приговор мною утвержден, с освобождением осужденного от фактического отбытия наказания за старостью лет».

13/IV 1932.

...на меня показывали пальцем... – 20 авг. 1919 Волошин писал Л.А. Недоброво в Ялту: «Сейчас против меня в Феодосии крайнее озлобление <...>. На днях с одного концерта <...> меня попросили уйти» (Машинописная копия из собрания В.А. Мануйлова).

«Унзер Винкль» (идиш) – наш угол.

...начал серию своих стихов «Видение Иезекииля»... – Цикла стихов под таким названием у Волошина нет, это – заглавие его стихотворения (1918).

14/IV 1932.

...он получил приказ от... Шнейдера покинуть пределы его округа... – Волошин имеет в виду Н.Н. Шиллинга. Его предписание на выезд в Тамань Н.А. Маркс получил 14 сент. 1919.

...приехал в Екатеринодар ∾ был выбран ректором... – Маркс переехал в Екатеринодар, видимо, в начале сентября следующего года: 8 сент. 1920 он уже вступил в должность профессора Кубанского университета, а 19 дек. того же года был избран ректором.

...она выехала к дочери за границу. – Дочь Е.В. Виганд Вера Кисловская была замужем за моряком; возможно, это В.С. Кисловская.

15/IV 1932.

...певица Анна Степовая... – А.А. Степовая приехала в Крым из Одессы вместе с генералом Н.Н. Шиллингом. Выступала в Феодосии в феврале-марте 1920; 20 июня ее концерт состоялся в Ялте. Затем эмигрировала, выступала в Париже. В книге «Русский романс

на рубеже веков» (Киев: Оранта-Пресс, 1997) помещена ее фотография (в подборке иллюстраций после с. 126) и упоминается, что А.А. Степовой посвящены два романса В. Бакалейникова на слова А. Кусикова – «Бубенцы» и «Вот хмурые будни, осенние слезы...» (С. 327, 331).

...была... прислугой Новинского... – Видимо, речь идет о В.Л. Рюминой.

...Дудука... – прозвище С.С. Кудашева в раннем детстве.

...транспорты из Америки, привозившие... зерно... для Поволжья. – О приходе в Феодосию американских пароходов с мукой для голодающего Поволжья Волошин писал матери (в Коктебель) 2 марта 1922. 25 марта он подтверждал: «Американцы провозят кукурузу *через Крым* и еще ни одного пуда официально здесь не оставили. На то, что они привезут муку для Крыма – надежды есть, но только надежды. Всё, что было привезено частным образом матросами, – конфисковано. Благотворительностью американцы не занимаются» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 65, л. 19).

16/IV 1932.

...у нас зимовали Мандельштам, Эренбург и Майя ∾ с матерью. – О.Э. Мандельштам поселился у Е.О. Кириенко-Волошиной с начала сентября 1919; М.П. Кудашева приехала из Новочеркасска в октябре, а И.Г. Эренбург – в декабре 1919. Мать М.П. Кудашевой, Адель Кювилье, в молодости служила в Москве гувернанткой в семье К.Н. Незлобина.

...Майя узнала, что ее муж... умер... от тифа. – В архиве Дома-музея М.А. Волошина сохранился черновик прошения М.П. Кудашевой (27 янв. (9 февр.) 1920) о денежном пособии за умершего мужа, подпоручика Донского броневого дивизиона. 9 сент. 1920 Волошин упоминал (в письме к А.Н. Ивановой в Париж), что С.А. Кудашев «умер от тифа во время отступления» (Машинописная копия из собрания В.А. Мануйлова). Отступление белых на левый берег Дона произошло 27 дек. 1919.

...урок у полковника Реввы. – В справочниках военнослужащих царской армии указан лишь подполковник Н.А. Ревва.

...из Бусалака. – Бусалак (также Боссолак, Бузолак; от татар. «буз», лед) – имение И.В. и Е.Б. Зелинских в Феодосийском уезде, близ станции Ислам-Терек.

Увлеклась Вальком (Паничем). – Речь идет о В.И. Зелинской.

...у Крафт-Эбинга в истории венгерск<их> *врачей.* – Имеется в виду эпизод, описанный в монографии «Сексуальная психопатия» Р. Крафт-Эбинга.

...встретился... в санатории ∾ шла из Камышей. – В селе Дальние Камыши М.С. Заболоцкая служила в амбулатории. Волошин находился на лечении в Феодосии с 17 окт. 1921. Первое упоминание о Заболоцкой находим в его письме к матери от 20 февр. 1922: «Только что у меня была одна знакомая фельдшерица из Бол<ьших> Камышей, Мария Степановна Заболоцкая» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 66).

18/IV 1932.

...мамино письмо ∾ встречал в Петербурге». – 1 июля 1915, сообщая о совместных ужинах с А.Н. Толстым, Е.О.Кириенко-Волошина писала сыну: «А со вчерашнего дня к нам присоединился поселившийся у нас поэт Мандельштам. Он мне с виду понравился, только совсем не могу понять его стихов в его декламации: она претит мне и мешает слушать, понимать, воспринимать» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 657, л. 41).

...мальчик... в черной курточке частной гимназии... Тенишевской. – О.Э. Мандельштам окончил Тенишевское коммерческое училище в мае 1907; Волошин жил в Петербурге с октября 1906 по март 1907. К этому периоду и следует отнести их встречу.

Он... прислал... свои стихи. – Мандельштам послал Волошину пять стихотворений. Подробнее см.: *Купченко В.* Осип Мандельштам в Киммерии // Вопросы литературы. 1987. № 7. С. 186–202.

Она его... называла M-lle Fifi. – Неточно. 14 июля 1915 Е.О. Волошина писала сыну о Мандельштаме: «Мы прозвали его M-elle Зизи, и он Христом Богом молит не называть его так, боясь, что кличка пристанет к нему, как лист мушиной смерти» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 65, л. 42 об. – 43). У Волошина – ассоциация с прозвищем прусского офицера, героя новеллы Г. де Мопассана «Мадмуазель Фифи» (1882).

...в стиле эсмарховой кружки... – Т. е. напоминающий клизму изобретения Ф.А. Эсмарха.

...на дачу Харламова... – И.П. Харламов, владелец меблированных комнат «Бристоль» на Тверской ул. в Москве, купил первый дом Е.О. Кириенко-Волошиной (в 1910), а затем (в 1912) построил на берегу моря лечебный корпус с морскими ваннами.

...он занимал комнату вместе с братом. – В Коктебеле находился тогда и А.Э. Мандельштам.

...заведовал полк<овник> *Цыгальский...* – А.В. Цыгальский пробовал свои силы в литературе. В 1910-е он сотрудничал в газете «Кавказское слово»; в 1920 в Феодосии вышла его книжка «Душа русского гражданина: (Избранные стихи 1911–1920)». О.Э. Мандельштам вывел его в книге «Шум времени» (очерк «Бармы закона»).

...письмо Новинскому ~ похищенного из моей библиотеки. – Волошин писал А.А. Новинскому в июле 1920: «Александр Мандельштам по поручению своего брата украл у Майи экземпляр “Камня” (книга стихов Ос<ипа> Эмил<ьевича>), причем нагло сказал об этом самой Майе: “Если хотите, расскажите: брат не хочет, чтобы его стихи находились у М. А., т<ак> к<ак> он с ним поссорился”. Кстати же, эта книга не моя, а Пра. Я узнал об этом, к сожалению, слишком поздно – он уехал к Осипу, и они едут <в> Батум. Окажи мне дружескую услугу: без твоего содействия в Батум они уехать не могут, поэтому поставь им ультиматум: верните книгу, а потом уезжайте, не иначе. Мою библиотеку Мандельштам уже давно обкрадывал, в чем сознался: так в свое время он украл у меня итальянского и французского Данта. Я это выяснил только в этом году. Но “Камень” я не хочу терять. Я его очень люблю, и он еще находится здесь в сфере досягаемости. Пожалуйста, выручи его» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 81, л. 1).

...он... написал мне ругательное письмо. – 25 июля / 7 августа 1920 О.Э. Мандельштам писал Волошину: «Милостивый государь! Я с удовольствием убедился в том, что вы под толстым слоем духовного жира, простодушно принимаемом многими за утонченную эстетическую культуру, – скрываете непроходимый кретинизм и хамство коктебельского болгарина. Вы позволяете себе в письмах к общим знакомым утверждать, что я “давно уже обкрадываю вашу библиотеку” и, между прочим, “украл” у вас Данта, в чем “сам сознался”, и выкрал у вас через брата свою книгу. Весьма сожалею, что вы вне пределов досягаемости и я не имею случая лично назвать вас мерзавцем и клеветником. Нужно быть идиотом, чтобы предположить, что меня интересует вопрос, обладаете ли вы моей книгой. Только сегодня я вспомнил, что она у вас была. Из всего вашего гнусного маниакального бреда верно только то, что благодаря мне вы лишились Данта: я имел несчастье потерять 3 года назад одну вашу книгу. Но еще большее несчастье вообще быть с вами знакомым. О. Мандельштам» (*Мандельштам О.* Собр. соч.: В 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1997. Т. 4. С. 26–27).

19/IV 1932.

...письмо начальнику Контр-Разведки.... – В воспоминаниях «Необыкновенные собеседники» (М.: Сов. писатель, 1979. С. 34) Э.Л. Миндлин, приводя по памяти это «заявление» Волошина, пишет, что оно было адресовано «начальнику Политического Розыска» Апостолову. Лишь в 1993 крымский историк В.Г. Зарубин опубликовал документы по поводу ареста поэта, указав подлинную фамилию

и должность контрразведчика: полковник Астафьев, начальник Феодосийского наблюдательного пункта Особого отдела штаба главкома Вооруженных Сил Юга России (Русская культура и Восток: Труды Крымских Пушкинских чтений 1993. Симферополь, 1993. С. 78). Возможно, это был М.М. Астафьев.

...Вы... не обязаны знать русской поэзии... – Парафраз слов В.А. Жуковского из его письма к А.Х. Бенкендорфу о Пушкине (февраль-март 1837): «Ведь вы не имеете времени заниматься русскою литературою и должны в этом случае полагаться на мнение других?» (*Жуковский В.А.* Соч.: В 3 т. М.: Худож. литература, 1980. Т. 3. С. 518).

...я получил от... Абрамова несколько номеров... журнала «Творчество». – Аберрация памяти: на самом деле владелец московского издательства «Творчество» С.А. Абрамов выпускал журнал «Русское искусство». В этом издательстве вышел также сборник стихов Волошина «Иверни» (1918).

...статья Осипа Эмильевича «Vulgata». ∾ Я написал Абрамову... – Эта статья была напечатана в «Русском искусстве» (1923. № 2–3). О ляпсусе, допущенном в ней Мандельштамом, Волошин сообщил издателю 3 дек. 1923 (РГБ, ф. 1, карт. 1, ед. хр. 18). Готовя свой сборник «О поэзии», Мандельштам исправил ошибку (см.: *Мандельштам О.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. С. 627 / Коммент. П. Нерлера и А. Никитаева).

20/IV 1932.

...книгу стихов. Принесла сестра автора. – Передача Волошину (сестрой И.Г. Эренбурга – Изабеллой Григорьевной) его первой книги «Стихи» (Париж, 1910) произошла, видимо, осенью 1910 в Москве (где Волошин находился с середины сентября). Этот эпизод описан (явно со слов Волошина) также в очерке Г.А. Шенгели «Киммерийские Афины» (Воспоминания. С. 358).

...резко-отрицательный отзыв. – Под заглавием «Позы и трафареты: (Стихи Э.И. Штейна и И. Эренбурга)» этот отзыв был напечатан в газете «Утро России» (12 февр.1911). См. т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 377–382.

...русская критика встретила... книгу... благосклонно... – Рецензент «Московской газеты» (которую, скорее всего, и смотрел Волошин) написал о сборнике «Стихи»: «Из всего, что появилось в последнее пятилетие на горизонте русской поэзии, я назову самым значительным только что выпущенную небольшую книжку стихов И. Эренбурга» (Московская Газета. 1910. 13 сент. С. 5). Другие отзывы обозреваются в кн.: *Попов В., Фрезинский Б.* Илья Эренбург: Хроника жизни и творчества. СПб.: Лина, 1993. Т. I: 1891–1923. С. 68–71);

Эренбург И. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2000. С. 647–653. Новая б-ка поэта (примеч. Б.Я. Фрезинского); см. также: Т. 6, кн. 1. наст. изд. С. 755.

...впервые пришел к Эр<енбургу>... – Это произошло осенью 1911 после первой встречи поэтов у Е.С. Кругликовой (у которой Волошин остановился).

...я так формулировал... свое впечатление. – Внешний облик Эренбурга Волошин нелицеприятно описал в статье «Илья Эренбург – поэт» (1916). В статье слова, «которым только что вымыли пол», заключены в кавычки. Установить, кому они принадлежали, – не удалось (см. т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 597).

Он был под влиянием Жамма и переводил его. – «Стихи и проза» Ф. Жамма в переводах И. Эренбурга и Е. Шмидт вышли в Москве (1913).

21/IV 1932.

Антропософ<ская> *нейтральность мне казалась... скучной.* – 23 янв. 1915, вскоре после приезда в Париж из Дорнаха, Волошин писал Ю.Л. Оболенской: «Только тут я понял, как тяжело было сидеть на той точке, на которую опирается коромысло двух чашек весов, и как невозможно найти равновесящую справедливость в своей душе для двух враждующих рас, которые вовсе не хотят ее» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 83).

...я пошел... в «Ротонду» ∾ в Café du Dôme. – Первое кафе (Café de la Rotonde) расположено на углу бульваров Монпарнас и Распай, второе – на углу бульвара Монпарнас и улицы Даламбер, напротив первого. Оба кафе были излюбленными местами многонациональной парижской богемы в первой четверти XX в.

...Е. Григорович – страстная, порывистая... – К.Д. Бальмонт называл ее по-итальянски – «Рондинелла» (ласточка). В архиве В.И. Иванова в Риме сохранилось два письма Волошина к Е.Ю. Григорович.

...Савинков ∾ я к нему почувствовал... симпатию. – Свои впечатления от личности Савинкова Волошин передал в стихотворении «Ропшин» (1915); переписывался с Савинковым, когда тот уехал в Ниццу (сохранились письма Волошина к Савинкову с 8 июля 1915 по 14 марта 1916; ГАРФ, ф. 5831, оп. 1, ед. хр. 44).

...прелесть, живость, юмор, которых... нет в записанных его «воспоминаниях». – Подразумеваются прежде всего очерки о товарищах по Боевой организации эсеров, составившие основу книги Савинкова «Воспоминания террориста» (1908–1909), опубликованной в полном объеме в журнале «Былое» в 1917–1918.

...нападение немецких тах-ов... – Имеются в виду немецкие боевые дирижабли (один такой налет на Париж Волошин описал в очерке «Париж и война: Цеппелины над Парижем» (см. т. 6, кн. 1. наст. изд. С. 522–524).

...к Тихону С. – Т.И. Сорокин стал прообразом Алексея Тишина в романе И.Г. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников...» (1922).

22/IV 1932.

...пригласили к богатым русским эмигрантам... – Имеются в виду М.О. и М.С. Цетлины, жившие тогда в Париже на авеню Анри-Мартен, 91.

...моменты европейской войны между двумя Марнами. – Сражение на реке Марна между англо-французскими и германскими войсками произошло в сентябре 1914; «вторая Марна» – сражение там же в июле 1918.

23/IV 1932.

...«Книга о канунах». – «Стихи о канунах» И.Г. Эренбурга вышли отдельной книгой в Москве (1916). В сборнике была помещена поэма «Повесть о странствиях блудной души» (февраль 1915) с посвящением Волошину.

...«Зерна» ~ переводы из Ф. Вийона и Шарля Пеги. – Речь идет о книгах, вышедших в Москве под маркой издательства «Зерна»: «Глухие слова (Стихи 1912–1913 гг.)» Амари (псевдоним М.О. Цетлина) (1916), «Anno Mundi ardentis 1915» Волошина (1916), сборнике Франсуа Вийона «Отрывки из "Большого завещания". Баллады и разные стихотворения» в переводах И. Эренбурга. Переводы Эренбурга из Ш. Пеги отдельной книгой не выходили.

...поехать на их виллу в Биарриц. – Вилла на модном курорте Биарриц на берегу Атлантического океана (Бискайский залив) была куплена Цетлиными в 1908 (продана в 1918; сохранилась и поныне).

...мастерской русской художницы NN ~ полная замена кафе. – Речь идет о столовой для художников, организованной М.М. (по другим данным, М.И.) Васильевой на втором этаже дома 21 по Avenue du Maine на Монпарнасе. Столовая была там открыта в феврале 1915 (существовала до конца года); Волошин описал ее в статье «Илья Эренбург – поэт» (Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 594–595). Упомянута она и в мемуарах И.Г. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» (М.: Сов. писатель, 1990. Т. 1. С. 183).

Маревна была... обласкана в семье Горького на Капри. ~ Росла у отчима. – Художница была дочерью актрисы Рогановича (по мужу

Воробьевой). В возрасте двух лет ее удочерил польский аристократ Бронислав Стебельский. С ним она жила в Казани, Чебоксарах, Тифлисе, где начала заниматься в художественной школе. В 1910 она приехала в Москву, затем – в Рим и на Капри. У М. Горького Маревна была одновременно с Сашей Черным, упомянувшим ее в стихотворении «Там внизу синеет море...» (1912).

Мое последнее пребывание в Париже
(1915–1916)

24/IV 1932.

...в человеческих отношениях творилось нечто невообразимое. – Ср. описание предвоенного дачного сезона в Крыму (на материале Коктебеля и Феодосии), сделанное А.Н. Толстым в романе «Сестры» (*Толстой А.* Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 5. С. 108–109).

...я собирался работать над «Духом готики» для М.В. Сабашникова... – Названную книгу Волошин начал писать по договору с М.В. Сабашниковым для серии «Страны, века и народы», но не закончил ее. Материалы и наброски к «Духу готики» см. в т. 6, кн. 2 наст. изд.

...гостившие в то лето в Коктебеле ∾ друг с другом ссорились... – О некоторых обстоятельствах этой ситуации см. в коммент. к первой записи в дорнахском дневнике 31 июля 1914 н. с. (наст. том. С. 165).

...я переезжал Дунай и <из> *Рени в Галац...* – По пути из Рени в Галац дорога пересекает реку Прут; Дунай же остается слева, к югу.

...был подан Австр<ийский> *ультиматум Сербии...* – Австро-Венгрия предъявила этот ультиматум 10 (23) июля 1914.

Буммель-цуг – поезд малой скорости (*нем.*).

Кронстадт (по-венгерски Брассо, ныне Брашов) – город у подножья трансильванских Альп (см. также с. 546 наст. тома)

25/IV 1932.

...фасад ...иммебля... – Immeuble (*фр.*) – дом, здание.

...кажется, мой фельетон... не был напечатан... – Очерк Волошина о пребывании в Будапеште «Год назад» был опубликован (Биржевые Ведомости. Утр. вып. 1916. № 14953, 9 (22) июля). См. т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 525–528.

...стучался в «Альбертин<у>*...* – «Альбертина» – одно из богатейших собраний графики, находящееся в Вене; возникло как коллекция герцога Альберта Саксонского (1776).

Центром... было «капище»... – Так шутил, отождествляя Гётеанум (Иоганнес-Вау) с храмом язычников-идолопоклонников, И.Г. Эренбург.

26/IV 1932.

...написал Нюше и Б<альмон>*ту* ∾ *Получил от них призыв.* – 13 нояб. 1914 К.Д. Бальмонт писал Волошину: «Милый Макс, приезжай к нам, как только сможешь выехать. И я, и Нюша, мы оба тебе сердечно рады. Поселим тебя в большой комнате Ниники, в ней светло и уютно. Я жажду бесед с тобой и быстрых прогулок, которые и ты любишь» (*Давыдов З.Д., Купченко В.П.* Письма К.Д. Бальмонта к М.А. Волошину // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1989. М.: Наука, 1990. С. 47).

..художник Кемпер. – Антропософ К. Кемпер впоследствии напишет книгу о Гётеануме (Der Bau: Studien zur Architektur und Plastik des Ersten Goetheanum, Stuttgart: Freies Geistleben Verlag, 1966).

28/IV 1932.

...Гуревич<е>*, кот*<орый> *жил в Англии...* – Волошин встречался с С.А. Гуревичем в Париже в 1911, в 1915–1916 обменялся с ним несколькими письмами.

29/IV 1932.

День прошел весьма обыкновенно. – Источник цитаты не установлен. Стихотворение «Серенький денек» (см. т. 2 наст. изд. С. 472–473) – единственная пародия в творчестве Волошина (написана 10 дек. 1915). Здесь воспроизведена неточно и с пропусками. В письме Б.В. Савинкову Эренбург привел это стихотворение с заглавием «Светский файвоклок» и пояснил: «Это описание Макс. Алекс. моего посещения Цетлиных» (Звезда. 1996. № 2. С. 174–175).

2/V 1932.

Musée Guimet – парижский музей Восточных культур, основанный Э. Гиме в 1879 в Лионе; переведен в Париж в 1884 (находился на площади Иена).

...мумию Левконойи... – Речь идет об александрийской куртизанке, которой была адресована одна из од Горация (Оды, кн. I, 11).

...мы увидели Верхарна ∾ *пред статуей «Дармы»...* – Речь идет о скульптуре «Дхарма», символически изображающей высший духовный долг человека. Об этой своей последней встрече с Э. Верхарном Волошин рассказал в статье «Судьба Верхарна» (1917). См. т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 603.

5/V 1932.

...«Sussex» ∾ «Ирида», вышедший за нами из Нью-Кестля. – Волошин отплыл из Ньюкастла в Норвегию 11 апр. 1916. Французский лайнер «Sussex» был потоплен 24 марта 1916. Под «Иридой», видимо, подразумевается английский барк «Inverlyon», потопленный немецкой подводной лодкой (согласно сводкам, публиковавшимся в печати, это произошло 31 марта 1916).

...я ехал с Генеральным Штабом Сербской армии... – Сведения о переезде в Россию сербского Генерального штаба не выявлены.

...через Хапарандо – Торнео. – Хапарандо (Хапаранда) – порт в Швеции, в северной части Ботнического залива, на границе Швеции с Финляндией (входившей тогда в состав Российской империи); Торнео (Торнио) – примыкающий к Хапаранде пограничный город на территории Финляндии. Волошин пересек границу 17 апр. 1916.

II

РАССКАЗ М.А. ВОЛОШИНА ОБ ИННОКЕНТИИ АННЕНСКОМ

Впервые – *Лавров А.В., Тименчик Р.Д.* Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1981. Л.: Наука, 1983. С. 69–71; по копии, предоставленной публикаторам Л.В. Горнунгом. Печатается по тексту этого издания.

Машинописная копия текста рассказа хранится также в РГАЛИ в фонде С.В. Шервинского (Ф. 1364) и в некоторых частных собраниях (В.П. Купченко, А.В. Федорова).

Воспоминания Волошина об И.Ф. Анненском были записаны 26 марта 1924 в Москве Л.В. Горнунгом и Д.С. Усовым. В этот день Горнунг отметил в дневнике: «Свои воспоминания об Анненском он читал по памяти, без подготовленного текста. Я и Усов вдвоем, наперебой, торопливо записывали рассказ Волошина почти стенографически, а после соединили свои записи в один общий текст» (Воспоминания. С. 495).

О взаимоотношениях Волошина с Анненским см.: *Анненский И.Ф.* Письма к М.А. Волошину / Публ. А.В. Лаврова и В.П. Купченко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л.: Наука, 1978. С. 242–252. Лев Владимирович Горнунг – поэт, переводчик; в 1920-е собирал материалы по истории русской поэзии начала XX в. См.: *Горнунг Лев.* Упавшие зерна; *Горнунг Анастасия.* Бегущие ландыши. Избранные стихотворения. М.: Балтрус,

2004. Дмитрий Сергеевич Усов – литературовед, поэт, исследователь жизни и творчества Анненского. Впервые написал об Анненском заметку под псевдонимом Kreisler в «Moskauer deutsche Zeitung» (1914. № 273. 30 нояб.). Рецензировал второй том «Театра Еврипида» в переводе Анненского под редакцией Ф.Ф. Зелинского (Понедельник. 1918. № 7, 2 (15) апр. С. 4). В цикле «Силуэты» московской газеты «Понедельник» опубликовал очерк «Иннокентий Анненский» (1918. № 13, 27 (15) мая. С. 3). В начале 1920-х Усов написал работу «Фантастика в творчестве Иннокентия Анненского» (см. письмо Е.Я. Архиппова к Д.С. Усову // РГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, ед. хр. 54; письмо Д.С. Усова к В.Е. Чешихину // РГАЛИ, ф. 553, оп. 1, ед. хр. 706); предполагал издать в Государственной Академии художественных наук (ГАХН) 3-ю книгу статей Анненского (см. письмо Усова к В.И. Анненскому-Кривичу от 6 сент. 1928 // РГАЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 101). В 1929 читал доклад о библиотеке Анненского в ГАХН и в обществе друзей книги (см. письмо Усова к Е.Я. Архиппову // РГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, ед. хр. 78, л. 111). Подробнее об Усове см.: *Алексеев Н.* <Богомолов Н.А.>. О Д.С. Усове; *Усов Д.С.* Стихотворения из семейного архива // Ново-Басманная, 19. М.: Худож. литература, 1990. С. 75–83; *Нешумова Т.Ф.* Из комментариев к поэтическим текстам 1920–1930-х годов (Осип Мандельштам, Владислав Ходасевич, Дмитрий Усов, Борис Пастернак) // Русская литература. 2007. № 3. С. 191–200; *Степанова Л.Г., Левинтон Г.А.* Из истории дантоведения: статья Д.С. Усова о переводе «Новой Жизни» в «Гермесе» // Тыняновский сборник. Вып. 10. Шестые-седьмые-восьмые Тыняновские чтения. М., 1998. С. 514–522.

...познакомился... позднею весною. – Неточность Волошина: его знакомство с Анненским состоялось в первых числах марта 1909. См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. С. 242, 247. 4 марта Волошин и С.К. Маковский навестили его в Царском Селе. На следующий день Волошин написал Анненскому: «Сейчас около пяти часов утра, и для меня еще не кончилось бодрствование дня нашей встречи. Вернувшись домой, мне не захотелось так оборвать беседу с Вами, и я сел читать “Античный миф в современной французской поэзии” – имена мне милые, слова мне дорогие и идеи мне близкие...» (РГАЛИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 307).

«La gloire ∾ tous inconnus». – Слова восходят к роману Бальзака «Поиски Абсолюта» («La recherche de l'Absolu, 1834): «La gloire est le soleil des morts; de ton vivant, tu seras malheureux comme tout ce qui fut grand, et tu ruineras tes enfants»; их Волошин приводит и в статье «И.Ф. Анненский – лирик» (см. т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 267, 707).

Фразу «La Gloire est le soleil des morts» использовал эпиграфом Вилье де Лиль-Адан в 9-й главе 1-й части своего романа «Ева будущего» (*Comte de Villiers de L'Isle-Adam* / L'Eve Future. Paris, 1886. P. 24).

Тут вспомнили об Анненском. – Предполагалось первоначально, что отделом критики в «Аполлоне» будут заведовать Анненский и критик и искусствовед А.Л. Волынский (см.: Новый день. 1909. № 2. 27 июля. С. 4). Однако между Волынским и редакцией «Аполлона» возникли разногласия, и в конце 1909 он покинул журнал (см.: *Лавров А.В.* А. Волынский и журнал «Аполлон» // *Лавров А.В.* Русские символисты: Этюды и разыскания. М.: Прогресс-Плеяда, 2007. С. 395–406).

...ученики по царскосельской гимназии. – А.А. Кондратьев учился не в Царскосельской, а в 8-й петербургской гимназии, директором которой Анненский был в 1893–1896. Ср. письмо Кондратьева к В.Я. Брюсову от 28 марта 1906 (видимо, ответ на вопрос об авторе «Тихих песен», вышедших в свет под псевдонимом Ник. Т-о): «"Никто" мой бывший директор и учитель, заставивший меня полюбить эллинскую красоту» (РГБ, ф. 386, карт. 90, ед. хр. 5). Н.С. Гумилев учился в Царскосельской гимназии в 1903–1906 (с 7-го класса) в пору директорства Анненского.

...(редактировавшегося Анатолием Бурнакиным)... – Бурнакин редактировал журнал «Белый камень» (М., 1907). Предполагалось, что во втором выпуске альманаха появятся статьи Анненского из его цикла «Изнанка поэзии», однако они увидели свет впервые в составе «Второй книги отражений» (см. письмо Анненского к Бурнакину от 30 янв. 1909 // *Анненский Иннокентий.* Книги отражений. М.: Наука, 1979. С. 484–485). В литературной среде у Бурнакина сложилась довольно одиозная репутация (см. письмо С.А. Соколова к Анненскому от 23 февр. 1909 // Там же. С. 660). Статья Бурнакина об Анненском «Мученик красоты» (Искра. 1909. № 3, 14 дек. С. 7–9) ценна использованием невыявленных писем Анненского к Бурнакину.

...все раздергано на разные лоскуты. – Сходным образом Волошин излагал свои впечатления от знакомства с Анненским в письме к нему от 7 или 8 марта 1909 (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. С. 243). О своих первоначальных разрозненных представлениях об Анненском Волошин говорит и в статье «И.Ф. Анненский – лирик» (Т. 6, кн. 1 наст изд. С. 267–268).

...считал себя его учеником... – О своем интересе к творчеству Шарля Кро Анненский писал Волошину 6 марта 1909 (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. С. 247–249). Анненским переведены три стихотворения Кро (*Анненский Иннокентий.* Стихотворения и трагедии. Л.: Сов. писатель, 1959. С. 289–292.

Заказ 3692

Б-ка поэта. Большая серия). Итальянский исследователь Эридано Баццарелли называет, кроме титула книги Ш. Кро и другой возможный источник названия книги Анненского – стихи 331–332 послания «К Пизонам» Горация:

...speramus carmina fingi
Posse linanda cedro et levi servanda curpesso.

В переводе М.Л. Гаспарова:

...чтобы в душах таких слагались песни,
Песни, кедровых достойные масел и ларцов кипарисных.

См.: Bazzarelli Eridano. La poesia de Innokentij Annenskij. Milano. 1965. P. 43.

«...чем под крылом у птицы». – Упоминается стихотворение Ги-Шарля Кро «Chanson impure» (Mercure de France. 1909. Vol. 81. № 296. P. 597); цитированная строка в оригинале: «Ton corps <...> Est plus chaud que le dessons d'une aile». Предположение Волошина о том, что Анненский смешивал двух Кро, подтверждается замечанием в черновых набросках Анненского «Поэтические формы современной чувствительности»: «Стихи. Примеры русской опростелости. Ги-Шарль Кро» (РГАЛИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 168, л. 11 об.), – аналогичным его утверждениям о «будничном» словоупотреблении у Шарля Кро в письме к Волошину от 6 марта 1909. В лекциях в Обществе ревнителей художественного слова осенью 1909 Анненский рекомендовал молодым поэтам «стыдливость», «недоконченность, недоумелость, неудержимое наивное желание слиться с необъятным» и в качестве примера намеревался читать стихотворение Ги-Шарля Кро «Au Luxemburg» (РГАЛИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 168, л. 6). Русский перевод этого стихотворения см.: Поэты Франции. 1870–1913. Переводы И. Эренбурга. Париж, 1914. С. 113. Впоследствии Волошин сопоставлял Кро и Анненского в письме к П.Б. Краснову от 8 июля 1918: «Мне кажется, что из поэтов Вам должны быть особенно близки Лафорг, Ги-Шарль Крос, а из русских Ин. Анненский и Эренбург»: (Машинописная копия из архива В.А. Мануйлова).

...к «Орфею», готовившемуся тогда к постановке. – Премьера оперы Глюка «Орфей и Эвридика» с декорациями А.Я. Головина в постановке В.Э. Мейерхольда состоялась в Мариинском театре 21 дек. 1911.

...одно... нанесло оскорбление другому. – Имеется в виду инцидент, совершившийся 19 нояб. 1909 в мастерской Головина: Волошин нанес пощечину Н.С. Гумилеву. М.А. Кузмин, описывая в этот день случившееся, отметил: «Все потрясены, особенно Анненский»

(*Кузмин М.* Дневник 1908–1915. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. С. 187). Подробнее см. с. 469–471 наст. тома.

«...звук пощечины, действительно, мокрый». – Подразумевается оскорбление, нанесенное Шатовым Ставрогину (Бесы, ч. I, гл. 5, VIII): «...не затих еще, казалось, в комнате подлый, как бы мокрый какой-то звук от удара кулака по лицу <...>» (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 10. Л.: Наука, 1974. С. 166).

...через некоторое время. – Волошин присутствовал на похоронах Анненского 4 декабря на Царскосельском Казанском кладбище и описал их в статье «И.Ф. Анненский – лирик» (Т. 6, кн. I наст. изд. С. 277, 710–711).

ВОСПОМИНАНИЯ О ЧЕРУБИНЕ ДЕ ГАБРИАК

Печатается по машинописи, хранящейся в архиве Волошина (ИРЛИ, ф. 562, оп.1, ед. хр. 365, л. 1–11 об.).

Впервые фрагменты из воспоминаний Волошина о Черубине были напечатаны в книге «Жизнь и творчество Самуила Яковлевича Маршака» (М., 1975. С. 454–456). Полностью – Новый журнал. Кн. 151. Нью-Йорк, 1983. С. 188–208) / Публ. А.Н. Тюрина. Впервые в России в полном объеме – *Давыдов З.Д., Купченко В.П.* Максимилиан Волошин. Рассказ о Черубине де Габриак // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1988. М.: Наука, 1989. С. 43–52.

Татьяна Борисовна Шанько (1909–1983), сотрудница Государственной библиотеки им. В.И. Ленина, записала (возможно, стенографически) рассказ Волошина о Черубине летом 1930 в Коктебеле. Вот как она вспоминала об этом в письме к П.И. Мэну от 2 февр. 1981: «Однажды было сказано, что сегодня вечером в мастерской М.А. будет рассказывать о Черубине. Я приготовила себе место, бумагу, карандаши. И, к удивлению моему, оказалось, что до меня никто никогда не записал этого его блестящего рассказа... Мне говорили, что Макс рассказывал эту историю неоднократно и всегда с какими-то вариантами, что записанный вариант, пожалуй, не из самых интересных. Но что делать – других нет!..

На другой день после его рассказа я перебелила свою запись, понесла ее показывать Максимилиану Александровичу. Он ее одобрил, чуть-чуть подправил. Вскоре я уехала в Москву. Через некоторое время получила от М.А. письмо на обороте акварели с просьбой прислать ему мою запись рассказа, потому что он хочет передать ее Е.Я. Архиппову в Новороссийск...» (Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1988. С. 41).

Многие современники Волошина, гостившие в его доме, вспоминали рассказ о Черубине, который они слышали из уст самого

хозяина, и пересказывали его своим друзьям. 9 июля 1926 И.Н. Розанов записал в дневнике: «После ужина Макс рассказывал: 1) Историю Черубины де Габриак, 2) про дуэль с Гумилевым» (собрание К.А. Марцишевской).

Судя по рукописным наброскам, эту историю Волошин собирался записать в 1920-е. Он составил подробный план будущего повествования, по крайней мере, дважды начинал записывать рассказ о происхождении имени «Черубина де Габриак» и воспоминания Лили Дмитриевой о детстве (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 364).

Черубина де Габриак

Черт Габриак.

Лиля. Детство. Подайте дворянину. Богородица <с> Алтаря прыгает. Бог удрал. Гришка Отрепьев.

Мистификация. Письмо. Черт Гаврюшка. Образ. Печать. Papá Mako. Аполлон. Первые стихи. Язык цветов. Биография Ч.Г. создается Mako (?)

Аристократизм. Род. Герб.
Каждый раз чувствую шпагу выбитой из рук.
Если бы у меня было 40 тыс. дохода
Sonetto di riposte. Ты мой Сирано.
Свидание. Костёл св. Екатерины балет острова
Поездка в Париж. Отец Бенедикт.
Обилие персонажей. Мир призраков
Дон Гарпиа di Mavilla. Выст<ав>ка портретов
Провалы и новые реальности.
«Моя покойная матушка».
Мистика. Угадывание задуман<ного>.
Комната Черубин<ы>
Страхи Лили. Встречи с Чер<убиной>
Мы теряем нити
Литературное любопытство.
Нюх на мистификацию. Слежка.
Кто вмешивается в нашу игру.
Надо кончать. Разоблачение.
Такт Makó
Диверсия в сторону. Гумилев.
Клевета. Пощечина. Советы Гумми.
Анненский, Шервашидзе, Головин,
Makó, Вячес<лав> Иванов.
Дуэль.
Встреча в 1921 году.

(ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 364, л. 1).

В 1931 в Коктебеле был Е.Я. Архиппов. 9 июня он записал в дневнике, что Волошин читал своим гостям «Историю Черубины» (РГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, ед. хр. 36, л. 19). Эту «Историю» Архиппов переписал в свой альбомчик (РГАЛИ, ф. 1458, оп. 2, ед. хр. 13, л. 1–54). Вполне вероятно, что в руках Архиппова был «первоначальный» текст, присланный Волошину Т.Б. Шанько. Местонахождение его установить не удалось. После смерти Волошина запись рассказа, сделанного Шанько, предоставлялась М.С. Волошиной для чтения гостям Дома Поэта. В составе архива Волошина в Пушкинском Доме до нас дошла машинописная копия рассказа.

Подробнее см.: *Черубина де Габриак.* Исповедь // Сост. В.П. Купченко, М.С. Ланда, И.А. Репина. М.: Аграф, 1998; *Агеева Лариса.* Неразгаданная Черубина. Документальное повествование. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006; *Кобринский А.* Дуэльные истории Серебряного века: Поединки поэтов как факт литературной эизни. СПб.: Вита Нова, 2007.

(«Демонология» Бодена). – Сочинение Бодена «Demonomania» (1580) посвящено доказательству существования колдунов и законности их преследования.

Лиле в то время было девятнадцать лет. – Неточность: в 1909 Дмитриевой был двадцать один год.

«Брат мой ∾ он очень изменился». – Волошин записал рассказ Дмитриевой о ее детстве еще летом 1909 в Коктебеле в дневнике «История моей души» (См. т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 304–308).

...изучала старо-французскую и старо-испанскую литературу. – В статье о Е.И. Васильевой в справочнике «Писатели современной эпохи» (М., 1928. С. 65) говорится, что она «занималась испанистикой в СПБ-ском ун-те у проф. Д.К. Петрова». Сама она написала в «Curriculum vitae» при поступлении в 1924 на Высшие курсы библиотековедения при Публичной библиотеке в Ленинграде, что «состояла вольнослушательницей ленинградского Университета по романскому Отделению, работала у профессора В.Ф. Шишмарева по старо-французскому языку, а у профессора Д.К. Петрова по испанской литературе» (Архив РНБ. Личное дело 10/1). В книге Л. Агеевой (с. 26) сообщается, что Дмитриева получила образование на словесно-историческом отделении Императорского женского педагогического института (курсы по специальностям: средневековая история, французская средневековая литература); диплом об окончании (1908): ЦГИА СПб., ф. 918, оп. 1, д. 3258.

Класс... ответил: «Конечно, Гришку Отрепьева!» – Дмитриева была учительницей Петровской гимназии, которая находилась на Петербургской стороне по адресу: ул. Плуталова, дом 24. О своей

преподавательской деятельности она писала Волошину в 1908: «Даю уроки русской истории в гимназии. У меня много девочек, которые говорят, что "Олег был царь варягов и сделал Корсунь русской столицей". Мне жаль, что их нужно поправлять». В другом письме: «Одна маленькая девочка из моего класса мне сказала с самым серьезным видом, что Владимир Святой был лютеранин...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 317).

Лиля писала в это лето милые, простые стихи... – Летом 1909 Дмитриева написала в Коктебеле стихотворения: «Портрет графини С. Толстой» («Она задумалась. За парусом фелуки...»), «В глубоких бороздах ладони...», «Горький и дикий запах земли...» (*Черубина де Габриак.* Исповедь. С. 61–63, 79).

...первый номер... вышел в октябре-ноябре. – Первый номер журнала «Аполлон» вышел 24 окт. 1909. В рекламном объявлении за подписью Сергея Маковского о содержании будущих номеров «Аполлона», помещенном на последней странице журнала, имя Черубины де Габриак называлось рядом с именами И. Анненского, К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева и др.

...Маковскому удалось использовать Ушковых. – В тексте опечатка: Ушаковых. Имеются в виду братья Алексей Константинович и Михаил Константинович Ушковы. В России существовало «Товарищество химических заводов П.К. Ушкова и К°». Ушковы – московская купеческая семья, к которой принадлежали братья. Михаил Константинович жил в Царском Селе. В книге воспоминаний «На Парнасе "Серебряного века"» Маковский написал, что М.К. Ушков оценил его труд по устройству «Салона» и «предложил помощь для осуществления дальнейших <...> замыслов (художественного журнала и издательства), ничего не требуя взамен... В этом человеке, добрейшем и скромнейшем, ни капли не было ни эгоизма, ни честолюбия; от него веяло каким-то абсолютным бескорыстием и порядочностью <...>» (*Маковский Сергей.* Портреты современников. М.: Аграф, 2000. С. 428).

«Весы» – московский ежемесячный журнал, редактор-издатель – С.А. Поляков.

«Скорпион» – московское издательство, которое издавало журнала «Весы», альманах «Северные цветы», произведения писателей-модернистов начала XX в., книги западноевропейских писателей, принадлежало С.А. Полякову.

«Знаменская мануфактура». – Имеется в виду «Фабрично-торговое товарищество Знаменской мануфактуры А.Я. Полякова», которое в начале XX в. было одним из крупнейших шерстоткацких предприятий в России. Волошин был дальним родственником По-

ляковых: мать его первой жены Маргарита Алексеевна Сабашникова (урожд. Андреева) была родной сестрой жены старшего брата С.А. Полякова – Якова Александровича. Анна Алексеевна Полякова (урожд. Андреева) приходилась, таким образом, тетей Маргарите Васильевне Сабашниковой.

«Мир Искусства» – литературно-художественный иллюстрированный журнал, выходивший в Петербурге в 1899–1904. Издатели в 1899 – кн. М.К. Тенишева и С.И. Мамонтов, редактор С.П. Дягилев (в 1904 – еще и А.Н. Бенуа).

...стихи ее были в редакции отвергнуты. – Не существует документальных свидетельств о том, что Е.И. Дмитриева сама приносила стихи в редакцию, и Маковский ее видел. М.И. Цветаева, которая слышала рассказ о мистификации из уст самого Волошина в 1910, писала: «Прежде всего он понял, что школьная учительница такая-то и ее стихи – кони, плащи, шпаги, – не совпадают и не совпадут никогда. Что боги, давшие ей ее сущность, дали ей этой сущности обратное – внешность: лица и жизни <...>. – Напечатай Е. И. Д. завтра же свои стихи, то есть влюбись в них, то есть в нее, весь "Аполлон" – и приди она завтра в редакцию "Аполлона" самолично – такая, как есть, прихрамывая, в шапочке, с муфточкой – весь "Аполлон" почувствует себя обокраденным, и мало разлюбит, ее возненавидит весь "Аполлон". <...> Как же быть? Во-первых и в главных: дать ей самой перед собой *быть*, и быть целиком. Освободить ее от этого среднего тела – физического и бытового, – дать другое тело: ее. Дать ей быть ею! Той самой, что в стихах, душе дать другую плоть, дать ей тело этой души» (*Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 4. С. 169–170).

...об одной Брет-Гартовской героине. – Имя «Черубина» принадлежит героине рассказа Френсиса Брет Гарта «Тайна Телеграфного Холма». См.: *Брет Гарт.* Собр. соч.: В 11 т. СПб., 1896–1899. Т. 7).

...гербу было посвящено стихотворение. – Стихотворение «Наш герб» опубликовано во втором номере «Аполлона», который вышел 15 нояб. 1909. В статье «Лики творчества. Гороскоп Черубины де Габриак», напечатанной в разделе «Хроника» этого номера, Волошин дал интерпретацию стихотворения (Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 264–265).

Наш герб. – В стихотворении подразумеваются: братство розенкрейцеров, тайное общество XVII–XVIII вв., в гербе которого был Андреевский крест с розами (символ тайны) и казнь в Париже в 1310 рыцарей-тамплиеров (храмовников), сожженных на костре. *Червлень* – смесь сурика и киновари. *Знака нет* – т. е. нет изображения на щите. *Датура* – латинское название дурмана, ядовитого растения из семейства пасленовых. *Роза храма* – большое круглое окно, рас-

члененное фигурным переплетом на части в виде звезды или распустившегося цветка (в церквах романского и готического стилей). *Тубал* – мифический основатель металлургии, иначе – Тувал-Каин («отец кузнецов»). *Хирам-Авив* – легендарный финикийский литейщик, «тезка» тирского царя, участвовавший в строительстве храма Иеговы, построенного царем Соломоном в Иерусалиме. По позднейшей легенде, Хирам-архитектор был убит строителями. Масоны установили культ Хирама как великого мастера, жертвы алчных подмастерьев, создав из него символ всех мучеников идеи. На могилу Хирама были будто бы возложены ветви акации – символ вечности духа и добрых дел.

Маковский... принимал сотрудников у себя дома... – Домашний адрес Маковского (Гусев переулок, 6) и номер телефона зафиксированы в записной книжке Волошина 1909.

Он не замедлил скрыться. – А.Н. Толстой писал в очерке «Н. Гумилев» (1921): «Помню, – в теплую звездную ночь я вышел на открытую веранду волошинского дома, у самого берега моря. В темноте, на полу, на ковре лежала Д. и вполголоса читала стихотворение. Мне запомнилась одна строчка, которую через два месяца я услышал совсем в иной оправе стихов, окруженных фантастикой и тайной» (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М.: Вся Москва, 1990. С. 40).

...сделали Черубину страстной католичкой... – Глубокий интерес Волошина к католицизму возник летом 1902 в Италии: «...осознал его как спинной хребет всей Европейской культуры», – писал он в «Автобиографии» 1925 (с. 259 наст. тома). В рецензии на постановку пьесы М. Метерлинка «Сестра Беатриса» он пояснил: «Я люблю католицизм потому, что он принял в себя все то живое, настоящее, жизненное, что было в язычестве» (Т. 5 наст. изд. С. 231).

Св. Игнатий. – Стихотворение было напечатано во втором номере журнала «Аполлон» (Отд. III. С. 5). Герой стихотворения – основатель ордена иезуитов Игнатий Лойола (1491–1556).

«Ищу защиты в преддверье храма...» – Стихотворение было напечатано во втором номере «Аполлона» в 1909 (Отд. III. С. 7). *Орифламма* – штандарт французских королей в XIII–XV вв., первоначально – запрестольная хоругвь церкви Сен-Дени.

Твои руки. – В статье «Гороскоп Черубины де Габриак» Волошин написал об этом стихотворении: «Вера поднимается иногда до такой высоты, что не страшится соприкоснуться с кощунством. <...> Черубина де Габриак, по примеру Св. Терезы, говорит о Христе как женщина о мужчине» (Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 263).

Эринии (Евмениды) – в древнегреческой мифологии богини мести.

...мною же утром написанные письма... – Письма, безусловно, были написаны рукой Дмитриевой, поскольку почерк Волошина Маковский знал хорошо.

... я был Сирано для обеих сторон. – В пьесе Э. Ростана «Сирано де Бержерак» (1898) герой пишет письма красавице Роксане от имени влюбленного в нее Кристиана, одновременно являясь и ее другом.

...мы вместе с ним работали над сонетом. – Сонет Маковского, посвященный Черубине, был опубликован в сборнике «На рассвете» (Казань, 1910. С. 5).

...мы с Лилей решили перейти на язык цветов. – Посылать в письме цветок, листик или травинку было обыкновением Дмитриевой и в ходе переписки с Волошиным еще до мистификации. *Язык цветов* – условный способ выражать различные понятия и чувства при помощи разных растений, принятый на Востоке, где он возник в гаремах (под названием «Салам»). В Средние века употреблялся и в Западной Европе. В конце XIX века выходили соответствующие руководства на французском, немецком и английском языках.

«Его египетские губы...» – В сборнике стихотворений Черубины де Габриак, составленном Е.Я. Архипповым, это стихотворение названо «Савонарола» (РГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, ед. хр. 102).

Исповедь. – Стихотворение было опубликовано в журнале «Аполлон» (1910. № 10. Литературный альманах. С. 8–9).

Красный плащ. – Там же. С. 4.

Благовещение. – Там же. С. 10–11.

«С моею царственной мечтой...» – Там же. С. 3.

...подозрения в мистификации... – 8 ноября 1909 поэт Виктор Гофман писал А.А. Шемшурину в Москву: «Последняя литературная новость – появилась новая поэтесса Черубина де Габриак. (Она уже числится сотрудницей "Аполлона" – Вы видели?). Кто она такая – неизвестно. Откуда явилась – тоже. Говорят, что она полуфранцуженка-полуиспанка. Но стихи пишет по-русски, сопровождая их, однако, французскими письмами (в "Аполлон"). Говорят еще, что она изумительной красоты, но никому не показывается. Стихами ее теперь здесь все бредят и больше всех Маковский. Волошин – все знает наизусть. Стихи, действительно, увлекательные, пламенные, и мне тоже очень нравятся. Характерная черта их – какой-то исступленный католицизм, смесь греховных и покаянных мотивов (гимны к Игнатию Лойоле, молитвы к Богоматери и т.д.). Во всяком случае, по-русски еще так не писали. Дело, однако, в том, что все это несколько похоже на мистификацию» (Писатели символистского круга: Новые материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 267 / Публ. А.В. Лаврова).

Цветы. – Стихотворение было опубликовано в журнале «Аполлон» (1910. № 10. Литературный альманах. С. 5). О двух последних строках предпоследней строфы этого стихотворения М.И. Цветаева писала: «...образ ахматовский, удар – мой, стихи, написанные и до Ахматовой, и до меня <...>» (*Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 4. С. 173).

Перед Пасхой Черубина решила поехать... в Париж... – Ошибка памяти: все описываемые события относятся к осени 1909. Праздник Пасхи – весной.

...возле Saint-Sulpice. – Собор Сен-Сюльпис (XVII–XVIII вв.) на площади того же названия в левобережной части Парижа.

...погибли при обыске. – Имеется в виду обыск при аресте Е.И. Васильевой (Дмитриевой) в Ленинграде в апреле 1927, в ходе которого были изъяты принадлежавшие ей книги, рукописи, фотографии и картины.

...Поэтической Академии в Обществе Ревнителей Русского Стиха... – «Поэтическая академия» – то же, что Общество ревнителей художественного слова. Была создана при редакции «Аполлона» ранней осенью 1909. Заседания проходили сначала в квартире Вяч. Иванова (Таврическая ул., дом 25), затем в редакции журнала.

Его звали дон Гарпия ди Мантилья. – В справочнике «Весь Петербург на 1909 год. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга» есть не только имена, но и должности сотрудников посольства Португалии и Португальских колоний. Справиться о любом из них не представляло труда.

В редакции была выставка женских портретов... – Выставка «современных русских женских портретов» была открыта в редакции журнала «Аполлон» с 17 янв. по 7 февр. 1910 (Н.В. Выставки и художественные дела // Аполлон. 1910. № 5. Хроника. С. <26>).

...внучка графини Нирод. – В справочнике «Весь Петербург на 1909 год...» есть сведения о нескольких графинях Нирод, но все они жили в других районах города.

«В слепые ночи новолунья...» – Стихотворение было опубликовано в журнале «Аполлон» (1909. № 2. Отд. III. С. 10).

Двойник. – Стихотворение было опубликовано в журнале «Аполлон» (1910. № 10. Отд. III. С. 6–7).

Вячеслав Иванов... говорил мне: «Я очень ценю стихи Черубины...». – Маковский отметил в воспоминаниях, что «Вячеслав Иванов восторгался ее искушенностью в “мистическом эросе”» (*Маковский Сергей.* Портреты современников. С. 213).

Милый друг, Вы приподняли / Только край моей вуали. – Вопреки утверждению Волошина, упомянутое стихотворение сохранилось:

КОНЕЦ

С. Маковскому

Милый рыцарь Дамы Черной,
Вы несли цветы учтиво,
Власти призрака покорный,
Вы склонялись молчаливо.

Храбрый рыцарь. Вы дерзнули
Приподнять вуаль мой шпагой...
Гордый мой венец согнули
Перед дерзкою отвагой.

Бедный рыцарь. Нет отгадки,
Ухожу незримой в дали...
Удержали вы в перчатке
Только край моей вуали.

(*Черубина де Габриак.* Исповедь. С. 90).

«...дать Вам возможность дописать до конца Вашу красивую поэму». – Маковский рассказывает в воспоминаниях, что Черубину разоблачил М.А. Кузмин, и признается: «Нет! До того я ни о чем не “догадывался”. Нет, я не предполагал никакой мистификации, сознаюсь честно. Миф Черубины, которому так единодушно поверили аполлоновцы, подействовал на меня с гипнотической силой. <...>

Я перестал “не верить” лишь после того, как на мой телефонный звонок по номеру, указанному Кузминым, действительно отозвался тот, ее, любимый, волшебный голос. Но и тогда я продолжал надеяться, что все кончится к лучшему. Ну что же, соображал я, пусть исчезнет загадочная рыжеволосая “инфанта”, – ведь я и раньше знал, что на самом деле она не совсем такая, какой себя рисует. Пусть обратится в какую-то другую, в какую-то русскую девушку, “выдумавшую себя”, чтобы вернее мне нравиться, – ведь она добилась своим умом, талантом, всеми душевными чарами того, что требовалось: стала близкой мне той близостью, когда наружность, а тем более романтические прикрасы перестают быть главным, когда неотразимо действует “сродство душ”... <...>

Было десять вечера, когда раздался ее звонок. Я стал прислушиваться к шагам горничной, побежавшей на звонок в переднюю, затем к ее, Черубининым, шагам... Сердце мое стучало. В эту минуту

судьба произнесла свой приговор, в душе с самого затаенно-дорогого срывался покров.

Дверь медленно, как мне показалось, очень медленно, растворилась, и в комнату вошла, сильно прихрамывая, невысокая, довольно полная темноволосая женщина с крупной головой, вздутым чрезмерно лбом и каким-то поистине страшным ртом, из которого высовывались клыкообразные зубы. Она была на редкость некрасива. Или это представилось мне так – по сравнению с тем образом красоты, что я выносил за эти месяцы? <...> Я усадил мою гостью в кресло, налил чаю. Она сразу заговорила. Так до конца свидания, кажется, и не удалось мне вставить ни слова.

Смысл ее взволнованной, сбивчивой речи был такой:

– Вы должны великодушно простить меня. Если я причинила Вам боль, то во сколько раз больнее мне самой. Подумайте. Ведь я-то знала, кто вы, я-то встречала вас, вы-то для меня не были тенью! О том, как жестоко искупаю я обман, один Бог ведает. Сегодня, с минуты, когда я услышала от вас, что все открылось, – с этой минуты я навсегда потеряла себя: умерла та единственная, выдуманная мною "я", которая позволяла мне в течение нескольких месяцев чувствовать себя женщиной, жить полной жизнью творчества, любви, счастья. Похоронив Черубину, я похоронила себя и никогда уже не воскресну...

На прищуренных глазах показались слезы, и голос, которым я так привык любоваться, обратился в еле слышный шепот.

Она ушла, крепко пожав мне руку» (*Маковский С.* Портреты современников. С. 219–221).

...летом... в Коктебеле... он делал ей предложение. – А.Н. Толстой рассказывает об этом так: «Летом этого года Гумилев приехал на взморье, близ Феодосии, в Коктебель. Мне кажется, что его влекла туда встреча с Д., молодой девушкой, судьба которой впоследствии была так необычна. С первых же дней Гумилев понял, что приехал напрасно: у Д. началась как раз в это время ее удивительная и короткая полоса жизни, сделавшая из нее одну из самых фантастических и печальных фигур в русской литературе. <...>

Гумилев с иронией встретил любовную неудачу: в продолжение недели он занимался ловлей тарантулов. Его карманы были набиты пауками, посаженными в спичечные коробки. Он устраивал бои тарантулов. К нему было страшно подойти. Затем он заперся у себя в чердачной комнате дачи и написал замечательную, столь прославленную впоследствии поэму "Капитаны". После этого он выпустил пауков и уехал» (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 40).

...Гюнтер добился от нее... признаний. – В своих воспоминаниях Гюнтер так рассказывает о сближении с Дмитриевой: «Был прохладный октябрьский вечер. Наша прогулка оказалась длительной. Она рассказывала мне о своей жизни, я, собственно, не знаю почему. Она рассказала, что гостила у Максимилиана Волошина в Коктебеле в Крыму и долго жила в его уютном доме. "А! – думал я. – Значит, она была возлюбленной Макса". Я немного пошутил по поводу антропософского увлечения Волошина Рудольфом Штейнером, который преимущественно проявлял интерес к пожилым состоятельным дамам. К этому она отнеслась холодно и призналась мне, что летом познакомилась у Волошина с поэтом Гумилевым. В ее голосе звучало что-то вроде жалобы. Я стал внимательней. Значит, что-то произошло тогда между ней и Гумилевым...

Вдруг мне пришла в голову идея.

– А-а, теперь вы издеваетесь над Черубиной де Габриак, потому что ваши приятели, Макс и Гумми, влюбились в эту испанку?

Она остановилась. Пораженный, я смотрел, как она тяжело дышит. Она повернула ко мне голову, бросила взгляд, тяжелый до жути...

– Я хочу Вам что-то сказать, но Вы должны навсегда сохранить эту тайну. Обещаете?

В такие минуты обещания дают иногда слишком поспешно. Возлюбленная Макса и Гумми... Любопытство? Сочувствие? Сколько порой мы даем обещаний! <...>

Она отступила, решительно подняла голову – угрожающий взгляд. И вот она бросила почти жестоко:

– Черубина де Габриак – это я...

Я холодно усмехнулся. Она повторила:

– Я могу доказать это. Вы ведь знаете, что Черубина ежедневно в послеобеденные часы звонит по телефону в редакцию для беседы с Сергеем Константиновичем.

– Это знает каждый.

– Завтра я ему позвоню и спрошу о Вас. Этого достаточно?..

На следующий день в пять часов в редакции зазвонил телефон. Взволнованный Маковский поднял трубку. Это была она...» (*Guenther Johannes von.* Ein Leben im Ostwind. Zwischen Petersburg und München: Biederstein Verlag, 1969. S. 288–289. Перевод Е.А. Миллиор).

Головин в это время писал портреты поэтов... – В воспоминаниях «Встречи и впечатления...» (Л.; М.: Искусство, 1960. С. 100) А.Я. Головин упоминает второе собрание сотрудников «Аполлона», которое «ознаменовалось ссорой двух поэтов». Инцидент произошел 19 нояб. 1909 (см. письмо А. Блока к матери, написанное в этот

день // Письма Александра Блока к родным. Л.: Academia, 1927. <Т. I>. С. 286).

...Гумилев, большой специалист... – Еще 30 окт. 1906 Гумилев писал Брюсову о том, что у него есть план статьи на тему «Защита чести» – «эстетическое обоснование поединков всякого рода» (Литературное наследство. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. М.: Наука, 1994. Кн. 2. С. 416 / Публ. Р.Л. Щербакова).

«Звук пощечины – действительно мокрый». – См. примеч. на с. 643 наст. тома.

Он ответил «Понял». – Вопрос Волошина и ответ Гумилева зафиксированы в анонимной заметке («От наших корреспондентов») «Эпидемия дуэлей» (Русское Слово. 1909. № 269, 24 нояб. С. 4): «Гумилев резко и несправедливо отозвался об одной девушке, знакомой Волошина. Волошин подошел к нему, дал ему пощечину и спросил:

– Вы поняли?

– Да, – ответил тот».

Волошин написал дополнение-вставку для машинописного текста его рассказа о Черубине, который записала Шанько, обозначив, вероятно, номер страницы: 29 V.

Печатается по рукописи (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 364, л. 9–9 об.):

«Я увидел Алекс<андра> Яков<левича> Головина, добрейшего, пленительнейшего, немного растерянного, который шел ко мне с немного спутанной прической, падавшей на лоб.

Я сделал к нему несколько шагов: "Алекс<андр> Яков<левич>, ради Бога простите меня, что я вынужден был у Вас..." – Мак<симилиан> Алек<сандрович>, пожалуйста, если Вам как-нибудь еще понадобится...

Я понял, что когда мне кого<-нибудь> понадобится в жизни еще раз бить, то его мастерская к моим услугам. Явно он был так растерян, что совсем не сознавал смысла св<о>их слов.

Следующим, с кем я столкнулся, был Papa Mako. Он мне сказал очень корректно: "У вас, конечно, будет дуэль... Вы знаете, я даже рад этому инциде<н>ту. Это по к<р>айней мере научит злых журналистов, которые стали слишком вольно писать об Аполлоне, некоторой сдержанности. Года 3 назад у меня был такой же инцидент с моим приятелем. Мы дрались. Я прострелил ему ногу".

Следующим, с кем я встретился, был Вяч. Иванов. Он тоже был растерян и шел ко мне с протянутой рукой и расширенными глазами.

"Макс, я конечно узнаю твой характер... но взвесил ли ты, насколько слова г-на В., сказанные о г-же Н., были правдой или

выдумкой". – Он был явно сбит с толку. Этот удивительно умный и тактичный человек в первый момент совершенно растерялся, не зная, какой взять тон, но памятуя правило "Дуэльного Кодекса" о том, что обменявшись оскорблениями, сразу забывают имена друг друга и говоря друг с другом называют друг друга – алгебраически: г-н А и г-н Б.

Он, совершенно растерявшись, перенес это же правило поведения на частный разговор. Так что я ему ответил: "Вячеслав, мне кажется, что наше дело вовсе не в том, чтобы проверять слова Гумилева. Если он говорил правду, то его поведение вовсе не облегчается, а, напротив, становится еще хуже"».

Слова г-на В., сказанные о г-же Н. – Т. е. слова Гумилева, сказанные Дмитриевой.

Дуэльный Кодекс. – До начала XX в. в России существовало «Уложение о поединках», а «Правила о поединках» были изданы только в 1894 и утверждены приказом по военному ведомству. В 1908 вышло второе издание Кодекса: *Дурасов В.* Дуэльный кодекс. СПб.: [Тип. «Сириус»], 1908. В наше время переиздан в качестве приложения к кн.: *Кобринский А.* Дуэльные истории Серебряного века: Поединки поэтов как факт литературной жизни. СПб.: Вита Нова, 2007.

Секунданты предложили нам подать друг другу руки, но мы отказались. – Подробнее описал дуэль А.Н. Толстой: «Весь следующий день между секундантами шли отчаянные переговоры. Гумилев предъявил требование стреляться в пяти шагах до смерти одного из противников. Он не шутил. Для него, конечно, изо всей этой путаницы, мистификации и лжи не было иного выхода, кроме смерти.

С большим трудом, под утро, секундантам В<олошина> – кн. Шервашидзе и мне удалось уговорить секундантов Гумилева – Зноско-Боровского и М. Кузмина – стреляться на пятнадцати шагах. Но надо было уломать Гумилева. На это был потрачен еще день. Наконец, на рассвете третьего дня, наш автомобиль выехал за город по направлению к Новой Деревне. Дул мокрый морской ветер, и вдоль дороги свистели и мотались голые вербы. За городом мы нагнали автомобиль противников, застрявший в снегу. Мы позвали дворников с лопатами, и все, общими усилиями, выставили машину из сугроба. Гумилев, спокойный и серьезный, заложив руки в карманы, следил за нашей работой, стоя в стороне.

Выехав за город, мы оставили на дороге автомобили и пошли на голое поле, где были свалки, занесенные снегом. Противники стояли поодаль, мы совещались, меня выбрали распорядителем дуэли. Когда я стал отсчитывать шаги, Гумилев, внимательно следивший за мной, просил мне передать, что я шагаю слишком широко. Я снова отмерил пятнадцать шагов, просил противников встать на

места и начал заряжать пистолеты. Пыжей не оказалось, я разорвал платок и забил его вместо пыжей, Гумилеву я понес пистолет первому. Он стоял на кочке, длинным, черным силуэтом различимый в мгле рассвета. На нем был цилиндр и сюртук, шубу он сбросил на снег. Подбегая к нему, я провалился по пояс в яму с талой водой. Он спокойно выжидал, когда я выберусь, – взял пистолет, и тогда только я заметил, что он, не отрываясь, с ледяной ненавистью глядит на В., стоявшего, расставив ноги, без шапки.

Передав второй пистолет В., я по правилам в последний раз предложил мириться. Но Гумилев перебил меня, сказав глухо и недовольно: "Я приехал драться, а не мириться". Тогда я просил приготовиться и начал громко считать: раз, два... (Кузмин, не в силах стоять, сел в снег и заслонился цинковым хирургическим ящиком, чтобы не видеть ужасов) ... – три! – крикнул я. У Гумилева блеснул красноватый свет и раздался выстрел. Прошло несколько секунд. Второго выстрела не последовало. Тогда Гумилев крикнул с бешенством: "Я требую, чтобы этот господин стрелял". В. проговорил в волнении: "У меня была осечка". – "Пускай он стреляет во второй раз, – крикнул опять Гумилев, – я требую этого..." В. поднял пистолет, и я слышал, как щелкнул курок, но выстрела не было. Я подбежал к нему, выдернул у него из дрожавшей руки пистолет и, целя в снег, выстрелил. Гашеткой мне ободрало палец. Гумилев продолжал неподвижно стоять: "Я требую третьего выстрела", – упрямо проговорил он. Мы начали совещаться и отказали. Гумилев поднял шубу, перекинул ее через руку и пошел к автомобилям» (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 41–43).

Согласно газетным отчетам (Новая Русь. 1909. 23 нояб. и др.), дуэль состоялась 22 ноября и расстояние между противниками было 20 шагов. Позже в «Известиях по литературе книжных магазинов Вольфа» (1910. № 11. Стб. 175) двадцать второе ноября превратилось в двадцать девятое, и эта ошибочная дата перекочевала в другие, еще более поздние, статьи. Окружной суд приговорил дуэлянтов к домашнему аресту: Гумилева – на семь дней, Волошина – на один. В 1913 Волошин написал Ю.Л. Оболенской: «У меня на руке есть очень ярко выраженная линия возможной смерти от огнестрельного оружия. Когда у меня была дуэль, я знал, что это легко может осуществиться, и никогда я не чувствовал такой полноты бытия, такого подъема любви ко всему и ко всем, такой радужной радости, как в те два дня» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 82, л. 6).

...Гумилев торопился уходить. – Последняя встреча Волошина и Гумилева, которая состоялась летом 1921 в Феодосии, описана Волошиным подробно 30 марта 1932 (см. в наст. томе с. 380–381).

<НАБРОСКИ ДЛЯ ВОСПОМИНАНИЙ О Е.И. ДМИТРИЕВОЙ>

1920-е

Фрагменты <1>–<3> печатаются по рукописи (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 364, л. 3–4, 5–5 об., 7). Тексты написаны чернилами и карандашом, судя по почерку – с большими интервалами по времени.

1931

Публикуется по рукописи (ДМВ, А. 729, л. 1 – 7 об.). Этот рассказ Волошин начал диктовать М.С. Волошиной в январе 1931. Со слов «Для того, чтобы не путаться в целом ряде созданных нами лиц...» (л. 6) стал писать самостоятельно.

<КОКТЕБЕЛЬСКИЕ ИСТОРИИ, ЗАПИСАННЫЕ М.С. ВОЛОШИНОЙ>

Печатается по кн.: *Мария Степановна Волошина.* О Максе. О Коктебеле. О себе. Воспоминания. Письма. Феодосия; М.: Издательский дом «Коктебель», 2003. С. 148–149.

...увидел на пляже... столб с надписью... – История с пляжными столбами началась в Коктебеле в августе 1913. Рассказ Волошина о ней записали также В. Рождественский, В. Опалов: см. коммент. на с. 659–661 наст. тома. Инцидент был изложен в печати (Южные Ведомости (Симферополь). 1914. 1 июля).

...у нас нет полиции... кто же нас будет арестовывать? – Сверху приписка-вариант: «На нас протокол составлять».

Ее муж, вице-губернатор... – Вице-губернатором Таврической губернии в 1913 был Н.Н. Лавриновский.

...вице-губернатор... оставался у нас в доме по нескольку часов.... – Скорее всего, речь здесь идет не о вице-губернаторе (чей приезд даже в Феодосию бывал редким, отмечаемым в газетной хронике, событием), а о феодосийском предводителе дворянства В.А. Княжевиче, который действительно был с Волошиным в дружеских отношениях. Жена Княжевича была актрисой.

<РАССКАЗ М.А.ВОЛОШИНА, ЗАПИСАННЫЙ В.А. РОЖДЕСТВЕНСКИМ>

Печатается по кн.: *Рождественский В.А.* Страницы жизни. М.: Современник, 1974. С. 381–384. Публикуемый текст предваряют такие слова: «Неистощимы были рассказы Волошина, когда они

касались каких-либо случаев, где судьба сталкивала его с бюрократической или просто обывательской пошлостью. Он повествовал об этом с обычным добродушием, изредка окрашивая свою фразу оттенком легкой, как бы недоумевающей иронии. А поводов к таким столкновениям с дореволюционными властями было много, потому что стороннему наблюдателю казался Волошин человеком чудаковатым и малопонятным. Для местной феодосийской полиции, издали следившей за необычайно упрощенным складом его жизни, он все время оставался неразрешимой загадкой. Кто был этот странный человек, всю жизнь занимающийся писанием непонятных, но звонких стихов, бродящий пешком по всем закоулкам Восточного Крыма с ящичком акварельных красок за спиной и пастушеской палкой в руке? И лето и зиму жил он на диком побережье, принимал у себя в доме съезжающихся к нему литераторов и художников и не брал с них ни копейки в самый разгар курортного сезона. Поистине здесь было над чем задуматься феодосийскому исправнику» (Там же, С. 380).

Поэт Всеволод Александрович Рождественский впервые побывал у Волошина в 1927 и до 1934 приезжал в Коктебель (иногда только на несколько дней) каждое лето, а в зимнем Ленинграде вспоминал их совместные прогулки, беседы о стихах, «все-успокаивающее море». Неутомимый путешественник, Рождественский был связан с Крымом глубоко и сердечно, считал его особым местом на земле, а Карадаг – самым пленительным из крымских воспоминаний. Постоянно возвращаясь к теме Киммерии, он создал более десяти стихотворений, посвященных ей. В книге воспоминаний «Страницы жизни», изданной сначала в 1962, а затем в 1974, Рождественский посвятил Волошину и Коктебелю главу, которую так и назвал: «Коктебель (М.А. Волошин)».

Рассказ Волошина с изложением истории французской авантюристки XVIII в. Жанны де Ламотт (известной, в частности, по роману Александра Дюма «Ожерелье королевы», 1851) лег в основу 4-й части («Королевская лилия») повествовательного цикла Вс. Рождественского «Коктебельские камешки»; автор указал, что «Королевская лилия» – «запись устного рассказа самого М.А. Волошина» (см.: Аврора. 1974. № 9. С. 61–63).

«Общество дачного благоустройства». – Официальное название – «Общество курортного благоустройства». Возникло в сентябре 1911. Об этом сообщала газета «Крымский курортный листок» (1911. № 62. С. 1–2) в статье без подписи «Курортное благоустройство Коктебеля». Крымские газеты регулярно писали о деятельности это-

го общества. В воспоминаниях И.М. Басалаева есть такой рассказ, записанный со слов Волошина: «Только что образовалось общество благоустройства. Но каждое уважающее себя человеческое поселение считает долгом иметь своего блюстителя правопорядка. И вот, ради общественного спокойствия решили завести городового. Обратились в высокие инстанции, и городовой был прислан. Однако было забыто одно небольшое, но немаловажное обстоятельство: городовой, естественно, совмещал и обязанности шпика, о чем, пока он свой досуг посвящал рыбной ловле, добропорядочные устроители местечка не догадывались. <...> Мать Волошина – женщина независимая и деспотическая, считавшая себя коктебельской "хозяйкой", открыто возмутилась – шпик на службе общества благоустройства!» (*Иннокентий Басалаев.* Записки для себя // Минувшее. Исторический альманах. 19. М.; СПб.: Athеneum; Феникс, 1996. С. 397–398 / Публ. Е.М. Царенковой).

...купается дельфин... – Неточная цитата из песни «От жизненных тревог себя укрыв...», которую сочинила и спела под аккомпанемент мужа В. Инбер в день именин Волошина 13 июня 1927. Вот окончание последнего куплета:

И все созданья
Сегодня тут
Вам пожеланья свои несут.
И человек, и зверь, и птица, и дельфин,
Без разделения на женщин и мужчин.

(ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1483).

Были вбиты столбы с пояснительными дощечками... – Летом 1913 газета «Крымский курортный листок» сообщила в разделе «Хроника»: «В *Коктебели.* На собрании общества курортного благоустройства, бывшем на днях, решено, между прочим, разделить берег на пять частей: две части для дам, две – для мужчин и одна – для купанья лошадей. Везде будут поставлены столбы с надписью "для дам" или "для мужчин". Разделение берега вызвано требованием исправника, нашедшего нынешний порядок – подрывом основных начал приличия и нравственности» (1913. № 33. 24 июля. С. 2).

Как некогда Иван Иванович Перерепенко... – Персонаж «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н.В. Гоголя.

Был послан донос исправнику... – Исправник – высшая полицейская власть в уезде. Эту должность исполнял Михаил Солодилов.

...краткий, но весьма вежливый ответ... – Летом 1914 две газеты почти одновременно опубликовали этот ответ Волошина. 1 июля га-

зета «Южные Ведомости» напечатала его в статье без подписи «Приключение поэта М. Волошина»: «Против моей дачи, на берегу моря, действительно, был самовольно поставлен о<бщест>вом курортного благоустройства во время моего отсутствия столб с надписью “для мужчин” и “для женщин”. “Самовольно” потому, что приморская полоса принадлежит не обществу, а г.г. Юнге, не давшим на это разрешение; а с другой стороны, распоряжения общества, членом которого я не имею честь состоять, не могут распространяться на ту часть берега, которая находится в сфере пользования моей дачи. Не трогая самого столба, я счел необходимым замазать ту неприличную надпись, которой он был украшен, Т.к. я думаю, вам известно, что данная формула имеет определенное и недвусмысленное значение и пишется только на известных местах. Поступая так, я действовал так, как если бы на заборе, хотя и чужом, но находящемся против моих окон были написаны неприличные слова.

Кроме того, считаю нужным сообщить г. исправнику, что зовут меня Максимилианом Александровичем Кириенко-Волошиным, а имя Макс (как обозначено в протоколе) является именем уменьшительным и ласкательным, так что употреблять его в официальных отношениях не подобает. С полным уважением Максимилиан Кириенко-Волошин. Коктебель» (№ 137. С. 3). В «Биржевых Ведомостях» это письмо было опубликовано с разночтениями (по вине переписчиков или журналистов) 2 июля также в статье без подписи «М. Волошин и исправник» (Веч. вып. С. 5).

Между тем разыгрались и дальнейшие события... – Волошин рассказывал эту историю своим друзьям многократно, и она, то ли в устах рассказчика, то ли в воображении слушателей, приобретала различные занимательные детали. Например, И.М. Басалаев пишет в «Записках для себя» про киевскую вице-губернаторшу: «...Она пошла купаться и выбрала самое дальнее местечко, не заметив коварной надписи “Для коров”. Дотошный исправник, желая выслужиться, был тут как тут – стал “во фрунт” и, пренебрегая видом снимаемых кружевных деталей дамского туалета, попросил ее превосходительство переменить место, а его непреклонная рука доброжелательно указала на свежую надпись. Высокая дама обиделась. Был скандал» (Минувшее. 19. С. 398–399). Журналист В. Опалов также записал рассказы Волошина и опубликовал их в очерке «У Максимилиана Волошина в Коктебеле»: «Я помню те “блаженные времена” из истории Коктебеля, когда этим пляжем пользовались все живые твари: люди, ослы, собаки и лошади без всякой регламентации. Каждый выбирал себе место сообразно своему желанию.

Но это было в “доисторический период”; потом началась история, первая глава которой раскрывается протоколом местного общества благоустройства о необходимости иметь в Коктебеле городового. Отцы поселка рассудили так: вдруг напьемся, подеремся и... протокола некому будет составить. Петиция коктебельцев пошла к исправнику, который ответил: “городовой вам не положен по штату, но на стражнике можно помириться”. Коктебельцы были обескуражены таким ответом и решили обходиться без протоколирования членовредительских действий.

Вторым актом общества благоустройства было водворение порядка и правил приличия на пляже, вся площадь которого была разбита на участки и на кольях вывешены надписи: “для мужчин”, “для женщин”. Каждый знает, какой смысл таится в этих надписях. Я взял краски и замазал надписи. От общества благоустройства к исправнику пошла бумага: “декадент Волошин начинает проявлять хулиганские поступки”» (Красный Крым. 1929. № 140. 23 июня).

...пожелала посетить супруга Таврического губернатора. – Таврическим губернатором с 14 нояб. 1914 был Н.А. Княжевич, до него исполнял должность Н.Н. Лавриновский.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М.А. ВОЛОШИНА, УПОМЯНУТЫХ В НАСТОЯЩЕМ ТОМЕ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

Заказ 3692

Заказ 3692

Заказ 3692

Заказ 3692

Заказ 3692

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Заказ 3692

СОДЕРЖАНИЕ

ДНЕВНИКИ

АВТОБИОГРАФИИ

АНКЕТЫ

ВОСПОМИНАНИЯ

I

II

В оформлении суперобложки
использована акварель
М. Волошина «Коктебельский вид». 1925 г.

Под общ. ред. В.П. Купченко и А.В. Лаврова
при участии Р.П. Хрулевой

Волошин, М.А.

В68 **Собрание сочинений.** Т. 7, кн. 2. Дневники 1891–1932. Автобиографии. Анкеты. Воспоминания / Максимилиан Волошин; сост., подгот. текста, коммент. В.П. Купченко, Р.П. Хрулевой, К.М. Азадовского, А.В. Лаврова, Р.Д. Тименчика. – М.: Эллис Лак, 2008. – 768 с.

ISBN 5-902152-47-7 (т. 7, кн. 2)
ISBN 5-902152-05-4

Предлагаемый читателям том включает дневники, автобиографии и мемуарные тексты 1900–1932 гг.

Для настоящего издания все тексты заново сверены с источниками; обнаруженные в предыдущих публикациях искажения устранены.

ББК 84(2Рос-Рус)-4
УДК 821.161.1-95

Максимилиан Александрович Волошин

Собрание сочинений
под общей редакцией
В.П. Купченко и А.В. Лаврова
при участии Р.П. Хрулевой

Том седьмой, книга вторая

Дневники 1891–1932
Автобиографии
Анкеты
Воспоминания

Редактор
Н.П. Ходюшина

Художественный редактор
В.Н. Сергутин

Корректор
Е.И. Коротаева

Верстка
А.Б. Метелкин

Подписано в печать 04.11.2008
Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная.
Печ. л. 24. Тираж 2500 экз.
Заказ № 3692

ЛР № 01716 от 05.05.2000

Издательство «Эллис Лак 2000»
123242, Москва, Красная Пресня, д. 6/2, к. 16
Тел. (495) 605-37-97. Факс: (495) 605-89-47
http://www.ellisluck.ru
e-mail: ellisluck2000@mail.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов
в ГУП РМ «Республиканская типография «Красный Октя
430000, Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а